Г. КУМАНЕВ

ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

60-летию Великой Победы посвящается

Г. КУМАНЕВ

ГОВОРЯТ СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

СМОЛЕНСК
«РУСИЧ»
2005

УДК 93/99 ББК 63.3
(2 Рос) К 88

Куманев Г. А.
К 88 Говорят сталинские наркомы. — Смоленск: Русич, 2005. — 632 с. ил.
ISBN 5-8138-0660-1 **Основу книги составили записи, интервью и беседы автора, известного российского историка, с государственными и политическими деятелями, руководителями различных отраслей народного хозяйства СССР, возглавлявшими народные комиссариаты в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.**

Их свидетельства обогащают наше представление о важнейших событиях военных лет, дают возможность лучше понять, каким образом закладывался экономический фундамент Великой Победы.

УДК 93/99 ББК 63.3
(2 Рос)

ISBN 5-8138-0660-1

© Текст. Куманев Г. А., 2005
© Оформление. «Русич», 2005

Павшим и живым творцам Великой Победы над фашизмом к ее 60-летию посвящается

От автора

Настоящая книга «Говорят сталинские наркомы» продолжает намеченную автором серию «Встречи, беседы, интервью, документы». Первой публикацией из этой серии явилась монография «Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства», опубликованная в 1999 г. в Москве издательством «Былина» (1-е издание) и в 2001 г. в Смоленске издательством «Русич» (2-е издание). В нее вошли авторские очерки, записи интервью и бесед с четырнадцатью советскими политическими, государственными и военными деятелями периода Великой Отечественной войны, а также их письменные ответы на мои вопросы.

Позволю себе с удовлетворением отметить, что интерес к книге «Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства» оказался довольно значительным. Об этом говорят не только высокие оценки работы в опубликованных журнальных и газетных рецензиях и сравнительно быстрое исчезновение двух тиражей издания (8000 экз.) с прилавков книжных магазинов, но и тот факт, что Международная ассоциация писателей баталистов и маринистов удостоила автора монографии литературной премии и золотой медали имени Константина Симонова.

В предисловии к книге «Рядом со Сталиным» автор уже отмечал несомненную ценность свидетельств очевидцев и участников описываемых событий в качестве исторических источников. Ведь они нередко являются даже единственным в своем роде доказательством или подтверждением того или иного факта, события, явления.

Особый интерес вызывают воспоминания тех, кто был в высших эшелонах страны, занимая руководящие посты в государственных, партийных и военных органах. Частично свидетельства ряда видных государственных и политических деятелей СССР военных лет нами были также использованы и введены в научный оборот в книге «Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941— 1945 гг.», которую выпустило в свет в 2000 г. издательство «Русское слово». Ее автор получил Почетный диплом 1-й степени «Золотое перо Московии» Союза писателей России.

Основное содержание настоящей монографии «Говорят сталинские наркомы» помимо вступительной главы «Слово о военной экономике СССР 1941—1945 гг. и ее командирах» составили авторские очерки, записи бесед, ряд неопубликованных документов, фрагменты воспоминаний, устные и письменные интервью с шестнадцатью руководителями советского тыла, военного хозяйства СССР периода Великой Отечественной войны. Это заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны В- М. Молотов, члены Государственного Комитета Обороны А. И. Микоян, Л. М. Каганович, заместитель Председателя СНК СССР М. Г. Первухин (Наркомат химической промышленности), маршал войск связи И. Т. Пере- сыпкин (Наркомат связи), А. И. Шахурин (Наркомат авиационной промышленности), А. В. Хрулев (Тыл Красной Армии НКПС), П. Н. Горемыкин (Наркомат боеприпасов), И. В. Ковалев (ЦУП ВОСО, НКПС), И. А. Бенедиктов (Наркомат земледелия), Д. Г. Жимерин (Наркомат электростанций), С. 3. Гинзбург (Наркомат по строительству), Я. Е. Чадаев (Управление делами и секретариат СНК СССР), В. Н. НОВИКОВ (Наркомат вооружения), В. С. Емельянов (Комитет стандартов при СНК СССР), Н. К. Байбаков (Наркомат нефтяной промышленности).

Встречи с ними проходили в разной обстановке, преимущественно на квартирах и дачах моих собеседников, а также в официальных учреждениях, т. е. по месту нашей работы и службы. Их ответы на интересовавшие меня вопросы были довольно откровенными, искренними, тем более что беседы и записи этих бесед проводились не во время нашего первого знакомства, а после нескольких встреч. С некоторыми мнениями и оценками наркомов военных лет можно, конечно, не согласиться, поставить под сомнение, поспорить. Но представляется весьма важным тот факт, что читатель получает возможность ознакомиться с подлинными, а не профильтрованными где-то суждениями по затронутым проблемам со стороны ряда руководителей Советского государства 1941—1945 гг.

По разным причинам в книгу не вошли записи бесед и интервью с Д. Ф. Устиновым (Наркомат вооружения), Г. М. Орловым (Наркомат целлюлозной и бумажной промышленности), 3. А. Шашковым (Наркомат речного флота), П. Ф. Ломако (Наркомат цветной металлургии), А. А. Гореглядом (Наркомат танковой промышленности), С. В. Кафтановым (Комитет по делам высшей школы при СНК СССР), А. А. Ишковым (Наркомат рыбной промышленности), П. П. Лобановым (Наркомат зерновых и животноводческих совхозов), Д. В. Павловым (Наркомат пищевой промышленности и торговли), Д. Г. Оникой (Наркомат угольной промышленности), В. С. Бычковым (Наркомат черной металлургии), Ю. Е. Максаревым (Наркомат танковой промышленности) и др. Эти материалы могут составить основу будущей книги.

Автор надеется, что настоящее издание поможет читателям полу-

чить более полное представление о многих драматических и героических событиях военного времени, о том, как вместе с рядовыми тружениками тыла руководители советской военной экономики обеспечивали Великую Победу над врагом в суровые годы Великой Отечественной войны.

* * *

Автор выражает глубкую признательность Маршалу Советского Союза, Герою Советского Союза В. Г. Куликову, маршалу авиации, дважды Герою Советского Союза А. Н. Ефимову, академику РАН Г. Н. Севостьянову, Герою Советского Союза, писателю В. В. Карпову, генерал-майору, академику РАЕН В. А. Золотареву, коллективу Центра военной истории России Института российской истории РАН за ценные советы и рекомендации, высказанные при подготовке книги к печати.

Вступительная глава

СЛОВО О ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ СССР 1941-1945 гг. И ЕЕ КОМАНДИРАХ

Великая Отечественная война убедительно продемонстрировала, что исход многих крупных сражений и в целом вооруженного противоборства государств был самым тесным образом связан с состоянием и возможностями их экономики. Хотя поражение или достижение победы в той или иной операции во многом зависело и от других факторов, успеха, как правило, добивались армии, оснащенные современными средствами вооруженной борьбы и опиравшиеся на достаточно мощный и надежный военно-экономический потенциал.

В этом плане представляется весьма поучительным опыт мобилизации и функционирования в 1941-1945 гг. планового народного хозяйства СССР. В экстремальных военных условиях оно проявило поистине неисчерпаемые потенциальные возможности и такие высокие качества, как живучесть, эффективность, мобильность и маневренность. Если же говорить о человеческом факторе, то необходимо подчеркнуть, что 1941-1945 гг. стали временем смелых и оригинальных производственно-технических решений, небывалого подъема творческой мысли тружеников советского тыла. Смертельная угроза, нависшая над страной и интересы защиты родного Отечества потребовали от них громадного напряжения всех физических и духовных сил, значительного роста производительности труда, повышения оперативности, организованности в работе.

Но усилия миллионов советских людей по созданию превосходства над врагом в средствах вооруженной борьбы: в металле и хлебе, топливе и сырье, в массовом выпуске высококачественной военной продукции - не имели бы желаемых результатов без достаточно компетентного руководства со стороны власти, стоявшей во главе Советского государства.

Ведь от нее требовалось с самого начала фашистской агрессии не только определить и четко сформулировать первоочередные военно-хозяйственные задачи по достойному отпору врагу, которые встали перед страной и народом. Необходимо было через государственные и партийные органы довести их до сознания каждого

советского человека, а затем строго и неуклонно претворять в жизнь. От глубоко продуманных программных и конкретных решений высшего звена политических, военных и хозяйственных руководителей СССР во многом зависел как ход военных действий на полях битв и сражений, так и последовательный рост й укрепление советского тыла, его экономики.

И если мы зададимся вопросом, какова же была, к примеру, компетентность в военно-хозяйственной области членов Советского правительства во главе с И. В. Сталиным, то многочисленные факты и документы свидетельствуют в целом о высоком уровне этой компетентности.

К началу Великой Отечественной войны в стране действовало 43 общесоюзных и союзно-республиканских народных комиссариатов. К концу войны их число увеличилось на один наркомат. Посты наркомов за военные годы занимало 60 человек. Сравнительно небольшой процент их сменяемости и обновления (в основном по болезни и смерти) с учетом невиданно тяжелой четырехлетней войны говорит сам за себя. Более 2/3 наркомов достойно выдержали все неимоверные тяготы и испытания, а также выпавший на них огромный груз ответственности.

Качественный состав народных комиссаров военных лет, занимавшихся производством (они нас интересуют в первую очередь), в целом отвечал задачам и требованиям экстремальной обстановки. Допуская отдельные (иной раз даже неизбежные в тех чрезвычайных условиях) упущения и промахи, они овладевали умением учиться на ошибках, быстро их устранять и не допускать впредь. Значительная часть из тех, кто в предвоенные годы совсем молодыми были выдвинуты на руководящие правительственные посты, как правило, проходили в предшествующее время все ступени на предприятиях от простого рабочего или инженера до наркома. Получая при этом необходимое образование, они вырастали на благодатной производственной почве (а не из теоретических или хозяйственно-экономических журналов, как бывает сегодня), формируясь в крупных знатоков, больших специалистов своего дела.

То же можно сказать и о многих заместителях наркомов, начальников главков, железных дорог, шахт, нефтепромыслов и о других руководителях промышленных предприятий, проявивших себя в 1941— 1945 гг. в качестве опытных и умелых командиров тыла.

В целом на высоте оказались и работники государственных плановых органов. В невероятно сложной атмосфере, не располагая достаточным временем, они сумели удивительно быстро восполнить зияющий пробел, а именно: отсутствие заблаговременно разработанных четких, конкретных и главное реальных планов перестройки народного хозяйства СССР на военный лад, включая и эвакуационные планы. Его последующее развитие и превращение в мощное военное хозяйство, несмотря на огромные потери и труд

ности первых военных месяцев, шло весьма планомерно и целеустремленно.

Что касается более конкретной оценки Сталина как главного организатора военной экономики СССР, то во время одной из встреч (13 июня 1984 г.) с Молотовым Вячеслав Михайлович так ответил на этот мой вопрос: «Всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин. Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством как Председателя ГКО и правительства. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу».

Можно, конечно, усомниться в убедительности этих слов, предъявив их автору претензии в пристрастии и необъективности. Но ведь подобную высокую оценку военно-хозяйственных знаний и действий вождя дали мне и такие видные и авторитетные руководители советской экономики — наркомы военных лет, как А. И. Микоян, М. Г. Первухин, А. И. Шахурин, Д. Ф. Устинов, А. В. Хрулев, Д. Г. Жи- мерин, 3. А. Шашков, П. Н. Горемыкин, П. Ф. Ломако, Н. К. Байбаков, Г. М. Орлов, С. 3. Гинзбург, А. А Ишков, П. П. Лобанов, И. А. Бенедиктов, И. В. Ковалев и другие. Причем встречи и беседы с ними происходили спустя 15—20 лет и более после кончины Сталина. И хотя некоторые из них в свое время испытали на себе сталинскую несправедливость, его оценка у всех оказалась единодушной. И, думается, прежде всего потому, что она основывалась на результатах того, что смогла дать фронту под руководством Председателя ГКО и правительства советская военная экономика, с каким уровнем она встретила войну и с какими конечными итогами пришла к Великой Победе в мае сорок пятого...

* * *

Основы этой, не только военной, но и экономической победы были заложены еще в годы довоенных пятилеток, когда советский народ, возглавляемый партией коммунистов, упорно трудился по воплощению в жизнь планов социалистического переустройства общества. Необходимо было в невиданно короткие сроки преодолеть унаследованную от дореволюционной России ее экономическую отсталость и превратить страну в современную индустриальную, экономически независимую державу.

Что же было сделано в довоенные годы? Вкратце остановимся на этом. Процесс реализации всех грандиозных планов осуществлялся тогда в чрезвычайно трудной и противоречивой обстановке, когда в строительстве нового общества наряду с большими преобразованиями в материальной и духовной жизни народа происходили серьезные деформации, усиливалась тоталитарная система, нанесшая немалый ущерб Советскому государству, идеалам социализма.

В условиях возрастания угрозы фашистского нападения на СССР

и возникновения новой мировой войны большие усилия сосредоточивались на максимальном развитии промышленности, прежде всего тяжелой индустрии, за счет существенного ограничения фондов потребления.

Советский Союз представлял собой огромную строительную площадку. В течение довоенных пятилеток в стране было сооружено и введено в действие 9 тыс. крупных предприятий, в том числе за первые годы третьей пятилетки — около 3 тыс.[1]

Производство средств производства по сравнению с 1913 г. увеличилось в 13,4 раза[2]. Получили развитие качественная металлургия и точное машиностроение. Валовая продукция всей промышленности СССР в 1940 г. превышала уровень промышленного производства Советской России в 1920 г. в 38 раз, а продукция машиностроения и металлообработки — даже в 512 раз[3]. Значительные усилия были предприняты по созданию и размещению в восточных районах СССР заводов-дублеров.

На базе индустриализации страны удалось создать оборонную промышленность, которая по темпам роста валовой продукции опережала другие отрасли индустрии. Если за три года третьей пятилетки (1938—1940 гг.) ежегодный прирост продукции всей промышленности СССР составлял в среднем 13%, то оборонной — 39%. Такое форсированное развитие военного производства диктовалось необходимостью всемерного повышения обороноспособности СССР в условиях возраставшей угрозы гитлеровской агрессии[4].

Были построены и оснащены передовой техникой авиационные и танковые заводы, крупные предприятия по производству артиллерийских орудий и стрелкового вооружения, реконструированы старые военные заводы. Все это позволило существенно увеличить производство различных видов боевой техники. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала Красной Армии 17745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. Военно-Морскому Флоту были переданы десятки новых современных кораблей[5].

Однако перевооружение Красной Армии не было полностью завершено. По оснащению советских войск некоторыми важными видами вооружения и боевой техники они отставали от германского вермахта. Серийное производство новых типов танков и самолетов только начиналось. Устранять эти недостатки пришлось уже в ходе смертельного поединка с агрессором.

Много было сделано во время пятилеток и в области технической реконструкции советского транспорта. Ускоренными темпами велось сооружение новых магистралей и оснащение их современной техникой. Грузооборот всех основных видов транспорта СССР заметно возрос. К июню 1941 г. вагонный парк советских железных дорог был способен одновременно поднять в 2,5 раза больше груза, чем вагонный парк царской России накануне Первой мировой

войны, а локомотивы могли перевезти эту возросшую массу грузов в полтора с лишним раза быстрее, чем раньше[6].

Важные изменения произошли в сельском хозяйстве. Хотя при переводе крестьянских хозяйств на коллективные рельсы были допущены серьезные отступления от ленинских идей кооперирования, все же в целом коллективизация в укреплении позиций социализма в деревне являлась поворотом принципиального значения. Сельское хозяйство СССР стало многоотраслевым, более продуктивным и механизированным. В предвоенные годы государственные заготовки увеличились в 2,5 раза по сравнению с доколхозной деревней[7].

Большое оборонно-экономическое значение имело создание материальных резервов. С 1940 г. по июнь 1941г. государственные резервы и мобилизационные запасы были увеличены в 2 раза[8].

Все эти факты показывают несостоятельность утверждений некоторых западных историков и ряда доморощенных фальсификаторов истории о якобы слабости, военно-экономической отсталости и «потрясающей» неподготовленности СССР к своей защите накануне войны.

Перед Великой Отечественной войной СССР по объему продукции машиностроения и по добыче железной руды занял второе место в мире и первое в Европе, по выплавке чугуна и стали и по производству электроэнергии — третье место в мире и второе в Европе, по добыче угля — четвертое место в мире и третье в Европе[9].

Как свидетельствуют многочисленные документы, строительство нового мира, развернувшееся в стране в мирные довоенные годы, отличалось высоким трудовым энтузиазмом и духовным подъемом многомиллионных масс трудящихся, в основе которых лежали глубокий патриотизм, искренняя вера советских людей в реальность социалистических идеалов Октября, желание видеть свою Родину сильной и могучей, поставить надежный заслон для отражения любой агрессии.

Однако к моменту нападения на СССР Германия обладала не только огромной ударной силой своих войск, но и поставила под свой контроль экономические ресурсы почти всех европейских государств. Эти страны ежегодно производили более 19,3 млн. т чугуна, 22,3 млн. т стали, 149 млн. т каменного угля, 2215 тыс. т бокситов[10]. На 1 апреля 1941 г. 4876 предприятий оккупированных стран было привлечено к выполнению заказов вермахта[11]. В распоряжении военной экономикй Германии была металлургическая и машиностроительная индустрия ее союзников, нефть Румынии, бокситы Венгрии, вольфрам и олово Португалии, лес Финляндии ит. д. К июню 1941 г. мощности фашистского рейха по производству металла, электроэнергии и добыче угля были примерно в 2—2,5 раза больше, чем Советского Союза. Кроме того, в оккупированных европейских странах гитлеровская Германия захватила громадные запасы металла, стратегического сырья, оборудования и

весь арсенал вооружения. К ней перешли оружие* боеприпасы и снаряжение 30 чехословацких, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских, 18 голландских и 6 норвежских дивизий. Военная продукция одних только чехословацких предприятий «Шкода» могла снабдить многими видами вооружения около 40—45 немецких дивизий[12].

Таким образом, Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной военной машиной, самой мощной ударной силой капиталистического мира.

* * *

А теперь перейдем непосредственно к раскрытию настоящей темы. При этом основное внимание будет уделено первому, наиболее сложному и драматическому периоду Великой Отечественной войны.

Внезапно разразившаяся фашистская агрессия, тяжелые раны, нанесенные противником хозяйственному организму страны, поставили советскую экономику уже в первые дня и недели войны в чрезвычайно тяжелое, а затем и весьма критическое положение.

В той угрожающей обстановке требовалось незамедлительно перевести народное хозяйство СССР на военные рельсы с тем, чтобы путем мобилизации всех его внутренних ресурсов обеспечить в кратчайшие сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной Армии над вермахтом и другими войсками фашистского блока, создав тем самым возможность переломить ход событий. -

Военная перестройка народного хозяйства СССР предусматривала коренное изменение структуры материального производства. Полное подчинение всей экономики: промышленности, транспорта, сельского хозяйства, связи — задачам борьбы против немецко-фашистских захватчиков требовало введения в действие ранее подготовленных (в частности, мобилизационного плана по боеприпасам) и новых мобилизационных планов, существенное перераспределение материальных и финансовых ресурсов в пользу военного производства, установления строгой централизации и строгого контроля в деле их распределения, нормирования и расходования.

Это был далеко не безболезненный процесс, сопровождавшийся значительными материальными и финансовыми издержками и потерями, резким падением и даже остановкой производства на многих предприятиях. Положение усугублялось и тем, что в самом начале войны у руководства страны во многом из-за нарушенной связи с действующей армией не было конкретного представления о действительном положении на фронтах войны, что нашло отражение в некоторых абсолютно нереальных решениях, принятых тогда по хозяйственным вопросам.

Так, 23 июня 1941 г. начальники Белостокской, Ковельской,

Брест-Литовской, Львовской, Литовской, Латвийской и ряда других дорог западной части СССР получили официальную директиву от наркома путей сообщения Л. М. Кагановича о плане капиталовложений на развитие этих дорог в III квартале 1941 г. 24 июня наряду с весьма важным постановлением о создании при СНК СССР Совета по эвакуации Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение, согласно которому Наркомат заготовок СССР обязывался в июне 1941 г. выделить «3 тыс. тонн муки дополнительно к рыночному фонду и 2 тыс. тонн кукурузы для продажи населению горных районов западных областей УССР»[13].

Между тем и в первом и во втором случаях указанные железные дороги и районы в первые дни войны оказались или в зоне непосредственных боевых действий, или уже были захвачены врагом.

В последующем, особенно после создания 30 июня 1941 г. высшего органа сражающейся страны — Государственного Комитета Обороны (ГКО), руководство СССР и в первую очередь Сталин имели, как правило, довольно полную информацию о действительном положении на фронте и в тылу.

В соответствии с новыми чрезвычайными условиями существенно перестраивалась работа всех государственных и общественных органов и учреждений. Уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» наряду с мерами общего характера предусматривались меры, касающиеся экономической жизни страны, в частности, введение трудовой повинности, регулирование времени работы учреждений, промышленных и торговых предприятий, нормирование отпуска населению промышленных и продовольственных товаров и др.

Однако первым документом, определившим решительный поворот промышленности на обслуживание фронта, было решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. ввести в действие принятый 6 июня 1941 г. мобилизационный план по боеприпасам[14]. Он был превращен в оперативное задание по развертыванию наиболее массовой отрасли военной индустрии.

Вслед за этим правительство дало указание Госплану СССР срочно разработать мобилизационный план для всего народного хозяйства на ближайшие три месяца. 30 июня 1941 г. мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал был представлен и утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Это был план, в котором уже зримо проступали черты военной экономики.

Производство военной техники по сравнению с довоенным временем увеличивалось на 26%[15]. Капитальное строительство ограничивалось относительно небольшим числом ударных строек. Средства и материалы концентрировались на строительстве военных заводов в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири.

Общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу содержалась в

директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и в выступлении по радио 3 июля И. В. Сталина.

Между членами ближайшего сталинского окружения были распределены обязанности по руководству отдельными отраслями военного хозяйства. Так, в ведении В. М. Молотова стали находиться вопросы производства танков, Г. М. Маленкова — самолетов и авиационных моторов, Н. А. Вознесенского - вооружения и боеприпасов, А. И. Микояна — продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л. П. Берия — самолетов и ракетной техники, Л. М. Кагановича и А. А. Андреева — транспортные перевозки.

Факты и документы говорят о том, что почти три четверти всех членов ЦК ВКП(б) приняли непосредственное участие в организации военной экономики. На решение военно-хозяйственных задач были направлены усилия и значительная часть работников всех звеньев партийного и советского аппарата в тылу.

Мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 г. явился одной из первых попыток перевести экономику страны на военные рельсы. Но вскоре стало ясно, что подготовленный в своих главных чертах еще до фашистской агрессии он не отвечал той реальной обстановке, которая сложилась в результате военных неудач Красной Армии летом 1941 г.

Поэтому 16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) утвердили новый Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, который был направлен на то, чтобы в течение намеченного срока развернуть основную военно-промышленную базу Советского Союза в восточных районах страны. Здесь намечалось наладить массовое производство стрелкового вооружения, всех видов артиллерии, минометов, боеприпасов. Была разработана программа увеличения в восточных районах производства электроэнергии, угля, нефти, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты.

В области сельского хозяйства план предусматривал увеличение посевной площади под зерновыми и техническими культурами в восточных районах РСФСР, Казахстана и Средней Азии[16]. В предвидении увеличения грузопотоков с востока на запад и обратно большое внимание в Военно-хозяйственном плане уделялось расширению важнейших узлов и станций на магистралях восточного направления. Было намечено в тыловых районах России строительство вторых путей, связывающих Сибирь и Урал с Поволжьем.

Вновь составленный государственный бюджет отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд. руб. по сравнению с первым полугодием. Бюджетные же ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшались на

21,6 млрд. руб., а на социально-культурные мероприятия — на 16,5 млрд. рублей[17].

Новые условия хозяйственной жизни страны, порожденные войной, требовали усиления централизации руководства, существенного изменения форм и методов экономического планирования и управления промышленностью.

Важнейшей функцией высшего чрезвычайного органа государственной власти — Государственного Комитета Обороны - являлась координация усилий фронта и тыла. Во всей своей деятельности по созданию и развитию военной экономики ГКО опирался на действовавший и до войны аппарат управления хозяйством, приспособленный, разумеется, к обстановке и требованиям военного времени. Особое внимание ГКО уделял вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны. Соответственно с этим перестраивался и аппарат Совнаркома СССР, как орган общегосударственного руководства развитием экономики.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. были значительно расширены права народных комиссаров СССР. 18 июля это решение было распространено на наркомов РСФСР и УССР. Наркомы получили возможность распределять и перераспределять между предприятиями материальные ресурсы наркоматов, в том числе излишки материалов и оборудования, между отдельными предприятиями и стройками в соответствии с ходом выполнения планов. Расширялись права наркоматов и в распределении средств на капитальное строительство, в использовании финансовых ресурсов, в регулировании фонда зарплаты.

Одновременно происходили изменения в структуре управления аппарата, прежде всего за счет упразднения лишних звеньев, укрупнения параллельных подразделений, сокращения штатов.

Война заставила коренным образом пересмотреть привычные представления о пределе производственных мощностей, норм выработки, сроков выполнения. Не дожидаясь пересмотра довоенных норм, многие передовики производства по собственной инициативе ломали устаревшие графики работы, вносили серьезные коррективы в использование сырья, топлива и материалов, в расстановку рабочей силы, трудясь за двоих и троих. Слова «невозможно», «нереально», «невыполнимо» уходили в прошлое.

Перераспределение сырья и материалов в пользу военного производства сопровождалось дальнейшей централизацией системы снабжения и жестким нормированием расхода материалов, топлива, электроэнергии. Выпуск многих видов продукции, в том числе оборудования для легкой и пищевой промышленности, вагонов, паровозов, металлических изделий широкого потребления, удобрений прекратился. Сэкономленное сырье, материалы, мощности и рабочая сила использовались для расширения военного произвол-

ства. На предприятиях, где характер производства в основном не менялся, наличное оборудование технически приспосабливалось для выпуска военной продукции или сырья, в котором нуждалась военная промышленность.

Исключительно важная роль в военном производстве принадлежала машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Их переключение на выпуск военной продукции потребовало наиболее радикальных и реконструктивных мероприятий. Ряд крупнейших машиностроительных заводов был передан оборонным наркоматам. Тяжелое машиностроение почти целиком включалось в производство корпусов танков, минометов, снарядов, мин, авиабомб и другой военной продукции.

Все эти мероприятия поддерживали и усиливали высокие темпы военного производства, которых достигла в III квартале 1941 г. работавшая на нужды фронта промышленность.

Доля военной продукции в общем производстве союзной и республиканской промышленности возросла с 45% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г. [18]

По отдельным промышленным наркоматам удельный вес военной продукции в июле 1941 г. по сравнению с июнем вырос в следующих размерах[19]:

Таблица 1

Удельный вес военной продукции

в общем производстве валовой продукции (в %)

№№	Наркоматы	1941 г.		
		июнь	июль	% роста
1	2	3	4	5
1	Наркомат черной металлургии	30	40	10
2	Наркомат цветной металлурги	60	75	15
3	Наркомат тяжелого машиностроения	50	60	10
4	Наркомат среднего машиностроения	32	52	20
5	Наркомат общего машиностроения	39	58	19
6	Наркомат электропромышленности	40	50	10
7	Наркомат химической промышленности	40	60	20
8	Наркомат станкостроения	50	70	20
9	Наркомат нефтяной промышленности	25	40	15
10	Наркомат резиновой промышленности	40	60	20
11	Наркомат легкой промышленности	30	50	20
12	Наркомат текстильной промышленности	25	65	40

В это время авиастроители (нарком авиапромышленности СССР А. И. Шахурин) стали давать во все возраставших количествах более совершенные типы истребителей, бронированные штурмовики, пикирующие бомбардировщики. Это позволило ГКО 18 сентября в развитие общего военно-хозяйственного плана принять мобилизационную программу выпуска самолетов и моторов на сентябрь-декабрь 1941 г. Но реализация этого плана, как и других планов военного производства, во многом зависела от того, насколько быстро удастся развернуть намеченную военно-хозяйственным планом военно-промышленную базу в восточных районах страны.

В процессе переключения гражданской промышленности на выпуск боевой техники и всех видов вооружения на действовавших предприятиях Центра и юга Европейской части СССР не ослаблялись усилия по наращиванию на Востоке мощностей тяжелой индустрии. Практическое выполнение этих неотложных задач можно видеть на примере развертывания производства танков и самолетов в восточных районах.

После того, как был принят мобилизационный план по танкостроению, В. А. Малышев - нарком созданного 11 сентября 1941 г. Наркомата танковой промышленности — выехал с группой директоров своей отрасли на Урал. Были выявлены конкретные возможности и условия форсированногр перевода уральских машиностроительных заводов на выпуск бронетанковой техники, определены места для размещения перебазируемых танкостроительных предприятий и подготовлена новая производственная база для дизелестроения.

До войны единственным поставщиком дизель-моторов В-2 для танков КВ и Т-34 был Харьковский завод. В результате проведенного перемещения предприятий танкостроения танковые заводы имели перерыв в выпуске продукции лишь в один месяц, а производство дизелей совершенно не прерывалось. В тот день, когда ушел из Харькова последний эшелон с оборудованием дизельного завода, в Челябинске происходила сборка первых дизелей для тяжелых и средних танков. К концу 1941 г. на базе Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) возник мощный танкостроительный комбинат имени Кирова. На заводе заводов России и всей страны — Уралмаше, где ранее строились уникальные, главным образом крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для танков КВ. К концу года завод выпустил первые 606 корпусов. Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным заводом образовали комплексную базу танкостроения в районах великой русской реки Волги. Другой волжский танкостроительный производственный комплекс во главе с заводом «Красное Сормово» сложился в Горьком в результате кооперирования этого завода с Горьковским автозаводом и рядом других предприятий. Таким образом, Челябинский и Сталинградский тракторные заводы стали центрами по производству тяжелых и средних танков, а Горьковский автозавод —

легких. Что касается бронелистов для боевых машин, то их выпускали Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, Нижне-Тагильский и Чусовской заводы и Сталинградский завод «Красный Октябрь». К концу 1941 г. в тылу страны уже действовала мощная танковая промышленность в составе восьми танковых, шести корпусных и трех дизельных заводов[20].

В течение второго полугодия 1941 г. танкостроители изготовили 4649 танков, в том числе свыше 40% легких, 39% — средних. Правда, количество выпущенных тяжелых танков типа «КВ», производство которых было освоено на Челябинском тракторном заводе, увеличилось в IV квартале 1941 г. на 108 штук, но выпуск средних танков Т-34 за тот же период снизился почти на 500 машин*. В целом план производства танков удалось выполнить лишь на 61,7%21. Однако в I квартале 1942 г. определился перелом[22].

Что касается производства самолетов в тыловых районах, то в ноябре 1941 г. их было построено в 3,6 раза меньше, чем в сентябре, когда удалось выпустить наибольшее за весь год число боевых машин. В декабре план по самолетам был выполнен только на 38,8%, а по авиамоторам на 23,6%. Осенью, когда вражеские войска рвались к Москве, оборудование многих самолетостроительных заводов и, в частности, Центрального промышленного района Российской Федерации, дававших до войны более трех четвертей всей выпускаемой Наркомавиапромом продукции, находились еще на колесах. На действовавших заводах не хватало квалифицированных рабочих. Перебои в работе транспорта нарушали нормальное снабжение предприятий топливом, электроэнергией, материалами. В это же время на авиационных заводах происходил процесс освоения производства новых типов самолетов, что также замедляло темпы выпуска боевых машин.

Ценой огромного напряжения сил, широкой творческой инициативы и изобретательности авиастроителям удалось преодолеть падение производства и обеспечить его неуклонный рост. И если в IV квартале 1941 г. было выпущено самолетов всех типов 3171 шт., то в I квартале 1942 г. — 3740, во втором — 6004, а в третьем уже 7388 шт.[23]

По этому поводу немецкий исследователь военной истории Г. Фойхтер писал: «То, что в таких трудных условиях Советскому Союзу удалось... в сравнительно короткий срок наладить массовый выпуск

*** Поступавшие на фронт танки Т-34 уже в первые месяцы войны продемонстрировали свое тактико-техническое превосходство над германскими боевыми машинами Т-1V, которые были более уязвимыми в отношении брони, имели короткоствольное орудие и обладали меньшей маневренностью. Желание выпускать точно такие же танки, по свидетельству танкового стратега вермахта генерала Г. Гудериана, не встретило поддержки у немецких конструкторов. Их смущало не отвращение к подражанию, а невозможность производства с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного двигателя; уступала и германская сталь.**

самолетов... следует отнести к величайшим техническим достижениям периода Второй мировой войны»[24].

Высокую мобильность показали переключенные на военное производство заводы сельскохозяйственного машиностроения. На их базе создавалась минометная промышленность. Серийный выпуск минометов был налажен еще до войны. Но к 1 июня 1941 г. в войсках имелось всего лишь 14200 батальонных минометов и только 3800 полковых. 20 августа ГКО постановил изготовить в течение сентября-декабря 1941 г. 15500 ротных минометов (50 мм), 8445 батальонных (82 мм), 400 горно-вьючных (107 мм) и 169 полковых (120 мм). ГКО обязал местные органы власти Свердловской, Челябинской, Сталинградской и Новосибирской областей к 1 ноября подыскать новые базы для производства минометов и представить свои предложения на утверждение правительства[25]. 26 ноября 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат общего машиностроения был преобразован в Наркомат минометного вооружения. Его наркомом с этого же дня стал один из опытных организаторов военного производства П. И. Паршин. Благодаря усилиям советских, партийных и хозяйственных организаций необходимые резервы для расширения выпуска минометов были найдены.

В течение второго полугодия 1941 г. страна получила 42,3 тыс. минометов, или в среднем 7 тыс. в месяц, тогда как в первом полугодии их среднемесячный выпуск составил только 1,7 тыс.

Ускоренно шла реализация постановления Государственного комитета Обороны от 12 июля 1941 г. о возобновлении ошибочно приостановленного незадолго до войны производства противотанковых пушек 45-мм и 76-мм калибра[26].

Нарком вооружения военных лет Д. Ф. Устинов, назначенный на этот пост 9 июня 1941 г. вспоминал, как повседневно и строго контролировал ГКО и непосредственно Сталин производство этих пушек.

«Мне не раз приходилось докладывать И. В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции, — отмечал Д. Ф. Устинов. — На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре одни из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было.

Проекты постановлений ГКО о производстве 45- и 76-миллиметровых пушек разрабатывались нами на каждый месяц совместно с отделом вооружения Госплана. Выпуск орудий быстро рос... Однако в октябре в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэтому в ноябре Н. А. Вознесенский потребовал подготовить проект поста

новления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось». Обсуждение было нелицеприятным. В принятом постановлении ГКО подчеркивалось, что производство противотанковых орудий имеет исключительное значение для Красной Армии. Для коллективов, занятых производством пушек, выделялись дополнительные продовольственные фонды. В документ был включен специальный пункт, продиктованный Сталиным: «ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов ***для*** выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление».

Об успешной реализации настоящего решения Государственного Комитета Обороны свидетельствуют данные таблицы 2[27].

Таблица 2

Виды пушек	Кварталы				Всего за 1941 г.
	I кв.	| II кв.	| III кв.	I IV кв.	
76-мм (полевые всех типов)	96 шт.	8 шт.	601 шт.	3465 шт.	4170 шт.
45-мм (противо-танковые)	8 шт.	4 шт.	78 шт.	1196 шт.	1286 шт.

Из таблицы следует, что в IV квартале по сравнению с III кварталом выпуск 76-миллиметровых пушек возрос в 5,7 раза, а 45-миллиметровых пушек — в 15,3 раза. В начале войны из-за перевода артиллерийских заводов на выпуск орудий среднего калибра было уменьшено производство 152-миллиметровых и 203-миллиметровых орудий. Однако в дальнейшем артиллерийская промышленность СССР освоила выпуск в значительных размерах всех необходимых артиллерийских систем (как полевых орудий, так и зенитных, танковых, авиационных).

Исключительно важной задачей являлось обеспечение массового производства боеприпасов. Работа предприятий Наркомата боеприпасов (нарком П. Н. Горемыкин, а с февраля 1942 г. — Б. Л. Ванников) была в центре внимания ГКО. Военная обстановка продиктовала необходимость срочно возобновить выпуск снарядов и патронов к 45-миллиметровым противотанковым пушкам и противотанковым ружьям. Их производство перед войной по настоянию заместителя наркома обороны СССР и начальника Главного артиллерийского управления маршала Г. И. Кулика было прекращено. Он ошибочно полагал, что танки у немцев будут с толстой

броней, как у дредноутов. Вместо этих боеприпасов было налажено производство 76-миллиметровых бронебойных снарядов на заводах Юга.

Исторически так сложилось, что промышленность, выпускавшая боеприпасы, размещалась в большей степени, чем другие отрасли, в угрожаемой зоне. Поэтому с самого начала войны она понесла ощутимые потери. Только с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации и эвакуации выбыли из строя 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы. Месячный выпуск выбывших предприятий составлял 8,4 млн. корпусов снарядов, 2,7 млн. корпусов мин, 2 млн. корпусов авиабомб, 7,9 млн. взрывателей, 5,4 млн. средств воспламенения, 5,1 млн. снарядных гильз, 2,5 млн. ручных гранат, 16,1 тыс. т аммиачной селитры, 7800 т пороха, 3000 т тротила[28].

13 июля 1941 г. ГКО постановил организовать в восточных районах производство бронебойных и зенитных снарядов, причем именно тех видов боеприпасов, которые были особенно необходимы воинам Красной Армии для борьбы с танками и авиацией противника. Проведение этого постановления в жизнь потребовало от советских, партийных, хозяйственных организаций огромного напряжения. Необходимо было в течение 10 дней мобилизовать и отгрузить с предприятий Москвы и Ленинграда 2800 станков для усиления мощностей предприятий Наркомата боеприпасов. Руководящие органы Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы получили задание в двухдневный срок перебросить на уральские и сибирские заводы, изготовляющие боеприпасы, около 5 тыс. инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих по металло- и термообработке, инструментальщиков, монтажников[29]. Ответственное задание было выполнено.

И все же положение с боеприпасами было тяжелым. Накопленные ранее их запасы были израсходованы или утрачены. Войска испытывали острую нехватку артиллерийских снарядов, особенно зенитных, мин и патронов. Выпуск боеприпасов в последние месяцы 1941 г. снизился и не превышал 50—60% плана. Тогда по решению правительства к их производству до конца года было переключено 382 предприятия 34 наркоматов и ведомств[30], а в 1942 г. — 1108 предприятий 58 наркоматов и ведомств[31].

Положение стало постепенно выправляться. С декабря 1941 г. выпуск боеприпасов начал заметно возрастать, и уже в июле 1942 г. предприятия наркомата произвели продукции в 1,7 раза больше, чем в июле 1941 г.[32]

В судостроительной промышленности (нарком И. И. Носенко) в соответствии с планом перестройки было законсервировано полностью производство 5 линкоров, 8 из 10 крейсеров, половина мониторов и др. видов тяжелых боевых кораблей. Вместе с тем ускоренным темпом продолжались работы на кораблях с большим процентом технической готовности. К строительству боевых кораблей были

привлечены заводы наркоматов морского и речного флота, рыбной и мясной промышленности и ряда других.

Рост и развитие военного производства в свою очередь делало необходимым расширение сырьевой и топливно-энергетической базы и прежде всего в восточных районах, где, как уже отмечалось, развертывалась основная военно-промышленная база Советского Союза.

Черная металлургия (нарком И. Ф. Тевосян), продукция которой в целом по стране из-за вражеской оккупации сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., требовала к себе особого внимания* .

Исключительно трудные задачи встали перед металлургами Востока. Они должны были не только восполнить утраченные мощности заводов Центра и Юга, но и существенно изменить технологию производства металла, освоить в кратчайшие сроки выпуск новых марок чугуна, легированных сталей, броневого проката.

Ведущая роль в этом деле принадлежала магнитогорским металлургам. До войны броневая сталь на Урале не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах черных металлов, ученым и металлургам и прежде всего коллективу Магнитогорского металлургического комбината пришлось впервые в мировой практике, к тому же в короткий срок освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Уже в июле-августе 1941 г. 70% плана мартеновских цехов Магнитогорского металлургического комбината занимал качественный металл, а прокатные цехи более чем на 50% давали прокат качественных специальных сталей. Всего в течение лишь второго полугодия 1941 г. сталевары Магнитки сумели освоить свыше 30 марок качественной стали[33].

Наряду с выплавкой качественной стали здесь же был налажен и ее специальный прокат. За отсутствием на Урале необходимых прокатных станов для этой цели тоже впервые в истории мировой и отечественной металлургии был приспособлен блюминг. Тем самым был совершен технический переворот в прокатном деле. В октябре 1941 г. магнитогорцы увеличили выпуск броневого листа по сравнению с августом в 3 раза, в декабре — уже в 7 раз. Металлурги Урала дали высококачественную броню для танков на полтора месяца ранее установленного правительством срока.

*** В результате вражеского нашествия и эвакуации черная металлургия СССР временно лишилась в 1941 г.:**

- **124 коксовых батарей общим объемом 64589 м^3;**
- **61 доменной печи общим объемом 42285 м ;**
- **204 мартеновских печей с общей площадью пода 5809 м^2;**
- **16 больших конверторов;**
- **150 прокатных станов;**
- **14 трубопрокатных станов и др.**

(РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 191).

За короткое время на производство качественной стали и проката был переведен Кузнецкий металлургический комбинат[34].

В ходе военной перестройки на производство качественного проката были переключены и некоторые другие предприятия черной металлургии.

Если в 1940 г. качественный прокат по стране составлял 24,4% от общего количества проката, а специальный прокат 28,3% от качественного, то в июле 1941 г. только по действующим восточным заводам Наркомата черной металлургии качественный прокат составил 36,9%, а специальный — 55,7%. В августе эти показатели достигли соответственно 42,7% и 54,3%, а в октябре - уже 70,7% и 58,3%[35].

«Это был далеко не механический процесс, — писал известный сталевар, заместитель наркома черной металлургии П. И. Коробов. — Важнейшая военно-хозяйственная задача решалась путем многочисленных исследований, путем разработки и внедрения новой технологии .металлургического производства, путем настойчивой борьбы за выплавку именно тех сортов стали, которая была бы способна выдержать на танках удары вражеских снарядов, обеспечила бы производство таких снарядов, которые пробивали бы броню фашистских танков».

Намеченные правительственным графиком на ноябрь 1941 г. — январь 1942 г. меры по увеличению мощностей металлургических заводов приравнивались к мерам особо важного оборонного значения.

В сложнейших условиях перестраивалась на военный лад советская электроэнергетическая промышленность (Наркомат электростанций в первые месяцы войны возглавлял А. И. Летков, затем с января 1942 г. — Д. Г. Жимерин, а Наркомат электропромышленности — И. Г. Кабанов). Как и другие отрасли тяжелой индустрии, уже в начале гитлеровской агрессии она понесла большие потери. Немецко-фашистские захватчики разрушили 61 крупную электростанцию, около 10 тыс. км высоковольтных линий электропередачи, вывезли в Германию 14 тыс. паровых котлов, 1400 турбин, 11300 электрогенераторов. По установленной мощности электростанций Советский Союз был отброшен к уровню 1935 г.

Чтобы возместить такие потери и обеспечить народное хозяйство электроэнергией, ГКО и СНК СССР были приняты срочные меры для расширения старых и строительства новых электростанций. Так. уже 9 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны определил первоочередные мероприятия по усилению мощностей Челябинской, Красногорской и Средне-Уральской электростанций — основных станций уральской энергосистемы. 26 сентября СНК СССР вынес постановление «О мероприятиях по строительству электростанций в г. Новосибирске и Кузбассе», в соответствии с которым предусматривалось расширение Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линий электропередачи Кемерово — Ленинск и Мунды-

баш — Таштагол. 17 ноября правительство приняло постановление «Об обеспечении электроэнергией предприятий Поволжья, Урала и Сибири и плане ввода новых мощностей по каждой электростанции»[36].

В соответствии с правительственными решениями Наркомат по строительству (нарком С. 3. Гинзбург) развернул в восточных регионах форсированное сооружение новых районных и заводских электростанций малой и средней мощности.

Для ускорения сооружения новых электростанций изыскивались пути сокращения объема и сроков строительных и монтажных работ, упрощения схем, конструкций зданий и сооружений. Вместо дефицитных материалов широко применялись местные. Однако, несмотря на ускоренный ввод в эксплуатацию новых электростанций, выработка электроэнергии в системе Наркомата электростанций СССР в декабре 1941 г. составила только 52% по сравнению с июнем. Положение обострилось ввиду перебазирования энергетического оборудования из угрожаемых районов и временным выходом из строя в связи с этим еще ряда электростанций. Кроме того, резко возросли потребности в электроэнергии в восточных районах страны, где развертывалась военная промышленность и восстанавливались эвакуированные предприятия. В течение первого полугодия 1942 г. производство электроэнергии в СССР сократилось на 5,3 млрд. квт. ч. Только во второй половине 1942 г. удалось, наконец, остановить его дальнейшее падение и обеспечить рост по сравнению с первой половиной года на 6,3%.

Объем капитальных работ Наркомстроя особенно резко увеличился по наркоматам, непосредственно обслуживавшим военные нужды страны. По наркоматам обороны, Военно-Морского Флота, машиностроения он составил за шесть военных месяцев 1941 г. по отношению к первому полугодию 128%, по Наркомату вооружения — 14%, по Наркомату боеприпасов — свыше 200%[37].

Капитальные вложения во втором полугодии 1941 г. направлялись преимущественно в восточные районы страны, где были развернуты большие работы по восстановлению перемещенных предприятий. Если в первом полугодии удельный вес капитальных работ этих районов в общем объеме строительства по СССР составил около 57%, то во втором полугодии он уже поднялся до 80%.

Военная промышленность поглощала огромное количество цветных металлов. Поэтому уже 28 июля 1941 г. Наркомат обороны СССР получил указание направить в помощь строителям Уральского алюминиевого завода Наркомата цветной металлургии (нарком П. Ф. Ломако) 10 строительных батальонов. Это позволило почти удвоить мощность завода. Одновременно началось сооружение новых алюминиевых заводов в Свердловской области и в Кузнецке.

Ускоренными темпами возводились также в различных районах тыла 5 крупных заводов по обработке и прокату цветных металлов.

Были приняты меры по усилению производственных мощностей крупнейшего в стране Балхашского медеплавильного завода в Казахстане. В октябре 1941 г. сюда было направлено из Ивановской области оборудование прокатного цеха Кольчугинского завода. На новом месте цех был превращен в завод. Через 80 дней его металлурги дали стране крайне необходимый цветной прокат[38].

Прибывшие на Северный Урал с оборудованием со своих рудников горянки Никополя взялись за знакомое им дело: добычу марганцевой руды. Сквозь тайгу, через болотные топи добирались они от конечной станции Ивдель на Урале до р. Полуночной к месторождениям марганца, в труднейших условиях доставили сюда инструмент, многочисленные тяжелые агрегаты — моторы, компрессоры, подъемные машины. В конце 1941 г. на заводы черной металлургии пошел уральский марганец, который до войны получали с Украины и Закавказья. Если в 1940 г. удельный вес восточных районов в добыче марганцевой руды составлял 8,4%, то в 1942 г., когда вступили в эксплуатацию рудники Джездинского месторождения в Казахстане, восточные районы давали 84,7% всей добычи марганцевой руды в стране.

В восточных районах СССР, и особенно в Казахстане и Узбекистане, быстро также развертывалась добыча вольфрамовой руды, ванадия, молибдена и других редких металлов, без которых невозможно производство легированных сталей.

Перестройка черной и цветной металлургии и расширение военного производства потребовали от предприятий Наркомата угольной промышленности (нарком В. В. Вахрушев) значительного увеличения добычи угля, и прежде всего коксующегося. После временной потери Донбасса и Мосбасса резко возросла роль восточных районов страны.

В конце 1941 — начале 1942 г. в Кузбасс и Карагандинский бассейн из Донецкого бассейна была эвакуирована большая группа хозяйственных и инженерно-технических работников, опытных специалистов и два института с профессорско-преподавательским составом и студентами.

Кузнецкий бассейн, где до войны добывалось только около 14% основным поставщиком коксующегося угля и химической продукции.

Страна, фронт крайне нуждались в горючем. Между тем с началом войны положение нефтедобывающей промышленности (наркомат возглавлял И. К. Седин, а с декабря 1944 г. — Н. К. Байбаков) серьезно осложнилось. Это во многом было связано с определенными просчетами довоенного времени. Требовалось, например, уделить гораздо больше внимания вопросам развития восточных нефтяных районов СССР. Во втором полугодии 1940 г. в общей добыче нефти в стране они составляли всего лишь 12,3%, а в первом полугодии 1941 г. их удельный вес не только не увеличился, а, напротив,

снизился до 11,9%[39]. Поэтому помимо форсированной добычи нефти в старых промысловых районах Северного Кавказа и Азербайджана, ГКО в июле 1941 г. принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи и переработке нефти в восточных районах СССР», прежде всего в районе «Второго Баку» — в Поволжье и Прикамье. Здесь наряду с расширением нефтепромыслов приступили к строительству нефтеперерабатывающих заводов в Сызрани, Саратове, Уфе, Ишимбае, Орске. В Поволжье создавалась фактически заново газовая промышленность.

В трудном положении в первые военные месяцы оказался Бакинский район — один из основных поставщиков нефти. Из-за невозможности вывозить готовую продукцию Черноморским флотом на бакинских нефтепромыслах образовались значительные запасы не- вывезенных нефтепродуктов и непереработанной сырой нефти, в которых так нуждались фронт и тыл (соответственно - 1268 тыс. т и 790 тыс. т — в конце октября и 1613 тыс. т и 573 тыс. т — в конце ноября 1941 г.)[40].

Невывезенная продукция заполнила почти все местные емкости, в связи с чем ГКО был вынужден принять решение о временном сокращении с ноября для Баку среднесуточной добычи нефти.

Положение удалось поправить благодаря более эффективному использованию морского транспорта Каспия, перевалочных баз и Ашхабадской железной дороги.

Военная перестройка нефтеперерабатывающей промышленности непосредственно отразилась на повышении удельного веса продукции военного назначения, а также на некотором изменении и размещении ее производства.

Наиболее характерным явилось резкое увеличение выпуска авиационных бензинов. Хотя в III квартале 1941 г. из-за вражеской оккупации страна лишилась продукции Украиннефтекомбината, Одесского, Херсонского и Осипенковского крекинг-заводов, это почти не отразилось на выработке авиабензинов, масел, бензина КБ-70 и дизельного топлива, поскольку' основными базами их производства в первые месяцы войны являлись Баку, Краснодар, Майкоп, Грозный, Туапсе и Батуми. Однако в IV квартале 1941 г. в связи с демонтажем и эвакуацией нефтеперерабатывающих заводов Майкопа, Грозного, Туапсе и Краснодара продукция нефтепереработки значительно снизилась[41].

С большими трудностями переключалась на выпуск военной продукции химическая промышленность (нарком И. Ф. Денисов, а с февраля 1942 г. - М. Г. Первухин). К концу 1941 г. в результате вражеского нашествия она потеряла свыше 50% мощностей по производству аммиака и каустической соды, 77% — серной кислоты, 83% кальцинированной соды и т. д.

В связи с этим центральными и местными органами были приняты энергичные меры как по восполнению понесенных по-

терь, так и по расширению производственной базы химической индустрии. В ходе перестройки был, например, восстановлен Новомосковский химический комбинат по производству азотной кислоты, увеличены мощности по выпуску этой стратегической продукции на Березниковском химическом заводе, Кемеровском азотнотуковом заводе и Чирчикском электрохимическом комбинате. Вводились также новые мощности по производству каустической и кальцинированной соды, калийной селитры, олеума, газовой сажи, аммиака, органического стекла, различных красителей, средств химзащиты и других видов химической продукции. На коксохимических заводах Кузнецка, Ново-Тагильска и Магнитогорска в короткие сроки было налажено крупное производство такого важного компонента военной продукции, как толуол. Снабжение серной кислотой предприятий, изготовлявших боеприпасы, осуществлялось с Воскресенского, Щелковского и Дорогомиловского химических заводов.

Однако возместить нанесенный войной ущерб удалось не сразу. Объем производства химической промышленности в течение второго полугодия 1941 г. (хотя и с неодинаковыми темпами в ее различных отраслях) продолжал снижаться, составив в IV квартале лишь 44% от довоенного уровня. Постепенный подъем наступил только во II квартале 1942 г.

Военная перестройка внесла существенные изменения в работу легкой, пищевой и текстильной промышленности (наркоматы этих отраслей промышленности соответственно возглавляли: С. Г. Лукин, В. П. Зотов и И. Н. Акимов). Например, предприятия текстильной промышленности перешли на производство преимущественно тканей военных образцов, а все шейные фабрики — на пошив армейского обмундирования. Кроме того, на заводах, фабриках и комбинатах легкой, текстильной и пищевой промышленности был налажен выпуск таких видов военной продукции, как ручные гранаты, корпуса мин и снарядов, зажигательные авиабомбы, автоматы, бутылки с горючей смесью и др.

Успех всей работы по мобилизации экономики и ее переводу на военные рельсы находился в прямой зависимости от правильного использования трудовых ресурсов. Проблема кадров в условиях войны стала одной из самых острых хозяйственных проблем. Трудность ее решений усугублялась тем, что помимо мобилизации. в армию большого числа рабочих и служащих, значительная часть населения страны осталась на оккупированной территории; десятки тысяч рабочих были временно выключены из сферы производства из-за перебазирования промышленности. Если к концу 1940 г. в народном хозяйстве во всех отраслях было занято 31,2 млн. рабочих и служащих, то к концу 1941 г. их насчитывалось лишь 18,4 млн. человек.

В целях правильного и планомерного распределения и перерас

пределения трудовых ресурсов Совнарком СССР своими постановлением от 30 июня 1941 г. учредил при Бюро СНК СССР Комитет по распределению рабочей силы во главе с П. Г. Москатовым[42] (Позднее Комитет стал заниматься и учетом рабочей силы. Его возглавил Н. М. Шверник.)

Недостаток рабочей силы в промышленности пришлось восполнить частично за счет других отраслей народного хозяйства, а также путем увеличения рабочего дня, введением обязательных сверхурочных работ, отменой очередных и дополнительных отпусков, что позволило на одну треть повысить загрузку оборудования. Для замены ушедших на фронт в промышленность, строительство и на транспорт добровольно влились сотни тысяч советских граждан, в первую очередь старики*, женщины и молодежь. Существенным источником пополнения квалифицированной рабочей силы оставалась система Государственных трудовых резервов.

Но указанные мероприятия, несмотря на их положительную роль, не могли полностью решить проблему воспроизводства рабочей силы. Требовалось наладить систематическую подготовку нового рабочего пополнения и переподготовку имевшихся производственных кадров. Ведь на промышленные предприятия и транспорт пришли люди, которые в своем большинстве не владели какими-либо рабочими специальностями. Так, во второй половине 1941 г. в производство влились 50 тыс. домохозяек и 360 тыс. учащихся 8-10-х классов.

Подготовка кадров массовых рабочих профессий была организована на краткосрочных курсах, в стахановских школах, в системе Государственных трудовых резервов, а также на самом производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества под руководством кадровых рабочих и мастеров.

23 июля 1941 г. постановлением СНК СССР совнаркомам союзных и автономных республик, а также исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся было предоставлено право при необходимости переводить в обязательном порядке рабочих и служащих на работу в другие предприятия независимо от их ведомственной принадлежности и территориального расположения. Это позволяло местным органам власти более оперативно маневрировать производственными кадрами в интересах войны.

Опираясь на помощь и содействие местных органов, Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР с июля 1941 г. по январь 1942 г. переместил с предприятий местной промышленности, общественного питания, промкооперации, коммунального хо

*** 28 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство». Пенсия сохранялась за весь период войны независимо от размера заработка пенсионеров на предприятиях. Это позволило привлечь значительное число пенсионеров на производство.**

зяйства, управленческого аппарата, а также мобилизовал из числа незанятого городского и сельского населения в оборонную промышленность 120850 человек. За то же время были направлены на угольные шахты, нефтепромыслы, электростанции, в черную и цветную металлургию, на строительство и железнодорожный транспорт 608,5 тыс. рабочих, призванных военкоматами и сформированных в строительные батальоны и рабочие колонны[43].

Для укрепления трудовой дисциплины и закрепления работников за своими предприятиями 26 декабря 1941 г. и 13 февраля 1942 г. были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» и «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве[44]. Мобилизации подлежали лица, не работавшие в государственных учреждениях и на транспорте.

В целях привлечения рабочей силы на выполнение сельскохозяйственных работ в наиболее напряженные периоды постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1942 г. мобилизация трудоспособного населения распространялась и на сельских жителей.

Сейчас эти и другие чрезвычайные меры кому-то могут показаться чересчур суровыми и даже жестокими. Но шла война и с таким положением приходилось считаться. Подобные решения, а также досрочный массовый выпуск учащихся из школ трудовых резервов существенно смягчили остроту проблемы кадров и во многом определили необходимые возможности для развертывания военного производства.

Осуществляя перестройку народного хозяйства и мобилизацию материальных и людских ресурсов страны, Государственный Комитет Обороны, Совнарком СССР, центральные, республиканские и местные советские, партийные и хозяйственные органы в сложных и драматических условиях добивались максимального использования возможностей не только промышленности, но и сельского хозяйства. (Наркомат земледелия СССР и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР в то время соответственно возглавляли И. А. Бенедиктов и П. П. Лобанов).

Требовалось прежде всего в сжатые сроки убрать урожай первого военного лета и провести своевременно государственные заготовки и закупки хлеба, спасти от врага из прифронтовой полосы скот, сельскохозяйственные машины, запасы сырья и продовольствия; увеличить в восточных районах посевные площади зерновых, картофеля и овощей.

Разумеется, все эти меры снижали и без того сравнительно невысокий жизненный уровень тружеников села и повышали требование работать на пределе сил и возможностей.

В связи с тем, что были мобилизованы на нужды фронта части

тракторов и автомашин, при уборке урожая использовались простейшие технические средства и ручной труд.

В дни первой военной уборочной страды в колхозах тыловых районов страны машинами на конной тяге и вручную было убрано 67% колосовых культур, а в совхозах — 13%[45]. В прифронтовой полосе сбор урожая часто происходил под обстрелами и налетами вражеской авиации. На большей части Украины труженики села сумели выполнить государственный план хлебозаготовок, полностью обеспечили продовольствием войска, действовавшие на территории республики. Несмотря на то, что уборочные работы в 1941 г. по климатическим условиям начались позже, чем в 1940 г., в шести южных областях УССР уже на 15 июля было убрано 959 тыс. га зерновых, в то время как на это же число в 1940 г. было убрано только 415,3 тыс. га. Вывезенные с Украины хлеб и хлебопродукты составили примерно одну восьмую всех зерновых, заготовленных в тыловых районах страны[46].

В целом справились со своими задачами колхозники и работники совхозов других прифронтовых районов. Но в создавшейся обстановке вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на восточные районы, где уборка первого военного урожая была проведена хуже, чем в 1940 г., особенно в Поволжье и на Урале. Основными причинами такого положения явились сильные затяжные дожди, начавшиеся во многих районах сразу же после созревания хлебов. Ощущалась также нехватка механизаторских кадров, особенно комбайнеров и трактористов, а также транспортных средств, уборочных машин, горюче-смазочных материалов и др. В связи с мобилизацией общая численность трактористов к августу 1941 г. при потребности 498 тыс. человек составляла 286 тыс.

Чтобы по возможности компенсировать потери сельского хозяйства и поддержать на необходимом уровне сельскохозяйственное производство, еще 20 июля 1941 г. правительство утвердило план увеличения озимого клина зерновых культур в областях Поволжья, Урала. Сибири и Казахской ССР. Было принято также решение расширить посевы зерновых культур в районах хлопководства — Узбекистане, Туркмении, Киргизии. Казахстане и Азербайджане.

Продвижение на восток озимых хлебов, использование части хлопковых посевных площадей среднеазиатских республик под посевы зерновых и технических культур составляло важнейшую часть программы военной перестройки экономики, мобилизации ресурсов села на помощь фронту.

Фронт оторвал от мирного труда наиболее трудоспособную и квалифицированную часть работников села. Для возмещения убыли рабочей силы в общественное производство деревни вовлекалось все мало-мальски трудоспособное колхозное население, включая подростков и стариков. Женщины и молодежь допризывного возраста были основным резервом комплектования механизаторских кадров.

Удельный вес женщин среди трактористов, комбайнеров, шоферов поднялся с 7,8% в 1940 г. до 36—42% в 1942 г., в отдельных областях этот процент был еще выше. Так, в Молотовской области процент трактористок возрос с 9% в 1940 г. до 75% в 1942 г.[47]

Активно вовлекались в производство подростки. Если в 1940 г. в тыловых районах работало 4,4 млн. подростков и престарелых, то в 1942 г. их число достигало 6,1 млн. человек. Дополнительную рабочую силу, особенно во время уборки урожая, деревня получала за счет временной мобилизации трудоспособного населения городов и сельских местностей, не занятых в колхозном производстве.

В итоге всех усилий к концу 1941 г. в закрома государства поступило свыше одного миллиарда пудов зерна. В тех труднейших условиях это было несомненным достижением работников сельского хозяйства, их заметным вкладом в дело мобилизации экономических ресурсов страны.

Трудности первых недель и месяцев войны наложили свой отпечаток на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на транспорт. Приспосабливать транспортные перевозки к возраставшим потребностям фронта и тыла и особенностям военно-экономической мобилизации приходилось в исключительно тяжелых условиях. Враг сразу же сделал попытку перерезать и парализовать транспортные артерии страны, с особым ожесточением бомбардируя мосты, переправы, пристани и железнодорожные коммуникации.

Перестройка работы железных дорог вновь (нарком путей сообщения Л. М. Каганович, с марта 1942 г. - А. В. Хрулев, с февраля 1943 г. — Л. М. Каганович и с декабря 1944 г. — И. В. Ковалев) началась с перевода движения поездов на особый воинский график 1941 года — литер А, который был введен приказом НКПС от 23 июня 1941 г. с 18 часов 24 июня взамен имевшегося в распоряжении дорог воинского графика 1938 г. Введение воинского графика обеспечивало первоочередной и скорейший пропуск воинских эшелонов и грузов.

Одновременно были приведены в действие и другие мероприятия, предусмотренные мобилизационным планом, в частности, открылись находившиеся на консервации промежуточные станции и разъезды, обходные линии, дополнительные пути, водокачки, устройства локомотивного и вагонного хозяйства, места погрузки и „ выгрузки. Принимались меры к увеличению пропускной способности важнейших узлов восточных районов (Челябинского, Свердловского, Тагильского, Новосибирского, Кировского), развертывалось строительство ряда дорог в восточных и северных районах. Значительная часть подвижного состава переоборудовалась для перевозок воинских частей, боевой техники, боеприпасов, раненых и т. п. На фронтах учреждались должности уполномоченных НКПС, наделенных широкими правами.

Уже в течение первой недели войны железные дороги СССР выполнили такой объем перевозок, на который дореволюционной

России в начале Первой мировой войны потребовалось два с половиной месяца[49]. Всего в течение за летне-осенний период 1941 г. для развертывания и сосредоточения Советских Вооруженных Сил из внутренних военных округов в пункты сосредоточения войск были доставлены главным образом железнодорожным транспортом 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн. человек маршевых пополнений[50]. За первые 40 дней войны по железным дорогам было перевезено на фронт 2,5 млн. чел. Под воинские перевозки с начала военных действий по декабрь 1941 г. потребовалось 2,4 млн. вагонов[51].

Выполнение оперативных заданий по воинским перевозкам уже в первые месяцы войны заметно отразилось на снижении общего объема народнохозяйственных перевозок. Повысился лишь удельный вес основных хозяйственных грузов оборонного значения: с 57% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г. Перевозки же остальных хозяйственных грузов, включая товары широкого потребления, уменьшились с 46 тыс. вагонов в июне до 22 тыс. в июле и 18,9 тыс. в августе[52].

Осуществление максимально быстрой переброски войск на фронт, при одновременно проводимых народнохозяйственных перевозках и эвакуации людей и предприятий в тыл потребовало от железнодорожников высокой организованности, дисциплины и самоотверженности в работе. Подвергаясь постоянным атакам с воздуха, машинисты и поездные бригады героически водили эшелоны с войсками и вооружением на фронт, вывозили отсюда раненных и другие грузы. Чтобы ослабить напряженность движения на линиях и ускорить пропуск воинских поездов, на дорогах стали применяться методы «живой блокировки». По пути следования устанавливались посты, помогавшие следить за движением каждого поезда. Иногда поезда продвигались «караванами» — с небольшими интервалами, меньше тех, которые допускались техническими правилами. Но цель достигалась и пропускная способность увеличивалась иногда в 2—3 раза.

Трудности и потери на железнодорожном транспорте были велики. Достаточно отметить, что к ноябрю 1941 г. в результате вражеской оккупации длина железнодорожного пути СССР сократилась на 41%. Все это тяжело отразилось на эксплуатационной деятельности железных дорог. Так, во втором полугодии 1941 г. было перевезено народнохозяйственных грузов на 134,9 млн. т меньше, чем в первом полугодии[53]. Однако железнодорожный транспорт выдержал самое большое испытание военных лет. Важную роль сыграли меры, принятые ГКО в первые месяцы 1942 г., по созданию устойчивости в работе железных дорог, в том числе учреждение 14 февраля при Государственном Комитете Обороны специального органа, координирующего все перевозки, — Транспортного комитета под председательством И. В. Сталина.

С первых месяцев войны на обслуживание первоочередных нужд фронта были мобилизованы и другие виды отечественного транспорта.

Огромные трудности выпали на долю речников Днепро-Двин- ского, Северо-Западного и Волжского бассейнов (нарком речного флота СССР 3. А. Шашков). Только благодаря героическим усилиям речников удалось в невиданно короткий срок организовать 46 переправ по среднему и нижнему течению Днепра и на Десне.

Весь флот Неманского пароходства работал по заданиям военного командования. По мере продвижения вражеских войск на Восток речной флот отводился на Днепр. После оставления Красной Армией левого берега Днепра флот был затоплен.

Морской транспортный флот (нарком морского флота С. С. Дукельский, а с февраля 1942 г. П. П. Ширшов) на Черном море и Северных морях так же, как и речной флот в западных областях, был поставлен целиком на службу фронту и действовал главным образом по заданиям военного командования. Моряки своей самоотверженной работой внесли значительный вклад в оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Мурманска.

Автомобильный транспорт, удельный вес которого в грузообороте страны в 1940 г. составлял всего лишь 1,8%, во время войны приобрел исключительно важное значении при обслуживании ближайших направлений от тыла к фронту, а также для доставки в тыл эвакуированного населения, сырья, продовольствия и материалов. Только автомобильным транспортом Ленинградского фронта через Ладожскую ледовую трассу с 24 ноября 1941 г. по 21 апреля 1942 г. было перевезено 354200 т грузов. За это же время по той же трассе удалось вывезти в тыл 514069 человек[54].

На базе автомобильных парков городских и промышленных хозяйств в первых числах ноября 1941 г. по решению ГКО были созданы автоколонны в Москве, Ярославле, Горьком, Рязани, Туле, Воронеже, Ростове-на-Дону, Сталинграде. Эти колонны, находившиеся в распоряжении облисполкомов, перевозили эвакуированные грузы и население, подвозили сырье и материалы для промышленных предприятий, продовольствие для населения городов.

Общий объем перевозок воздушного транспорта Главного управления гражданского воздушного флота (ГУГВФ) за шесть месяцев 1941 г. и первую половину 1942 г. составил 15,9 млн. тоннокилометр. За это же время было перевезено, в том числе фронтовыми авиапод- разделениямй ГУГВФ, 572 тыс. пассажиров[55].

Развитие производственной инициативы транспортников, массовый трудовой героизм железнодорожников, речников, моряков, коллективов автомобильного транспорта и гражданского воздушного флота в значительной мере помогли им в первые месяцы войны осуществить огромный по тому времени объем перевозок.

К числу мер, ставших важнейшей частью военной перестройки

народного хозяйства, явилась начатая с самого начала войны эвакуация основных кадров, материальных и культурных ценностей, сырья и оборудования промышленных предприятий из угрожаемых районов Советского Союза на Восток. О ней мы уже не раз упоминали в настоящем тексте. Это была вынужденная, но весьма необходимая производственная операция, вызванная крайне неблагоприятной обстановкой, которая сложилась на фронте с первых дней фашистской агрессии.

Из угрожаемых районов различными видами транспорта в 1941 — 1942 гг. удалось эвакуировать миллионные массы людей, тысячи предприятий, сотни тысяч тонн сырья, топлива, громадные ресурсы сельского хозяйства и другие материальные и культурные ценности. Ничего подобного мировая история еще не знала. Известный в военные годы американский журналист Л. Сульцбергер в статье, опубликованной 20 июля 1942 г. в журнале «Лайф», назвал эвакуацию, проводимую в СССР, поистине легендарной. «Этот осуществляемый в гигантских масштабах перевод промышленности на Восток, — говорилось в статье, — одна из величайших саг в истории».

Высокую оценку осуществленному в СССР перебазированию производительных сил дал в своей книге «Россия в войне 1941—1945» английский публицист А. Верт. «Эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 г. и ее «расселение» на Востоке, — писал он, — следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны»[56].

В дни эвакуации советская экономика переживала самые большие трудности за все время войны. Предприятия, составлявшие более трети общей производительной мощности важнейших отраслей промышленности, вследствие вражеского нашествия и вынужденной эвакуации временно прекратили выпуск продукции. Все это привело к значительному падению общего объема промышленного производства. Валовая продукция промышленности с июня по ноябрь 1941 г. уменьшилась в 2,1 раза. При этом выпуск проката черных металлов - основы военной индустрии — к концу года против июня 1941 г. уменьшился в 3,1 раза, выпуск проката цветных металлов, без которого невозможно военное производство, за тот же период уменьшился в 430, раз, а изготовление шарикоподшипников, без которых нельзя выпускать самолеты, танки, артиллерию, сократился в 21 раз. Казалось, наступает полный паралич советской экономической системы.

Однако в результате поистине героических усилий тружеников тыла, а также принятых ГКО и правительством конкретных действенных мер, в декабре 1941 г. падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 г. начался его рост.

Вопросы размещения и восстановления эвакуированных фабрик и заводов, благоустройства прибывавших рабочих, служащих и чле-

нов их семей находились в центре внимания партийных и советских органов восточных районов. Часто не было готовых фабрично-заводских корпусов, не хватало жилищ, топлива, электроэнергии. Но советские люди мужественно преодолевали эти трудности, работая нередко под дождем или в ледяную стужу по 13—14 часов. В невиданно короткие сроки, в среднем за 1,5—2 месяца, эвакуированные предприятия вступали в строй и вновь давали продукцию, столь необходимую фронту.

Вот, что говорилрсь, например, в одном из отчетных документов по Новосибирской области: «Осень 1941 года. В нашу сторону двинулось множество эшелонов с людьми эвакуированных заводов, которые везли с собой ценнейшее заводское оборудование, чтобы спасти его от немецких захватчиков, заставить его снова работать на оборону, на победу. В область прибывали эшелоны из Москвы, Харькова, Ленинграда, Киева и других городов... Нужно было немедленно разгрузить эти эшелоны, снять оборудование, установить его часто совсем на новых местах, но чаще - влить в цехи уже работавших заводов. Был мобилизован весь комсомол, вся молодежь области, чтобы как можно быстрее заставить это ценное оборудование работать на победу. После 12-часовой работы приходилось ночами трудиться на разгрузке эшелонов. Комсомольские бригады, невзирая на суровые сибирские морозы, на темные ночи, на свою усталость, шли и работали: расчищали заводские площадки, рыли котлованы там, где нужно было возводить новые заводские корпуса... Комсомольцы строили железнодорожные ветки к новостройкам, а следом уже шли составы, груженные оборудованием и материалом для работы, и через несколько недель завод выдавал готовую боевую продукцию»[57].

Благодаря преимуществам плановой системы хозяйства, умелой организаторской деятельности партийных и советских органов, самоотверженным усилиям советских людей, эта грандиозная производственная операция, равная по своей значимости, по словам маршала Г. К. Жукова, «величайшим битвам Второй мировой войны», была успешно осуществлена. Фактически в глубокий тыл была перемещена целая индустриальная страна. Для этого потребовалось только в 1941 г. 1.5 млн. вагонов. Построенные в одну линию они заняли бы путь от западной части Франции до Тихого океана.

Решение столь грандиозной военно-хозяйственной задачи во многом предопределило ускоренное развертывание на Востоке СССР мощной военно-промышленной базы.

Уже в марте 1942 г. восточные районы дали столько военной продукции, сколько выпускали до войны предприятия всего Советского Союза[58]. В первой половине 1942 г. здесь было введено в действие более 1200 крупных предприятий. За это же время советская военная промышленность сумела не только восстановить потерянные в начале войны производственные мощности, но и значительно превзойти их.

Неизмеримо возросло значение Урала, ставшего становым хребтом оборонной промышленности страны. Вскоре уральская промышленность стала производить до 40% всей военной продукции, в том числе 60% средних и 100% тяжелых танков. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, делался из уральской стали[59].

«Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность работал теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов», — вынужден был отметить в своей книге бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх^[0].

За первую половину 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. производство танков в стране возросло в 2,3 раза, полевой артиллерии — в 2 раза, противотанковой артиллерии — в 4 раза, минометов — в 3 раза, пистолетов-пулеметов и противотанковых ружей — в 6 раз. Рост военного производства важнейших видов боевой техники продолжался в течение всего первого полугодия 1942 г. Так, по сравнению с I кварталом во II квартале 1942 г. был в 2,8 раза выше, чем в ноябре 1941 г.[61] Это позволило советскому командованию начать формирование крупных танковых соединений.

Сочетание жесткого централизованного руководства с местным почином и местной инициативой позволило в значительной мере не только смягчить хозяйственные трудности первого года войны, но и найти пути, необходимые для их преодоления и решения практических задач по созданию военного хозяйства страны.

В мае 1942 г. по инициативе передовых предприятий во всех отраслях народного хозяйства СССР развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование, направленное на усиление помощи Красной Армии. В нем проявилось единое стремление тружеников тыла - сделать как можно больше для фронта.

Движение многостаночников и скоростников, за совмещение профессий, двухсотников, трехсотников и даже тысячников (т. е. выполнявших нормы на 200, 300, 1000 процентов), комсомольско-молодежных и фронтовых бригад — таков далеко не полный перечень массовых проявлений в дни войны трудовых инициатив советскими рабочими.

Лучшие из них - люди разных национальностей: сталевары Нурулла Базетов, Ибрагим Валеев, Александр Чалков, Ольга Ковалева, фрезеровщик Дмитрий Босый, машиностроители Михаил Попов, Василий Шубин, Павел Спехов, машинисты Николай Лунин, Василий Болонин, бурильщики Алексей Семиволос, Илларион Ян- кин, станочница Екатерина Барышникова, первая в стране женщина-горновой Фелисата Шарунова и многие другие увлекали за собой на высокопроизводительный труд, в сражение за металл, за уголь и нефть сотни тысяч бойцов трудового фронта.

Чего добивались эти героические труженики советского тыла,

можно судить хотя бы по такому факту. Сталевар Кузнецкого металлургического завода А. Я. Чалков освоил способ варки специальной стали в обычных мартеновских печах. Только за первые два года войны он выпустил столько сверхплановой стали, сколько требовалось для изготовления 24 тяжелых танков, 36 пушек, 15 тыс. минометов, 100 тыс. гранат и 18 тыс. автоматов. У него появились тысячи последователей[62].

По этому поводу известный английский экономист Морис Добб в своей книге «Советское планирование и труд в мирный и военный период», выпущенной во время войны, писал: «Величайшую ошибку совершит тот, кто займется техническим аспектом планирования и станет рассматривать советскую хозяйственную систему только в свете согласования и руководства, игнорируя демократический элемент в ней, выражающийся в активном участии и самодеятельности масс».

Перестроенная к середине 1942 г. на военный лад, целиком подчиненная интересам фронта, задаче скорейшего разгрома врага, советская экономика создавала необходимые предпосылки для обеспечения материально-технического преимущества над силами гитлеровской военной машины.

И хотя в 1942 г. соотношение экономических ресурсов было еще весьма значительным в пользу противника, опиравшегося на потенциал почти всей Европы, организованное в СССР к концу года быстро растущее военное хозяйство стало давать военной продукции больше, чем промышленность фашистского рейха. Всего в течение года Советский Союз произвел больше танков на 18257, самолетов — на 10736, полевых и зенитных орудий (от 75 мм и выше) - на 34793[63].

Советская экономика с максимальной эффективностью использовала каждую тонну металла и топлива, каждую единицу станочного оборудования. Этого удалось добиться путем четкого планирования, эффективного использования основных фондов, рабочей силы, внедрения в производство передовых методов труда, прогрессивной технологии, более совершенной организации производства. Советский тыл выпустил в следующем 1943 г. самолетов почти на 10 тыс. больше, чем в Германии, в 2 с лишним раза больше танков и самоходно-артиллерийских установок, орудий и минометов. И это в условиях, когда фашистский рейх произвел в 1943 г. больше, чем СССР, электроэнергии — на 11,8 млрд. квт/ч, чугуна — на 21,4 млн. т, стали — на 26,1 млн. т[64]. Продолжая, таким образом, располагать меньшей промышленной базой, Советский Союз сумел значительно превзойти противника по выпуску вооружения. Успехи в развитии военного хозяйства СССР позволили осуществить перевооружение Красной Армии новейшей техникой и добиться не только существенного количественного, но и качественного превосходства над врагом в боевой технике, вооружении, боеприпасах.

Трудно измерить все величие жертвенного подвига, совершенного в годы войны колхозным крестьянством. В условиях резкого сокращения материально-технической и ремонтной базы, острой нехватки рабочей силы и горючего труженики села напрягали все свои силы для обеспечения армии и населения продовольствием, а промышленность — сырьем. Ведь от того, как накормлены, одеты и обуты советские воины, как снабжаются продовольствием труженики тыла, в значительной мере зависел исход вооруженной борьбы с фашизмом. Во всех колхозах и совхозах возникло патриотическое движение за досрочную сдачу хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. В ходе войны по примеру рабочего класса на селе развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование комбайнеров, трактористов, животноводов, полеводческих бригад и звеньев. Вся страна узнала о выдающихся достижениях трактористок сестер Ангелиных, Прасковьи Ковардак, комбайнера Александра Оськина, хлеборобов Чаганяка Берсиева и Терентия Мальцева, хлопкоробов Хамракула Турсункулова и Зинаиды Муталовой и многих других передовиков производства.

Даже в 1943 г., когда к огромным трудностям, вызванным войной, прибавилась сильная засуха, работники сельского хозяйства, как было отмечено в одном из правительственных документов, обеспечили «без серьезных перебоев снабжение Красной Армии и населения продовольствием, а промышленность сырьем». Всего за 1941— 1944 гг., несмотря на временную потерю важных сельскохозяйственных районов, Советское государство заготовило 4312 млн. пудов зерна, что в 3 раза больше, чем заготовила дореволюционная Россия в Первую мировую войну, и 5048 тыс. т мяса.

Бок о бок с рабочими и колхозниками самоотверженно трудилась в тылу советская научно-техническая интеллигенция.

Работы ученых позволили получить дополнительно уголь, нефть, железо, марганец, вольфрам, алюминий, медь и другие виды сырья. Важнейшими направлениями деятельности конструкторов, инженеров и техников была разработка новых и модернизация старых видов техники, повышение эффективности военной промышленности.

«Все годы, — вспоминал впоследствии известный советский конструктор танков Ж. Я. Котин, - шло состязание конструкторских умов воюющих сторон. Германия трижды меняла конструкцию своих танков. Однако гитлеровцам так и не удалось достигнуть боевой мощи советских танков, созданных и модернизированных учеными и конструкторами А. Морозовым, М. Кошкиным, J1. Трояновым,
Н. Духовым, А. Ермолаевым, М. Балжи, В. Торотько, Н. Шамшуриным, Л. Сычевым и многими другими. Творческая мысль наших конструкторов все время обгоняла фашистскую»[65].

Если в начале войны советские истребители и бомбардировщики, за исключением новых типов, по тактико-техническим данным не

сколько уступали вражеским, то к 1943 г. большинство типов советских самолетов превосходило их. В этом году на вооружение советских ВВС поступил модернизированный пикирующий бомбардировщик Пе-2, значительно превосходивший однотипные германские бомбардировщики Ю-88 и Х-III. Штурмовик Ил-2, прозванный «летающим танком», не знал себе равного в мировой практике самолетостроения. Всего в ходе войны в серийное производство поступило 25 новых моделей самолетов и 23 типа авиационных моторов[66]. Большая заслуга в этом принадлежала талантливым авиаконструкторам и командирам производства А. А. Архангельскому, М. И. Гуревичу, С. В. Ильюшину, В. Я. Климову, С. А. Лавочкину,
А. И. Микояну, А. А. Микулину, В. М. Петлякову, А. Н. Туполеву,
А. С. Яковлеву и другим.

Благодаря достижениям видных конструкторов В. Г. Грабина, И. И. Иванова, Ф. Ф. Петрова и другим был налажен серийный выпуск новых образцов артиллерии. Советские орудия по качеству в своем большинстве также превосходили немецкие. Многозарядные реактивные боевые установки БМ-8, БМ-13, БМ-31-13 наводили страх и панику в войсках противника.

В исключительно короткие сроки в СССР было освоено производство высококачественного вооружения, боеприпасов и других видов военной продукции.

В первых рядах воюющего народа находились и представители творческой интеллигенции и народного образования, помогавшие партии вдохновлять советских людей на героические дела на фронте и в тылу.

Поистине массовый всенародный характер приняли в военные годы патриотические движения за создание фонда обороны, за сбор средств на вооружение Красной Армии, а также сбор средств и теплых вещей советским воинам. За четыре года войны только добровольные взносы от советских граждан в фонд обороны на строительство боевой техники выразились в сумме 118,2 млрд. рублей, что равнялось почти среднему расходу на наркоматы обороны и Военно-Морского Флота.

Ведя в 1941—1945 гг. тяжелую борьбу с фашистским блоком, СССР нашел в себе силы и для того, чтобы одновременно развернуть широкие восстановительные работы. «В мировой истории, — подчеркивала «Правда» 23 августа 1944 г., — не было государства, которое могло бы сочетать ведение войны с осуществлением грандиозного плана строительства, быстрейшего восстановления разоренных врагом районов. Только могучее Советское государство с волевым, неутомимым, закаленным народом смогло приступить к ликвидации последствий войны в военное время».

Широкая конкретная программа возрождения экономики и культуры содержалась в правительственном постановлении от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в рай

онах, освобожденных от немецкой оккупации». Возрождение из руин освобожденных районов, оказание помощи их населению стало важнейшей государственной задачей. В 12 союзных и автономных республик стали действовать специальные шефские комитеты, которые провели большую организационную работу. Так, трудящиеся Казахской СССР шефствовали над 10 городами и 35 районами Орловской, 12 районами Ленинградской, 3 районами Сталинградской и одним районом Калининской области. Они оказывали также помощь Украине, Белоруссии, Молдавии и республикам Прибалтики.

На возрождение народного хозяйства выделялись значительные средства. В освобожденные районы, кроме финансовых ресурсов, непрерывным потоком шли эшелоны с людьми, материалами, оборудованием, продовольствием, сельскохозяйственным инвентарем,, семенами и т. д.

Сразу же после изгнания врага большие восстановительные работы развернулись в Донецком угольном бассейне. Преодолевая немалые трудности и лишения, советские люди упорно и настойчиво возрождали к жизни главную кочегарку страны. О громадном объеме проделанной здесь работы свидетельствуют такие данные: за время восстановления Донецкого бассейна из затопленных гитлеровцами шахт было выкачено 700 млн. кубометров воды, которой хватило бы для того, чтобы наполнить озеро площадью 140 кв. километров и глубиной 5 метров. К началу 1945 г. уголь уже добывался здесь на трех шахтах из каждых четырех, действовавших до войны. К концу войны Донбасс вновь занял первое место в стране по добыче угля.

Стоит при этом отметить большие достоинства ныне порушенной плановой системы, о чем говорит хотя бы тот факт, что уже в 1943 г. после понесенных страной неисчислимых потерь и разрушений мы имели бездефицитный бюджет, а в следующем году он превысил по позитивным показателям достижения довоенного 1940 г.

- В 1944 г. капитальные вложения, направленные на возрождение освобожденных районов, составили более 40% капитальных вложений во всенародное хозяйство СССР».

О том какими темпами осуществлялись восстановительные работы, можно судить и по таким результатам: 629 дней гитлеровцы потратили на то, чтобы получить первую небольшую плавку стали на Днепродзержинском металлургическом комбинате. Но и эта плавка оказалась низкого качества. А советские сталевары уже на 26-й день после начала восстановления Днепродзержинска рапортовали стране о выплавке высококачественного металла[67].

Уже к концу войны в очищенных от врага районах вступила в действие примерно треть довоенного промышленного производства, в том числе 7,5 тыс. крупных возрожденных объектов индустрии. На долю предприятий освобожденных областей к этому времени прихо

дилась пятая часть всей промышленной продукции, выпускавшейся в стране[68].

Имея по сравнению с Германией в начале войны втрое меньше металла и вчетверо меньше угля, Советский союз добился среднегодового производства больше, чем в Германии: самолетов - в 2 раза, танков — почти в 2 раза, орудий в 4 раза, снарядов, бомб и мин — почти в 1,5 раза[69].

Оценивая соотношение военно-экономических возможностей СССР и Германии американский публицист М. Вернер еще в 1943 г. писал: «Все имеющиеся ресурсы русских были больше сконцентрированы на военных усилиях и были использованы в большей степени, нежели немецкие. Однако в России из каждой тысячи тонн стали на производство вооружения использовалось большее количество металла, чем в Германии. В Германии было больше машин. Однако в Советском Союзе значительная часть всех имеющихся станков производила военные материалы. Вот почему оказалась возможной драматическая борьба Магнитогорска с предприятиями Европейского континента, находящегося под господством Гитлера»[70].

Всего за годы войны в СССР было произведено 482 тыс. артиллерийский орудий, около 352 тыс. минометов, свыше 100 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, более 112 тыс. боевых самолетов[71]. За это же время из США и Англии по ленд-лизу было получено 9600 артиллерийских орудий, 11576 танков и самоходных орудий, 18753 самолета[72]. В СССР не перечеркивалось значение экономической помощи США и Великобритании, хотя нет никаких оснований в какой-то мере и преувеличивать ее роль. Достаточно указать, что общий объем англо-американских поставок по отношению к советскому производству составил за время войны лишь 4% и не превышал по самолетам 13%, про танкам - 7%, зенитным орудиям около 2%. К тому же, к сожалению, далеко не вся техника доставлялась союзниками в те сроки, когда СССР испытывал наиболее острую в ней потребность. «Советский Союз пользуется вооружением со своих собственных заводов», — заявил 20 мая 1944 г. в американском конгрессе президент США Ф. Рузвельт[73].

Наш народ по праву гордится тем, что фашистские полчища были остановлены и разгромлены отечественным оружием, созданным руками доблестных тружеников тыла, от рядового до наркома, которые достойно выполнили свой гражданский, патриотический долг. Как писала еще в суровые дни лета 1942 г. газета «Правда», «из поколения в поколение будет передаваться слава как о тех, кто в годину грозных испытаний защищал Советскую Родину с оружием в руках, так и о тех, кто ковал это оружие, кто строил танки и самолеты, кто варил сталь для снарядов, кто своими трудовыми подвигами был достоин воинской доблести бойцов. Наши дети и внуки с благоговением будут вспоминать о героях труда наших дней, как о героях великой освободительной отечественной войны»[74].

Ссылки на источники

1 История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. М., 1960. Т. 1. С. 409.

2 История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 58.

3 *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 26.

4 Коммунист, 1967, № 1. С. 23.

5 Там же. 1982. № 10. С. 84-85.

6 Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. М., 1963. С. 531.

7 Страна Советов за 50 лет. Сб. статистических материалов. М., 1967. С. 119.

8 История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974. Т. 3. С. 386.

9 СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933-1945. М., 1976. С. 256.

10 Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 81.

11 История второй мировой войны 1939-1945. Т. 3. С. 283.

12 *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 171.

13 Институт российской истории РАН (далее ИРИ РАН). Документы и материалы. Инв. № 148. J1. 82.

14 Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.). М., 1988. С. 85.

15 *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 38.

16 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. (1941-1952). С. 44-48.

17 История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. М., 1961. Т. 2. С. 142.

18 Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 923. Д. 28. Л. 1, 88.

19 Там же. Л. 1—2.

2° История второй мировой войны. 1939-1945. М., 1975. Т. 4. С. 149.

21 Оружие победы. 1941-1945. М., 1985. С. 154; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 1945. Т. 2. С. 161.

22 История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. С. 158.

23 Там же. М., Т. 5. С. 48

24 *Фойхтер Г.* История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1956. С. 164.

25 История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. С. 150.

26 Там же. С. 150, 151, 158.

27 Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. С. 119.

28 *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 42.

29 История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. С. 151.

30 Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 2. С. 123.

31 *Колесник Л. Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны:/Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 69. (

32 История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 2. С. 498

[33] *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 112; История второй мировой войны 1939-1945. Т. 4. С. 14.

[34] РГАЭ. Ф. 4372. Он. 93. Д. 31. Л. 186.

[35] Там же. Л. 187; Правда. 1943. 1 октября.

[36] *Кравченко Г* С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-9145 гг.). М., 1970. С. 109, 144; Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 817.

[37] РГАЭ. Ф. Оп. 93. Д. 32. Л. 120.

[38] История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. С. 154.

[39] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 183.

[40] Там же.

[41] Там же. Л. 178-179.

[42] История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. С. 136.

[43] Там же. С. 144.

[44] См. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 64.

[45] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 81.

[46] Экономика Советской Украины. 1965. № 4. С. 17.

[42] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 32. Л. 79.

[48] Там еж. Л. 72.

[49] *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). М., 1981. С. 45.

[50] Военные сообщения за 50 лет. М., 1967. С. 46.

[51] Тыл Советской Армии. М., 1968. С. 122.

[32] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 28. Л. 8.

[53] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 42; Архив Института военной истории МО РФ (далее ИВИ). Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 389.

[54] Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 41. Оп. 27014.Д. 3. Л. 4-5.

[55] Архив ИВИ. Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 406.

[56] *Верт А.* Россия в войне 1941-1945 (Пер. с англ.). М., 1967. С. 144.

[57] *Куманев Г. А.* Трудовой подвиг комсомола в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 16.

[58] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 43.

[59] Вторая мировая война. Общие проблемы. М., 1966. С. 109; *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 50, 70.

[60] *Типпельскирх К* История второй мировой войны (Пер. с нем.). М., 1956. С. 256.

[61] История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 4. С. 158.

[62] *Куманев Г. А,* Указ. соч. С. 25.

[63] История второй мировой войны. 1939-1945. М., 1976. Т. 6. С. 342.

[64] Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 297.

[65] Правда. 1975. 15 февраля.

[66] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 459.

[67] Шаги пятилеток. Развитие экономики. М., 1968. С. 124.

[68] Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 1. С. 114-115.

[69] Краткая история СССР. М., 1983. Ч. 2. С. 420.

В. М. МОЛОТОВ

Все мои семь встреч с В. М. Молотовым (1983-1986) были на государственной даче № 18 в подмосковном поселке Жуковка-2.

Первая из них состоялась 15 октября 1983 г. О ней договорился с Молотовым бывший управляющий делами правительства в годы войны доктор экономических наук Яков Ермолаевич Чадаев. Наш визит к нему несколько раз откладывался из-за недомогания то Молотова, то Чадаева, но, наконец, все препятствующие причины отпали, и вот мы подъезжаем к даче.

- Он вас давно ждет, - говорит встречающая нас «экономка» Молотова. Шаркающей походкой идет навстречу нам «хозяин» дачи. Он очень изменился, поэтому трудноузнаваем. Большая, наклоненная набок голова, очень редкие, короткие усы, нет пенсне. Дрожащие кисти рук (видимо, болезнь Паркинсона). На Молотове теплая рубашка в крупную клетку с потертым воротником и потертыми рукавами...

Проходим в небольшую гостиную со скромной мебелью. Круглый стол, софа и недорогой сервант с посудой. На серванте овальный художественный портрет жены Молотова — Полины Семеновны Жемчужиной-Молотовой. Около стола - большой телевизор, правда, черно-белого изображения. Несколько стульев под чехлами из белого полотна.

Мы усаживаемся за стол и. начинаем беседу. Прежде всего справляемся о здоровье «хозяина» дачи. Молотов отвечает, что для его возраста оно вполне сносное, хотя после перенесенного в прошлом году воспаления легких стал хуже слышать.

- Мы ведь с Вами земляки, Вячеслав Михайлович? — говорит Чадаев.
- А Вы откуда родом?
- Город Омутнинск Кировской области.
- Ну, если иметь в виду область, то, действительно, земляки - вятичи, - соглашается Молотов. - И в Омутнинске мне доводилось бывать. Но родом я все же из другого места - из села Кукарка. И у меня есть другой известный земляк. Так уж распорядилась история, что из одного села вышли два председателя Совнаркома: Алексей Иванович Рыков и я. (Меня особенно поразило, что имя Рыкова было произнесено Молотовым полностью и даже с каким-то уважением.)

Постепенно мы переходим к разговору на исторические и политические темы. Молотов сам предлагает, чтобы гости расспрашивали его обо всем, что интересует.

Я сразу задаю вопрос о секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Был ли в действительности такой дополнительный протокол?

— Трудный вопрос затронули, — замечает Молотов. — Ну, в общем, мы с Риббентропом в устном плане обо всем тогда договорились.

Следующий вопрос касался рассказа А. И. Микояна о том, как германский посол в Москве фон Шуленбург предупредил советское руководство о предстоящей агрессии против СССР.

Молотов задумался, потом ответил:

— Что-то не помню. Вряд ли...

Я. Е. Чадаев интересуется степенью виновности сподручных Берии - Абакумова, Меркулова, Деканозова и других.

— Надо бы внимательно посмотреть все документы, ведь подлинных врагов и нестойких элементов в нашем обществе было немало. И проведенная чистка накануне войны была оправданным делом. Хотя при этом допускались и ошибки, — говорит Молотов и переключает разговор на вопросы текущей политики, нашей внутренней жизни.

— О трудностях нашего развития замалчивать нельзя, - замечает он, — это создает такое представление: что же это за социализм? Этого не хватает, того не хватает. Очень большие испытания. Вот помогаем Польше. Одна она не устояла бы, конечно. Я считаю большим плюсом, что появился Ярузельский. Похож на честного, понимающего социализм, его законы. Он не торопится, и не нужно торопиться. Мы же торопимся. У нас уже объявлен настоящий полный, зрелый социализм. С моей точки зрения, тогда можно говорить о развитом социализме, если он растет, если можно учесть недостатки. Когда же замалчивают отрицательные стороны, получается большой вред. Торопливость порождает оппортунизм. А что сейчас у нас? И хлеба не хватает, и мяса не хватает, материалов для одежды. И то, что мы выдержали, неуклонно все усиливая социалистический строй, — это все же не дает права сказать: «У нас зрелый социализм». Слово «зрелый» я вообще считаю неподходящим для нас. Но мы идем по пути создания развитого, все более всесторонне развитого социализма. И находимся в самом начале этого пути. Надо еще десятки лет поработать, десятки лет. Причем в условиях, когда мы живем в капиталистическом окружении.

Во всяком случае наши позиции еще не окрепли, социалистические позиции. Но, когда мы торопливо игнорируем факты, связанные с недостатками, с остатками старого общества в нашей стране, это пользы не приносит, это создает иллюзии и разочарование. И многие разочарованы, на мой взгляд: «Как же так? Социализм десятки лет, а вот не все имеем».

В таких условиях международных, да и внутренних, в которых мы живем, ждать такого быстрого решения коренных вопросов нереаль-

но. В прошлом мы не могли особенно об этом думать, потому что дай Бог укрепить основы социализма. Мы этого добились, не пошли по оппортунистическому пути. Но вот замалчиваем недостатки настолько, что приукрашено все. Приукрашивание нового строя в данных исторических условиях может принести существенный вред. А вот назовите мне книгу, где бы говорилось: «Вот это реальный социализм, а это — остатки капитализма». Такой книги я не видел.

Или возьмем товарно-денежные отношения. Они очень опасны, и их нельзя недооценивать. Наоборот, теперешние теоретики говорят: социализм не может быть без товарно-денежных отношений, это, мол, противоречит марксизму. У Сталина и Ленина на этот вопрос не обращено должного, внимания, мне кажется. У Маркса говорится, что в условиях развитого социализма должна быть отмена товарно-денежных отношений, а на первом плане должно быть укрепление появившегося нового строя в экономическом, политическом, культурном плане. Сталин в этом отношении не отступал от марксизма-ленинизма. Налицо сейчас наше отставание от научных взглядов, я так понимаю. Эта точка зрения в нашей литературе не отражена. Кроме записок в ЦК, я об этом пишу.

На этом беседа с Молотовым закончилась. Он подписывает мне свою фотографию. Затем с согласия Вячеслава Михайловича я ставлю свой фотоаппарат на «автомат», и мы втроем фотографируемся.

Мы желаем «хозяину» дачи хорошего самочувствия. Прощаясь, Чадаев говорит:

— Есть секретное лекарство.

— Ну? — удивляется Молотов.

— Да, да, - продолжает Чадаев — воля к жизни.

— Ну конечно, это имеет значение, — соглашается полушутя Молотов. - Я ведь никогда не собирался долго прожить, не думал об этом.

— Но Вы всегда волевой, — замечает Чадаев.

— Да без этого нельзя, — отвечает Молотов.

Пожимая руку Молотову, я замечаю, что она у него достаточно крепкая, напоминает руку молотобойца, кузнеца.

— А как же? — отвечает он. - Я всю жизнь занимаюсь спортом, делаю зарядку, люблю плавание, лыжи.

Невольно подумалось, сколько же деятелей всех рангов обменивались с ним вот такими рукопожатиями: Ленин, Троцкий, Рузвельт, Сталин, Черчилль, Трумэн, Иден, Гитлер, Эйзенхауэр, Горький, де Голль...

— Может быть, Вам что-нибудь нужно, в чем-нибудь Вам надо помочь? — спрашивает Чадаев.

— Нуждаетесь ли в каких-нибудь книгах? — добавляю я.

— Нет, нет, наиболее интересующие меня сейчас книги имеют-/ ся, — говорит Молотов. - Но вот хорошо бы к зиме достать мне; шерстяную кофту и шапку...

«Какой поворот судьбы, — подумал я. — Бывшее второе лицо в государстве — и без кофты и шапки...»

Из других встреч и бесед с Молотовым остановлюсь еще на трех. 13 июня 1984 г. мы с Я. Е. Чадаевым снова оказались у него в гостях. Незадолго до этого узнали, что Молотов, кажется, 28 мая был восстановлен в рядах КПСС.

С поздравления и начинаем наш разговор. Лично мне было любопытно, какая будет его реакция на наши слова. Я ожидал, что Молотов отнесется к ним довольно сухо и официально, поскольку, как казалось, вопрос для него был слишком выстраданным и наболевшим, тем более что решение об исключении его из партии он упорно считал несправедливым, незаслуженным. Но отреагировал Вячеслав Михайлович на поздравительные слова Чадаева весьма неожиданно.

— Восстановили! Восстановили! — радостно воскликнул Молотов, сидя на стуле, и по-женски всплеснул руками. — Сам товарищ Черненко вручил мне в Кремле партбилет.

Потом лицо его сделалось серьезным, и он громко сказал:

— Это мое исключение сделал Хрущев, потому что я всегда был верен Сталину. Вы меня, кажется, спрашивали, — продолжал он, обращаясь ко мне, — о роли Сталина в Великой Отечественной войне. Так вот, хочу подчеркнуть, что всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин. Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу.

— Но действительно ли у Сталина была растерянность в первые дни или часы войны, - спрашиваю Молотова.

— А как же Вы думаете? Ведь Сталин был живой человек и на какое-то время неожиданные события его буквально потрясли и ошеломили. Он в самом деле не верил, что война так близка. И эта его позиция оказалась ошибочной.

Мы продолжаем наш разговор о событиях Великой Отечественной войны. Из ратных и трудовых подвигов советского народа Молотов особенно выделяет беспримерную, по его словам, в мировой истории эвакуацию.

— Ведь на сотни и тысячи километров, да в каких ужасных условиях, — подчеркивает он, і удалось быстро переместить в тыл фактически целую промышленную страну, миллионные массы людей. И не только переместить, но и разместить, и в самые короткие сроки пустить в действие. Где еще это было возможно?

Он согласен с тем, что у нас об этом подвиге очень мало написано, а опубликованные итоговые цифры перебазирования производительных сил представляется далеко не полными, заниженными.

— Все мы ждем, Вячеслав Михайлович, когда же, наконец, выйдут в свет Ваши мемуары, — говорит Чадаев.

Ответ «хозяина» дачи огорчает:

— Я ничего не написал, у меня ничего нет... Вы хотите сказать, что многие видели меня в свое время работающим над чем-то в Ленинской библиотеке? Так это я просто занимался «политграмотой», для себя. Трижды обращался в ЦК с просьбой допустить меня к кремлевским архивным документам. Дважды получил отказ, на третье письмо ответа вообще не было. А без документов мемуары — это не мемуары».

Еще об одной встрече. Она состоялась 15 мая 1985 г. по инициативе Я. Е. Чадаева. Яков Ермолаевич отдыхал в санатории в Барвихе. Оттуда позвонил мне домой и предложил на его автомашине совершить поездку к В. М. Молотову в Жуковку-2, с которым он уже обо всем договорился.

Я охотно согласился. День у меня был свободный. Накануне я вернулся из Швеции, где по приглашению Общества «Швеция — СССР» выступал с лекциями о 40-летии Победы в Великой Отечественной войне. Правда, на севере страны немного простудился, болело горло, но отказаться от такого заманчивого предложения было невозможно.

По дороге Я. Е. Чадаев спросил, не забыл ли я взять с собой магнитофон: ведь надо обязательно «для истории» разговор с Вячеславом Михайловичем записать. Отвечаю, что все в боевой готовности.

На небольшом крыльце знакомой дачи нас встречает Молотов, приветствует поднятием руки. Мы тепло здороваемся и вместе с ним проходим в гостиную. За несколько месяцев после нашего последнего визита (8 октября 1984 г.) внешне Молотов мало изменился. Только более медленной стала его речь и заметно хуже стал слышать.

(Далее привожу почти полную запись нашей беседы).

Я Е. Чадаев: Как Вы себя чувствуете, Вячеслав Михайлович?

В. М. Молотов: Средне. Так себе, как говорят, по возрасту.

Я. Е. Чадаев: Позвольте вручить Вам от всего сердца мою новую книгу «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны». Это второе, переработанное и дополненное издание. Георгий Александрович Куманев тоже принес Вам свои новые работы.

В. М. Молотов: Спасибо вам за внимание. С удовольствием их посмотрю. Что еще готовится у вас к изданию в ближайшее время?

Г. А. Куманев: В первую очередь хочу назвать только что опубликованный энциклопедический труд «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.» — первое справочное издание такого рода. Потребовало оно от нас очень больших усилий. Кстати, там есть специальные тексты о Вас, Вячеслав Михайлович, и о Якове Ермолаевиче. Помещен даже Ваш портрет.

В. Af. ***Молотов:*** Обо мне написано в критическом плане?

Г. А. Куманев: Нет, нет. Вполне объективно, хотя текст по объему очень небольшой, не соответствующий Вашим высоким должностям, занимаемым в годы войны.

В. М. Молотов: Это Вы, товарищ Куманев, подарили мне в прошлый раз книгу «Краткая история второй мировой войны»?

Г. А. Куманев: Да. Было такое.

В. М. Молотов: Так вот, я бегло, правда, ознакомился с ней и почему-то не обнаружил там ни одного слова о моей очень ответственной поездке в Вашингтон в первый год войны.

Г. А. Куманев: Не может быть, Вячеслав Михайлович. Ваш визит в США после заключения в Лондоне советско-английского Договора о дружбе и взаимопомощи был не рядовым событием, и его не могли в книге пропустить.

В. М. Молотов: Ну, я еще посмотрю. Возможно, об этом сказано в каком-то другом разделе. А переговоры тогда с Рузвельтом шли главным образом о необходимости открытия второго фронта в Европе в 1942 году. Американский президент убеждал меня, что США и Англия пока, мол, не имеют необходимое количество судов, чтобы перебросить американские войска на Британские острова, а затем осуществить высадку на Европейский континент. Рузвельт уверял меня, что в 1943 году второй фронт они могут открыть с полной гарантией. Сейчас же — это дело довольно рискованное. Но тем не менее он продолжает убеждать своих военных пойти на такой шаг и попытаться высадить во Франции в 1942 году от 6 до 10 дивизий, а там будет видно.

В итоге было много уклончивых заявлений, оправдательных кивков в сторону англичан вместо твердых и конкретных обещаний. Но самое примечательное — и в сорок третьем году наши «верные» и «щедрые» союзники второй фронт не открыли. А слов, обещаний было сказано с их стороны немало. Но требовались вслед за этим реальные дела.

Я. Е. Чадаев: Я хорошо помню все, что связано с этой Вашей командировкой. Когда Вы приехали из Америки, то собрали всех своих замов. И на этом совещании сделали доклад по поводу переговоров в США. А я возьми, да и запиши все, что говорилось на нем. Вам задавали интересные вопросы, особенно, конечно, связанные с перспективами открытия второго фронта в Европе. Вы тогда американских коллег к стенке здорово приперли и в отношении второго фронта, и в отношении военно-экономических поставок. И они тогда немножко зашевелились. Но все равно эти поставки были малозначащими.

В. М. Молотов: Да, в целом они были небольшими, но тем не менее и в них мы очень нуждались.

Я. Е. Чадаев: Как говорится: «С паршивой овцы хоть шерсти клок». Но самое важное, по-моему, состояло в том, что и США, и Англия, и Франция, и Канада, и многие другие страны были на нашей стороне.

В. М. Молотов: Конечно, очень важно, что они были нашими союзниками.

Я. Е. Чадаев: Мы все радуемся, что Вам, хотя и много лет, но Вы в норме. К слову, мои знакомые часто интересуются Вашим здоровьем и все время спрашивают: «Написал что-нибудь Вячеслав Михайлович или нет?»

В. М. Молотов: Почти ничего не написал.

Я. Е. Чадаев: Не пишете?

В. М. Молотов: Нет.

Г. А. Куманев: Может, раньше что-нибудь написали?

В. М. Молотов: Так, отдельные заметки, наброски.

Я. Е. Чадаев: В какой-то степени, может быть, стоит что-то обнародовать?

В. М. Молотов: Нет, нет. Меня, конечно, очень интересует: куда мы идем, в какую сторону? Между прочим, внутренняя опасность для нашего развития, для будущего нашего государства имеется, в том числе в области идеологии. Причем опасность весьма реальная.

Я. Е. Чадаев: Вот впереди новый партийный съезд, готовится новая Программа КПСС.

Г. А. Куманев: При Черненко собирались провести его в нынешнем году, но новый генсек Горбачев предложил в следующем, чтобы лучше подготовиться, более серьезно доработать проект Программы.

В. М. Молотов: Согласно нынешней Программе еще к восьмидесятому году намечалось уже создать или построить материально- техническую базу коммунизма. Но ведь это не что иное, как прожектерство и утопия. Как бы опять все это не повторилось.

Я. Е. Чадаев: Будет всенародное обсуждение проектов партийных документов, что все же позволит избежать разного рода поспешностей и прочих забеганий вперед. Вы можете, конечно, помочь, Вячеслав Михайлович, своими советами, своими рекомендациями. У Вас за плечами такой богатейший опыт.

В. М. Молотов: Сейчас он мало кому нужен. В области политики народ может многое подсказать, помочь, а в теоретических основах, в области теории здесь все гораздо сложнее.

Я. Е. Чадаев: Ведь Вы можете много ценного сказать, как переустраивалась отсталая Россия, наше общество, наша экономика, как одержали выдающуюся Победу в войне.

В. М. Молотов: Все это так, но нам надо будущее обеспечить.

Я. Е. Чадаев: Вот бывший нарком, потом министр по строительству Гинзбург года два назад выпустил книгу воспоминаний и назвал ее «О прошлом — для будущего».

В. М. Молотов: Мы с ним встречались, и он мне свою книгу подарил. Я ее почти всю просмотрел. Неплохая книга.

Я. Е. Чадаев: Да, я ее прочитал. Первая часть довольно солидная, интересная, материал богатый. Но вот дальше анализ хода строительства в годы войны представлен слабее, там много пробелов есть.

Г. А. Куманев: Пользуясь случаем, Вячеслав Михайлович, хотел бы Вас вот о чем спросить. До сих пор на Западе бытует такая версия, будто в апреле или июш, 1943 года в захваченном врагом Кировограде имели место Ваша встреча с Риббентропом по вопросу заключения сепаратного мира с Германией. В связи с данным событием состоялось уже несколько международных симпозиумов, последний, например, в ФРГ, во Франкфурте-на-Майне. Что Вы можете сказать по этому поводу?

В. М. Молотов: Все это жулики, жулики, фальсификаторы!.. Посудите сами, ведь это не лето и не осень сорок первого года. Позади победа под Москвой, разгром немецко-фашистских войск в Сталинградской битве. Конец третьего рейха по существу предопределен. И вдруг я еду на встречу с Риббентропом, веду какие-то переговоры о мире, да еще в Кировограде, который в то время был на территории, оккупированной немцами. Чушь несусветная!

Г. А. Куманев: Один полковник из Института военной истории утверждает, что якобы в 1943 году у нас была создана комиссия по сепаратному миру с Германией.

В. М. Молотов: Это тоже чья-то фантазия или обыкновенная ложь. Ничего подобного не было.

Я. Е. Чадаев: Сейчас фальсификаторы истории на Западе здорово оживились, очень активно работают, чтобы всякую неправду выдать за правду.

Г. А. Куманев: Вклад наших союзников в Победу, мягко говоря, сильно преувеличивается, а в прошлом году значение открытого в конце войны второго фронта до небес вознесли.

Я. Е. Чадаев: Неплохо было бы Вам, Вячеслав Михайлович, свое слово по этим вопросам сказать.

В. М. Молотов: И Вы думаете, напечатали бы? По-моему, самое главное сейчас — помочь обеспечить реальный перспективный курс, обеспечить непрерывный рост нашей экономики, повышение жизненного уровня народа, чтобы не было нехваток и дефицита. Об этом надо серьезно думать. И очень важно, чтобы не было поспешности, верхоглядства в выводах и основных положениях партийной Программы.

Г. А. Куманев: Хочу снова Вас спросить: как Вы относитесь к сообщению, о том, что в мае 1941 года посол Германии в СССР фон Шуленбург через советского посла Деканозова, находившегося тогда в Москве, предупредил Советское правительство о предстоящем гитлеровском нападении на нас?

В. М. Молотов: Кажется, что-то было. Но этс? не имеет особого значения. Как можно было верить Шуленбургу?

Над чем сейчас, Георгий Александрович, работаете со своими коллегами?

Г. А. Куманев: Недавно сдан в набор коллективный труд «Источники Победы советского народа в Великой Отечественной войне»,

затем тематический сборник статей «Возрождение прифронтовых и освобожденных районов СССР в 1941—1945 гг.». Уже вышли в свет несколько наших книг, приуроченных к 40-летию Победы. И среди них второе издание однотомного труда «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны».

Я. Е. Чадаев: Я тоже продолжаю трудиться в этом направлении. Хочу вернуться к теме о нашей первой крупной победе в битве под Москвой.

В. М. Молотов: А на каких материалах?

Я. Е. Чадаев: Этот период, как известно, был самым тяжелым и опасным. Хочу глубоко проанализировать все трудности, в том числе военно-экономические, а заодно показать роль высшего звена наших руководителей народного хозяйства. У меня много своих записей того времени, много накопилось других источников. Есть и важные архивные документы.

В. М. Молотов: Ну, в добрый путь. Желаю Вам удачно и правдиво осветить эту тему.

* * *

И, наконец, о последней встрече с Вячеславом Михайловичем Молотовым. Она состоялась 13 мая 1986 г. и продолжалась сравнительно недолго, не более сорока — пятидесяти минут. Второй раз в этом году я приехал один: почти полгода назад — 30 декабря 1985 г. — после непродолжительной болезни скончался Яков Ермо- лаевич Чадаев. ч

Молотов выглядел осунувшимся, немного усталым, один глаз был полузакрытым. («Веко уже не держит», — пояснил он.) Я вручил Вячеславу Михайловичу энциклопедию «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.», в создании которой принимал участие, и предложил прочитать вслух текст о нем.

— Прочтите, — согласился он. — Интересно узнать, как там меня пропесочили.

Слушал прочитанное мной внимательно, слегка покачивая головой, но никаких замечаний не сделал.

Рассказываю Молотову о недавно состоявшейся беседе в Обществе дружбы «СССР - Финляндия» (где я являюсь первым вице- президентом) с бывшим советским посланником в Хельсинки Павлом Дмитриевичем Орловым, который сообщил интересные сведения, связанные со вступлением Финляндии в войну против Советского Союза на стороне фашистско-милитаристского блока.

Незадолго до гитлеровской агрессии против СССР П. Д. Орлов получил от Наркомата иностранных дел СССР указание: как только произойдет фашистское нападение, он должен немедленно встретиться с финским министром иностранных дел Рольфом Виттингом и сделать ему одно важное предложение. Советское правительство готово сесть за стол переговоров с финскими представителями по

вопросу о возвращении Финляндии территорий, которые отошли к СССР в результате «Зимней» войны, но при условии, что Финляндия будет соблюдать строгий нейтралитет в войне между Германией и Советским Союзом.

Однако, по словам Орлова, Виттинг поначалу даже отказался принять 22 июня 1941 г. советского посланника. А когда встреча все- таки тогда состоялась, глава финляндского МИДа никак не смог дезавуировать содержавшееся в декларации Гитлера заявление, (ее обнародовал по берлинскому радио Геббельс, о чем сразу же сообщило финское радио), что Германия вступает в войну «вместе с нашими финскими братьями по оружию... » Виттинг только попытался «разъяснить», что, мол, фюрер имел ввиду защиту немцами Финляндии, а не какое-то совместное нападение.

Что касается переданного Орловым предложения Советского правительства относительно переговоров по территориальным вопросам при условии нейтралитета Финляндии, то Виттинг его просто проигнорировал, обошел полным молчанием.

— Что Вы можете сказать по этому поводу, Вячеслав Михайлович? — спросил я «хозяина» дачи.

Молотов немного оживился и подтвердил, что советский посланник в Хельсинки действительно имел поручение НКИДа, заметив при этом: СССР был крайне заинтересован в том, чтобы Финляндия не оказалась вовлеченной в войну на стороне фашистского рейха и что «тогда ведь нам еще не было известно, как крепко была повязана немцами наша северная соседка в агрессивном плане «Барбаросса». Молотов напомнил, что 23 июня он пригласил в наркомат финляндского поверенного в делах Хюннинена и попросил дать объяснение по поводу заявления Гитлера о «финских братьях по оружию». Но тот никакого ясного ответа дать не смог.

— А между тем, - продолжал Молотов, - 22 июня Финляндия уже фактически приняла участие в нападении на нашу страну, предоставив германским войскам свою территорию, аэродромы, морские порты, прочие военно-стратегические объекты и совершив другие вероломные агрессивные акты.

Тем не менее вплоть до августа 1941 г. мы не оставляли попыток по различным каналам зондировать возможность вывода Финляндии из войны и организации переговоров по указанным вопросам. И когда стало уже совершенно ясно, что финская правящая верхушка этого делать не намерена, Сталин дал указание все наши попытки прекратить. «Тем самым Финляндия, грубейшим образом нарушив положения и все клятвенные обязательства Московского мирного договора, сама отказывается от возможности мирного решения территориальных проблем, и этот вопрос отныне навсегда закрывается», — заявил он.

— Могу еще добавить, — сказал Молотов, что в августе и октябре 1941 г. правительство США трижды поднимало перед правителями

Финляндии вопрос о прекращении ее наступательных действий на советской территории и о возможности восстановления мира между СССР и Финляндией. Ответом финской стороны была разнузданная антисоветская клевета и подтверждение своей верности Гитлеру в совместной агрессивной войне против Советского Союза.

Я не стал, как прежде, расспрашивать его по другим, так интересовавшим меня «наболевшим» вопросам и в нашей беседе, оказавшейся последней, мы поговорили еще о ряде текущих перемен в стране и материально-бытовых делах.

Молотов сообщил, что ему недавно установили весьма приличную пенсию как бывшему Председателю Совнаркома СССР. Предложили, кроме того, выплатить разницу в пенсионных окладах (набегала кругленькая сума). Но он попросил эти деньги перевести на счет одного из детских домов.

Подошло время лечебных процедур. Мы успели сфотографироваться по моей инициативе, и я, извинившись, попросил «хозяина» дачи подобрать мне что-нибудь из его мелочи на память.

— А что, например, Вы хотели бы? — спросил Вячеслав Михайлович.

— Ну, может быть, уже ненужное Вам пенсне или ручку, или что-нибудь другое.

— Хорошо, что-нибудь подберу, — пообещал, улыбнувшись. Молотов*.

Уже прощаясь, с какой-то призрачной надеждой, «в интересах истории» я предложил ему начать подготовку мемуаров, делая диктовки стенографистке...

— Поздно, слишком поздно, — последовал ответ.

Из неопубликованных документов

1. Из постановления Государственного Комитета Обороны №4 от 3 июля 1941 г, «О программе выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения, плане эвакуации заводов Наркомата Вооружения и создании новых баз».

«1. Утвердить представленную Комитетом по вооружению и боеприпасам при Бюро Совнаркома Союза ССР программу выпуска основного артиллерийского и стрелкового вооружения заводами Наркомата Вооружения, согласно приложению N9 1.

*** Вскоре после кончины В. М. Молотова (8 ноября 1986 г.) мне позвонила племянница П. С. Жемчужиной-Молотовой — Сара Михайловна — и сообщила, что, несмотря на продолжительную и тяжелую болезнь, Вячеслав Михайлович не забыл о своем обещании и незадолго до смерти просил передать мне свою книгу, пенсне с футляром и ручку, которой он подписывал много различных государственных и международных документов.**

... 3. Утвердить план эвакуации заводов Наркомата Вооружения и создания новых баз по производству артиллерийского и стрелкового вооружения, патронов и приборов, согласно приложению №5»*.

Зам. Председателя ГКО В. МОЛОТОВ

2. Распоряжение Государственного Комитета Обороны от 6 июля 1941 г.

«1. Обязать Управление Государственных Мобилизационных Резервов при Совнаркоме СССР переместить часть мобилизационных резервов в количестве 20 млн. банок мясных и 13 млн. банок рыбных консервов с территории ЗАБВО и ДВФ на территории СИБВО на базы УМР в Агинске, Канске и Красноярске и на склады НКО в Красноярске, Омске и Новосибирске.

2. Обязать НКПС обеспечить перевозку указанных консервов».**

Зам. Председателя ГКО В. МОЛОТОВ

3. Постановление Государственного Комитета Обороны от 9 июля 1941 г. «Об обеспечении производства танков Т-34 на заводе «Красное Сормово».

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

Установить следующий график выпуска танков Т-34 на заводе «Красное Сормово» в 1941 г. : август - 10 шт., сентябрь — 75 шт., октябрь - 150 шт. и декабрь - 250 танков»*.**

Зам. Председателя ГКО В. МОЛОТОВ

4. Постановление Государственного Комитета Обороны от 20 июля 1941 г. «О принятии на вооружение горючей смеси № 2 и изготовлении бутылок с указанной смесью».

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Принять на вооружение Красной Армии бутылки с горючей смесью № 2 состава: сосновой живицы — 40%, скипидара — 30%, бензина 2-го сорта — 25% с воспламенителем со смесью азотной кислоты и олеума.

2. Обязать Наркомлес СССР (т. Салтыкова) изготовить бутылок с горючей смесью N9 2: в июле — 500 тыс. шт. и в августе — 3 млн. шт, »**.**

Зам. Председателя ГКО
В. МОЛОТОВ

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов.**
**** Там же.**
***** Там же.**
****** Там же.**

А. И. МИКОЯН

В 70-е годы судьба предоставила мне возможность не раз встречаться с Анастасом Ивановичем Микояном. Встречи проходили чаще всего в его небольшом рабочем кабинете (как члена Президиума, а затем консультанта Президиума Верховного Совета СССР) в Кремле или на государственной даче в Горках-Х. Мы подолгу, иногда по два- три часа вели беседы на исторические и политические темы. Микоян всегда весьма охотно отвечал на мои многочисленные вопросы и порой мне даже казалось: он словно спешил передать как можно больше из того, что сохранила его удивительная память. Вместе с Микояном, его помощником и секретарем мы также работали над воспоминаниями Анастаса Ивановича о событиях кануна и периода Великой Отечественной войны. (После кончины А. И. Микояна его дача в Горках-Х была сразу же опечатана, а подготовленная к изданию рукопись книги — около 40 авторских листов — изъята представителями КГБ и Отдела административных органов ЦК КПСС. Ее нынешняя судьба мне неизвестна.)

Анастас Микоян принадлежал к крупным советским государственным и партийным деятелям. Более 40 лет (с 1922 по 1966 г.) он входил в состав Политбюро ЦК партии. Будучи в течение десятков лет в составе ближайшего окружения И. В. Сталина, Микоян, разумеется, много знал в деталях из того, что совсем не отразилось или слабо отразилось в документах. Словом, он был олицетворением живой истории Советского государства и важным источником для изучения и понимания событий первостепенного значения. Именно поэтому творческие контакты с ним представляли для меня особый интерес и особую ценность.

Конечно, находясь рядом со Сталиным и так или иначе проводя его курс, Микоян не мог остаться в стороне как от огромных исторических свершений советской эпохи, так и от тех страшных бед и преступлений, которые принес нашему народу и другим народам режим личной власти. И тем не менее Микояна не следует ставить в один ряд с такими одиозными фигурами, как Берия, Каганович, Ежов, Андреев, Маленков, Мехлис, Шкирятов или Вышинский, чьи руки обильно обагрены кровью невинных жертв. Немало фактов говорят о том, как пытался Анастас Иванович, находясь в сложнейших условиях, ослабить преступные действия, отмежеваться от них, кому-то помочь и т. п. Еще в первой половине 60-х годов мне довелось работать в Кремлевском архиве ЦК КПСС. (Несколько сотрудников Института истории АН СССР были допущены в этот архив в связи с подготовкой очередного — IX тома двенадцатитомной

«Истории СССР с древнейших времен до наших дней» благодаря содействию тогдашнего секретаря ЦК КПСС академика Б. Н. Пономарева, возглавлявшего Главный редакционный совет издания.) Здесь я получил возможность ознакомиться с большим количеством очень важных документов, испещренных различными резолюциями, начиная с резолюций Сталина. Их было много, в том числе весьма жестоких и суровых. Но ни одной подобной резолюции, написанной рукой Анастаса Ивановича, встретить не удалось. Когда я спросил последнего помощника Микояна - Бориса Ивановича Шагурина, — есть ли такие резолюции, он ответил: «Вы их не найдете, потому что таким недостойным «творчеством» Анастас Иванович никогда не занимался».

Неоднократно во время бесед Микоян давал характеристики тем или иным политическим, военным и хозяйственным деятелям. Чаще всего в центре его внимания, естественно, оказывалась фигура Сталина. О нем он отзывался достаточно объективно, отмечая и сильные стороны характера «хозяина Кремля» (незаурядные организаторские способности, феноменальную память и работоспособность, широчайший кругозор, твердость и целеустремленность), и отрицательные (непомерную жестокость, грубость, черствость, коварство, лицемерие, цинкзм). Две темы, органично связанные с «великим вождем», особенно волновали Микояна: репрессии предвоенных лет и события Великой Отечественной войны. К ним он возвращался постоянно, добавляя все новые и новые штрихи, детали, факты и оценки к уже рассказанному ранее.

«Запомните, — сказал во время одной беседы Анастас Иванович, — Сталин в конце 30-х годов — это совершенно изменившийся человек: до предела подозрительный, безжалостный и страшно самоуверенный. О себе нередко говорил уже в третьем лице. По-моему, тогда он просто спятил. Впрочем, таким Сталин снова предстал перед нами и в последние три-четыре года до своей смерти.

Его упрямство, — продолжал Микоян, — большая самоуверенность и большое самомнение очень дорого стоили стране, нашему народу. Сталин фактически обеспечил внезапность фашистской агрессии со всеми ее тяжелыми последствиями. Говорить с ним весной и особенно в начале лета 1941 г. о том, что Германия в любой день может напасть на СССР, было делом абсолютно бесполезным. Сталин уверовал в то, что война с немцами может начаться где-то в конце 1942 г. или в середине его, т. е. после того, как Гитлер поставит Англию на колени. Воевать же на два фронта, по его мнению, фюрер никогда не решится. «А к этому времени мы успешно выполним третью пятилетку, и пусть Гитлер попробует тогда сунуть нос», — уверенно заключал Сталин». Но когда кто-то начинал убеждать вождя, что появились новые достоверные свидетельства о концентрации германских войск, о секретных заявлениях и решениях правителей рейха, словом, о возрастании опасности

нападения, то он быстро выходил из себя и в резко угрожающем тоне пресекла дальнейшую информацию».

Несколько раз Микоян рассказывал мне о беспрецедентном в истории дипломатии случае, когда в мае 1941 г. германский посол в СССР граф Фридрих Шуленбург на обеде в честь советского посла В. Г. Деканозова в присутствии двух переводчиков Г. Хильгера и В. Д. Павлова доверительно предупредил Кремль о предстоящем фашистском нападении*. Однако Сталин просто отмахнулся и от этого важного сообщения, посчитав его очередной немецкой дезинформацией.

Однажды я спросил Анастаса Ивановича, где и когда он узнал о начале германской агрессии. Немного подумав, он сказал: «За два дня до войны (тогда я как заместитель председателя Совнаркома СССР ведал и морским флотом) около семи-восьми часов вечера мне позвонил начальник Рижского порта Ю. С. Лайвиньш: «Товарищ Микоян, здесь стоит около 25 немецких судов, одни — под погрузкой, другие — под разгрузкой. Нам стало известно, что они готовятся завтра, 21 июня, все покинуть порт, несмотря на то, что не будет закончена ни разгрузка, ни погрузка. Прошу указаний, как быть: задержать суда или выпустить».

Я сказал, что прошу подождать, нужно посоветоваться по этому вопросу. Сразу же пошел к И. В. Сталину. У него находилось несколько членов Политбюро ЦК. Рассказав о звонке начальника Рижского порта, я предложил задержать немецкие суда, так как это похоже на подготовку к началу войны. Ведь такого никогда не было, чтобы все суда, неразгруженные и непогруженные, уходили из порта в один день. Сталин сказал, что, если мы задержим суда, это даст повод Гитлеру спровоцировать войну. Надо не препятствовать уходу судов. Я передал соответствующее распоряжение начальнику Рижского порта...

В субботу, 21 июня 1941 г., поздно вечером мы, члены Политбюро ЦК партии, собрались у Сталина на его кремлевской квартире. Обменивались мнениями по внутренним и международным вопросам. Сталин по-прежнему считал, что в ближайшее время Гитлер не начнет войну против СССР.

Затем в Кремль приехали нарком обороны СССР Маршал Советского Союза Тимошенко, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков и начальник Оперативного управления Генштаба генерал-майор Ватутин. Они сообщили: только что полу

*** См. нашу статью «22-го, на рассвете...», опубликованную в газете «Правда» 22 июня 1989 г. Вскоре после ее опубликования мне позвонил один из старейших работников МИДа В. Д. Павлов. В кратком телефонном разговоре (Павлов был тяжело болен) он подтвердил рассказ Микояна, добавив: «Почитайте воспоминания бывшего советника германского посольства Хильгера, который пишет примерно о том же».**

чены сведения от перебежчика — немецкого фельдфебеля, что германские войска выходят в исходные районы для вторжения и утром 22 июня перейдут нашу границу.

Сталин усомнился в правдивости информации, сказав: «А не перебросили ли перебежчика специально, чтобы спровоцировать нас?»

Поскольку все мы были крайне встревожены и настаивали на необходимости принять неотложные меры, Сталин согласился «на всякий случай» дать директиву войскам, в которой указать, что 22—23 июня возможно внезапное нападение немецких частей, которое может начаться с их провокационных действий. Советские войска приграничных округов должны были не поддаваться ни на какие провокации и одновременно находиться в состоянии полной боевой готовности.

Мы разошлись около трех часов ночи, а уже через час меня разбудили: война! Сразу же члены Политбюро ЦК собрались в кремлевском кабинете у Сталина. Он выглядел очень подавленным, потрясенным. «Обманул-таки, подлец, Риббентроп», — несколько раз повторил Сталин.

Все ознакомились с поступившей информацией, о том, что вражеские войска атаковали наши границы, бомбили Мурманск, Лиепаю, Ригу, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир, Севастополь и многие другие города. Было решено — немедленно объявить военное положение во всех приграничных республиках и в некоторых центральных областях СССР, ввести в действие мобилизационный план (он был нами пересмотрен еще весной и предусматривал, какую продукцию должны выпускать предприятия после начала войны), объявить с 23 июня мобилизацию военнообязанных и т. д.

Все пришли к выводу, что необходимо выступить по радио. Предложили это сделать Сталину. Но он сразу же наотрез отказался, сказав: «Мне нечего сказать народу. Пусть Молотов выступит». Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышит обращение к народу не Сталина — руководителя партии, председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы авторитетный голос раздался с призывом к народу — всем подняться на оборону страны. Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, в другой раз это сделает, а Молотов сейчас выступит. Так как Сталин упорно отказывался, то решили: пусть Молотов выступит. И он выступил в 12 часов дня.

Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что действительно не знал, что сказать народу. Ведь внушали народу, что войны в ближайшие месяцы не будет. Чего стоит одно сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., уверявшее всех, что слухи о намерении Германии совершить нападение на СССР лишены всякой почвы! Ну а если война все-таки начнется, то враг сразу

же будет разбит на его территории и т. д. И вот теперь надо признать ошибочность такой позиции, признать, что уже в первые часы войны мы терпим поражение.

Чтобы как-то сгладить допущенную оплошность и дать понять, что Молотов лишь «озвучил» мысли вождя, 23 июня текст правительственного обращения был опубликован в газетах рядом с большой фотографией Сталина.

На второй день войны для руководства военными действиями решили образовать Ставку Главного Командования. В обсуждении этого вопроса Сталин принял живое участие. Договорились, что председателем Ставки станет нарком обороны маршал Тимошенко, а ее членами — Жуков, Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный и адмирал Кузнецов. При Ставке создали институт постоянных советников. Ими стали Ватутин, Вознесенский, Воронов, Кулик, Шапошников, Мерецков, Жигарев, Жданов, Мехлис, Микоян, Берия, Маленков и Каганович, всего 13 человек.

В этот же день, 23 июня, была образована Комиссия Бюро СНК СССР по текущим делам. В нее вошли Вознесенский (созыв), Булганин и я. Комиссия должна была собираться ежедневно для принятия решений по неотложным вопросам и быстрого решения текущих дел, что было вызвано военной обстановкой.

Вечером собрались у Сталина. Были тревожные сведения. С некоторыми военными округами не было никакой связи. На Украине же дела шли пока неплохо, там хорошо воевал Конев. Мы разошлись поздно ночью. Немного поспали утром. Потом каждый стал проверять свои дела, звонить друг другу, в Генштаб, каждый по своей линии: как идет мобилизация, как промышленность переходит на военный лад, как с горючим, снаряжением, с транспортом- и т. д. Так начались наши тяжелые военные будни».

С первого же дня Великой Отечественной войны Анастас Иванович понял, что она требует резкого изменения стиля работы, действенных оперативных решений, незамедлительного проведения их в жизнь и строжайшего контроля. Между тем поначалу некоторые члены Политбюро и правительства продолжали в прежнем довоенном ритме проводить длительные заседания с многочисленными выступлениями, растянутыми обсуждениями разных, в том числе и второстепенных, вопросов и т. п.

«Помню, — вспоминал Микоян, — как на третий или четвертый день войны утром мне позвонил Молотов и пригласил на какое-то важное хозяйственное совещание. В его кабинете собралось более 30 человек: наркомы, их заместители, партийные работники. Молотов произнес длинную речь и начались прения. Слово получил каждый или почти каждый из присутствующих, регламент при этом не соблюдался. Все порядком утомились, и наконец, часа через 3—4, совещание закончилось. Я сразу, как только участники совещания разошлись, обратился к Молотову: «Вячеслав! Разве можно так работать? Ведь

началась война, обстановка требует и оперативных решений, и оперативных заседаний. А у тебя что получается?» Меня, кстати, поддержал и Берия, который тоже был на этом совещании. Молотов был явно недоволен таким замечанием.

Вообще о Молотове, — добавил Анастас Иванович, — наша пропаганда сотворила немало легенд и разных небылиц: о том, что он уж очень мудрый, справедливый, добрый. Те, кто бывал в кабинете у Сталина, часто видели рядом с ним Молотова. Но, как правило, он сидел и молчал. Возможно, Сталин эту декорацию с присутствием Молотова делал для того, чтобы создать представление, что он никогда не решает важные вопросы один. Вот у него есть «правая рука», - его тень - Молотов, и он с ним постоянно советуется. Вообще же Вячеслав Михайлович — большой тугодум, лишенный чувства нового, смелой инициативы, и человек он к тому же весьма черствый и тщеславный», - подчеркнул Микоян.

Неоднократно Микоян отмечал и такую черту Молотова, как «твердокаменное упрямство», его было очень трудно переубедить. Вместе с тем Анастас Иванович однажды поправил меня, когда я высказался о позиции Молотова по поводу репрессий. Я рассказал Микояну о недавно состоявшейся встрече с бывшим наркомом авиационной промышленности СССР Алексеем Ивановичем Шаху- риным. Как сообщил мне Шахурин (он более 5 лет провел в лагерях и вернулся оттуда с больным сердцем), во время его беседы с Молотовым в подмосковном правительственном санатории последний всячески оправдывал и обосновывал незаконные репрессии, имевшие место в стране, и что-то доказать ему было невозможно. «Пытается, видимо, обелить себя перед историей. Вот и придумывает всякие оправдания черным делам «великого вождя»», — добавил я от себя. «Вы не правы, — тут же поправил меня Анастас Иванович. — Молотов всегда говорит, что думает, в чем глубоко убежден».

Но вернемся к ответам Микояна на мои расспросы о первых днях и последующих событиях военных лет.

«В течение 24 июня, — вспоминал он, - был вынесен ряд важных решений, в том числе о создании Совета по эвакуации при СНК СССР и Советского информационного бюро, о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе и другие. Все, что касалось тыла, шло в целом неплохо, каких-либо серьезных осложнений не отмечалось. Но по- прежнему оставалось неясным положение на некоторых участках фронта.

Обстановка на фронте менялась буквально каждый час. Вопрос в эти дни стоял не как снабжать фронт, а как спасти в западных районах фронтовые запасы продовольствия, вооружения, боеприпасов и снаряжения. Потребовалось из прифронтовой полосы в предельно короткий срок и в невиданных масштабах перемещать в глубокий тыл миллионные массы людей, громадное количество про

мышленных предприятий, сельскохозяйственные ресурсы, продовольствие, различные материальные и культурные ценности...

Последующие четыре дня (25-28 июня) прошли в большой и напряженной работе. Достаточно сказать, что тогда мы рассмотрели и утвердили десятки решений по самым неотложным и очень важным военным и военно-хозяйственным вопросам. Было создано Советское бюро военно-политической пропаганды, обсуждены вопросы о режиме работы рабочих и служащих в военное время, о порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в условиях войны, о вывозе и размещении людских континентов и ценного имущества и другие. Помимо напряженной работы в эти дни в Политбюро ЦК, Совнаркоме и Наркомате внешней торговли с 28 июня мне пришлось начать переговоры с прибывшей в Москву английской экономической миссией».

Говорят, что очень занятым людям надо доверять большие дела. Не всегда, разумеется, в жизни это оправдывается, но относительно моего собеседника можно сказать: решения Сталина загрузить его до предела оказались оправданными. Если перечислить все постоянные и временные должности, которые Анастас Иванович имел во время войны, можно только поразиться: как у него хватало времени, энергии и просто физических сил, чтобы справляться с этими тяжелыми и очень ответственными нагрузками. Причем, судя по многим документам и свидетельствам, он нигде не являлся почетным руководителем какого-нибудь комитета или подкомитета, совета или комиссии. Он везде, занимая тот или иной пост, умел находить и время, и возможности, чтобы глубоко вникать в суть проблем и принимать оперативные и действенные меры. К уже названным выше в начале войны прибавились такие важные поручения, как заместитель председателя Совета по эвакуации и председатель Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии. Но и на этом не завершился перечень прежних и новых должностей Микояна.

Считаю уместным привести здесь из моих записей один рассказанный им эпизод. Речь идет об обстоятельствах создания Государственного Комитета Обороны.

«Вечером 29 июня, — вспоминал Анастас Иванович, — у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Всех интересовало положение на Западном фронте, в Белоруссии. Но подробных данных о положении на территории этой республики тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Западного фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны маршалу Тимошенко. Однако тот ничего конкретного о положении на западном направлении сказать не смог.

Встревоженный таким ходом дела. Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой. В кабинете наркома были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Сталин

держался спокойно, спрашивал, где командование фронта, какая имеется с ним связь. Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить ее не удалось. Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д. Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для восстановления связи, никто не знает. Очевидно, только в этот момент Сталин по-настоящему понял всю серьезность просчетов в оценке возможности, времени и последствий нападения Германии и ее союзников.

И все же около получаса поговорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник Генштаба, который так растерялся, что не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует? Раз нет связи, Генштаб бессилен руководить». Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал за состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек не выдержал, разрыдался как баба и быстро вышел в другую крмнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного, но все еще с влажными глазами Жукова. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик (это Сталин предложил), потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову. Его сопровождал энергичный, смелый, расторопный военачальник Гай Туманян. Предложение о сопровождающем внес я. Главное тогда было — восстановить связь.

Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали успешно развиваться в районе Перемышля. Но войска Западного фронта оказались тогда без централизованного командования. Сталин был подавлен и мрачен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: «Ленин оставил нам великое наследие, мы - его наследники - все это проср...» Мы были поражены этим высказыванием Сталина. Выходит, что все безвозвратно мы потеряли? Посчитали, что это он сказал в состоянии аффекта. Сталин уехал к себе на «ближнюю» дачу в Кунцево, и всякая связь с ним полностью оборвалась.

На следующий день, около четырех часов, у меня в кабинете был Вознесенский. Вдруг звонят от Молотова и просят нас зайти к нему. Идем. У Молотова уже были Маленков, Ворошилов й Берия. Мы их застали за беседой.

«Вот, — сказал Молотов, — Лаврентий Павлович предлагает срочно создать по образцу ленинского Совета Труда и Обороны времен Гражданской войны Государственный Комитет Обороны, которому нужно отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции правительства, Верховного Совета и ЦК партии».

Мы с Вознесенским с этим согласились. Договорились, что ГОКО

(Микоян всегда так называл Государственный Комитет Обороны. — ***Г. К.)*** должен возглавить Сталин.

— Но пусть Вячеслав Михайлович скажет, почему нас с Вами, Анастас Иванович, нет в проекте состава Комитета, — перебил Молотова Вознесенский, обращаясь ко мне и рассматривая этот документ.

— Каков же состав предлагается? — спрашиваю.

— Как уже договорились, товарищ Сталин - председатель, затем я — его заместитель и члены Комитета: Маленков, Ворошилов и Берия, - отвечает Молотов.

— А почему же нет в этом списке нас с Николаем Алексеевичем? - задаю новый вопрос Молотову.

— Но кто же тогда останется в правительстве? Нельзя же почти всех членов Бюро Совнаркома вводить в этот Комитет, — было сказано в ответ.

После некоторых споров Молотов предложил ехать к Сталину, чтобы с ним решить все эти вопросы. Все согласились. Мы считали, что в одном имени Сталина настолько большая сила в сознании, чувствах и вере народа, что это облегчит нам мобилизацию и руководство всеми военными действиями.

Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, потерял инициативу, находится в плохом состоянии, на звонки не отвечает.

И в этот момент Вознесенский то ли не понял, то ли не расслышал, зачем надо ехать к Сталину (к тому же без предварительного звонка), во всяком случае он вдруг как-то быстро подскочил к Молотову и воскликнул: «Вячеслав, иди вперед, мы все за тобой пойдем». Это имело тот смысл, что если Сталин будет себя так же вести и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы за ним пойдем. У нас была уверенность в том, что мы можем организовать оборону и можем сражаться по-настоящему. Однако пока нелегко будет. Никакого упаднического настроения у нас не было.

Подъезжаем к сталинской «ближней» даче, в лесу за Поклонной горой. Охрана, видя среди нас Берия, сразу же открывает ворота, и мы подъезжаем к дому «хозяина». Застали его в малой столовой сидящим в кресле. Увидев нас, он буквально окаменел. Голова ушла в плечи, в расширенных глазах явный испуг. (Сталин, конечно, решил, что мы пришли его арестовывать.) Он вопросительно смотрит на нас и глухо выдавливает из себя: «Зачем пришли?» Заданный им вопрос был весьма странным. Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать.

Молотов выступил вперед и от имени всех нас сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы быстро все решалось, чтобы страну поставить на ноги. Говорит о предложении создать Государственный Комитет Обороны. Сталин меняется буквально на глазах. Прежнего испуга — как не бывало, плечи выпрямились. Но все же он посмотрел

удивленно и после некоторой паузы сказал: «Согласен. А кто председатель?»

— Ты, товарищ Сталин, — говорит Молотов.

— Хорошо. А каков предлагается состав этого органа?

Тогда Берия сказал, что нужно назначить 5 членов Государственного Комитета Обороны. «Итак, вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я» (Берия). Сталин заметил: «Тогда надо включить и Микояна, и Вознесенского».

Берия снова говорит: «Товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГОКО, то кто же будет работать в Совнаркоме, Госплане? Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане».

Вознесенский выступил против предложения Берия и предложил, чтобы в составе ГОКО было 7 человек с учетом названных Сталиным. Другие на эту тему не высказывались. Впоследствии выяснилось, что до моего с Вознесенским прихода в кабинет Молотова Берия устроил так, что Молотов, Маленков, Ворошилов и он (Берия) согласовали между собой это предложение и поручили Берия внести его на рассмотрение Сталина. Я был возбужден тем, что мы тянем время, поскольку вопрос касался и моей кандидатуры. Считал спор неуместным. Знал, что как член Политбюро ЦК и Правительства буду все равно нести большие обязанности.

Чтобы положить этой полемике конец, я сказал: «Пусть в ГОКО будет 5 человек. Что же касается меня, то, кроме тех функций, которые я исполняю, дайте мне обязанности военного времени в тех областях, в которых я сильнее других. Я прошу назначить меня уполномоченным ГОКО со всеми правами члена ГОКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим». Так и решили.

Вознесенский попросил дать ему руководство производством вооружения и боеприпасов, что также было принято. Руководство по производству танков было возложено на Молотова, авиационная промышленность и вообще дела авиации — на Маленкова. За Берия была оставлена охрана порядка внутри страны и борьба с дезертирством, а Ворошилов стал отвечать за формирование новых воинских частей.

В тот же день, 30 июня, было принято постановление о создании Государственного Комитета Обороны, которое 1 июля появилось во всех газетах. 3 июля решением ГОКО я был назначен его уполномоченным по вопросам снабжения обозно-вещевым имуществом, продовольствием и горючим, а Вознесенский — уполномоченным ГОКО по вопросам вооружения и боеприпасов».

Военная обстановка все же продиктовала необходимость уже через семь месяцев специальным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1942 г. ввести А. И. Микояна и Н. А. Вознесенского в состав

Государственного Комитета Обороны. На Анастаса Ивановича был возложен контроль за организацией снабжения армии и руководство осуществлением поставок по ленд-лизу.

Но на этом не закончился круг его временных и постоянных обязанностей: в феврале 1942 г. Микоян был назначен членом Транспортного комитета при ГКО, в июне того же года — членом Комиссии по эвакуации, а в 1943 г. — членом Комитета СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации.

Мало кому известно, что Анастасу Ивановичу, сугубо гражданскому человеку, Ставка Верховного Главнокомандования доверила накануне Курской битвы формирование Резервного (впоследствии Степного) фронта. И с этой сложнейшей задачей он успешно справился.

Ему доводилось во время войны заниматься самыми разнообразными проблемами, и очень трудно найти то решение, которое со стороны Микояна было бы ошибочным, неудачным, хотя, конечно, время было такое, что не ошибаться было просто невозможно.

Он, несомненно, обладал и природной интуицией. Приведем хотя бы такой факт. Летом 1941 г. создалась реальная угроза Ленинграду. И в обстановке, когда развернулась массовая эвакуация, в том числе хлеба и других видов продовольствия, Анастас Иванович направил большой поток этих грузов на Ленинград. Он прекрасно понял, в каком положении может оказаться население города, если надолго сомкнется вражеское кольцо блокады. Но можно себе представить огорчение Микояна, когда его решение встретило возражение со стороны А. А. Жданова, который пожаловался Сталину: куда нам столько продовольствия, у нас и так запасы большие и дополнительно ленинградцам ничего не нужно. Сталин с аргументами Жданова, к сожалению, согласился, и поток грузов был направлен в другие районы тыла. Не трудно догадаться, какие потом от этого были тяжелые, трагические последствия.

Меня давно интересовал вопрос о причинах неудач и поражений Красной Армии в первые месяцы войны. Насколько все-таки наша страна была подготовлена к отражению фашистской агрессии. Спрашиваю об этом Микояна.

— Таких причин можно назвать десятки, — отвечает он. — Наша недостаточная, а строго говоря, плохая подготовка к военному столкновению с Германией стала сказываться буквально с первого дня войны. Примеров этого известно немало. Скажу лишь об одном из них. Неожиданно, через месяц после начала войны, у нас не стало хватать винтовок. Стали отбирать их у милиции, у охраны складов, по городам и селам для нужд фронта. Как это могло случиться? Ведь у нас было достаточное количество винтовок для обеспечения всей армии. Оказалось, что часть дивизий была сформирована по норме мирного времени. Винтовки для обеспечения дивизий по нормам

военного времени хранились в этих дивизиях, а они находились близко к границе. Когда немцы прорвали фронт и стали наступать, оружие оказалось или в окружении, или было захвачено немцами. В результате прибывшие на фронт резервисты оказались без винтовок.

Когда Ворошилов был назначен командующим в Ленинград, он потребовал, чтобы Ленинграду было дано необходимое количество винтовок. В этом ему было отказано, так как потребность в винтовках на других фронтах была большей. Тогда Ворошилов вместе со Ждановым провел решение о производстве на ленинградских заводах холодного оружия (пик, кинжалов, сабель).

Узнав об этом, Сталин возмутился. Я и некоторые члены Политбюро в это время были у Сталина. Вместе с ним вышли в комнату, где стоял телеграфный аппарат. В Ленинграде к аппарату был вызван Ворошилов. Сталин критиковал действия Ворошилова* Сказал, что он не имел права этого делать без разрешения Центра, что это может только вызвать панику, и предложил немедленно отменить распоряжение о производстве холодного оружия.

Ворошилов возражал, но приведенные им мотивы были неубедительными. Сталин настаивал на своем. Мы с ним были согласны. Металл нужен был для производства стрелкового вооружения и боевой техники. Ворошилов, наконец, также согласился, и это распоряжение им было отменено.

— А как Сталин справлялся с обязанностями председателя ГКО и Верховного Главнокомандующего? — задаю новый вопрос Микояну. — Всегда ли был «на высоте»?

— К сожалению, далеко не всегда, особенно в первые месяцы войны, — говорит Аластас Иванович.

Эти слова он, в частности, подтвердил следующим примером.

— Хорошо запомнил день 18 мая сорок второго года, когда возникла серьезная опасность провала нашей Харьковской наступательной операции. Поздно вечером несколько членов Политбюро ЦК: Молотов, Берия, Калинин, Маленков, кажется, Андреев и я — находились в кабинете Сталина. Мы уже знали, что Сталин отклонил просьбу Военного Совета Юго-Западного направления прекратить дальнейшее наступление советских войск на Харьков из-за угрозы их окружения. Внезапно раздался телефонный сигнал.

— Узнай, кто и что надо? — сказал Сталин Маленкову.

Тот взял трубку и сообщил, что звонит Хрущев (он тогда являлся членом Военного совета Юго-Западного направления).

— Чего он хочет? — спрашивает Сталин.

— Хрущев от имени командования просит разрешения немедленно прекратить наступление на Харьков, чтобы сосредоточить основные усилия для отражения контрудара противника, — говорит Маленков.

— Передай ему, что’приказы не обсуждаются, а выполняются, — заявил Сталин. — И повесь трубку.

Маленков так и сделал.

Меня тогда просто поразило, — подчеркнул Микоян. — Человек звонит из самого пекла, надо срочно во всем разобраться и принять какие-то экстренные решительные меры — и такое пренебрежительно-барское отношение со стороны лица, несущего на своих плечах столь высокую ответственность. Чем все это закончилось тогда для нас под Харьковом, Вы знаете.

Добавлю, что где-то в начале 1944 г., кажется, перед Пленумом **ЦК,** несколько членов Политбюро собрались в кабинете у Сталина. Был и Никита Хрущев. Тут я возьми и скажи:

- А прав был тогда Никита Сергеевич насчет немедленного прекращения наступления на Харьков...

Вы не представляете, как свирепо посмотрел на меня Сталин, и я был не рад, что затронул эту тему.

- А каков Сталин был в быту, вне работы?

- Бывал и общительным, и приветливым, и гостеприимным, но всегда надо было быть начеку.

Сталин частенько приглашал людей и прежде всего из своего круга к себе на дачу. Отказаться от приглашения было весьма нежелательно. Лично я ехал туда, как правило, с тяжелым чувством. Ибо знал, что придется много пить, причем крепкие напитки. Сам «хозяин» предпочитал полусладкие грузинские вина («Киндзмараули», «Хванчкару»), а в последние годы - «Шампанское», которое разбавлял минеральной водой. Пил понемногу и с интересом наблюдал, как ведут себя и о чем говорят изрядно «набравшиеся» гости.

Как-то после очередного тоста, вынужденный осушить целый бокал коньяка, я вышел из столовой и обнаружил рядом небольшую комнату. Там был и. умывальник, и диванчик, чем я не преминул воспользоваться. Через час-полтора вышел оттуда почти отрезвевшим, посвежевшим и снова присоединился к гостям. Так продолжалось в течение еще двух-трех вечеринок, пока меня не выследил Берия. Он тут же донес о моей «комнате отдыха» Сталину. Тот подошел ко мне и с нескрываемым раздражением медленно и зло произнес:

- Ты что? Хочешь быть всех умнее? Можешь потом сильно пожалеть... Таков был «наш вождь и учитель».

Неожиданным для меня явился ответ Микояна на вопрос:

- А сколько примерно за время войны состоялось заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)?

- Ни одного, — четко сказал он и добавил: — Сталин по существу парализовал деятельность Политбюро. Вместо него функционировала так называемая «пятерка», существовавшая в Политбюро еще до 1941 г. Называлась она «по внешним делам» или «по оперативным вопросам». В «пятерку» входили Сталин, Молотов, Маленков, Берия и я. В начале войны в нее был, кажется, включен Ворошилов, но в 1944 г. выведен. После войны Сталин добавил Жданова — стала «шестерка», затем Вознесенского — стала «семерка».

— Как же так, Анастас Иванович? — говорю ему. — Ведь в свое время, когда я получил возможность работать с документами Кремлевского архива, мне довелось ознакомиться с огромным количеством протоколов Политбюро ЦК ВКП(б) за военные годы. Помню, что только за первую неделю Великой Отечественной войны имеются десятки протоколов и решений этого партийного органа.

Микоян усмехнулся и махнул рукой:

— Это все делал Маленков, оформляя заседания «пятерки» или «шестерки» как протоколы Политбюро.

Темой наших бесед чаще всего были военно-экономические проблемы. И это естественно, поскольку, как уже отмечалось, Микоян был одной из ключевых фигур в руководстве народным хозяйством Советского Союза. К сказанному выше добавим, что как заместитель Председателя СНК СССР он отвечал за работу семи союзных наркоматов (торговли, пищевой промышленности, заготовок, рыбной промышленности, мясомолочной промышленности, морского транспорта и речного флота). Помимо этого в качестве наркома внешней торговли страны вскоре стал руководить и осуществлением приема союзных поставок по ленд-лизу.

Рассказывая о том, в каких невероятно трудных и драматических условиях создавалась советская военная экономика, Анастас Иванович неоднократно высоко оценивал хозяйственно-организаторскую деятельность таких наркомов военных лет, как Первухин, Тевосян, Вахрушев, Зотов, Любимов, Хрулев, Косыгин, Ванников, Шахурин, Гинзбург, Жимерин, Байбаков, Устинов, Ковалев... Но среди этой когорты выдающихся командиров советского тыла он несколько раз особо выделял наркома танковой промышленности СССР Вячеслава Александровича Малышева, который одновременно являлся тогда и заместителем Председателя Совнаркома СССР.

— Какой же это был необыкновенно одаренный руководитель, — говорил о Малышеве Микоян. — Умный, находчивый, решительный. Он мог добиваться невозможного в самой, казалось, безнадежной ситуации, хотя Сталин не всегда был к нему справедлив.

В восторженных тонах отмечал Микоян проведенное в Советском Союзе в 1941—1942 гг. перебазирование производительных сил, которое являлось, хотя и вынужденной, но неотъемлемой частью военной перестройки народного хозяйства страны. «Без успешного решения нашим народом, партией и правительством этой наисложнейшей задачи, — подчеркивал Анастас Иванович, — нельзя было и мечтать о создании в нашем тылу мощного и надежного арсенала фронта. Я уже отмечал, — продолжал он, — через два дня после немецко-фашистской вероломной агрессии, когда стала несомненной реальность угрозы, захвата противником ряда наших городов, постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР ббы образован Совет по эвакуации. Идея организации органа с такими функциями у нас никогда раньше не возникала. Его возглавил нарком путей

сообщения Лазарь Каганович. Тогда считалось, что Наркомат путей сообщения должен играть главную роль в вопросах эвакуации. Объем же эвакуации из-за ухудшения военной обстановки расширялся. Все подряд вывезти в тыл было невозможно. Не хватало ни времени, ни транспорта, ни рабочей силы. Приходилось буквально «с ходу» выбирать, что перебазировать в интересах государства в первую очередь.

Сталин предложил мне на время заняться этим неотложным делом и стать первым заместителем председателя Совета по эвакуации. 26 июня 1941 г. я был назначен на эту должность.

Новое назначение потребовало от меня больших дополнительных усилий. В конце июня по моему поручению нарком земледелия Бенедиктов, заместитель наркома совхозов Крылов, нарком мясомолочной промышленности Смирнов и нарком пищевой промышленности Зотов подготовили проект постановления ГОКО относительно эвакуации из прифронтовой зоны скота, зерна, различных материальных ценностей, принадлежащих колхозам, совхозам, МТС и другим государственным организациям. В проекте постановления предусматривалось обязать правительства Украины, Белоруссии, Молдавии, исполкомы Ленинградской, Смоленской, Калининской и Орловской областей в декадный срок провести соответствующую эвакуацию. При этом указывались места, куда необходимо было перевезти скот и оборудование, утверждались и правила о порядке эвакуации.

После согласования проекта с секретарем ЦК Андреевым, Шверником и Вышинским постановление ГОКО по данному вопросу было принято.

Между тем уже к началу июля стало ясно, что Каганович не может обеспечить четкую и оперативную работу Совета по эвакуации. В первой половине июля Совет по эвакуации был реорганизован. Его председателем стал секретарь ВЦСПС Николай Михайлович Шверник. Я остался в Совете в качестве его члена.

Осенью 1941 г. обстановка на фронте еще более ухудшилась. Гитлеровские армии подходили к Москве. Вопросы спасения от врага миллионных масс населения, промышленного оборудования сотен фабрик и заводов, запасов сырья, сельскохозяйственных ресурсов и других материальных и культурных ценностей стали особенно острыми, потребовав от всех нас большого напряжения сил.

25 октября был образован еще один эвакуационный орган — Комитет по эвакуации в глубь страны из прифронтовой полосы продовольственных запасов, запасов тканей, текстильного оборудования, сырья и т. д. Председателем Комитета назначили меня. Пришлось активно включиться в работу и этого органа. А с 25 декабря мне поручили возглавить Комитет по разгрузке транзитных и других застрявших на железных дорогах грузов, которому был передан аппарат расформированного одновременно Совета по эвакуации при СНК СССР.

Масштабы эвакуации были огромны. К декабрю сорок первого года только по железным дорогам, согласно проведенной переписи, удалось переместить в тыловые районы около 3 тыс. предприятий. С учетом громадного числа вывезенных на Восток так называемых бездокументных грузов эта цифра может значительно возрасти. Кроме того, из угрожаемых районов были эвакуированы миллионы людей, около 11 тыс. тракторов, большое количество скота, машин, техники и другого имущества. Летом и осенью следующего года в результате нового немецкого наступления развернулась новая волна перебазирования, правда, на этот раз только из южных районов. Потребовалось снова создавать эвакуационный орган — на этот раз Комиссию по эвакуации под председательством Шверника. Я был включен в ее состав вместе с Косыгиным, Сабуровым, Арутюновым и Ермолиным.

Несмотря на уже имевшийся опыт и более ограниченные масштабы перебазирования, мы работали очень напряженно, трудности были весьма велики. Но со своими задачами Комиссия вполне справилась.

Эвакуация производительных сил, проведенная в СССР в чрезвычайной военной обстановке, скажу без преувеличения, была беспрецедентной в истории стран и народов. Она в значительной мере помогла осуществить в кратчайшие сроки перестройку нашего народного хозяйства на военный лад.

Во время очередной встречи, пользуясь моментом, задаю два давно интересовавших меня вопроса:

— А как Вы оцениваете ленд-лиз, его роль в вооруженной борьбе Советского Союза в годы Великой Отечественной войны?

— Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд- лизу, я оцениваю очень высоко, - ответил Микоян, - хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы.

И, поясняя свое утверждение, добавил:

— Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым вооружением, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот когда к нам стали поступать американская тушенка, комбижир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепадало и тылу.

Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили, насколько помню, с учетом потерь в пути около 400 тысяч первоклассных по тому времени машин типа «Студебеккер», «Форд», легковые «Виллисы» и амфибии. Вся наша армия фактически оказалась на колесах и каких колесах! В результате повысилась ее маневренность и заметно возросли темпы наступления.

Да-а... — задумчиво протянул Микоян. - Без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали.

— Была ли у нас возможность во время войны, учитывая враждебную, прогерманскую позицию Турции, вернуть в лоно Родины так называемую «турецкую Армению», включая Карс и Ардаган? В период Великой Отечественной войны Турция, кажется, дважды обещала Гитлеру совершить агрессию против СССР: в 1941 г., если будет взята немцами Москва, и в 1942 г. при условии падения Сталинграда.

Анастас Иванович подтвердил, что такая возможность действительно имелась.

— Вступление Турции в войну против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии было вполне реальной перспективой, — сказал он. — Ее позиция вызывала у нас серьезную тревогу и заставляла держать в Закавказье крупные силы. А ведь они были так нужны на советско-германском фронте. После подписания 18 июня германо-турецкого договора о дружбе и ненападении и с самого начала Великой Отечественной войны политические и торговые отношения Турции со странами фашистского блока значительно расширились. Она поставляла Германии кожу, продовольствие, шерсть, а затем хромовую руду, медь и другие стратегические материалы. Как стало известно советскому руководству, летом 1941 г. германский посол в Анкаре Папен сообщал в Берлин, что турецкие правящие круги все более склоняются к решению захватить важнейшие нефтяные месторождения Баку.

Факты говорят о том, что только поражение вермахта под Москвой предотвратило тогда выступление Турции против Советского Союза.

— Спустя год, — продолжал свой ответ Микоян, — летом 1942 г., во время переговоров с германским послом Папеном (а мы вскоре получили довольно полные сведения о содержании и этих секретных переговоров), который настаивал на вторжении турецких войск в советское Закавказье, премьер-министр Турции Сараджоглу откровенно заявил, что его не следует в этом особенно убеждать, ибо уничтожение Советского государства является «извечной мечтой» турок. Непосредственно в дни, когда развернулись Сталинградская битва и битва за Кавказ, началось сосредоточение турецких войск на границе с Советским Союзом. Турецкое командование заявило тогда немецким представителям, что страна вступит в войну, когда ее армия будет располагать достаточным количеством вооружения. В тот период Турция все чаще открыто нарушала объявленный ею нейтралитет, пропуская через проливы германские суда с военной техникой, вооружением и боеприпасами.

Победоносное контрнаступление наших войск под Сталинградом и на Северном Кавказе отрезвляюще подействовало на военнополитических руководителей Турции, заставив их и на этот раз отказаться от планов вторжения на советскую землю.

Война шла к победному концу и у нас были серьезные основания,

чтобы предъявить строгий счет нашему южному соседу, включая и возврат указанных территорий. Но благоприятная возможность для этого, к сожалению, была упущена. Сталин колебался, недопустимо медлил и в конце концов решил действовать по официальным каналам. Только 19 марта 1945 г. мы денонсировали советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете, заключенный в декабре 1925 г., под предлогом того, что он не соответствовал больше новой обстановке. Одновременно или почти одновременно, кажется, в «Известиях» появилась статья, посвященная проблемам черноморских проливов.

Однако к этому времени Турция уже проявила расторопность: она разорвала дипломатические отношения. Ъ^Яй (Яшей и,пусть-„фор- мально, — но еще 23 февраля объявила войнуТермании, вследствие чего (согласно принципу, выработанному на Крымской конференции) была автоматически приглашена на открывавшуюся в апреле 1945 г. конференцию в Сан-Франциско по созданию Организации Объединенных Наций.

Поэтому проблема, которая Вас заинтересовала, так и не была решена».

Вспоминаю последнюю встречу с Анастасом Ивановичем в начале осени 1978 г. у него на правительственной даче. Прочитана и i .завизирована им последняя страница очерков воспоминаний о Великой Отечественной войне. Удовлетворенный, он откинулся в кресле, а потом вдруг спросил меня:

— Вы, наверное, думаете, что меня оттуда (он показал пальцем наверх), как говорят, «ушлй»?

— Не только я, так почти все считают, — говорю ему.

— Нет, это не совсем так. После того как один высокий деятель стал активно расширять сферу своей деятельности и бесцеремонно , вмешиваться в мою сферу как Председателя Президиума Верховного * Совета Союза ССР, передо мной встали три выбора: первый — , сделаться подхалимом, второй - начать конфликтовать и третий — ; уйти самому. Я выбрал третий. И как только мне исполнилось 70 лет, ; написал соответствующее заявление. С нескрываемым удовольстви- j ем оно тут же было принято. 1

Из неопубликованных воспоминаний и документов ;

1. О поставках из США и Англии

После Великой Отечественной войны в буржуазной прессе появилось немало различных публикаций, утверждавших, что рост технической оснащенности Красной Армии в военные годы был достигнут в значительной мере благодаря непрерывным поставкам оружия и техники из США и Англии. И лишь благодаря этому мы смогли, мол, выстоять и победить.

Например, в сборнике «Роковые решения» (статья генерал-лейтенанта вермахта Зигфрида Вестфаля) указывается: «... Американские поставки предметов снабжения Советскому Союзу вскоре полились бурным потоком. Несомненно, эти поставки в огромной степени помогли красному колоссу возместить потери, понесенные в первые месяцы войны, и в ходе войны постепенно усилить военную мощь России... Можно без преувеличения сказать, что без такой огромной американской поддержки русские войска вряд ли были бы в состоянии перейти в наступление в 1943 г.»*.

Между тем, это далеко не так. Всего по ленд-лизу СССР получил около 16 млн. тонн, из которых И млн. тонн были получены только в 1944—1945 гг., т. е. после достижения коренного перелома в ходе войны.

В 1941 г. было получено лишь 5400 тойн; в 1942 г. — 1229200 тонн; в 1948 г. - 4005800 тонн; в 1944 г. - 6476500 тонн; в 1945 г. - 4491900 тонн.

Например, на 11100 самолетов, направленных в СССР по ленд-лизу, 60% поступило в 1944-1945 гг.; паровозы и железнодорожные платформы, очень нужные нам, начали поступать только в 1944—1945 гг. Из 32500 станков 19 тыс. получены также в 1944-1945 гг., а в 1943 г. было поставлено лишь 35 станков. Из 50 млн. метров армейского сукна, в котором мы очень нуждались, 40 млн. метров поступали в 1944—1945 гг.

Такая же картина была и с поставками продовольствия, из 3 млн. 840 тыс. тонн, направленных в СССР, 2,5 млн. тонн пришлось на 1944-1945 гг.

Советская промышленность в годы войны выпустила 489,9 тыс. артиллерийских орудий, 136,8 тыс. самолетов, 102,3 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок. За то же время из США и Англии было получено 9,6 тыс. орудий (менее 2% от советского производства), 18,7 тыс. самолетов (около 12%), 10,8 тыс. танков (10% от общего количества произведенного для Красной Армии тружениками нашего тыла).

При этом следует заметить, что получаемое от союзников вооружение в значительной степени было устаревших образцов. В первую очередь это относилось к танкам и самолетам.

Большую часть обуви (из 13800 тыс. пар), полученной по ленд-лизу, мы не могли использовать, т. к. из-за низкого подъема она не подходила для наших солдат.

Но все сказанное не исключает того, что поставки из США и Англии в военные годы имели важное значение, в особенности в обеспечении Красной Армии автотранспортом, порохом, горючими и смазочными материалами.[4]

В начале войны артиллерия в Красной Армий перевозилась на конйой тяге, или же для этого использовались трактора. В результате она была маломаневренной. Передвижение же войсковых соединений в боевой обстановке производилось, как правило, в пешем строю.

272 тыс. грузовых автомашин, имевшихся в армии перед войной, не могли удовлетворить ее потребностей в автотранспорте.

Поэтому получение из США и Англии около 40 тыс. автомашин и 2599 тыс. тонн нефтепродуктов позволили нам перевести артиллерию на

*** Роковые решения. (Пер. с англ.). М., 1958. С. 114-115.**

автомобильную тягу и дать значительное количество машин для перейозки войск, что повысило их маневренность*.

По ленд-лизу было поставлено с учетом потерь в пути следования: в 1941 г. — 37 грузовиков, 72 виллиса и амфибии, затем соответственно в 1942 г. - 29837 и 7698; в 1943 г. - 91620 и 1474; 1944 г. - 123361 и 1800; 1945 г. - 110225 и 7530; всего 373654 автомашин. При этом большое количество грузовых автомобилей поступало без кузовов, их приходилось направлять на автозаводы и делать кузова, на что уходило много времени. В 1944—1945 гг. мы создали четыре завода на Урале по сборке автомашин.

Поучение вооружения и других поставок по ленд-лизу и доставка его в действующую армию было сложным делом и требовало много внимания. У меня на рабочем столе всегда были данные о том, что для нас изготовляется на американских предприятиях, что поступило в американские порты, что находится в пути, в каком положении идущие караваны судов, сколько из них потоплено противником, что из уже полученного нами отправлено на фронт или передано нашей промышленности.

Большую помощь в этой работе оказывал мне мой первый заместитель по Наркомату внешней торговли А. Д. Крутиков.

Связь с армией по вопросам поставок осуществлял другой мой заместитель по наркомату И. Ф. Семичастнов. Он окончил Бронетанковую академию, хорошо знал армию и был тесно связан с работниками управлений Наркомата обороны.

Всеми вопросами транспортировки грузов, получаемых по ленд-лизу, ведал еще один мой заместитель по наркомату — С. А. Борисов, хорошо знакомый с морскими перевозками.

Конечно, во всей этой работе как я, так и мои заместители, опирались на Начальника Тыла Красной Армии, моего заместителя по Государственному Комитету Обороны генерала А. В. Хрулева, который в 1942—1943 гг., по совместительству, был и наркомом путей сообщения, что во многом облегчало нашу работу.

Дело было поставлено так, что НКПС заблаговременно предупреждался, в какой порт и какое количество груза идет, с тем чтобы были обеспечены подача вагонов в эти порты, своевременная разгрузка кораблей и быстрейший вывоз груза по назначению.

Первоначально суда, как из Англии, так и из США, приходили в Мурманск и Архангельск. Особоуполномоченным там был назначен начальник Главсевморпути контр-адмирал И. Д. Папанин, человек невероятной энергии. Хрулев как-то вспоминал, что Папанин буквально каждый час звонил ему в НКПС, докладывал обстановку, сообщал, какое количество порожних вагонов уже прибыло и какое количество вагонов еще. необходимо. «Мы выжимали из железных дорог все, что только можно выжать самыми тяжелыми прессами, подгоняя вагоны к портам Мурманска и Архангельска», — говорил Хрулев.

Но путь к Мурманску и Архангельску вскоре стал небезопасен. Зна-* чительное число судов противник стал топить.

*** Надо иметь в виду, что после того, как началась война, в Красную Армию было передано значительное количество автомашин, находившихся до этого в эксплуатации хозяйственных органов.**

Вот что писал по этому поводу уполномоченный Президента США Ф. Рузвельта по ленд-лизовским поставкам Эдуард Стеттиниус в своей книге «Ленд-лиз — оружие для победы».

«Как раз, когда развертывалась программа помощи Советскому Союзу, Соединенные Штаты подверглись нападению в Пёрл-Харборе. Все перевозки грузов на Тихом океане на судах под американским флагом немедленно были прекращены... другой маршрут был через Северную Атлантику и вокруг мыса Нордкап на Мурманск и Архангельск... Нацисты придавали большое значение прекращению перевозок грузов для Советского Союза. Они построили ряд сильно укрепленных баз для бомбардировщиков и истребителей вблизи Северной Норвегии. В норвежских фиордах они нашли защищенные естественные базы для своих подводных лодок и надводных рейдеров. Перевозки грузов для Советского Союза вокруг мыса Нордкап могли производиться только сильно защищенными конвоями... Волчьи стаи подводных лодок начинали атаку, как только конвой проходил мимо северо-восточной части Исландии. Иногда крупные силы германских подводных рейдеров, включая крейсера и эскадренные миноносцы, атаковали конвой, как только суда проходили вблизи Норвегии. Затем всегда появлялись бомбардировщики. Изо дня в день они атаковали. В одном случае 350 фашистских самолетов с рёвом обрушились на единственный конвой шедших зигзагами кораблей. Сорок самолетов было сбито, но они нанесли смертоносный удар по кораблям... Самые тяжелые и наиболее дорого обошедшиеся сражения у мыса Нордкап велись в период между мартом и июлем 1942 года... Одна четвертая часть всех судов, которые мы послали вокруг мыса Нордкап в Россию, в эти три месяца пошла ко дну. Британские потери подобным образом были также тяжелы».

В конце 1942 г. от Папанина поступило сообщение о том, что из каравана в 42 корабля в Мурманск пришло только 14, остальные были потоплены немцами в пути.

В связи с такими тяжелыми последствиями от перевозок в Мурманск и Архангельск пришлось отказаться. В эти порты было перевезено около 4 млн. тонн или около 25% от грузов, полученных по ленд-лизу. ^

Затем перевозки стали осуществлять через Иран (было перевезено более 4 млн. тонн грузов), а также через Дальний Восток (перевезено 8 млн. тонн). На Дальнем Востоке этим делом занимался не только Владивостокский порт, но и порт Петропавловска-на-Камчатке. Туда с Аляски завозились грузы и размещались в больших складах из гофрированного железа, которые мы закупили в США.

Перевозки через Иран и Дальний Восток создали дополнительные трудности. Если расстояние от Мурманска или Архангельска до фронта было приблизительно порядка 2 тыс. км, то от побережья Ирана оно увеличилось до 5 тыс. км, а от Дальнего Востока — до 12 тыс. км. Поэтому по пути из Ирана и Владивостока мы были вынуждены создать перевалочные базы. Необходимо отметить, что в связи с подрывной деятельностью гитлеровской агентуры в Иране еще 25 августа 1941 года мы и Англия ввели туда свои войска.

Транспортировка грузов через Иран, доставляемых на кораблях' в Персидский залив, помимо большого расстояния от фронта, имела и другие трудности. В Иране не было хорошо оборудованных портов, спо-

собных принимать большое количество грузов. В связи с этим союзникам пришлось произвести работы по реконструкции иранских портов Нандар-Шахпур и Корраншахрс. Кроме того, американцы построили в Иране два завода для сборки грузовых автомобилей, а также завод для сборки бомбардировщиков «Дугалс».

Автомобили и самолеты перевозились через океан в разобранном виде, а на этих заводах в Иране американцы их собирали и уже, как говорится, на ходу передавали нашим представителям.

Автомобили из Ирана перегонялись в Союз своим ходом. Мной было давно указание загружать эти машины грузом, полученным от союзников, в т. ч. продовольствием и т. д. Таким образом, автомашины не только перегонялись в Союз, но и перевозили груз прямым назначением на конкретный фронт. Некоторая часть самолетов перегонялась по воздуху через Фэрбэнкс на Аляске в Якутск. Этим делом ведали генерал-полковник Шевелев, полковник Мазурук и их помощники - полковники Ма- чин, Мельников и Прянишников.

Для приема американских и английских грузов в Иране и организации их перевозки в Союз в Иране первоначально был создан аппарат Уполномоченного Наркомвнешторга во главе которого был поставлен один из руководящих работников наркомата Кормилицын, а его заместителем — Зорин. В феврале 1942 г. Кормилицын погиб, и это дело возглавил Зорин. В 1943 г. Зорин возглавил объединенную контору «Ирансов- транс». (В настоящее время Зорин работает заместителем министра внешней торговли СССР).

Через Иран мы получали и горючее. Этим делом занимались Шевелев, Ступин, Альдохин и Бланк, в то время работавший заместителем начальника Управления снабжения горючим Красной Армии.

Вот что вспоминал о тех днях в мае 1965 г. Бланк: «Эти поставки оказались трудными и очень сложными. Горючее с Абаданских заводов отправляли в мелких восьмилитровых бидонах, изготовленных из тонкой жести, грузились высотой в несколько рядов, кроме того, шесть раз перегружались, в результате в Баку прибывали баржи, где большая часть бидонов была повреждена и потери горючего составляли до 40%. Мы не могли с этим согласиться, нам был дорог каждый килограмм горючего. И тогда, по заданию Анастаса Ивановича Микояна, была отправлена группа работников в Иран (тт. Комиссаров, Коган, Галкин, Бланк). На месте мы убедились, что фирмы были заинтересованы отправлять горючее только в бидонах, так как зарабатывали на этой плохой таре огромные деньги (тара стоила значительно дороже самого бензина). Кроме* того* им важно было побольше отправить горючего, и чтобы к нам прибыло поменьше его. Пришлось организовать специальную перевалочную базу в Бендер-Шахе, на ней сливали горючее, прибывающее в мелких плохих бидонах и баржами направляли в Баку, потери значитель- , но сократились, часть отправляемого горючего шла на смешение с вырабатываемым на бакинских заводах Б «70»*, а часть отправляли в

*** На бакинских заводах вырабатывался бензин, не пригодный для использования в авиации. Поэтому для повышения октанового числа отечественного бензина его смешивали в известной пропорции с импортным, и он становился [1] пригодным для самолетов.**

районе потребления. Это была серьезная помощь в обеспечении нужд, активно действующей нашей боевой авиации».

Уже в начале Великой Отечественной войны нам было ясно, что наш торговый флот на Дальнем Востоке обладает малой грузоподъемностью и состоит в значительной части из технически устаревших судов. Между тем именно на этот флот возлагалась задача перевозки через Дальний Восток необходимых фронту грузов, поскольку, как я уже отмечал, после событий в Пёрл-Харборе перевозки через Тихий океан на американских кораблях были временно прекращены.

Советским правительством было принято решение в кратчайший срок провести отбор судов, пригодных для плавания через океан, отремонтировать их, укомплектовать экипажи опытными моряками и обеспечить на них бесперебойную доставку грузов.

Для организации этого дела был необходим волевой, энергичный и смелый человек. >

Выбор мой пал на заместителя наркома морского флота СССР, начальника Политуправления наркомата Л. Ю. Белахова. Тогда ему было 34 года. Он имел военное образование, воинское звание и известный опыт советской и партийной работы. Сталин с его кандидатурой согласился.

17 июля 1941 г. я вручил Белахову удостоверение за своей подписью, как заместителя Председателя правительства СССР. В нем указывалось, что он «командируется в Дальневосточный морской бассейн для выполнения спецзадания Совнаркома СССР.

Совет Народных Комиссаров СССР обязывает советские, военные и общественные организации Дальнего Востока оказывать тов. Л. Ю. Белахову полное содействие в выполнении возложенного на него задания». Надо сказать, что с порученным делом Белахов справился, полностью оправдав возлагаемые на него надежды. Впоследствии J1. Ю. Белахову давались и другие весьма ответственные задания, о которых я еще расскажу.

Вот что он писал о своей поездке на Дальний Восток: «В начале июля 1941 года меня вызвал А. И. Микоян, являвшийся тогда заместителем Председателя Совнаркома СССР, и, со свойственной ему деловой увлеченностью изложив задачу, сообщил, что я назначен Уполномоченным Совнаркома СССР для выполнения вышеуказанного решения. Необходимо было срочно вылететь во Владивосток.

Не поняв сразу значения поставленной передо мной задачи, я попросил А. И. Микояна: «Не посылайте меня в тыл, пошлите на фронт!». Анастас Иванович на мгновение задумался, помолчал и довольно категорично ответил: «Вы — государственный и политический работник, и я думал - Вы сразу поймете, какое Вы получаете задание. Надо немедленно вылетать».

В это время поступило сообщение, что командование Тихоокеанского военно-морского флота, который тогда еще не был действующим, без острой необходимости приступило к мобилизации ценных транспортных судов.

А. И. Микоян подчеркнул, что для морского флота сейчас нет более важной задачи, чем доставка в СССР стратегических грузов, и дал указание ни при каких условиях без критической надобности не отмобилизовывать гражданские транспортные суда.

«Вы встретите большое сопротивление, возникнут на месте большие трудности. Лучше перегните. Если будет необходимо, мы вас поправим из Москвы», — напутствовал меня Анастас Иванович, вручая удостоверение о моем назначении уполномоченным Совнаркома СССР.

Приехав к себе в наркомат, я немедленно связался с Черноморским пароходством, и через сутки в Москву прилетели 20 лучших капитанов Черноморского бассейна. По их прибытии мы все вместе вылетели во Владивосток.

Для того времени полет был скоростной — прилетели всего за один день. Первым пилотом корабля был Кириченко — асе советского воздушного флота (к несчастью, вскоре погиб), вторым пилотом была прославленная героиня Валентина Гризодубова.

Осенью 1941 года возникла опасность нападения Японии на Советский Союз. Владивосток мог быть отрезан и изолирован от страны, в городе сложилась тяжелая обстановка, ползали недобрые слухи о скорой сдаче Владивостока японцам.

Во Владивостоке нами немедленно была развернута работа в двух направлениях:

— подготовка судов и комплектование их экипажей;
- подготовка Владивостокского порта к приему грузов.

Выполнение задания правительства проводилось в тесном контакте с Приморским крайкомом ВКП(б) советскими и общественными организациями Владивостока, в работу включился весь командный и рядовой состав пароходства и порта.

Флот и порт тщательно готовились к перевозкам и приему стратегических грузов. Все суда, выделенные для перевозок по ленд-лизу, ремонтировались, оснащались необходимым навигационным оборудованием. Проводилась тщательная уборка, мойка и окраска каждого судна от мостика до трюма.

Не будет преувеличением сказать, что наш доскональный осмотр судов при этом был строже и детальнее любого таможенного. Каждому, члену экипажа разъяснялось высокое значение предстоящей ответственной миссии советских моряков. И когда в США пришли наши первые! суда, американские газеты писали, что Россия достаточно сильна, если; она в состоянии укомплектовывать свои транспортные суда такими эки-' пажами. Подобные высказывания американской печати имели большое^ политическое значение для признания могущества нашей страны за рубе-j жом.

Проделанная нами работа, внешне однообразная и незаметная, onpe-j делила успех всего дела — за границу было отправлено 160 судов, больших и малых, среди них были и суда-ветераны, которые в мирное время мы бы не решились послать в океанское плавание. Только мастерство и мужество наших моряков не позволили погибнуть этим старым судам.

Сложные метеорологические условия плавания, минные поля на подходах к Владивостоку и иностранным портам, постоянные препятствия, чинимые советскому судоходству японскими властями (с июня 1941 года до конца 1944 года они задержали 178 советских судов, а несколько' кораблей были потоплены японскими подводными лодками) — все это| выпало на долю наших моряков, благодаря мужеству, самоотверженности,

и мастерству которых страна в те тяжелые дни получили сотни тысяч тонн крайне нужных фронту грузов.

Среди грузов, доставленных Дальневосточным морским флотом из Индии, Таиланда, Австралии, Новой Зеландии, США и других стран, были, в частности, шерсть, кожа, молибден, вольфрам и другие ценных металлы, различные материалы, одежда, продовольствие, огромное количество посылок воинам Советской Армии.

Местными властями и населением советские суда, как правило, встречались хорошо. В городах, где были русские колонии и духовенство, люди приходили на суда, приносили посылки для наших солдат, часто просили дать испробовать русской еды или буханку русского хлеба. В некоторых странах приход советских судов становился сенсацией. Так, например, в столице Новой Зеландии Веллингтоне, куда впервые за много лет после известного русского мореплавателя Крузенштерна пришел советский теплоход «КИМ», парламент устроил специальное чествование экипажу судна.

Подготовка судов, организация планомерной доставки грузов — были только частью поставленной перед нами задачи. Владивостоку нужен был мощный морской порт. На первом этапе таким он не был...

Сплоченными усилиями трудящихся й портовиков Владивостока за короткий срок порт был расширен и отремонтирован, проложены новые дороги, расширены и оборудованы склады, территория порта обнесена новой оградой.

Так совместными, порой героическими усилиями советских рабочих, портовиков и моряков, при активной руководящей роли городской партийной организации, нами было успешно выполнено важное задание Совнаркома СССР — обеспечение нужд фронта в стратегическом сырье и материалах.

При этом нельзя не сказать о той огромной, при личном участии, помощи, которую нам оказывал первый секретарь Приморского крайкома ВКП(б), член ЦК партии Николай Михайлович Пегов, внимательный, доброжелательный, эрудированный человек, отличный организатор...

В середине октября 1941 г. А. И. Микоян позвонил мне во Владивосток, сообщив, что Правительство выезжает в Куйбышев, сказал: «У Вас есть все полномочия, решайте все вопросы сами. Связь с нами может быть прервана. Делайте все с Н. М. Пеговым».

Не проходило дня, чтобы Николай Михайлович не занимался нашими делами, часто мы вместе работали до поздней ночи».

* * *

После войны между СССР и США имелся ряд неурегулированных экономических вопросов, вытекающих из соглашений, заключенных в военное время.

Основное - это вопрос об урегулировании расчетов по ленд-лизу. По нашим данным, сумма этих поставок из США в СССР составила 10 млрд. 66 млн. долларов, по данным американцев — И млрд. 54 млн. долларов.

По условиям соглашения мы не обязаны были оплачивать стоимость этих поставок, а должны были лишь возвратить, по определению президента США, те оборонные материалы, которые окажутся не уничтожен

ными, утраченными или потребленными во время войны, а находящимися в распоряжении Советского правительства.

По большинству военно-морских судов, полученных нами по ленд- лизу (554 из 585), вопрос был полностью урегулирован.

В 1959 г. 31 военно-морское судно мы предложили купить, но американцы на это согласие не дали. Еще в 1948 г. они согласились продать нам **84** торговых судна, поставленных по ленд-лизу, а в 1951 г. отказались от этого.

В отношении остальных поставок по ленд-лизу с американцами была достигнута договоренность о том, чтобы не производить возврат неиспользованных материалов, а оплатить их глобальной суммой.

В 1948 г. нами первоначально была названа сумма в 170 млн. долларов, американцами — в 1 млрд. 300 долларов. В дальнейших переговорах американцы снизили свое предложение до 800 млн. долларов, а мы повысили до 300 млн. долларов. Американцы с этим не согласились,, однако новых предложений не дали.

С нашей стороны неоднократно выражалась готовность продолжать переговоры по этому вопросу. Дальнейшие обсуждения, в том числе и при моем посещении США в 1959 г., положительного решения не дали.

Только в 1972 г. была, наконец, достигнута взаимная договоренность о, размере глобальной суммы в 700 млн. долларов, однако в результате обострения отношений, имевших место в 1974 г., вопрос остался открытым.

2. Постановление Государственного Комитета Обороны от 4 февраля 1942 г.

«1). Распределение обязанностей между членами ГО КО.

Тов. Молотов В. М.	Контроль за выполнением решений ГОКО по производству техники и вооружения и остальных соответствующих вопросов.
Тт. Маленков Г. М., Берия Л. П.	**а)** Контроль за выполнением решений ГОКО по производству самолетов и моторов и подготовка соответствующих вопросов. * б) Контроль за выполнением решений[1] ГОКО по работе ВВС Красной Армии (формирование авиаполков, своевременной их переброске на фронт, организа-^ционные вопросы и вопросы ЗП) и под-* готовка соответствующих вопросов.
Тов. Маленков Г. М.	Контроль за выполнением решений; ГОКО по Штабу минометных частей Ставки Верховного Главнокомандования! и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. Берия Л. П.	Контроль , за выполнением решение ГОКО по производству вооружения й минометов и подготовка соответствующих вопросов.
Тов. Вознесенский Н. А.	а) Контроль за выполнением решений ГОКО по производству боеприпасов и подготовка соответствующих вопросов. б) Контроль за выполнением решений ГОКО по черной металлургии и подготовка соответствующих вопросов.
Тов. Микоян А. И.	Контроль за делом снабжения Красной Армии (вещевое, продовольственное, горючее, денежное и артиллерийское) и подготовка соответствующих вопросов.

Подчинить контролю члена ГОКО т. ’Микояна все органы снабжения НКО по всем видам снабжения и транспортировки. \

Утвердить заместителем члена ГОКО т. Микояна по, артиллерийскому снабжению т. Яковлева. .

2) Каждый член ГОКО должен иметь заместителя по контролю за выполнением решений ГОКО по порученной ему отрасли работы».*

.. Председатель ГКО
И. СТАЛИН

*** Там же.**

Л. М. КАГАНОВИЧ

В один из февральских дней 1979 г. мне позвонил генерал- лейтенант в отставке, доктор исторических наук Николай Александрович Антипенко (1901—1986). Это был известный советский военачальник, боевой соратник и верный друг маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского, автор интересных публикаций и особенно популярной среди читателей историко-мемуарной книги «На главном направлении», которая выдержала несколько изданий в стране и за рубежом. С первого дня нашего знакомства, состоявшегося в начале 60-х годов, между, нами установились добрые дружеские отношения. В 1971 г. Н. А. Антипенко, работавший тогда в Институте военной истории Министерства обороны СССР, был одним из моих оппонентов по докторской диссертации...

В самом конце того телефонного разговора Николай Александрович сообщил, что мною заинтересовался Л. М. Каганович. И, когда я выразил свое удивление, он пояснил:

— Недавно я имел с ним беседу, и Лазарь Моисеевич попросил помочь достать Вашу книгу о советском железнодорожном транспорте военных лет. Запишите его домашний телефон.

Вскоре я позвонил по указанному телефону и, получив от Кагановича его домашний адрес на Фрунзенской набережной, отправил по почте свою книгу. Спустя некоторое время я решил узнать его мнение о ней и снова позвонил. Уже знакомый голос с сожалением ответил, что книгу так и не доставили и, очевидно, она где-то затерялась на почте. ,И тогда мы договорились, что я вручу ее Кагановичу при личной встрече.

Но встреча состоялась не скоро. Из-за плохого самочувствия Л. М. Кагановича, болезней, а также подругам причинам она много раз откладывалась на более удобное время. Прошли месяцы и даже годы, пока, наконец, 21 июня 1990 г. мы встретились...

Поднимаюсь почти на верхний этаж дома № 50 по Фрунзенской набережной. Дверь открывает дочь Кагановича — Майя Лазаревна. Приветливо здоровается, Из небольшой прихожей сразу попадаю в комнату, где слева за письменным столом с трудом узнаю человека, знакомого по портретам и многочисленным фотографиям прошлых лет. Крупная, коренастая фигура, полное лицо, редкие седые волосы, густые брови, седые усы. Выражение лица кажется чуть насмешливым. Большие карие глаза смотрят через очки с толстыми стеклами испытующе, нисколько настороженно, как бы пронизывая тебя насквозь. На Кагановиче далеко не новый темно-синий атласный восточный халат. Позади кресла — костыли. На письмен

ном столе — стопка книг, писем, открыток, большой нецветной телевизор, несколько отточенных карандашей, линейка, увеличительное стекло, авторучки. Два шкафа с книгами, на стене и за стеклами шкафов несколько фотографий Сталина и его ближайшего окружения.

Майя Лазаревна оставляет нас одних. Я вручаю хозяину квартиры свою недавно вышедшую из печати книгу «Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941—1945», и мы приступаем к беседе.

Первым делом гостю был задан вопрос, не является ли он членом «ДемРоссии»?

— Нет, нет, — отвечаю.

— А то эти шибздики такое наболтали, так оплевали наше и настоящее, и прошлое, что ничего светлого и героического у народа, вроде бы, и не осталось. (И Каганович с возмущением называет целую «обойму» имен «правофланговых радикальных демократов» и среди них Собчака, Попова, Афанасьева, Якунина, Станкевича, Старовойтову...)

Мы беседовали около часа, касаясь разных тем. Лазарь Моисеевич был в хорошем настроении, говорил много и охотно, особенно когда были затронуты события предвоенных и военных лет, работа наших железных дорог, вопросы эвакуации, оценка Сталина. Лишь иногда он делал небольшие паузы, чтобы с помощью линейки или карандаша «помассировать» себе спину.

Прощаясь с Кагановичем, я предложил сфотографироваться, но он отказался: «Плохо выгляжу. Как-нибудь в следующий раз». Зато без возражений подписал мне две свои фотографии. На одной из них он снят вместе с Алексеем Стахановым. Правда, из-за плохого зрения ему пришлось вооружиться большой лупой и использовать линейку, чтобы написать мне небольшое посвящение.

Мы договорились о следующей встрече, по возможности, в самое ближайшее время. Но она состоялась только спустя почти год - 6 мая 1991 г. Л. М. Каганович перенес инфаркт миокарда, хотя внешне мало изменился. Мы были одни в квартире и проговорили несколько часов, но коснулись лишь небольшой части из того, о чем так хотелось расспросить «последнего из могикан» из ближайшего сталинского окружения. Больше всего меня в тот вечер поразили творческие, прямо-таки дерзновенные планы неутомимого 97-летнего собеседника, рассчитанные, по его словам, на ближайшие 5-6 лет, по созданию крупного труда, посвященного индустриализации СССР и реконструкции железнодорожного транспорта. Он долго меня не отпускал, и мы расстались около 11 часов вечера, договорившись о новой встрече через некоторое время.

Однако вскоре Кагановича не стало. Ниже приводится почти полная запись двух наших бесед.

Надеюсь, что публикуемый материал представит определенный интерес как свидетельство одного из видных государственных и

партийных деятелей той эпохи, которую в течение целых десятиле-' тий называли «сталинской».

Мне трудно судить при ответах на какие вопросы Л. М. Каганович был более, а на какие — менее правдив и искренен. Конечно, далеко; не все его мнения представляются бесспорными. Тем не менее пола-. гаю, что суждения и оценки «железного наркома» не могут не вызвать. внимание широких кругов читателей, включая и историков. |

Встречаясь и беседуя с Кагановичем, я, разумеется, не мог не думать, какой же буквально перенасыщенной событиями перелом-1 ного характера была его жизнь на фоне предреволюционного периода, Первой мировой войны, двух революций 1917 года, Гражданской войны, социалистического строительства в СССР, Великой Отечественной войны, четырех послевоенных десятилетий... И как много хранит его память из того, что не отражено или слабо отражено в документах, и все важные свидетельства он, видимо, унесет с собой. Издание в 1996 г. посмертных мемуаров Кагановича «Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника», к сожалению, только подтвердило указанные опасения. Книга в известной степени разочаровывает. В ней мало подлинных откровений автора, неизвестных эпизодов, событий, оценок многих деятелей той поры. Годы Великой Отечественной войны представлены лишь одним небольшим фрагментом, по существу отсутствуют диалоги и т. д.

Словом, публикуемый материал не только не повторяет, а, напротив, как нам кажется, заметно дополняет то, что читатель может узнать в ходе чтения «Памятных записок...».

Что касается небольшой содержательной книжки писателя Феликса Чуева «Так говорил Каганович: исповедь сталинского апостола» (М., 1992), то вопросы, которые задавал он Кагановичу, все же отличаются от того, что интересовало профессионального историка.

Как бы мы не оценивали сегодня деятельность этого человека со всеми его пороками, ясно одно — это историческая личность. И, • будем объективными, Каганович, долгие годы находившийся у вершины власти, вошел в летопись нашего государства не только как разрушитель и ревностный исполнитель многих справедливо осуж- ¦ денных ныне противоправных предначертаний «великого вождя». За \ его плечами и большие созидательные дела в области тяжелой инду- i стрии, коренной реконструкции и развития железнодорожного транс- j порта, включая военные годы, строительства Московского метропо- t литена и т. п. I

Как свидетельствовали многие ветераны тех трудных довоенных j и военных лет, Каганович, несомненно, обладая большими организаторскими способностями, хорошо владел ораторским искусством, был неутомимым в работе и мог весьма умело и искусно поддерживать и развивать различные трудовые почины, увлекавшие массы на самоотверженный труд.

Беседа с Л. М. Кагановичем

(Из магнитофонной записи) *21 июня 1990 г.*
г. Москва

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, генерал-лейтенант Антипенко Николай Александрович, мой старший товарищ и друг, однажды рассказал о разговоре с Вами. И, в частности, сообщил, что Вы выразили желание иметь мою монографию о советском железнодорожном транспорте военных лет. Направляясь сегодня к Вам, я захватил с собой экземпляр ее второго издания, и позвольте вручить Вам этот скромный труд. Мне очень важно узнать Ваше мнение о книге и буду Вам весьма признателен за каждое замечание или пожелание.

Л. М. Каганович: Спасибо, большое спасибо, Георгий Александрович. Не знаю, правда, когда смогу прочитать или хотя бы бегло ознакомиться с Вашей книгой. Я же почти ничего не вижу.

Г. А. Куманев: Вы не говорили по телефону о своем плохом зрении. Я думал, что Вы просто без очков плохо видите.

Л. М. Каганович: Нет, я вот переболел... Могу сейчас что-то прочитать, но только с лупой. А так читать не могу. Газеты, некоторые материалы мне читает моя дочь Майя Лазаревна, когда приходит. Для меня положение со зрением — просто большая беда, целое наказание.

Как называется Ваша книга?

Г. А. Куманев: «Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941-1945». Предисловие мне написал для первого издания маршал Василевский Александр Михайлович, а для нового издания дополнительно — генерал-лейтенант Иван Владимирович Ковалев — тоже, как и Вы, нарком путей сообщения военных лет.

Л. М. Каганович: Да, я Ковалева хорошо знаю и помню. А что здесь Вы написали?

Г. А. Куманев: Я написал: «Наркому путей сообщения СССР предвоенных и военных лет, Герою Социалистического Труда Лазарю Моисеевичу Кагановичу на добрую память от автора».

Л. М. Каганович: Еще раз благодарю Вас. А Вы работали на транспорте, Георгий Александрович?

Г. А. Куманев: И по происхождению, и по профессии я не железнодорожник. Но значительную часть своей творческой научной жизни посвятил изучению истории советского железнодорожного транспорта, трудовых дел его рабочих и служащих. В мае 1980 г. в связи с 35-летием Победы мой скромный вклад в освещение роли железнодорожного транспорта СССР в Великой Отечественной войне был отмечен министром путей сообщения Иваном Григорьевичем Павловским награждением меня знаком «Почетному железнодорожнику». Так что я считаю себя и железнодорожником.

Л. М. Каганович: Что ж, это приятно слышать. А откуда Вы родом?

Г. А. Куманев: Моя родина — небольшой районный городок Лукоянов Горьковской области. Через него проходит одна из линий Казанской железной дороги, есть станция, депо, мастерские, свой железнодорожный коллектив.

Л. М. Каганович: Я хорошо знаю Лукоянов, я там бывал.

Г. А. Куманев: Неужели? Знаете, еще до войны в зале ожидания на вокзале висел Ваш большой портрет, а в соседнем помещении - гораздо меньшего размера - портрет Сталина.

Л. М. Каганович: Я был в Лукоянове еще в 1919 г., когда работал председателем Нижегородского губкома партии.

Г. А. Куманев: Но его возглавлял и Ваш брат Юлий Моисеевич?

Л. М. Каганович: Это уже после меня. Я был в 1919 г., а он, кажется, начиная с 25-го года. А что Вы окончили?

Г. А. Куманев: Историко-филологический факультет Горьковского университета, потом в Москве аспирантуру Института истории Академии наук СССР. И Виктор, мой брат, тоже.

Л. М. Каганович: Значит, он тоже историк?

Г. А. Куманев: Да. Мы близнецы, до сих пор нас часто путают. Сейчас он — член-корреспондент Академии наук СССР. Так что меня обогнал в этом плане. Виктор занимается историей советской культуры, а я военной историей, в том числе и историей транспорта. А эта история особенно героическая. Не мне Вам говорить, что сделали, какой подвиг совершили наши железнодорожники в годы Великой Отечественной войны, чего стоит обеспечение нужд фронта и тыла важнейшими грузами, проведение эвакуации. Вообще работа железнодорожного транспорта СССР в военный период — один из наиболее выдающихся подвигов советского народа. Ведь при этом надо иметь в виду, что самая разветвленная и технически оснащенная сеть железных дорог страны оказалась захваченной противником, а на оставшейся сети магистралей советские люди смогли наладить в целом бесперебойную связь фронта с тылом, обеспечивать и воинские, и народнохозяйственные, и эвакуационные, и другие перевозки. А ведь к таким огромным потокам грузов не были приспособлены наши тыловые узлы, станции, разъезды. Ведь никто не предполагал, что будут такие мощные потоки и будут возникать, казалось, неразрешимые пробки.

Л. М. Каганович: Война шла и на колесах. И железнодорожники находились на ее переднем крае. Это особенность.

Г. А. Куманев: В свое время я был шесть или семь раз у Вячеслава Михайловича Молотова и расспрашивал его, в частности, об эвакуации. Меня особенно интересовало его мнение под одному вопросу. Расспрашивал об этом и Михаила Георгиевича Первухина, который в первые месяцы войны являлся заместителем председателя Совета по эвакуации.

Дело в том, что, как свидетельствуют многие документы и факты, подавляющую часть перебрасываемых в тыл грузов составляли так называемые бездокументные грузы. Если же судить по имеющимся в архивах актам и описям эвакогрузов, доставленных на Восток* то туда удалось переместить лишь ничтожную часть.

Л. М. Каганович: Да, по этим источникам получается так.

Г. А. Куманев: В известной книге Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» утверждается, что за какие-то три месяца войны было переброшено в тыловые районы 1360 крупных, главным образом военных предприятий. В последующем многие авторы приняли эти данные в качестве итогового результата перебазирования, почему-то проигнорировав слова Вознесенского относительно выборочных трех месяцев сорок первого года. Затем во 2-м томе «История Великой Отечественной войны» появилось сообщение о 1523 эвакуированных предприятий. Наконец, в 1966 г. в сборнике статей «Эшелоны идут на Восток» в научный оборот были введены новые сведения: только за вторую половину 1941 г. по железным дорогам, согласно данным учета НКПС, удалось перебросить в тыл 2593 предприятия.

Так вот, сегодня вся эта статистика мне представляется весьма заниженной, с чем, между прочим, согласились и Молотов, и Первухин.

Прежде всего следует задаться вопросом, а сколько до войны имелось крупных и средних предприятий, например в районах, которые потом оккупировал враг? Оказывается, 32820. Итак, если нам удалось вывезти только 1360 или 1523, или даже 2593 предприятия, куда мы подевали около 30 тыс. заводов и фабрик? Оставили захватчикам вместе со всеми станками и оборудованием? Может быть, все уничтожили при отступлении? Но этого не могло быть, так как тогда рухнула бы вся наша экономика и никакой военной перестройки не получилось бы. В чем же дело? Прежде всего надо иметь в виду, что очень многие заводы и фабрики в угрожаемой зоне работали до последнего часа, давая продукцию для фронта, и нередко распоряжения об эвакуации поступали в самый последний момент, иногда по телефону, по ВЧ. И некогда было составлять акты, описи, скреплять их подписями, печатями... В таких случаях спешно грузилось наиболее важное оборудование и вывозилось.

Все это подтверждает, что во время эвакуации железнодорожники смогли перебазировать подавляющую часть промышленных предприятий, машин, механизмов и других материальных и культурных ценностей. При этом полагаю, что исследователям из-за огромной массы бездокументных грузов просто невозможно с точностью до единицы определить, сколько же всего разных грузов было переброшено в тыл.

Л. М ***Каганович:*** Согласен и я с Вашими замечаниями и сомнениями, в том числе относительно цифровых данных. Вывозились

ведь и сами предприятия транспорта, их оборудование, подвижной состав: более 150 тыс. вагонов, 6000 паровозов и многое другое. Грузили порой, действительно, все, что попадалось под руку, ибо времени для разных оформлений уже не было. Взять, к примеру, завод имени Кагановича в Москве. К середине октября 1941 г. он оставался еще невывезенным. Но вот прибежал ко мне директор этого завода. Надо, говорит, срочно эвакуироваться. Предложил, чтобы часть оборудования завода осталась в столице, а часть вместе с рабочими переместить в Сибирь. По согласованию с Советом по эвакуации так и было решено. Но на перебазирование этого предприятия, включая демонтаж, получение порожняка и на погрузку обстановка заставила отвести предельно короткий срок. Поэтому издержки были немалые. И таких предприятий можно насчитать много.

Возвращаясь к вопросу о роли наших железных дорог в войне, я Вам скажу, что необходимо детально, всесторонне описать то «чудо», которое совершили тогда работники советского железнодорожного транспорта. Ведь это «чудо» (после Красной Армии) спасло страну. Железнодорожники спасали нашу Родину с самого начала войны.

И после того как наша армия отступила, если бы железнодорожники не сумели, например, перебазировать танковые, авиационные заводы, заводы по производству артиллерии, вооружения, боеприпасов на Восток, разве сумели бы-мы быстро возместить такую потерю, построить новые? Ведь в глубоком тылу таких предприятий было мало. Собственно говоря, если подходить строго, то спасение страны началось с перемещения заводов, фабрик, лабораторий, конструкторских бюро, учреждений, ресурсов сельского хозяйства. А потом, когда вывезли, то наше спасение было в размещении и восстановлении всех прибывших объектов и налаживании массового производства; Начало массового выпуска военной продукции: артиллерии, самолетов, танков, стрелкового вооружения, боеприпасов, снаряжения, что тоже обеспечивали работники транспорта — это есть-начало победы.

Вы сейчас занимаетесь чем?

Г. А. Куманев: Вместе с коллегами завершаем подготовку коллективного трехтомного труда «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Лично я работаю над книгой «Война и эвакуация».

Л. М. Каганович: Хочу сказать Вам следующее. Изучить досконально историю железнодорожного транспорта СССР периода Великой Отечественной войны — задача большая и очень сложная. Если ‘ бы я не оказался в таком положении, в каком нахожусь сейчас, и имел бы доступ к материалам, я бы попытался написать на эту тему большую книгу, хотя, может быть, мои материалы в архивах уже. на 2/3 ‘уничтожены.

Г. А. Куманев: В архивах я встречал много документов с Вашими резолюциями, визами, подписью.

Л. М. Каганович: Не исключаю все же, что многие мои документы уничтожены. Например, мои переговоры по прямому проводу с начальниками дорог, мои телеграммы, записи телефонных служебных разговоров. Я сейчас взял бы и использовал все эти материалы и особенно по отдельным операциям, как это делают военные авторы.

Вот, скажем, в Запорожье выпускали различные газеты, журналы, в том числе железнодорожные, вплоть до занятия врагом города. Ведь это тоже ценнейший источник. Когда развернулась операция по эвакуации Запорожья, мне как наркому довелось контролировать и непосредственно, следить за ее ходом. Mat? бы интересно было воссоздать данную эпопею. И мне было бы это сделать легче, ибо я лично знал запорожские заводы, знал, что там строилось, какую продукцию давали местные предприятия, знал и большую часть местных кадров.

Я знал и Днепрострой. И вот такая же привлекательная задача — описать операцию по эвакуации Днепропетровска, рассказать, в какой чертовски сложной обстановке доставляли вагоны и платформы под погрузку, как не хватало подвижного состава и как люди выходили из положения...

Эвакуация Киева. Это ужасающая сторона, потому что все произошло внезапно. Там многое не успели спасти.

Эвакуация всего юго-запада: складов, хранилищ и проч.

Эвакуация Львова со многими местными особенностями и трудностями...

И так разбить все на 15—20 операций. И изучить для этого все местные газеты, многотиражки, из содержания которьге многое будет видно и понятно, как все происходило и как, преодолевая неимоверные трудности, героические железнодорожники доставляли эвакуационные грузы в восточные районы страны. Причем в невиданно сжатые сроки.

Помню, звонит мне начальник Московско-Курской дороги Ткаченко (потом он возглавлял Юго-Восточную дорогу): «Лазарь Моисеевич, зашиваемся. Идет поток эвакоэшелонов, принимать нам негде, гнать нам его тоже некуда, потому что дорога занята. Как быть?»

Отвечаю: «Федор Михайлович, посоветуемся, примем меры, обязательно поможем».

Вызывая своих людей, помощников, ставлю перед ними задачу: как быть, что делать? Прошу вносить предложения. Одни говорят — надо ставить поезда на запасные пути. Но ведь они заняты! Другие предлагают эшелоны размещать на станционных путях, т. е. тоже дают нереальные выходы из положения. Тогда я спрашиваю: «А что, если мы на несколько дней пустим одностороннее движение? Пустим груз, идущий на восток, чтобы он не попал врагу, и задержим груз, следующий на запад. Этого требует жизнь, требует обстановка».

Все молчат. Наконец, нашелся одни из транспортных специали- стов-движенцев и говорит: «Я считаю, что это можно и нужно сделать».

И пустили мы одностороннее движение грузов, что себя полностью оправдало. Считаю, что это была по существу военная опера-, ция, рискованная, невероятно трудная, но очень смелая и разумная.

Нечто подобное мы применили еще на финской войне. Правда, в книге генерала И. В. Ковалева и в коллективном труде под редакцией министра путей сообщения Н. С. Конарева об этом ничего нет. Но спасибо, что хоть что-то написали о работе транспорта в военные годы. Вам спасибо, что Вы написали... Но здесь, конечно, еще не вся история железнодорожного транспорта Советского Союза во время войны. Чтобы создать его историю, нужно поручить такую задачу целому институту. В частности, один только вопрос о деятельности * военно-эксплуатационных отделений во время Московской битвы заслуживает широкого и глубокого освещения. Очень ценный опыт.

Если говорят, что Великая Отечественная война выявила на фронте много героев, талантливых военачальников, прославленных маршалов, то это верно. Ну а разве раньше, во время Первой мировой войны, не было своих талантливых, очень способных генералов? Например, Брусилов. Это был, несомненно, выдающийся генерал. Вначале он терпел поражен™. Почему? У него не было, вернее, остро не хватало артиллерии, боеприпасов, у него не было сапог, обмундирования для солдат, потому что снабжение было никудышное. Царская Россия располагала относительно слабой промышленностью. Военных заводов имелось мало. Организовали воен-, нопромышленные комитеты с участием меньшевиков, эсеров. Но и. они не помогли. Ничего не дала мобилизация имеющихся средств и ресурсов. Страна оказалась неподготовленной для войны, для такой» большой войны, для снабжения такой большой армии. Не помогли | и некоторые очень способные военные руководители. 1

Но как все изменилось через каких-то два с половиной десяти-1 летия, несмотря на опустошительную Гражданскую войну. Наш] маршал Жуков при взятии Берлина смог выставить 300 орудий на 1 каждый километр фронта. Спрашивается, откуда это взялось на четвертый год такой тяжелой войны? Откуда появилась такая масса ♦ танков, боеприпасов, столько артиллерии и столько авиации? Это смогла обеспечить только индустриализация. Только! Индустриали- ı зация страны спасла все, в том числе поставила на ноги и нашу" железнодорожную сеть. Реконструкция и бурное развитие транспор- * та до войны, его техническое оснащение до войны и его работа до ■ войны — все это помогло ему выполнить свою задачу во время: войны.

И вот; когда сейчас, (сознательно или неосознанно) с индустриализацией связывают одно только негативное, говорят о какой-то , бесчеловечной, тотальной индустриализации, то забывают, что ста

линская схема имеет не только отдельные упущения, даже некоторые слабые стороны (в том числе в теории), но имеет и величайшие заслуги. Она преобразовала, вооружила Советское государство. Она превратила страну невооруженную, отсталую в страну передовой современной промышленности, в страну вооруженную.

Если мы сумели во время Великой Отечественной войны прокормить армию, рабочих, все население — это результаты и кооперирования сельского хозяйства. Глубоко убежден: не было бы коллективизации, мы не прокормили бы государство. Страна, бесспорно, потерпела бы поражение, была бы разорена, потоплена в крови и были бы десятки миллионов жертв. Побежденная Россия (а с ней и вся мировая цивилизация) погрузилась бы в мрак ига, которое было бы пострашнее татаро-монгольского, если бы не было 10 лет преобразований страны. Так надо ставить вопрос.

Я расширяю рамки вопроса и отвечаю. Если говорят: индустриализацию провели слишком дорогой ценой, то спрашиваю в ответ. А какая была бы цена, если бы мы потерпели поражение и победил Гитлер со своей звериной системой? Ожидало бы полное уничтожение нашего народа, нашей Родины. А советская страна вышла из войны победоносной, весь благодарный мир преклонялся перед ней. Теперь же находятся шибздики, которые все порочат, порочат, порочат и берут только одну сторону.

Вот самый простой пример. Если рассматривать любой дом, то кроме фасада у него есть другие стороны, тыловая часть. Но если нас будет интересовать только один бок или один фасад — это будет односторонний взгляд, неполное представление об этом сооружении. Наша оценка окажется неглубокой, поверхностной, необъективной.

Говорить о каких-то только негативных последствиях индустриализации - это ничтожно малая толика того, что сделано нашим народом.

Г. А. Куманев: Нечто подобное наблюдается сейчас, когда оценивается компетентность Сталина в военных вопросах. Об этом в свое время был у меня разговор с Молотовым. В наши дни некоторые авторы пишут, что в первый период войны Сталин совершенно не разбирался в военном деле, давал сплошь непродуманные указания и т. п. Один весьма маститый специалист по военной истории, очевидно, в угоду конъюнктуре заявил недавно в журнале «Огонек», что все распоряжения и приказы Верховного Главнокомандующего во время войны были не только безграмотными, но и преступными.

Широко распространяется утверждение, что, мол, только начиная с Курской битвы Сталиц стал несколько лучше понимать военное искусство, более внимательно выслушивать мнения военачальников и принимать более или менее правильные решения. ,

Хорошо, предположим, что это так; Но как же в таком случае, при таком «сером» и «недалеком» военном руководителе СССР смог

устоять перед страшным натиском в первые месяцы вооруженной борьбы, а затем и разгромить столь мощного противника? Уж не с испугу ли?

И в этой связи мне хочется спросить у Вас, Лазарь Моисеевич, а какова была компетентность Сталина не только в чисто военных, но и военно-экономических, хозяйственных вопросах как председателя ГКО и правительства? Ведь на нем замыкались и все проблемы тыла.

Л. М. Каганович: Я обращаю Ваше внимание на суть одной статьи Сталина, которая называется «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». Она была напечатана в «Правде» еще в марте 1923 г. и вошла в 5-й том сочинений Сталина. Уже в этой статье он показал, что как раз неплохо разбирается в военной теории, в вопросах стратегии и тактики. Этот том у меня как раз под рукой, и я прошу Вас прочитать сейчас вслух из данной статьи те места, где имеются закладки и что я когда-то подчеркнул, начиная со слов: «План стратегии - это план... » и т. д.

Г. А. Куманев: (читает вслух) «План стратегии - это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов... Иначе говоря: определить направление основного удара — это значит предрешить характер операций на весь период войны, предрешить, стало быть, на 9/10 судьбу всей войны. В этом задача стратегии».

И вот еще одно место, подчеркнутое Вами: «Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая. Тактика имеет дело не с войной в целом, а с ее отдельными эпизодами, с боями, с сражениями. Если стратегия старается выиграть войну или довести до конца, скажем, борьбу с царизмом, то тактика, наоборот, стремится выиграть те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, более или менее соответствующие конкретной обстановке борьбы в каждый данный момент.

Важнейшей задачей тактики является определение тех путей и средств, тех форм и способов борьбы, которые более всего соответствуют конкретной обстановке в данный момент и вернее всего подготовляют стратегический успех. Поэтому действия тактики, их результаты должны быть расцениваемы не сами по себе, не с точки зрения непосредственного эффекта, а с точки зрения задач и возможностей' стратегии» ***{СпШин И. В.*** Соч. Т. 5. С. 163-164, 166]>.

Л. М ***Каганович:*** Благодарю Вас. Все эти замечания, рассуждения Сталина по вопросам военного искусства мне представляются достаточно зрелыми в теоретическом отношении. Но Сталин вышел из Гражданской войны обогащенным и разнообразной практикой. В этой войне он проявил свою высокую компетентность. В огне ее он видал виды. В сложных ситуациях мог и растеряться, но не растерялся. Сталин владел великой стратегией. Приходилось и отступать, но

не испугался отступлений. Посмотрите, как в гражданской войне Москва была окружена: Колчак, Юденич, Деникин. Москва вот-вот должна была пасть. А Сталин последовательно был членом Военных советов и Западного, и Южного, и Царицынского, и Юго-Западного, и Северо-Западного фронтов. И сыграл немалую роль в защите Советской республики и ее столицы.

Сталин, повторяю, видал виды, войну он знал лучше всех других руководителей (не считая, конечно, Ленина) и его опыт в Гражданской войне колоссален. Он не писал много об этом. И когда началась Великая Отечественная война, наш вождь, военный руководитель был компетентен с самого ее начала и снова не растерялся, что мы отступаем. Он был твердо уверен, что мы победим и твердо руководил страной, партией, армией, экономикой.

Конечно, самое главное заключалось именно в том, что мировая военная история не знала такого командования, которое сосредоточило бы в одном кулаке, в одних руках промышленность, сельское хозяйство, железные дороги, снабжение, армию и военную коллегию руководителей. Все было сосредоточено в одном кулаке — в Государственном Комитете Обороны. Мы все были помощниками Сталина по всем делам. Я занимался транспортом, перевозками. Микоян — снабжением, Молотов — танками, Маленков — самолетами и авиационными моторами, Вознесенский - вооружением и боеприпасами и т. д.

Сталин держал книжечку, у него все наиболее важное было там записано, в том числе резервы. Резервы, резервы, резервы, резервы... Он им придавал исключительное значение и держал их вот так вот. Если что-то и выдавал, то в первые месяцы войны — по крохе — одному, второму, третьему... Говорил: выжимай из себя, что можешь, и если потом увидишь, что уже все исчерпано, я тебе помогу.

Сталин и валюту держал под своим строжайшим контролем, и это все у него было записано в книжечке. При нем не было дефицита бюджета. Так или не так? Это мировой факт. Сталин вызывал наркома финансов Зверева и спрашивал у него: «Ну, как у Вас с казной? Сколько имеете в этом году ресурсов? Какие наиболее сложные проблемы? Как предполагаете их преодолевать?» и т. д. Все четко докладывалось, тщательно, но оперативно рассматривалось, утверждалось и выполнялось.

Так что Сталин и военная стратегия были не в разрыве, а в единстве. Я лично глубоко убежден в том, что свою военную стратегию: отступления, действия фронтов, армий, родов войск, их применение — все это Сталин детально обдумывал. Он получал сведения отовсюду, от каждого командующего фронтом, армией, наркома или замнаркома, представителя Ставки, уполномоченного ГКО, директора крупного комбината или оборонного предприятия. Он определял и время, когда и куда направлять силы и выделять резервы...

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, и тем не менее все-таки надо признать тот факт, что Гитлер обманул Сталина 22 июня...

Л. М. Каганович: Слушайте, дело не в обмане. Это же смешно говорить: «обманул». Империалист есть империалист, фашист есть фашист. Фашизм — это толпа мелкобуржуазных масс, где есть и обманутые рабочие. Это верно. Фашизм есть не что иное, как экстремистский отряд империализма. Гитлер выступил вперед в качестве ударной силы империализма. Он был первым номером. Он хотел заправлять всем империалистическим лагерем, быть выше всех, а потом завоевать весь мир. Гитлер поэтому начал мировую войну не сразу против нас, а против Польши, других западных стран. Фашистский фюрер был империалистом, его толкали другие империали- _ сты, чтобы он против Советского Союза пошел. Они очень хотели, ' чтобы он «наскочил» на нас. Этого ведь никто не отрицает. Но вот не вышло это в начале мировой войны. Даже когда Вторая мировая война разразилась, Англия и Франция всячески хотели показать Гитлеру, что они не хотят воевать с ним. Яркая иллюстрация тому — так называемая «странная война». Они дали возможность фашистскому главарю захватить то, что он захватил, и обратно у него ни клочка земли тогда не отвоевали.

Не Гитлер обманул нас. Мы рассчитывали, Сталин рассчитывал. И это была его продуманная стратегия. Сталин рассчитывал на выигрыш времени и обеспечил выигрыш в 22 месяца.

Г. А. Куманев: Извините, мне рассказывал Анастас Иванович Микоян, когда я с ним встречался, что у Сталина было такое твердое убеждение: нападение Германии на нас неизбежно, но война с ней начнется где-то в середине или в конце сорок второго года, когда, по его расчетам, Гитлер поставит на колени Англию, ибо воевать на два фронта нацистский фюрер не решится.

Поэтому Сталин и отвергал или игнорировал все тревожные донесения, которые шли к нему по разным каналам весной и в начале лета сорок первого года о том, что фашистское нападение вот-вот произойдет и враг уже изготовился для броска на Восток. Известно, например, что было предупреждение от американских представителей и даже от самого Уинстона Черчилля.

Л. М. Каганович: Сталин не отвергал все эти сообщения, но он был очень осторожным политиком. Он знал, с кем имеет дело. Он знал, что Черчилль хитер, талантлив, умен, что искренним с нами никогда не будет, что в годы Гражданской войны 14 государств: против нас натравил и т. д. Сталин знал, что англичане и американцы (больше англичане) в последние годы все время подталкивали Гитлера против нас. Но вместе с тем Сталин знал, что в: Германии существует мнение — с Россией надо быть осторожными, | не идти с ней на конфронтацию. И Сталин считал, что советско-; германский договор о ненападении на какое-то время отводит! прямую угрозу от нас. И он согласился на подписание такого!

договора, предложенного Гитлером. Сейчас же кричат шибздики в печати: как это Сталин мог пойти на договор о ненападении? А что надо было — оказаться перед возможностью единого антисоветского империалистического фронта? Причем с Японией в придачу, которая в это время продолжала вести против нас боевые действия в районе Халхин-Гола.

И относительно секретного протокола. Во-первых, в дипломатической практике тех лет он не был какой-то новинкой, чем-то из рук вон выходящим. Да и сейчас сферы влияния й «области жизненно важных интересов», скажем, США простираются за тысячи километров от их территории. И такие претензии нынешнего идеала «демократии» зафиксированы в ряде секретных документов. Но об этом наши отечественные щелкоперы предпочитают помалкивать. Во- вторых, секретный протокол является своеобразной жертвой со стороны Сталина. Для того, чтобы каким-то образом выиграть время. Из двух зол он выбрал меньшее, чтобы, повторяю, выиграть время.

Гитлер пошел на нас не потому, что он обманул Сталина, а потому, что его подтолкнули, намекнули, вероятно; если ты пойдещь против СССР, то это самый удобный момент. У нас с вооружением плохо дело, у нас с командным составом плохо и чем дальше, тем, мол, труднее будет Советское государство сокрушить и т. д., и проч., и проч. Это тоже подстегнуло бесноватого фюрера, и он решил пойти на СССР войной.

Г. А. Куманев: А может, нам следовало бы упредить Гитлера и первыми нанести ему удар? Ведь еще с декларации Гитлера от 22 июня 1941 г. имеет хождение нацистская фальшивка (кстати, решительно отвергнутая на Нюрнбергском процессе), будто фашистская агрессия против СССР была вынужденной и вермахт только опередил подготовленную для нападения на рейх Красную Армию

Л. М. Каганович: Все это вранье самой низкой пробы, рассчитанное на наивных, доверчивых простаков или дураков. Ни о каком нападении на Германию под любым предлогом ни весной, ни летом сорок первого года мы, конечно, не помышляли. Это была бы с нашей стороны опаснейшая авантюра. К большой войне, тем более наступательной, ни наша армия, ни страна не были тогда готовы. И пойти на такой безрассудный шаг, связанный и с открытым нарушением заключенного пакта, Сталин, разумеется, не мог. Его главной задачей в то время было не ускорить, а, напротив, всячески оттянуть военное столкновение наших стран.

Дело, таким образом, не в том кто кого обманул. Скорее всего, кто кого обманул — это конечные результаты показывают. По результатам надо судить, кто кого обманул. Гитлер выступил, «наскочил» на нас и обманул себя, а не нас. Он сделал роковой шаг, совершил на Советский Союз вероломное нападение, заставил нашу армию временно отступить, а потом потерпел полный крах и отправился в

преисподнюю. Почему? Потому что сам себя обманул. Гитлер рассчитывал на стратегию «молниеносной войны». Да не вышло. Он видел нашу страну старой, отсталой и не видел Россию обновленной, преобразованной за последние 10 лет. Фашистский фюрер «проморгал» эти 10 лет. Ленинская партия, Сталин поставили перед народом • задачу: мы должны пробежать расстояние по индустриализации страны за 10 лет, т. е. с 30-го по 40-й год, хотя другим государствам для этого потребовалось 50 лет. *

Г. А. Куманев: Итак, Лазарь Моисеевич, компетентность Сталина в военных и других вопросах Вы оцениваете достаточно высоко?

Л. М. Каганович: Мое глубокое убеждение заключается в том, что Сталин вел счет нашим силам, нашим экономическим возможностям, нашим ресурсам. Еще раз подчеркиваю: Сталин боролся за резервы как до войны, во время войны, так и в послевоенные годы. Некоторые говорят, например, о «чуде» железнодорожного транспорта. Ведь это, действительно, «чудо». Мы не получили в самое тяжелое время войны ни фунта металла для транспорта...

Г. А. Куманев: Не считая, видимо, той доли, которую направляли нам по ленд-лизу США и Великобритания?

Л. М. Каганович: Чепуху давали по военно-экономическим поставкам наши союзники, особенно в сорок первом и сорок втором годах. Только более или менее и то со скрипом кое-что мы получили от них к концу войны, когда восстанавливали народное хозяйство. Но, если строго разобраться, то большей частью это была разная чепуха. Я имею в виду транспорт.

А как же мы вышли из положения? И вот (я уже говорил) Ковалев написал книгу, коллектив железнодорожников под руководством Конарева написал книгу, но обе они почти не отвечают на поставленный вопрос. Каким же образом железнодорожники все же сумели справиться с таким громадным объемом задач? В чем заключалась наша сила? *

Сталин мне всегда говорил: «Ты копи резервы, сила в резервах, накапливай резервы». Я об этом помнил и создавал в системе НКПС резервы. Своим начальникам дорог я не давал ни фунта металла и требовал от них строжайшей экономии и чтобы они. накапливали резервы по металлу, углю, запчастям и т. д. Принимал и ряд других мер. Все это сыграло огромную, во многом решающую. роль.

Далее. Вед стратегия Генерального штаба: отступление, оборона, наступление — подсказывалась Сталиным. Он был готов к большим массовым действиям стратегического масштаба, а не руководить какими-то тактическими операциями. Ими занимались другие. Овладеть всеми вопросами военной тактики от Сталина и не требовалось. Но в крупных стратегических операциях он как Верховный Главнокомандующий и председатель Ставки благодаря своим знаниям, природному уму, поразительной памяти и другим большим спо

собностям разбирался весьма неплохо. Это общее и объективное мнение военных специалистов, которые его окружали. Согласен я только с тем, что к началу Великой Отечественной войны опыта у Сталина как военного стратега было, конечно, меньше, чем к концу ее. Но это, естественно, это можно сказать о любом нашем военачальнике, полководце.

Как член Политбюро ЦК и ГКО я был не раз свидетелем того, как всесторонне, со знанием дела Сталин обсуждал вместе со своими помощниками, членами Ставки, представителями Генштаба, командующими фронтами планы предстоящих кампаний или операций. Согласованные со всеми военачальниками, которые участвовали на заседаниях, эти планы ими обязательно визировались. За редкими исключениями (на войне все бывает) Сталин выбирал наиболее удачный замысел.

Надо сказать, что наши военачальники, полководцы, в том числе маршал Жуков, более честно осветили роль Сталина в войне как Верховного Главнокомандующего. Правда, некоторые из них о встречах с Верховным, о докладах ему пишут довольно скупо. «Я доложил, Сталин одобрил, сказав — «согласен». Или: «Я доложил, Сталин ответил - «подождем»» и т. д. Но ведь еще задолго до того, когда они докладывали ему свои предложения, он уже изучал данный вопрос и продолжал его изучать во время докладов, обдумывая и определяя, куда направить силы, где и когда наиболее целесообразно использовать резервы, каковы наши транспортные и маневренные возможности и проч. Поэтому Сталин очень внимательно выслушивал краткие по существу дела доклады, предложения, задавал конкретные вопросы и был, как всегда, немногословен.

Так что эта большая и сложная тема, которую мы с Вами затронули, по-настоящему еще не раскрыта.

Но я верю - найдутся когда-нибудь настоящие Тарле, который описал Наполеона, найдутся настоящие Толстые, который описал Кутузова, словом, найдутся те, которые правдиво опишут Сталина, опишут так, как он заслужил в качестве военного деятеля.

Г. А. Куманев: Но Вы согласитесь: чтобы дать объективный портрет Сталина как личности со всеми плюсами и минусами, непредвзято оценить его действия и по руководству Вооруженными Силами, вооруженной борьбой, и по руководству тылом, нужны многочисленные откровенные свидетельства его непосредственных соратников, которые его окружали, которым он постоянно давал задания, поручения. Однако многие из них ведь ничего не написали, не рассказали и их уже, к сожалению, нет. А без таких ценных источников, документов правдивое описание Сталина может не получиться.

Л. М. Каганович: Верно, верно. Следует при этом заметить: Сталин тем и отличался, что не всегда раскрывал себя. Он не всегда раскрывал нам свои планы. Мы должны были догадываться. Часто,

не раскрывая свои замыслы, он намекал: обратите внимание на такие-то узлы, обратите внимание на такое-то оформление... И все. Я, например, понимал это так: видимо, там что-то готовится, замышляется и т. п.

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, в 6-м номере за этот год журнала «Известия ЦК КПСС (Вы его, наверное получаете) опубликовано содержание тетради записей лиц, принятых Сталиным с вечера 21 по 28 июня 1941 г. И вот в записи за 22 июня дежурным отмечено, что в 8. 00 часов к нему в кремлевский кабинет вошел т. Каганович Л. М., а вышел в 9. 35, т. е. Вы находились у Сталина полтора часа.

Л. М. Каганович: Да, верно.

Г. А. Куманев: А каким Вы нашли Сталина в тот момент?

Л. М. Каганович: Собранным, спокойным, решительным.

Г. А. Куманев: Интересно, какие лично Вам он дал указания?

Л. М. Каганович: Очень много указаний я получил. Они показались мне весьма продуманными, деловыми, конкретными и своевременными.

Г. А. Куманев: Вы пришли по своей инициативе или Сталин Вас вызвал?

Л. М. Каганович: Вызвал Сталин, он всех вызывал. Конечно, основной круг заданий мне был связан с работой железнодорожного транспорта. Эти поручения касались проблем максимального обеспечения перевозок: оперативных, снабженческих, народнохозяйственных, а также и эвакуационных. Я ведь тогда был министром путей сообщения СССР. Кстати, в дарственной надписи в Вашей книге Вы меня почему-то называете наркомом?

Г. А. Куманев: Относительно периода войны?

Л. М. Каганович: Да.

Г. А. Куманев: Нет, министры в годы войны еще назывались наркомами, а будущие министерства - народными комиссариатами,[5] т. е. наркоматами. j

Л. М. Каганович: Наркоматами во время войны назывались граж-i данские министерства.

Г. А. Куманев: Нет, нет, Лазарь Моисеевич. Нарком путей сооб-: щения — это послевоенный министр путей сообщения. Я Вам напом^ ню, что наркоматы были переименованы в министерства в 1946 г. после первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР.

Л. М. Каганович: Да, да, вспоминаю. Возможно, возможно.

Г. А. Куманев: Вы, наверное, уже очень устали от нашей столь продолжительной беседы. Я Вам очень признателен за эту встречу, за Ваши ответы. Позвольте на прощанье пожелать Вам доброго здоровья, всего хорошего.

Л. М. Каганович: Спасибо. Но я совсем не устал, чувствую себя нормально. Спасибо, что навестили меня. Желаю Вам тоже много добра.

Беседа с Л. М. Кагановичем

Магнитофонная запись *6 мая 1991 г.*

Г. А. Куманев: Здравствуйте, Лазарь Моисеевич!

Л. М. Каганович: Добрый день. Рад Вас снова видеть. Проходите и присаживайтесь. Мы с вами здесь одни. Кажется, год не виделись?

Г. А. Куманев: Да, почти год. Время быстро и незаметно пролетело. А столько событий. Как Ваше самочувствие, общее настроение?

Л. М. Каганович: Ну, что настроение... Как у всех. (Смех.) Самочувствие сейчас ничего. Только нога все время болит.

Г. А. Куманев: Мне еще несколько лет назад говорил Яков Ермолаевич, что Вы ногу сломали.

Л. М. Каганович: А кто это Яков Ермолаевич?

Г. А. Куманев: Помните? Чадаев.

Л. М. Каганович: А-а-а, Чадаев. А он жив?

Г. А. Куманев: Нет. Он умер 30 декабря 1985 г.

Л. М. Каганович: Как раз именно в 1985 г. я ногу и сломал. Врачи меня просто залечили. Решили, что я уж лучше с костылями... Ну, что нового?

Г. А. Куманев: Периодически в нашей печати появляются разные журналистские сообщения, в том числе «байки» о Вас. Вот недавно в газете «Труд» была публикация. Вы знаете об этом?

Л. М. Каганович: О чем же?

Г. А. Куманев: О том, что в Киргизии на одном предприятии приняли решение направить Вам материальную помощь.

Л. М. Каганович: Да, да. Я тому коллективу послал телеграмму с моей благодарностью за внимание и с отказом от его помощи. В той заметке есть об этом?

Г. А. Куманев: Есть, но говорится, что деньги Вам все-таки послали.

Л. М. Каганович: Если их получу, то назад отправлю. Хотя нельзя сказать, что мой бюджет сводит концы с концами. Приходится...

Г. А. Куманев: Я думаю, что материально Вам просто очень трудно в наше время острых нехваток, смутное время.

Л. М. Каганович: Да, вообще мой бюджет такой трудный, трудный еще и потому, что я двести рублей трачу на общения. Две трети моей пенсии уходит на это.

Г. А. Куманев: Но Вам родные помогают?

Л. М. Каганович: Нет, некому помогать. Все поумирали или на пенсии. Майя Лазаревна на пенсии, так что она не может помогать. Вот недавно погасил облигации займов, немного это меня поддержало. Когда нога у меня была целая, я сам себя обслуживал. Выходил из положения, ничего. Сам пищу варил. Но вот теперь нельзя. Сейчас приходит женщина убирать раз в неделю. Хотите чаю?

Г. А. Куманев: Нет, спасибо. А со зрением не стало лучше?

Л. М. Каганович: Нет. Чувствую себя просто беспомощным.

Г. А. Куманев: А врачи не советуют сделать что-нибудь радикальное?

Л. М. Каганович: Нет. А где сейчас сделаешь операцию?

Г. А. Куманев: Ну, вот если у Федорова?

Л. М. Каганович: Нет, что Вы... Он такие операции не делает, у него дело поставлено на поток. А у меня уже все слишком сложно.

Г. А. Куманев: Вы знаете, Лазарь Моисеевич, что вышла книга Феликса Чуева «140 бесед с Молотовым»?

Л. М. Каганович: Да, да. Она у меня есть. Он сам мне дал ее.

Г. А. Куманев: Он там пишет, что с Вами встречался. А вот как раз я ее вижу, вот она у Вас на полке лежит. В этой книге Чуева я почитал оценки Молотова о Вас, что Вы, были незаурядный организатор, оратор, агитатор. Но у Вячеслава Михайловича ко всем там . претензии — у всех недостаточно высокий теоретический уровень. Правда, о себе на этот счет он ничего не говорит...

Л. М. Каганович: (Смеется.) Да, я тоже это заметил... Вообще с теоретиками у нас всегда было трудно, хотя сейчас и ряды значительно увеличились, но какие же это теоретики? Сейчас теорией занялись и многие журналисты. Вот один из них (ему около 80 лет) все хочет встретиться со мной и поговорить, как он выразился по телефону, по философским вопросам.

Г. А. Куманев: Раз журналист, то не собирается ли он сделать на Вас какой-нибудь бизнес?

Л. М. Каганович: Да, вот-вот. Именно. Это, очевидно, его главная цель. Я сказал, что не могу его принять.

Г. А. Куманев: Вы в прошлом году в июле после нашей встречи, видимо, доверчиво отнеслись к одному из посетителей, кажется, по фамилии Леонтьев, который злоупотребил Вашим доверием?

Л. М. Каганович: А-а-а, этот, который ко мне в гости проник? Да, да. Он меня и надул. Ничего, правда, там такого нету. Но использовал воровской прием. Я уж его теперь принять не могу, хотя он звонит мне без конца. И все просится. Я его не принимаю. Он ведь что сделал? Он продал запись. По радио, говорят, недавно передавали мой голос, то, что он записал. Правда, без всяких там вывертов. , Да, Вы знаете, когда-то песенка была одна, и там такие слова: «Цыпленок тоже хочет жить». Не знаете такую песню?

Г. А. Куманев: Ну как же? Любимую песню анархистов?

Л. М. Каганович: Да, да. «Цыпленок пареный, цыпленок жареный, цыпленок тоже хочет жить». Вот эти слова и подходят к этому Леонтьеву.

Г. А. Куманев: А как у Вас с сердцем? Я у Вас год не был, и хочу сказать, что выглядите Вы неплохо.

Л. М. Каганович: Я слежу за собой, не насилую себя, хотя планов очень много, желаний очень много, не по возрасту желания. По желаниям, по стремлениям я совсем молодой.

Г. А. Куманев: Ну, это хорошо.

Л. М. Каганович: Но главная беда моя — это я глаза потерял. А так хожу, двигаюсь. Вот и сейчас лицо Ваше вижу, а глаза не вижу. Пытались мне сделать очки, крутят, вертят, обещают мне, обещают, но ничего не получается. Говорят, в Англии есть способы какие-то...

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, а вот все-таки что-то, но Вячеслав Михайлович оставил. Вам все равно надо писать мемуары, воспоминания, вопреки всему.

Л. М. Каганович: Надо, надо...

Г. А. Куманев: Может быть, даже под диктовку, делать такие диктовки.

Л. М. Каганович: Между нами говоря, у меня мемуары есть, конечно.

Г. А. Куманев: Это уже хорошо.

Л. М. Каганович: Но у меня один экземпляр...

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, Вы же прекрасно знаете: Вы крупный политический деятель; как бы к Вам сейчас ни относились... Вы были у истоков рождения нашего государства, его становления, его развития. Худо или бедно, но мы стали великой державой тогда, когда Вы были в числе ее руководителей.

Л. М. Каганович: Вот сейчас говорят о возрождении русской культуры. Вы подумайте только, например, сколько было университетов и сколько сейчас, сколько было школ, театров и сколько сейчас. А сколько сейчас академиков, а сколько из них выходцев из крестьян. И вот сейчас говорят: надо возрождать культуру, вроде бы на пустом месте.

Г. А. Куманев: Да, много сейчас разного пишут, газет стало много, хотя с бумагой, говорят, кризис. Вот одна из газет, кажется, «Независимая», недавно опубликовала сообщение, что в первые годы Советской власти ею было уничтожено 350 тыс. церковнослужителей. Но, согласно тогдашней статистике, у нас в стране все-то было 110 тыс. церковнослужителей. Значит, предыдущая цифра является чьей-то выдумкой, беспардонной ложью.

Л. М. Каганович: Я когда ездил по делам колхозов, встречался с такими фактами. Вот приезжаешь в район, спрашиваешь: есть арестованные? Есть. Пойдемте. Иду в «арестный» дом. Одного арестованного расспрошу, другого, третьего... Вижу, что зря сидят. Я тут же говорю секретарю райкома или председателю райисполкома: надо их освободить. И попов нескольких освободил. Помню, в Тамбовской губернии. Потом на активе в Воронеже критиковали меня даже: Каганович, мол, попов освобождает. Я освобождал почему? Вот арестованный поп говорит: «Я не против колхоза был и не за колхоз. Но мой церковный совет действует против колхоза. Но я не выступал против церковного совета, не агитировал их». Доказал, что он нейтралитет занимает. Занимает нейтралитет, так за что его арестовы-

вать. *Г. А. Куманев:* На руководящем посту я пробыл до руководства страны. Если бы не свободный экспорт нашего хлеб»а. Вы, крестьяне, мол, в голодном сейчас существовали, так подкормились, а возможная вещь... *Г. А. Куманев:* Экспорт хлеба был, конечно. Это верно. Цифра 27 млн. Это цифра наших потерь в войне с Гитлером и Антигитлеровской коалицией. Приходилось кормить и вооружать. Вывозили и в войну, и после войны.

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, Вы, конечно, помните два очень тяжелых года на заре Советской власти: 1932-й и 1933-й. Продовольственный кризис в стране...

Л. М. Каганович: Да, да...

Г. А. Куманев: И вот сейчас считают, что до 5 млн. крестьян причем только на Украине, погибло тогда от голода. Как Вы к этой цифре относитесь?

Л. М. Каганович: Это вранье, вранье.

Г. А. Куманев:

разную. Все, что можно было продавать, вывозили, для того чтобы выходить из положения. А иначе можно было попасть в кабалу к западным банкирам. И отказаться от строительства социализма, отказаться от строительства новых заводов, от реконструкции страны. А как же иначе? Мы должны были идти на это. Если бы мы не пошли на это, наша страна откатилась бы на сотни лет назад. Положение было бы куда ужаснее, чем при татаро-монгольском нашествии. Ведь мы сумели расстояние пробежать за 10 лет, а для других стран потребовалось 50 лет. А потом наш строй неизмеримо выше, чем любой на Западе.

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, меня один вопрос всегда волнует, постоянно его обдумываю. Как Вы считаете, вот эти жертвы, которые мы, наше общество, понесли в 30-е годы — были они неизбежными или нет?

Л. М. Каганович: Молотов отвечает...

Г. А. Куманев: Да, Молотов отвечает: ...террор был правильным, все правильно. Мне представляется, что он, мягко говоря, слишком категоричен в этом плане.

Л. М. Каганович: Видите ли, если разбирать все дотошно, в каждом отдельном случае, то, конечно, можно найти изъяны и ошибки, безусловно, безусловно. Ну а если подойти исторически к делу, то страну надо было очищать. Это показывает и сегодняшний день. Разве нет людей - открытых врагов социализма, Октябрьской революции? Сколько хотите! Так что, кто хочет защищать Октябрьскую революцию, должен бить врагов этой революции, бить врагов Советской власти, Советского государства. Сегодняшний день как раз показывает, что мы были правы. Кроме того, есть еще одно очень серьезное обстоятельство. Если взять историю, исторические аналоги, всякая аналогия, относительна, конечно. Ее надо брать условно, но можно. Робеспьер... Погиб... Термидор победил. Не от того, что много было жирондистов. Жирондисты были слабы, чтобы с Робеспьером справиться. Сколько насчитывалось от «болота», которое было в Конвенте? Большинство в Конвенте. «Болото», которое вчера аплодировало Робеспьеру, сегодня его предало. Уроки истории нельзя забывать. Бабёф - великий революционер, был против террора Робеспьера. И он поддержал Термидор, поддержал свержение Робеспьера. А потом, когда пришел Наполеон, он сожалел и говорил: «...Я ошибся». Видите, какое дело?

Так что это так называемое «болото», оно имеется в каждом режиме, которое борется за свое существование.

Г. А. Куманев: Но, к сожалению, гибнут при этом невинные люди.

Л. М. Каганович: Вот именно с «болотом» погибают и те люди (поскольку с «болотом» они были связаны многими нитями: и родственными, и неродственными). Нужно быть очень стойким человеком. Перегибы я не защищаю. Но были сомнения, некоторых не

трогали, некоторых оправдали, многих оправдали. Обратно освобождали. Так что были и излишества.

Г. А. Куманев: Можно ли в связи с этим сказать, что Сталин передоверил, вначале Ягоде, потом Ежову, потом Берии? Или все- таки он сам их себе подобрал и поощрял?

Л. М. Каганович: Да, Сталин вместе с нами делал ошибки. Борьба шла, когда идет борьба, тогда уже, знаете ли, удары не считают.

Г. А. Куманев: Ну вот, все-таки говорят, что Сталин был прозорливым. И вместе с тем он был очень осторожен, недоверчив по отношению к людям. Так ведь? Но как можно было так Берии передоверить?

Л. М. Каганович: Сталин был великим стратегом. Он видел, что, если оставить все, как есть со всеми этими прячущими голову под крыло, и если война будет, то они во время войны ударят нам в спину. Он же видел. Ведь нельзя же принижать этой опасности. Сейчас не понимают, что такое был троцкизм. Сколько у нас в руководстве было троцкистов? Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Бухарин. Это же все люди; которые стояли во главе, в руководстве. Они занимались подпольной работой и конспирацией, и считали себя правительством, что они имеют право воевать, независимо от соглашений с иностранным государством. Они не были, может быть, шпионами, но считали для себя возможным идти на соглашения против народа.

Г. А. Куманев: Ну, вот взять Троцкого. Человек (это признает и Молотов) был не без таланта, в частности, как организатор.

Л. М. Каганович: Преувеличивают его талант, преувеличивают...

Г. А. Куманев: Вы его хорошо помните во времена Гражданской войны?

Л. М. Каганович: Как же, как же, Троцкого, конечно, я хорошо знал, с 1919 года, и не раз сталкивался с ним.

Г. А. Куманев: И оратор он был неплохой. Да?

Л. М. Каганович: Троцкий был талантливый человек. Оратор он был хороший, теоретиком его считать нельзя, публицист яркий, но как политик, как стратег невелик. Сталин в десять раз выше его. Хотя Троцкий всегда блистал ораторским искусством.

Г. А. Куманев: Но Троцкий вместе с тем был и достаточно жестоким. Вспомним хотя бы такой факт: когда Врангеля прогоняли из Крыма, то под честное слово Советской власти сдалась большая когорта белых офицеров, под честное слово, что им будет сохранена жизнь, их не будут преследовать. Но Троцкий дал указание всех их расстрелять.

Л. М. Каганович: Я этого не знаю.

Г. А. Куманев: Есть документ.

Л. М. Каганович: Может, и есть документ, это как раз не самое слабое его место. Троцкий как политик много наломал дров, многое не учел до конца.

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, возникает много вопросов, как Берия смог втереться в доверие к Сталину? Кстати, недавно я прочитал в одной публикации, что смерть Крупской сразу же после дня ее рождения была делом рук Берии.

Л. М. Каганович: Я не могу защищать или опровергать этого. Все возможно, все возможно. Возможно, и это было, даже наверняка было. Это точно. Но могу подтвердить факт, что больной Ленин просил у Сталина принести яд. Это было, это было. Сталин ставил вопрос на Политбюро. А что он мог сделать? Ведь Политбюро ему поручило охранять Ленина. И он следил, чтобы Ленина никто не трогал, не нервировал, чтобы он был в изоляции от политики, чтобы не волновался. Сталин был, конечно, против, чтобы давать Ленину яд. Насчет яда теперь приплетают и Ягоду, чисто шерлокхолмовская версия. А Ягода в то время, при Ленине, был еще маленьким человеком. Сталин даже его и не знал, даже не был тогда знаком с Ягодой. С ним Сталин был связан позднее, в 1924 году.

Г. А. Куманев: Чем же объяснить доверие Сталина к Берии?

Л. М ***Каганович:*** Слушайте, как чем объяснить? А чем объяснить, что мы доверяем друг другу? Берия был не рядовым работником, работал на Кавказе, работал секретарем крайкома, его там выбрали, он организатор был неплохой, неглупый человек был, способный. Сталин его и выдвинул, потому что в это время уже не доверял Ежову, не доверял Ягоде. И решил выдвинуть Берию как человека, которому можно было более или менее доверять. Он его проверял, он его тоже проверял. Сталин всех проверял. Одним он доверял и ошибся чересчур, а другим — начинал не доверять и тоже ошибся. Сталин был очень бдительным и очень осторожным. Это же не шутка, нелегко руководить такой страной.

Г. А. Куманев: Вам, видимо, было тоже нелегко, когда был арестован Михаил Моисеевич? (Брат Л. М. Кагановича. - ***Г. К.).***

Л. М. Каганович: Он не был арестован, во-первых.

Г. А. Куманев: Но знаете, в Кремлевском архиве я читал документ такого содержания, что Михаил Моисеевич был вызван на Лубянку, у него сохранился пистолет, потом он попросился в туалет и застрелился в туалете.

Л. М ***Каганович:*** Знаете, это вранье.

Г. А. Куманев: Но об этом говорил Хрущев на июньском (1957) Пленуме ЦК КПСС.

Л. М. Каганович: Это дело было не на Лубянке, а в Совнаркоме. Об этом много врут, врут. Сейчас о моем отношении и о разговоре со Сталиным, будто я сказал, что это дело, мол, следователя. Это вранье. А дело было просто так. Я пришел на заседание. Сталин держит бумагу и говорит мне: «Вот есть показания на Вашего брата, на Михаила, что ош вместе с врагами народа». Я говорю: «Это сплошное вранье, ложь». Так резко сказал, не успел даже сесть. «Это ложь. Мой брат, говорю, Михаил, большевик с 1905 г., рабочий, он

верный и честный партиец, верен партии, верен ЦК и верен Вам, товарищ Сталин». Сталин говорит: «Ну а как же показания?». Я отвечаю: «Показания бывают неправильные. Я прошу Вас, товарищ t Сталин, устроить очную ставку. Я не верю всему этому. Прошу очную ставку».

Он так поднял глаза вверх. Подумал и сказал: «Ну, что ж, раз Вы требуете очную ставку, устроим очную ставку».

Через два дня меня вызвали. (Это я Вам рассказываю документально, я пока этого нигде не рассказывал). Но это факт, так оно было. Маленков, Берия и Микоян вызвали меня в один кабинет, где они сидели. Я пришел. Они мне говорят: «Мы вызвали сообщить неприятную вещь. Мы вызывали Михаила Моисеевича на очную ставку». Я говорю: «Почему меня не вызвали? Я рассчитывал, что я на ней буду». Они говорят: «Слушай, там такие раскрыты дела, что решили тебя не волновать». Во время той очной ставки был вызван Ванников, который показывал на него. А Ванников был заместителем Михаила в свое время. Кстати, когда несколько ранее Ванникова хотели арестовать, Михаил очень активно защищал его. Ванников даже прятался на даче у Михаила, ночевал у него. Они были близкими людьми. А когда Ванникова арестовали, он показал на Михаила.

И вот вызвали Ванникова и других, устроили очную ставку. Ну, эти показывают одно, а Михаил был горячий человек, чуть не с кулаками на них. Кричал: «Сволочи, мерзавцы, вы врете» и т. д., и проч. Ну, при них ничего не могли обсуждать, вывели арестованных, а Михаилу говорят: «Ты иди, пожалуйста, в приемную, посиди, мы тебя вызовем еще раз. А тут мы обсудим».

Только начали обсуждать, к ним вбегают из приемной и говорят, что Михаил Каганович застрелился. Он действительно вышел в приемную, одни говорят, в уборную, другие говорят, в коридор. У него при себе был револьвер, и он застрелился. Он человек был горячий, темпераментный. И, кроме того, он человек был решительный и решил: в следственную тюрьму не пойду. И лучше умереть, чем идти в следственную тюрьму.

Г. А. Куманев: А Юлий Моисеевич умер или погиб?

Л. М. Каганович: Он умер. Я еще закончу о Михаиле. Он остался членом ЦК, его из ЦК не исключали. На Новодевичьем кладбище і его прах похоронен. На доске написано: член партии с 1905 года. Это рядом с могилой академика Бардина. Недалеко от могилы Бардина памятник Михаилу Моисеевичу. Так что он не был арестован. Это неверно, неправда. А что касается возражений, то мне приходилось возражать Сталину во многом. Сталин не раз шел мне навстречу. Вот арестовать хотели одного моего заместителя. Я арестовать не дал. Пришел к Сталину, говорю, нельзя этого делать, человек — талантливый инженер. Гундобина — зам. наркома путей сообщения хотели арестовать. Тоже не дал сделать этого. Других защищал, но не вышло. Например, вступился за Чубаря, который был зам. председа- *

теля Совнаркома, кандидатом в члены Политбюро. Когда я работал на Украине, у меня с ним были товарищеские отношения, ну, не скажу, что дружба была, но были вполне хорошие товарищеские отношения. Я к нему относился очень хорошо. Я к нему хорошо относился еще с 1918 г., когда он приезжал в Нижний Новгород, я его записал в губком, представителем губкома партии и исполкома по Сормовскому заводу. Он был членом правления Гомзы. Он с тех пор бывал у меня, мы с ним вместе решали вопросы согласованности по Сормовскому заводу, он помог кое в чем. И с тех пор я его помню.

Когда «показали» на Чубаря, я говорю: «Товарищ Сталин, как это может быть? Чубарь честный человек, у него, может быть, была маленькая «провинка» в политике, но он выступал всегда твердо против вражеской линии. Я, говорю, не понимаю, как можно не доверять ему.

Сталин говорит: «Да? Ну, на, почитай». И дает мне тетрадку. Рукой Чубаря (я его руку знал) написано, как он был в Германии, как он переговоры вел и проч., и проч. Я прочитал, думаю, ах, ты, Боже мой.

Г. А. Куманев: А это дело рук следователей было?

Л. М. Каганович: Да, уж, черт его знает, что было, как было...

Г. А. Куманев: Но сейчас Вы все-таки, видимо, уверены, что он невинная жертва?

Л. М. Каганович: Возражал я против ареста Косиора. Это был мой друг.

Г. А. Куманев: Станислав Викентьевич?

Л. М ***Каганович:*** Да. Это был мой друг. Более того, мой учитель старший. Он был в Киеве руководителем. При нем меня избрали членом Киевского комитета партии в 1915 году. Мы с ним ходили, гуляли. Он мне даже экзамен делал по политэкономии, по Марксу, по другим вопросам. Так что мы с ним друзья были близкие.

Г. А. Куманев: Вы тоже перед Сталиным его защищали?

Л. М. Каганович: Да, я был у Сталина. Говорю ему: «Товарищ Сталин, господи. Это же мой учитель». Я чуть не плакал. Я говорю: «Как же так? Станислав старше меня, я его считал своим руководителем». А Сталин отвечает: «Он дал показания... » И другие возражали. Молотов тоже возражал. Но были соответствующие указания. По некоторым арестам Сталин шел навстречу, приказывал еще раз проверить и не трогать этих лиц. Постышева я защищал. Были, таким образом, люди, которых мы защищали. Но вот были показания. Сталин сам колебался по многим. Он не по всем так рубил с плеча. Сталин по этим вопросам внимательным был. Но докладывали: докладывал Верховный суд, все шло по порядку, по закону. Не нарушали мы закон, не подписывали так, произвольно. Это вранье, ложь. Были доклады Ульриха. Он приходил, докладывал. Суд был. Были обвинительный акт, приговоры, все, как полагается, все по закону.

Г. А. Куманев: Если судить по книге Ф. Чуева, то Молотов

утверждал, что Сталин и Киров на XVII партсъезде получили одинаковое число голосов против, т. е. 5 или 7. Но есть другие утверждения, будто против Сталина проголосовало более 200 делегатов.

Л. М. Каганович: Это вранье, вранье...

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, Вы ведь единственный свидетель этого. Ради исторической правды: прав Вячеслав Михайлович или он ошибается?

Л. М. Каганович: Подождите. Я Вам скажу. Пишут даже такое вранье, такую подлость, будто бы. я имел поручение Президиума руководить комиссией по подсчету голосов.

Г. А. Куманев: По-моему, Шатуновская об этом писала.

Л. М. Каганович: Шатуновская и сын Микояна. Это вранье. Во- первых, это малограмотно, никогда никакой президиум не имеет никакого права прикоснуться к счетной комиссии. Другие пишут уже другой вариант. Будто я как организатор и руководитель организации всего съезда руководил и этой комиссией. Не был я руководителем организации общего съезда. Я занимался организацией съезда, но я был настолько занят на XVII съезде. Доклад мой был, я доклад этот готовил с большим трудом, на ходу. Доклад был, слава Богу, достаточно серьезный, Вы, конечно, читали его?

Г. А. Куманев: Да, когда-то все просматривал. У меня есть стенографический отчет XVII съезда ВКП(б).

Л. М. Каганович: Так что мне вздохнуть некогда было, не то что заниматься этой комиссией и подсчетами голосов. А по существу разговоры между нами были такие, что Сталин получил только 3 голоса против. Так говорили. Сталин даже шутил: «Три голоса получил против». А чего ж, говорит, и рассказал нам, что один в Грузии на съезде партии, когда голосовали его в ЦК, не получил ни одного голоса против. Он пришел и плачет: «Что же я, ничего не стоящий, никто против меня не голосовал?» Против, — значит, признают, слушают и т. д.

Но вот противопоставляют 200—300 голосов против. Это вранье. Выдумают специально для того, чтобы связать это с тем, что Сталин! организовал убийство Кирова. Это такое дикое сумасшествие, сумас-' бродная выдумка, от начала до конца. Сталин относился к Кирову * лучше, чем к любому из нас.

Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, а Вы случайно не читали: в 3-м номере «Вопросов истории КПСС» (есть такой журнал) опубликова-. на статья Семена Захаровича Гинзбурга. Называется «О гибели Орджоникидзе».

Л. М. Каганович: Как, как? \

Г. А. Куманев: «О гибели Орджоникидзе». И автор там пишет, что * это было не самоубийство, а убийство Орджоникидзе.

Л. М. Каганович: А чем он это доказывает? i

Г. А. Куманев: Показаниями какой-то служанки Орджоникидзе и. второе — показаниями Зинаиды Орджоникидзе.

Л. М. Каганович: Ну, ну...

Г. А. Куманев: Явился какой-то человек и сказал, что он шофер Орджоникидзе. Зинаида спросила: «А почему Вы?» «А тот, говорит, заболел». И этот «новый шофер» прошел на второй этаж по лестнице к Серго. Потом они слышали выстрел. Затем этот человек спустился по лестнице вниз и спрашивает: «А вы слышали? Какой-то выстрел был». Они говорят: «Да, слышали... » И тот ушел.

Л. М. Каганович: Зинаида?.. Где она показала это?

Г. А. Куманев: Она будто рассказывала об этом Гинзбургу.

Л. М. Каганович: Гинзбургу?!. Она с ним ничего общего никогда не имела! Этот Гинзбург просто нахал, все выдумал перед смертью. Сволочь какая! Выдумал! Выдумал он! Я знаю его хорошо, к нему хорошо относился. И вот он перед своей смертью...

Г. А. Куманев: А он жив.

Л. М. Каганович: Я знаю, что он жив. Он моложе меня немного.

Г. А. Куманев: Ему 93 года.

Л. М. Каганович: Да, я знаю. Он решил чем-то блеснуть перед смертью, перед тем как лечь в гроб. Сволочь. Молчал, молчал и вдруг выдумал. А что ж ты раньше не сказал? Сколько лет уже после Сталина прошло... Выдумал! Видишь, какое дело...

Меня вызвали с дачи, когда Орджоникидзе застрелился. Мы были друзьями с Серго. Из всех членов Политбюро самыми близкими друзьями были я и он.

Г. А. Куманев: А Орджоникидзе и Киров?

Л. М. Каганович: Он и Киров были тоже близкими друзьями. Меня вызвали к нему на дачу рано утром. Я приехал, застал Сталина и Ворошилова. Когда зашел, увидел, думаю: что такое? В это время Зинаида подбежала ко мне, плачет и говорит: «Серго застрелился». Она мне при Сталине и Ворошилове голову на плечо положила, плачет. Мы были большими друзьями с Серго, наши дачи были рядом, очень часто отдыхали вместе.

А что еще Гинзбург пишет?

Г. А. Куманев: В основном про этот факт. Пишет также о том, как они с Орджоникидзе дружили. Настолько были большие друзья, что, когда Орджоникидзе возвращался из командировки, первым делом спрашивал: «Где Гинзбург? Я о нем соскучился, давайте мне его сюда».

Л. М. Каганович: Ничего этого не было, все врет. Цену себе набивает. Не хочу его дальше ругать, хотя, если уж он так врет, то нельзя не возмущаться.

Г. А. Куманев: Мне он рассказывал то, что доверительно сообщила ему Зинаида Орджоникидзе, и то, что в эту статью не вошло. Зинаида будто бы поведала Гинзбургу об одном разговоре с Серго. Однажды Серго сказал ей: «Дорогая Зина, если когда-нибудь объявят, что я покончил жизнь самоубийством, никому не верь — это убийство. Но если ты об этом кому-нибудь скажешь вслух, от тебя

и пыли не останется. Поэтому береги себя, никому об этом не рассказывай». Но вот, много лет спустя, где-то в 1956 г. или позднее, она решилась сообщить обо всем Гинзбургу.

Л. М. Каганович: Ведь вот как выдумал! Почему вдруг Гинзбургу все раскрыла? Придумал, все придумал! Он не был близок с Серго и его семьей, не был. Сейчас брешут очень много, выдумывают шерлокхолмовские истории. Причем придумывают более или менее правдоподобно. Набрешут, и вроде теперь все становится известно. Брешут кругом, просто невыносимо брешут. Вот придумали, что Михаил застрелился на Лубянке... Ничего подобного, все в Совнаркоме было, его и не арестовывали...

Г. А. Куманев: Между прочим, в том выступлении на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС (я читал его стенограмму) Хрущев заявил, что Лазарь Моисеевич ничего не сделал, чтобы спасти брата.

Л. М ***Каганович:*** Прежде всего это обывательская, мещанская постановка вопроса. Брат или не брат. А если бы у меня были с ним политические разногласия? Т. е. если бы он пошел бы против партии, то почему я должен был его спасать? И должен ли брат брата спасать только потому, что он брат? Это чисто мещанская, непартийная, небольшевистская постановка вопроса. Я защищал его перед членами Политбюро, перед Сталиным, потому что я знал - он честный человек, что он за партию, за ЦК. Михаил поторопился, взял и, застрелился. Надо было иметь выдержку... Да, множатся ряды сочинителей и «открывателей» разных тайн.

Г. А. Куманев: Между прочим, на обложке того номера журнала «Вопросы истории КПСС» так и напечатано «Тайна гибели Орджоникидзе».

Л. М. Каганович: Серьезно? Ну и щелкоперы!

Г. А. Куманев: А как Вы, Лазарь Моисеевич, относитесь к пуб-[4] ликациям, где утверждается, что в первые месяцы войны Сталин) слабо разбирался в военно-оперативных и стратегических вопросах?!

Л. М. Каганович: Это все вранье.

Г. А. Куманев: Вот, по свидетельству маршала Жукова, ощуще-1 ние, что Сталин владеет оперативными вопросами, сложилось у него, т. е. у Жукова, в последний период Сталинградской битвы, а[ко времени Курской битвы Сталин, по его мнению, чувствовал себя[?] в этих вопросах уже вполне уверенным. До этого, мол, Сталин в* вопросах оперативного искусства сильно хромал, разбирался плохо/ Тем более что не имел специального военного образования.

Л. М. Каганович: Это тоже неверно, это тоже неверно, потому что Сталин в Гражданскую войну разбирался лучше, чем другие, чем. военные. И Сталин написал (должны были прочитать в «Коммунисте» и знать) в «Основах ленинизма» целую главу по военным вопросам, проявив себя большим знатоком военной науки.

Г. А. Куманев: История все должна расставить по местам и всем - воздать по заслугам, хотя это очень сложная задача. Сколько у нас,

незаслуженно забытых свершений, оплеванных, оклеветанных героев и наоборот. Иной раз непомерно раздуваются события и люди, которые этого совершенно не заслуживают.

В Кремлевском архиве, где в первой половине 60-х годов мне довелось ознакомиться с интереснейшими материалами, я однажды обнаружил документ - докладную записку в ГКО на имя Сталина от председателя Новороссийского городского комитета обороны Щу- рыгина. Из этого документа следует, как бездарно и безалаберно (наряду с героизмом воинов и моряков) была организована оборона Новороссийска, которую возглавляли Гречко, Горшков и другие. А оборона города потом преподносилась как одно из высших достижений военного искусства.

Л. М. Каганович: Эти руководители просто драпали. Я приехал туда как раз тогда, когда Новороссийск еще не был занят. В штабе 47-й армии встретил командующего. Напомните его фамилию.

Г. А. Куманев: Котов?

Л. М. Каганович: Да, да. Котов. Он был такой мрачный, пасмурный и необщительный. Он был плохой командующий, по-моему. И вот навестили его в землянке, похожей на нору. Потом я пошел по позициям. Был такой моряк, он был еще начальником политотдела Азовской военной флотилии - Прокофьев. Мы с ним взяли и пошли прямо по фронту. Ну, стоят наши люди, некоторые подходили ко мне, жали руку, приглашали пообедать. «Ну как тут у вас?» — спрашиваю. «Мы немцев не пустим, будем тут стоять насмерть» (недалеко от завода Октябрьского).

Один подошел ко мне и сказал: «Я немца в плен взял, вот его револьвер забрал, возьмите его себе, дарю Вам». Дал мне его. Я поблагодарил солдата. Потом мы вернулись обратно. На том рубеже, где завод «Октябрь», действительно и остановили врага, дальше не пустили.

Г. А. Куманев: Завод «Красный Октябрь»?

Л. М. Каганович: Да, да, «Красный Октябрь». Отсюда немцы развить наступление на Сухуми уже не смогли. Тут и кавказцы, местное население хорошо поработали.

Г. А. Куманев: Позвольте привести такую аналогию. Как известно, в октябрьские дни 1942 г. примерно только 1/8 часть Сталинграда оставалась в наших руках. Тем не менее гитлеровцы не посмели объявить о взятии города.

Новороссийску в этом отношении менее повезло. Как только в командование 47-й армией вступил Гречко вместо Котова, то первым делом он поспешил сообщить в Москву об оставлении Новороссийска, очевидно, чтобы не нести ответственность за это. Мол, это все результат неудачного командования генерала Котова. В вечернем сообщении Совинформбюро за 11 сентября 1942 г. было сказано, что «после многодневных ожесточенных боев наши войска оставили г. Новороссийск». А между тем целый район юго-восточной части

города, где находились заводы «Красный Октябрь» и «Пролетарий» с жилым массивом, оставался под контролем Красной Армии, и враг сюда так и не прошел.

Л. М. Каганович: Мне об этом неизвестно, это интересно. Я Гречко в целом оценил положительно. Я написал Сталину письмо. Когда я уезжал, Сталин мне сказал: «Разберись в ситуации и сообщай мне, кто там тебе понравится». И я ему и сообщил, что есть тут командующий армией Гречко, талантливый молодой человек.

Г. А. Куманев: Но, конечно, о Брежневе Вы там не слышали и его не встречали?

Л. М. Каганович: Нет, неверно. Я о Брежневе слышал.

Г. А. Куманев: Тогда?

Л. М. Каганович: Брежнев был заместителем начальника политуправления Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта. С Брежневым я познакомился, когда мы в станице Георгиевской штаб разместили. Был еще Буденный — командующий. Все разбежались. Спас нас там кавалерийский корпус Кириченко. Замечательный корпус. Кириченко был хорошим генералом, почему-то его потом затерли в славе. Он так и умер генерал-лейтенантом. Кири-, ченко задержал немцев, они его штаб даже уже окружили. Он со штабом оборонялся и, отступая, собирал людей. Мы выбрали Емельянова — начальника политотдела и Брежнева — заместителя его и сказали: «Тут много украинцев и коммунистов-украинцев Северо-Кавказского фронта. Соберите их всех на полянку возле станицы Георгиевской. Через час чтобы все были собраны, все, кто есть». Собрали. Всех коммунистов, были и беспартийные украинцы. Брежнев руководил этим делом. Выступил Буденный, выступил я перед ними. Сказали веское слово, что нужно восстановить фронт, станицу Георгиевскую не отдать противнику и другие важные объекты. Положение было тяжелое, самолеты врага проносились прямо над крышей домика, где я находился, где спал.

Мы восстановили фронт, первую линию. Много сделали для этого коммунисты. Брежнев там сыграл хорошую роль. Потом, когда он замещал начальника Политотдела (Емельянов куда-то уехал), я его вызывал к себе как член Военного Совета фронта. Диктовал он, писал воззвания, приказы даже. Занимал довольно активную позицию, и я его высоко оценил там. Брежнев был довольно боевой полковник, активный, не такой, когда секретарем стал. Не был вялым. Я написал о нем Сталину. Брежнев потом прислал мне письмо, когда я уже вернулся в Москву и опять работал в НКПС. Мол, вот командующий * армией Леселидзе, политотдел, внимательно относятся к людям, руководствуемся Вашими указаниями, Вашими советами, издали проч., и проч. Письмо это у меня сохранилось даже.

Так что я Брежнева ценил. И если бы он не был Генеральным секретарем ЦК, а просто рядовым работником, он был бы хорошим работником.

Г. А. Куманев: Он был бы на месте.

Л. М. Каганович: Он был бы на месте. Брежнев мог быть и секретарем ЦК, и начальником Политуправления. Он разумный, толковый, спокойный, решительный человек был и довольно активный. Я о нем был хорошего мнения. Потом, когда я был первым секретарем ЦК Компартии Украины в 1947 г., мы Брежнева поставили первым секретарем Запорожского обкома, потом он стал первым секретарем Днепропетровского обкома партии, а потом уже пошел выше и выше.

Г. А. Куманев: Так судьба вознесла его? Или дело случая?

Л. М. Каганович: Видите ли, теория личности, это большой, серьезный вопрос. Бывают и случайности при выдвижении личности. Но, как известно, случайность есть тоже часть закономерности. Но бывает так, что случайно выдвинутый человек под влиянием своего долга выдвигается, подтягивается, учится у всех окружающих и дотягивается до потребного минимума в том положении, в котором он оказывается. Вот как бывает. Я бы сказал — вот Хрущев. Он мой выдвиженец и ученик. Я несу за него ответственность. Он потом меня отблагодарил тем, что старался доказать, со мной, мол, ничего общего не имеет и что я такой-сякой. А ведь я его выдвигал и двигал и прочее, й прочее. Человек он способный.

Г. А. Куманев: Самородок, из народа?

Л. М. Каганович: Да, из народа, рабочий, способный. Не болтливый был тогда человек. Все его выдвигали, я его выдвигал. Он рос. Второй секретарь МК, первый секретарь МГК. Но на пост Первого или Генерального секретаря ЦК он не дорос. И зазнался. Нельзя зазнаваться. Зазнался, зазнался... Голова у него закружилась. Начал куролесить направо, налево. И поэтому сорвался.

Г. А. Куманев: Испытание властью — это большое, серьезное испытание.

Л. М. Каганович: Так что случайное выдвижение личности, бывает, переходит в закономерность, если эта личность подтягивается. Есть такой рассказ «Талисман». Автор — Винниченко, украинский писатель, националист, был в одном правительстве с Петлюрой. Он был лучше Петлюры, не такой злодей и как писатель был довольно талантливый.

В этом рассказе описывается одна тюрьма, и в этой тюрьме находились разные анархисты, социал-демократы, эсеры, бундовцы и т. д. Анархисты хулиганят, издеваются. Они против выбора старосты: на что нам власть нужна? Один из сидевших в тюрьме — Пиня, еврейчик такой маленький, тощенький, низенький, такой замухрышка. Всем кланяется. Над ним нередко посмеивались. Анархисты, чтобы дискредитировать «институт старосты» и поиздеваться над ним, предложили выбрать Пиню старостой. И выбрали. И он начал брать власть в руки. Сам раскладывает сахар, что полагается каждому, подметает, чтоб чисто было, аккуратно было, следит, чтобы

парашу выносили и все проч., и проч. Стал устанавливать порядок. Анархисты прямо вне себя.

Ну, я немного рассказ сокращаю. В тюрьме готовится побег, делают подкоп. Подошли уже к концу. И кто-то первым должен лезть в яму, рискуя жизнью, потому что его могут первого и поймать. Бросили жребий. Пал на анархиста. Он: «Нет! Не пойду, не хочу!». Тогда Пиня подходит к нему, берет его за рукав, отводит в сторону. «Я, говорит, пойду». Ему говорят: «Ты что?» Все удивляются, жалеют* Пиню: «Зачем ты это делаешь? Откажись». Он отвечает: «Нет. Разве староста не должен идти первым? Вы же меня выбирали. Вы меня выбрали. Я староста, а староста не может отказываться. Я иду, — говорит, — первым». И пошел. За ним все остальные. Его солдаты сразу поймали. Он пытается вырваться. Пиню бьют прикладом винтовки по голове. Раз, два, убили насмерть...

Этот рассказ на меня, еще молодого паренька, произвел большое впечатление и оказал огромное влияние. Я и сейчас, спустя столько лет, помню этот рассказ «Талисман». Долг. Чувство долга перед обществом этого захудалого, паршивенького, маленького, замызганного еврейчика местечкового сделало героем, настоящим героем. Разве можно отказаться? Ведь его же выбирали! Глубокий смысл в этом рассказе. Прочтите его, найдите в библиотеке. Очень интересно.

Г. А. Куманев: Была ли, когда не стало Ленина, альтернативная фигура Сталину?

Л. М ***Каганович:*** После Ленина никто не мог его достойно заменить. Это бесспорно. Все эти оперативные кандидатуры, которые сейчас называются, — все это чепуха. Я могу по каждому из них рассказать, почему они не подходили и не могли подходить. Единственный человек, который мог возглавить нашу страну при всех его недостатках, при всех ошибках, которые были (а они были, я их не отрицаю), - это Сталин.

Г\ А. Куманев: Предполагали ли Вы, что страна, ее экономика окажутся сейчас в таком положении?

Л. М. Каганович: Что Вы, конечно, нет! Я отнюдь не защищаю те негативные явления последних десятилетий, которые с подачи Горбачева сейчас почему-то называют «застойными». Много тут сегодня наломано дров. Ведь все-таки до 1980 г. в среднем мы имели 4% годового роста дохода. И даже с 1985 г., когда началось падение жизненного уровня народа (просто невозможная вещь по милости организаторов так называемой «перестройки»), годовой доход все* равно был еще на уровне 1,5—2%.

Вообще, мне думается, один из самых серьезных промахов нашего прошлого высшего руководства состоит в том, что за впечатляю-' щими цифрами роста выплавки стали, чугуна, добычи угля или нефти мы порой забывали о человеке, об увеличении производства средств потребления. А ведь, если бы хотя бы 4—5% средств перебро-

сили из группы «А» в группу «Б», то как заметно бы изменилась в лучшую сторону жизнь простых людей.

Короче говоря, у меня есть на этот счет свои соображения, черновики. Писать я, правда, сейчас не могу. Я пробовал писать ночью. Когда не спится, я встаю и пишу, вслепую пишу. Но сам потом прочитать не могу. Я уничтожил эти лишние черновики.

Г. А. Куманев: Ну что Вы, Лазарь Моисеевич! Ведь это достояние истории.

Л. М. Каганович: Достояние? А может быть, там никому не интересный перевод бумаги.

Г. А. Куманев: Хорошо бы эту работу, включая мемуарные записи, продолжить.

Л. М. Каганович: У меня положение такое, что мне прочитать написанный текст почти невозможно. Дочь моя приходит ко мне, мы должны переговорить, и она читает мне газету. Прочитает две газеты и все. Ни одного человека нет, кто бы мне мог почитать.

' ***Г. А. Куманев:*** Лазарь Моисеевич, по Вашему зову могу явиться в любой момент. Искренне хотел бы Вам помочь в этом плане.

Л. М ***Каганович:*** Что Вы, что Вы, не беспокойтесь. Итак, читать я не могу, диктовать — машинистку не имею. Диктофон я ненавижу. А машинистке или стенографистке я диктовал бы... Но нет у меня денег, чтобы оплачивать.

Г. А. Куманев: А если бы я договорился в соответствующем месте и о стенографистке, и об оплате?

Л. М. Каганович: Нельзя, нельзя. Это неудобно, никак не подходит.

Г. А. Куманев: Тогда какой у нас выход?

Л. М. Каганович: Совершенно нет выхода.

Г. А. Куманев: В мае 1985 г. во время одной из встреч с Молотовым я предложил ему примерно то же самое. И получил ответ: «Поздно, слишком поздно...»

Л. М ***Каганович:*** Поздно, это он верно заметил. В 1985 г. я у него был. А в конце того года ногу сломал, и я его больше уже не видал.

Г. А. Куманев: Мне Вячеслав Михайлович сказал, что в свое время он трижды обращался в ЦК с просьбой допустить его к Кремлевским документам. Дважды получил отказ, а на третье письмо ответа вообще не было. Тогда он махнул рукой и сказал: «Ничего писать не буду».

Л. М. ***Каганович:*** Да, без необходимых документальных подтверждений мемуары - это просто болтовня.

Г. А. Куманев: Осенью прошлого года я был в США. Привез оттуда одну книгу. Знаете Вы о ней или нет? Автор Стюарт Кахан.

Л. М. Каганович: А-а-а. Это жулик. Мне говорили про него.

Г. А. Куманев: Название ее «Кремлевский волк» или «Волк Кремля». Вот эта книга на английском языке.

Л. М. Каганович: Это про кого?

Г. А. Куманев: Про Вас.

Л. М. Каганович: Про меня?

Г. А. Куманев: Да.

Л. М. Каганович: Серьезно? (Смех).

Г. А. Куманев: А вот на суперобложке автор, его фотография. Вот и Ваши некоторые фотографии. А это Ваши родители.

Л. М. Каганович: Родители? Смотри, какие достал фотографии?!

Г. А. Куманев: На другой стороне суперобложки фото: Вы со Сталиным.

Л. М. Каганович: Да... Ишь ты какой! Это, действительно, отец и мать. А это как?

Г. А. Куманев: Нана Гутман и Морис Каганович в 1909 г.

Л. М. Каганович: У нас не было таких.

Г. А. Куманев: Здесь - Кахан, опять Морис Каганович и Роза Каганович, 1913 г.

Л. М. Каганович: Видимо, здесь дает моих родственников?

Г. А. Куманев: Да, да. Сам он будто какой-то племянник и много раз с Вами встречался.

Л. М. Каганович: Это он врет. А это кто?

Г. А. Куманев: Анна и Юнку Левик, 1920 г.

Л. М. Каганович: Левик? Не знаю я их.

Г. А. Куманев: Ну а далее уже знакомые лица. Вот Сталин, Вы с бородкой, Калинин.

Л. М. Каганович: Ишь ты, какая сволочь. Написал книжку! И книга-то толстая...

Г. А. Куманев: Далее здесь опять Сталин, вон Молотов, опять Сталин, только молодой. А это Вы.

Л. М. Каганович: Вот сволочь какая. А о моей биографии он как пишет? Вы все прочитали?

Г. А. Куманев: Я книгу пока довольно бегло только просмотрел.

Л. М. Каганович: Вот сволочь, смотри, какая сволочь...

Г. А. Куманев: Книгу я увидел в киоске на Бродвее в Нью-Йорке. Шел с одним коллегой - американцем. Взял ее в руки, полистал,' посмотрел на цену, а она 100 долларов!

Л. М. Каганович: 100 долларов?!

Г. А. Куманев: Да. Американец мне говорит: «Она у меня дома есть. Пойдемте ко мне, и я Вам ее подарю. Это недалеко... »

Книги там очень дорогие.

Л. М. Каганович: А если бы я как автор издал бы там свои мемуары?

Г. А. Куманев: Книга Ваша там бы цены не имела, была бы нарасхват. Лазарь Моисеевич, помните ли эту Вашу фотографию 30-х годов? Я ее специально захватил в надежде, что Вы мне ее подпишете.

Л. М. Каганович: Да, да. Я ее помню, конечно, но как мне ее подписать? Вслепую? Боюсь, что я наляпаю.

Г. А. Куманев: Ну, ничего.

Л. М. Каганович: А что же я напишу? «На добрую память и т. д. ?»

Г. А. Куманев: Вот и хорошо. А вот вторая фотография. Вы со Сталиным и другими деятелями на его 50-летии. Она довольно известная.

Л. М. Каганович: Да, да, да. Она у меня есть. Ну, давайте, попробую Вам что-нибудь написать, хотя и в этих очках очень плохо вижу. Вначале свой молодой портрет подпишу. (Подписывает.) Ну-ка, что получилось: «На добрую память уважаемому тов. Куманеву Г. А. Л. М. Каганович». Какое число?

Г. А. Куманев: Сегодня у нас 6 мая 1991 г. Вот здесь можно поставить дату. Огромное Вам спасибо.

Л. М. Каганович: Пожалуйста. (Смеется.) А вот Вам на память мой экземпляр «Программы и Устава ВКП(б)» издания 1926 года.

Г. А. Куманев: Большое спасибо. Ну, что же — мне пора идти, слишком засиделся у Вас.

Л. М. Каганович: А может быть, еще побудете? Нет? Ну, давайте попрощаемся. Спасибо, что навестили меня.

Г. А. Куманев: Всего Вам хорошего, но прежде всего доброго здоровья. До свиданья.

Из неопубликованных документов

1. Записка Л. М. Кагановича И. В. Сталину

«Дорогой тов. Сталин!

В течение последних дней мы наряду с текущей оперативной работой тщательно проанализировали положение на сети и разработали ряд мер, которые Вам посылаю. Я очень прошу Вас. т. Сталин, помочь нам. Никто так не оценит трудности и значение железных дорог, как Вы.

Поверьте мне, что я делаю все и сделаю еще больше для того, чтобы в эти трудные дни быть достойным звания Вашего ученика*.

Ваш Л. Каганович. 12 ноября 1941 г.»

2. Постановление Государственного Комитета Обороны от 25 марта 1942 г. «Об НКПС».

I

«Ввиду того, что т. Каганович Л. М., несмотря на его удовлетворительную работу в НКПС в мирное время, не сумел справиться с работой в

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов. Папка 16. Д. «О железнодорожных перевозках. - 1941 г.».**

условиях военной обстановки, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1) . Освободить т. Кагановича Л. М. согласно Указу Президиума Вер- „ ховного Совета СССР от обязанностей наркома путей сообщения.

2) . Назначить т. Кагановича Л. М. заместителем председателя Транспортного Комитета при Государственном Комитете Обороны.

II

В целях улучшения работы НКПС Государственный Комитет Обороны постановляет назначить:

1) . Народным комиссаром путей сообщения согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР заместителя наркома обороны генерал-лейтенанта т. Хрулева А. В.

2) . Первым заместителем наркома путей сообщения т. Арутюнова Б. Н.

3) . Заместителями наркома путей сообщения тт. Ковалева Г. В. с назначением его начальником Центрального управления движения; Багаева С. И. с назначением его одновременно начальником Политуправления НКПС; Гарныка В. А. с назначением его начальником Центрального управления Паровозного хозяйства; Гоциридзе И. Д. с назначением его начальником Главного управления военно-восстановительных работ и Синегубова Н. И.

4) . тт. Филиппова К. И., Белоусова М. Я., Гусева С. В. и Комарова В. С. освободить от обязанностей заместителей наркома путей сообщения.

5) . Об остальных заместителях наркома путей сообщения обсудить вопрос особо.

III

1) . Работу образованной ГОКО семерки по делам НКПС продлить до 5 апреля включительно.

2) . Продлить до 31 марта 1942 года включительно действие постановления ГОКО от 13 марта с. г. об обязательной отгрузке железными дорогами угля в количествах, установленных указанным постановлением.

IV

1) . Государственный Комитет Обороны обязывает всех начальников" железных дорог оказывать наркому путей сообщения тов. Хрулеву А. В. всемерную поддержку в выполнении возложенных на него обязанностей по скорейшему оздоровлению железнодорожного транспорта.

2) . ГОКО предупреждает начальников железных дорог, что те из них, которые не примут решительных мер по наведению порядка и по обеспечению бесперебойной работы на железных дорогах, не покончат с расхлябанностью на дорогах, не обеспечат соблюдения строгой дисципли-, ны и не выправят положение на железной дороге, — будут строго наказаны по законам военного времени»*.

i

Председатель ГКО

---------- И. СТАЛИН

*** Там же.**

М. Г. ПЕРВУХИН

Михаил Георгиевич Первухин принадлежал к тому поколению советских людей, чья молодость прошла в трудовых буднях первых пятилеток.

Получив высшее образование и квалификацию инженера-элект- рика, он стал работать по специальности на ряде электростанций. Глубокий ум, широта знаний, эрудиция, простота и доступность в общении с трудящимися, богатый практический опыт, смелый, творческий подход к делу и несомненный организаторский талант способствовали его быстрому выдвижению по службе и росту в качестве одного из руководителей отечественной энергетики.

Перечислим только основные должности, которые он последовательно занимал во второй половине 30-х годов: директор Каширской ГЭС, исполняющий обязанности начальника «Мосэнерго», начальник Главного управления энергетического хозяйства Наркомата тяжелой промышленности СССР, заместитель и первый заместитель наркома тяжелой промышленности СССР...

В январе 1939 г. после разукрупнения Наркомтяжпрома Михаил Георгиевич, которому совсем недавно исполнилось 34 года, становится наркомом электростанций и электропромышленности СССР, проработав на этом посту до 17 апреля 1940 г.

Довоенное формирование его как видного партийного и государственного деятеля на этом не закончилось: в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) Первухин избирается членом ЦК партии, а в апреле 1940 г. последовало назначение заместителем Председателя Совнаркома СССР.

В годы Великой Отечественной войны его производственные, общественные и государственные нагрузки не только не уменьшились, а, напротив, добавились новые должности: заместитель председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, Уполномоченный ГКО по управлению военно-химической защиты Красной Армии. 26 февраля 1942 г. последовало утверждение народным комиссаром химической промышленности СССР, и в этом же году Первухин как заместитель Председателя СНК ССР и нарком химической промышленности привлекается Государственным Комитетом Обороны к работам по атомной энергетике. Его участие в атомном проекте было отмечено Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Высокое звание присваивается ему в 1949 г. «за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания...»

Весной 1971 г., когда мы вели подготовку Всесоюзной научной сессии «Советский тыл в Великой Отечественной войне», намечен-

ной на 7 мая, я позвонил М. Г. Первухину и по поручению Оргкомитета пригласил его принять участие в ее работе. (Необходимое содействие в установлении связи с ним оказала дочь Михаила Георгиевича — Кира Михайловна, с которой мы работали тогда в Институте истории СССР АН СССР.)

Михаил Георгиевич с благодарностью принял приглашение и дал согласие выступить на нашем научном мероприятии по теме, связанной с перебазированием советской промышленности в 1941-1942 гг. Но, к сожалению, накануне конференции он заболел, и ее участникам был зачитан текст его выступления, который позднее лег в основу статьи, опубликованной во второй книге материалов Всесоюзной научной сессии.

Наша творческая связь с М. Г. Первухиным на этом не закончилась. В последующие годы Михаил Георгиевич консультировал подготовку в секторе истории СССР периода Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР трехтомного труда «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945», любезно предоставив ряд материалов для 1-го тома, дважды выступал с интересными докладами перед сотрудниками сектора и членами Ученого совета института по памятным датам истории войны, а 4 мая 1975 г. состоялась его беседа со мной, записанная на магнитофонную ленту.

Беседа профессора Г. А. Куманева с заместителем Председателя Совнаркома СССР и наркомом химической промышленности СССР военных лет, Героем Социалистического Труда, генерал-лейтенантом инженерно- технической службы М. Г. Первухиным

(Из магнитофонной записи) *4 мая 1975 г.*
Институт истории СССР АН СССР, г. Москва.

Г. А. Куманев: Сегодня, накануне большого праздничного юбилейного события — 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, — разрешите сердечно приветствовать Вас, дорогой Михаил Георгиевич, как одного из видных руководителей советского государства военных лет и горячо поздравить с этой славной и радостной датой. Позвольте пожелать Вам прекрасного, здоровья, счастья, новых успехов и выразить глубокую признательность за согласие приехать к нам в Институт истории СССР АН СССР и ответить на ряд интересующих меня вопросов.

М. Г. Первухин: Спасибо, Георгий Александрович, за Ваши поздравления, за добрые слова и за приглашение приехать к Вам. Примите и мои горячие поздравления и наилучшие пожелания с 30-летием Великой Победы над фашизмом. Я рассматриваю нашу сегодняшнюю встречу как продолжение наших творческих связей, установившихся в последние годы в процессе подготовки двухтомного сборника статей «Советский тыл в Великой Отечественной войне», в котором увидели свет и мои воспоминания о перебазировании советской промышленности в 1941—1942 гг.

Г. А. Куманев: За Вашими плечами большой жизненный путь верного служения Родине, насыщенный многими важными свершениями и событиями. Не смогли бы Вы немного рассказать о себе, хотя бы об основных этапах Вашей деятельности в предвоенные и военные годы?

М ***Г. Первухин:*** Охотно вкратце отвечу. Родился я 14 октября 1904 г. в поселке Юрюзань Златоустовского уезда Уфимской губернии (ныне это г. Юрюзань Челябинской области) в семье рабочего. В 1919 г. вступил в ряды РКП (б) в Златоустье. В этом городе в 1921— 1922 гг. я был секретарем редакции газеты «Пролетарская мысль», принимал непосредственное участие в работе городского и уездного комитетов комсомола. Затем был направлен на учебу в Москву, где в 1929 г. окончил электропромышленный факультет Московского института народного хозяйства и после защиты дипломного проекта получил квалификацию инженера-электрика.

В электроэнергетике я начал работать сначала в Московском объединении электростанций, потом инженером, начальником цеха и директором Каширской ГЭС, далее — в Мосэнерго и Главэнерго С 1938 г. стал заместителем, а потом и первым заместителем наркома тяжелой промышленности СССР. В 1939 г. после разделения Наркомтяжпрома на несколько наркоматов был назначен наркомом только что созданного Наркомата электростанций и электропромышленности СССР. На этом посту проработал до 1940 г., когда был выдвинут заместителем Председателя Совнаркома СССР и одновременно руководителем Бюро СНК по топливу и электроэнергетике.

С началом Великой Отечественной войны круг моих должностей и обязанностей расширился. Так, 24 июня 1941 г. я был назначен заместителем председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, 2 августа того же года — уполномоченным Государственного Комитета Обороны по Управлению военно-химической защиты Красной Армии, а в феврале 1942 г. — дополнительно утвержден наркомом химической промышленности СССР.

Фактически с осени 1942 г. как заместитель Председателя СНК СССР и народный комиссар химической промышленности СССР я оказался привлеченным к работам по атомной энергетике. В 1943 г. мне было поручено вместе с уполномоченным ГКО по науке и

председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР Сергеем Васильевичем Кафтановым осуществлять повседневное наблюдение за исследованиями по урановой проблеме и оказывать необходимую помощь Лаборатории № 2, которой руководил Игорь Васильевич Курчатов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1949 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда за выполнение специального задания по созданию отечественной атомной промышленности.

Ну, еще добавлю, что 7 ноября 1944 г. мне было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта инженерно-технической службы, и до настоящего времени я состою в этом звании и числюсь в составе Советской Армии.

Вот, пожалуй, коротко и все из моей биографии довоенных и военных лет.

Г. А. Куманев: Как Вы оцениваете деятельность наших центральных руководящих органов накануне войны? Насколько она была успешной, отвечала сложной предвоенной обстановке и соответствовала задачам, встававшим перед страной?

М. Г. Первухин: Скажу вполне объективно, хотя сам принадлежал тогда к числу высших руководящих работников, что эта деятельность была весьма многогранной, оперативной и плодотворной. Во многом ее обеспечивал И. В. Сталин как главный дирижер-руководитель с его необычайной работоспособностью, уникальной памятью, обширными и глубокими знаниями, опытом и выдающимися организаторскими способностями. Приведу несколько примеров.

Следует подчеркнуть, что ЦК нашей партии так или иначе предвидел неизбежность столкновения Советского Союза с фашистской Германией, стремившейся к мировому господству, к уничтожению Советского социалистического государства. Поэтому Центральный Комитет партии и Советское правительство, особенно начиная с 1939 г., стали осуществлять большие мероприятия по укреплению Красной Армии, по перевооружению ее современными средствами обороны на основе развития военной промышленности.

Помнится, в начале 1941 г. на заседании Совнаркома СССР с участием Сталина обсуждался проект народнохозяйственного плана на этот год. Председатель Госплана СССР Николай Алексеевич Вознесенский, докладывая содержание проекта плана, поставил такой вопрос. Для того чтобы выполнить намечаемые Госпланом задания по производству военной техники и изделий машиностроения, требуется гораздо больше проката черных и цветных металлов, чем имеет страна. И если мы не сумеем найти дополнительные источники, придется сокращать важные оборонные задания на текущий год. Сталин тут же спросил: «А сколько у нас есть в Госмоблрезерве запасов необходимого нам проката черных и цветных металлов?» Ему дали справку. Тогда он говорит: «Давайте программу не сокра

щать, а возьмем из госрезервов, из моблзапасов недостающие нам материалы».

Такое решение правительства могло быть принято только в преддверии военных испытаний и с учетом их. Уже один этот пример показывает, что наша страна действительно готовилась к достойной обороне, если враг посмеет развязать против нас войну.

Г. А. Куманев: Об этом, мне думается, столь же убедительно свидетельствует разработка в предвоенные годы нашим высшим руководством, высшими органами военно-мобилизационного плана в случае агрессии против СССР.

М. Г. Первухин: Совершенно правильно. План этот, в частности, включал в себя оперативный перевод промышленности на военные рельсы, если на нас будет совершено вооруженное нападение. Такая работа проводилась в стране уже в 1937—1938 гг., а затем в 1939 г. и почти до самого начала Великой Отечественной войны. Например, по каждому предприятию Наркомата машиностроения (он был потом разделен), кроме гражданской продукции, записывалось, что же оно, это предприятие, будет производить во время войны.

Я хорошо знаю электротехнические заводы, поскольку они входили в ведение Наркомата электростанций и электропромышленности, который мне довелось возглавлять с января 1939 г. Так вот, на электротехнических заводах было выделено специальное оборудование, часть из которого использовалась в мирной обстановке, а часть находилась в резерве. Предусматривалась продуманная система, как это оборудование переставить с тем, чтобы поточно начать выпускать военную продукцию. Во время войны электротехнические заводы давали фронту снаряды, мины, производили и отдельные детали вооружения.

Таким образом, вся промышленность, все ее мощности были довольно четко расписаны, — что они должны делать во время войны.

Если взять тракторостроительные заводы (к примеру, Сталинградский или Харьковский), то у них была мобилизационная программа по производству танков. По технологии производство сходное. Выпускали они в мирное время трактора на гусеничном ходу, а в условиях войны должны были сразу же переключиться на выпуск танков. Правда, эти танки — и харьковские и сталинградские — были легкие. Более тяжелые танки были задействованы для выпуска на Урале.

Если обратиться к химической промышленности, то, конечно, на нужды войны предусматривалось переключение заводов минеральных удобрений, азотных заводов. Они выпускали азотную кислоту и аммиачную селитру. В мирное время аммиачная селитра идет как удобрение, а в военное время смесь селитры с органическими материалами (древесным порошком, торфяным порошком и др.) представляет собой взрывчатку, которой начинялись противотанковые и иные средства.

Возьмем заводы производившие фосфорные удобрения. Там в качестве сырья имеется серная кислота. Она была в виде крепкой серной кислоты, так называемая олеум, которая необходима для производства порохов. Заводы пластических масс (практически все) имели программу изготовления различных деталей для боеприпасов (взрывателей, корпусов и др.).

Если взять стекольную промышленность, то для остекления кабин самолетов использовали бронестекло. Оно состояло из очень закаленного силикатного стекла и нескольких слоев органического стекла.

Так вот, эти стекольные заводы, вернее — часть из них, еще в мирные годы освоили производство бронестекла для того, чтобы в военных условиях обеспечивать им авиационную промышленность.

Даже такие, казалось, сугубо «гражданские» заводы, как лакокрасочные, в военное время обязаны были выпускать эмали и смолы, необходимые при строительстве самолетов. Ведь их изготавливали в основном из дерева, алюминий же шел на производство бомбардировщиков.

Итак, все отрасли промышленности в той или иной степени имели план производства продукции, которая будет необходима в случае войны. И, конечно, если бы такого плана у нас не было, то так быстро мы не смогли бы справиться с выпуском в военных условиях столь громадного количества вооружения, боеприпасов, военной техники. Только благодаря мобилизации всей нашей промышленности, причем заранее продуманной мобилизации, удалось все это быстро организовать. Правда, в первый период войны, как известно, мы временно лишились большой территории Западно- Европейской части СССР, где размещалась мощная индустриальная база.

Хочу еще раз подчеркнуть: мобилизационный план сыграл огромную роль в перестройке на военный лад не только промышленности, но и всей экономики страны. Плановое военное хозяйство СССР в конечном итоге обеспечило Красную Армию всем необходимым, чтобы остановить врага, а затем и разгромить его.

Г. А. Куманев: Благодарю Вас, Михаил Георгиевич, за такой подробный и обстоятельный ответ. Вы упомянули о Государственном мобилизационном резерве, создание которого тоже убедительно подтверждает нашу активную подготовку к защите социалистического Отечества. Нельзя ли об этом чуть подробнее?

М. Г. Первухин: В довоенные годы в Советском Союзе была заблаговременно выработана и осуществлена система накопления запасов материальных средств, или государственных мобилизационных резервов. Они предназначались для удовлетворения материальных потребностей Вооруженных Сил и народного хозяйства в мирное и особенно в военное время. В течение последних полутора лет до фашистского нападения государственные мобилизационные ре- >

зервы СССР почти удвоились. Речь шла в первую очередь о накоплении запасов цветных и специальных черных металлов, топлива, продовольствия, сырья. Другими словами, еще в мирных условиях какая-то доля стратегических материалов, получаемая для гражданских целей, откладывалась на предприятиях в качестве мобилизационного запаса. Создавались и мобилизационные резервы горючего для самолетов, для танков, автомобильного транспорта. Надо сказать, что за этим видом стратегических запасов очень строго следило Политбюро ЦК и лично Сталин.

Мне вспоминается такой случай. Это было в начале 41-го или в конце 40-го года. Было поручено Анастасу Ивановичу Микояну и мне подготовить план закладки горючего, необходимого для военных целей, в государственный запас, чтобы его не распределять. Мы такой план составили, представили его. На заседании Политбюро наш план Сталин и ряд его членов резко раскритиковали. Почему? Потому что мы большую часть запаса отвели под мазут, т. е. под топливо, которое нужно для промышленности. А задание давалось заложить резерв для авиации, для танков и автомобилей.

Нам пришлось этот план переделать и емкости, которые мы думали занимать мазутом, теперь отвели для светлого горючего, необходимого для военной техники. Соответственно требовалось перестроить работу нефтеперерабатывающих заводов, чтобы они больше выпускали светлых продуктов горючего.

Расскажу еще об одном очень важном правительственном решении, принятом по инициативе Сталина. Как известно, до войны было развернуто строительство Куйбышевской ГЭС. На ее сооружении работало примерно 100 тыс. человек. И вот где-то в середине 1940 г. Сталин вызвал Андрея Андреевича Андреева — секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам, наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия и меня. (Я тогда уже был заместителем Председателя Совнаркома СССР.) Сталин неожиданно для нас предложил: «Давайте, мы пока свернем строительство Куйбышевской гидроэлектростанции и всю эту мощнейшую организацию направим на создание авиационных заводов в районе Куйбышева». Это решение впоследствии, в начале войны, сыграло громадную роль в обеспечении производства боевых самолетов. В октябре 1941 г. по поручению Государственного Комитета Обороны я летал в Куйбышев для того, чтобы проверить, как подготовлены там необходимые здания для дипломатического корпуса, который был туда эвакуирован из Москвы, а также здания для размещения правительственных органов. Побывал и на строительстве одного Куйбышевского авиационного завода. И что я обнаружил: большая часть корпусов уже готова и там устанавливается оборудование, станки, агрегаты прибывших с западной части страны авиационных заводов. Трудно поверить, но факт остается фактом: в конце 1941 г. куйбышевские авиазаводы уже наладили массовый выпуск самолетов. Так что названное мною решение, принятое за

полгода до начала войны, оказалось весьма своевременным и дальновидным.

Хочу указать, наконец, и на такой факт, свидетельствовавший о подготовке страны к военным испытаниям. Это создание дублеров оборонных предприятий и научно-исследовательских институтов на Востоке страны. Решение об этом было принято незадолго до Великой Отечественной войны и нашло отражение в материалах XVIII съезда ВКП(б) и XVIII партийной конференции. На Урале и за Уралом стали создавать и развертывать новую угольно-металлургическую базу СССР. Закладывались заводы-дублеры тех предприятий, которые имелись в Западно-Европейской части СССР, а также соответствующие институты: и авиационные, и по вооружению, и по боеприпасам...

Таких примеров и фактов можно привести немало.

Г. А. Куманев: У меня еще один вопрос, связанный с государственной деятельностью Сталина. Проводились ли накануне Великой Отечественной войны и в военные годы официальные, с заранее объявленной повесткой дня заседания Совета Народных Комиссаров СССР и председательствовал ли на них новый глава Советского правительства?

М. Г. Первухин: Как известно, Иосиф Виссарионович Сталин был назначен председателем Совнаркома СССР незадолго до вой- , ны — 6 мая 1941 г. Насколько я помню, два или три раза до гитлеровского нападения на Советский Союз он вел заседания правительства. Особенно, когда рассматривались крупные государственные и политические вопросы.

Но в годы Великой Отечественной войны Сталин председательствовал преимущественно на заседаниях Государственного Комитета Обороны и Политбюро ЦК ВКП(б). Постановления и некоторые распоряжения частного характера иногда выпускались от имени Советского правительства, но они обязательно обсуждались на Госу-: дарственном Комитете Обороны и Политбюро ЦК партии. >

Что касается больших официальных заседаний Совета Народных Комиссаров Союза ССР во время войны с широкой повесткой дня, то таких я просто не помню.

Г. А. Куманев: Что изменилось в Вашей работе с началом войны? Какие новые поручения получили Вы от Сталина как Председателя Государственного Комитета Обороны и Совнаркома СССР? Мне также очень хотелось бы узнать Ваше мнение, Михаил Георгиевич, о том, какова была его роль в перестройке народного хозяйства СССР на военный лад, в создании военной экономики страны и насколько Сталин был компетентен в военно-экономических вопросах?

М. Г. Первухин: В первые же дни фашистской агрессии каждый из руководящих членов Советского правительства получил лично от Сталина конкретные указания и поручения, связанные с военномобилизационными делами, с перестройкой всей нашей работы на

военный лад. Ну, например, Вячеслав Михайлович Молотов получил задание следить за выпуском танков, Николай Алексеевич Вознесенский — осуществлять контроль за производством вооружения и боеприпасов. Николай Александрович Булганин был назначен членом Военного совета Западного фронта и Западного направления. Вячеслав Александрович Малышев вскоре возглавил новый Наркомат танковой промышленности СССР, созданный на базе Наркомата среднего машиностроения СССР. Все они были заместителями Председателя СНК СССР.

Как я уже говорил, 24 июня 1941 г. меня назначили заместителем Председателя Совета по эвакуации при Совнаркоме СССР, а 2 августа состоялось мое назначение уполномоченным ГКО по Управлению военно-химической защиты Красной Армии. Стал вроде комиссара при начальнике этого управления. Вместе с ним (управление тогда возглавлял генерал-майор Мельников) мы разрабатывали мероприятия по оснащению наших Вооруженных Сил средствами химической защиты, занимались также формированием химических батальонов. Возможность использования врагом отравляющих средств, химического оружия была тогда велика. О всех мероприятиях мы периодически докладывали непосредственно Председателю ГКО и Верховному Главнокомандующему Сталину.

При этом вспоминается такой случай. По полученным Генеральным штабом сведениям, немцы начали подтягивать к фронтовым районам химические боеприпасы, авиационные химические бомбы. Учитывая своевременность подготовки к отражению возможного химического нападения, Управление военно-химической защиты Красной Армии подготовило план снаряжения химических боеприпасов. Естественно, предпочтение было отдано снарядам крупных калибров. Ну, это и понятно: чем больше калибр, тем больше отравляющих веществ.

Ознакомившись с нашими предложениями, Сталин спросил: «Известно ли вам наличие в армии орудий такого крупного калибра?» Мы, конечно, не могли ответить. А он говорит: «Такое количество снарядов, которое вы собираетесь подготовить, требует большого числа орудий самого крупного калибра. А у нас в Вооруженных* Силах таких пушек почти нет».

Присутствовавший в кабинете вождя начальник Главного артиллерийского управления Наркомата обороны генерал Николай Дмитриевич Яковлев это подтвердил.

Таким образом, наше предложение оказалось нереальным, и Сталин сам лично, своей рукой сделал соответствующие поправки на нашем плане.

Вспоминая этот эпизод, я хочу лишний раз подчеркнуть, что Сталин повседневно и конкретно занимался в мирное время вопросами обороны страны, а в годы войны осуществлял как Верховный Главнокомандующий руководство боевыми действиями Красной Ар

мии. Он находил время следить и за ее техническим оснащением. Во время войны мне приходилось не раз бывать у него. Всегда на большом столе были разложены географические карты с отметками, где линия фронта, где и какие наши части и части противника там находятся. И он постоянно информировался, как протекают военные действия, как осуществляется та или иная операция. В случае необходимости Сталин связывался не только с командующими фронтами и армиями, но и с командирами корпусов, бригад и даже дивизий.

Поэтому версия, пущенная в свое время безответственными людьми и в первую очередь Хрущевым, о том, что Сталин командовал войсками по глобусу, является просто грубой и гнусной ложью.

Теперь относительно роли Сталина в создании советской военной экономики и его компетентности в военно-экономических вопросах.

Задачам создания и развития военного производства, военной экономики Сталин уделял чрезвычайно важное внимание. Если говорить о годах войны, то у него на письменном столе постоянно находились график и оперативная сводка ежедневного выпуска военной продукции: по танкам, самолетам, пушкам, стрелковому вооружению, боеприпасам. Он очень тщательно следил за ходом производства, работой оборонной промышленности. И в случае отставания* с выпуском той или иной военной продукции тут же звонил в соответствующий наркомат, чтобы принять действенные меры. Иной раз связывался с уполномоченными ГКО на местах, парторгами ЦК или даже с директорами отдельных предприятий, интересовался причинами отставания, спрашивал, какая нужна помощь и требовал обеспечить безусловное выполнение графика. Вот помню случай - Уралмаш задержался с выпуском танков. (Я в это время находился у Сталина.) Он тут же позвонил директору: «В чем дело? Почему, какие причины повлияли на снижение производства? Имеются ли внешние причины?» Немедленно были даны распоряжения и приняты меры по оказанию конкретной помощи заводу.

И до войны, и тем более во время войны Сталин был знаком почти со всеми военными конструкторами. Причем знал их не только по фамилии, но и по имени, отчеству, знал лично, и они много раз бывали у него. Готовился новый тип самолета — он встречался с его создателями, рассматривал образец этой машины, выслушивал мнения специалистов, испытателей, не упуская ни одной мелочи. Новый тип танка — то же самое. Новая подводная лодка — тоже в центре его внимания. Новое стрелковое оружие — то' же самое.

Сталин был в курсе дела всего военного производства: состояние, нужды, в чем затруднения, какие требуются меры, чтобы ускорить и увеличить выпуск того или иного образца военной продукции. Все эти и другие сведения он получал не только из Госплана и нарко-

матов, но и от конструкторов и руководителей военных заводов. И все это откладывалось у него в памяти. (А память у нашего вождя, как я уже говорил, была просто потрясающая.) По итогам почти каждого телефонного разговора или встречи привлекались смежные отрасли, все, что нужно для выполнения того или иного задания.

Следует иметь в виду, что во время Великой Отечественной войны, да и в другие годы, Сталин следил за развитием не только военного производства. Предметом его особого внимания было положение дел в черной и цветной металлургии, а также топливной промышленности. Если он замечал по ежедневным сводкам, что возникли какие-то перебои, например, с углем, то сразу же связывался с наркомом и спрашивал: «В чем дело?» Или поручал Бюро Совнаркома СССР, куда входили пять членов Политбюро ЦК партии (они же были заместителями главы правительства), разобраться с создавшимся положением и доложить.

Словом, Сталин в период войны, как и в мирные годы, постоянно и строго наблюдал за состоянием нашего народного хозяйства. И его компетенция в военно-экономических делах была достаточно высокой. Кстати, и после войны наш высший руководитель не ослаблял своего внимания к оборонным вопросам. Свидетельствую в данном случае и как человек, имевший отношение к созданию у нас атомной бомбы.

Г. А. Куманев: Если возможно, нельзя ли заодно немного подробнее об этом, Михаил Георгиевич?

М. Г. Первухин: Вначале у нас велись такие работы физиками и предполагалось, что возможно, если будет энергия, получить атомную бомбу. Но это было все в теории. Никаких конкретных решений не было. Когда же советское руководство узнало, что подобные работы интенсивно ведутся в США, тогда мне вместе с Кафтановым поручили подобрать наших физиков, которые знали это дело (Курчатова, Алиханова, Кикоина и других), посоветоваться с ними и выработать предложения, как эти работы нам организовать. Мы это сделали, на меня потом возложили контроль за их работой.

Сталин лично следил за этим делом. Несколько раз мы, в том числе Курчатов и главный конструктор, докладывали ему, как обстоит дело. Причем Сталин весьма критически, придирчиво и строго относился к ходу работы, постоянно спрашивал: «А выйдет у вас, что задумали? Может, пшик у вас выйдет? Может, время и средства только тратите?»

Вот и такой я факт помню. Как-то раз мы ему докладывали, что теперь то у нас есть, другое есть... Я Сталину сообщил (поскольку это связано с химией) о производстве тяжелой воды. Вот, говорю, наш завод начал ее уже выпускать. А он мне замечает: «Воды простой налил и здесь показываешь... А как ее отличишь?» Отвечаю: «Конечно, это не так просто, товарищ Сталин, но я могу Вам показать, продемонстрировать физические отличия простой воды от тяжелой».

Это все, разумеется, было в порядке шутки, но Сталин, повторяю, заслушивал все доклады чрезвычайно внимательно и придирчиво. И он имел очень четкое представление, как у нас продвигаются дела в этой области.

А когда Трумэн на Потсдамской конференции похвастал об успешном испытании американцами атомной бомбы, Сталин сделал вид что не обратил на это серьезного внимания. Почему? Он знал, что у нас уже на ходу эти работы и что мы тоже довольно близки к цели. Мы действительно затратили немало времени и усилий на развитие атомной промышленности и на создание атомной бомбы, но примерно такое же время, как и американцы. Два с половиной года.

Г. А. Куманев: А какова Ваша оценка советской системы управления во время Великой Отечественной войны? Насколько целесообразным было создание Государственного Комитета Обороны, сосредоточение в его руках всей полноты власти в стране?

М. Г. Первухин: Наша система управления в изменившихся экстремальных военных условиях, по моему мнению, в целом была достаточно продуманной и соответствовала новым исключительно сложным задачам, вставшим перед Советским государством. Причем перестройка ее работы в интересах фронта, как учил нас Ленин, проводилась в основном при опоре на уже существовавшие и действовавшие государственные органы путем их всемерного совершенствования, а не путем поспешной организации новых. Только в исключительных случаях партия и правительство шли на создание каких-то чрезвычайных органов. Им как раз и явился Государственный Комитет Обороны (ГКО), призванный усилить централизацию руководства, обеспечить единство фронта и тыла, оперативно принимать наиважнейшие решения и добиваться их быстрого и безусловного проведения в жизнь. Его создание полностью себя оправдало. Он занимался не только военными, но и всеми гражданскими делами. К примеру, как только наша армия стала наступать и очищать от врага временно захваченные им районы, сразу же ГКО занялся проблемами восстановления народного хозяйства, в том числе промышленности.

Буквально вслед за передовыми отрядами советских войск шли отряды наших инженеров, техников, рабочих, которые обследовали состояние предприятий, разрабатывали на месте меры и предложения, как восстановить разрушенные промышленные объекты и пустить их в эксплуатацию. И надо отметить: в очень короткие сроки, зачастую в поразительно короткие сроки, многие заводы и фабрики, а также шахты, рудники, электростанции, железные дороги были вновь введены в действие. И это, несмотря на то, что многие из них были страшно разрушены. Весь этот процесс возрождения находился под неослабным вниманием Государственного Комитета Обороны. Одних его решений и распоряжений по проблемам возрождения

нашей экономики, пострадавшей от фашистского нашествия, насчи**тывается** около двух сотен и что особенно важно — все они были **практически** реализованы.

Следует отдать должное и нашим специалистам, если говорить только о промышленности. Они трудились, не покладая рук, просто героически, как настоящие патриоты. И в первых рядах восстановителей всегда находились коммунисты. Нередко восстановительные работы проводились еще при вражеских обстрелах и бомбежках. Но наши инженеры, техники, рабочие, пренебрегая опасностью, решали сложнейшие производственные задачи, имея перед собой только одну цель — поскорее возродить отечественную индустрию, приумножить тем самым военно-экономический потенциал сражавшейся страны и ускорить завоевание долгожданной Победы. Специалисты знают, например, как напряженно работает паровая турбина. До 2 тыс. оборотов в минуту вращается вал (нередко 50-тонный). И вот на одной из электростанций отступавшие гитлеровцы искорежили почти всю 50-тонную турбину. Разрезали вал, разрезали корпус. Она неизбежно должна была лопнуть. Но инженеры-восстановители, опираясь на поддержку ГКО, правительства, местных партийных и советских органов, разработали оригинальную технологию, сварили корпус, сварили три части вала и турбина заработала. Только лет 5-7 назад она была заменена. А так - все время действовала!

И ведь не случайно уже в первые годы восстановления темпы прироста промышленных мощностей были у нас не 5 и не 7%, как сейчас, а 20 и 30%. Во всем этом немалая заслуга принадлежит центральным руководящим органам страны и прежде всего ГКО.

Г. А. Куманев: А как взаимодействовали в ходе войны Государственный Комитет Обороны, Совнарком СССР и наркоматы, осуществляя руководство экономикой Советского государства?

М. Г. Первухин: С полной ответственностью утверждаю, что в той суровой военной обстановке высшие государственные органы в целом функционировали довольно четко и слаженно. Это хорошо видно при рассмотрении деятельности народных комиссариатов. Если в довоенное время (что наблюдается у нас и сейчас) один из руководителей наркомата ссылался на другого («я, мол, тебе сделать не могу, мне трудно, у меня нет мощностей, обратись в другой наркомат» и т. п.), то в годы войны такого практически не было. Ставился, например, вопрос: моему наркомату нужен такой-то металл, такой- то прокат. Так каждый наркомат старался, как эту задачу решить. А уж особенно, если выходило постановление Государственного Комитета Обороны, правительства. В этом случае все делалось, чтобы выполнить его даже с превышением, точно в срок, нередко и досрочно. Это, безусловно, положительный факт в деятельности нашего высшего руководства, нашей промышленности в такой тяжелый период.

Вот еще один эпизод, хотя он имел место уже в самом конце

войны. Для современных бомбардировщиков с ракетными двигателями нужна была жаропрочная сталь. И вот эту сталь поручили плавит заводу «Электросталь» под Москвой. И ничего там поначалу не получалось, один брак. Тогда Сталин вызвал Ивана Федоровича Тевосяна (тот был наркомом черной металлургии СССР) и сказал ему: «Товарищ Тевосян, Ваш завод с важным поручением не справляется, а Вы между прочим специалист по спецсталям (Тевосян раньше работал начальником управления спецстали). Надо бы срочно поправить дело. Справитесь?»

Тевосян ответил: «Поеду на завод, разберусь и Вам доложу, товарищ Сталин». И действительно разобрался. Собрал на заводе всех нужных специалистов, опытных рабочих, посоветовался, проследил весь режим, и в течение очень короткого времени коллектив освоил выплавку этой стали. Сам нарком сидел там на рабочем месте как инженер, и ответственное задание было выполнено.

Такой пример весьма характерен для военных лет.

Г. А. Куманев: У нас в различных изданиях о Великой Отечественной войне утверждается, что в то время функции и права СНК СССР расширились. Непонятно, правда, за счет каких органов? Тем более что с образованием такого высшего чрезвычайного органа страны как Государственный Комитет Обороны как раз к нему и перешли важнейшие государственные и правительственные функции. Каково Ваше мнение на этот счет, Михаил Георгиевич? Можно ли утверждать о расширении властных функций правительства в те годы?

М. Г. Первухин: Я думаю, что нет. Наоборот, вся власть была сосредоточена в руках Государственного Комитета Обороны: и военная, и гражданская.

Г. А. Куманев: Но ведь было постановление о расщирении прав наркомов?

М. Г. Первухин: Да, оно было, потому что нужда заставила, чтобы наркомы на месте решали ряд неотложных оперативных вопросов.

Г. А. Куманев: Возможно, они решали эти вопросы уже как уполномоченные ГКО?

М. Г. Первухин: Нет, нет. Они решали их официально именно как наркомы. Им предоставлялось право, например, начать какую- то стройку. В мирное время, если надо было организовать какое-то строительство выше определенной стоимости, требовалось решение Совнаркома. Теперь это делалось более самостоятельно, хотя докладывалось правительству о таком решении наркома.

Так что права Совнаркома СССР официально не были расширены, но наркомам, повторяю, было дано право принимать самостоятельные решения во исполнение тех общих директив, которые они получали сверху. Например, спускалось задание - организовать там- то производство танков в таком-то количестве, и Вячеслав Александрович Малышев как нарком танковой промышленности СССР сам

решал, где это делать, как делать и т. п. Ему такое право было дано. Как и другим наркомам.

Г. А. Куманев: А в отношении республиканских народных комиссариатов? Их права все-таки как-то расширились? Или они только выполняли директивы сверху?

М, Г. Первухин: Я думаю, они сами эти права взяли себе, несколько расширили. Вот перебазируется завод. Отсюда, из Москвы, разве можно было по пути его следования все предусмотреть? Конечно, нет. Поэтому многие вопросы, связанные с размещением эвако- заводов, их обеспечением местным сырьем, топливом и ряд других проблем решали республиканские наркоматы. Что же касается официального предоставления им расширенных прав, - такого решения я не помню. Наркоматы и наркомы многие вопросы решали самостоятельно, не дожидаясь каких-то особых указаний и директив. Если это, конечно, не противоречило общей задаче. Откровенно говоря местничества в военное время было гораздо меньше, чем сейчас.

Г. А. Куманев: Как был создан Наркомат химической промышленности СССР и когда конкретно состоялось Ваше назначение его наркомом? И еще один вопрос: что стало с Вашим предшественником на этом посту Михаилом Федоровичем Денисовым?

М. Г. Первухин: Начну свой ответ с небольшой истории создания Наркомхимпрома СССР. В годы довоенных пятилеток в результате капитального строительства индустриализация СССР достигла такого уровня, что управлять многоотраслевой промышленностью из одного Наркомата тяжелой промышленности стало просто невозможно. Именно поэтому в январе 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР этот «громоздкий» наркомат был разделен на шесть самостоятельных наркоматов. В соответствии с этим указом был организован и Народный комиссариат химической промышленности СССР. Его первым наркомом назначили совершенно молодого инженера, военного химика Михаила Денисова. Другой подходящей кандидатуры на этот пост тогда не было. Может быть, она и была, но, как говорится, на глаза не попалась. Когда было мирное время, Михаил Федорович Денисов со своей должностью в целом справлялся, и все шло более или менее нормально. Когда же началась Великая Отечественная война и наши химическая Промышленность основательно пострадала, он растерялся. Денисов просто не имел необходимого опыта, не был, так сказать, заводским человеком...

И вот мне не по своей воле пришлось вплотную заняться химической промышленностью. Я хорошо помню ночь с 25 на 26 февраля 1942 г. Поздно ночью, как тогда было принято, я продолжал работать в своем кабинете, в Кремле. Вдруг раздался телефонный звонок. Это был Александр Николаевич Поскребышев. Он сказал: «Позвоните товарищу Сталину». Я набрал нужный номер, поздоровался и в ответ

услышал спокойный, хорошо знакомый голос вождя: «Политбюро ЦК решило назначить Вас, товарищ Первухин, по совместительству наркомом химической промышленности».

Выслушав это неожиданное для меня сообщение, я ответил: «Как инженер-электрик, товарищ Сталин, я слабо знаю химию и, откровенно говоря, не очень-то ее люблю». (Вот такое было несколько наивное заявление.)

В ответ Сталин заявил: «Вы знаете, какое тяжелое положение сложилось в химической промышленности в связи с разрушением и эвакуацией большинства южных химических заводов. Необходимо поставить Вас во главе этой отрасли, чтобы поскорее выправить создавшееся положение. Что же касается нелюбви к химии, то настоящий большевик-коммунист скоро изучит и полюбит порученное ему партией дело».

Мне оставалось только поблагодарить Центральный Комитет за высокое доверие и обещать оправдать его.

Сталин спросил: «А что делать с Денисовым?» Отвечаю: «Оставьте, пожалуйста, моим заместителем». (Я ведь Михаила Федоровича неплохо знал, человек он был добросовестный и честный.) Председатель ГКО с этим согласился. И в ту же ночь на проходившем в Кремле заседании (Сталин звонил мне оттуда) моя кандидатура была одобрена, а затем сразу же вышел Указ Президиума Верховного Совета ' СССР о моем назначении наркомом. Я туг же поехал в Наркомат химической промышленности СССР, собрал коллегию, руководящий состав, объявил им обо всем. И мы условились, по каким направлениям нам следует срочно разработать действенные меры, чтобы поскорее поднять разрушенную отрасль нашей индустрии. ;

А положение в химической промышленности к этому времени, т. е. к концу февраля 1942 г. было действительно весьма тяжелым. Захват противником важнейших промышленных районов страны, привел к потере и крупных производственных мощностей химической индустрии, к резкому сокращению выпуска химических продуктов и материалов. В первый год Отечественной войны мы потеряли до 80% мощностей по производству серной кислоты, около половины — по производству аммиака, более 83% — кальцинирован- • ной соды, свыше 60% — красителей. У нас осталось только 30,: максимум 40% мощностей химических заводов, которые вырабатывали необходимое сырье для производства порохов и боеприпасов. То есть производство порохов и боеприпасов было поставлено под удар. И если бы Государственный Комитет Обороны не принял эффективных мер к тому, чтобы на востоке страны быстро расширить за счет перебазированных предприятий действующие заводы,, нашей армии было бы несравнимо тяжелее воевать. К счастью, работники химической промышленности с полной ответственностью к призыву Государственного Комитета Обороны, нашей партии и в течение 1942 г. (хотя летом и осенью пришлось снова заниматься

эвакуацией) мы не только достигли довоенного уровня производства южных химических заводов, но и превзошли его.

Что касается дальнейшей судьбы Михаила Федоровича Денисова, то он до 1950 г., т. е. до моего ухода с поста наркома (тогда уже министра) работал моим заместителем и работал неплохо. Потом он возглавлял главк, затем ушел на пенсию. Скончался два года назад.

Г. А. Куманев: Каким же путем, Михаил Георгиевич, выходили во время войны из положения с порохами?

М ***Г. Первухин:*** Прежде всего запасы пороха имелись в моблре- зерве. И на первое время этого было достаточно. Кроме южных заводов мы имели большой завод в Горьковской области и большой завод в Молотове (Перми). Так что на этом мы вначале держались.

Положение было бы несравнимо лучше, если бы мы успели реализовать принятое буквально накануне войны правительственное постановление о развертывании в Советском Союзе пороховой промышленности во втором полугодии 1941 г. и в 1942 г. Насколько помню, в нем намечалось до конца 1942 г. построить ряд предприятий этой важной оборонной отрасли, включая 10 заводов по производству баллиститных порохов. Но из-за начавшейся фашистской агрессии эти планы не были тогда осуществлены. Но все же во время войны удалось ввести в эксплуатацию три завода по выпуску баллиститных порохов и один — пироксилиновых порохов. Это позволило увеличить производственную мощность нашей пороховой промышленности в течение военных лет в 1,5 раза, особенно по пироксилиновым и баллиститным порохам.

Г. А. Куманев: Много ли мы получили порохов по ленд-лизу? Кое-где я встречал утверждение, что эти военно-экономические поставки из США, Великобритании и Канады тоже во многом решили в нашу пользу исход вооруженной борьбы на советско- германском фронте.

М. Г. Первухин: Подобные оценки — большое преувеличение. Об этом говорят, например, такие данные: за военные годы в СССР было изготовлено около 400 тыс. тонн порохов всех типов. Импортных же порохов мы получили чуть больше 86 тыс. тонн, или около 17% от нашего производства. Это были в основном так называемые «кордитные пороха ОД», которые благодаря смекалке наших ученых изобретателей нашли широкое применение в зарядах к нашим 120-мм полковым минометам.

Так что и за эту помощь западных союзников СССР мы им, конечно, благодарны.

Г. А. Куманев: А не удалось ли эвакуировать из г. Шостки завод по производству пороха?

М. Г. Первухин: Своим вопросом Вы напомнили, Георгий Александрович, что был еще пороховой завод в Шостке, который сильно пострадал в начале войны. Оборудование оттуда сумели вывезти и за счет его расширили мощности родственного завода в Молотове.

Г. А. Куманев: Следующий к Вам вопрос, Михаил Георгиевич, сколько новых предприятий химической промышленности-вступило в строй действующих в годы Великой Отечественной войны?

М. Г. Первухин: С самого начала войны перед отечественной химической индустрией встала задача первостепенного значения - создать в восточных районах СССР новые мощности по выпуску химической продукции, необходимой для нужд фронта. Для этого требовалось в самые сжатые сроки не только обеспечить расширение уже существовавших объектов, но и развернуть в глубоком тылу новое капитальное строительство химических предприятий. Очень важную роль в этом деле сыграло форсированное размещение и восстановление на новых местах оборудования родственных заводов и фабрик, переброшенных сюда из западных районов, которым угрожал наступавший противник. Благодаря широкому перемещению эвакооборудования, а также с учетом продолжавшейся интенсивной военной перестройки нашего народного хозяйства нам удалось уже в 1942 г. восстановить довоенные мощности по производству большей части химических продуктов: аммиачной селитры, олеума, концентрированной соды, крепкой азотной кислоты, формалина, пластических масс и изделий из них.

Всего же за годы войны, насколько я помню, в системе двух родственных наркоматов: химической и резиновой промышленности — было введено в эксплуатацию около 50 новых предприятий.

Г. А. Куманев: А как обстояло дело в военный период с синтетическим каучуком? Нас, школьников той поры, не раз посылали в расположенные рядом колхозы и совхозы Горьковской области на прополку кок-сагыза.

М. Г. Первухин: Синтетический каучук и сейчас не полностью заменяет натуральный каучук во всех изделиях. Например, маска противогаза изготавливается только из натурального каучука. Маски' из синтетического каучука трескаются. Некоторые лаки, резиновый клей тоже производятся из натурального каучука. У нас натурального каучука нет. Кое-что мы закупали в восточных странах. Накануне и особенно во время войны стали внедрять производство каучука из! кок-сагыза и тау-сагыза. Но, к сожалению, промышленного производства этого каучука не получилось. Он получался очень такой засоренный, его весьма трудно было очистить. И если натуральный! каучук всегда желтый, то этот черный. Мы его (т. е. ненатуральный' каучук) всегда использовали только для самых неответственных дел.;

А после войны, когда стало возможным покупать натуральный.' каучук из восточных стран (например, из Индонезии, Цейлона), то! решено было совсем прикрыть эти посевы кок-сагыза и тау-сагыза, а освободившиеся почвы использовать для других культур, в частности, для сахарной свеклы.

Г. А. Куманев: Кого Вы могли бы выделить среди руководителей химической промышленности и ученых-химиков 1941—1945 гг.? >

f

М. Г. Первухин: О Михаиле Федоровиче Денисове я уже говорил. По памяти могу отметить Александра Яковлевича Рябенко. Сейчас он заместитель председателя Госплана СССР. Он был у меня начальником главка. Во время войны работал вначале на Кемеровском заводе главным инженером, а потом в конце войны, кажется, был у меня заместителем. Заместителем наркома являлся и Сергей Михайлович Тихомиров. Он вложил много труда в развитие органической химии.

К сожалению, среди руководителей химической промышленности СССР военных лет немало уже тех, кого нет в живых.

Если обратиться к ученым-химикам, которые особенно плодотворно трудились в период Великой Отечественной войны, то я сразу могу назвать Семена Исааковича Вольфковича. Он проявлял тогда большую активность, академиком еще не был, но являлся директором НИИ удобрений и ядохимикатов. Там были созданы воспламеняющиеся смеси против танков - так называемая «жидкость КС». (Растворенный фосфор — как ударишь, сразу воспламеняется.) Очень много танков повредили и уничтожили этой смесью, залитой в бутылки. Это было весьма действенное оружие. Наш Черноречens- кий азотно-туковый завод имел, фосфорные печи, плавил в них фосфор, получал жидкость КС и заряжал ею бутылки. Вся продукция шла на фронт.

Занимались многими важными оборонными вопросами наши известные ученые-химики академики Сергей Семенович Наметкин, Александр Николаевич Несмеянов, Николай Николаевич Семенов, профессора Александр Дмитриевич Петров, Юсуф Гейдарович Ма- медалиев (будущий президент Академии наук Азербайджанской ССР) и большая армия других исследователей. (Правда, Семенов немного дальше от химической промышленности стоял в отличие, скажем, от Вольфковича или Несмеянова.)

Поскольку я занимался чисто такими оперативными делами, поэтому сталкивался чаще с такими учеными, которые нужны мне были на практике. А как была у них построена система работы, тут больше и конкретнее знает Сергей Васильевич Кафтанов.

Г. А. Куманев: Один из последних вопросов к Вам, дорогой Михаил Георгиевич. Меня интересует Ваша оценка той производственной операции, которая была осуществлена в Советском Союзе в 1941—1942 гг. Мы сегодня этого немного касались. Речь идет об эвакуации или перебазировании производительных сил СССР в первый, наиболее тяжелый период Великой Отечественной войны. Вы с самого ее начала стали заместителем председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, и Вам есть о чем вспомнить и что сказать об этих героических и драматических страницах истории битвы с фашизмом.

М. Г. Первухин: Эвакуация, проведенная в Советском Союзе в первые месяцы войны, является одним из самых выдающихся под

вигов, которые совершил советский народ в Великой Отечественной войне. Эта эпопея, без всякого преувеличения, не знает аналогов в мировой истории, в истории войн.

Причем исключительная сложность ее проведения заключалась в том, что в таких масштабах и в такие короткие сроки эвакуация не предусматривалась и никогда не планировалась. Ведь никто не предполагал, что столь трагическим и с такими громадными потерями и разрушениями окажется для нашего народа, для Красной Армии начало войны в результате вероломного вторжения немецко-фашистских войск на территорию СССР. Что, отступая под натиском превосходящих сил агрессора, нам придется заниматься спасением производительных сил, расположенных в европейской части СССР. А без спасения нашей западной военно-промышленной базы просто невозможно было рассчитывать на достойный отпор врагу и тем более на его последующий сокрушительный разгром.

И каков же итог этого подвига: всего за несколько военных месяцев 1941—1942 гг., нередко под огнем противника, удалось за сотни километров перебросить в тыловые районы страны миллионы наших граждан, оборудование тысяч предприятий, сельскохозяйственные и транспортные ресурсы, стратегические запасы сырья, топлива и другие материальные и культурные ценности. И не только перебросить, но и планомерно разместить весь этот огромный потенциал на новых местах и в кратчайшие сроки подключить его на удовлетворение нужд фронта.

Сейчас, вспоминая о днях эвакуации, можно только восхищаться, как нам удалось в целом весьма успешно решить такую грандиозную, я бы сказал, невероятно трудную задачу.

Как Вы знаете, Георгий Александрович, данной теме посвящена моя статья, которая опубликована в двухтомнике Института истории СССР «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Поэтому, по-видимому, нет необходимости ее пересказывать. Хочу из истории эвакуации остановиться только на некоторых моментах. Итак, для руководства эвакуацией уже 24 июня Политбюро ЦК партии решило учредить Совет по эвакуации во главе с Лазарем Моисеевичем Кагановичем. 16 июля произошла реорганизация Совета, и его председателем был утвержден Николай Михайлович Шверник, а заместителями председателя Алексей Николаевич Косыгин и я. Мне была* поручена подготовка вместе с наркоматами предложений по переба-[1] зированию в тыл предприятий тяжелой промышленности, поскольку, я как заместитель Председателя СНК СССР курировал их. В тот же, день Политбюро ЦК рассмотрело и одобрило вопрос о немедленном; перемещении в тыл предприятий авиационной промышленности. 281 июля было принято решение об организации на Урале и в Сибири новой базы по производству танков. Затем 16 августа состоялось* постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О Военно-хозяй-j ственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам

Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии». В этом плане предусматривалось развертывание военно-промышленной базы на Востоке страны как за счет местных предприятий, так и за счет оборонных предприятий, эвакуируемых из угрожаемых районов страны.

Мне пришлось участвовать в работе правительственной комиссии, которая подвела итоги выполнения того, что содержалось в указанном плане. У меня сохранились следующие интересные данные из материалов той комиссии. Хотя наше военное производство в целом еще не удовлетворяло потребности фронта, в первом полугодии 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. мы выпустили больше танков на 6,4 тыс. штук, орудий — на 23,4 тыс., минометов — на 80,5 тыс., пулеметов - на 2,5 тыс. штук. Особенно много было выпущено пистолетов-пулеметов — на 445,7 тыс. больше. За это же время производство боеприпасов (снарядов, бомб и мин) возросло почти на 3 млн. штук.

Несмотря на весьма значительные результаты, достигнутые при перебазировании производительных сил страны с запада на восток, не все удалось нам спасти от врага. В первые недели и месяцы войны он продвигался довольно быстро и поэтому невозможно было на все сто процентов подготовиться к эвакуации. Приходилось тогда согласно директиве партии и правительства уничтожать на месте очень ценное оборудование, сырье и другие материальные и культурные ценности.

В связи с потерями в области промышленности я хотел бы напомнить о таком факте, как вывод из строя Днепровской гидроэлектростанции. Построенная до войны она считалась жемчужиной советской энергетики.

И вот при приближении немецких частей к Днепру Верховное Главнокомандование вынесло решение немедленно взорвать часть плотины и мостовой переход через нее, чтобы вражеские войска не могли с ходу перейти на левый берег и таким образом продолжить свое наступление.

Мне было поручено организовать это дело и проследить, чтобы взрыв был произведен во время. Как не тяжело мне, энергетику, было принять такое решение, военная обстановка требовала сделать это без колебаний.

Вместе с руководителями наркомата мы наметили, как осуществить намеченное. Прежде всего требовалось помешать противнику перейти на левый берег Днепра. Для этого достаточно было взорвать только верхнюю часть плотины, на что опирается мостовой переход, а все ее остальное тело сохранить, имея в виду, что после разгрома врага мы вернемся и быстро восстановим Днепровскую ГЭС.

Поэтому в верхнем туннеле заложили взрывчатку, обеспечив мешками с песком направленный взрыв. Все было готово. От командующего войсками Юго-Западного фронта маршала Семена Михай-

ловича Буденного прибыл специальный представитель, уточнивший, когда надо произвести взрыв. Причем меня предупредили: его надо сделать во время, когда основные части Красной Армии перейдут на левый берег Днепра, но никак не допустить, чтобы проскочили немецкие танки...

В течение суток через каждый час, максимум через два я связывался с управляющим Днепровской станцией и секретарем Запорожского обкома партии, которые следили за обстановкой и информировали меня, как обстоит дело.

Наступило 18 августа 1941 г. Мы были наготове. Несколько раз я звонил утром и в обед. Никаких немцев нет. Наши части постепенно отходили.

Вечером появились вражеские танки. И тогда без звонка в Москву был произведен взрыв. Хлынула огромная масса воды, смыв немецкие войска и всю их технику. Ниже Днепрогэса оказались разрушенными противником переправы для форсирования реки.

Я позвонил в Москву и доложил Молотову, что взрыв произведен, хотя его исполнители мне лично об этом не сообщили. Он меня стал критиковать. Мол, как же так: Вам поручили такое важное дело, а Вы упустили руководство из рук. Мне было неприятно, ибо получалось, что я вроде не справился со своим заданием.

Вечером, когда я уже находился в Ставке Верховного Главнокомандования, Сталин подошел ко мне и спросил:

— Ну, как, взорвали плотину?

— Взорвали, товарищ Сталин, — ответил я со вздохом.

— Ну, и хорошо. Правильно сделали. Иначе немцы могли бы проскочить со своими танками. А то, что на правом берегу наши какие-то мелкие части остались, ждать их, когда они придут было уже нельзя».

Следует заметить, что этот взрыв помог нам эвакуировать заводы, Запорожья: Запорожский завод ферросплавов, «Запорожсталь», «Днепроспецсталь», Запорожский алюминиевый завод и ряд других предприятий. В течение примерно более месяца мы имели возможность все первоочередное демонтировать, причем демонтировали ценное оборудование практически вручную, ибо многих кранов и механизмом не было. Работа по демонтажу и погрузке эвакогрузов велась преимущественно ночью, т. к. противник интенсивно обстреливал левый берег Днепра.

Вот на такие жертвы нам приходилось идти во время войны. Все, что доводилось уничтожать или разрушать при отступлении, мы, естественно, относили на счет агрессора. Ну а когда в 1943 г. из Приднестровья отступали гитлеровцы, они нанесли нам здесь громадный урон: взорвали тело плотины, сильно повредили здание машинного зала и затопили его. Поэтому нашему народу и руководству пришлось приложить огромные усилия, вложить огромные средства, і чтобы восстановить Днепрогэс, которая носит имя В. И. Ленина.;

Возрожденная станция давно уже в строю, достойно работает, мне известно, что сейчас сооружается ее вторая часть и предусмотрено удвоить мощность ГЭС.

Г. А. Куманев: Как функционировал Совет по эвакуации, велись ли на его заседаниях протоколы, которые пока я так и не обнаружил ни в одном из архивов? Или все его дела оформлялись только в виде решений и распоряжений, как это делалось на заседаниях Государственного Комитета Обороны, даже без заранее объявленной повестки дня?

М. Г. Первухин: Работа Совета по эвакуации проходила оперативно, каких-то продолжительных заседаний не было. Повестка дня подготавливалась Секретариатом Совета по эвакуации во главе с Лаврентием Ивановичем Погребным, который пришел в Совет вместе с Николаем Михайловичем Шверником из ВЦСПС. Он вел протоколы, но я их не читал. Можно у него поинтересоваться. Лаврентий Иванович жив и здоров, насколько я знаю.

Вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях, готовились заранее. Их имел Шверник. Рассматривали поступавшие предложения о срочном перебазировании в тыловые районы промышленных объектов, сельскохозяйственных ресурсов, различных учреждений культуры и на-, уки, но, конечно, в первую очередь и прежде всего людских контингентов... На места следования и в конечные пункты прибытия транспортов с эвакогрузами Совет по эвакуации. направлял своих уполномоченных. Чаще всего из числа заместителей наркома того или иного народного комиссариата. Каждый из уполномоченных по возвращейии из командировки докладывал на заседании Совета по эвакуации, что ему удалось сделать, а что не удалось, и по какой причине. Иногда по ходу дела в Совет вызывались уполномоченные по тем или иным регионам, если там обстановка с перемещением производительных сил складывалась неблагоприятной. В таких случаях вместе с ними и представителями наркоматов мы разрабатывали конкретные предложения, проекты постановлений ГКО или Совнаркома СССР (в зависимости от предприятия или района) и вносили их на утверждение.

Хочу заметить, что с Николаем Михайловичем Шверником было легко и просто работать. Всегда спокойный, рассудительный, по- товарищески простой он располагал к себе. Умел разобраться в сложной или запутанной ситуации, которая зачастую возникала во время перебазирования. В самые тяжелые первые месяцы войны Николай Михайлович никогда не терял духа и уверенности, что все трудности будут преодолены и победа обязательно придет.

Г. А. Куманев: Очень хотелось бы узнать Ваше мнение, Михаил Георгиевич, относительно цифровых данных по итогам эвакуации промышленности, введенных в научный оборот и используемых в ряде изданий по истории Великой Отечественной войны. Сейчас, например, официально считается, что из угрожаемых районов в

тыловые районы было перебазировано 1523 предприятия. Эти сведе- ния впервые обнародованы во 2-м томе шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945».

Но ведь это очень сильно заниженные цифры и вот почему. Необходимо иметь в виду, что до войны на территории СССР, временно оккупированной противником в 1941—1942 гг., находилось, по данным известной книги Вознесенского, 31850 заводов, фабрик и других промышленных предприятий, не считая мелких предприятий и мастерских. И если советским людям из этого числа промышленных объектов удалось эвакуировать лишь 1523, то куда подевались более 30,3 тыс. предприятий? Оставили врагу или взорвали, разрушили? Вообще возможно ли было в таком случае, именно при таких размерах потерь осуществить успешную военную перестройку нашей индустрии и развернуть на Востоке страны вторую оборонную базу по массовому производству продукции, необходимой для фронта?

Для того чтобы разобраться во всем этом, видимо следует предпринять дополнительные поиски и новые подсчеты.

М ***Г. Первухин:*** Безусловно.

Г. А. Куманев: Лично мне думается, что большая неточность в подсчетах эвакуированных предприятий связана с наличием при перебазировании производительных сил огромного количества так называемых бездокументных грузов. Ведь значительное число промышленных объектов действовало, как говорится, до последнего часа, давая продукцию, так необходимую фронту, действующей армии.

Поэтому распоряжения об их срочном перемещении в тыл давались зачастую из центра по ВЧ или даже местными органами в устном плане. В таких условиях просто невозможно было производить описи эвакооборудования и материальных ценностей, составлять акты объектов, подлежащих вывозу на Восток, скреплять эти документы подписями, печатями и т. п. Вот почему считаю, что к итоговым данным по эвакуации промышленного оборудования следует относиться достаточно критически, ибо они так или иначе не учитывают перемещений в восточные районы огромного количества бездокументных грузов и таким образом принижают этот выдающийся трудовой подвиг советского народа.

М. Г. Первухин: Ваши замечания о слишком заниженном официальной статистикой общем количестве перебазированных предприятий мне представляются интересными, заслуживающими внимания. Действительно, бездокументные грузы во время эвакуации составляли большой процент. И учесть их при подведении ее итогов было крайне сложной задачей. А сейчас, почти через четверть века, сделать это еще труднее. Ведь фактически никаких сопроводительных документов они не имели. Но все же надо попытаться все эти цифры уточнить. Мне кажется, в первую очередь необходимо тщательно

изучить и использовать в местных архивах, включая архивы промышленных предприятий, статистику, документы военных лет по интересующему нас вопросу (если, конечно, они сохранились) и определить, какое же конкретно оборудование, в каком количестве поступило в тыловые районы из западной зоны и где оно, в каком количестве, на каких родственных заводах и фабриках было размещено и установлено во время войны.

Г. А. Куманев: А из каких регионов страны, по Вашему мнению, эвакуация прошла менее успешно. Имеется, к примеру сообщение наркома черной металлургии СССР товарища Тевосяна на имя И. В. Сталина, направленное в октябре 1941 г., в котором говорится, что эвакуация предприятий черной металлургии из Донбасса фактически оказалась сорванной.

М. Г. Первухин: Мне кажется, мы мало вывезли в результате быстрого наступления врага и из Белоруссии, хотя там промышленных предприятий не так уж много и было. То же получилось и на Правобережной Украине, где все-таки не успели многое подготовить и вывезти. С Левобережной Украины перебросили на Восток гораздо больше промышленного оборудования и других материальных ценностей, в том числе очень важных. Например, на заводе «Запорож- сталь» был первый в Советском Союзе прокатный стан холодного листа. Его пустили в действие за 2-3 года до войны. Этот лист идет для производства автомобилей, минометов, гильз снарядов. И вот такой уникальный стан нам удалось вывезти вместе с электропечами.

Г. А. Куманев: А насколько успешной была эвакуация химических предприятий.

М. Г. Первухин: Большую часть химических объектов мы вывезли. Всего в 1941—1942 гг. мы перебазировали в тыл 34 крупных предприятия химической индустрии. Среди них могу назвать такие заводы, как Днепродзержинский, Лисичанский, Горловский. Это азотно-туковые заводы, затем Донецкий и Славянский содовые заводы, Рубежанский химический комбинат, Константиновский химический завод и многие другие.

Г, А,, Куманев: Мой последний вопрос, дорогой Михаил Георгиевич: когда Вы познакомились с Маршалом Советского Союза Жуковым и какова Ваша общая его оценка как полководца и человека?

М. Г. Первухин: С Георгием Константиновичем Жуковым я познакомился незадолго до войны, когда он, будучи генералом армии, был назначен начальником Генерального штаба Красной Армии. Изучив положение дел в наших Вооруженных Силах, Жуков, в частности, обнаружил, что половина числящихся там автомашин находится на приколе, потому что нет автомобильных покрышек. И тогда вместе с наркомом обороны Маршалом Советского Союза Семеном Константиновичем Тимошенко он поставил перед правительством вопрос о выделении войскам необходимого количества автопокрышек. Поскольку такого количества автопокрышек про

мышленность дать не могла, мне было поручено вместе с начальником Генштаба подготовить проект решения о разбронировании их из государственных резервов.

К сожалению, это было сделано только за месяц до начала войны и поэтому не все, что удалось разбронировать, руководство Наркомата обороны СССР успело использовать для нашей армии.

На меня Георгий Константинович произвел большое впечатление своей эрудицией, конкретностью и боевым духом. Как известно, его незаурядный полководческий талант развернулся во время Великой Отечественной войны. Было вполне оправдано и ясно, почему Сталин направлял Жукова на самые опасные и критические участки фронта. Вы знаете, что Георгий Константинович стал командовать войсками Ленинградского фронта, когда у стен Ленинграда сложилась чрезвычайно тяжелая обстановка. В тот день я встретился с ним в приемной у Сталина. Он тепло поздоровался и прошел в кабинет вождя, потом оттуда вышел Молотов. Я его спросил: «Куда едет Жуков?» Молотов ответил: «Мы его назначили командующим войсками Ленинградского фронта, потому что он настоящий военный. ***Оц*** умеет драться с противником».

Такая характеристика правильно отражала главные достоинства нашего выдающегося военачальника. И действительно, под Ленинградом, находившимся тогда почти в безнадежном положении, он за короткое время сумел сделать очень многое, чтобы город устоял.

Так Жуков действовал всюду, куда его посылала Ставка Верховного Главнокомандования. В годы Великой Отечественной войны Георгий Константинович вырос в первоклассного полководца, не проиграв по существу ни одного сражения. Авторитет маршала в войсках был необычайно велик. О нем говорили: «Где Жуков, там победа». И он по праву занимал и занимает самое высокое место в созвездии наших славных военных деятелей, обеспечивших разгром фашизма.

Хрущев обошелся с Жуковым очень непорядочно, организовав по отношению к нему постыдную кампанию клеветы и очернительства. Но заслуги этого великого полководца перед страной, перед всем миром вытравить невозможно.

Из неопубликованных документов

1. Постановление Государственного Комитета Обороны от 12 февраля 1942 г.

«1. В частичное изменение постановления ГКО от 4 февраля 1942 г. поручить: т. Вознесенскому Н. А. Контроль за выполнением решений ГКО по

производству черных и цветных металлов, нефти, угля и химикатов и подготовку соответствующих вопросов.

т. Берия Л. П. Контроль за выполнением решений ГКО по производству вооружения и боеприпасов и подготовку соответствующих вопросов.

2. Утвердить заместителем члена ГКО т. Вознесенского Н. А. по химической и топливной промышленности т. Первухина М. Г.»*.

Председатель ГКО
И. Сталин

2. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 15 мая 1942 г. «Об обеспечении производства органического стекла по качеству не хуже, чем на самолетах «Томагаук».

«1. Обязать НКХимпром (т. Первухина) восстановить технологический режим и рецептуру органического стекла 1940 г., обеспечив с 20 мая 42 г. выпуск листового органического стекла...

2. Обязать НКХимпром (т. Первухина) произвести лабораторные исследования качеств стекла, применяемого на самолетах «Томагаук», установить рецептуру его и провести в период до 25 июня 42 г. опытно-исследовательские работы в направлении дальнейшего улучшения качеств отечественного органического стекла с тем, чтобы последнее было не хуже стекла, применяемого на самолетах «Томагаук».

Установить премию в размере 100 тыс. руб. за разработку технологии производства органического стекла, отвечающей показателям стекла, применяемого на самолетах «Томагаук».

3. Заводу № 148 НКХП выпустить в июне 73 т органического листового стекла и 1020 комплектов бронекозырьков...»**

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

3. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 6 июня 1942 г. *«О* строительстве на Дорогомиловском химическом заводе им. Фрунзе Наркомхимпрома цеха производства резорцина».

«1. Обязать НКХимпром (т. Первухина):

а) Организовать производство резорцина на Дорогомиловском заводе им. Фрунзе (г. Москва) мощностью 25 тонн в год;

б) закончить строительство и монтаж оборудования цеха производства резорцина к 1 сентября 42 г...»***

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

4. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 8 мая 1943 г. «О плане производства важнейших химикатов для боеприпасов и народного хозяйства на май 1943 года».

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов.**

**** Там же.**

***** Там же.**

И. Т. ПЕРЕСЫПКИН

В начале февраля 1978 г. в сектор истории СССР периода Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР позвонил маршал войск связи Иван Терентьевич Пересыпкин (18.06.1904 - 12.10.1978).

Он обратился ко мне с просьбой помочь в подготовке к печати рукописи его историко-мемуарной книги о деятельности гражданских и военных органов связи СССР в годы Великой Отечественной войны. Речь шла главным образом о ее редактировании, проверке и уточнении некоторых сведений, цифровых данных, об устранении повторов и т. п.

После согласования этого вопроса с директором института академиком А. Л. Нарочницким маршалу был' дан положительный ответ. И уже через несколько дней у нас в секторе состоялась первая встреча с ним. Был обсужден план предстоящей работы по совершенствованию представленного Иваном Терентьевичем рукописного труда. Она не потребовала много времени и примерно через два- три месяца была завершена.

И. Т. Пересыпкин был известным советским военачальником и одним из членов Советского правительства периода Великой Отечественной войны. В 1919 г. он вступил в ряды Красной Армии. Участвовал в Гражданской войне, был политруком и командиром отдельного эскадрона связи 1-й кавалерийской дивизии, затем военным комиссаром Научно-исследовательского института связи РККА, а с мая 1939 г. по июль 1944 г. — наркомом связи СССР. Одновременно с июля 1941 г. Иван Терентьевич являлся заместителем народного комиссара обороны СССР и начальником Главного управления связи Красной Армии, показав себя талантливым и умелым военным руководителем. Занимая в дни войны эти высокие должности, он сумел обеспечить устойчивую связь внутри страны, между фронтом и тылом и, что было не менее важно — Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба с войсками Красной Армии. Как нарком связи СССР он немало сделал и в области производства средств связи.

Видный советский военачальник Герой Советского Союза, генерал армии С. П. Иванов, хорошо знавший начальника Главного управления связи Красной Армии, так отозвался о деятельности своего фронтового друга: «Нельзя было не удивляться неутомимости Ивана Терентьевича, его уверенности в достижении цели. Физическая усталость нисколько не сказывалась на уравновешенности И. Т. Пересыпкина, неудачи не только не приводили его в

«...2. Обязать НКХГТ (т. Первухина) поставить НКБ в мае 1943 г. для производства боеприпасов (в тоннах):

Аммиак	**1700**	**Деметиланимин**	**100**
Азотная кислота крепкая	**19000**	**Централ ит**	**70**
Аммиачная селитра (в т. ч. за счет остатков на заводах НКХП)	**3000**	**Дибутил фталет**	**40**
Калиевая селитра	**600**	**Нашатырь**	**300**
Натриевая селитра	**70**	**Бертолетовая соль**	**250**
Дифениламин	**75**	**Пикриновая кислота**	**150**
		Динитронафталин	**340**

...4. Обязать НКХП (т. Первухина) и НКЛес (т. Салтыкова) поставить в мае 1943 г. НКБ 150 тонн уротропина, из них НКХП — 100 тонн, НКЛес СССР - 50 тонн...»

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

Там же.

отчаянье, а, наоборот, вызывали новый прилив энергии. И, казалось бы, неразрешимые задачи решались и решались умело, в короткие сроки. Именно тогда я понял, насколько велики организаторский талант Ивана Терентьевича, его эрудиция в области техники связи. Он не гнушался никакой работой, если она хоть как-то приближала победу над врагом.

Большой опыт и знания позволяли И. Т. Пересыпкину все задачи решать умело и в короткие сроки. Например, под его непосредствен-, ным руководством в ходе Московской битвы всего за пять дней был создан запасной узел связи Ставки, обеспечивавший связь со всеми фронтами и основными промышленными центрами страны.

И в последующем И. Т. Пересыпкин направлялся Ставкой Верховного Главнокомандования (ВГК) именно туда, где происходили главные события и организация связи требовала его личного вмешательства. Так, во время Курской битвы по инициативе Ивана Терентьевича был создан дополнительный мощный узел связи, который позволял командованию участвовавших в операции фронтов иметь надежную связь между собой, а также с Генеральным штабом и Ставкой ВГК.

В 1944 г. И. Т. Пересыпкину — первому среди воинов-связистов было присвоено только что учрежденное воинское звание маршала войск связи.

После Великой Отечественной войны он работал начальником связи Сухопутных войск Вооруженных Сил СССР, а к моменту нашей памятной встречи являлся инспектором в группе генеральных инспекторов Министерства Обороны СССР. И. Т. Пересыпкин проделал значительную работу по обобщению и популяризации боевого' опыта воинов-связистов. Он подготовил и опубликовал ряд книг,, такие как: «... А в бою еще важней», «Военная радиосвязь», «Связь! в Великой Отечественной войне», «Радио - могучее средство обороны страны», много статей, которые и по сей день не потеряли своей! актуальности. ,

Уже во время того первого знакомства маршала с коллективом' сектора мы немного поговорили с ним на военно-исторические! темы, в первую очередь о Великой Отечественной войне. Наш гость! оказался весьма эрудированным и интересным собеседником. Он! прекрасно помнил о многих событиях и сразу расположил к себе! простотой и скромностью в обращении, откровенностью в оценках; ряда лиц и даже некоторых острых проблем, а также каким-то особым мягким юмором... ;

По нашей просьбе в канун 60-летия Советских Вооруженных Сил маршал Пересыпкин выступил на заседании Ученого совета Института истории СССР АН СССР, а месяц спустя перед сотрудниками сектора истории СССР периода Великой Отечественной; войны. Тогда же мне удалось получить у него согласие ответить на; некоторые особенно интересовавшие меня вопросы. И апреля 1978 г.’

Иван Терентьевич специально для этого снова приехал в институт, где в помещении сектора между нами состоялась довольно продолжительная беседа.

Ниже публикуются материалы из магнитофонной записи этой беседы.

Беседа профессора Г. А. Куманева с наркомом связи СССР и начальником Главного управления связи Красной Армии военных лет маршалом войск связи И. Т. Пересыпкиным

(Из магнитофонной записи)

11 апреля 1978 г.
Институт истории СССР АН СССР, г. Москва

Г. А. Куманев: Разрешите сердечно приветствовать Вас, дорогой Иван Терентьевич, и выразить Вам большую признательность за согласие снова встретиться и ответить на интересующие меня вопросы. Их, конечно, много, и я постараюсь выделить только наиболее важные, чтобы не утомить Вам и не слишком затянуть нашу беседу.

И. Т. Пересыпкин: Я Вас тоже от всей души приветствую. Мне доставляет большое удовольствие опять оказаться в вашем институте. О недавних встречах с Ученым советом и коллективом сектора истории Великой Отечественной войны у меня, прямо скажу, сложились самые приятные впечатления. Не думаю, что сегодняшняя беседа кого-то из нас может утомить. Все ведь от нас зависит. Если, действительно, слишком разговоримся и устанем, то ведь никто не помешает нам сразу принять соответствующие меры (смеется).

Итак, что Вас в первую очередь интересует, Георгий Александрович, с какого вопроса начнем наш разговор?

Г. А. Куманев: Мой первый вопрос: как Вы стали народным комиссаром связи СССР, каким образом это произошло?

И. Т. Пересыпкин: В мае 1937 г. я окончил командный факультет Военной электротехнической академии Красной Армии и был назначен военным комиссаром Научно-исследовательского института связи Красной Армии. Не успел я как следует вникнуть в эту работу, как получил новое назначение — на должность военного комиссара Управления связи Красной армии, это случилось 7 января 1938 г. Одновременно приказом наркома обороны СССР Ворошилова мне было присвоено воинское звание полковника. .

Начальником Управления связи являлся опытный командир и заслуженный связист комдив Найденов. Человек он был очень скромный и душевный. Его заместителем работал дивинженер Русанов, а

боевую подготовку войск связи возглавлял комбриг Булычев. Словом, в управлении подобрался очень хороший коллектив, и в нем интересно было работать. Это позволило мне масштабнее посмотреть, что из себя представляет военная связь, войска связи и соприкасаться с органом общегосударственной связи, т. е. с Наркоматом связи.

Но все же дела в Управлении связи оставляли желать лучшего. Узлы связи строились медленно, войска не обеспечивались кадрами, испытывали острую нехватку в средствах связи и т. д. В целом нерешенных вопросов было немало.

В феврале того же года я был вызван к наркому обороны с докладом о положении дел в управлении. В конце моего доклада Ворошилов вдруг спросил меня:

— А как Вы бы посмотрели на предложение занять пост начальника Управления связи Красной Армии?

Хотя этого вопроса я никак не ожидал, тем не менее, сразу же решительно отказался, сославшись на то, что не имею достаточного практического опыта, необходимой подготовки и т. п.

При этом я заметил, что пришел к наркому обороны просить определенной поддержки в работе, а не для того, чтобы был снят с должности нынешний начальник управления связи, которого мы все уважаем.

Климент Ефремович отнесся к моему отказу и этим словам довольно спокойно и попросил дежурного адъютанта пригласить к нему в кабинет начальника Генерального штаба Бориса Михайловича Шапошникова.

Кабинет Шапошникова находился рядом, поэтому он пришел буквально через какую-то минуту.

Ворошилов его спрашивает:

— Борис Михайлович, если мы назначим товарища Пересыпкина начальником Управления связи, это будет лучше или хуже?

Через небольшую паузу Шапошников ответил:

— Думаю, что будет лучше, товарищ нарком.

— Вот видите, — сказал мне Ворошилов, — и товарищ Шапошников поддерживает мое предложение. О Вашей оперативной подготовке мы знаем. У нас операторов много, а технически грамотных связистов мало. Поэтому мы и предложили Вам возглавить Управление связи.

Но я снова повторил свои контрдоводы и чтобы как-то выйти из положения предложил назначить меня заместителем начальника управления.

После некоторого раздумья Ворошилов со мной согласился, и через несколько дней мое новое назначение — первым заместителем начальника Управления связи состоялось. Но работать в этой долж-* ности мне так и не довелось.

Прежде чем приступить к выполнению новых обязанностей, ***я***

решил уйти в очередной отпуск. Получил путевку на юг, купил билет и в этот же день, находясь дома, стал собираться в дорогу.

В это время раздался телефонный звонок. Беру трубку. Звонили из ЦК партии.

— Вы действительно собираетесь уехать в отпуск?

— Да, — отвечаю, — путевка и билет в кармане.

— Нет, Вам следует немного повременить. Ждите вызова к нам.

Через несколько дней я был приглашен в Управление кадров ЦК партии, где прошел собеседование по довольно широкому кругу вопросов. В конце собеседования меня попросили заполнить несколько анкет и написать автобиографию.

Я терялся в догадках: в чем дело? Для чего все эти беседы на таком уровне? Пришел к выводу, что очевидно речь идет о каком- то новом назначении. И я не ошибся.

9 мая 1939 г. в 10 часов вечера, когда я еще находился на работе, раздался звонок правительственного телефона. Человек, не назвавший себя (позднее я узнал, что это был помощник Сталина Поскребышев), но спросивший меня, кто у телефона, сказал:

— Вам, товарищ Пересыпкин, нужно сейчас же приехать в Кремль к товарищу Сталину.

При этом он поинтересовался, имеется ли в моем распоряжении автомашина и есть ли пропуск в Кремль. Получив утвердительный ответ, позвонивший мне повесил трубку.

Г. А. Куманев: Вам приходилось раньше встречаться со Сталиным, видеть его вблизи?

И. Л ***Пересыпкин:*** Как говорится, и да, и нет. В Москве после окончания академии я работал около двух лет и за это время видел Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), когда подводились итоги боевых действий в районе озера Хасан, на совещании в ЦК с танкистами, которые вернулись из Испании, где принимали участие в оказании помощи республиканскому правительству. Кроме того, я видел Сталина на парадах и приемах, но непосредственно встречаться с ним мне еще не приходилось. Так что, направляясь в Кремль по личному приглашению вождя, я, конечно, основательно волновался.

На служебной автомашине ЗИС-101 я быстро доехал до Кремля и через Боровицкие ворота попал на Ивановскую площадь. При въезде у меня проверили документы и показали, как пройти к И. В. Сталину.

Войдя в указанный подъезд и поднявшись на лифте, я оказался в небольшом вестибюле. Там мне показали, куда идти дальше. В коридоре стояла абсолютная тишина. Я обратил внимание, что на всех дверях отсутствовали таблички с указаниями имен сотрудников, работавших в этих кабинетах. Постучал в первую попавшуюся дверь. Ее открыл уже немолодой человек с необычно красным лицом. Это был помощник Сталина Александр Николаевич Поскребышев. Он предложил мне сесть и, попросив обождать, куда-то вышел.

Вскоре Поскребышев вернулся, проводил меня в соседнюю комнату и, указав на большую дверь, медленно и как-то торжественно произнес:

— Идите, Вас ждет товарищ Сталин.

Открыв дверь, я оказался в ярко освещенном кабинете вождя. Его письменный стол находился в правом дальнем углу. Слева от входа стоял ничем не покрытый длинный стол, за которым позднее не раз мне приходилось сидеть с другими приглашенными во время различных заседаний.

На Сталине был легкий светло-серый костюм военного покроя. На ногах — мягкие черные сапоги без каблуков, какие обычно носят горцы на Кавказе. В его левой руке дымилась знаменитая трубка.

Сталин был не один. В его кабинете находился и Молотов, который недавно беседовал со мной. Я сразу представился, со мной поздоровались. Затем Сталин стал прохаживаться и ушел в глубь своего просторного кабинета.

Потом, вернувшись, он вплотную подошел ко мне и, пристально глядя в глаза, неожиданно сказал:

— Мы решили назначить Вас, товарищ Пересыпкин, народным комиссаром связи Союза ССР. Каково Ваше мнение на этот счет?

Я мог, Георгий Александрович, ожидать чего угодно, но только не этого. Я просто оторопел и в первый момент не находил слов для ответа. Потом с большим волнением ответил, что только недавно окончил Военную электротехническую академию и работаю всего около двух лет. А до этого командовал эскадроном связи одной дивизии. Подчеркнул, что совсем не знаком с содержанием столь высокоответственной должности и вряд ли справлюсь с ней, с такой масштабной работой.

— Очень прошу Вас, товарищ Сталин, не назначать меня наркомом связи. Этот пост будет мне не по силам.

Сталин улыбнулся и спросил:

— Вы, оказывается, кавалерист? В какой же дивизии служили?

Я ответил, что служил на Украине в Первой кавалерийской дивизии.

Возвращаясь к основной теме нашей встречи, Сталин сказал:

— Пусть Вас масштаб предстоящей работы не беспокоит. МЫ поможем Вам.

Затем он снял трубку телефона, набрал номер и кому-то сказал:

— Наркомом связи назначаем Пересыпкина. Завтра опубликовать в печати.

Снова повернувшись ко мне, Сталин добавил, чтобы я сейчас же отправлялся в ЦК и там подготовил предложения о составе Коллегии Наркомата связи. Причем мне было дано право включить в коллегию и военных, хорошо знающих связь.

Я выразил сомнение, что нарком обороны охотно отпустит в Наркомат связи своих специалистов.

Сталин снова улыбнулся и заметил:

— Не волнуйтесь, товарищ Пересыпкин, мы попросили товарища Ворошилова отпустить из Наркомата обороны всех, кого Вы назовете.

Так и произошло. В ЦК партии мы работали всю ночь, подготовив проект решения Политбюро о составе Коллегии Наркомата связи СССР. Там я получил и немало дельных советов и обстоятельную информацию о положении в наркомате.

Возвращаясь ранним утром домой, я размышлял, чем же привлекла руководство моя кандидатура. Может быть, не последнюю роль сыграло мое высшее специальное образование и тот факт, что я был военным?

Я также вспомнил, что до меня было несколько наркомов связи (до 1932 г. наркомов почт и телеграфов). И все они, так или иначе (с этой должности были сняты почти все) репрессированы. Это Смирнов, Любович, Антипов, Рыков, из НКВД пришли Ягода, Ха- лепский, Берман. В одно время должность наркома связи замещал и Ярцев, тоже перемещенный из органов внутренних дел. Не случайно, когда я стал наркомом связи, на одном из хозяйственных активов, проводимых мной, один такой отчаянный участник заседания бросил фразу, мол, наркомы приходят и уходят, а связисты остаются...

Итак, когда после ночной работы в ЦК где-то около 6 часов утра я вернулся домой, жена моя не спала, встревоженная моим долгим отсутствием. Мы с ней выпили по бокалу шампанского из бутылки, оставшейся после первомайских праздников. Потом дождались утренних газет и на последней странице газеты «Правда» в разделе «Хроника» прочитали, что Президиум Верховного Совета СССР назначил т. Пересыпкина И. Т. Народным комиссаром связи СССР. Мне было тогда 34 года.

Г. А. Куманев: А когда Вы приступили к новой работе и каков был круг Ваших основных задач?

И. Т. Пересыпкин: К работе в качестве наркома связи я приступил в то же утро 10 мая 1939 г., прибыв к 9 часам утра на Центральный телеграф по улице Горького, 17, где размещался Народный комиссариат связи СССР. Меня никто не встретил и не представил. Предъявив свое удостоверение, я прошел в кабинет наркома, пустовавший около 6 месяцев, и начал входить в курс дела. Один за другим стали заходить начальники управлений с докладами по своим вопросам.

Через несколько дней Совнарком утвердил состав Коллегии Наркомата связи.

Туда вошли: Сергейчук — бывший работник железнодорожного транспорта, военные специалист: Павлюченко, Попов. Заместителями наркома назначили Конюхова, Омельченко, Фортушенко, Алешина. Несмотря на молодость, все они были хорошими специалис

тами, и недостаток опыта руководящей работы возмещали стремлением трудиться инициативно и энергично.

В центре внимания Наркомата связи стояли планы доходов, обмена и развития, которые включались в общий план развития советской экономики. Сюда входили телеграфный обмен, обмен почтовой корреспонденцией, емкости городских телефонных станций, процент телефонизации сельских районов и другие количественные показатели.

Вторым важным направлением, над которым работал Наркомат связи, его Коллегия и управления, были качественные показатели деятельности органов связи. К ним относились оперативность передачи и доставки телеграмм, качество работы радиостанций, телефонной связи и радиотрансляционных узлов, быстрота ликвидации различных аварий и т. п. Большого внимания к себе требовало капитальное строительство связи. Этот план постоянно был весьма напряженным.

Передо мной как наркомом стояла задача повысить общую дисциплину, навести порядок, обеспечить более тесное взаимодействие органов общегосударственной связи с органами управления Вооруженных Сил СССР.

Что было особенно характерно в нашей деятельности в предвоенные годы? Органы связи страны в ту тревожную пору (ведь осенью 1939 г. уже разразилась Вторая мировая война) готовились к тому, чтобы достойно выполнить те задачи, которые возникнут перед нами в боевой обстановке. Какие же важнейшие меры проводились у нас тогда в жизнь? В СССР исторически сложилось так, что проводная связь имела у нас радиальное построение. Что это означало? Линии связи, особенно действующие каналы связи, расходились от Москвы к республиканским и областным центрам, от республиканских и областных центров - к районным, от районных - к сельсоветам, колхозам и совхозам.

Поэтому очень важно было эту систему построения связи как-то изменить. Что получалось? При существовавшей радиальной системе два, к примеру, сельсовета или колхоза, находившиеся буквально рядом, скажем в 5 км друг от друга, могли практически связаться между собой только через Москву. Они могли каждый связаться с районным центром, областным центром, выйдя на Москву, а затем только выйти на другую область, на другой район и тогда только установить связь между собой.

Это было, конечно, крайне неудобно, недостаток, причем до^ вольно существенный, в системе организации общегосударственной связи был налицо.

Поэтому в предвоенные годы начали усиленно строиться соединительные линии между районами разных соседних областей, межДУ сельсоветами, колхозами, между областями республик и т. п. Эта работа не была закончена к началу Великой Отечественной войны.

И, как показал военный опыт, мы не без оснований беспокоились, что радиальная система связи создаст нам немалые помехи. Мы не могли, например, использовать в помощь военным органам сельскую или .районную связь, поскольку у нас не было непрерывных линий.

Второй, имевшийся накануне войны существенный недостаток, — это полное отсутствие междугородних кабельных линий связи. В нашей стране к началу фашистской агрессии против СССР не было ни одного междугороднего кабеля.

И произошел такой случай. Зимой 1939—1940 гг., когда шла советско-финляндская война, был один весьма неприятный инцидент. Тогда стояли жесточайшие морозы. По столбовым воздушным линиям поддерживалась связь с Ленинградом и штабом Северо- Западного фронта. Была телеграфная и телефонная связь. Во время разговора Сталина и командующим фронтом С. К. Тимошенко в телефоне стали прослушиваться какие-то посторонние разговоры. Это явилось результатом того, что сильный мороз действовал на проводах. Ведь когда натягивают провода, учитывают максимальную и минусовую, и плюсовую температуры. Но тогда морозы доходили до -40° и того ниже, провода такую низкую температуру не выдерживали: они сокращались и рвались. Их надо было ремонтировать. Ремонтировали в сильный холод, при тех же морозах и не всегда качественно. А так как там проходил не один провод, не одна телефонная сеть, то стали возможными переходные перемены в переговорах с одной телефонной цепи на другую.

И вот тогда Сталин, конечно, устроил нам разнос. Как полагается, было организовано расследование: почему все-таки такое произошло и как произошло и т. д. Мы доказали, чем все объясняется, и он нам предложил, т. е. Наркомату связи совместно с Госпланом представить предложения. Мы решили использовать такой момент и в подготовительном проекте решения предложили ему проложить междугородний кабель между Москвой и Ленинградом — первый в стране магистральный кабель связи.

Конечно, при этом мы не представляли себе, какие нас ожидают трудности. Ведь пришлось бы копать траншеи в сильные морозы.

Когда все обоснованные предложения были Сталину представлены, он заявил, что это очень дорого стоит и потребует много цветного металла. Поэтому наш проект не был им утвержден. Таким образом, мы в Великую Отечественную войну вступили, не имея магистральных кабелей.

Еще одно обстоятельство, которое отрицательно сказалось в работе органов связи в военное время. Это отсутствие запасных узлов связи. Правда, в Москве были небольшие укрытые станции, довольно примитивные, и их брать в расчет не следовало.

Когда я начал работать в Наркомате связи, мы внесли в правительство предложение и нам специальным постановлением разреши-

ли построить в Москве запасной узел связи. К началу фашистской агрессии он полностью закончен не был. Но мы все же туда аппаратуру внесли, т. к. если бы, не дай Бог, упала бы какая-нибудь крупная бомба на Центральный телеграф, то Москва сразу же лишилась бы всех связей (и телеграфных, и телефонных) со всей страной, по всем направлениям.

Это было самое уязвимое место, и оно постоянно вызывало законную тревогу, буквально не давало спать по мере усиления угрозы фашистского нападения.

К началу войны мы построили здание в глубине на 35 м, недосягаемое для вражеских бомб, т. е. его укрытие было достаточно надежным. К этому узлу были проведены линии связи по линиям метро. Там мы установили несколько передатчиков с антеннами.

Но это был единственный узел, который гарантировал нам, что воздушное нападение противника на средства связи нашей столицы не повлияет на их нормальную работу.

Г. А. Куманев: А какой Вы нашли работу отечественной почты после того, как вступили в должность наркома связи? Существует, Иван Терентьевич, с чьей-то подачи мнение, что накануне военных испытаний ее деятельность во многом оставляла желать лучшего. Утверждается, что всяких перебоев в почтовой связи, в том числе пропаж писем, хищений переводов, посылок и других безобразий* было тогда предостаточно. И только, мол, во время войны удалось более или менее наладить эту работу.

И. Т. Пересыпкин: Все это сильно преувеличено, хотя, конечно, недостатков здесь, как и в каждом большом деле, было немало. С деятельностью Почтамта я стал знакомиться сразу после Центрального телеграфа. Ведь почта является наиболее разветвленной отраслью хозяйства связи и постоянно требовала к себе большого внимания.

Неспециалисту, который поверхностно оценивает деятельность почтовой связи, трудно представить себе ее конкретное содержание и масштабы. Я приведу Вам на память только несколько данных о работе нашей почты, скажем, в довоенном 1940 г. В течение этого года наши почтовые работники (а тогда в стране было более 51 тыс. предприятий почтовой связи) перевезли и доставили около 2,5 млрд. писем и более 6,5 млрд. газет, журналов и других периодических изданий.

Зачастую даже не все связисты задумываются над тем, как ответственна и с какими трудностями сопряжен труд почтовых работников и какой длинный и сложный путь проходит от отправителя до адресата обыкновенное письмо. Но кто и когда подсчитал ежедневные усилия, которые затрачивает почтальон на регулярную и оперативную доставку писем и газет в городах и селах. Я убежден, что такой труд вполне соизмерим с трудом рабочих тяжелой промыШ- ленности.

Что касается периода Великой Отечественной войны, то, конечно, в этой суровой обстановке ответственность почтовых служащих за обеспечение четкой и слаженной работы неизмеримо возросла. В своем подавляющем большинстве они глубоко понимали, что значит для фронтовиков и тех, кто остался в тылу, получить весточку от своих родных и близких и поэтому трудились поистине самоотверженно, выполняя свой патриотический долг перед Родиной.

И если у нас по итогам минувшей войны, кажется, уже кое-где появились памятники не только знаменитым гражданам нашего Отечества, но и представителям некоторых профессий - памятник безымянному танкисту, летчику, шахтеру, врачу, учителю, строителю, то обязательно необходимо соорудить памятник и почтальону.

Гш А. Куманев: Что Вы можете еще сказать о степени готовности наших средств связи на случай войны и как Вы и Ваши коллеги ощущали приближение фашистского нападения? Ведь, как известно, связисты иной раз первыми узнают о многих событиях.

И. Г. ***Пересыпкин:*** Мы хорошо чувствовали неумолимое приближение войны: за несколько дней до 22 июня 1941 г. дипломаты, находившиеся в Москве, никак не могли попасть по телефонным связям в свои страны. Берлин все время тормозил эти связи. Это было примерно в середине июня, и мы вынуждены были доложить в правительство относительно того, что берлинская станция саботирует транзитные связи из Москвы с другими государствами. То заявляли о технически неисправной линии, то еще какие-то причины находили...

Это был дополнительный штрих к тому, что немцы уже хотели изолировать нашу столицу от внешних связей, в том числе и дипломатические представительства в СССР.

Хочу еще раз подчеркнуть: мы пользовались радиосвязью в интересах народного хозяйства, населения буквально по воздушным линиям связи. У нас отсутствовали магистральные кабельные линии, у нас отсутствовала сеть запасных резервных узлов связи на периферии.

Г. А. Куманев: Были, наверное, еще какие-то трудности накануне войны?

И. Т. Пересыпкин: Конечно. Нас не баловали и в области снабжения. В предвоенные годы, начиная с 1937-го, капиталовложения на развитие связи в стране непрерывно снижались. Тут, может быть, были виноваты и мы, потому что средства, которые выделялись на развитие связи, полностью не реализовывались. А для этого имелись свои причины.

Таким образом, мы не получили в предвоенное время скачка в развитии общегосударственной связи. Все это негативно сказалось во время Великой Отечественной войны.

Было еще одно обстоятельство, которое мешало нам. Это, как я уже отметил, неудовлетворительный уровень материально-техниче

ского снабжения. Следует признать, что наша промышленность средств связи была очень маломощной. У нас по сути дела имелся единственный завод «Красная заря», который производил и снабжал нас телефонной аппаратурой всех типов, завод им. Кулакова, который делал телеграфные аппараты СТ-35 и Бодо, т. е. обеспечивал телеграфной связью, и завод им. Коминтерна, который делал мощную радиоаппаратуру. Все они находились в Ленинграде и не удовлетворяли наших даже минимальных потребностей в средствах связи.

Таким образом, к началу фашистской агрессии против Советского Союза из-за недостаточных мощностей нашей промышленности средств связи нам не удалось осуществить намеченную программу перевооружения войск связи всем необходимым. К этому времени Красная Армия имела значительный некомплект средств связи и ограниченные запасы на складах.

Приведу Вам некоторые данные, которые я захватил с собой. На 1 июня 1941 г. войска связи были обеспечены: телеграфными аппаратами Бодо на 69%, СТ-35 - на 35%, Морзе — на 76%, индукторными телефонными аппаратами — на 37%, полевым телеграфным кабелем — на 30%. Не лучше обстояло дело и с обеспечением войск радиоаппаратурой.

Таковы были материальные предпосылки работы нашей связи в 1941-1945 гг., вот в таких условиях мы приближались к грозному военному времени.

Г. А. Куманев: Каким для Вас оказался первый день Великой Отечественной войны, где Вы ее встретили?

И. Т. Пересыпкин: Накануне вероломного фашистского нападения на нашу страну, 19 июня 1941 г. около 10 часов вечера мне позвонил Поскребышев и сообщил, что меня приглашает к себе товарищ Сталин. По какому вопросу меня вызывают, Поскребышев, как обычно, не сказал. Такие вызовы случались довольно часто. И обычно до встречи со Сталиным было невозможно догадаться, с какой целью ты должен прибыть в Кремль.

В кабинете, в котором я бывал уже не раз, Сталин находился один. Он поздоровался со мной, предложил сесть, а сам несколько минут прохаживался, о чем-то размышляя. Сталин показался мне несколько взволнованным.

Подойдя потом ко мне, он остановился и сказал:

— У Вас не все благополучно, товарищ Пересыпкин, со связью и расстановкой кадров в Прибалтийских республиках. Поезжайте туда, разберитесь и наведите порядок.

После этого Сталин повернулся и направился к своему рабочему столу. Из этого я сделал предположение, что разговор, по-видимому, закончен. Но все же несколько минут я стоял, ожидая дополнительных распоряжений. Потом спросил:

— Разрешите идти?

— Идите, — ответил Сталин, не поднимая головы от своих бумаг.

Из Кремля я поехал в Наркомат связи, где со своими заместителями мы наметили ряд сотрудников, которые должны были вместе со мной отправиться в командировку.

Но наша поездка задержалась. На следующий день, в пятницу 20 июня, состоялось заседание правительства, на котором был и я. Председательствовал глава СНК СССР Сталин.

В ходе обсуждения одного из вопросов повестки дня для подготовки проекта решения потребовалось создать комиссию. В ее состав по предложению Сталина был включен и я. Проект решения мы должны были подготовить 21 июня. Отсюда я сделал вывод, что моя поездка в Прибалтику откладывается на два дня.

Во второй половине дня 21 июня комиссия подготовила проект решения и документ был подписан. После этого я побывал в Наркомате связи и часа через два уехал за город.

Был субботний вечер, и мне пришла в голову мысль, что выезжать в Прибалтику надо в конце следующего дня, т. к. в воскресенье все там отдыхают.

Когда же я приехал к себе на дачу, мне вскоре позвонил Поскребышев и сказал, чтобы я срочно по такому-то телефону связался со Сталиным.

Я тут же набрал указанный номер телефона.

— Вы все еще не уехали? — спросил меня Сталин.

Я попытался объяснить, что по его же поручению работал в комиссии по проекту решения... Но он меня перебил:

— Когда же Вы выезжаете?

Я вынужден был поспешно ответить:

— Сегодня вечером.

Сталин положил трубку, а я стал лихорадочно думать, как нам в названный срок выехать из Москвы. Прежде всего связался с НКПС и попросил прицепить наш вагон к поезду Москва-Вильнюс, который отправлялся в 23 часа. Получив согласие, позвонил в Наркомат связи и дал указание, чтобы выделенные для поездки в Прибалтику сотрудники были у нашего вагона за 10-15 минут до отправления поезда.

Но вот все оказались в сборе, никто не опоздал, и наш состав тронулся в путь.

Время было довольно позднее, и мы легли спать. Проснулись, когда поезд стоял уже в Орше. Решили немного подышать свежим воздухом. Но к нашему вагону подошел начальник местной конторы связи, спросил замнаркома связи Омельченко и вручил ему совершенно непонятную по содержанию телеграмму: «Связи изменением обстановки не сочтете ли нужным вернуться в Москву? Пересыпкин».

Самое удивительное, что в правительственной телеграмме стояла моя подпись. Мы терялись в догадках. (Только позднее после приезда в Москву выяснилось, что телеграмму по собственной иници-

ативе отправил мой первый заместитель Константин Яковлевич Сергейчук. Оказавшись «большим конспиратором», он решил не разглашать, что в поезде Москва—Вильнюс едет нарком.)

— Мне ничего не понятно, — сказал я. — Что случилось? Что это за «изменение обстановки»?

Местный начальник связи, доставивший телеграмму, удивился еще больше моему вопросу. Он ответил:

— А разве Вы ничего не знаете? Началась война.

— Уже?! — Только это слово я и смог произнести в тотмомент.

Мы вышли на перрон. В ясном солнечном небе над Оршей высоко кружил, очевидно, германский самолет-разведчик. Я размышлял, как мне поступать дальше: продолжать ли следовать в Вильнюс или возвращаться в Москву.

Из кабинета начальника вокзала я позвонил в Наркомат связи своему заместителю Попову и попросил его срочно переговорить с маршалом Ворошиловым, который тогда курировал наш наркомат, и получить ответ, как мне поступить дальше.

Через несколько минут раздался звонок, и Попов передал мне полученное от Ворошилова указание: «Немедленно возвратиться в Москву».

Мы выехали в столицу во второй половине дня на потрепанной полуторке. Легковых машин в Орше вообще не оказалось. По пути" пересели на другой транспорт, ЗИС-lla. Автомашина по нашему звонку была выслана нам навстречу Смоленским облисполкомом. В Смоленске мы немного задержались. Как и в Орше, ознакомившись с работой местных связистов в условиях начавшейся войны и убедились, что работают они неплохо.

Вскоре нас встретили два черных наркомовских «бьюика», которые были высланы из Москвы. Мы стали двигаться к столице гораздо быстрее. В моей автомашине был радиоприемник (тогда это было редкое явление), и, подъезжая к Москве, я включил его, чтобы послушать наши последние известия. На многих частотах лилась страшная антисоветчина, звучали фашистские бравурные марши, слышались крики «Зиг! Хайль!» и «Хайль! Гитлер!». Гитлеровские радиостанции на русском языке выливали на нашу страну, на советских людей потоки злобной и гнусной клеветы. Враг хвастливо сообщал, что Красная Армия разбита и через несколько дней германские войска будут в Москве. Слушать весь этот берд было невозможно, и я выключил радиоприемник...

Рано утром 23 июня мы подъехали к столице. В Наркомате связи нас ожидало много чрезвычайно важных и сложных дел. Вот так я встретил первый день войны, так она началась для меня.

К этому еще добавлю, что денем 24 июня я был вызван к Сталину. Необычность вызова заключалась в том, чаще всего мне приходилось являться в Кремль в вечернее время или поздно ночью. Сталин подробно расспросил меня о состоянии связи с фронтами,»

республиканскими и областными центрами, поинтересовался относительно неотложных нужд Наркомата связи. Я откровенно доложил ему об увиденном в Орше и Смоленске, об услышанном в эфире по дороге в Москву и о том, что нас особенно беспокоит работа Московского узла. В то время и Наркомат связи, и телеграф, и Центральная международная телефонная станция находились в одном здании по улице Горького. И достаточно было вражеской авиации вывести из строя это здание, как сразу на многих важных направлениях могли бы одновременно нарушиться телеграфная и телефонная связь.

- А что требуется? — спросил Сталин, — и, подвинув ко мне чистые листы бумаги, сказал: «Пишите». Я сел за стол и стал писать, перечисляя все, что требуется в первую очередь. Не забыл при этом попросить правительство помочь нам укрепить в Москве аварийновосстановительную службу и выделить Наркомату связи дополнительное количество автомашин.

Сталин в это время ходил по кабинету, поглядывая на меня. Когда я закончил свою записку, исписав несколько листов писчей бумаги, он быстро их просмотрел и написал резолюцию: «Согласен».

Потом сказал, чтобы я отправился к Чадаеву, и пусть тот «выпускает закон». (Яков Ермолаевич Чадаев в течение всей войны работал управляющим делами Совнаркома СССР. Обладая многими положительными качествами, он не раз оказывал Наркомату связи необходимую помощь и содействие.)

Вскоре Совнарком СССР принял решение о создании в системе нашего наркомата ремонтно-восстановительных частей, которые в ходе Великой Отечественной войны сыграли очень важную роль. В самой столице на Московском узле связи стали действовать три батальона аварийно-восстановительной службы, которые во многом обеспечивали нормальную деятельность важнейших предприятий общегосударственной связи.

Г. А. Куманев: А что потребовалось сделать в первую очередь в эти первые столь тревожные дни военной обстановки? Как, товарищ маршал, проявили себя тогда связисты, какие их дела, какие эпизоды той начальной поры фашистской агрессии Вам особенно запомнились?

И. Т. Пересыпкин: Поскольку с первых дней войны, как и во всех других отраслях народного хозяйства, началась перестройка работы Наркомата связи СССР на военный лад, задачи общегосударственной связи намного усложнились.

Требовалось срочно обеспечить устойчивую связь Ставки Главного Командования Красной Армии, штабов ВВС, войск ПВО и Военно-Морского Флота со всеми фронтами, флотами и военными округами. Резко повысился контроль за состоянием фронтовых связей. Все средства и, прежде всего резервные и запасные узлы были приведены в полную боевую готовность.

Кроме того, в первый же месяц войны своим приказом мы

перевели весь руководящий состав наркомата, предприятий связи Москвы, Ленинграда, областных центров, республиканские и областные управления на казарменное положение. Люди постоянно находились на рабочих местах, в том числе руководящие и инженерно- технические работники, обеспечивая устойчивую связь.

Вас интересует, как проявили себя связисты во фронтовой обстановке в самом начале войны? Охотно приведу несколько характерных примеров.

В последние дня июня 1941 г. в Наркомат связи СССР позвонила дежурная телефонистка междугородной телефонной станции белорусского г. Пинска. Сквозь сильные помехи, срывающимся от волнения голосом она торопливо сообщала:

— Товарищи! Наши войска оставили город. На улицах появились немецкие танки с белыми крестами... Вижу их в окно... Никого из наших начальников нет... Что мне делать?..

Мы посоветовали этой скромной и мужественной телефонистке, которая до последнего часа не оставила свой служебный пост, поскорее уйти из города и присоединиться к своим. Долгое время ее фамилия оставалась неизвестной, и только в 1967 г. по моей просьбе белорусским связистам удалось разыскать Веру Мисковец. Так звали ту пинскую телефонистку.

Это был не единичный случай. В управление связи Ленинградского фронта позвонила дежурная телефонистка станции Вьерица, куда уже ворвались вражеские войска. Она успела сообщить некоторые важные сведения и тоже спрашивала, что ей делать. Ей ответили, чтобы она поскорее уходила со станции, по возможности приведя в негодность аппаратуру...

Много раз в сутки во время Смоленского оборонительного сражения звонил мне из пылающего города начальник Смоленского областного управления связи Павел Митрофанович Кириленко. (Я с ним встречался в первый день войны, когда мы через Смоленск возвращались из Орши в Москву.) Кириленко сообщал по телефону об ожесточенных бомбежках города, о том, как связисты в этих тяжелых условиях с риском для жизни обеспечивают связь, работая до последней возможности на своих постах. Он погиб смертью героя во время одного из налетов гитлеровских стервятников.

В июле 1941 г. при обороне железнодорожной станции Дно отличились связисты 415-го батальона связи 22-го стрелкового корпуса, особенно их командир, заместитель политрука радиороты Мери, а в боях в районе реки Днестр стрелок-радист 132-го бомбардировочного авиаполка 64-й авиадивизии сержант Бражников. За проявленное мужеств и отвагу им первым среди связистов было присвоено звание Героя Советского Союза.

В дни битвы под Москвой беспримерный подвиг совершил сержант гвардейского батальона связи 16-й армии комсомолец Николай Новиков. Во время одного из ожесточенных боев прервалась связь,

й он получил приказание исправить линию. Когда Новиков обнаружил место разрыва, на него напала группа вражеских солдат. Отстреливаясь из автомата и получив смертельное ранение, отважный связист не смог срастить поврежденный кабель. Тогда он зажал его концы в зубах и таким образом восстановил связь...

Только примерно через час наши воины обнаружили окоченевшее тело героя. За этот подвиг он был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Наш известный поэт-фронтовик Алексей Сурков посвятил подвигу Николая Новикова прекрасное стихотворение «Связист». Приведу Вам его по памяти:

Осенний день безветрен был и хмур.
Дрожал от взрывов подмосковный лог.
Связист зажал зубами шнур И за сугроб,
отстреливаясь, лег.
Лишь через час его в снегу нашли,
В больших глазах застыла синева.
Меж мертвых губ по проводу текли Живой
команды твердые слова.
Связист и в смерти не покинул пост,
Венчая подвигом свой бренный труд.
Он был из тех, кто, поднимаясь в рост,
Бессмертие, как города берут.

Таких подвигов наши связисты совершили потом немало.

Из многих важных событий начала Великой Отечественной войны не могу не назвать выступление по радио Председателя ГКО Сталина 3 июля 1941 г. Подготовка его выступления велась самым тщательным образом, и мы к этому имели непосредственное отношение.

Первоначально планировалось, что Сталин выступит в одной из студий Радиокомитета, которые находились тогда в здании Центрального телеграфа. Потом спросили у меня, возможно ли организовать трансляцию его речи прямо из Кремля. Я ответил утвердительно.

После этого мне было поручено обеспечить трансляцию выступления вождя по радио и по московской радиотрансляционной сети.

Связисты в ночь на 3 июля напряженно трудились. В одну из указанных служебных комнат, находившуюся в здании Совнаркома СССР в Кремле, были подведены кабели, микрофоны и т. п. В полную готовность были приведены все радиовещательные станции страны и радиотрансляционная сеть столицы. Все мы очень беспокоились за качество трансляции. Комната, где должен был выступать Сталин, была с высокими деревянными панелями и не отвечала даже минимальным техническим требованиям в отношении акустики. Но ничего не оставалось делать...

В пять часов утра 3 июля мы были на месте с известным совет

ским диктором Юрием Борисовичем Левитаном. Разместились в той самой комнате. В шесть часов утра туда пришел Сталин. На нем бы,- обычный серый костюм военного покроя. Он с нами поздоровался и спросил:

— Ну как, готово?

— Да, все готово, — ответили мы.

Сталин сел за небольшой столик, на котором были установлены микрофоны. Рядом с ними поставили бутылку «Боржоми» и стаканы. Юрий Левитан объявил по радио о предстоящем выступлении Председателя ГКО. Заметно волнуясь, Сталин начал свою речь. Слушали мы его с Левитаном, как и весь советский народ с огромным вниманием. Он не только изложил содержание ставшей известной через много лет Директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., обращенной к партийным и советским организациям прифронтовых областей, но и дополнил и развил ее основные положения. Меня особенно поразило, что в этой речи Сталин достаточно откровенно раскрыл перед народом смертельную опасность, нависшую над страной. Он призвал советских людей отрешиться от беспечности, самоуспокоенности, шапкозакидательства и мобилизовать все свои силы на отпор врагу.

Г. А. Куманев: А как были организованы радиотрансляции торжественного заседания, посвященного XXIV годовщине Великого Октября, и военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г.?

И. Т. Пересыпкин: В начале ноября 1941 г. нам стало известно, что 6 ноября, как и прежде, состоится торжественное заседание, посвященное XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В кабинете у Сталина несколько раз обсуждался вопрос, где лучше всего его провести. В конце концов выбор остановился на станции метро «Маяковская». Но перед тем как принять окончательное решение, туда поздно ночью поехали некоторые члены ГКО, а затем и Сталин. Председатель ГКО и его окружение спустились на эскалаторе, который был специально включен.

Осмотрев зал, где должно было состояться торжественное заседание, Сталин одобрил это предложение. Но наряду с этим он обратил внимание на находившихся там маленьких детей, которые, укрываясь от бомбежек, лежали с матерями прямо на холодном полу.

Сталин повернулся к сопровождавшему его председателю Моссовета Василию Прохоровичу Пронину и строго сказал:

— Куда Вы смотрите? Это же безобразие.

Буквально через несколько дней на всех станциях метрополитена, которые использовались в качестве бомбоубежищ, появились раскладные кроватки и даже матрасики для детей.

После осмотра станции «Маяковская» мне было поручено оборудовать место проведения торжественного заседания и установить усилительную радиоаппаратуру. Это была нелегкая задача — обеспечить высокое качество трансляции из такого импровизированного

зала. Но важное правительственное поручение радисты и радиофи- **каторы** с честью выполнили.

Среди присутствовавших на торжественном заседании были члены Политбюро ЦК партии, ГКО, известные военачальники, актив Московской парторганизации, воины-фронтовики, ополченцы и др. Вдоль платформ стояли длинные поезда метро, где разместились гардеробы и буфеты.

Доклад, с которым выступил Председатель Государственного Комитета Обороны Сталин, с помощью радио слушала вся страна. Он вселил много надежд в сердца советских людей и укрепил их веру в неминуемый разгром гитлеровских захватчиков.

Потом состоялся большой праздничный концерт. Моя память сохранила прекрасные выступления народных артистов СССР Валерии Владимировны Барсовой, Ивана Семеновича Козловского, Михаила Дормидонтовича Михайлова и Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной Армии.

По окончании концерта под строгим секретом нам сообщили, что завтра состоится традиционный военный парад на Красной площади, куда нам выдали пропуска. Мы были предупреждены о необходимости держать в полной готовности все радиостанции страны, поскольку не исключалась возможность трансляции парада по радио.

Во все это верилось с большим трудом, ибо слишком близко у стен столицы находился враг...

Ночью накануне праздника шел сильный снегопад, который продолжался и все утро. Об окончательном решении обеспечить трансляцию парада мне стало известно перед самым его началом, которое было необычным — 8 часов утра. Немедленно были даны указания по всей сети радиостанций Советского Союза.

Вся сражавшаяся страна слушала передачу об этом историческом параде. Как он всколыхнул наш народ! Такое забыть невозможно.

Г. А. Куманев: Благодарю Вас, Иван Терентьевич за столь интересные ответы. Вы обстоятельно раскрыли содержание важнейших задач, которые стояли перед работниками связи накануне фашистского нашествия. А насколько изменился круг этих задач, задач Наркомата связи с началом войны?

И. Т. Пересыпкин: По-моему, частично я этого уже касался. Но могу что-то повторить и добавить следующее. По плану в случае фашистского нападения мы должны были сформировать большое количество частей связи и вместе с телеграфными, телефонными каналами и мощными радиостанциями передать их, военному командованию.

Затем мы должны были развернуть огромную сеть учреждений военно-полевой почты, а именно: для штабов фронтов — военносортировочные пункты, для всех армий — военно-почтовые базы, для всех соединений и отдельных частей, штабов и т. д. — военно- полевые почты.

Наряду с этим приводились в повышенную боевую готовность все средства связи, и прежде всего резервные и запасные узлы.

В мирные годы мы и не рассчитывали, что в военных условиях в интересах Красной Армии будут создаваться вот такие магистральные линии.

Следует иметь в виду, что передача каналов связи происходила при господстве авиации противника, которая систематически бомбила населенные пункты, промышленные районы, мосты и железные дороги. При бомбежке наши линии связи постоянно выходили из строя. Если бы у нас были кабельные линии, было бы, конечно, намного легче.

Могу Вам привести такой пример. Во время Московской битвы, точнее в феврале 1942 г. я был в 49-й армии, штаб которой стоял под Юхновым. Командующий армией генерал Захаркин был моим знакомым. Приехал я туда ранним утром. Командарм мне говорит: «Хочешь посмотреть, как в кино, бомбежку моста через р. Угра? Ровно в 8 часов вражеские самолеты будут его атаковать».

Я согласился, И вот действительно в 8 часов примерно 70 «юнкеров» (не меньше) прилетели и начали бомбить этот объект. Четкое звездное пикирование, и на мост летят бомбы. Минут 30 это продолжалось. Поскольку воздушные атаки были не первый день, транспортники, военные восстановители решили соорудить наплавной мост в случае выхода из строя основного моста. Работало там около 500 саперов.

Во время бомбовых ударов они все попрятались в укрытия. Командарм поинтересовался, каков результат очередного налета. Ему докладывают: мост цел. Наши потери - 2 человек ранено. Но линии связи все разгромлены.

После того как я вернулся в Москву, позвонил тому командарму: «Ну, как дела Иван Григорьевич?» Отвечает: «Было еще две бомбежки, мост цел, но линии связи постоянно выходят из строя».

Я об этом рассказываю, потому что такая картина продолжалась всю войну, на всех направлениях и главным образом именно потому, что линии связи у нас были «воздушные», т. е. провода висели на столбах, а не кабельные. Кроме того, построены они были преимущественно вдоль шоссейных и железных дорог. Войска идут, следуют по этим дорогам, их бомбят, и линии связи заодно сразу выходят из строя.

Необычайно трудно было ремонтировать, восстанавливать линии связи, особенно в начале Великой Отечественной войны, когда Красная Армия не имела частей связи.

Когда я выступал на заседании Ученого совета вашего института 21 февраля, то говорил о том, что важнейшими задачами, которые определяли весь характер работы Наркомата связи, были три задачи.

Это прежде всего решение задач, которые содержались в постановлениях Государственного Комитета Обороны. Они сводились к

тому, что мы были призваны обеспечивать связь высшего командования: Ставки, Генерального штаба, штабы видов Вооруженных Сил. д также обеспечение каналами связи фронтов, штабов фронтов, частично и штабов армий.

Такая задача стояла в течение всей войны. Первоначально она обеспечивалась преимущественно и силами, и средствами Наркомата связи, а затем в Красной Армии началось бурное развитие войск связи, формирование большого количества частей связи. Вообще войска связи за время Великой Отечественной войны увеличились в 4 раза по своей численности.

После их создания они от штабов фронтов и ниже все линии обслуживали своими силами.

Решать все эти задачи нам помогло еще одно обстоятельство.

Как я уже Вам рассказывал, в самом начале войны Совнарком СССР по моей просьбе принял решение сформировать в Москве 3 ремонтно-восстановительных батальона численностью по 750 человек. Не стоило бы говорить относительно численности этих трех батальонов, если не учесть то обстоятельство, что они залржили основу создания военно-восстановительных частей Наркомата связи СССР. Таких частей у нас никогда не было и никогда не предусматривалось их создание. И вот эти 3 батальона в Москве включили в себя опытных специалистов Наркомата связи и многих промышленных предприятий столицы.

В этих трех батальонах офицерского инженерно-строительного состава было 52%, что позволило нам иметь прд рукой мощные средства и силы для восстановительных работ в районе Москвы, а кроме того, сохранить на месте, на своих должностях руководящие инженерно-технические кадры связистов.

Были затем такие батальоны в Ленинграде (тоже три батальона), а потом их число достигло 30. И они нам очень помогали решать многие задачи: и восстанавливать разрушенные линии, и строить новые, и оборудовать узлы и т. д. Кстати говоря, они существуют до сих пор.

Вторая задача (я ее отношу к числе сложных и важнейших) — это организация обеспечения связи восточных районов страны, куда перебазировалось большое количество предприятий, учреждений, миллионные массы населения и многое другое. Размещали эти предприятия на новых местах в трудной обстановке. Хорошо об этом показано, например, в фильме «Вечный зов».

Немало предприятий восстанавливались в районах, где связи раньше не было. И вот там, для того чтобы наладить нормальное функционирование и работу промышленности, перебазировавшейся на Восток, надо было заново проложить линии связи. Наконец, третья задача. Когда было тревожно в Москве, мы демонтировали и эвакуировали очень много телефонных станций, телефонных аппаратов ЦБ. Не эвакуировали заводы в Горьком и Саратове. Из Ленин

града начали вывоз оборудования заводов связи чуть ли не с июля 1941 г., эвакуировали такие заводы Наркомата связи из Киева, Харькова. В результате — почти год промышленность средств связи не поставляла аппаратуры связи ни армии, которая в этом крайне нуждалась, ни Наркомату связи, ни народному хозяйству страны. Поэтому все мероприятия, которые проводились по развитию связи с восточных районов, осуществлялись в отношении материально- технического обеспечения за счет мобилизации внутренних ресурсов, частично за счет эвакуированного имущества из западных районов.

Итак, третья задача — колоссальная задача. По своим масштабам, объему она во много раз превосходила те работы, которые проводились в восточных районах. Это восстановление хозяйства связи в прифронтовых и освобожденных районах.

Наши войска связи испытывали очень большую нужду в средствах связи. Промышленность их, повторяю, не поставляла. Какой же находили выход? Снимали телефонные аппараты в гражданских учреждениях связи, телеграфные аппараты, забирали переносные телеграфные станции - и все это направлялось в Красную Армию.

Причем во время войны развернулось патриотическое движение среди работников связи по мобилизации внутренних ресурсов за счет неиспользуемого оборудования (такого, правда, было мало), за счет неисправного, но отремонтированного имущества и, наконец, за счет изготовления новых средств. Например, в Ташкенте были собраны передатчики раздельные, изготовленные коммуникационные устройства. Кроме того, там отремонтировали и собрали 15 автомобилей, изготовили кузова для автомобильных радиостанций РСБ. Это в последующие годы войны могло показаться мелочью, т. к. тогда в год мы получали в среднем 3800 таких станций. Но в первые месяцы войны 15 авторадиостанций были, как говорится, на вес золота. Каждая из этих станций поступала в одну из новых сформированных дивизий.

Что касается восстановления средств связи в пострадавших от фашистского нашествия западных районах страны, девиз среди работников системы Наркомата связи был тот же, что и в других отраслях народного хозяйства: «Все для фронта, все для победы!». Было и движение комсомольско-молодежных и фронтовых бригад.

При этом объем производственных заданий был необычайно велик и устанавливались предельно жесткие сроки их выполнения. В то время существовал такой порядок: обкомы ВКП(б), облисполкомы Советов создавали оперативные группы, которые находились вблизи освобождаемых районов и немедленно по мере изгнания врага приступали там к работе.

В этих оперативных группах находились и связисты с необходимым минимумом средств связи, и они сразу же восстанавливали то, что требовалось сделать в первую очередь.

Вот эти три важнейшие задачи и решали работники связи в течение всей войны. Какая особенность была в этой работе? Если в первую половину войны все буквально в работе Наркомата связи было подчинено интересам действующей армии, фронта (люди, материальные средства, каналы связи), то во второй половине большой акцент деятельности Наркомата связи был перенесен на общегосударственную связь: это и восстановление в стране предприятий связи, и развитие связи, и налаживание нормальных эксплуатационных предприятий связи. Хотя, разумеется, в конечном счете — это тоже работа в интересах фронта.

Г. А. Куманев: Известно, что в годы войны Вам довелось нести двойную служебную нагрузку: выполнять обязанности не только наркома связи СССР, но и начальника Главного управления связи Красной Армии. Когда состоялось Ваше второе столь ответственное назначение и насколько оно было оправданным?

И. Т. Пересыпкин: Меня начальником Управления связи Красной Армии назначили в ночь на 22 июля 1941 г., т. е. ровно через месяц после начала войны. Эта ночь была памятной для меня по данному случаю, а также в связи с тем, что она явилась первой ночью бомбежки Москвы.

Как состоялось это решение? Вечером 22 июля, я неожиданно был вызван к Сталину, который работал тогда в небольшом особняке, недалеко от станции метро «Кировская». В приемной вождя находился начальник Управления связи Красной Армии генерал- майор Николай Иванович Галич.

Я сразу обратил внимание, что выглядел он очень расстроенным.

- Что-то случилось, Николай Иванович? — обратился я к нему.
- Не знаю, — печально ответил генерал. — Сегодня, наверное, мне здорово влетит. По телефону это уже было.
- А зачем Вас вызвали? — задаю ему еще вопрос.

Но Гапич только покачал головой и ничего не ответил. Я знал его еще в мирное время. Он окончил Академию Генерального штаба, работал в войсках и был хорошо подготовленным начальником связи. Перед войной он настойчиво добивался увеличения оснащения войск средствами связи и решения других неотложных вопросов.

В первые дни и недели после фашистского нападения мы с ним часто встречались, обсуждали важные дела, старались помочь друг другу. Николай Иванович не один раз откровенно делился со мной, как трудно ему работать, какие необоснованные претензии предъявляют к нему некоторые работники Генерального штаба. По моему мнению, генерал Галич вполне справлялся с порученной работой и отнюдь не по его вине проблемы связи с войсками и внутри войск были такими острыми...

В кабинет Сталина сначала был вызван я. Там был и начальник Главного Политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Мехлис. Он сидел за столом и под диктовку Сталина что-то писал.

Как я понял, готовился какой-то документ о руководстве Западного фронта. Несколько раз упоминалась фамилия командующего войсками этого фронта генерала Павлова...

Затем в кабинет был приглашен Галич, и Сталин не без раздражения спросил его:

— Почему так плохо работает наша военная связь?

Начальник Управления связи Красной Армии довольно сбивчиво стал объяснять сложившуюся ситуацию, объясняя нечеткую и неустойчивую работу связи недостатком сил и средств связи в наших войсках, тяжелой военной обстановкой и т. п. Сталина доклад генерала не удовлетворил и, завершая этот неприятный разговор, он объявил Галичу об освобождении от занимаемой должности.

Генерал вышел из кабинета, а со мной состоялся краткий разговор. Сталин заявил, что начальником Управления связи назначаюсь я с сохранением за мной и поста народного комиссара связи СССР. Помимо этого, я стал и заместителем наркома обороны.

Меня все это опять ошеломило, и я выразил сомнения, мол, не справлюсь, слишком тяжело будет нести обе нагрузки. И вообще - может ли. один человек исполнять две такие высокоответственные должности? Сталин ответил: «Поможем», развеяв все мои сомнения, и решение состоялось.

Что я могу сказать об этом назначении? Считаю, что это решение было чрезвычайно важным для работы всей нашей связи: и в стране, и в Вооруженных Силах. Централизация руководства работой связистов Красной Армии и работников Народного комиссариата связи позволило успешно решать многие сложные задачи огромного значения.

Я убежден, что, если бы не было создано такого единоначалия в руководстве связи в военных условиях, были бы неизбежными трения между ведомствами, в том числе между Наркоматом обороны и Наркоматом связи. А ведь средства использовались одни и те же, на одни и те же цели.

Назначение одного и того же человека на обе должности (наркома и начальника Управления связи Красной Армии) было бы недостаточно, если бы не были проведены другие мероприятия. Во- первых, управление связи Красной Армии к началу войны было маломощным и неспособным успешно решать те задачи, которые встали перед ним во время войны.

В связи с моим назначением 5 августа 1941 г. было создано Главное управление связи Красной Армии. Оно стало мощным управлением, которое имело в своем составе пять управлений, имело несколько самостоятельных отделов. Затем назначение одновременно замнаркома обороны открывало передо мной очень большие возможности. Ну, скажем, такие, казалось, простые вещи, которые неизбежно возникают в ходе работы. Приезжаешь на фронт. Там не ладится дело со связью у начальника связи фронта. У него крупные

недостатки, видно, что человек не на месте. Возникает необходимость заменить этого начальника связи другим, более опытным. Если бы у меня не было бы прав, которые были даны мне как заместителю наркома обороны, я не мог бы ничего сделать оперативно. Не имея прав, мог бы, конечно, куда-то позвонить, куда-то написать, что надо заменить такого-то, с кем-то эту замену согласовать и т. д. Но времени на это ушло бы немало. Полученные права позволяли мне действовать быстро.

Однажды на Воронежском фронте, где я находился, произошел такой инцидент. Начальник связи фронта обманул меня. Мы находились там с начальником Генштаба Александром Михайловичем Василевским. Штаб фронта должен был перебазироваться в другое место: из Боброво в Острогожск. Я начальника связи фронта спрашиваю:

— Вы там что-нибудь делаете в отношении подготовки средств связи для нового размещения?

— Так точно.

— Где Вы будете размещать узел связи? (В Острогожске до этого стоял и был отброшен и разбит венгерский корпус.)

— В Острогожске. Я там был, посмотрел, у них такие блиндажи. Мы там узел связи и расположим...

Потом так получилось, что начальник штаба там побывал, и штаб фронта разместили на окраине города.

Когда мы переехали туда вместе со штабом фронта, я поехал вместе начальником связи и говорю:

— Ну-ка, покажите мне блиндажи корпуса, где хотели разместить узел связи.

Я был недоволен, что он располагается в населенном пункте при наличии блиндажей.

Приехали. А там то место огорожено колючей проволокой и везде висят таблички — «Заминировано». Отсюда видно, что начальник связи фронта здесь не был. И такого начальника пришлось сразу же заменить. Помимо указанных прав, которые я получил, сами взаимоотношения с командующими фронтами, армиями были все- таки не такими, какие существуют между гражданскими и военными типами работников. !

Мы как-то с генералов Кириллом Семеновичем Москаленко поехали в Харьков, когда его первый раз освободили наши войска. Туда ехали, вроде все хорошо. Штаб армии Москаленко стоял в Белгороде. Обратно выехали, а немцы там уже готовили контрнаступление против наших войск. Это было зимой. Как только выехали из города, нас непрерывно стали бомбить и обстреливать самолеты противника. Мы ехали на трех автомашинах и попали под огонь «мессершмидтов». Пока они разворачивались для новой воздушной атаки, мы продолжали движение. А потом снова укрывались в снежных ячейках, которые понаделали отступавшие немцы. И вот генерал Москаленко сидит в этом снежном укрытии и говорит:

— Ведь я давно бы был в Белгороде, а из-за того, что здесь замнаркома обороны, должен находиться рядом.

Действительно, если бы я был просто какой-нибудь начальник связи или гражданский нарком, меня бы давно он бросил еще на окраине города.

Может быть, все это мелочь, но предоставленные мне права здорово помогали в работе.

Еще несколько слов о моей дальнейшей работе. Начиная со Сталинградской битвы (где я провел два месяца), в последующие месяцы и годы войны мне довелось почти непрерывно находиться на фронте, куда я впервые прибыл в начале октября 1941 г. Иногда приходилось прилетать в Москву на заседания Совнаркома. А работа была поставлена таким образом. На фронте у меня была в подчинении по линии Главного управления связи красной Армии авиационная дивизия связи. Самолеты ежедневно курсировали на всех фронтах и в штабы всех фронтов, в том числе курсировали и туда, на тот фронт, где в это время находился я. Вся правительственная почта, важные директивы и постановления доставлялись мне ежедневно и после ознакомления и обработки этих документов, принятия решений в тот же день они доставлялись обратно самолетом.

А здесь, в Москве, в Наркомате связи, очень хорошие мои заместители, помощники решали все основные вопросы, за исключением ряда оперативных, требующих моего личного участия.

Таким образом, вот это решение, принятое в ночь на 22 июля 1941 г., помогло мобилизовать в ту труднейшую пору все ресурсы связи: и человеческие, и материальные в интересах фронта.

При этом кадровые вопросы решались легко. Я имел полное право и возможность того или иного руководящего специалиста па связи с фронта направить на его прежнюю (до ухода в Красную Армию) должность, в том числе в Наркомате связи.

Когда мы занимались восстановлением хозяйства связи, я львиную долю связи давал прямо из «котла» Красной Армии. Так же, как в первую половину войны, не задумываясь, снимали аппаратуру связи с гражданских предприятий и передавали войскам. Этот фактор достоин подражания, и он учитывается в настоящее время.

Г. А. Куманев: Вы рассказывали о том, что в довоенные годы у нас была связь преимущественно по проводам, т. е. «воздушная» связь. А были ли в стране какие-то запасы кабеля, чтобы потом развернуть кабельную связь? Как решалась эта проблема в годы войны?

И. Т. Пересыпкин: В самом начале войны с кабелем, точнее с полевым кабелем, у нас было очень плохо. В предвоенные годы правительство закупало кабель у англичан. Не так много приобретали, и это не могло решить проблему. Поставки его по ленд-лизу нам существенно помогли. Американцы поставляли нам полевого кабеля в среднем 1 млн. км в год.

Мы получали очень большое количество, в чем особенно остро нуждались, так это зарядные агрегаты. Они поставляли нам зарядные агрегаты 3- и 5-киловатгные. Откровенно говоря, мы в первое время не знали даже, что с ними делать, т. е. не могли их все использовать, такая масса была.

Очень нас выручали поставки автомобильных радиостанций. Американцы вначале их присылали вместе с автомобилями. Потом мы **стали** получать большие ящики, в каждом из которых был упакован кузов с радиостанцией без автомашины. Сами автомашины американцы поставляли по другой линии. Мы эти автомашины тоже получали и монтировали на них радиостанции.

Довольно много по ленд-лизу было получено телефонных аппаратов: буквально сотни тысяч, причем аппараты из США были хорошего качества и их широко использовало наше командование.

Что касается переносных радиостанций (СР-284), то они просто не выдерживали критики: были громоздкими, действовали лишь на близкие расстояния, и мы их использовали только как приемники на аэродромах и в войсках ПВО. Каждую такую «переносную радиостанцию» весом до 70 кг в трех упаковках можно было с трудом перенести втроем. Очень тяжелы были. А главное — их тактикотехнические данные не отвечали основным требованиям.

Американцы просили у нас дать лицензию на нашу радиостанцию РБ (это была очень хорошая коротковолновая радиостанция). Потом у нас ее немного улучшили и назвали РБМ. Они просили лицензию и хотя получили лицензию даже на танк, на радиостанцию ее им не дали.

Итак, кабель и зарядные агрегаты для нас были весьма нужными, чего нельзя сказать о переносных радиостанциях.

Г. А. Куманев: Какая была связь Вашего наркомата с НКПС, с железнодорожниками? Они имели автономную связь?

И. Т. Пересыпкин: Да, автономную. У железнодорожников была самостоятельная связь, и мы здесь не вмешивались. Но однажды, когда возникли большие неприятности на Брянском фронте (осенью в 1941 г. танки противника вышли на командный пункт Брянского фронта), когда его штаб, командование потеряли связь со своими тремя армиями, то сразу же последовало решение о том, чтобы установить связь Генерального штаба со всеми армиями. Вот тогда- то в этом решении было мне предоставлено право использовать каналы связи железнодорожного транспорта.

Г. А. Куманев: Находилась ли в Вашем ведении, товарищ маршал, радиолокационная связь и какова была вкратце роль союзников в ее развитии?

И. Т. Пересыпкин: Существовали специальные части, которые занимались радиоразведкой, и находились они в подчинении Разведывательного управления. Но все снабжения этих частей обеспечивало Главное управление связи Красной Армии.

Что касается радиолокаторов, то к началу войны несколько ус- тановок у нас было (так называемые, установки «Редут»). Они были разработаны нашими советскими специалистами, в том числе в Институте связи, где я когда-то работал. Заказывались они также у нас через Главное управление связи Красной Армии, а использовали их прежде всего войска ПВО. Последующее развитие радиолокации, использование радиолокаторов, поступавших из Англии и США, это уже проходило мимо нас.

Развитие радиолокации вызвало загрузку заводов, производивших радиостанции, а многие связисты переквалифицировались на радиолокаторщиков. Итак, к технике мы имели отношение, а к управлению и боевому использованию — нет.

Г. А. Куманев: Какое внимание уделяли проблемам обеспечения надежной связи Ставка ВГК и Генеральный штаб и как они использовали ее в военные годы?

И. Т. Пересыпкин: Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб Красной Армии с первых дней войны этим вопросам уделяли, конечно, очень большое внимание. Они вникали во все детали организации связи и строго требовали от наркомата, командующих фронтами и армиями ее бесперебойного функционирования. При этом следует иметь в виду, что Ставка не имела каких- то особых средств связи, как не имела и своего аппарата. Рабочим органом Ставки являлся Генеральный штаб, и для обеспечения связи с фронтами использовался его узел связи, находившийся в Москве.

Через узел связи Генштаба во время войны ежесуточно в среднем проходило 1000 международных телефонных переговоров со штабами фронтов, армий, военных округов и др. Часто им пользовался Верховный Главнокомандующий. Например, только в августе—сентябре 1941 г., как я помню, состоялось большое количество прямых переговоров Сталина с командующими Юго-Западным и Брянским фронтами генералами Кирпоносом и Еременко, а также Главкомом Юго-Западного направления маршалом Буденным. Для переговоров в высшем звене управления использовался главным образом телеграфный аппарат Бодо, в который Сталин очень верил, почему-то считая, что перехватить работу этого аппарата противник не сможет.

Но не всегда переговоры по телеграфу проходили гладко. Хорошо запомнился случай, происшедший в начале октября 1941 г., кажется, 9 октября. Поздно ночью в переговорную, которая находилась в здании по улице Кирова, 33, вошел Маршал Советского Союза Шапошников. С присущим ему тактом он попросил связать его по Бодо с командовавшим тогда войсками Ленинградского фронта генералом армии Жуковым. Это было поручение Сталина.

Проводная связь с блокированным Ленинградом работала тогда крайне неустойчиво. Телефонной связи вообще с ним не было.

С большой тревогой приступили связисты к выполнению этого ответственного задания. Они довольно быстро связались с Ленин

градом по Морзе, но во время войны вести переговоры по этому аппарату категорически запрещалось. Установив связь по Морзе, телеграфисты переходили на Бодо, но она немедленно прекращалась. Так повторялось несколько раз...

Маршал Шапошников (тогда он возглавлял Генштаб), терпеливо ожидавший начала переговоров, уснул прямо за столом телеграфного аппарата. Прошло несколько часов. Шапошников продолжал спать, а связи с Жуковым все еще не было.

Внезапно в комнату быстро вошел бледный и взволнованный начальник узла связи Генштаба генерал Беликов и сообщил, что меня вызывает Верховный по кремлевскому телефону.

Сталин сразу спросил:

— Переговоры Шапошникова с Ленинградом закончились?

Я доложил, что связь с осажденным городом по Бодо пока установить никак не удается, потому что кабель, проложенный по дну Ладожского озера, не пропускает силу тока, который требуется для этого аппарата.

В ответ Сталин отругал меня и пригрозил (если переговоры с Жуковым не состоятся) привлечь меня к строгой ответственности...

Расстроенный, я вернулся в переговорную. Лишь под утро связь с Ленинградом удалось все-таки установить. Переговоры были предельно краткими. Воспроизвожу их содержание по памяти:

— Здравствуйте, Георгий Константинович. У аппарата Шапошников.

— Здравствуйте, Борис Михайлович, слушаю Вас.

— Ставка предлагает Вам завтра прибыть в Москву.

— Вас понял. Завтра буду в Москве.

Переговоры на этом закончились. В сложнейших условиях поручение Ставки было выполнено. При этом Шапошников не сделал нам ни одного упрека.

Но все-таки, находясь под впечатлением телефонного разговора со Сталиным, в оставшиеся предутренние часы я не ckor заснуть.

Где-то около 9 часов утра позвонил Сталин и в его голосе уже не было резкости и угрожающего тона.

— Ну, как Вам сегодня, попало? — спокойно спросил он.

— Так точно, товарищ Сталин, — ответил я.

— Вам кто-то мешает. Разберитесь и доложите мне! — приказал Верховный и повесил трубку.

Чтобы не првторилось то, что происходило той ночью, было, решено проложить по дну Ладоги новый специальный подводный кабель. Но требовалось такой кабель найти. После напряженных поисков наконец его удалось обнаружить в Ленинградском торговом порту, а через семь с половиной месяцев, т. е. в ночь на 11 июня 1942 г., второй подводный кабель через Ладожское озеро был проложен. Тем самым удалось надежно обеспечить устойчивую связь Москвы с осажденным Ленинградом и его защитниками.

Что еще к сказанному можно добавить? В августе 1941 г. для создания подвижного резерва средств связи Ставкой Верховного Главнокомандования был сформирован поезд связи, смонтированный силами работников Наркомата связи и укомплектованный его аппаратурой.

Позже был сформирован и узел связи, аппаратура которого размещалась в автомашинах. В составе этого узла связи находились телеграфная и телефонная аппаратура, около 10 автомобильных радиостанций, а также машины, предназначенные для электропитания. Автомобильный узел был укомплектован высококвалифицированными специалистами. В течение всей войны этот узел, находившийся потом в составе отдельного дивизиона связи Резерва Главного командования, успешно выполнял многие важные задания Ставки ВГК.

Кроме того, в последнем военном году в Минске, в бункерах, сохранившихся здесь после отступления немецко-фашистских войск, был оборудован крупный узел связи, предназначенный для оперативной группы Генерального штаба.

С помощью всех перечисленных мною средств и обеспечивалась связь Ставки и Генерального штаба со штабами фронтов, а иногда и армий в течение всей Великой Отечественной войны. При необходимости создавались и другие узлы связи, которые усиливались за счет оборудования, аппаратуры и личного состава Наркомата связи, но основным узлом связи Генерального штаба оставался узел связи, находившийся в Москве.

Г. А. Куманев: А как в ходе войны использовали связь с Москвой и фронтами представители Ставки ВГК?

И. Т. Пересыпкин: У начальника Генштаба маршала Василевского, сменившего на этом посту маршала Шапошникова, был специальный дивизион связи, который поддерживал связь с Москвой.

Кроме того, обычно, когда мы, например, находились под Сталинградом в штабе Донского фронта, поддерживалась одновременно связь с Юго-Западным и Сталинградским фронтами, действия которых координировал в это время Василевский.

У маршала Жукова был небольшой поезд связи с радиостанцией, телеграфной аппаратурой. Проводили и провода к его поезду.

Генерал-полковник артиллерии (позднее маршал и Главный маршал артиллерии) Воронов в качестве представителя Ставки ВГК под Сталинградом тоже располагал постоянной связью с фронтами.

Правда, маршал Ворошилов, который являлся представителем Ставки на Волховском, Ленинградском фронтах, опирался на средства связи фронтов. Фронты имели связь с Генеральным штабом, он ее использовал.

Был такой период, в Начале войны, когда создали (и это явилось' тоже для нас новостью и трудностью) главные командования направлений (Северо-Западное, Западное и Юго-Западное) со штабами.

Для этих штабов создавались специальные связи и части. Но эти Главные командования направлений, как известно, недолго просуществовали.

Г. А. Куманев: А какова была роль Наркомата связи и Главного управления связи Красной Армии в оказании помощи Центральному штабу партизанского движения при Ставке ВГК?

И. Т. Пересыпкин: Эта роль без преувеличения была весьма значительной. И Наркомат связи СССР, и Главное управление связи Красной Армии оказали существенную помощь Центральному штабу партизанского движения, созданному по решению Государственного Комитета Обороны 30 мая 1942 г. В чем выразилась наша помощь?

Прежде всего в том, что Наркомат связи СССР передал в распоряжение партизанского Центрального штаба действующий приемный радиоцентр и здание передающего радиоцентра, которые находились в районе Москвы. В оборудовании этих центров деятельное участие приняли руководитель Московской дирекции радиосвязи т. Митителло, начальники радиоцентра Наркомата связи тт. Бешар и Денисов, инженеры тт. Федорович и Буряченко. Главное управление связи Красной Армии выделило для радиоузла Центрального штаба необходимую аппаратуру, офицерский состав и специалистов, Начальником отдела связи Центрального штаба партизанского движения был назначен полковник (впоследствии генерал-майор войск связи) т. Артемьев, до этого являвшийся заместителем начальника войск связи Брянского фронта.

Радиоузел Центрального штаба поддерживал радиосвязь со штабами партизанского движения Белоруссии, некоторых областей РСФСР и непосредственно со многими партизанскими соединениями и отрядами. Для данной цели эти соединения и отряды использовали небольшие коротковолновые радиостанции типа «Север». Они обеспечивали радиосвязь на расстоянии до 500 км, а при тщательно выбранных радиочастотах и при хорошем прохождении этих радиоволн нередко удавалось увеличивать дальность их действия до 600—700 км.

Для связи с партизанскими отрядами, которые действовали в тылу врага при штабах ряда фронтов были созданы специальные радиоузлы с мощными передатчиками и высокочувствительными радиоприемниками. Каждый узел поддерживал радиосвязь с партизанскими отрядами по специальному графику по два-три в сутки.

Благодаря постоянной помощи наркомата и Главного управления связи Красной Армии сеть радиосвязи, использовавшаяся Центральным штабом партизанского движения, из месяца в месяц постоянно развивалась. Приведу Вам по памяти хотя бы такие цифры: если к началу декабря 1942 г. у Центрального штаба было 145 действующих радиостанций, то к началу января 1944 г. — уже 424, поддерживавших связь более чем с 1100 партизанскими отрядами. Широко развитая и устойчиво работавшая радиосвязь позволяла ему

постоянно координировать боевые действия партизан и добиваться серьезных успехов в тылу врага.

Г. А. Куманев: У меня еще такой из последних вопросов. Имел ли противник какое-либо преимущество перед нами в области связи? Если имел, то в чем это превосходство (пусть даже временное) выражалось?

И. Т. Пересыпкин: В Германии было кадрировано междугородних линий связи до 80%, у нас этого не было. Немцы имели значительно выше уровень телефонизации (имею в виду прежде всего городскую телефонную связь). В чем мы особенно отставали? Я уже Вам рассказывал, как 22 июня возвращался со своими сотрудниками из Орши в Москву, как включил имевшийся в автомашине радиоприемник и что услышал.

По возвращении в Москву при первой же встрече со Сталиным я рассказал ему, что творится в эфире. После этого 25 июня 1941 г. было вынесено решение Политбюро «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств». Оно было оформлено как постановление СНК СССР. Эти радиоприемники и передающие устройства подлежали сдаче в 5-дневный срок на временное хранение в виду того, что они могли быть использованы, как говорилось в постановлении, «вражескими элементами в целях, направленных во вред Советской власти».

Это у нас произошло безболезненно, потому что в стране было огромное количество точек проводного радиовещания. У нас в каждом районе был узел радиофикации. Это позволило без приемников обеспечить информацию населения о важнейших событиях на фронте, в стране и за рубежом. Вот такого проводного радиовещания не было в западноевропейских странах, в том числе и в Германии. Гитлеровские власти оккупированной территории под страхом смертной казни запрещали пользоваться приемниками, дезавуировали всякую информацию.

Но у нас были другие трудности. Было такое положение, что в ночное время, особенно когда фронт находился недалеко от Москвы, запрещалось работать средним и длинноволновым радиовещательным станциям до Волги включительно. Почему? Потому что самолеты противника использовали радиостанции (средневолновые и длинноволновые) в качестве маяков. Поэтому днем радиостанции работали, а ночью их деятельность прекращалась, ввиду чего трудно было с вещанием (а ведь короткие волны имеют особенность распространяться не так, как средние и длинные волны). Они работали по направлениям, а по радиоволнам даже самые мощные радиостанции^ имели небольшую дальность. Это осложняло, конечно, нашу работу,! и мы проводили ее по проводам. j

Кстати, станцию «Коминтерн» мы эвакуировали, и она возобновила работу, ее программу передавали по проводам. «Коминтерн»! обслуживал все Заволжье. Потом построили уникальную мощнукГ

станцию. Так что с использованием проводной связи мы имели свои преимущества. С другой стороны, наше командование применяло высокочастотную аппаратуру до штабов армий включительно (Москва — штаб фронта). Немцы же применяли высокочастотную аппаратуру до корпусов и дивизий. У них имелись полевые 8-канальные установки. Эта связь была более качественная и многоканальная. Противник имел некоторые преимущества в отношении радиосвязи. Но наши радиостанции РД и РДМ были выше по качеству, по тактико-техническим требованиям, чем у немцев. Чем отличались немецкие радиостанции? Они были довольно громоздкие, а наши более транспортабельные.

В 1942 г. у нас стала выпускаться принципиально новая радиостанция А-7 частотной модуляции. (У гитлеровцев подобные появились только к концу войны.) Это телефонные станции. Хотя с телеграфом они не работали, но по каналам и по чистоте связи значительно превышали подобные себе, в том числе немецкие. Другими словами, они совершенно не боялись помех, которые существовали в эфире, не считая атмосферных помех.

Что касается наших мощных станций, которые обслуживали штабы фронтов и армий для связи с Генеральным штабом, с Москвой, то наша автомобильная радиостанция, смонтированная на трех больших автомашинах, обеспечивала устойчивые радиосвязи.

Г. А. Куманев: А репарации как-то отразились на общем состоянии связи в СССР, несмотря на громадный ущерб, причиненный ей немецко-фашистскими захватчиками?

И. Т. Пересыпкин: Да, конечно. К примеру, недалеко от Берлина есть небольшой город Цоссен, где находился крупнейший телефонно-телеграфный узел. Мы его оборудование и продукцию использовали по репарации. Словом, и в качестве трофеев, и по репарации мы получили немало ценного из средств связи, включая кабели и аппаратуру.

Г. А. Куманев: Откуда поступали высококвалифицированные кадры для связи?

И. Т. Пересыпкин: Во-первых, в системе Наркомата связи СССР имелось пять институтов, большое количество техникумов. Если говорить о кадрах военных связистов, то была Академия связи, курсы по совершенствованию командного состава связистов и 10 военных училищ связи.

Все они с начала войны перешли на сокращенный курс обучения. Например, в Академии связи раньше подготовка инженеров продолжалась в течение 5 лет, а теперь только 2 года. А в училищах обучение велось всего лишь 3 месяца.

Кроме того, была создана широкая сеть курсов младших лейтенантов связи. На передовой они находились недолго. Через месяц- другой каждый из них или погибал, или получал ранение. Т. е. потери их оказались весьма велики.

Было также сформировано 10 курсов по подготовке радистов, где их обучали в течение трех месяцев. В Горьком имелась школа стар- шин-радистов, которых готовили для работы на мощных телеграфных станциях.

Г. А. Куманев: Иван Терентьевич, отвечая на один из моих вопросов, Вы подчеркивали, что состояние связи восточных районов страны к началу войны не отвечало требованиям обстановки. Но ведь проводились же в приграничной зоне на дальневосточных и сибирских рубежах соответствующие работы.

И. Т. Пересыпкин: Когда я говорил о том, что наши восточные районы очень нуждались в развитии связи (ведь туда эвакуировались миллионы наших граждан, сотни предприятий), это не надо смешивать с приграничными районами Дальнего Востока и Забайкалья. Вы знаете, что там с 1938 г. была все время напряженная обстановка, и мы там очень много построили. Другими словами — театр будущих военных действий был там подготовлен неплохо. Правда, при этом коммуникации, естественно, увеличились, растянулись. Я могу Вам сказать, что радиосвязь во многих восточных районах фактически не работала. В лучшем случае она действовала около 22 часов. Было много нарушений. Когда мы готовились к войне с Японией, особенно с мая 1945 г., то подготовили ретрансляцию московских и дальневосточных станций в. трех городах: в Алма-Ате, Иркутске и Ком- сомольске-на-Амуре. Всего до войны были построены мощные радиоцентры в шести городах, включая Москву и только что названные промышленные центры. Передатчики были мощные — по 60 киловатт. Надо иметь в виду, что частоты у нас работают по- разному в ночных и дневных условиях. А так как от Москвы до Дальнего Востока и день, и ночь бывают в течение суток на всей трассе, нам не удавалось добиваться бесперебойной связи. Поэтому мы делали так: на одних частотах работали до Алма-Аты, а Алма-Ата работала с Комсомольском-на-Амуре уже на ночных частотах. Это обеспечивало нам устойчивую радиосвязь.

Что касается западного театра во время войны, то у нас в тот период были созданы узлы связи специального назначения. Они имели в своем распоряжении и радиостанции, и телеграфную аппаратуру. В большинстве случаев это были полки связи, и шли они за штабами фронтов. На себя эти полки принимали связь с тремя фронтами, пользуясь связью особого назначения. Это позволяло нам через них преодолевать растянувшиеся расстояния и, кроме того, ретранслировать передачи, которые не были слышны в Москве.

Г. А. Куманев: Во время Великой Отечественной войны много ли было постановлений Государственного Комитета Обороны по воп-. росам связи, о деятельности Наркомата связи и Главного управления, связи Красной Армии?

И. Т. Пересыпкин: В ходе войны таких постановлений и распо-, ряжений ГКО вышло немало. Приведу такой пример. Наши танки- ■

сты 3 июля 1944 г. освободили г. Минск. Мне доложили, что на окраине Белорусской столицы обнаружен немецкий бункер с узлом связи. Я подумал — может, пригодится. Спрашиваю: «Какие-нибудь строения рядом есть?». Отвечают: «Двухэтажный и,трехэтажный деревянные дома».

ГКО рассматривает этот вопрос и своим постановлением передает оба дома Главному управлению связи Красной Армии.

(Этим примером хочу Вам проиллюстрировать, что нередко Государственный Комитет Обороны рассматривал даже такие частные и мелкие вопросы по проблемам связи.) В данном случае потом перед Новым годом я получил приказание организовать там узел Ставки.

Г. А. Куманев: Позвольте, дорогой Иван Терентьевич, сердечно поблагодарить Вас за беседу и в заключение задать последний вопрос. Доводилось ли Вам бывать на заседаниях Государственного Комитета Обороны и проводились ли во время войны специальные заседания Совнаркома СССР под председательством Сталина?

И. Т. Пересыпкин: Да, в военные годы мне приходилось бывать и на заседаниях ГКО, и правительства СССР. Правда, зачастую трудно было разобраться, какого органа идет заседание.

В первые месяцы войны Сталин председательствовал на заседаниях Совнаркома. Причем заседания правительства, несмотря на сложную, драматическую обстановку, были регулярными.

Позднее вел заседание Совнаркома СССР главным образом Вознесенский, который являлся первым заместителем Председателя Совнаркома. Были там на этих заседаниях разные «схватки боевые». Шумно вели себя Берия, особенно Каганович, который четками стучал по столу, «мальчишкой» называл Вознесенского. Тот парировал: «Я о вас доложу товарищу Сталину» и т. д.

Словом, когда вопросы экономики народного хозяйства рассматривались, то за столом председателя всегда был Вознесенский.

В завершении нашей беседы хочу тоже поблагодарить Вас за большое внимание, проявленный интерес к моим ответам и добрые слова в мой адрес.

Из неопубликованных документов

1. Постановление Государственного Комитета Обороны от 18 ноября 1941 г. «Об улучшении перевозки периодической печати, посылок и почтовой корреспонденции по железным дорогам»

«Для улучшения доставки периодической печати, посылок и почтовой корреспонденции на фронт и в тылу страны Государственный Комитет Обороны постановляет:

Обязать НКПС — т. Кагановича и НКСвязи — т. Пересыпкина:

1. Установить в движении с 25 ноября 8 почтово-пассажирских поездов на направлениях, указанных в приложении.

2. Производить прицепку почтовых вагонов и приспособленных товарных вагонов к 15-м воинско-товаро-пассажирским поездам по установленным маршрутам.

3. Обязать НКПС для обеспечения перевозки периодической печати, посылок и почтовой корреспонденции предоставить НКСвязи на условиях аренды 300 крытых четырехосных вагонов.

4. Обязать наркомов путей сообщения и связи использовать проходящие эшелоны и местные поезда для прицепки сквозных почтовых вагонов и для выделения отдельного купе в целях перевозки почты.

Для оперативного осуществления этого мероприятия выделить специальную группу из работников НКПС и НКСвязи»*.

Председатель ГКО И. СТАЛИН

2. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 19 ноября 1941 г. «О восстановлении эвакуированных радиостанций»

/

«В целях восстановления мощного союзного радиовещания Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать наркома связи СССР т. Пересыпкина И. Т. смонтировать и пустить в действие демонтированные радиостанции:

РВ — 1 им. Коминтерна в районе г. Уфы, установив срок восстановительных работ — 4 месяца.

РВ — 96 в районе г. Свердловска, РВ - 49 им. ВЦСПС в районе г. Омска, срок восстановительных работ - 3 месяца...».**

Председатель ГКО И. СТАЛИН

3. Постановление Государственного Комитета Обороны от 24 декабря 1941 г.

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

Разрешить НКО:

1. Зачислить на бесплатное питание группу малооплачиваемых оперативных работников НКО: телеграфистов и средний технический персонал Узла связи Генерального Штаба, шифровальщиков Шифровального Управления, диспетчеров Управления Военных Сообщений и др. В общем количестве 600 человек, из расчета по 12 рублей в сутки на человека.

2. Выдавать бесплатные закуски группе высшего начсостава Генштаба и Центральных Управлений НКО, всего на 120 человек по 10 рублей в день на каждого...

3. Обязать тт. Хрулева и Пересыпкина в 5-дневный срок представить

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов.**

**** Там же.**

в ГКО предложения о повышении окладов содержания работников связи Красной Армии»*.

Председатель ГКО И. СТАЛИН.

4. Из «Мероприятий по строительству предприятий черной металлургии, осуществляемого НКЧерметом». (Приложение № 22 к постановлению ГКО от 19 апреля 1943 г.).

«... 22. Обязать НКСвязи (т. Пересыпкина):

а) в пятидневный срок выделить один прямой телефонный канал Москва ~ Свердловск для обслуживания телефонной связью НКЧермета и НКУгля с их предприятиями на Урале.

б) провести проектные и монтажные работы по сооружению телефонной сети на Магнитогорском металлургическим комбинате и в г. Магнитогорске по договору с НКЧерметом, разрешив НКСвязи использовать для этой цели оборудование АТС, эвакуированное из западных областей Союза...»**

Председатель ГКО И. СТАЛИН

*** Там**

**** Там**

А. И. ШАХУРИН

Осенью 1970 г. мой бывший научный руководитель доктор исторических наук (позднее — профессор и заслуженный деятель науки РСФСР) А. В. Митрофанова и я, возглавлявший тогда творческую группу по истории Великой Отечественной войны, вошли в дирекцию Института истории СССР АН СССР с предложением — провести в мае 1971 г. Всесоюзную научную сессию по проблеме «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Наше предложение было поддержано руководством института, Отделения истории АН СССР, другими научными и партийными инстанциями.

Подготовку к конференции возглавил Оргкомитет под председательством академика П. Н. Поспелова. Мы договорились пригласить в качестве ее почетных гостей и участников несколько видных руководителей советского тыла, новаторов производства, ученых военных лет.

В числе первых было названо имя Героя Социалистического Труда, генерал-полковника инженерно-авиационной службы, народного комиссара авиационной промышленности СССР 1940— 1946 гг. Алексея Ивановича Шахурина. Многие советские люди военной поры, в первую очередь самолетостроители, ветераны и воины Военно-Воздушных Сил хорошо знали его как одного из выдающихся командиров военной экономики СССР, популярность и авторитет которого в стране были весьма велики.

Немного остановимся на богатой биографии авиационного наркома. Скупые строки документов и различных справочных изданий свидетельствуют, что Шахурин родился 25 февраля 1904 г. в с. Михайловском Подольского уезда Московской губернии в крестьянской семье. Образование получил в Московском инженерно-экономическом институте, работал электромонтером, фрезеровщиком, старшим инженером, затем начальником научно-исследовательского отдела Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. В 1925 г. вступил в ВКП(б). В феврале — апреле 1938 г. - парторг ЦК ВКП(б) на авиационном заводе № 1 «Авиахим». С июня 1938 г. — первый секретарь Ярославского, а с января 1939 г. — Горьковского обкомов ВКП(б).

Наркомом авиационной промышленности СССР Алексей Иванович Шахурин был назначен в январе 1940 г. в возрасте неполных 36 лет. Стал самым молодым членом правительства. Это было непростое время, когда развитие советской авиации в силу ряда и

субъективных причин затормозилось, и ее стал обгонять наш зарубежный потенциальный противник - гитлеровская Германия.

Многое в сложившейся тогда в стране предвоенной атмосфере осложняло положение молодого наркома, в том числе в деле подбора и выдвижения кадров.

Но надо было в кратчайший срок ликвидировать обозначившееся отставание СССР в области авиации и снова оказаться впереди всех. Смелость и решительность Шахурина, широкий разворот масштабной, порой связанной с неизбежным производственно-техническим риском работы, буквально с первых его шагов позволяли преодолевать многие трудности и успешно решать задачи, стоявшие тогда перед отечественной авиапромышленностью.

И. В. Сталин перед войной и во время войны уделял развитию самолетостроения первостепенное и неослабное внимание. Нарком вооружения, а позднее - боеприпасов СССР Б. J1. Ванников по этому поводу писал: «Руководивший тогда этой отраслью А. И. Шахурин бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать почти каждый день. Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности».

Во время начавшийся Великой Отечественной войны Алексей Иванович Шахурин с достоинством и честью нес тяжелейший груз огромной ответственности перед страной и часто добивался, казалось, невозможного.

Что придавало ему решимость спорить, порой весьма настойчиво, с вождем, доказывая правильность тех или иных своих планов и действий? Видимо, кроме сознания собственной профессиональной правоты, еще и понимание того, что он вполне соответствует занимаемой должности. Председатель Государственного Комитета Обороны и правительства довольно быстро убедился в безошибочности своего выбора. Энергия, инициатива, решительность и находчивость нового наркома были высоко оценены: 8 сентября 1941 г.
А. И. Шахурин и два его заместителя стали Героями Социалистического Труда.

Позднее, во время одной из встреч летом 1972 г. Алексей Иванович говорил мне: «Я очень много улыбался в своей жизни. Часто и на работе. И у Сталина всегда улыбался. И, наверное, все- таки не боялся его, хотя и высоко уважал...»

Великую Победу над фашистским блоком наша авиационная промышленность встретила достойно. Ведь, начиная с середины войны, потребности Советских Военно-Воздушных Сил в боевой технике удовлетворялись практически полностью. В последний

«полный» военный год - 1944-й - авиастроители дали фронту более 40 тыс. самолетов.

Но Шахурина ожидали новые неожиданности и тяжелые испытания. Болезненную подозрительность Верховного ловко использовали сатрапы Берии. По нелепому, смехотворному обвинению за «злоупотребление и превышение власти при особо отягчающих обстоятельствах» прославленный нарком был арестован. Как свидетельствуют архивные источники по делу бывшего начальника Главного управления контрразведки, а затем заместителя министра внутренних дел В. С. Абакумова, его сотрудники «в течение трех недель допрашивали Шахурина непрерывно днем и ночью», а сам Абакумов заявлял обвиняемому - «признается он или не признается в тягчайших преступлениях, все равно он, Абакумов, его расстреляет». Но Алексей Иванович мужественно вынес все мучения, никого не оговорил, не потянул за собой...

В мае 1946 г. Военная коллегия Верховного Суда приговорила А. И. Шахурина к 7 годам тюремного заключения. Одновременно по тому же сфабрикованному делу были осуждены главком ВВС Главный маршал авиации А. А. Новиков и еще несколько высших руководителей Военно-Воздушных Сил и отделов ЦК ВКП(б).

На свободу А. И. Шахурин вышел в 1953 г. больным человеком. (В одиночке внутренней следственной тюрьмы, лишенный даже прогулок, он перенес тяжелый инфаркт.) Но он сразу же начал работать, получив назначение на должность первого заместителя министра авиационной промышленности. Оказался в положении «заместителя собственного заместителя».

К сожалению, возвращение Алексея Ивановича в авиационную промышленность было непродолжительным. Он перенес еще несколько сердечных заболеваний и перешел на работу в Государственный комитет Совета Министров СССР по внешним экономическим связям заместителем председателя. Занимался вопросами сотрудничества стран СЭВ в области оборонной промышленности. Но подорванное в заключении здоровье продолжало ухудшаться, и осенью 1959 г. он был вынужден выйти на пенсию...

Итак, в ходе подготовки к Всесоюзной научной сессии ее Оргкомитет в числе первых решил пригласить в качестве ее почетного гостя прославленного авиационного наркома. Мне удалось найти номер его домашнего телефона. Я позвонил Алексею Ивановичу, представился, сообщил о наших планах и передал 'е м у приглашение Оргкомитета.

Он одобрил тему предстоящего научного мероприятия, поблагодарил за внимание и тут же ответил, что, к сожалению, по состоянию здоровья не может принять в нем участия. Однако с того времени мы постоянно держали связь друг с другом, обменивались новостями и обсуждали разные вопросы. Чаще всего теле

фонные беседы были довольно продолжительными: я чувствовал, что Алексей Иванович очень нуждается в тесном творческом общении.

Вечером 7 мая 1971 г., после завершения работы нашей сессии в Московском доме ученых, я позвонил А. И. Шахурину и подробно рассказал о всех выступлениях, в том числе наркомов военных лет М. Г. Первухина, П..Н. Горемыкина, С. 3. Гинзбурга, Г. М. Орлова, И. В. Ковалева, замнаркома В. С. Бычкова и др. Сообщил, в частности, о несколько необычном выступлении академика С. А. Христиановича, который в критическом плане отозвался о некоторых действиях известного авиаконструктора и замнаркома А. С. Яковлева. Алексей Иванович тут же поддержал мнение академика, заметив, что «этот мой заместитель по опытному самолетостроению обладал сложным характером и иной раз подходил на Остапа Бендера в авиации...»

Шахурин пообещал мне подготовить письменный текст своего несостоявшегося выступления на сессии. Пригласил меня приехать к нему в гости на подмосковную госдачу. Но несколько раз мы откладывали этот визит из-за его плохого самочувствия.

Только через несколько месяцев я смог, наконец, воспользоваться приглашением. Втроем (Алексей Иванович, его добрая, очень приветливая и заботливая супруга Софья Мироновна и я) мы провели «за чашкой чая» несколько приятных и весьма интересных часов. Время пролетело быстро, и наша договоренность — дать мне под магнитофонную запись интервью — так и осталась нереализованной. Видя мое огорчение (а надо было уже уезжать), Алексей Иванович предложил: «Оставьте мне несколько вопросов (можете что-нибудь добавить и по телефону), и я на них отвечу Вам в письменном виде».

Мы так и поступили, хотя свои ответы по той же причине здоровья он смог передать мне почти через год. (Ниже мои вопросы и ответы наркома публикуются.)

Наша последняя встреча состоялась в московской квартире Шахуриных (в доме по Б. Грузинской ул.), куда мы вместе с будущим академиком А. М. Самсоновым и редактором издательства «Наука» кандидатом исторических наук И. И. Зелкиным были приглашены 25 февраля 1975 г., чтобы отметить 70-летие Алексея Ивановича. Это был незабываемый вечер. Я дополнительно записал на диктофон небольшое его интервью. Он находился в приподнятом настроении, много шутил, рассказывал забавные истории военных лет. Мы все исполнили даже несколько любимых юбиляром песен и арий из опер, подпевая красивому тенору Шахурина...

А жить Алексею Ивановичу оставалось менее полугода. Он скончался в результате очередного инфаркта 5 июля 1975 г. Спустя Два года ушла из жизни и его супруга.

Ответы наокома авиационной промышленности СССР 1940-1946 гг., Героя Социалистического Труда генерал-полковника инженерно-авиационнои службы А. И. Шахурина на вопросы профессора Г А. Куманева

12 августа 1974 г. г.
Москва

Вопрос: **Как состоялось Ваше назначение, дорогой Алексей Иванович, наркомом авиационной промышленности СССР и каково было к тому времени состояние этой отрасли оборонной индустрии страны?**

Ответ: В начале января 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О работе Наркомата авиационной промышленности». Оно одобрило выводы и предложения специально созданной комиссии ЦК во главе с А. А. Ждановым и Н. А. Вознесенским. Комиссия после детального ознакомления с состоянием дел в авиапромышленности и в ВВС отметила, что материальная часть советской авиации «в своем развитии отстает по скоростям, мощностям моторов, вооружению и прочности самолетов от авиации передовых армий других стран».

На указанном заседании Политбюро ЦК решило обновить руководство Наркомата авиапромышленности. К моему большому удивлению, выбор пал тогда на меня.

В то время я работал первым секретарем Горьковского обкома партии. И вот вечером 9 января мне позвонил секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков. Поздоровавшись, он спросил, смогу ли я сегодня же выехать в Москву.

Я ответил утвердительно: ведь через два часа, т. е. в 23 часа, в столицу должен был по расписанию отправиться поезд.

Но наряду с этим счел нужным сообщить, что как раз сейчас идет сессия областного Совета депутатов трудящихся, и я на ней председательствую. А сессия может продлиться до завтрашнего дня.

Тогда Маленков сказал:

— Объясните товарищам, что Вас срочно вызывают в ЦК и немедленно выезжайте.

По своему опыту работы первым секретарем Ярославского, а затем Горьковского обкомов, я знал, что если не говорят о причине вызова, спрашивать бесполезно.

Сообщив домой о срочной командировке в столицу, стал на всякий случай подбирать некоторые материалы, которые могли пригодиться во время встреч и бесед с высшим партийным руководством.

Утром по приезде в Москву я сразу же к началу рабочего дня явился в ЦК, в приемную Маленкова. Его помощник сказал, чтобы

я из здания никуда не отлучался. Пока можно было заняться какими- либо делами, побывать в отделах ЦК, если есть необходимость, но так, чтобы в нужное время меня можно было найти.

Какие тут дела, когда из головы не выходил и не давал покоя главный вопрос — зачем вызвали?

В раздумьях и догадках прошел почти весь день. Наконец, мне сообщили, что в 5 часов я должен быть в кабинете у И. В. Сталина.

Путь до Кремля был короток. Наш автомобиль въехал в ворота Спасской башни, и вскоре мы с работником аппарата ЦК оказались возле нужного нам здания. Поднявшись на второй этаж, вошли в приемную. Здесь нас уже ожидали и сразу же провели в кабинет Сталина. Это была длинная комната, где находился большой покрытый синим сукном стол, а недалеко от него — письменный стол и столик с телефонными аппаратами.

В кабинете вождя, кроме него, находились В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский, Л. П. Берия и ряд других руководителей партии и правительства. Все сидели, а Сталин ходил по комнате.

Поздоровавшись, он предложил сесть и какое-то время продолжал молча ходить. Потом остановился против меня и сказал:

— Товарищ Шахурин, мы хотим назначить Вас наркомом авиационной промышленности. Там сейчас предстоит большая работа. Нужны свежие, грамотные люди, хорошие организаторы и к тому же хорошо знающие авиационное дело. Как Вы на это смотрите?

Это предложение было для меня очень неожиданным, просто как гром с ясного неба. Я не знал, как ответить и говорю:

— Товарищ Сталин, справлюсь ли я с такой большой и ответственной работой?

Тут в разговор вмешался Ворошилов и, как всегда, очень доброжелательно заметил:

— Вон с какой областью, с Горьковской, справляетесь и здесь справитесь.

— Какие есть вопросы к товарищу Шахурину? - обращается к своим соратникам Сталин.

Молотов попросил коротко рассказать о моей трудовой деятельности. Особенно интересовался моей работой в Военно-воздушной академии. Были заданы и другие вопросы. Потом к Сталину подошел его помощник А. Н. Поскребышев и о чем-то сообщил.

— Пусть заходит, — сказал Сталин.

Поскребышев вышел и тут же вернулся с каким-то молодым военным.

— Вы знакомы? - спрашивает, обращаясь ко мне, хозяин кабинета.

— Нет, — отвечаю.

— Тогда познакомьтесь. Это авиаконструктор товарищ Яковлев. Будет Вашим заместителем по опытному самолетостроению. А это

(Сталин показал Яковлеву на меня) новый нарком авиационной промышленности товарищ Шахурин.

Я понял, что вопрос о моем назначении решен окончательно.

Потом Сталин поинтересовался, сколько мне лет. Отвечаю, что тридцать пять.

— Видите, товарищ Яковлев, какой у Вас молодой народный комиссар, это хорошо, — замечает Сталин. Мне показалось, что в его голосе появились шутливые нотки.

— Кого бы Вы порекомендовали выдвинуть вместо себя первым секретарем Горьковского обкома партии?

Я назвал председателя облисполкома Михаила Ивановича Родионова. Сказал, что он коренной горьковчанин, по образованию учитель. Долгое время был секретарем райкома партии, неплохо себя зарекомендовал... _

— Таких у нас много, — сказал Сталин. - Но почему все-таки Вы предлагаете именно Родионова?

Я добавил, что Михаил Иванович потом работал третьим секретарем обкома, отвечал за развитие сельского хозяйства области, хорошо знает людей, пользуется у них доверием, большим авторитетом. Считаю, что это наиболее походящая кандидатура.

Сталин кивнул головой, и я понял, что еще до нашей встречи он, по-видимому, остановился на такой замене.

Когда разговор закончился, я попросил разрешения съездить в Горький, чтобы сдать дела.

После небольшого раздумья Сталин ответил, что вряд ли это удастся сделать: работа сверхсрочная, не терпит отлагательства. Нельзя терять ни одного дня, ни одного часа. В Горький будет послан представитель ЦК, который всех, кого нужно, проинформирует. А дела передать можно и в Москве...

Как мне сообщили позднее, пока я возвращался из Кремля в гостиницу, в Горьком уже узнали о моем переводе на должность наркома авиационной промышленности. В Москву был вызван на «смотрины» М. И. Родионов.

На следующее утро началась моя работа в Народном комиссариате авиапромышленности СССР (НКАП). Прежде всего я встретился с моим предшественником на посту наркома — М. М. Кагановичем. Мы уже были знакомы, когда я работал парторгом ЦК на одном авиационном заводе. Михаил Каганович несколько раз приезжал на наше оборонное предприятие. Шуму от этих приездов наркома было немало. По вызову Михаила Моисеевича на различные совещания, а также по собственной инициативе я неоднократно бывал у него в просторном наркомовском кабинете. В приемной М. М. Кагановича почти всегда толпился народ, и что особенно запомнилось, — открыв то или иное заседание, он обязательно начинал кого-нибудь распекать и высмеивать. Причем форма критики и язвительные остроты были довольно грубыми и унизительными.

Наша встреча с ним в первый день моего знакомства с наркоматом мало что дала: Каганович пребывал в сильном расстройстве из- за его освобождения с должности наркома, отвечал на мои вопросы вяло и неохотно. Так что какого-то представления о положении дел в авиационной промышленности страны, да и в самом наркомате у меня не сложилось.

Гораздо больше дали мне знакомство и беседы с работниками комиссариата. Это были в основном люди моего, 35-летнего возраста, на год-два старше или моложе меня. Поначалу был установлен такой порядок: каждый день мы заслушивали и обсуждали информационный доклад одного из руководителей главков НКАП. После доклада выступали все желающие, вносили конкретные предложения. Такой порядок очень себя оправдал: он позволял быстро входить в курс дела, выделяя при этом наиболее трудные и первоочередные проблемы.

Весьма скоро я понял, почему же Сталин не дал мне даже одного дня отсрочки, чтобы съездить в Горький и сдать дела. Это не позволяло сделать время, вернее — упущенное время, которое пока работало против нас. Не позволяла сложившаяся в отечественной авиапромышленности сложная и тревожная обстановка, требовавшая принятия самых срочных и действенных мер.

Каково же было положение с производством самолетов в СССР в довоенные годы и какие результаты мы имели перед фашистским нападением?

После победы Великого Октября становление и развитие в Советской России авиационной промышленности стало осуществляться нарастающими темпами. Уже в январе 1933 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с большим удовлетворением было отмечено, что если у нас прежде не было своей авиационной промышленности, то теперь она есть. В числе гигантов машиностроения действовали самолето- и авиамоторостроительные заводы в Москве, Горьком, Воронеже, Сибири и в других Крупных промышленных центрах и регионах страны.

В течение только второй пятилетки продукция авиационной промышленности выросла в 5,5 раза. И если в 1930—1931 гг. в Советском Союзе выпускалось в среднем в год 860 самолетов, в 1932—1934 гг. — 2595, то в 1935—1937 гг. — 3578. (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М., 1960. Т. 1. С. 65).

Эти данные, конечно, впечатляли. Достигнутый к середине 30-х годов уровень технической оснащенности советских ВВС был достаточно высоким для того времени. К концу второй пятилетки наши авиаконструкторы сумели создать самолеты, на которых было установлено немало мировых рекордов. Эти рекорды и достижения породили у нас определенное чувство успокоенности и какой-то самоуверенности, что в области авиации мы постоянно опережаем западные страны.

Когда в небе Испании появились некоторые новые германские истребители конструкции Мессершмита, то это было не сразу оценено нашими специалистами и командованием. И даже когда к концу испанских событий гитлеровцы еще более усовершенствовали свои истребители, и они стали превосходить по летным, тактическим и боевым качествам советские самолеты, это и тогда не вызвало в наших кругах особой тревоги. А ведь хорошо известно, что излишняя самоуспокоенность, беспечность и самоуверенность ни к чему хорошему никогда не приводят.

В обстановке усиления угрозы фашистской агрессии и начавшейся Второй мировой войны требования к авиации существенно возросли.

Между тем в 1940 г. советская авиапромышленность производила истребители, которые развивали скорость в среднем 420—450 км в час (за исключением одного И-16 последней модификации, имевшего скорость более 500 км в час). Вооружены были они главным образом пулеметами. А лучшие немецкие самолеты обладали скоростью до 600 км в час и многие из них имели на вооружении пушки с необходимым запасом снарядов и патронов.

Поэтому от наших авиастроителей требовалось в кратчайшие сроки выйти на новый рубеж в этой области, добиться того, чтобы не только не уступать самолетам «люфтваффе», но и превзойти их во всех отношениях.

Январское (1940 г.) решение Политбюро ЦК ВКП(б), которое я уже отмечал в начале этого ответа, а также правительственные постановления «О реконструкции существующих и строительства новых самолетных заводов» и «О развитии авиамоторных заводов, самолетно-агрегатных и винтовых заводов» мобилизовали все конструкторские силы страны на достижение поставленной цели.

Вопрос: На кого Вы опирались в своей новой работе в качестве народного комиссара авиационной промышленности СССР и вообще, кого Вы можете выделить как талантливых организаторов и руководителей авиационного производства той предвоенной да и военной поры?

Ответ: В руководстве авиационной промышленностью сложился энергичный, способный, технически грамотный коллектив. Такому коллективу было по плечу решение наисложнейших задач, к тому же в необычайно сжатые сроки, как того требовала обстановка. Мне, конечно, трудно кого-то особо выделить. Поэтому из большого коллектива очень достойных авиастроителей я назову в качестве примера только ряд руководителей, ученых и конструкторов, кто в первую очередь обеспечивал выполнение важных правительственных заданий.

Первым заместителем наркома с начала 1941 г. работал П. В. Дементьев, заместителем наркома и начальником главка истребительной авиации — П. А. Воронин, главк бомбардировочной авиации

возглавил заместитель наркома А. И. Кузнецов, начальником моторного главка и заместителем наркома был А. А. Завитаев, заместителем наркома по моторам и моторным агрегатам — В. П. Баландин.

Опытное самолетостроение и моторостроение возглавили заместители наркома А. С. Яковлев и В. П. Кузнецов. Вопросами снабжения промышленности и строительства ведал заместитель наркома М. В. Хруничев, кадрами — заместитель наркома В. И. Тарасов, строительством и энергетикой — Г. В. Визирян, вопросами снабжения — заместитель наркома Г. Ф. Шорин.

Начальниками других главков и главными инженерами работали В. П. Советов, И. В. Куликов, Н. Я. Балакирев, А. И. Михайлов, В. М. Дубов, Б. Н. Тарасевич, М. А. Лесечко, В. А. Тихомиров, И. А. Калинин, М. Н. Степин, заместителями начальников главков, начальниками функциональных управлений и отделов наркомата работали опытные, знающие свое дело специалисты.

Освоением новой боевой техники на заводах авиационной промышленности накануне войны, потом эвакуацией заводов и восстановлением их на новых местах занимались опытные организаторы, испытанные коммунисты и квалифицированные инженеры, директора и главные инженеры заводов. Среди них: А. Т. Третьяков,
В. Я. Литвинов, В. А. Окулов, М. С. Жезлов, М. М. Лукин, Л. П. Соколов, С. И. Агаджанов, Б. В. Куприянов, И. С. Левин,
А. Н. Тер-Маркарьян, М. Н. Корнеев, А. А. Куинджи, В. Н. Лисицын, А. А. Белянский и многие другие.

Партия, правительство и лично И. В. Сталин постоянно держали под контролем все, что было связано с самолетостроением.

Перечислю лишь несколько особо значимых решений и принятых мер в этой области за несколько месяцев до Великой Отечественной войны.

А. Было, например, вынесено постановление об ускорении реконструкции 18 действующих и сооружении 9 новых самолетостроительных заводов.

Б. Выделены средства на закупку необходимого для НКАП оборудования за рубежом, а соответствующие наркоматы получили задания по производству значительного числа станков и оборудования на отечественных предприятиях.

В. Были даны задания нашим авиаконструкторам (как уже известным, так и большой группе впервые привлекаемых к этому делу) по конструированию свыше 25 новых типов боевых самолетов (из них 14 типов истребителей) с более высокими тактико-техническими качествами. При этом конструкторы призывались к соревнованию за создание лучших самолетов и моторов в предельно короткие сроки.

Такие задания получили: по истребителям — Н. Н. Поликарпов,
А. С. Яковлев, П. Д. Грушин, В. М. Петляков, А. И. Микоян,
С. А. Лавочкин, В. П. Горбунов, М. И. Гудков, В. Е. Таиров,
А. С. Москалев, М. Р. Бисноват, С. Г. Козлов, И. Ф. Фролов,

В. П. Яценков, М. И. Пашинин, В. В. Шевченко; по штурмовиками, бомбардировщикам и разведчикам — С. В. Ильюшин, А. Н. Туполев'
В. М. Мясищев, П. О. Сухой, В. Ф. Болховитинов, Г. М. Бериев'
В. Е. Беляев, И. В. Четвериков, П. Д. Самсонов, В. Г. Ермолаев'
Н. Ф. Незваль, А. А. Архангельский.

Большой группе конструкторов - В. Я. Климову, А. Д. Швецову,
А. А. Микулину, С. К. Гумянскому, В. А. Добрынину, Н. Я. Доллежалю, А. Д. Чаромскому, Е. В. Урмину - было поручено создание более мощных моторов.

Важную роль в развитии новой авиационной техники сыграли коллективы научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро авиационной промышленности и наши крупнейшие ученые. Среди них — С. А. Чаплыгин, первый среди советских ученых удостоенный 1 февраля 1941 г. звания Героя Социалистического Труда за выдающиеся научные достижения в области аэродинамики, а также Л. И. Седов, М. В. Келдыш, С. А. Христианович, И. В. Остославский, Б. С. Стечкин, В. В. Голубев, И. И. Артоболевский, С. Т. Кишкин,
В. П. Ветчинкин, А. И. Макаревский, Г. Н. Абрамович, Р. С. Амбарцумян, В. И. Дмитриевский, А. Т. Туманов, Е. И. Колосов, С. Л. Зак,
Н. Я. Литвинов, В. И. Поликовский и многие другие.

Совместными усилиями конструкторов, ученых, инженеров, техников и рабочих удалось уже к началу 1941 г. создать новые само-, леты, которые превышали по максимальным скоростям на 40—50% прежние образцы. Причем все они получили более мощное и более скорострельное вооружение.

Уже с июня-июля 1940 г. в серийное производство были запущены истребители Як-1, МиГ-1 и ЛАГГ-1, бронированный штурмовик
С. В. Ильюшина Ил-2, пикирующий бомбардировщик В. М. Петлякова Пе-2 и бомбардировщик А. Н. Туполева Ту-2.

В течение второй половины этого года новые самолеты и моторы, стали осваиваться на серийных заводах. Таковы были наши первые позитивные результаты.

Вопрос: Как часто Вы встречались со Сталиным в канун войны после Вашего назначения народным комиссаром авиационной промышленности СССР? Какой они носили характер, были ли полезными для Вас?

Ответ: В последний год, особенно полгода до фашистского нападения на Советский Союз встречи с вождем (преимущественно по его вызовам) происходили довольно часто, иногда почти каждый день.

Новый вызов к нему состоялся вскоре после того, как я был назначен наркомом авиапромышленности. Не успел я войти в кремлевский кабинет Сталина, как он сразу буквально обрушил на меня град вопросов в весьма резком тоне. Почему на таком-то заводе происходят такие-то события? Почему отстает такое-то предприятие? Почему там-то выпускается явный брак? И еще множество. разных «почему»...

Я был просто потрясен и смог только вымолвить:

. — Товарищ Сталин, ведь я всего несколько дней в должности наркома.

В ответ я услышал:

- Нет, нет, нет. Этого я не забыл. Может, Вы мне прикажете спрашивать с Михаила Кагановича, Вашего предшественника? Или подождать спрашивать год, полгода, месяц, чтобы эти безобразия, провалы продолжались? С кого я должен спрашивать, как не с Вас о том, что делается не так в авиапромышленности?

После некоторого раздумья я понял, что Сталин не только хотел обо всем этом узнать от меня. Он хотел, чтобы я с такой же требовательностью о всех неполадках на авиационных заводах спрашивал с других, причем достаточно твердо и даже резко...

В один из первых вызовов к вождю я получил от него целый ворох неотложных заданий. Потом Сталин сказал: «Кто не обедал, пойдемте обедать». (В его кабинете находилось еще несколько приглашенных и членов Политбюро.)

Я поспешил сразу же обратиться к нему:

- Товарищ Сталин, у меня масса срочных дел. Нужно вызвать несколько директоров в наркомат. Большое спасибо за приглашение, но разрешите мне не воспользоваться им.

Сталин недовольно произнес:

- Ну, как хотите.

Потом мне некоторые из его окружения объяснили, что поступил я неправильно. Нужно было из приемной позвонить своим заместителям, передать им задания, а самому идти обедать. Так я потом и поступал.

Обеды у Сталина (вернее — ужины, т. к. они начинались в 10— 11 часов вечера и продолжались до 2—4 часов ночи, а иногда и до утра) были по существу теми же рабочими заседаниями, только в неофициальной обстановке. Но здесь требовалось постоянно быть собранным, знать, что сказать. Вместе со Сталиным на обедах обычно бывали Молотов, Микоян, Маленков и Берия, гораздо реже — Ворошилов и Каганович. *i*

Стол всегда был уже накрыт. Когда все усаживались за стол, простая русская женщина вносила две миски с первым блюдом (обычно это были щи из свежей капусты и суп-харчо) и горячую картошку в мундире. Кроме нее в столовой никто не появлялся. Каждый обслуживал себя сам. Выпив рюмку водки или коньяку, Сталин переходил на сухое вино, иногда разбавляя его водой. Ел мало, как и присутствующие, ограничиваясь самым необходимым.

За столом гостеприимный хозяин вел неторопливые беседы, во время которых рассказывал о своем пребывании в тюрьмах и ссылках: как жили и чем питались. Говорили иногда и о прочитанных книгах. Однажды я рассказал Сталину о книге «Из окна посольства». Ее написала Марта Додд — дочь американского посла в Берлине. Она

дала подробные, резко отрицательные характеристики Гитлеру, Герингу, Геббельсу, сообщила немало подробностей из жизни фашистской верхушки, об обстановке в нацистской Германии.

К моему удивлению, Сталин читал эту книгу. Вообще он был весьма начитанным человеком. Во время бесед любил ссылаться на те или иные изречения персонажей Горького. Обязательно спросит, читал ли это я. Если я отвечал, что читал, но не помню место, о котором идет речь, Сталин показывал на книжный шкаф и говорил:

— Найдите такой-то том и дайте, пожалуйста, его мне.

Отыскав нужное место, предлагал:

- Читайте!..

В моем присутствии почти всегда затрагивались авиационные темы, особенно когда на обед, кроме меня, приглашались и другие авиационные специалисты, видные конструкторы. Сталин любил во время этих бесед сравнивать наши самолеты с германскими, американскими и английскими, демонстрируя поразительное знание их качественных характеристик!

Однажды (дело было, если не ошибаюсь, в июне 1940 г.), находясь на даче вождя, я сообщил ему, что в результате анализа материалов поездок наших специалистов в Германию мы пришли к выводу, что германская авиапромышленность вместе с промышленностью порабощенных ею стран Европы по мощности примерно вдвое сильнее нашей. Сталин очень удивился, услышав о нашем отставании. Задав мне несколько вопросов о подземных заводах в третьем рейхе, он предложил мне изложить в письменном виде все, о чем я говорил.

В записке, которая была направлена в ЦК ВКП(б), НКАП обратил внимание руководства на необходимость увеличить число авиационных новостроек и ускорить ввод во эксплуатацию тех авиаобъектов, которые уже сооружались.

Все наши предложения правительство приняло.

Сталин ежедневно занимался нашей работой, и ни одни срыв в графике самолетостроения, ни одно отклонение не проходило мимо него. По его указанию наш наркомат 2 октября 1940 г. издал приказ № 518 о технологической дисциплине на заводах авиационной промышленности, согласно которому, если самолет или мотор прошел государственные испытания и принят в серийное производство, то изменения в технологию его производства можно было внести только с разрешения народного комиссара. А вносить изменения в конструкцию самолета или мотора не имел право санкционировать даже нарком. Это являлось прерогативой только правительства.

В феврале 1941 г. по предложению Сталина в Свердловском зале Кремля было созрано совещание военных летчиков и летчиков-испытателей, на котором вместе с командованием ВВС, руководством НКАП и ведущими авиаконструкторами присутствовал И. В. Сталин.

Обсуждались вопросы, связанные с новой авиационной техникой. Причем выступали только летчики. Мне запомнились обстоятельные выступления летчиков-испытателей Героя Советского Союза С. П. Супруна и П. М. Стефановского с анализом достоинств и недостатков новых истребителей.

Сталин внимательно слушал всех выступавших и, когда список ораторов был исчерпан, взял слово. Он сказал, что старых машин мы больше не выпускаем и тот, кто надеется продержаться на них, пусть не надеется: ничего из этого не выйдет. На старых самолетах легче летать, но на них легче и погибнуть в случае войны. Пусть все летчики увидят выход только в том, чтобы быстрее осваивать новую технику, овладевать по-настоящему новым вооружением. Затем Сталин подробно остановился на основных типах боевых воздушных машин Германии, Англии, Франции, США. Не пользуясь никакими записями, он говорил по памяти об их скоростях, вооружении, высотах, боевой нагрузке и т. п. Сообщенные им данные были предельно точными, чем Сталин просто поразил всех участников совещания.

Свое выступление он закончил словами:

— Изучайте новые самолеты. Учитесь в совершенстве владеть ими, использовать в бою их преимущества перед старыми машинами в скорости и вооружении. Это единственный путь.

Без всякого преувеличения это совещание повернуло весь командный состав, всех наших летчиков лицом к новой технике.

И еще несколько слов об одной из предвоенных встреч со Сталиным. В мае 1941 г., будучи уже Председателем СНК СССР, он созвал совещание наркомов, на котором выступил с речью о стиле руководства. Главная мысль речи вождя заключалась в том, чтобы тщательно разбираться в деле, знать людей, с которыми работаешь, учить тех, с кем работаешь, и уметь учиться у них.

В заключение Сталин привел такой пример:

- Вот я почти ежедневно встречаюсь с молодым наркомом товарищем Шахуриным и вижу определенную пользу от этих встреч, да и ему, я думаю, они не бесполезны.

Когда мы уходили с заседания, нарком общего машиностроения СССР П. И. Паршин, идя рядом, сказал мне:

— Вот это здорово, я к своему шефу раз в три месяца не всегда попадаю, а ты каждый день бываешь у Сталина.

- Да, это так, - отвечаю я, — но ты не думай, Петр Иванович, что это так просто — бывать у Сталина.

Действительно, когда, бывало, едешь к Сталину, никогда не знаешь, по какому вопросу вызван и какой вопрос возникнет в ходе доклада или беседы, а ответить всегда нужно было точно. Незнаек Сталин не терпел, он мог согласиться, что ответ ему будет дан завтра по вопросу, требующему подготовки, совета с заводом, конструкторами, но на вопросы, которые он задавал руководителю и которые

тот должен был знать, он должен был получить ответ сейчас же незамедлительно!

Частые общения со Сталиным, конечно, многому учили меня, молодого наркома. Главное — вырабатывалось умение даже сложные задачи решать быстро, оперативно, со знанием дела. Если же возникала какая-либо проблема и по ряду причин вопрос сразу невозможно было решить, то после глубокого анализа он все равно решался в ближайшее время. Работа под непосредственным руководством Сталина приучала к быстрой организации нового дела и к безусловному выполнению принятых решений.

Наряду с этим следует также иметь в виду, что с ним можно было спорить по практическим вопросам военно-экономической деятельности, доказывая целесообразность или нецелесообразность (даже предложенного им) того или иного мероприятия, спорить настойчиво и иной раз добиваться положительного результата. Но бывало, что все попытки что-то доказать Сталину оказывались тщетными.

— Это мы уже слышали, — говорил он, и переубедить его было невозможно.

Вопрос: Где и когда, дорогой Алексей Иванович, Вы узнали о вероломной фашистской агрессии и какими оказались для Вас первые дни Великой Отечественной войны?

Ответ: 21 июня 1941 г., в субботу, я возвращался с работы на дачу несколько ранее обычного — в 2 часа ночи. В канун выходного дня семья всегда просит приехать пораньше. Мечтал выехать пораньше — в первом часу ночи, но в последний момент появилось что-то неотложное, потребовавшее задержаться. В машине мысленно перебирал, что же все-таки недоделано, наметил сделать несколько телефонных звонков утром из дома. По воскресным дням обычно приезжал в наркомат после обеда. Завтрак и обед, если была возможность, проводил с семьей. Таков был план и на этот раз, на 22 июня.

Приехав, не спеша помылся, поужинал и около 4 часов лег спать, рассчитывая, что впереди полных шесть часов сна. Но прошло только два часа и в 6 часов утра по правительственному телефону позвонил В. М. Молотов: «Товарищ Шахурин, началась война. Фашистские войска совершили вероломное нападение на наши западные границы. Немецкая авиация бомбит приграничные аэродромы и города. Срочно приезжайте в наркомат». Позвонив дежурному по наркомату и передав сказанное мне В. М. Молотовым, попросил немедленно, вызвать в наркомат всех заместителей, начальников главков и управлений, секретаря парткома, предупредив, что буду в наркомате через 30 минут. Позвонил своему первому заместителю П. В. Дементьеву. Рассказав Петру Васильевичу о телефонном звонке, попросил поднять весь руководящий состав наркомата, проводивший в доме отдыха выходной день, и на любом виде транспорта всем срочно прибыть в наркомат.

В Москве необычное для этого часа, тем более для воскресного

оживление. Много легковых машин снуют во всех направлениях.

У подъезда наркомата встретил подтянутый по-военному, вооруженный кольтом в деревянной кобуре — именной подарок за отличную службу — комендант с докладом о переходе охраны наркомата на военный режим работы. Дежурный секретарь доложил: «Звонил Николай Алексеевич Вознесенский, просил Вас позвонить по приезде в наркомат».

- Все ли собрались, кого просил Вас известить?
- Да, почти все. Минут через 10 приедут остальные.
- Минут через 10-15 пригласите всех ко мне.

Позвонил Вознесенскому. Он спросил, известны ли мне последние данные. Рассказываю, о чем сообщил Молотов. Вознесенский дополняет более поздними сведениями о налетах фашистской авиации и предлагает приехать к нему в 9 часов на совещание по разработке мобилизационных мероприятий.

Позвонил начальнику ВВС Павлу Федоровичу Жигареву. У него сведения те же и забот не меньше. Собрал у себя весь руководящий состав наркомата. Рассказал, о чем сообщили мне Молотов и Вознесенский. Предстояла тяжелая, кровопролитная война с фашизмом. Настал момент, когда авиационные работники, коллективы заводов, конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов должны показать все свои возможности, всю свою преданность Родине, партии, проявить ее в нарастающем выпуске боевых самолетов. Просил всех продумать, что нужно немедленно сделать по каждому главку, заводу для увеличения выпуска боевой техники. Учитывая, что на совещании у председателя Госплана СССР, которое состоится в 9 часов, выявится ряд дополнительных мер, необходимых к немедленному выполнению, решили после совещания собраться снова и тогда заслушать предложения по каждому главку. Заместители наркома, начальники главков немедленно вызвали необходимых сотрудников и начали действовать.

Приехал в Госплан. Вознесенский, в обычных-то условиях человек серьезный, сейчас был особенно сосредоточен, да и все мы за эти несколько часов очень изменились. Зная, что война неизбежна, ожидая ее, каждый в глубине души по-своему откладывал сроки ее наступления, рассчитывая к этому времени сделать что-то еще самое необходимое. Нам, например, надо было еще хотя бы полгода мирного времени, чтобы успеть насытить новыми самолетами армию, а ВВС успели бы обучить летчиков. А сколько надо было еще времени

Н. А. Вознесенскому, заместителю Председателя Совнаркома, председателю Госплана СССР*, сказать даже трудно. Исходя только из

*** Здесь А. И. Шахурин допустл небольшую неточность: с 10 марта 1941 г. председателем Госплана СССР был М. 3. Сабуров. Н. А. Вознесенский вновь возглавил Госплан СССР 8 декабря 1942 г. -** ***Прим. авт.***

нужд авиационной промышленности, нужны были более развитая алюминиевая промышленность и производство качественных сталей, высокооктановых бензинов, электротехнических изделий и многое другое. Ему, конечно, требовался еще более длительный срок.

Вознесенский, открыв совещание, прежде всего подчеркнул, что война предстоит тяжелая, нужна максимальная мобилизация наших ресурсов. Перед наркомами обороной промышленности поставил задачи: срочно в течение одних суток разработать план максимального производства вооружения для армии, исходя из того, что мобилизационные планы промышленности должны были быть уже заранее подготовлены; изыскать заменители остродефицитных материалов и материалов и изделий, получаемых из-за границы.

В наркомате мы собрались снова. Доложив о поставленных перед наркоматом и промышленностью задачах, мы решили немедленно сдублировать все уникальные заводы, несмотря на то что авиационная промышленность к тому времени была уже достаточнр сильно специализирована. Нужно было наметить места дислокации заводов-филиалов, переговорить с ведущими заводами, поставить перед ними задачи организации завода-филиала, выделения необходимых кадров; оборудования и материалов.

Непрерывно шли звонки с заводов с вопросами, предложениями. Надо отметить, что у авиационной промышленности была очень хорошая диспетчерская связь с заводами. Заводы сами выдвигали предложения о переходе на более высокий график выпуска самолетов, моторов и другой авиационной техники. Мы одновременно предупреждали директоров и главных инженеров заводрв, чтобы они подтягивали заделы по заготовительным цехам. Выпуск должен был идти все время по нарастающей, что обеспечивалось увеличением заделов заготовительных цехов. Просили продумать предложения по сокращению цикла производства самолетных и моторных агрегатов: крыла, фюзеляжа, о возможностях замены остродефицитных материалов.

Вопросов в первый же день войны возникло так много, что их решить нельзя было даже за несколько обычных дней, но они все решались. В первый же день возникли и такие вопросы, как эвакуация из Белоруссии заводов — поставщиков авиационной фанеры и дельта-древесины, используемых при производстве истребителей.

Партия и правительство разрабатывали программу разгрома врага, создавались новые органы. 30 июня был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе с И. В. Сталиным. Советский народ направил все силы на разгром коварных фашистских орд, вторгшихся на нашу территорию.

Начались дни, месяцы и, как потом оказалось, и годы работы авиационной промышленности в условиях Великой Отечественной войны.

На третий день войны, 24 июня, на заседании Политбюро ЦК с

обсуждением вопросов танковой промышленности было заслушано и мое сообщение. Политбюро приняло решение о переброске оборудования авиазаводов в глубокий тыл и об ускорении строительства предприятий авиационной промышленности в восточных районах. 27 июня Политбюро приняло план размещения эвакуируемых авиационных заводов.

СНК СССР 27 июля 1941 г. вынес решение по авиационной промышленности. Увеличились ассигнования на строительство и реконструкцию заводов. В Военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. намечалась программа развития нашей промышленности. Боевая задача работников авиационной промышленности состояла в том, чтобы изо дня в день наращивать выпуск самолетов. К концу июня 1941 г. авиационная промышленность выпускала уже более 50 новых боевых самолетов в день. За все первое полугодие было выпущено 6 тыс. самолетов, из них — 3950 боевых. В июле выпуск за месяц равнялся 1807 самолетам, в сентябре было выпущено 2329 самолетов, а всего за второе полугодие 1941 г. — 9,8 тыс. самолетов, из них — 8 тыс. боевых. За весь 1941 г. было произведено около 15,8 тыс. самолетов всех типов. Выпуск все время шел по нарастающей, с ежесуточным отчетом перед Государственным Комитетом Обороны о работе заводов по утвержденному ГКО графику. В последней декаде сентября выпуск боевых самолетов достиг ста в день.

Когда начались налеты вражеской авиации на Москву, меня стали вызывать на станцию метро «Кировская». Сюда во время воздушной тревоги перебирались члены Политбюро. Вначале я думал, что меня вызывают для докладов. Вопросы почти всегда находились. Но иногда никаких вопросов не возникало, и я понял, что меня просто переводят в безопасное место, так как в наркомате убежища не было.

В один из таких приездов Сталин, обращаясь к А. А. Андрееву и показывая на меня, заметил:

— Вот авиационная промышленность, несмотря на трудности, вызванные войной, работает ритмично, как часы.

Услышать это, конечно, было очень приятно. Однако уже скоро мы лишились поставок авиалеса и авиафанеры, а также дельтадревесины с предприятий, расположенных в Белоруссии и Ленинградской области. Возникла масса и других трудностей, что отрицательно стало сказываться на нашем производстве.

Вопрос: С развертыванием процесса перестройки авиационной промышленности на военный лад, как решалась ее составная (хотя и вынужденная) часть — эвакуация предприятий НКАП в тыловые районы страны?

Ответ: Многие самолетостроительные заводы вместе с конструкторскими бюро подлежали перебазированию на Восток: в Заволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Закавказье. Эвакуиро-

вать и разместить их на новых местах, а затем в кратчайшие сроки вновь ввести в действие было чрезвычайно сложным и трудным делом.

Крупный авиационный завод — это 15—30 тыс. работающих, а с членами семей 30—60 тыс. человек, от 5 до 10 тыс. единиц оборудо. вания, для которого нужно не менее 150—200 тыс. кв. м производи ственной площади и хотя бы 100 тыс. кв. м жилья. Все это тронулось на Восток, действующими остались очень немногие заводы. В движении находились и заводы-поставщики.

В соответствии с решениями ГКО об эвакуации главные инженеры или директора заводов выезжали ранее с группой работников, подготавливали планировку размещения цехов, их границы, намечали, где и что будет размещаться. На новое место ежедневно поступали эшелоны с людьми и оборудованием. Начальники эшелонов докладывали о прибывших людях, оборудовании, о том, что находилось в пути.

Одной из главнейших задач при погрузке и эвакуации были съем и погрузка уникального оборудования, решающей оснастки, приспособлений и инструмента. Созданный 23 июня при СНК СССР Совет по эвакуации и НКПС обеспечивали заводы авиационной промышленности подвижным составом бесперебойно. Погрузки проводились днем и ночью. Большегрузные штамповочные молоты, крупногабаритные детали гидропрессов устанавливались по одной штуке на толстый лист котельного железа и по подложенным на всем протяжении, до места погрузки, стальным пруткам двумя-четырьмя мощными тракторами передвигались к эстакаде.

Все оборудование крупнейших в стране заводов, все заделы, все силовые кабели, материальные склады — все было демонтировано с документацией и отправлено в течение десяти дней. Это был подвиг небывалый в истории. На заводах, казавшихся вымершими, остались небольшие группы рабочих и десятка три-четыре станков в качестве ремонтной мастерской для нужд фронта.

Некоторые заводы, как, например, Запорожский моторостроительный, Таганрогский самолетостроительный, заканчивали эвакуацию под артиллерийским обстрелом и все же провели ее организованно и быстро развернули работу на новых местах. Запорожский завод производил в это время двигатели воздушного охлаждения — двухрядную 14-цилиндровую звезду мощностью 1100 л. с. Конструкторское бюро завода во главе с С. К. Туманским уже создавало, двигатель мощностью 1500 л. с., но началась война и завод перешел на круглосуточную работу, резко увеличивая выпуск моторов М-88Б. Люди работали самоотверженно, но с первых же дней войны город многократно подвергался воздушным налетам, выли сирены, падали бомбы, стреляли зенитные орудия, а люди не покидали своих рабочих мест ни на минуту.

Завод в это время возглавлял М. М. Лукин, талантливый инженер, умный организатор и стойкий коммунист. Уже 17 июля 1941 г. он издал приказ по заводу об организации полка ополченцев. Полк[1]

возглавлял старейший работник завода Богомолов. Комиссаром полка был утвержден секретарь парткома завода инженер-конструктор Харькин.

Враг подходил к Запорожью. Наркомат дал указание об эвакуации. Директор завода приказал: «Помните, товарищи, к демонтажу оборудования следует подходить вдумчиво. В первую очередь снимайте станки и агрегаты, где есть необходимый задел, остальные пусть еще работают. Мы должны так спланировать, чтобы на новом месте скорее начать выпуск двигателей».

На завод прибыли для помощи и более оперативного решения вопросов заместители наркома М. В. Хруничев и А. И. Кузнецов, начальник моторного главка Я. В. Жуков. Секретарь обкома

А. **П. Кириленко с частью аппарат переехал на моторостроительный завод, помогая решать вопросы по его эвакуации. Под огнем противника станки грузились в эшелоны, и к 29 сентября завод был эвакуирован.**

Под артиллерийским обстрелом шла эвакуация и Таганрогского самолетостроительного завода. Этот старейший завод России эвакуировался на строящийся завод в Тбилиси.

30 сентября 1941 г. немецко-фашистские войска начали генеральное наступление на Москву (операция «Тайфун») и уже в первые его дни им удалось добиться серьезных успехов. Над нашей столицей нависла смертельная угроза. 15 октября ГКО принял постановление об эвакуации Москвы. В этот день (в 11 часов утра) наркомы были вызваны в Кремль, в Совнарком. Точно в назначенное время из приемной всех пригласили пройти в зал заседаний Совнаркома. Обычных шуток, сопутствовавших довоенным встречам наркомов, на заседании не было слышно. Все очень сосредоточены. Через минуту-две после нашего прихода в зале заседаний Совнаркома

В. М. Молотов объявил: «Наркомы сегодня должны выехать из Москвы в места, указанные для перебазирования данного наркомата. В Москве оставить оперативные группы в 20—30 человек». Некоторые наркомы задали вопрос: как быть, если наркоматы еще не перебазировались, так как не хватило вагонов или по другим причинам? Сказано было: все равно выехать сегодня, а эвакуацию наркомата поручить закончить кому-либо из заместителей наркома.

Я не стал задавать никаких вопросов, а, приехав в наркомат, позвонил И. В. Сталину:

— Только что получил, как и другие наркомы, указание, переданное В. М. Молотовым, о выезде сегодня из Москвы. В связи с тем, что предприятия наркомата еще не закончили эвакуацию из Москвы и Подмосковья, прошу разрешить остаться мне в Москве.

— Хорошо, оставайтесь, — сказал Сталин.

Остаток этого дня ушел на то, чтобы получить побольше вагонов для эвакуации, согласовать в наркомате неотложные вопросы и побывать на заводе. Проверил, как идет погрузка в вагоны обо-

рудования, работающих вместе с их семьями. И нужно прядю сказать: нигде не заметил никакого паникерства или бестолковщины. Можно было просто удивляться, насколько организованно, **без** суматохи и бо знанием дела проводилась эта невиданная в истории нашей страны и промышленности, грандиозная по своим масштабам работа. Сколько было вложено выдумки и таланта в это невиданное до сих пор дело! Так, на заводе, где директором был
А. Т. Третьяков, вдоль зданий цехов были проложены временные железнодорожные пути, выстроены платформы. Некоторые окна превращены в открытые проемы, позволяющие по наклонным помостам вкатывать оборудование на платформу и оттуда в вагоны или на железнодорожные платформы.

С завода возвращаемся ночью. Едем по темной Москве в Кремль, в Совет по эвакуации, к Н. М. Швернику и А. Н. Косыгину добывать вагоны под погрузку. Докладываем, сколько погрузили за сутки и сколько нужно за завтра. Совет очень строго проверяет, все ли погрузили, что нужно и насколько обоснованна заявка.

По возвращении в наркомат снова проверка, все ли, кому надлежало выехать из Москвы, выехали, доклад диспетчерского отдела о работе промышленности за истекшие сутки. Связь по телефону с заводами, где дела шли плохо, и часам к 5 утра наступает конец рабочего дня. Можно 2—3 часа вздремнуть в комнате за кабинетом. Бодрствуют только дежурные по наркомату и по главкам. Но сон. короткий, в 8 часов 30 минут уже в кабинете.

Ранним утром 16 октября 1941 г. раздался звонок от Валентины Гризодубовой. А только в 6 часов я лег отдохнуть.

—
Алексей Иванович, в чем дело, что делается с Москвой? Булочные закрыты, магазины закрыты, трамваи не ходят, метро не работает, в некоторых местах все растаскивают... „

Отвечаю:

— Валентина Степановна, ты знаешь, чем я занимаюсь. Ну позвони в Моссовет Пронину, позвони Щербакову, Микояну, наконец, позвони.

— Всем звонила, — говорит. — Никому не могу дозвониться.

Ну а я-то знаю, что за человек такой Гризодубова. Ее все касается. Она любому поможет. Мимо чужого горя не пройдет. Такой уж она человек. Хотя у самой столько было трудностей и огорчений! Пообещал ей:

— Все, что смогу, сделаю. Но сейчас буду занят другими делами. ‘

И я поехал на один завод, чтобы проверить, как там идет демонтаж и погрузка. Знаю здесь каждый цех. Ведь на этом заводе я был парторгом ЦК ВКП(б). Переступил ворота завода — необычная картина, сжалось сердце: распахнутые ворота цехов, все пусто, окна разворочены (потому что и через окна многое грузилось), не убраны помосты у некоторых цехов, взрыты полы...

Только в механическом оставлена небольшая группа различных

до назначению станков и несколько самолетов, заканчиваемых сборкой в сборочном цехе.

Несколько рабочих направились ко мне. Одна работница со слезами на глазах сказала:

- А мы думали, что все уехали и нас бросили, а вы, оказывается, **здесь!**

- Почему же бросили, — говорю. — Ведь все поехали нужное дело делать. Все мы здесь, и правительство на месте. (Нарочно громко говорю, чтобы все слышали). На своем посту каждый, а отправляем заводы туда, где они смогут производительнее работать. Вы здесь тоже будете заводом по ремонту самолетов вначале, а дальше будет видно. Когда отгоним врага, здесь снова будет мощный завод. Давайте ковать победу: они, кто уехал, — там, а вы — здесь...

Еду на другой завод. Там смотрю — взволнованная толпа рабочих. Волнуются, шумят...

- Что такое, в чем дело? — спрашиваю.

Отвечают:

— Директор уехал, забрал деньги, кассу забрал и был таков. Нас оставил без денег. (А тогда рабочим выдавали двухмесячное пособие.)

Заместитель директора оказался тут. Остался за начальника. Спрашиваю у него:

— Что шумят рабочие?

— Дензнаков не хватило.

Тогда я объяснил рабочим, что мол, не волнуйтесь, товарищи. Деньги сегодня будут у вас, будут выданы.

Возвратившись в наркомат, пригласил П. В. Дементьева, П. А. Воронина и других заместителей, кто был в наркомате. Обменялись впечатлениями и условились о дальнейших мероприятиях по промышленности в целом и по Москве, в частности.

В начале двенадцатого часа, когда мы еще обсуждали ход эвакуации, раздался звонок правительственного телефона — сообщили, что мне нужно срочно приехать в Кремль, на квартиру И. В. Сталина.

На квартире Сталина я бывал часто, но обычно это было после обсуждения каких-либо вопросов у него в служебном кабинете. На квартиру приглашались на обед. Бывали вызовы на дачу, чаще всего в выходной день, а сразу на квартиру — это редко. Но в это время привыкли ничему не удивляться. Вхожу в переднюю квартиры, она открыта. Вероятно, я пришел одним из первых, если не первый, так как вешалка пуста. Раздеваюсь и прохожу вперед по коридору. С квартирой я был хорошо знаком. Обычно встречи происходили в столовой — это третья комната налево по коридору. Вхожу в столовую, одновременно из спальни туда входит Сталин. Здороваемся. Он курит и ходит. В столовой вся мебель на обычном своем месте. Сталин одет как обычно: куртка и брюки, заправленные в сапоги. Позже он стал носить военную форму.

Быстро подошли члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин здоровался со всеми входящими, продолжая ходить взад-вперед. Мы все стоим. Сесть не приглашает. Потом остановился и спрашивает, ни к кому не обращаясь, а как бы ко всем:

— Как дела в Москве?

Все молчат, смотрят друг на друга. Я не выдержал молчания и рассказал о том, что недавно видел.

— Вот, товарищ, Сталин, какая обстановка. Был на одном заводе, рабочие волнуются, говорят — нас бросили, все уехали. На другом - возмущение: вроде директор кассу увез с собой и денег нет...

Сталин меня перебивает и обращается к Молотову:

— **Где Зверев?**

Молотов ответил, что нарком финансов Зверев находится в Горьком.

Сталин тут же дает указание:

— Необходимо немедленно перебросить дензнаки самолетом.

Я продолжаю, что мне рано утром звонила Гризодубова. Сказал, чем она обеспокоена: трамваи не ходят, метро не работает, магазины закрыты и т. п. . . .

Сталин посмотрел на Щербакова:

— Почему?

Не дождавшись ответа, стал ходить по комнате...

В конце своей информации я сказал, что хотя сам не видел, но рассказывают: есть случаи мародерства, останавливают машины, подводы и грабят.

Сталин еще немного молча походил, потом произнес:

— Ну, это ничего. Я думал будет хуже.

Затем, обратившись к Щербакову, сказал:

— Сегодня нужно выступить по радио Вам и Пронину. Призвать к спокойствию и стойкости. Нужно, чтобы работали врачи, которые здесь остались, чтобы возобновили нормальную работу трамваи, метро, лечебные учреждения, булочные и столовые. Надо наладить жизнь в городе. Ну, ничего. Все поправится.

Совещание было коротким, и после этого все разошлись каждый по своим делам. У всех было так много забот и нерешенных вопросов, что краткость совещания никого не удивила.

Это был, пожалуй, самый тревожный и сложный день.

В 20-х числах октября, когда эвакуация московских авиапредприятий и учреждений закончилась, я позвонил Сталину, доложил ему об этом и попросил разрешения вылететь в Куйбышев по ряду неотложных служебных дел.

Сталин ответил:

— Хорошо, я Вам потом скажу.

На другой день он позвонил и сказал:

— Завтра летит в Куйбышев Молотов. Вы с ним полетите. Вы сейчас свяжитесь с ним по телефону.

Я связался с Молотовым.

— Вячеслав Михайлович, по указанию товарища Сталина я лечу с Вами. Но не один, мне надо ряд товарищей взять с собой, помощников, начальников главков. Может, я с ними полечу на моем наркомовском самолете?

- О, нет, мы с Вами полетим вместе, а они пусть летят на Вашем самолете. Сейчас приезжайте ко мне, и мы условимся, когда полетим.

Подъехал, условились о времени, а наутро нас с эскортом, с тремя истребителями сопроводили из Москвы. В самолете оказался и Микоян, мы летели втроем.

Молотов как сел, взял какой-то томик, кажется, Чехова, так до Куйбышева не проронил ни слова. Был спокоен. Он всегда такой, иначе не выглядел бы сейчас так хорошо в свои 84 года.

Заводской аэродром еще не был готов, и мы приземлились на аэродроме ГВФ, недалеко от Куйбышева. Дорога была плохая, грязи предостаточно. Еду на место, где строились наши заводы и представляю, какую найду картину, каково положение заводов, что скажу рабочим, коммунистам. На душе было очень тревожно, ничего утешительного я сказать им не мог, знал только, что скажу правду, так уж воспитала нас партия и партийная работа. Скажу, что у Центрального Комитета партии и у Красной Армии, которая борется с остервенелым врагом, неся большие потери, надежда только на них, на их сознательность, выдержку и стойкость. Нужно в кратчайший срок дать стране боевые самолеты, грозные бронированные штурмовики Ил-2, преодолев всю необычайность обстановки, огромные трудности и невероятно тяжелые условия. С такими думами я подъезжал к заводам. Нужно сказать, что сюда эвакуировалась группа заводов.

Мы создали там главк, в обязанность которого входило обеспечение общих нужд всех этих заводов, увязка работы со строительством. Начальником этого главка назначили Д. Е. Кофмана, хорошего организатора, умелого хозяйственника, который и ныне работает директором одного из опытных авиационных заводов.

В строительстве этих заводов нам в очень большой степени помогла специальная строительная организация, во главе которой стоял А. Н. Лепилов — человек, знающий строительное дело, крупный организатор, умеющий объединить специалистов и большие массы людей, требовательный и решительный, он многое сделал для авиационной промышленности и тем самым для Красной Армии. Эвакуированный на восток проектный институт на месте выдавал не только всю нужную проектную документацию, но и без промедления устранял все неувязки и вносил необходимые по обстановке и по ходу дела поправки.

На площадку близ Куйбышева прибыли заводы с давно сложившимися коллективами высококвалифицированных кадров.

Новая площадка, куда я приехал с аэродрома, представляла зре-

лище не совсем обычное. Группа новых, недостроенных корпусов заводов. Огромная масса людей снует на первый взгляд беспорядочно, грязь и неустроенность самой территории. Некоторые корпуса еще не начали строить. Железнодорожные пути были проложены внутри ряда цехов, что облегчало разгрузку оборудования. Рабочие и мастера Московского авиазавода спрашивали, как в Москве, давно ли я оттуда. Я рассказал, что сейчас в Москве остались те, кто должен остаться. Москва обеспечена всеми видами оружия, и враг не пройдет.

Состоялась беседа и с рабочими Воронежского завода. «Не сумели, — говорю я им, — закончить строительство завода до вашего приезда. Очень трудно вам будет и с жильем и с питанием, особенно в первое время». Они меня успокаивают: «Это ничего, главное - завод хороший, скорее бы выпускать самолеты».

А эшелоны все прибывали и прибывали. Днем, пока светло, ходили по территориям заводов, решали, что в первую очередь надо сделать, а вечером собирались директора заводов и строители и намечали планы строительных и монтажных работ на ближайшее время. Споры и взаимные претензии директоров к строителям и монтажникам, строителей к проектировщикам - все решалось без промедления. Обсуждались вопросы обеспечения рабочих мест материалами и людьми с каждым директором в отдельности. И часам к 12 ночи еду в Куйбышев для того, чтобы из помещения, где разместился Совнарком (и нам отвели там две комнаты), звонить в Москву и другие города Союза, давать необходимые телеграммы заводам- поставщикам и разговаривать с ними по телефону. Связь работала неважно. Была плохая слышимость. Чаще всего приходилось, дозвонившись в Москву, в наркомат, поручать работникам все последующие звонки по заводам. ,

Вскоре я вылетел в Башкирию на авиационные новостройки. Обстановка на этих стройках была тоже сложной. Площадки для- размещения заводов были крайне малы. Нехватало кадров строите- ’ лей, лесоматериалов, кирпича, цемента и т. д. В целях быстрейшего > размещения прибывшего оборудования эвакуированных заводов силы строителей концентрировались на первоочередных работах.

Остро стояла жилищная проблема для прибывших из угрожае-. мых районов заводских коллективов и членов их семей. Несмотря на принятые меры, жилья не хватало. Пришлось раскинуть палаточный городок и рыть землянки.

Между тем эвакоэшелоны продолжали поступать. Уфа приняла немало учреждений с Украины, в том числе Академию наук республики, ряд заводов, фабрик, строительных организаций, вузов, техникумов. Город оказался переполненным, а ранние морозы уже стали ‘ сковывать землю. Это заставило местные органы власти снова расселять людей в районах по деревням и селам.

;

Помимо многих текущих производственных, строительных и ;

бытовых дел требовалось решить и такой важный вопрос: быть здесь одному или двум авиационным вопросам? И если окажется один, - то будет ли такой завод управляемым, имея небывалый по численности рабочий коллектив?

Посоветовавшись с недавно избранным первым секретарем Башкирского обкома партии С. В. Задионченко, собрали партийнохозяйственный актив, на котором пришли к единодушному решению: завод должен быть один. С этим предложением наркомат обратился в ГКО, и оно было поддержано.

Его директором еще раньше был назначен заместитель наркома В. П. Баландин, который проработал на этом заводе всю войну, стал Героем Социалистического Труда и генерал-майором инженерно- технической службы.

Одновременно с восстановлением в тыловых районах эвакуированных предприятий скоростными темпами велось строительство новых авиационных заводов.

За время моего пребывания в разных местах перебазирования наших предприятий я видел, как все на новых площадках менялось буквально на глазах. Напряженнейшая работа строителей и авиационников приносила свои плоды.

Я вернулся в Москву 10 ноября 1941 г. Вернулся в полной уверенности, что, несмотря на все трудности, неимоверно тяжелые условия быта, дело пойдет как надо, заводы быстро заработают на полную мощность.

Но пока, начиная с октября того же года, когда полным ходом развернулась эвакуация наших предприятий, произошло резкое сокращение производства самолетов. Ведь требовалось определенное время, чтобы эвакуированные в тыл заводы, а также построенные здесь же новые авиапредприятия стали бы действовать ритмично и слаженно, неуклонно наращивая выпуск продукции.

И вот в середине декабря 1941 г. Государственный Комитет Обороны вынес постановление, что в настоящее время Наркомат авиапромышленности работает плохо, провалил планы производства самолетов и моторов и тем самым подвел страну и Красную Армию.

Это решение ГКО вначале меня просто ошеломило, очень огорчило, показалось несправедливым, поскольку я хорошо знал, как трудились авиастроители. А работали они с большой самоотдачей и максимальным напряжением. И все ли зависело только от нас?

Но, поразмыслив, я пришел к выводу, что суровая оценка положения с выпуском самолетов, данная Государственным Комитетом Обороны, органически связана с обстановкой на фронте. И от нас требуется удесятерить усилия, чтобы поднять авиапроизводство в кратчайшие сроки. Нам необходимо быстрее организоваться, взяв под жесткий, строгий контроль выпуск каждого самолета и каждого мотора.

Об этом я сказал на собранном совещании своих заместителей и

начальников главных управлений наркомата. Примерно в это ж$_е$ время все директора крупнейших авиационных заводов получили телеграммы за подписью Сталина с требованием быстрее наладить производство, сделать все возможное и сверхвозможное, чтобы снабдить фронт самолетами, которые «нужны Красной Армии теперь как воздух, как хлеб...»

Повсеместно принятые действенные меры, устранение вскрытых недостатков помогли оперативно ликвидировать наше отставание. С конца декабря 1941 г. начался неуклонный подъем в выпуске авиационной продукции.

Вопрос: Какова вкратце, Алексей Иванович, Ваша оценка работы авиационной промышленности СССР после завершения первой волны перебазирования и преодоления падения ее производства в конце 1941-го — начале 1942 гг.? Как она функционировала на последующих этапах войны?

Ответ: Моя оценка как наркома деятельности наших самолетостроителей и в целом авиапромышленности в интересующее Вас время весьма высокая. И это вполне объективное мнение я могу подкрепить хотя бы некоторыми данными, фактами.

В мае 1942 г. авиационная промышленность страны впервые после эвакуации выполнила напряженное плановое задание Государственного Комитета Обороны. Это означало, что задачи, поставленные ЦК партии перед партийными организациями авиационной промышленности, перед всеми авиастроителями, — переместить основную промышленную базу самолетостроения на восток и развернуть производство техники в новых районах - были решены.

Наша промышленность по производству воздушных машин превратилась в быстроразвивающееся, во многом слаженное военное хозяйство, способное поставлять фронту в необходимом и всевозрастающем количестве Надежные боевые самолеты различных тцпов.

Производство самолетов и моторов неуклонно возрастало. Вступившие в строй и разворачивавшиеся на полную мощность эвакуированные авиационные заводы и те предприятия, которые находились в глубоком тылу еще перед войной, наращивали производство.

Возобновлялся выпуск авиационной техники и на старых площадках, откуда была переброшена в восточные регионы техника, станки и оборудование. В опустевших корпусах эвакуированных заводов вновь установили оборудование, подобрали и подготовили кадры. В считанные месяцы и даже недели заводы возродились и начали давать фронту авиационную продукцию.

Характерно в этом отношении возрождение одного из моторостроительных заводов, директором которого стал М. С. Комаров. Сначала на старой площадке были организованы минометное производство и ремонт авиационных и танковых двигателей, а затем и производство авиадвигателей еще в больших масштабах, нежели прежде. В апреле 1943 г. этот завод, выпускавший моторы для

штурмовиков Ильюшина, занял первое место среди моторостроительных заводов и завоевал знамя Государственного Комитета Обороны, которое удерживал 19 месяцев подряд. На этом заводе впоследствии был выпущен и первый отечественный реактивный двигатель.

А как героически трудились ленинградские самолетостроители! Горком партии и Военный совет Ленинградского фронта создали ремонтные базы, на которых восстанавливались сотни самолетов. В самые тяжелые дни блокады город-герой не только ремонтировал авиационную технику для частей оборонявшего его фронта, но и давал продукцию для авиационной промышленности всей страны.

Но теперь главная база авиационной индустрии находилась в восточных районах страны. Здесь были сосредоточены наши основные производственные мощности, которые во все большем количестве питали фронт современной воздушной техникой. Заводы нашей промышленности стали производить такое число первоклассных самолетов, какое не давала вся авиапромышленность фашистской Германии и оккупированные ею страны, вместе взятые. Уже в первой половине 1942 г. авиационная щюмышленность Советского Союза не только восстановила потерянные мощности, но и превзошла их. В 1941 г. было выпущено 15,8 тыс. самолетов, что превышало уровень 1940 г. больше, чем в два раза, а в 1942 г. было выпущено 25,4 тыс. самолетов или на 60% больше, чем в 1941 г.

В 1942 г. в итоге творческого сотрудничества ученых, конструкторов, летчиков-испытателей, рабочих и инженеров появились модифицированные самолеты Як-7 конструктора А. С. Яковлева с форсированным мотором. Их было выпущено 2431. Создан самолет Як-9, обладавший максимальной скоростью 600 км в час и вооруженный 37-миллиметровой пушкой. Стали выходить самолеты Ла-5 с мотором воздушного охлаждения А. Д. Швецова, вооруженные двумя 20-миллиметровыми пушками и обладавшие максимальной скоростью 648 км в час. За 1942 г. было выпущено 1129 самолетов Ла-5 конструктора С. А. Лавочкина.

В завершающий период Великой Отечественной войны конструкторское бюро Лавочкина продолжало работу по совершенствованию этого истребителя. В итоге максимальная скорость полета возросла до 680 км в час. На самолете была установлена третья 20-миллиметровая пушка. Модифицированная машина была запущена в производство и, получив наименование Ла-7, поступила на вооружение. Новый скоростной маневренный истребитель был способен успешно выполнять многие тактические задачи.

В 1944 г. заводы, производившие самолеты-истребители, перешли на выпуск еще более совершенных машин с моторами увеличенной мощности и с улучшенной аэродинамикой, что позволило значительно повысить скорость полета и улучшить маневренность самолетов. Кроме того, основными отличительными особенностями истребителей, попадавших на фронт в 1944 г. были автоматическое

управление винтомоторной группой, повышение безопасности летчика с помощью устройства дополнительной бронезащиты.

Значительно возросла мощь вооружения, улучшились эксплуатационные качества самолетов. В серийное производство поступил новый образец штурмовика, при создании которого были учтены пожелания летчиков и воздушных стрелков. На этом цельнометаллическом самолете устанавливался более мощный двигатель, усиливалось вооружение, полностью бронировалась кабина воздушного стрелка. Как справедливо отмечает наш известный летчик Герой Советского Союза Г. Ф. Байдуков, «по исключительной прочности брони и надежности мотора, по простоте конструкции никакой другой самолет не мог с ним сравниться...»

Каждый третий летчик Герой Советского Союза в годы войны - штурмовик. Из 65 летчиков, получивших это звание дважды, более трети — штурмовики. То же можно сказать о воздушных стрелках. Из 47 авиаторов кавалеров ордена Славы I степени — 36 воздушных стрелков, летавших на самолетах-штурмовиках. К 1944 г. среднемесячный выпуск самолетов достиг почти 3 тыс. Казалось, наши возможности были исчерпаны. Но самолетостроители настойчиво изыскивали новые внутренние резервы. Основные усилия стали направляться на всемерное увеличение производительности труда, внедрение поточного метода и других прогрессивных технологических процессов, повышение квалификации рабочих, на экономию сырья, топлива, электроэнергии. Важное значение в увеличении выпуска авиационной продукции и повышении ее качества имело дальнейшее углубление и расширение социалистического соревнования.

Уже в середине 1944 г. мы начали часть заводов передавать гражданской промышленности, а во второй половине этого года на ряде авиапредприятий стало налаживаться производство гражданской продукции.

В 1945 г. мы выпустили 26500 самолетов, из них 20102 самолета в первую половину года. После капитуляции фашистской Германии на второе полугодие заводам был дан значительно сокращенный план.

Вопрос: Мне довелось, вернее посчастливилось, встречаться и беседовать с рядом наркомов военных лет. И все они, отвечая на мой вопрос о Сталине, в целом достаточно высоко оценивали его военноэкономическую деятельность и компетентность в хозяйственных вопросах как Председателя ГКО и правительства. Подобное мнение я неоднократно слышал и от Вас, и оно подтверждается многими фактами, документами, свидетельствами очевидцев.

Но можете ли Вы, дорогой Алексей Иванович, привести хотя бы один пример, когда Сталин, давая то или иное распоряжение в области авиационного производства, был не прав?

Ответ: Да, такое случалось, хотя и довольно редко. И выше, в

этих своих ответах Вам, уважаемый Георгий Александрович, я уже отмечал, что иной раз Сталина было очень трудно переубедить, когда им предлагалось заведомо ошибочное решение.

Приведу только один пример. В 1942 г. на одном из сибирских заводов испытывался новый фронтовой бомбардировщик Ту-2. Испытания там затягивались. А полк Ту-2, направленный на Калининский фронт для войсковых испытаний, проявил себя с самой лучшей стороны. (Командующим авиацией этого фронта был знаменитый летчик-испытатель Герой Советского Союза М. М. Громов.)

Поскольку у сибиряков испытания затягивались, Сталин дал указание снять Ту-2 с производства и организовать на том заводе, где выпускался бомбардировщик, выпуск истребителей.

Никакие наши доводы на него не подействовали, и производство Ту-2 прекратилось.

Но тут дней через двадцать приходит акт о фронтовых испытаниях туполевского бомбардировщика с его прекрасной оценкой и со многими подписями летчиков, инженеров, командиров полка и дивизии. А сверху красовалась резолюция: «Утверждаю. Генерал-майор авиации М. Громов». Оценка самолета очень высокая.

Примерно часов в пять-шесть вечера меня вызывает Сталин. Вхожу в его кабинет. Сталин один. На длинном столе, покрытом синим сукном, лежит экземпляр акта испытаний Ту-2.

- Оказывается, хвалят машину. Вы читали?
- Да, читал. Зря сняли самолет с производства. И сколько я упреков от Вас получил.
- И все-таки Вы неправильно поступили, товарищ Шахурин, — вдруг произнес Сталин.
- А в чем?
- Вы должны были жаловаться на меня в ЦК.

Сказал и пошел дальше по кабинету, попыхивая трубкой. Это тогда не было шуткой с его стороны. Он говорил вполне серьезно и для того момента, может быть, даже искренне.

Я промолчал. Никому из нас в голову не могло прийти писать на Сталина в ЦК. В лучшем случае над этим посмеялись бы.

После паузы я предложил:

- На месте эвакуированного завода сейчас восстанавливается завод по производству бомбардировщиков. Это предприятие, конечно, не такое крупное, как в Сибири, но наладить выпуск Ту-2 можно.

Сталин согласился:

- Хорошо, готовьте решение.

И туполевский бомбардировщик начали выпускать. За годы войны удалось сделать около 800 машин.

Вопрос: Каковы же общие итоги работы возглавлявшейся Вами авиационной промышленности за годы войны?

Ответ: Всего с июля 1941 г. по сентябрь 1945 г. авиационными заводами было произведено 136838 самолетов. За время войны в

серийное производство было запущено 25 новых типов самолетов, включая модификации, и 23 типа авиационных моторов.

Эти наши достижения, несомненно, сыграли решающую роль в том, что советская авиация, завоевав в 1943 г. господство в воздухе, надежно удерживала его до конца войны.

Родина высоко оценила самоотверженную работу творцов наших воздушных машин. Коллективы многих заводов и ОКБ, десятки, тысяч рабочих, инженеров, техников, руководителей производства были награждены орденами и медалями. На вечное хранение оставлены передовым коллективам знамена Государственного Комитета Обороны. Многим директорам заводов и главным конструкторам было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Прошедшие проверку Великой Отечественной войной, наши научные и конструкторские кадры, работники институтов, ОКБ и заводов стали еще более зрелыми, опытными, их творческая активность в послевоенный период проявилась еще результативнее.

Преодолев огромные трудности первых военных лет, Красная Армия, оснащенная первоклассным отечественным оружием, на последующих этапах войны сумела переломить ход вооруженной борьбы и сокрушить ударные силы мировой реакции и фашизма. Достойный вклад в завоевание Великой Победы внесли наши славные авиастроители и доблестные воины советских ВВС.

Из неопубликованных документов

1. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 2 ноября 1941 г. «О выпуске самолетов и авиационных моторов в ноябре 1941 г.»

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать НКАП (т. Шахурина) обеспечить выпуск в ноябре 1941 г. на заводах наркомата:

а) 1466 самолетов, в том числе: истребителей - 783 самолета, бомбардировщиков — 287 самолетов, штурмовиков - 140 самолетов, учебных - 287 самолетов.

б) 2155 авиационных моторов...»*

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

2. Постановление Государственного Комитета Обороны от 14 декабря 1941 г. «Вопросы НКАП».

«Ввиду того, что НКАП стал работать в последнее время из рук вон плохо, провалил все планы производства и выдачи самолетов и моторов

Архив Президента РФ. Коллекция документов.

и подвел тем самым страну и Красную Армию, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Поставить НКАП под контроль членов ГКО тт. Берия и Маленкова, обязав этих товарищей принять все необходимые срочные меры для развертывания производства самолетов в первую очередь на заводах: Саратовском, Горьковском, Куйбышевском № 1 и Куйбышевском № 18.

2. Обязать наркома авиапромышленности и его замов беспрекословно выполнять все указания тт. Берия и Маленкова по производству моторов, самолетов и всякого рода агрегатов, имя ввиду, что на ближайший период нам необходимо обеспечить фронт в первую очередь истребителями Як-1 и Лагг-3, бомбардировщиками Пе-2 и 103 и штурмовиками Ил-2.

3. Товарищам Берия и Маленкову, а также НКАП учесть заявление конструктора т. Климова и руководства завода № 26 о возможности серийного производства мотора М-107 для наших истребителей, а также заявление конструктора т. Микулина и руководства завода № 24 о возможности серийного производства мотора М-37 для самолета 103.

4. Тт. Берия, Маленкову и НКАП учесть также то обстоятельство, что построение новых заводов в районе г. Москвы по производству самолетов Як-1 и 103 является одной из очередных и неотложных задач»*.

ПредседательГКО
И. СТАЛИН.

3. Постановление Государственного Комитета Обороны от 26 апреля 1942 г. «О программе выпуска самолетов Як-7 на заводе № 82».

«1. Обязать НКАП тг. Шахурина и Дементьева и директора завода № 82 т. Бугрова к 30 мая с. г. закончить монтаж оборудования всех цехов и пустить завод № 82 в эксплуатацию.

2. Обязать НКАП т. Шахурина и т. Дементьева, директора завода № 82 т. Бугрова выпустить с завода № 82 в 1942 г. 400 самолетов Як-7, из них: V - 2 самолета, VI - 12, VII - 22, VIII -30, IX - 40, X - 74, XI - 90, XII - 130.

3. За выполнение в срок строительно-монтажных работ по заводу № 82 выделить в распоряжение НКАП т. Шахурина и т. Дементьева для премирования строителей и монтажников 800 тыс. руб. из резервного фонда СНК СССР.

4. Обязать Моссовет т. Пронина передать заводу № 82 для расселения рабочих, ИТР и служащих завода в Ленинградском районе г. Москвы 10 тыс. м^2 жилплощади».**

Председатель ГКО И.
СТАЛИН

*** Там**

**** Там**

4. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 19 мая 1942 г. «О выпуске самолетов Лагг-3 на заводе № 21».

«1. Обязать НКАП т. Шахурина, главного конструктора т. Лавочкина и директора завода № 21 т. Гостинцева сверх программы по Лагг-3 с мотором М-105 ПФ немедленно приступить к выпуску самолетов Лагг-3 с мотором М-82 и в течение одного месяца облегчить управление самолетом.

2. В отмену ранее принятого решения ГОКО о постановке производства самолетов Як-7 на заводе № 21 - сохранить на заводе № 21 производство самолетов Лагг-3...»*.

Председатель ГКО И. СТАЛИН

5. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 30 мая 1942 г. «О развертывании производства моторов АМ-38 на заводе № 45 НКАП'а в г. Москве»

«1. Обязать НКАП т. Шахурина и директора завода № 45 т. Комарова обеспечить ежесуточный выпуск, начиная с 15 июля с. г., по одному мотору АМ-38, с 28 июля - по два и с 30 августа - по три мотора... ...16). Обязать НКАП (т. Шахурина):

а), перебросить на завод № 45 с других заводов НКАП 350 чел. ИТР (мастеров, технологов, конструкторов и др.), в том числе с завода № 24 - 200 чел., № 26 - 100 чел. и № 29 - 50 чел.»...**

Председатель ГКО И. СТАЛИН

6. Постановление Государственного Комитета Обороны от 9 апреля 1943 г. «О заключении договора на техническую помощь с американской фирмой «Браун инструмент Компани»».

«Разрешить НКВнешторгу — т. Микояну А. И. и НКАП — т. Шахурину А. И. пролонгировать договор на техническую помощь по теплоизмерительным приборам всех видов и назначений с фирмой «Браун Инструмент Компани» сроком на 2 года»*.**

Зам. Председателя ГКО В. МОЛОТОВ

*** Там**

**** Там**

***** Там**

А. В. ХРУЛЕВ

В июне 1960 г., накануне очередной годовщины гитлеровской агрессии против СССР, я приехал за корректурой в типографию издательства «Советское радио». Там в производстве находилась моя библиографическая работа о Великой Отечественной войне.

На стене у входа в типографию вижу большое объявление о предстоящем выступлении в этот день перед коллективом генерала армии Андрея Васильевича Хрулева. Хотя до прибытия высокого гостя оставалось еще более часа, я решил обязательно побывать на встрече с ним.

Ведь это был хорошо известный в стране военный деятель, вынесший на своих плечах в 1941—1945 гг. поистине титанический груз многогранной и всеобъемлющей работы по снабжению всем необходимым Красной Армии. Во время Великой Отечественной войны, будучи заместителем наркома обороны СССР, генерал
А. В. Хрулев возглавлял Главное управление Тыла Вооруженных Сил СССР, а с марта 1942 г. по февраль 1943 г. одновременно выполнял обязанности наркома путей сообщения СССР. На всех этих важных и ответственных постах он проявил себя, по словам маршала Г. К. Жукова, как «исключительно энергичный и опытный организатор».

... Выступление Хрулева перед рабочими типографии больше походило на откровенную, насыщенную многими конкретными примерами беседу о том, как создавались органы тыла Красной Армии и в каких тяжелейших условиях решались вопросы обеспечения воюющих войск различными материальными средствами: боевой техникой, вооружением, боеприпасами, продовольствием, медикаментами, вещевым имуществом.

Когда слушатели, наконец, «отпустили» генерала, я подошел и представился. Завязался разговор. Узнав о теме моей диссертации, защищенной полгода назад и посвященной трудовой деятельности советских железнодорожников в первые годы войны, Андрей Васильевич как-то сразу оживился и просветлел.

— Дела наших железнодорожников военных лет, — сказал он, — достойны не только большого уважения, но и восхищения. Ведь они в той обстановке совершали почти невозможное. И Вам следует продолжить и углубить свое исследование.

Мы поговорили еще минут 15-20. Перед тем как попрощаться, я попросил Хрулева через какое-то время дать мне интервью по некоторым интересующим меня проблемам минувшей войны и получил его согласие.

Недели через две мы встретились снова, на этот раз в здании на Фрунзенской набережной, где размещалась Группа генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. В небольшом кабинете генерала армии находились еще два гостя, которые приняли участие в нашей беседе. Андрей Васильевич встретил меня приветливо, уже как «старого знакомого», и мы сразу же приступили к делу.

Хрулев говорил свободно, сопровождая свои ответы интересными эпизодами, диалогами, остроумными сравнениями. Лишь иногда, когда требовалось сообщить точные цифровые данные, даты некоторых событий, прибегал к помощи рукописных материалов, находившихся у него на столе.

По окончании интервью он передал мне несколько текстов, которые оказались фрагментами из его воспоминаний.

— Почитайте, перепроверьте с тем, что записали сегодня, а представится возможность — напечатайте где-нибудь в исторических журналах, — сказал Андрей Васильевич на прощанье.

Это была наша последняя встреча*.

Мои попытки опубликовать интервью генерала армии Хрулева и фрагменты из его воспоминаний не встретили тогда поддержки со стороны прежде всего «курирующих органов» и военной цензуры, по мнению которых в них оказалось слишком много «откровенных» по тем временам суждений...

Только спустя более четырех десятилетий читатель получил возможность ознакомиться с мыслями и оценками одного из видных творцов Великой Победы над фашизмом.

Интервью

Г. А. Куманев: Уважаемый Андрей Васильевич! Вам принадлежит огромная заслуга в создании в самом начале Великой Отечественной войны единой системы материального обеспечения наших Вооруженных Сил. Как состоялось Ваше назначение на должность начальника Главного управления тыла Красной Армии?

А. В. Хрулев: В первой половине июня 1938 г. меня вызвал В. М. Молотов и сказал, что решено организовать Укрвоенстрой для выполнения строительных работ в Киевском Особом военном округе, и спросил, согласен ли я поменять должность? Укрвоенстрой должен быть подчинен непосредственно Совнаркому СССР (СНК), и я буду подчинен только ему и получать оттуда все директивы. С Киевским же военным округом буду иметь договорные отношения.

Это предложение я охотно принял, в конце того же **месяца**

*** Генерал армии А. В. Хрулев скончался после продолжительной болезни 9 июня 1962 г.**

приехал в Киев и приступил к организации Военно-строительного управления при СНК СССР на базе военно-строительного отдела указанного округа.

Строительное дело я знал довольно хорошо, сумел очень быстро организовать работы и к 1 января 1939 г. вывел отстававший по строительству Киевский военный округ на первое место в Красной Армии.

Через некоторое время нарком обороны СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов попросил правительство забрать у него все строительные организации и подчинить Совнаркому, который организовал при себе Главвоенстрой, Дальвоенстрой и некоторые другие строительные организации. Таким образом создалась более стройная система строительных организаций, но подчиненная уже не наркому обороны, а непосредственно правительству.

В сентября 1939 г. мне довелось непосредственно наблюдать за походом наших войск в Западную Украину, что произвело тяжелое, просто удручающее впечатление. Колонны двигались без предварительно установленного порядка, и на дорогах создавались затруднения из-за того, что машины, тракторы и лошади постоянно перемешивались. У всех этих транспортных средств были свои скорости. Вдобавок ко всем прочему нередко возникали большие «пробки», когда в какой-нибудь грандиозной колонне, растянутой чуть ли не на 30-40 км, останавливался на дороге трактор. И вот я наблюдал: ночью стоит колонна, попытка объехать ее встречала колоссальные трудности, буквально все спало и стояло ночью, где-то произошел затор, может быть, шофер заснул, — и паралич! И вы могли найти командира дивизии, который не выходил из машины и не принимал необходимых мер. Не было никакой службы регулирования, никакой дорожной службы. Войска не обучались движению колоннами. И в результате получалось, что на дорогу вышли, а идти по ней не умеют. Картина была весьма поучительной.

Добравшись таким путем до Львова, встретил там В. Е. Белоскокова (он был помощником командующего Киевским особым военным округом по материальному обеспечению, а в годы войны станет одним из заместителей начальника Тыла Красной Армии). Белоско- ков мне сообщил:

— Вас разыскивают, Москва Вас вызывает.

Я пошел к командующему войсками округа С. К. Тимошенко. Он хорошо принял меня и сказал:

— Поздравляю тебя.

— С чем поздравляешь? — спрашиваю.

— В Москву тебя вызывают. Узнаешь.

Я оттуда на машине добрался до Киева, там сел в самолет и Улетел в Москву.

Когда прибыл в столицу, то сразу же позвонил Р. П. Хмельницкому (комдив для особых .поручений при наркоме обороны). Я

попросил его доложить Ворошилову, что в соответствии с его приказанием нахожусь в Москве у себя на квартире. Хмельницкий пообещал доложить обо мне и после доклада Ворошилову — позвонить.

Хмельницкий позвонил мне примерно часа в четыре дня и просил связаться с Ворошиловым. Я позвонил Ворошилову. Он спросил меня, где я нахожусь, и сказал, чтобы до 6 часов вечера я никуда не отлучался, т. к. вместе с ним должен поехать в Кремль к И. В. Сталину.

Г. А. Куманев: Ведь Вы со Сталиным встречались и раньше?

А. В. Хрулев: Да, я Сталина знал очень хорошо, знал его еще по Гражданской войне. Много раз мы встречались на различных заседаниях и приемах. Например, когда я был управляющим делами НКО, он принимал участие в одном из расширенных заседаний Реввоенсовета, где подводились итоги боевой подготовки за год. Помню, мы вместе праздновали десятилетний юбилей 1-й Конной армии на квартире С. М. Буденного, отмечали праздники и в Кремле.

Многие люди шли к Сталину на прием с каким-то трепетом, с большим волнением. У меня этого не было. Его я не боялся, не видел в нем какого-то зверя или неприступного человека, не желающего вести разговор на свободную тему. Со Сталиным я всегда был откровенен...

Но вернусь к ответу на первый Ваш вопрос. Ни в 6, ни в 7 часов никто не позвонил. В конце концов я позвонил сам и мне из секретариата наркома сообщили, что встреча с тов. Сталиным сегодня не состоится. Не состоялась она и на следующий день. На третий день я попросил у Ворошилова разрешения вернуться в Киев и там подождать нового вызова.

Нарком согласился и сказал:

- Поезжайте. Если надо будет, вызовем снова.

При этом я так и не узнал, зачем требовался Сталину. Рещил поинтересоваться у зам. наркома по кадрам Ефима Щаденко, но тот ответил, что «не в курсе дела», и весь мой вопрос ведет сам Ворошилов. Впоследствии выяснилось, что он сказал неправду. Щаденко знал, в чем дело. Знал о сути вопроса и начальник Главного ггблит- управления РККА Лев Мехлис, но оба были против.

Прошло около двух недель, и меня снова Ворошилов вызывает в Москву. Приехав, я сразу же явился к нему в секретариат. Хмельницкий доложил, и я через несколько минут был принят Ворошиловым.

Он мне сказал:

— Имеется в виду возвратить Вас в Москву и поручить здесь большую работу.

Примерно в 8 часов вечера мы с Ворошиловым поехали к Сталину.

Г. А. Куманев: Вы Ворошилова знали еще с Гражданской войны?

А. В. Хрулев: Нет, еще раньше. Мы познакомились в 1912 г., когда он вел революционную работу в С. -Петербурге, но какой-либо дружбы между нами не было. В 1917 г. Ворошилов был уже комендантом охраны Петродворца, а я - комендантом революционной охраны Пороховского района. В годы Гражданской войны мы были уже как старые знакомые. Правда, знакомство было чисто деловое и, если так можно выразиться, «самое боевое».

Итак, поехали мы вместе с Ворошиловым в Кремль к Сталину, и тот сразу же мне заявил:

— Имеется у нас намерение создать Управление снабжения Красной Армии во главе , с главным начальником снабжения в Вашем лице.

Я тут же поставил перед Сталиным ряд вопросов, связанных с конкретными функциями деятельности начальника снабжения РККА. По опыту прошлого я неплохо знал, что представлял из себя начальник снабжения. По существу он был единственный человек, который отвечал за продовольственное и вещевое снабжение, за обеспечение средствами связи, артиллерией, инженерным и авиационным имуществом. В его ведении было и строительство. Таким образом, это был большой орган по всестороннему материальному обеспечению армии. Но поскольку технические функции выросли в громадную величину, оказалось, что начальник снабжения не может с ними справляться и тогда его обязанности разделили на много частей, создали должность начальника вооружений. Ему подчинили бронетанковую, артиллерийскую, химическую, инженерную службы и службу связи. Должность начальника снабжения была упразднена и создано военно-хозяйственное управление, а строительное управление выделено в качестве самостоятельного.

Сталин заметил:

— Мне кажется, что слово или наименование «начальник снабжения» не подходит к современным условиям.

Я стал просить Сталина — нельзя ли обойтись без меня. На его вопрос, почему я не хочу принять это предложение, ответил:

— Поскольку Мехлис поставил своей задачей во что бы то ни стало меня уничтожить, он этим воспользуется и начнет травлю.

Сталин улыбнулся и сказал:

— Ну вот, сильнее кошки зверя нет.

— Для кого какой зверь, а для меня Мехлис — страшный зверь, — говорю ему.

Он тогда стал расспрашивать, почему у меня такое убеждение, что Мехлис обязательно расправится со мной.

Я ответил буквально следующее:

— Когда в прошлом году Вы рассматривали вопрос обо мне на Политбюро, Мехлис метал громы и молнии, силясь всех убедить, будто я замешан в военно-фашистском заговоре. Вы предложили мне все рассказать о моей деятельности на этот счет. Но так как мне

нечего было рассказывать, убедились, что я человек честный, и сказали Мехлису и Ежову, чтобы они отстали от меня. После этого, когда я перед отъездом пришел к Мехлису, он мне заявил: «Скажите спасибо Ворошилову. Он Вас тяжестью своей придавил и не дал мне поступить так, как следовало бы поступить, но я заявляю Вам, что постараюсь сделать все возможное, чтобы мое стремление (т. е. Мехлиса) оправдалось».

Тогда Сталин на все мои сомнения и возражения заявил:

— Ну хорошо, а если я вместе с Вами поведу борьбу против Мехлиса, то как Вы думаете — мы справимся?

Я откровенно ему сказал:

— Как будто бы по логике вещей должны бы справиться, но Вы имеете в виду, что Мехлис такой человек, что он может черт знает, что наделать и из любого положения способен выкрутиться.

Сталин усмехнулся:

— Он нас с вами вместе может разгромить?

— Вас-то не разгромит, а меня вот разгромит, — отвечаю.

Но решение все-таки состоялось. Я был назначен начальником снабжения Красной Армии с очень ограниченными функциями.

Г. А. Куманев: Вы сказали «с очень ограниченными функциями». Чем же все-таки занимался тогда начальник снабжения РККА? Он, был главным интендантом?

А. В. Хрулев: Первоначально это была должность начальника снабжения. Я проработал на этом посту примерно полгода, не получив при назначении никаких инструкций относительно того, чем же должен заниматься начальник снабжения, каковы его права и обязанности. Не ясна была и периферийная структура органов снабжения. Подчинялся я непосредственно наркому обороны.

Теперь о том, как возникла идея должности главного интенданта. Она родилась на той же самой давнишней основе: главный интендант в царской армии ведал продовольственным, вещевым снабжением, квартирным делом, финансами, обеспечением армии горючим. Все эти функции и остались. Я предложил объединить все это в органе главного интенданта. Обосновывал я это тем, что функции снабжения выполняли многие управления и была необходима их централизация. Согласие на утверждение должности главного интенданта было получено.

Помощник командующего войсками по материальному обеспечению, собственно, ведал тоже интендантскими вопросами, ему было подчинено вещевое и продовольственное снабжение, строительное и квартирное дело. Но так как строительное дело было выделено в управление, подчиненное правительству, то в его ведении оставались чисто интендантские функции.

Я сразу же распорядился об учреждении должностей интендантов округов. Вместо помощников командующих по материальному обеспечению. Подчиненный мне аппарат не претерпел изменений: новое

наименование моей должности отражало изменение круга обязанностей.

Повторяю, особенных прав дано не было. И вообще, одни люди боятся брать права, а другие берут их с ходу.

Г. А. Куманев: Как в дальнейшем, Андрей Васильевич, шла организация органов тыла?

А. В. Хрулев: Мы начали создавать их методом проб и ошибок. Посмотрите все документы 1941—1943 гг., включая положение о начальнике тыла, вышедшее весной 1943 г. Я все забирал, забирал и набрал много власти. Одновременно набрал много обязанностей, или, вернее, эти обязанности сами на меня лезли. Положение мое было таково: иди ва-банк, участь у тебя одна: не сделаешь - повесят, и если «переделаешь» — тоже повесят. И, действительно, несколько раз грозили это сделать.

Г. А. Куманев: Каково было отношение Генерального штаба к органам снабжения?

А. В. Хрулев: Между органами снабжения и Генеральным штабом все время шла борьба за руководство деятельностью по снабжению армии. Органы снабжения считали, что Генеральный штаб с функциями снабжения справиться не может, потому что для того, чтобы снабжать, надо доставить вовремя. В связи с этим были в свое время различного рода предложения. Например, бывший в 1931—1937 гг. начальником Генштаба маршал А. И. Егоров однажды предложил Ворошилову дело снабжения изъять из Генерального штаба, а за последним оставить только директивные функции по управлению войсками и по накоплению запасов. То есть чтобы Генеральный штаб осуществлял контроль за органами снабжения, но чтобы себе функции снабжения не присваивал.

Егоров добросовестно эту линию проводил в жизнь вплоть до его ареста в 1938 г. Если бы он не проводил эту линию, то Генеральный штаб утратил бы свое лицо как орган оперативного управления войсками, он превратился бы в орган снабжения и снабженческие вопросы задавили бы начальника Генерального штаба. К сожалению, ставший после К. А. Мерецкова начальником Генштаба генерал армии Г. К. Жуков тогда этого не понимал. Поэтому их система снабжения была построена таким образом: весь учет потребностей и все прочее — Генеральный штаб, пятое управление; в округах пятые отделы этим делом занимаются; в корпусах, в дивизиях — тоже такие ячейки. А кто же руководит органами снабжения? А дороги у кого? Они говорят: так как у нас есть Управление ноенных сообщений, то оно будет ведать автомобильным транспортом, воздушным транспортом, и соответственно будут везде расставлены комендатуры, и все это будет подчинено Управлению военных сообщений, а Управление военных сообщений, как орган Аля оперативных перебросок войск, подчинено оперативному управлению. А переброска боеприпасов? Кто этим ведает? Пятое

управление. Что показала советско-финская война? Запутались окончательно.

Так как очень часто при рассмотрении вопросов сосредоточения армии не рассматривают в комплексе, с чем прибыли, то всегда господствует точка зрения оперативников, и только когда становятся остро вопросы, почему же эти дивизии не могут кормиться и воевать, тогда начинают обвинять и ругать снабженцев.

После Крымской конференции «Большой тройки» мы решили вступить в войну с Японией, а для этого надо было сосредоточить большое количество дивизий на Дальнем Востоке. И вот Генеральный штаб (тогда его начальником был генерал армии А. И. Антонов) так спланировал перевозки, что в течение двух месяцев надо перебросить на Дальний Восток около 30 дивизий. Я посмотрел и говорю: а как снабжение пойдет? Для снабжения места не остается. Тогда я беру все эти бумаги, иду к Сталину и заявляю: «Таким путем мы не можем осуществлять эти перевозки, нет места для снабжения».

Я говорю:

- Товарищ Сталин, Вы знаете, как провалилась русско-японская война? Не потому, что там наши солдаты были плохие, — плохое снабжение во многом решило все вопросы. Царское правительство, которое вынуждено было дать отчет народу, создало «дело Московского интендантства», а на самом деле провалилась его политика, Зачем же нам становиться на этот путь?

Сталин поначалу нахмурился. Потом подумал и назначил комиссию — Г. М. Маленкова, Л. П. Берия и А. И. Микояна. Я торговался с этой комиссией — что можем провести, чего не можем провести. И все прошло гладко.

Г. А. Куманев: Было ли специальное уставное положение об организации службы тыла?

А. В. Хрулев: Было, но оно сводилось к тому, что все материальное обеспечение армии, точно так же и дорожное обеспечение, обеспечение перевозками, обеспечение санитарное, все шло по линии пятых отделов штабов. Управления работали сами по себе. Но никакое Пятое управление не могло сосредоточить функции руководства обеспечения вещевым, продовольственным, санитарным, дорожным, автомобильным; затем еще эвакуация раненых) эвакуация трофейного имущества. Считалось, что все будут делать комендатуры. Но все эти взгляды Генерального штаба оказались слишком примитивными, слишком малыми по масштабам, непригодными Штабы с этим справиться не могли, поэтому так быстро возник вопрос о стройной организации тыла.

Еще несколько слов из опыта похода в Западную Украину и в Западную Белоруссию, Ничего слишком значительного отсюда, даже из войны с финнами извлечь нельзя было. Поход в Западную Украину и в Западную Белоруссию — это была демонстрация, а не война Польская армия по существу не существовала. Она оказалась не в

состоянии сопротивляться. Между нами говоря, поляки боялись немцев, и все свои войска они стащили на Вислу; немцы сразу взяли **польскую** армию в «штыки» и очень быстро ее ликвидировали. Единственное, что было получено в результате этих походов, это то, что наша Красная Армия не умеет ходить На марше. Если бы таким **путем** вышли против немцев, то немцы перебили бы много народа авиацией. Во-первых, шли дивизиями. Нельзя по одной дороге идти **дивизиями.** Полками — и то надо подумать.

В результате чего произошли эти недостатки? Управлять армией было некому. Все, что было сильного, все, что было способного в 1937-1938 гг., все было перебито.

Во время польской кампании и финляндской кампании вся система снабжения была построена по принципу Первой мировой войны. (Из опыта Гражданской войны нельзя ничего взять в смысле снабжения — не было никакой системы.) Хлебопечение - так, как было в царской армии. Питание солдат — так, как было в царской армии. Снабжение вещевым имуществом — так, как было в царской армии. Те же самые принципы, т. е. возимые и носимые запасы.

Кстати, надо сказать, никто не думал, что будем воевать при морозе минус 50°, что хлеб будет замерзать, а вдобавок у нас и сухарей не было. Солдатский сухарь очень объемистый, его надо прессовать, давать в виде галет, а всего этого тоже не было.

Как же возможно воевать с концентратами, с этими продуктами высокой калорийности, превращенными в концентраты? А где вода? Котелок всегда должен быть с солдатом. А где солдат возьмет кипяток? Он наберет холодную воду, наберет солому, прутья и нагреет воду.

Известно, что американцы едят все консервированное. Кто сказал, что пищу надо обязательно превращать в горячую? Вы посмотрите рацион американцев. У нас каждый человек жидкости литра три-четыре «хватает», а у них этого нет. У американцев имеется и сухой спирт, на котором согревают консервы. Мы давали во время советско-финляндской войны сухой спирт, и делали это по примеру японцев. Японцы дают банку сухого спирта, дают котелок, причем, все это в безлесных, пустынных районах. Пройдите сейчас от Москвы до Парижа — пройдите такими местами, где бы вы не задели населенного пункта? Когда Наполеон в 1812 г. — при редкости населения в Польше, редкости населения в России — он шел не особенно оснащенным, он придерживался населенных пунктов. Теперь населенных пунктов несравненно больше и отягощать себя такими средствами, как кухни, как пекарни, полагаю, нет смысла. А то приходится тащить и кухню, и кипятильник.

Когда мы начали воевать, оказалось, что мы не можем изготавливать кухни в большом количестве — нет металла. А вдобавок ко всему прочему в советско-финляндскую войну мы убедились, что **луженый** котел после трех месяцев пользования им с солью — не

^ ^ Куманев

годится, полуда сходит, и люди могут отравляться. Значит, надо котлы лудить. Значит, надо посылать лудильщиков. Котел нужно вынуть, кухню надо демонтировать. Мы мобилизовали из промкоо- перации около тысячи человек мастеровых, которые знали лудильное дело, сформировали бригады и послали на финский фронт для лужения котлов.

Были и другие моменты, когда мы просто не могли найти металла. Тогда встал вопрос, чтобы сделать чугунные котлы. Многие инженеры выступали, они готовы были черт знает что подозревать. Они готовы были подозревать, что это вредительство. Я сказал: надо взять чугунные котлы. Чугун не окисляется. Сколько лет будет жить кухня, столько лет будет жит и котел.

Тогда начали доказывать, что чугунные котлы очень хрупкие, котел быстро развалится и кухни не будет. Но так как другого выхода не было, то я встал решительно на этот путь - изготавливать кухни с чугунными котлами без испытаний, что и начали проводить в жизнь.

Это дошло до Мехлиса. Мехлис сейчас же накатал записку, что это вредительский акт. Когда на Совнаркоме начали обсуждать этот вопрос, пожались, пожались, все стояли на моей стороне, но не хотели принять решения (это было во второй половине 1940 г., когда Мехлис уже был наркомом государственного контроля), никто не хотел сказать «да». Все твердили одно: «Надо изучить, надо прове-* рить!». Мехлису никто не хотел сказать: «Что ты чепуху городишь?».

***Г. А. Куманев:* Что Вы можете сказать относительно размещения запасов? Каковы были точки зрения на этот счет?**

***А. В. Хрулев: Я* имел непосредственное столкновение с Мехлисом по данному вопросу. В 1941 г., когда Сталин был уже Председателем Совнаркома СССР, я докладывал на заседании правительства свои предложения по части размещения неприкосновенных запасов. Я говорил Сталину, что неприкосновенные запасы в приграничные дивизии закладывать не следует. Пусть эти приграничные дивизии живут с тем, что у них есть, а запасы сосредоточивать на окружных и центральных складах, желательно за Волгой. Что касается теплого обмундирования — валенок, полушубков, ватных телогреек, шапок, рукавиц меховых, — все это хранится только за Волгой и ничего войскам не следует давать до наступления холодов.**

Генеральный штаб говорит: этого нельзя принять, потому что у нас по плану эти приграничные дивизии пополняются контингентами из различных областей и идут они необмундированными и невооруженными, и для того чтобы, прибыв в ту или иную часть, они могли быть боеспособными, необходимо хранить для них обмундирование и вооружение.

Я отвечал и на этот, вопрос: предлагаю существующую систему изменить, чтобы военкоматы обмундировывали команды и давали оружие. Чтобы солдат пришел уже готовым, и, если вдруг окажется,

что дивизия или войсковая часть разбита или ушла в неизвестном направлении, этот солдат мог быть передан в готовом виде в любую часть.

Доводы против: это совершенно новое дело, пока никем не проверенное.

Мехлис встает:

- Товарищ Сталин, это вредительская точка зрения. Если мы примем эту точку зрения, то мы поставим армию в тяжелое положение. Я служил в царской армии — там было по три комплекта обмундирования на каждого солдата.

Я спрашиваю:

- Где?
- В Егорьевске.
- Это же не граница.

И никто не встал, чтобы сказать, что это была вредительская точка зрения.

Относительно утверждения, что в царской армии в роте лежало три комплекта обмундирования на каждого солдата. Ведь это было обмундирование, которое на войну взять нельзя было, оно предназначалось для парада, чтобы показать красивого солдата.

Но Сталин к этому делу тогда отнесся очень спокойно. Он никак не реагировал на истерику Мехлиса, но зато очень быстро спохватился в начале войны и сказал: где? что? куда? Три миллиона пар обуви идет из Америки в Мурманск или в Архангельск. Он спрашивает:

- Куда обувь намерены направить?
- В г. Молотов.
- Это хорошо. Это лучше, чем везти к Москве.

В этом отношении он вообще подходил к делу по-хозяйски - все складировать за Волгой.

Г. А. Куманев: А как в начале войны обстояло дело с рабочей силой на предприятиях, которые обеспечивали снабжение армии?

А. В. Хрулев: Промышленность, которая обеспечивала снабжение солдат, оказалась в очень тяжелом положении в связи с тем, что в ряды РККА ушли мужчины. Дело в том, что была допущена заранее ошибка в мобилизационных планах со стороны Госплана, других организаций, и прежде всего Генерального штаба. Считали, что для производства самолетов, пушек, танков надо бронировать рабочую силу, нельзя забирать специалистов токарей, механиков, слесарей высококвалифицированных, что их можно будет взять в последующем, заменяя какими-то другими людьми, а что касается изготовления обмундирования, обуви — тут этого не надо, и не только не надо бронировать людей, не надо бронировать и автотранспорт, и сырье, и топливо и т. д.

Я не считаю, что надо бронь распространить на всю промышленность. И не все сотни пошивочных предприятий, не все сотни предприятий, изготовляющих обувь, работают на армию. Требова-

лось закрепить рабочую силу только за теми предприятиями, которые непосредственно работают на армию. Надо было обеспечить их топливом, сырьем и другими необходимыми материалами для нормального производства. И вот этого не было сделано. А почему? д потому, что уже упомянутый мною Пятый отдел, взяв все эти функции на себя, не сумел довести их до дела, а человека, который бы осуществлял все эти функции, не было.

Кроме того, был еще один порок: снабжение продовольствием, вещевым имуществом, медико-санитарное обеспечение; снабжение горючим переходило то от Мехлиса к Щаденко, то от Щаденко к Мехлису, то от Кулика к Щаденко, то от Щаденко к Кулику. Люди, которые занимались руководством этим делом, были случайные люди. Они не могли по-настоящему освоить смысл этого дела, им не удавалось даже понять, в чем дело, «с чем это едят».

Вот почему в отношении вооружения я стою за то, что нам надо создать начальников вооружения. Вопросы снабжения надо постоянно контролировать.

В свое время, будучи начальником Центрального военно-финансового управления НКО, я держал под контролем это дело. Я был нахрапистым работником, не боялся пойти к Ворошилову, остро поспорить с М. Н. Тухачевским, с С. С. Каменевым; вносил свои предложения.

Г. А. Куманев: Как Вы узнали о начале войны, где находились? Вызвали ли Вас сразу в Кремль к Сталину?

А. В. Хрулев: Когда началась война, я был дома, и в этот день" меня никто и никуда не вызвал. До 21 июня никаких указаний я не получал, и 22 июня я тоже ничего не получил. О фашистском нападении узнал по радио. И затем в течение двух суток я никуда не приглашался и сам никуда не ходил.

Г. А. Куманев: Каким образом Вы были назначены заместителем наркома обороны?

А. В. Хрулев: Меня назначили заместителем наркома обороны (а ' наркомом был тогда маршал С. К. Тимошенко) 20 июля 1941 г. Предварительно со мной никто не говорил. Предполагаю, что это было подсказано Ворошиловым. Он был членом Политбюро ЦК. Видимо, он предложил. Ворошилов мне всегда очень симпатизировал. Кстати, совсем недавно он мне заявил:

— Неправильно, что Вас держат в таком положении. Вы могли бы очень многое сделать. Я не хочу перед Вами подхалимничать, мне нет в этом нужды, но Вы могли бы еще делать большие дела.

О своем назначении я узнал из газет. Заместителей наркомов никогда в газетах не объявляли, а тут было напечатано в газетах.

Тимошенко, как нарком обороны, исчез в тот же день — срочно уехал на фронт.

Г. А. Куманев: Что предприняли органы снабжения в первые дни войны?

А. В. Хрулев: Мы ничего не предпринимали недели две. Больше думали над тем, что же нам делать. Ведь наши войска отступали по всей территории и, как говорится, седлали тыл со всеми его запасами. Поэтому в снабжении фактически не нуждались и к тому же (точти все время шли по хорошим дорогам. Они не только сами питались, но и бросали очень много.

Когда, например, мы начали отходить на Бологое, у нас было там сосредоточено большое количество складов. Мы не знали, что делать со снарядами, возить нам ничего не надо было, наоборот, надо было вывозить или бросать, что и делалось.

Г. А. Куманев: Нельзя ли Вас попросить немного подробнее охарактеризовать Ставку ВГК и Государственный Комитет Обороны, на заседаниях которых Вам приходилось бывать?

А. В. Хрулев: Государственный Комитет Обороны - это кабинет Сталина. Что служило аппаратом ГКО? Особый сектор ЦК партии, аппарат Совнаркома СССР и аппараты всех наркоматов.

А что такое Ставка? Это Сталин (и ни одного человека в его секретариате), Генеральный штаб (он вызывал к себе с картой начальника Генерального штаба или помощника начальника Генерального штаба) и весь Наркомат обороны. Это и была фактически Ставка.

Вызывает он командующего войсками какого-либо фронта и говорит:

— Мы хотим Вам дать директиву провести такую-то операцию. Что Вам для этого надо?

Тот отвечает:

— Разрешите мне посоветоваться с фронтом, узнать, что там делается.

— Идите в ВЧ.

Вся связь, которая была у Сталина, была ВЧ — один телефон, но все было подчинено ему. Как только сказал, сейчас все выключают и связывают его с тем, кого он хочет вызвать к телефону.

Никаких радиостанций, ни телеграфных станций, ничего не было. Телеграф был у Наркомата связи в Генеральном штабе. В Генштабе имелись и радиостанции. Не было такого положения, что Сталин сидит где-то и может все обозревать. Он все к себе тянул. Сам никуда не ходил. Он приезжает, допустим, в 4 часа дня к себе в кабинет в Кремль и начинает вызывать. У него есть список, кого он вызывает. Раз он приехал, то сразу все члены Государственного Комитета вызываются к нему. Заранее он их не собирал. Он приезжал — и тогда Поскребышев начинал всех обзванивать.

Вы, возможно, представляете себе все это так: вот Сталин открыл заседание, предлагает повестку дня, начинает эту повестку дня обсуждать и т. д. Ничего подобного! Некоторые вопросы он сам ставил, некоторые вопросы у него возникали в процессе обсуждения, и он сразу же вызывал: это Хрулева касается, давайте сюда Хрулева; это

Яковлева касается, давайте сюда Яковлева; это Пересыпкина касается, давайте его сюда. И все давал задания. Кроме того, все члены Государственного Комитета Обороны имели в своем ведении определенные участки работы. Так, Молотов ведал танками, Микоян - делами продовольственного интендантского снабжения, снабжения горючим. И у него был ленд-лиз. Иногда он занимался по отдельным поручениям доставкой снарядов на фронт. Маленков занимался авиацией, Берия - боеприпасами и вооружением. Кроме того, каждый приходил со своими вопросами: я прошу принять такое-то решение по такому-то вопросу.

И в Ставке, и в ГКО никакого бюрократизма не было. Это были исключительно оперативные органы. Руководство концентрировалось в руках Сталина. Обсуждались наиболее важные оперативные вопросы, которые заранее готовились соответствующими членами Ставки или ГКО.

В течение дня принимались десятки решений. Причем, не было так, чтобы Государственный Комитет заседал по средам или пятницам, заседания проходили каждый день и в любые часы, после приезда Сталина. Жизнь во всем государственном и военном аппарате была сложная, так что никто не уходил из помещения. Никто не декларировал, что должно быть так, так сложилось.

Стоило А. А. Новикову, командующему Военно-Воздушными Силами, отдать приказ, в котором говорилось: «В связи с тем, что тов. Сталин работает в такие-то часы, приказываю работать в те же часы, на что Верховный отреагировал: мало ли, что ***я*** так работаю...»

Сталин, например, мог прийти в четыре часа, а потом в восемь часов. Сегодня он закончил работать в одиннадцать часов вечера, а пришел в восемь часов утра и т. д.

У меня на улице Горького была кремлевская вертушка. Звонит. Берешь трубку:

— Вы почему не спите?

Я говорю:

— Позвольте, Вы звоните, значит Вы считаете, что я не должен спать.

Всегда все люди были на месте. Было организовано так, чтобы они могли быть быстро поставлены в известность.

На заседаниях не было никаких стенограмм, никаких протоколов, никаких технических работников. Правда, позднее Сталин дал указания управделами СНК Я. Е. Чадаеву кое-что записывать и стал приглашать его на заседания.

Сталин подписывал документы, часто не читая — это до тех пор, пока вы себя где-то не скомпрометировали. Все было построено на громадном доверии. Однако стоило ему только (может быть, это чисто национальная черта) убедиться, что этот человек — мошенник, что он обманул, ловчит, судьба такого работника была решена.

Но в результате такого доверия было так, что много на тебя

нагромождали обязанностей. Особенно Берия любил — он сотнями тысяч записывал валенки за счет военного ведомства. Если бы сказать Сталину, то он разорвал бы такой документ, и Берия больше ни одного документа не подписал бы у него.

Я давал Сталину тысячи документов на подпись, но готовя эти документы, за каждой буквой следил. У Маленкова и Берия есть какой-то вес, а какой же у меня вес?

Следует также иметь в виду, что, если у вас имелось важное и неотложное дело, можно было прийти в кабинет Сталина и без приглашения. Я так делал неоднократно, и Сталин меня ни разу не выгонял. Да он и никого не выгонял.

Надо было сидеть и слушать. Но когда создавалась какая-то пауза; я обычно говорил:

— У меня есть один вопрос.

— Сидите. (Что означало — этот вопрос он будет рассматривать.)

Однажды я прихожу к Сталину и говорю, что надо выпустить постановление ГКО, устанавливающее порядок санитарной обработки бойцов, следующих на фронт, в Москве.

— Для чего?

— Поскольку у нас в Поволжье сыпной тиф, надо гарантировать от заноса на фронт эпидемии,

— Чтобы вы с фронта растащили заразу?

— Нет, товарищ Сталин.

— Вы ничего не знаете. Давайте Смирнова.

Вызвали начальника Главного медицинского управления Красной Армии Е. И. Смирнова. Смирнов начинает рассказывать ему, что положение у нас действительно тревожное, и, чтобы обезопасить фронт от проникновения эпидемии, надо проделать эту операцию.

— И Вы ничего не знаете. Давайте Митерева.

Пришел нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев и убедил, что это надо сделать, что необходимо обезопасить армию от проникновения эпидемии на фронт.

Бывали и другие казусы. Авиация просит дать на подготовку кадров 2200 тыс. тонн высокооктанового бензина, а мы можем выделить максимум 700 тыс. тонн. Генерал-полковник В. В. Никитин из Управления снабжения горючим НКО докладывает, что Хрулев дает очень мало бензина, мы не можем выполнить программу подготовки летчиков, которая утверждена ГКО. Сталин вызывает меня. Я ему докладываю, что у нас ресурсы бензина не позволяют дать больше 700 тыс. тонн, а кроме того, план распределения бензина мы уже утвердили, там записано 700 тыс. тонн, и теперь надо только пересматривать план.

Он ничего не говорит, вызывает Поскребышева:

— Ну-ка, Микояна сюда.

Приходит Микоян. Сталин к нему обращается и говорит.

~ Летчики просят 2200 тыс. тонн высокооктанового бензина.

Тов. Хрулев дает только 700 тыс. тонн. Можно удовлетворить просьбу летчиков?

— Можно.

Я тут же Микояну говорю:

— За счет чего?

— У меня кое-что есть.

— Нет, Анастас Иванович, ничего больше нет. Я записал в этот план полностью все, что у нас запланировано получить из Америки, но процентов пятнадцать-двадцать танкеров гибнет, немцы их уничтожают. Я все это подсчитал.

Сталин вмешивается и говорит:

— Что вы спорите? Микоян этим делом ведает и знает.

Я отвечаю:

— Нет, товарищ Сталин, он этим не ведает и не в курсе дела, и я сейчас ему объясню, что он не сможет этого сделать.

Сталин спрашивает:

— Что есть реального?

Я поясняю.

— В этом плане есть 500 тыс. тонн резервов Ставки. Распределяйте этот резерв Ставки.

— Что же я без резерва останусь? Не годится.

Уходим. После этого разговора Микоян вызывает М. И. Корми- лицына — начальника Управления снабжения горючим:

— Прибавьте 500 тыс. тонн.

Тот отвечает: *

— Я ничего не могу прибавить.

Микоян заявляет:

— Позвоните Хрулеву, пусть Хрулев это сделает.

— Ничего не надо звонить Хрулеву.

Кормилицын возвращается, приходит ко мне и рассказывает.

Я говорю:

— Делай, если он тебе приказал.

Я не видел, чтобы Сталину кто-нибудь возражал, что этого сделать нельзя, а когда я возражал, он говорил:

— Что это за человек, ему хоть кол на голове теши, он все свое.

Г. А. Куманев: Как Вы стали наркомом путей сообщения СССР и почему новые сложные обязанности пришлось выполнять наряду с прежними?

А. В. Хрулев: В первой половине марта 1942 г., находясь по распоряжению Сталина на Калининском фронте (в это время был у командующего 4-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова), я получил приказ о срочном возвращении в Москву. Так как дороги были зимние, не очень хорошие, а расстояние, которое отделяло меня от Москвы, было равно 500 км. Я с рассветом выехал из 4-й армии, а глубокой ночью был уже в Москве.

Явившись к себе на службу, я сразу же позвонил Поскребышеву

и попросил его доложить Сталину о моем прибытии. Поскребышев дал телефон, по которому находился Сталин, и предложил мне лично соединиться с ним. Когда я позвонил Сталину, он мне заявил, что вызвал меня с фронта по чрезвычайным обстоятельствам, а именно — по причине создавшейся критической ситуации на железнодорожном транспорте, и тут же сообщил, что для рассмотрения вопроса о работе железнодорожного транспорта создана комиссия из членов ГКО, в которую он бы считал необходимым включить и меня. Я просил меня в нее не включать, а что касается моего участия в работе Комиссии, то я могу выполнять любое поручение, не будучи ее членом. Но через час я получил постановление ГКО (это было 14 марта), в котором говорилось, что «в состав руководящей пятерки по делам НКПС» дополнительно включаются Микоян и Хрулев.

Пока шел разговор о моем участии в Комиссии, Сталин ни разу не упомянул о работе Л. М. Кагановича, стараясь рассказать мне, как это ему представлялось, о состоянии железнодорожного транспорта, о состоянии перевозок. Он, видимо, уже был кем-то достаточно осведомлен о сложившемся положении, когда говорил о Ярославской, Северной, Казанской дорогах, забитых составами поездов. Движение по ним уже почти прекратилось. Что касается таких дорог,' как Сталинградская, Пензенская, Куйбышевская, Рязано-Уральская, Южно-Уральская, то они были на грани паралича, не пускали поездов и не принимали их.

Критическое положение на железнодорожном транспорте сложилось в результате ежемесячного ухудшения работы железных дорог, и только, видимо, благодаря тому, что нарком путей сообщения Каганович не докладывал о назревающей катастрофе, железнодорожный транспорт действительно зашел в тупик. Но не потому, что люди не умели работать или не умели и не хотели понимать происходящих событий.

Работа железнодорожного транспорта резко ухудшилась главным образом потому, что нарком путей сообщения не признавал вообще никаких советов со стороны сотрудников НКПС. Между тем они вносили немало ценных предложений, чтобы выйти из создавшегося положения. Каганович же кроме истерики ничем не отвечал на эти предложения и советы работников транспорта.

А тут еще начали давать о себе знать малые запасы угля на железнодорожном транспорте. Поэтому вопросу правительство постоянно вводилось в заблуждение относительно средней обеспеченности железных дорог топливом. Мол, с этим делом в целом все в порядке. На самом деле все выглядело по-другому. Дело в том, что к началу войны запас топлива был годовой на дальневосточных Дорогах и месячный запас на западных, юго-западных, северо-западных и центральных железных дорогах. Захватывая обширные районы Западно-Европейской части СССР, противник не давал нам возможности вывезти даже те незначительные запасы угля, которые там

имелись. Наше отступление было очень спешным и не позволило железнодорожникам полностью эвакуировать также паровозы, ваго- ны и другое транспортное оборудование и имущество.

Г. А. Куманев: **А как вел себя в это время Каганович?**

А. В, Хрулев: **В процессе работы Комиссии ГКО я наблюдал только одну перепалку между Кагановичем, Берией, Маленковым и другими членами Комиссии. Причем Каганович и в данном случае не старался воспользоваться работой Комиссии, чтобы выговорить НКПС необходимую помощь. Его аргументация была одна: «Вы ничего не понимаете в работе железнодорожного транспорта, вы никакого хорошего совета мне подать не можете...»**

И вот в процессе работы Комиссии Сталин дважды обращался ко мне. В первом случае с предложением, не следует ли мне занять пост народного комиссара путей сообщения, так как это было бы полезно для армии. И когда я старался отвести от себя это предложение, доказывая, что армия может себя обеспечить и не имея своего работника в качестве наркома путей сообщения, то Сталин в ответ заявил: «Вы не понимаете существа этого вопроса».

Второй разговор уже был наиболее решительным и конкретным. Когда Комиссия находилась в Наркомате путей сообщения и вела разговор с членом Комиссии, первым заместителем наркома Б. Н. Арутюновым по вопросу обеспечения железных дорог топли-. вом (он ведал этими вопросами), часов в 8 вечера раздался звонок в кабинет Арутюнова. Я был вызван к телефону лично Сталиным, который заявил мне, что он сегодня внесет предложение в Политбюро ЦК о назначении меня наркозом путей сообщения. Еще раз я просил его не делать этого, поскольку мой авторитет слишком мал для большой армии железнодорожников, и мне будет крайне трудно справляться с таким большим делом. Если Каганович, будучи членом Политбюро ЦК партии, будучи членом ГКО, не справился с этим делом, то как же я смогу справиться с этим делом.

Сталин начал меня убеждать, что, мол, все это вы можете получить в результате своей хорошей работы, кроме того, он обещал помогать и задал мне вопрос:

— Что, Вы не верите, что я могу Вам помочь?

И когда я отвечал, что я всему этому верю, но все-таки прошу не назначать меня наркомом путей сообщения, то Сталин в ответ на это сказал:

— Вы полагаете, что я соглашусь с кандидатурой Арутюнова, которую нам все время навязывает Берия? Но я никогда не соглашусь с этой кандидатурой и считаю, что Вы меня не уважаете, отказываясь от моего предложения.

Несмотря на мои дальнейшие просьбы о том, чтобы он, Сталин, отказался от мысли назначения меня наркомом путей сообщения, Сталин обидчивым тоном еще раз заявил:

— Значит, Вы меня не уважаете...

Не имея больше возможности доказывать и возражать против моего назначения на пост наркома путей сообщения, я спросил Сталина:

- Кто же будет начальником Тыла Красной Армии?

Он ответил:

- Начальником Тыла останетесь Вы. Потому и целесообразно Ваше назначение наркомом путей сообщения. Являясь одновременно начальником Тыла, Вы используете все свое право наркома, чтобы в первую очередь обеспечить действующую армию.

В тот же день, 25 марта 1942 г., ровно в 12 часов ночи я получил решение о назначении меня народным комиссаром путей сообщения. И буквально тут же позвонил Л. М. Каганович, который просил срочно приехать к нему в НКПС. Я приехал в НКПС, получил ключи от стола и стул, на котором сидел нарком путей сообщения, и без каких бы то ни было формальностей вступил в новую должность. Вся процедура приема-сдачи проходила в пределах 15 минут.

Когда меня назначили наркомом путей сообщения, Сталин пригласил меня к себе на дачу, там было почти все Политбюро. Улучив момент, я подошел к Сталину и обратился к нему с вопросом:

— Я не совсем понимаю отношение ко мне в 1938 г. Мехлис и другие требовали моего ареста, а теперь меня назначили наркомом путей сообщения. Какой же контраст!

Он сказал мне примерно так: «Мехлис, как только пришел в ПУР в конце 1937 г., начал кричать о том, что Вы — враг, что Вы — участник военно-фашистского заговора. Щаденко вначале выступал в защиту Вас. Кулик, тот последовательно заявлял: «Не верю. Я этого человек знаю много лет и не верю, чтобы он был замешан в каком- то антисоветском, контрреволюционном деле». Но Вы, — говорит Сталин, — понимаете мое положение: Мехлис кричит «враг», Щаденко потом подключился к Мехлису, а Вы помните, — говорит, — как обстояло дело при решении этого вопроса в Политбюро. Когда я задавал Ворошилову вопрос, - продолжал Сталин, - что же нам делать, Ворошилов сказал: теперь вот ведь какое время — сегодня тот или иной подозреваемый стоит на коленях и плачет, клянется, что ни в каких заговорах не участвовал, никакой антисоветской и антипартийной работы не вел, а завтра подписывает протокол и во всем сознается».

Позднее я передал весь этот разговор Ворошилову. Ворошилов возмутился:

— Это неверно. Если бы я тогда колебнулся, Вас бы не было.

Я знал, что если бы перед назначением на такой, большой пост,

как нарком путей сообщения, не поставить все эти вопросы, тогда тот же самый Мехлис сказал бы: кого вы посадили в кресло наркома? Он — предатель, враг, он воспользовался тем, что его поставили на такой высокий пост, и поставит страну в тяжелое положение.

Какое у меня было положение? Дают большой пост, оставляют

начальником Тыла Красной Армии и говорят: «Вы и то, и другое будете вести. И в то же время состояние хозяйства ужасное, а вдобавок ко всему прочему, авторитета у меня ни в партии, ни в стране никакого, никто меня не знает.

Я это тоже Сталину высказал. И он сказал:

— Ну хорошо, Центральный Комитет сделает все необходимое, чтобы Вы пользовались соответствующим авторитетом.

Кстати, когда я отрицательно характеризую Мехлиса и когда я считаю, что Мехлис вел большую работу против Ворошилова, то у меня для этого есть все основания.

После окончания советско-финляндской войны был созван Пленум Центрального Комитета партии по итогам войны и о состоянии наших Вооруженных Сил. На этом Пленуме нарком обороны Ворошилов выступил с докладом о состоянии армии и нарисовал в нем очень мрачную картину состояния Красной Армии. Он сделал вывод, что во всем этом деле его вина, Ворошилова, и поэтому просит Центральный Комитет партии освободить его от должности наркома. Ведь он уже почти 15 лет возглавляет НКО. А за это время у всякого может притупиться острота восприятия, недостатки могут казаться обычным явлением.

После выступления Ворошилова Мехлис берет слово и начинает поносить Ворошилова: нет, товарищи, Ворошилов так не должен уйти от этого дела, его надо строжайше наказать. Одним словом, хотя бы арестовать.

После этой истерики Сталин выходит из-за стола Президиума* поднимается на трибуну, отталкивает Мехлиса и говорит:

— Товарищи! Вот тут Мехлис произнес истерическую речь. Я первый раз в жизни встречаю такого наркома, чтобы с такой откровенностью и остротой раскритиковал свою деятельность. Но, с другой стороны, если Мехлис считает для него это неудовлетворительным, то если я вам начну рассказывать о Мехлисе, что Мехлис из себя представляет, то от него мокрого места не останется...

И сошел с трибуны.

После Ворошилова наркомом обороны назначили Тимошенко,- который проработал два или три месяца. Потом образовывают Наркомат государственного контроля и Мехлиса назначают наркомом государственного контроля. Мехлис отказывается от такой должности (все-таки нарком!) и просит его оставить в армии, а для того чтобы свою просьбу подкрепить, он подговаривает Тимошенко, чтобы Тимошенко написал Сталину записку, что просит оставить Мехлиса в армии. Хотя он (Тимошенко) — не новый человек в армии, но не все порядки, особенно в центральном аппарате, ему знакомы, поэтому просит сохранить Мехлиса в армии как человека, достаточно хорошо знакомого со всеми порядками в центральном аппарате.

Я был свидетелем, когда Сталин получил записку Тимошенко и говорит:

- Вот наивный человек! Ему хотят помочь, он не понимает этого; $_0$н хочет, чтобы ему Мехлиса оставили. А Мехлис, пройдет три **месяца,** его столкнет. Он хотел и Ворошилова столкнуть. Мехлис сам **хочет** быть военным наркомом.

У Сталина возникло это подозрение, видимо, и раньше, и зародилось, может быть, исходя из каких-то определенных моментов поведения Мехлиса.

А с другой стороны, какие основания у Мехлиса были отказываться от должности наркома государственного контроля? Должность почетная и большая государственная работа. Какие основания у Мехлиса были стремиться оставаться в армии на должности начальника ПУРа? Мехлиса подозревать в скромности нельзя было. Он никогда таким не был. Этим «недостатком» он никогда не страдал.

Г. А. Куманев: Что Вы сделали в первую очередь, когда вступили в должность наркома путей сообщения?

А. В. Хрулев: Работа в НКПС представляла для меня громадный интерес. Но прежде чем ответить на этот вопрос, хотел бы еще раз вернуться к истории, связанной с моим назначением на должность наркома путей сообщения. На июньском Пленуме ЦК КПСС 1953 г., который обсуждал преступную деятельность Берия и его сообщников, один из членов ЦК (пока фамилию называть не буду) выступил и заявил, что Берия, желая уничтожить Кагановича, позволил себе такую выходку, как предложить Хрулева в качестве наркома путей сообщения. Хрулев не был подготовлен к этому большому делу, и поэтому этот товарищ не мог не рассматривать мою кандидатуру, как попытку Берии нанести вред народному хозяйству или затормозить ведение войны.

Этот товарищ прав в том отношении, что я не был подготовлен к этому делу. Но я категорически отвергаю утверждение, что назначение меня было делом рук Берии, так как сам Сталин заявил, что он не желает принять кандидатуру Арутюнова, которую в это время усиленно предлагал на пост наркома Берия. Арутюнов был друг и сослуживец Берии еще по работе в Закавказском ВЧК. Когда Берия был представителем Закавказской ВЧК, то первым заместителем у него быв Арутюнов. Как только Берия был переведен в Москву, Арутюнов оказался первым заместителем наркома путей сообщения, хотя сам Каганович старался избавиться от него и терпел Арутюнова только потому, что последний был ставленником Берия, с которым Каганович не хотел портить отношений. Арутюнов бьш очень большим интриганом, между прочим, как все соратники Берии.

Немного спустя Сталин спросил меня, почему я держу Арутюнова в качестве первого заместителя наркома путей сообщения. Я старался объяснить это тем, что Арутюнов давнишний работник НКПС, неплохо знает железнодорожный транспорт и что он мне не препятствует в работе. Сталин заявил мне, что я ничего не знаю, а между тем Арутюнов занимается интригами и кляузами против меня,

т. е. Хрулева. Он сказал, что советует убрать Арутюнова. Так как ёто был только разговор, я из него не сделал соответствующего вывода и никаких представлений не сделал, думая, что если Сталин сам так смотрит на одного из работников НКПС, то он и сам может принять нужные меры. Во всяком случае я могу утверждать, что я кандидатом Берия не был, и никто никакими документами обратного не докажет, так как Берия меня не знал, да и я его тоже. Наше знакомство началось с войны и закончилось с ее окончанием.

А теперь вернемся к заданному вопросу.

При вступлении в должность наркома путей сообщения передо мной встало множество важных вопросов и среди них: как расчистить железные дороги от громадного количества груженных вагонов, каким путем поднять более 3000 брошенных поездов, какие меры необходимо принимать по сохранению находящихся в бездействии пассажирских вагонов и, главным образом, паровозов, каким путем повысить производительность труда работников железнодорожного транспорта и, наконец, какими способами обеспечить работу прифронтовых железнодорожных участков.

Причем с приходом на работу в НКПС мое положение резко отличалось от положения Кагановича. Лазарь Моисеевич давал очень много обещаний, с присущей ему активностью разносил так называемых «предельщиков», не считаясь ни с какими доводами ученых и крупнейших специалистов, если их доводы и рекомендации шли * в разрез с его взглядами. Но все это было в ущерб делу.

С апреля 1942 г. мне пришлось прежде всего срочно заняться вопросами сохранения паровозного парка. Требовалось приведение этого парка в такое состояние, чтобы мы могли в любую минуту бросить большую группу паровозов с дороги на дорогу, с одного фронта на другой, с одного направления на другое. С этой целью были собраны все лучшие специалисты НКПС для того, чтобы обсудить, что мы должны сделать с паровозами, чтобы выполнить ту задачу, которую мы себе поставили. В разработке вопроса по сохранению паровозного парка, приведения его в постоянную готовность приняли деятельное участие начальник паровозного управления НКПС и заместитель наркома В. А. Гарнык, главный инженер паровозного управления А. П. Михеев и опытный специалист К. И. Да- ниленко.

При обсуждении этого вопроса мною была высказана мысль: нельзя ли нам создать такую организацию группировки или управления паровозами на военное время, подобно какой-либо танковой, механизированной или автомобильной воинской части, чтобы, при этом в отличие от существующего порядка, когда паровозы закреплены за определенным депо и могут работать только от одного узла до другого, т. е. на так называемом «паровозном плече», собранные в единую организацию, могли бы работать вне этого правила.

После не столь длительного обмена мнениями мы в основном

пришли к общему, единому взгляду, что паровозы постоянного резерва НКПС должны быть организованы или в колонны, или в **отряды**, причем самая главная задача состояла в том, чтобы органи**зовать** каждый отдельный паровоз.

Так были созданы паровозные колонны особого резерва НКПС. Положительная практика работы 11 колонн по 30 паровозов в каждой, которые летом 1942 г. частично использовались для фронтовых перевозок и для разгрузки железных дорог на грузонапряженных направлениях, дала возможность коллегии Наркомата путей сообщения войти с ходатайством в ГКО об утверждении этого нового типа специального формирования поездов НКПС.

Уже в течение 1942 г. на дорогах было сформировано 37 колонн общей численностью 840 паровозов, а за весь период войны — 86 колонн, куда входило 1940 паровозов.

Образно говоря, паровозные колонны особого резерва НКПС провезли победу Красной Армии от Сталинграда до Берлина. Результат их трехлетней работы с момента создания и до окончания войны превзошел все ожидания. Колонны паровозов не только широко применялись на фронтовых дорогах, но и являлись основным, а зачастую и единственным средством обеспечения перевозок на головных участках, где их деятельность была исключительно эффективной. За самоотверженный труд и проявление героизма 22 работника паровозных колонн особого резерва НКПС удостоились звания Героя Социалистического Труда.

В заключение хочу заметить, что в 1947 г. опыт работы паровозных колонн в период Великой Отечественной войны был представлен на соискание Сталинской премии. Но эта премия, вполне заслуженная такими работниками, как Гарнык, Михеев и Дани- ленко, присуждена им не была. Запрошенный комиссией по присуждению Сталинской премии генерал-лейтенант технических войск И. В. Ковалев сделал ей заявление (притом явно неправильное!), что идея организации паровозных колонн полностью принадлежит Сталину, и никто другой, кроме Сталина, не может претендовать на первенство в этом деле. Это заявление не отвечало действительности, как, впрочем, и ряд других, приписанных Сталину заслуг...

Г. А. Куманев: Какая же сила нас спасла, что нам помогло одержать победу?

А. В. Хрулев: Коренным образом изменился сам народ и смотрите, какие чудеса он совершил в этой войне. Большая работа, проведенная в стране по воспитанию и образованию людей в мирные годы, начиная с рабфаков, принесла свою пользу. Народ выделил новых руководителей. В первые военные месяцы многие наши граждане как-то терялись, руководители не всегда находили способы овладеть массами. Потом все стало на свои места. И мы победили.

Из неопубликованных воспоминаний и документов

1. Поездки с А. И. Микояном на хлебозаготовки в годы войны

В 1943 г. мы с Анастасом Ивановичем Микояном ездили по маршруту Москва-Пенза-Куйбышев-Уфа-Ориенбург по заданию Политбюро Цк для проверки выполнения планов заготовок, которые у нас в это время редко выполнялись. Точнее, это было конец 1942 г. - начало 1943 г., т. е. период зимы, после того, как от Сталинграда были отогнаны немцы.

Обстановка была такой. План 1942 г. хлебозаготовок не был выполнен всем Приуральем и Поволжьем. Поэтому в начале 1943 г. туда ездил Микоян и проводил там областной актив, в результате этого актива из партии был исключен секретарь за невыполнение плана хлебозаготовок и за попытку скрыть от государства свои возможности. Микоян сам делал расчеты по хлебозаготовкам вместе с этим секретарем, подводил общий баланс, а в результате получилось, что район мог бы выполнить план, но секретарь дал распоряжение создать переходные семенные фонды по ржи, но такие решения обычно принимались до войны, чтобы колхоз имел переходные семенные фонды, но вообще в Центре и Поволжье сеяли свежими семенами. Секретарь же сделал такое распоряжение, не считаясь с существующей обстановкой, а государственные поставки выполнены не были. Поэтому Микоян на областном совещании поставил вопрос об исключении этого секретаря из партии за гнилое руководство и местнические интересы.

После этого мы приехали в Пензу, там Анастас Иванович тоже собрал совещание секретарей райкомов, обкомов, председателей райисполкомов, облисполкомов, на котором, выступая, он требовал усилить работу по заготовкам и безусловно выполнить план заготовок. В ходе обсуждения обнаружилось, что организация заготовок в области очень плохая. Микоян спрашивает: «В чем дело?» Впоследствии выяснилось, что для выполнения плана в районы из города были высланы уполномоченные, но они и не думали жить в районах, немедленно вернулись в город.

Микоян спросил, почему такая распущенность и кто вернулся в город? Запросил список вернувшихся. Секретарем обкома партии был Морщинин. Он и говорит Микояну, мол, подождите, я послал второго секретаря поискать список, но список все не несут и не несут. Микоян послал меня искать список. Я пришел ко второму секретарю, а он мне говорит, что списка-то вообще не было, но я, вернувшись к Микояну, сказал, что он ищет список, но найти не может. Тогда Микоян оставил менял дожидаться этого списка, принять соответствующее решение, а потом догнать его в Саратове. Список составили после. Узнали, кто же вернулся в город и наказали двоих.

По приезде в Саратов Анастас Иванович собрал совещание всех секретарей райкомов. Перед началом совещания он приглашал к себе по очереди секретарей и просил их доложить о состоянии заготовок. В результате и здесь некоторым секретарям попало за местническое отношение к делу. Вообще нам эта поездка дала около 100 тыс. тонн дополнительного хлеба.

А в 1944 г. Микоян ездил на Украину, но уже с моими заместителями — Фоминым и Шапиро.

Кроме того, еще в 1941 г., примерно 22 октября, прилетели в Куйбышев. Основная часть правительства эвакуировалась туда немного раньше.

Пролетая над полями, мы увидели, что хлеба не убираются, а погода стоит хорошая. Прилетев в Куйбышев, Микоян говорит, что нужно разобраться в этом деле. Я сразу же пошел в обком и начал разбираться в том, что делается для скорейшей уборки хлебов, а там ничего не делалось. Они весь транспорт и людей мобилизовали на рытье окопов, в результате чего заготовки шли плохо и уборка не обеспечивалась.

Я доложил Анастасу Ивановичу, и он попросил вызвать секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) и председателя облисполкома. Когда те прибыли, спрашивает их, что делается с заготовками, как обстоят дела? Они ему отвечают, что вынуждены были послать людей на строительство оборонительной линии. Тогда Микоян спрашивает, кто у вас отвечает за заготовки? Они говорят, что, наверное, мы. Микоян и говорит, обращаясь к секретарю обкома: «Какой же Вы секретарь, если допускаете такие вещи? Как и чем Вы будете кормить население области? Вы же секретарь обкома, Вы отвечаете за область!» Такие же слова были обращены и к председателю облисполкома. После этого разговора они начали форсировать дело с заготовками.

Кроме того, пришлось ему разбираться и с совхозами, которых было там около 40. Он вызвал к себе всех директоров и провел с ними совещание, которое было коротким. Я ему предварительно доложил состояние дела. Микоян, пришедши на совещание, поздоровался и спрашивает у первого сидящего: «Кто Вы будете?» Тот отвечает, что директор такого-то совхоза. Микоян его спрашивает: «А сколько у Вас лошадей и подвод работает на погрузке хлеба?». Тот отвечает, что ни одной. «А почему? - спрашивает Микоян. «Потому, что грязно» — говорит директор. «Вот Вы первый помогаете немцам и Вас нужно посадить в тюрьму», — говорит Микоян. Ну, его тут же и забрали. Остальным он говорит, что и с ними будет то же самое, если они не изменят свое отношение к заготовкам.

В результате этой проверки в Куйбышеве мы сделали вывод, что люди отвлеклись от своих прямых конкретных задач обеспечения хозяйства страны, вот поэтому и получилась такая история с линией обороны.

Микоян на совещании в Куйбышеве говорил секретарям, что у кого будет хлеб, тот и выиграет войну. Поэтому надо уделять серьезнейшее внимание заготовкам. У нас создалось впечатление, что и в других областях дело обстоит не лучше, хотя урожай 1941 г. был прекрасный. Здесь же, в Куйбышеве, нам было поручено заготовить телеграмму секретарям обкомов, райкомов и др. Телеграмма должна была быть за подписью Молотова и Андреева, очевидно, это решение было заранее согласовано со Сталиным. Эта была очень жесткая директива. Впервые в этой телеграмме говорилось, что ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР требуют принятия мер к людям, срывающим заготовку, не взирая на лица, разоблачать предателей и приспособленцев с партбилетом в кармане. В телеграмме было сказано, что людей, тормозящих хлебозаготовки, следует наказывать вплоть до ссылки не в столь отдаленные места. Телеграмма устанавливала очень суровые меры, но этого требовало дело. Я показал эту телеграмму Микояну, который несколько ее поправил и пошел с ней к находившемуся в Куйбышеве Андрееву, который с содержанием ее согласился.

Потом телеграмму показали Молотову и последний ее у себя оставил. Молотов согласовал текст со Сталиным, и этой же ночью она была подписана и разослана всем, всем.

2. О навигации на Ладоге в 1942 г. во время блокады Ленинграда.

В навигацию 1942 г. по Ладожскому озеру работникам тыла и снабжения предстояло выполнить гигантскую задачу в части обеспечения города Ленина продовольствием, боеприпасами и горюче-смазочными материалами. Работникам тыла и снабжения пришлось также учитывать и наступающую зиму 1942-1943 гг., для проведения которой в более или менее нормальных условиях, населению требовалось много топлива. Если зиму 1941-1942 гг. Ленинград прожил в колоссальных трудностях, то предстоящие трудности были безусловно большими, так как в зиму 1941—1942 гг. в Ленинграде были кое-какие топливные ресурсы, да и, кроме того, ленинградцы разумно и замечательно поступили, когда очистили свои окраины от большинства деревянных домишек, а весь материал от разбора этих зданий использовали на топливо. К зиме же 1942-1943 гг. этих условий уже не было.

Кроме того, в навигацию 1942 г. из Ленинграда нужно было вывезти на восточный берег Ладожского озера во что бы. то ни стало большое количество вагонов, паровозов, железнодорожных цистерн и заводского станочного оборудования, в котором страна начала ощущать нужду в связи с развертыванием работы предприятий на Урале и в Сибири. Для перевозки грузов Управление Тыла Красной Армии и Наркомат путей сообщения приняли необходимые меры по постройке паромных переправ.

Я позволю себе несколько более подробно остановиться на организации паромных переправ. Эта мысль возникла у наших товарищей речников в Наркомате речного флота. Но сами они не имели никакой возможности осуществить изготовление паромов.

Одной из крупнейших работ, выполненных в навигацию 1942 г., было сооружение подходного канала к Кобоноской переправочной базе в устье реки Кобоны. Это сооружение Ладожского озера было соединено с Новоладожским каналом. Кобонский канал имел в ширину по дну 20 м и в глубину 30 м. Он допускал подход озерных барж непосредственно к перевалочной базе и имел два причала, которые сразу принимали 6 барж.

Всего за период подготовки к навигации 1942 г. и во время самой навигации на западном и восточном берегах Ладожского озера было построено несколько пирсов и причалов, общий причальный фронт которых составлял 2500 тыс. погонных метров, что допускало одновременную приемку 26 судов. Было уложено 24 км новых железнодорожных путей нормальной и узкой колеи, из них 19,7 км на западном берегу и 4,3 км на восточном берегу озера. У пирсов и причалов работало 19 мотовозов, 193 вагонетки и 38 подъемных кранов. Подготовка флота к навигации шла зимой. Значительная часть судов флота была отремонтирована и подготовлена к плаванию зимой судовыми командами на ремонтных пунктах Осиновецкого порта и Новоладожских пристаней. Работал также личный

состав боевых кораблей Ладожской военной флотилии и Краснознаменного Балтийского флота.

Нарком речного флота Шашков Зосима Алексеевич проявил много сил и энергии в увеличении флота на Ладожском озере, его заместитель д. А. Лукьянов был непосредственным исполнителем и руководителем постройки деревянных барж на Сяськой судоверфи.

К открытию навигации имелось 78 буксиров и тральщиков, 47 единиц самоходных плавучих средств, 11 озерных и 58 речных барж общей грузоподъемностью 29,5 тыс. тонн. Из 72 пароходов, работавших ранее на угле, пришлось 53 парохода приспособить к работе на дровяном отоплении.

В течение навигации перевозки значительно возросли. Ладожская флотилия получила еще 17 самоходных и 4 несамоходных судна. На Сяськой судоверфи с 22 ноября по 4 февраля 1942 г. была построена 31 деревянная баржа для сухих грузов, грузоподъемность каждой была 385 тонн. Кроме того, на ленинградских судостроительных заводах построили 14 металлических озерных барж, каждая грузоподъемностью 600 тонн.

Так как крупные суда являлись мишенью для артиллерии и авиации противника, то было принято решение строить также самоходные малотоннажные суда. Всего за навигацию 1942 г. было сдано в эксплуатацию 118 малотоннажных самоходных судна, общей пассажирской вместимостью на 10 тыс. человек и с грузоподъемностью на 2,5 тыс. тонн.

Весь же флот по своей грузоподъемности на Ладожском озере увеличился в 1942 г. больше чем в два с половиной раза. Необходимо отметить, что большая работа была проведена также на железнодорожных и грунтово-шоссейных дорогах. В первую очередь была построена и переведена на нормальную колею железнодорожная линия Войбокало—Кобона—Коса на восточном берегу, а на западном берегу дополнительно были развернуты пути на станции Ладожское озеро, и произведен ремонт всех путей на станциях Борисова Грива, Корнево и Ковалево, благодаря чему была резко повышена скорость движения поездов.

Одной из важнейших особенностей навигационного периода 1942 г. была укладка трубопровода через Ладожское озеро для перекачки горючего...

Начальный пунктом трубопровода была площадка на песчаной косе против маяка Кореджа у подходившего сюда тупика. Здесь размещалась насосная станция, резервуарный парк и сливной фронт. Конечным пунктом стала площадка в районе станции Борисова Грива на западном берегу Ладожского озера с выводом на головной склад горючего № 1186, здесь же размещались резервные баки. На восточном берегу к трубопроводу подходила железнодорожная линия Кобона-Коса, а на западном — линия станции Ладожское озеро - Ленинград Финляндский. Длина уложенного трубопровода составляла 29,85 км, из них на подводную часть приходилось 21, 45 км. К укладке трубопровода по дну озера приступили 21 мая 1942 г. и к 16 июня этого же года сооружение трубопровода было закончено. Это была большая военно-экономическая победа, достигнутая в условиях частых налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов.

В течение 16-17-18 июня производились испытания прокачкой воды,

а затем керосином. После этого трубопровод был передан в эксплуатацию для фронта.

Подготовка к перевалке грузов в навигации 1942 г. началась задолго. До ее открытия строители оборудовали перевалочную базу в первую очередь на песчаной косе в районе маяка Кореджа для одновременной стоянки под погрузкой 6 озерных барж. Во вторую очередь в районе Кобоны, Новоладожского канала также была построена база под одновременную погрузку 6 озерных барж. Причалы пристани Гостинополье удалось ввести в строй к 15 апреля. Причалы западного берега (бухта Оси- новец, Гостинополье и Морье для одновременной погрузки 8 судов) были готовы к 1 июня. Прием, хранение и отправка грузов производилась восточнее Ладожского озера: перевалочная база в Кобоне; продовольственные склады в Тихвине, Волховстрое, Новой Ладоге, Лаврове, Кобоне, и Косе; склады горючесмазочных материалов в Гостинополье и Волховстрое; интендантский склад в Лаврове; склад военно-технического имущества в Лаврове; санитарного имущества в Кобоне; склад ВВ в Кобоне; склад ОВ в Кобоне; топливный склад в Гостинополье.

На западном берегу Ладожского озера: управление фронтовых баз на станции Ладожское озеро; фронтовой продовольственный склад' №№ 891, 1230 и 1230-а; фронтовой склад горючесмазочных материалов N9N9 1176 и 1173; фронтовой артиллерийский склад N9 1494; склады ВВ и ОВ в Морье; топливный склад в бухте Гольсмона.

Многие грузы поступали навалом или в неисправленной таре, а поэтому подвергались затариванию или перетариванию. Зерно, овощи, как правило, поступали на склады восточного берега насыпью. Колбасы, консервы, молочные продукты, посылки во многих случаях поступали в неисправленной таре.

За навигацию 1942 г. складами управления перевозок было затарено около 30 тыс. тонн зерна, 40 тыс. тонн овощей и 35 тыс. тонн других продуктов. Помимо этого было перетарено не менее 30% грузов, прибывавших в ящичной таре, и не менее 10% грузов, полученных в мягкой таре,

Весь период навигации 1942 г. может быть разделен на два этапа: ***первые этап*** — перевозки грузов с момента открытия навигации по июль 1942 г. включительно. В течение этого срока в Ленинград каждые сутки завозилось 4200 тонн грузов, а из Ленинград ежесуточно вывозилось 3000 человек и 5200 тонн груза. В это время в Ленинград ввозились продукты питания, а из Ленинграда вывозилось различного рода оборудование.

Второй этап — с июля до конца навигации. В этот, период был увеличен вывоз людей и грузов из Ленинграда в тыл страны. В Ленинград же ежесуточно поступали 4000 тонн грузов, главным образом продовольствия, а из Ленинграда вывозилось 3000 тонн оборудования и ежедневно вывозилось 10 тыс. человек.

Перевозки совершались по двум трассам, получившим термины «длинной» (Гостинополье - Волховстрой - Новая Ладога — порт Осиновец) и «короткой» (порт Кобона—порт Осиновец). Движение судов на этих трассах соответствовало специализации портов. С июля 1942 г. суда на трассе Новая Ладога — Осиновец щла караваном (конвойным) и отправлялись через сутки. Такой порядок перехода судов применялся, в основном на «длинной» опасной трассе, где он был вызван обстановкой. Приходилось

также буксировать флот, особенно малотоннажный. Это вызывалось необходимостью. Но озерных буксиров было совершенно недостаточно, и первое время они с поставленной задачей не справлялись. Поэтому для буксирования барж использовались речные буксиры, хотя в мирное время плавание по озеру судов речной конструкции не допускалось. Но даже и при этих условиях буксиров не хватало. Тогда в качестве тяги стали широко использовать тральщики Ладожской военной флотилии, а в отдельных случаях даже канонерские лодки и разные буксирные суда Балтийского флота. Все эти суда не были приспособлены для работы на озере в качестве буксиров, но другого выхода не было и поэтому приходилось пользоваться всеми и всяческими средствами.

Наибольшее количество грузов перевозилось не самоходными баржами, флотом, а несамоходными сухогрузными судами, которые перевозили грузы как с восточного берега на западный, так и с западного берега на восточный. Они работали и на «длинной» и на «короткой» трассе. Нефтеналивные суда работали также на обеих трассах, но перевозили грузы исключительно на западный берег.

В период навигации 1942 г. авиация противника производила самые интенсивные налеты на объекты перевозок по Ладожскому озеру. За весь период навигации было зарегистрировано до 5 тыс. появлений самолетов врага. В отдельные дни в налетах на порты и караваны участвовало до 100 вражеских самолетов. Всего противник произвел 122 дневных и 15 ночных налетов. Несмотря на то, что командованием фронта были проведены большие мероприятия по противовоздушной обороне, противнику все же удалось сбросить за все время налетов до 7000 авиабомб. Наряду с воздушными нападениями враг пытался противодействовать перевозками с помощьк) катеров и десантных судов. Наиболее значительное нападение на Ладожскую коммуникацию было им предпринято 22 октября 1942 г., когда гитлеровцы попытались захватить ее силами десанта, который высадился на острове Сухо. Этот отряд, состоящий из 30 пассажирских судов, прикрывался с воздуха 30 самолетами. Но он был вовремя обнаружен и встречен боевыми кораблями Ладожской военной флотилии и авиацией Краснознаменного Балтийского флота. Десант был разгромлен, потоплено 16 судов и сбито 12 самолетов.

А всего за навигацию зенитной артиллерией и в воздушных боях было сбито 160 самолетов противника. Представляет интерес тот факт, что два самолета было сбито экипажем одной баржи, имевшей зенитную пулеметную установку.

Наши потери от налетов авиации противника за навигацию составили 200 убитых и 248 раненых человек из числа военнослужащих, кроме того, были потери и жертвы среди гражданского населения. Но потери были все же не столь велики, как это можно было ожидать.

Сильно было повреждено 21 судно, от прямого попадания затоплен буксир «Узбекистан». При этом погибло 10 человек команды и баржа- паром с 10 груженными вагонами. В весовом выражении общие потери грузов составили 3800 тонн, т. е. 0,3-0,4% общего количества перевезенных грузов. Несмотря на тяжелые условия плавания и активность противника, перевозки в навигацию 1942 г. достигли громадного масштаба. Половина всего количества перевезенных в Ленинград грузов составляло

продовольствие. Состав продовольственных грузов был весьма разнообразным. Наряду с хлебными грузами, которые стояли на первом месте по грузовым перевозкам, перевозилось много высококалорийных продуктов - мяса, рыбы, сахара, сахаропродуктов и овощей. Удалось доставить около 12 тыс. голов скота, свыше 150 тыс. тонн горючего и около 110 тыс. тонн угля. Помимо этого было вывезено все ненужное в окружении: паровозы, товарные вагоны, платформы и цистерны. В эвакуируемых на «Большую землю» вагонах перебросили также до 10 тыс. тонн различного оборудования и до 6 тыс. тонн народохозяйственного имущества и, наконец, по озеру доставили на западный берег 42 тыс. тонн леса в плотах. На западный берег было перевезено до 300 тыс. человек пополнения и реэвакуировано до 10 тыс. легкораненых. Что касается эвакуации гражданского контингента, то она проводилась в соответствии с постановлениями Военного совета фронта, предусматривавшими завершение в кратчайшие сроки всех мероприятий, обеспечивающих превращение Ленинграда в военный город, что требовало оставить в нем только необходимый минимум самодеятельного населения.

За время навигации было перевезено с восточного берега на западный 780 тыс. тонн различных грузов и 310 тыс. человек военнослужащих. С западного берега на восточный было перевезено 293 тыс. тонн различных грузов, в том числе 240 тыс. тонн промышленного оборудования, подвижной состав железнодорожного транспорта и почти 540 тыс. человек населения.

Ледостав на Ладожском озере в 1942 г. начался в первых числах.» ноября. Ко второй декаде ноября ледостав вынудил снять с работы транспортные буксиры, тем не менее грузовое движение поддерживалось в обоих направлениях до 3 декабря 1942 г. С этого дня навигация по Ладожскому озеру прекратилась. Бывало, что и после 3 декабря вплоть до 7 января 1943 г. по отдельным срочным заданиям перевозки через Ладогу совершались. Для этого на линии Новая Ладога-Осиновец и Кобона- Осиновец использовались озерные пароходы Северо-Западного речного пароходства, грузопассажирские транспорты, канонерские лодки и тральщики Ладожской военной флотилии. Продолжали работу буксирные пароходы Балтийского флота. В труднейших условиях эти суда с 8 ноября 1942 г. по 1 января 1943 г. перевезли около 74 тыс. человек и около 46 тыс. тонн грузов. 7 января 1943 г. баржа № 4526 совершила последний рейс из Кобонского порта. Она доставила на западный берег 222 тонны боеприпасов. Продолжительность регулярной навигации 1942 г. составила 194 дня. В течение этого времени 62 дня проходили при штормах в 5 баллов и выше, а 11 дней в ледовых условиях.

На 1 ноября 1942 г. Ленинград располагал запасом муки в 49 тыс. тонн и зерна свыше 17 тыс. тонн. Имелось 14 тыс. тонн круп и макарон, свыше 5 тыс. тонн мяса, рыбы, более 4 тыс. тонн сахара, шоколада и кондитерских изделий. Город Ленина мог уверенно встречать зиму 1942-1943 гг.

3. Постановление Государственного Комитета Обороны от 28 марта 1943 г. «О правах и обязанностях органов военных сообщений на железнодорожном транспорте»

«... **1.** Отменить приказ **НКПС** от **27** декабря **1942 г.** как **неправиль**

ный, ограничивающий действия органов ВОСО на железнодорожном транспорте.

2. Установить, что все требования к органам ВОСО (начальников передвижения войск на дорогах и комендантов железнодорожных участков и станций), вытекающие из планов и заданий начальника Тыла Красной Армии (он же начальник ЦУП ВОСО) т. Хрулева, предъявленные НКПСу, выполняются дорогами немедленно и безоговорочно».

Председатель ГКО
И. СТАЛИН*

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов.**

П. Н. ГОРЕМЫКИН

Петр Николаевич Горемыкин (16. 06.1902 - 8. 11. 1976) стал народным комиссаром по, боеприпасам 3 марта 1941 г. неожиданно для многих и прежде всего для него самого. До этого назначения после окончания Московского механико-машиностроительного института им. Н. Э. Баумана работал инженером, начальником цеха на оборонных заводах, начальником 3-го Главного управления Наркомата вооружения СССР, а незадолго до выдвижения на указанный высокий пост являлся членом Хозяйственного совета по оборонной промышленности при Совнаркоме СССР.

Его предшественник - комдив И. П. Сергеев впал в немилость, оказавшись под подозрением во вредительстве. Был предупрежден, а вскоре снят с поста наркома.

Вступив в новую должность нарком П. Н. Горемыкин смог быстро убедиться в серьезном отставании производства боеприпасов от резко возросших потребностей бронетанковых войск, артиллерии и авиации.

Накануне войны во многом благодаря предпринятым им действенным мерам положение с выпуском боеприпасов на предприятиях Наркомата боеприпасов (НКБ) стало постепенно выправляться. Однако последствия начавшегося фашистского нападения на Советский Союз оказались очень тяжелыми и в области боеприпасов. Хотя буквально на второй день войны Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О вводе в действие мобилизационного плана по боеприпасам», этот план был реализован только частично из- за сложившейся крайне неблагоприятной военной обстановки. Уже к началу августа 1941 г. Красная Армия стала испытывать острйй недостаток во всех видах боеприпасов в силу того, что на захваченной врагом территории осталось более 200 складов с горючим, вооружением и боеприпасами*. Или такой факт: на аэродромах и складах советских приграничных округов было сосредоточено в июне 1941 г. 70% запасов авиационных бомб, находившихся в Европейской части страны. Поданным на 1 августа 1941 г., авиачасти Северо-Западного и Юго-Западного фронтов израсходовали во время боевых действий лишь 18% авиабомб. Остальные же были подорваны отступавшими советскими войсками или захвачены противником**.

Отрицательно сказались на нехватке боеприпасов и другие причины, в частности, и тот факт, что к началу гитлеровской агрессии не

*** Демидов В. И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 112.**
**** Военно-исторический журнал. 1986. №11. С. 46.**

удалось в восточных районах завершить ряд строительств, в том числе по производству нитроглицериновых порохов. Наложила свой отпечаток и развернувшаяся уже в первые недели войны эвакуация предприятий НКБ. Об этом тяжелейшем времени генерал Н. Д. Яковлев (будущий маршал артиллерии), бывший тогда начальником Главного артиллерийского управления, писал в своих мемуарах: «Прямо скажу, столь остро ставшие вопросы обеспечения войск вооружением и боеприпасами для многих из нас явились прямо-таки неожиданными. Да, ресурсы оказались незначительными. Но почему? Разобраться в этом деликатном, к тому же сулившем большие неприятности деле, мало кому хотелось»*.

Но П. Н. Горемыкину приходилось фактически ежедневно давать полную информацию И. В. Сталину о положении с выпуском боеприпасов, ходе выполнения графиков и плановых заседаний, о причинах снижения производства продукции на том или ином заводе НКБ, принимаемых или принятых мерах и т. п.

Демонстрируя неутомимость в работе, Петр Николаевич трудился не покладая рук, проявляя при этом смелую инициативу и находя зачастую выход из сложнейших ситуаций. Как свидетельствуют многочисленные документы, на рассмотрение ГКО он часто вносил деловые, неординарные предложения.

В начале июля 1941 г. своим постановлением ГКО утвердил месячный и полугодовой планы производства и поставок боеприпасов. Одновременно были даны конкретные задания НКБ СССР, а заместителям Председателя СНК СССР В. А. Малышеву, М. Г. Первухину и А. Н. Косыгину поручалось обеспечить выполнение 21 наркоматом мобилизационных заданий по боеприпасам и вооружению. Всемерное обеспечение выпуска боеприпасов нашло отражение в ряде других постановлений Государственного Комитета Обороны.

Однако производство их многими наркоматами, по мнению П. Н. Горемыкина, осложняло дело. В связи с этим он обратился с письмом к Сталину с предложением организовать при СНК СССР Управление комплектации боеприпасов, подчинив этот орган одному из заместителей Председателя СНК СССР. Нарком писал, что «в условиях военного времени, когда производством боеприпасов занимается большинство заводов всей страны, необходимо создать орган, который имел бы возможность диктовать наркоматам требования в изготовлении элементов выстрела в достаточном количестве для успешного ведения войны»**.

Предлагаемое управление создано не было. Но определенные меры в этом направлении Председатель ГКО все же принял путем наделения еще большими правами и усиления контроля со стороны одного из членов ГКО, отвечавшего за боеприпасы.

*** Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1981. С. 79-80.**

**** ГАРФ. Ф. 7516. Оп. 2. Д. 25. Л. 166.**

Как наркому П. Н. Горемыкину принадлежит несомненная за- слуга по форсированному перемещению в тыл страны большого числа предприятий НКБ, размещению их на новых местах и скорейшему вводу в действие. Это был крайне напряженный период производства отечественной оборонной продукции, в том числе боеприпасов. В силу сложившихся условий дела, связанные с увеличением их выпуска, несмотря на принимавшиеся меры и строгие постановления ГКО, продвигались медленно. Видимо, такое положение явилось одной из главных причин решения Сталина перевести с 16 февраля 1942 г. П. Н. Горемыкина в заместители наркома, а наркомом боеприпасов назначить первого заместителя наркома вооружения Б. Л. Ванникова.

Однако и в этой должности на последующих этапах войны Петр Николаевич трудился с той же энергией и инициативой, что было отмечено руководством страны. Он вводится в состав новой коллегии Наркомбоеприпасов СССР, а постановлением СНК СССР от 18 ноября 1944 г. ему присваивается звание генерал-майора инженерноартиллерийской службы.

После окончания Великой Отечественной войны 26 июня 1946 г. Горемыкин назначается министром сельскохозяйственного машиностроения СССР. Но после почти пятилетней плодотворной работы его подстерегла беда. В марте 1951 г. он был оклеветан и снят со своей должности «за грубое нарушение государственной дисциплины, выразившееся в сокрытии остатков металла на заводах». Полгода спустя его приговорили к 3 годам лишения свободы и исключили из партии.

В 1953 г. П. Н. Горемыкин был реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС. В этом же году стал директором НИИ Министерства машиностроения, в 1953—1955 гг. работает заместителем министра оборонной промышленности СССР, а в апреле 1955 г. назначается министром общего машиностроения СССР.

Казалось, что всем его невзгодам пришел конец. Однако в 1957 г. не без ведома Н. С. Хрущева Петр Николаевич был обвинен а связи с «антипартийной группой» и снят с поста министра. Почти год ему пришлось пробыть без работы, пока, наконец, его «дело» не было пересмотрено...

Последняя должность П. Н. Горемыкина (в 1963-1976 гг.) " председатель Научно-технического совета (НТС) Государственного комитета по автоматизации и машиностроению.

Именно здесь, в кабинете председателя Научно-технического совета, куда я приехал по приглашению Петра Николаевича в январе 1971 г., мы с ним и познакомились. Шла подготовка к Всесоюзной научной сессии «Советский тыл в Великой Отечественной войне», которую запланировал провести 7 мая этого года Институт истории СССР АН СССР. Я входил в состав Оргкомитета и мне было поручено пригласить на это научное мероприятие несколько наркомов военных лет, в том числе и П. Н. Горемыкина.

Он очень тепло меня встретил и сказал, что с большим удовольствием примет участие в работе сессии. Его выступление на конференции было одним из самых интересных.

В последующие несколько лет мы с ним постоянно общались. Петр Николаевич выступал перед коллективом сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны, а в мае 1974 г. вместе с генералами армии И. В. Тюленевым, И. И. Федюнинским и маршалом артиллерии П. Н. Кулешовым — на расширенном заседании Ученого совета Института истории СССР АН СССР.

15 января 1976 г. по моей просьбе он снова приехал в институт, где состоялась наша беседа, записанная на магнитофонную ленту. С небольшими сокращениями она публикуется ниже.

Беседа профессора Г. А. Куманева с наркомом боеприпасов военных лет, генерал-майором инженерно-артиллерийскои службы П. Н. Горемыкиным

(Из магнитофонной записи) *15 января 1976 г. г. Москва*

Г. А. Куманев: Разрешите, дорогой Петр Николаевич, горячо приветствовать Вас — одного из славных и видных командиров оборонной промышленности СССР военных лет — и искренне поблагодарить за согласие приехать в Институт истории СССР Академии наук СССР и ответить на ряд интересующих меня вопросов. Они касаются деятельности Наркомата боеприпасов СССР и его предприятий накануне и особенно во время Великой Отечественной войны. Прежде всего меня интересует, как был создан Наркомат боеприпасов и какой круг задач он стал решать, кто возглавил новый наркомат, какова оказалась судьба первого наркома этой оборонной отрасли и как можно оценить уровень производства боеприпасов в стране перед фашистским нападением?

П. Н. Горемыкин: Благодарю Вас, уважаемый Георгий Александрович, за приглашение приехать в головной, как Вы мне говорили, академический институт отечественной истории и побеседовать с Вами. Благодарю за теплые слова в мой адрес, и я охотно поделюсь своими воспоминаниями о тех необычайно тяжелых и героических военных годах.

Наркомат боеприпасов (НКБ) СССР был образован 11 января 1939 г. на базе существовавшего в Наркомате оборонной промышленности Главного управления по производству боеприпасов и в Результате разукрупнения этого наркомата, вместо которого в тот же

день наряду с Наркоматом боеприпасов учреждались наркоматы авиационной промышленности, вооружения и судостроительной промышленности.

В структуре Наркомата боеприпасов были созданы главные управления по производству гильз, корпусов снарядов, порохов и взрывателей. На производство боеприпасов был переведен ряд гражданских промышленных объектов. Предприятия отрасли стали выпускать десятки типов и видов продукции. В их числе — многотонные бомбы и торпеды, снаряды и мины, различные взрыватели, патроны, пороха и взрывчатые вещества. Коллективы заводов НКБ самым тесным образом взаимодействовали с оборонными предприятиями, где производились боевая техника, артиллерийское и стрелковое вооружение.

Накануне войны уже почти половина всего металла, особенно цветного металла, шла на производство боеприпасов.

Первым наркомом боеприпасов (в тот же день, когда появился новый наркомат) был назначен комдив Иван Павлович Сергеев, уже довольно известный в то время военный деятель. Я знал его как честного, эрудированного, грамотного, принципиального человека, хорошего организатора производства. По происхождению он был из рабочих. Окончил Военную академию РККА им. Фрунзе. Участвовал в Гражданской войне. В последние годы перед выдвижением на пост народного комиссара работал начальником отдела Управления* учебных заведений Наркомата обороны СССР, начальником артиллерийских курсов усовершенствования комсостава РККА и, наконец, заместителем председателя Военно-промышленной комиссии при СНК СССР.

В марте 1939 г. после назначение Сергеева наркомом боеприпасов он был избран на XVIII съезде ВКП(б) кандидатом в члены ЦК партии.

Дальнейшая судьба Ивана Павловича оказалась трагической. Несмотря на активную деятельность Сергеева, процесс развития промышленности боеприпасов (в значительной мере по объективным причинам) выдался сложным и затяжным. На XVIII Всесоюзной партконференции в феврале 1941 г. ему были предъявлены мало обоснованные претензии по работе. 3 марта 1941 г. Иван Павлович был освобожден от должности наркома. Руководство Наркоматом боеприпасов возложили на меня, а комдива Сергеева перевели на преподавательскую работу в Военную академию Генштаба. Но на этом, к сожалению, его беды не закончились: в конце мая 1941 г. он был арестован, и в начале 1942 г. по приговору Особого совещания при НКВД Сергеева расстреляли. Реабилитировали Ивана Павловича в 1955 г.

Если оценивать общее состояние советской промышленности боеприпасов в предвоенные годы, то многие факты позволяют констатировать, что в целом она развивалась довольно динамично, хотя трудности материально-технического, технологического, а также орга-

низационного порядка возникали постоянно. В первую очередь стоит отметить успехи наших ученых и конструкторов по созданию реактивного оружия. Их усилиями удалось усовершенствовать реактивные снаряды 82 мм и 132 мм и получить новое грозное оружие массированного огня - установку БМ-13, знаменитые «катюши».

К началу 1941 г. в СССР было налажено производство почти всех видов боеприпасов. При этом хочу особо подчеркнуть, что боеприпасы, которые давала Красной Армии наша промышленность, имели высокие баллистические свойства, а некоторые их виды по своим качествам превосходили лучшие образцы в зарубежных странах.

Немалая заслуга в этом деле принадлежит не только ученым, инженерам, техникам, рабочим коллективам предприятий отрасли, но и сотрудникам самого Наркомата боеприпасов, который возглавлял тогда Иван Павлович Сергеев. К уже сказанному мною хочу добавить следующее. Вот его строго предупредили на XVIII партконференции, пригрозив вывести из кандидатов в члены ЦК и снять с поста наркома, если он не улучшит работу... (Что, к сожалению, и было сделано.) А между тем многие претензии к нему были просто надуманными. Ведь именно под его руководством в 1939—1940 гг. выпуск снарядов, мин и авиационных бомб нарастал из месяца в месяц. Кстати, это продолжалось и до конца первого квартала 1941 г., когда против Сергеева последовали санкции, и он был снят с должности народного комиссара. Так, в марте 1941 г. по сравнению с январем того же года выпуск важнейших видов боеприпасов у нас вырос более чем на 28%.

Другое дело, что даже такие высокие темпы производства не могли удовлетворить наше руководство, ибо в это время фашистская Германия, опиравшаяся на военно-промышленный потенциал почти всей порабощенной Европы, выпускала боеприпасов больше, чем мы, в Советском Союзе.

Перед лицом возраставшей военной угрозы были приняты меры по форсированию строительства и расширению действовавших предприятий по боеприпасам на Урале, в Сибири и районах Поволжья. С этой же целью в Наркомстрое СССР, который возглавлял крупный организатор строительного дела Семен Захарович Гинзбург, правительство учредило специальное управление — Главбоеприпасстрой.

Большой мощности завод боеприпасов сооружался в Сибири. Срок его ввода в действие был установлен чрезвычайно сжатый. В столь короткое время наша станкостроительная промышленность не в состоянии была обеспечить его современными станками, механизмами и другим оборудованием. Пришлось технологию и необходимое оборудование закупать у одной чехословацкой фирмы, благодаря чему в установленный срок завод вступил в строй.

Вплоть до начала Великой Отечественной войны Политбюро ЦК ВКП(б), Совнарком СССР и лично И. В. Сталин уделяли повышенное внимание к вопросам производства боеприпасов. Чтобы преодо

леть отставание от фашистской Германии в этой области, к началу июня 1941 г. был составлен план по боеприпасам на второе полугодие 1941 г. и на 1942 г. Этот план 6 июня был утвержден постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). В нем намечалось значительно увеличить производство всех видов и типов боеприпасов. Предусматривалось и развертывание работы несколько отстававшей тогда пороховой промышленности. К примеру, во второй половине 1941 г. она должна была выпускать в 1,3 раза больше порохов, чем в первой половине. Было также принято решение об ускоренном строительстве ряда пороховых заводов, в том числе 10 заводов баллиститных порохов.

Но эти планы тогда не суждено было воплотить в жизнь из-за начавшейся фашистской агрессии против Советского Союза.

Г. А. Куманев: Где застало Вас сообщение о фашистском нападении на нашу страну?

П. Н. Горемыкин: Войну я встретил в 4 часа 20 минут в здании, которое находилось напротив собора Василия Блаженного и где размещалось Главное артиллерийское управление (ГАУ). Там под председательством начальника ГАУ, заместителя наркома обороны СССР маршала Кулика заседала комиссия (созданная Комитетом обороны СССР) по вопросам наращивания мобилизационных мощностей по боеприпасам. В комиссию, кроме меня, входили нарком черной металлургии Тевосян, нарком цветной металлургии Ломако, заместитель председателя Госплана СССР Борисов и ряд работников Генерального штаба и Главного артиллерийского управления.

На этом заседании обсуждались разные проблемы об увеличении выпуска боеприпасов и их размещении по военным округам. Очень резко были поставлены вопросы генералом армии Георгием Константиновичем Жуковым. Он говорил о необходимости существенной доработки мобилизационного плана по боеприпасам, имея в виду увеличение цифровых заданий. Поскольку были серьезные затруднения с металлом: не хватало меди, латуни, других металлов и сплавов, рассматривалось предложение, чтобы наркоматы черной и цветной металлургии взяли на себя изготовление гильз для полного комплекта. Кроме того, ставился вопрос, чтобы Наркомхимпром принял на себя большую долю по производству серной, азотной кислот, других химических веществ и особенно тротила и хитрила, т. е. веществ, связанных с капсюлями. Пока значительную часть всего этого выпускали предприятия Наркомата боеприпасов.

Раздался звонок от помощника Сталина Поскребышева. Он сообщил, что немцы бомбят наши города. Получив еще какие-то известия, Кулик поднялся со своего места и сказал:

— Я покидаю вас, .вести заседание будет генерал-лейтенант Николай Дмитриевич Яковлев, который назначен начальником Главного артиллерийского управления. Заседайте и все вопросы теперь решайте с ним.

Через некоторое время в виду изменившейся обстановки было решено заседание прервать тем более, что должны были последовать важные решения Политбюро ЦК, связанные с началом войны.

Часа через 2—3 не успел я доехать до дачи, как мне позвонил заместитель Председателя СНК СССР, наш куратор Николай Алексеевич Вознесенский. Он сообщил, что состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было утверждено выступление Вячеслава Михайловича Молотова по радио о вероломном нападении гитлеровской Германии и ряда ее союзников на СССР и вынесены важные решения по мобилизации всех сил страны на отпор врагу. Я должен был срочно приехать к Николаю Алексеевичу. После моего прибытия Вознесенский тут же дал указание подготовить мероприятия для обеспечения мобилизационного плана, принятого 6 июня Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б). Хотя Наркомат боеприпасов СССР имел свой мобилизационный план, было сказано о необходимости пересмотреть его в сторону значительного увеличения плановых заданий. В заключение Вознесенский остановился на новых задачах и требованиях, которые диктует военная обстановка.

Так началась моя деятельность во время Великой Отечественной войны. Трудная и ответственная. Каждый из нас, конечно, глубоко переживал случившееся. Но какого-то уныния, подавленности не было. А была растущая уверенность: мы обязательно победим. Но для этого нужно отдать все силы, чтобы обеспечить важнейшие нужды фронта.

Г. А. Куманев: Как проводилась военная перестройка работы промышленности боеприпасов, включая перебазирование ее основных объектов в течение первого года войны? Очевидно, в изменившихся условиях в деятельности наркомата и его предприятий не все протекало так, как хотелось бы, как намечалось военно-мобилизационными планами?

П. Н. Горемыкин: Буквально с первых дней фашистской агрессии под руководством ЦК партии и Советского правительства во всех отраслях нашей экономики, в том числе в системе Наркомата боеприпасов, развернулась напряженная, широкомасштабная военная перестройка. Требовалось, в частности, на нужды фронта переключить производственные мощности гражданской промышленности.

Такую работу мы провели в целом успешно. Об этом говорят, например, такие факты. Для производства боеприпасов было дополнительно привлечено более 1 тыс. заводов гражданской промышленности. Так, сталелитейные и чугунолитейные базы машиностроительных предприятий стали выпускать корпуса снарядов и мин, а часовые заводы — взрыватели для снарядов. Химические и резиновые заводы освоили производство противотанковых гранат, взрывчатых веществ, зарядов для реактивных снарядов и т. п.

Когда 14 июля 1941 г. в районе железнодорожной станции Орша были успешно применены первые реактивные установки («катю

ши»), ГКО решил существенно увеличить их выпуск. К производству деталей к реактивным снарядам М-13 Госплан привлек десятки заводов Москвы и Уральского региона.

С началом войны заводы Наркомата боеприпасов получили новые планы, в которых практически все задания были резко увеличены. И тем не менее по большинству калибров удалось создать запасы, позволившие развернуть производство боеприпасов в необходимом количестве.

Но этого, как показали события, оказалось недостаточно. Вся беда заключалась в том, что основные запасы боеприпасов были сосредоточены в непосредственной близи от границы, и уже в первые дни и недели войны их захватил враг. В результате быстрого продвижения немецко-фашистских войск мы вскоре потеряли две трети металлургических мощностей, из 18 млн. тонн проката у нас осталось где-то около 5 млн. тонн. А ведь в предвоенные годы предприятия, которые выпускали боеприпасы, являлись главными потребителями продукции черной и цветной металлургии, а также химической промышленности. Таким образом была нарушена кооперация, установленная планами для всех ведущих отраслей промышленности, что, конечно, отрицательно сказалось на производстве боеприпасов.

Очень трудное положение с боеприпасами уже в начале военных действий было связано и с тем, что крайне неблагоприятный для нас ход событий заставил срочно заняться перебазированием из угрожаемых районов предприятий, выпускавших взрывчатые вещества. А это означало пусть временное, но прекращение там производственного процесса. Весьма тяжелое положение создалось в пороховой промышленности: пять из восьми ее предприятий пришлось перемещать на Восток. Всего же только с августа по ноябрь 1941 г. в результате вражеской оккупации, а также эвакуации промышленности из прифронтовой зоны выбыло из строя 303 предприятия, изготовлявшие различные взрывчатые вещества. Я напомню Вам место из известной книги председателя Госплана СССР товарища Возне,- сенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», которую захватил с собой. На странице 41 автор отметил, что месячный выпуск этих предприятий, изготовлявших боеприпасы, «составлял 8,4 млн. корпусов снарядов, 2,7 млн. корпусов мин, 2 млн. корпусов авиабомб, 7,9 млн. взрывателей, 5,4 млн. средств воспламенения, 5,1 млн. снарядных гильз, 2,5 млн. ручных гранат, 7800 т пороха» и многое другое.

Г. А. Куманев: Очень впечатляющие и правдивые цифры. Ведь основу данного труда составил официальный отчет Госплана СССР о состоянии и развитии нашего народного хозяйства в 1941—1945 гг.

П. Н. Горемыкин: Да, я с этим отчетом в свое время знакомился... И вот можно себе представить, что означали для сражавшейся страны такие громадные потери и какое еще государство в мире смогло их преодолеть и восполнить?

Надо также иметь в виду: война диктовала необходимость, чтобы все перемещенные в тыл предприятия были оперативно, экономически продуманно размещены на новых местах и вновь, как можно скорее, возобновили свою производственную деятельность. А для этого требовалось по довоенным меркам не менее одного — полутора лет. Но такие сроки в условиях военного времени были абсолютно неприемлемыми. Поэтому перед работниками отрасли, строителями, партийными, советскими, хозяйственными органами во весь рост встала задача — восстановить выпуск боеприпасов в невиданные, предельно короткие сроки.

И эта сложнейшая военно-хозяйственная проблема была решена. Примерно в феврале 1942 г. завершилась первая волна перебазирования производительных сил СССР, в том числе заводов по производству боеприпасов. Причем часть из них в результате победы Красной Армии под Москвой была позднее реэвакуирована на прежние места. Предприятия Наркомата боеприпасов стали налаживать и наращивать нарушенный выпуск своей продукции. Пожалуй, наиболее трудным оказалось задание обеспечить почти вдвое рост производства 76-миллиметровых снарядов, а также значительно увеличить поставки боеприпасов для 122-миллиметровых и 152-миллиметровых пушек. Завод, который мог их выпускать, был только что построен в одном из тыловых районов и еще не имел рабочих. А требовалось их от 15 до 18 тысяч. Но где их взять? И вот тогда было принято решение перевести всех строителей этого предприятия в цеха — на производство снарядов. А чтобы они не понесли материального ущерба во время обучения новым профессиям, им на несколько месяцев устанавливалась оплата в размере прежнего среднего заработка. Выход из трудного положения был найден, и вскоре завод стал давать фронту во все возраставшем количестве необходимые снаряды.

Следует признать, что в тыловых районах страны не везде были подготовлены нормальные условия для размещения прибывавшего эвакооборудования и рабочих. Такие факты не столь часто отмечаются в книгах и статьях.

Г. А. Куманев: Это можете проиллюстрировать?

П. Н. Горемыкин: Да. Вот, например, на Южный Урал в разгар зимы из Московской области был переброшен вместе со специалистами завод по производству авиационного выстрела. Его разместили на площадях Челябинского элеватора. Мороз в это время достигал минус 30°; а склады элеватора не отапливались. И требовалось для обеспечения приемлемых условий работы провести двойную обивку стен, потолка, подключить соответствующие агрегаты отопления...

Казалось, рабочие могли предъявить местной администрации законные претензии и пока не приступать к восстановлению своего предприятия. Но они этого не сделали и по своей инициативе начали работу, хорошо уяснив себе, что пока в распоряжении государства не

осталось ни одного действующего завода, который мог бы обеспечить Военно-Воздушные Силы страны соответствующей военной продукцией. Уже через две недели перебазированное в Челябинск предприятие возобновило на новом месте выпуск боеприпасов для нашей авиации.

Другой характерный эпизод. Завод № 98 по производству баллиститных порохов, который возглавлял опытный руководитель, участник Гражданской войны Дмитрий Бидинский, получил ответственное задание Государственного Комитета Обороны — в трехмесячный срок в несколько раз увеличить выпуск зарядов. Раньше такие темпы могли бы показаться нереальными, просто фантастическими. Но шла война, и она диктовала свои темпы и нормы. Буквально весь коллектив сознавал исключительную важность этого фронтового поручения и поэтому трудился не покладая рук. Никто не уходил с работы, не выполнив норму. Между тем на сборке зарядов за одну смену приходилось выполнять по 12—13 тыс. операций. И все вручную. А ведь две трети рабочих завода № 98 составляли женщины и подростки. Несмотря на все трудности, задание ГКО было выполнено. До полной эвакуации завода, начавшейся в первой половине октября 1941 г., его коллектив сумел изготовить свыше 3 тыс. тонн баллиститных порохов, предназначенных главным образом для реактивных снарядов и минометных зарядов. А в 1942 г. завод № 98 произвел уже свыше 11,2 тыс. тонн порохов. Тем самым была превышена суммарная мощность двух родственных заводов и таким образом удалось компенсировать их временный выход из строя.

Вот еще одна из типичных картин того времени. Однажды я приехал на один из пороховых заводов. То, что я там увидел, и сейчас стоит перед моими глазами. Зима. Жестокие морозы, доходившие до минус 40°. Ледяные пронизывающие ветры... Невероятно трудно. Но с какой самоотдачей работали люди! 200% выполнения сменного задания стали нормой для молодой смены рабочего класса. А стахановцы вырабатывали по 500—700%.

Очень запомнилось мне и посещение завода взрывателей на Урале. Проходим по цехам. Их не менее десяти. Лишний раз убеждаемся, какой же долгий, многокилометровый путь проходят детали (пока в виде куска металла) через десятки тысяч женских и юношеских рук, чтобы потом превратиться в сердце снаряда или бомбы...

В сборочном цехе нас знакомят с простенькой операцией — маркировкой. Сегодня ее выполняют автоматы, а тогда, в годы войны — две женщины-работницы. Им и требовалось-то вставить пальцы рук в десять стаканчиков взрывателей, перенести их, припечатать к штампу и вновь поставить на конвейер. Вроде просто. Но в течение всей войны конвейер подал около 180 млн. изделий. Каждое изделие весом в 100—150 граммов. Сколько же тысяч тонн металла перенесли эти женские пальцы?

Примеров такой самоотверженности и высокого патриотического духа советских людей не перечесть.

Летом 1942 г. в результате нового вражеского наступления, новых потерь и последовавшей второй волны эвакуации наша военная экономика переживала серьезные трудности. В крайне тяжелых условиях на предприятиях наркомата были организованы механизация трудоемких работ и внедрение поточного производства патронов и снарядов. Эти мероприятия завершили начатое перед войной совершенствование технологических процессов. Они позволили значительно сократить производственные затраты, сэкономить много дефицитного металла и главное — существенно увеличить выпуск продукции. Приведу Вам такие сравнительные данные. Если в 1940 г. промышленность боеприпасов дала стране более 17 млн. снарядов, около 8 млн. авиабомб и более 18 млн. мин, то в разгар войны, в 1944 г., было получено 94768 тыс. снарядов (рост боле чем в 5,5 раза), 10518 тыс. авиабомб (рост более чем в 13 раз), 78630 тыс. мин (рост более чем в 4 раза).

Г. А. Куманев: Вы, конечно, неоднократно в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны встречались со Сталиным, отвечали на интересовавшие его вопросы, получали различные задания. Если я не ошибаюсь, то нельзя ли поделиться впечатлениями от некоторых из этих встреч?

П. Н. Горемыкин: Действительно, перед войной, работая начальником Главного управления Наркомата оборонной промышленности СССР, первым заместителем наркома вооружения, а затем и наркомом боеприпасов, я часто приглашался на заседания Политбюро ЦК ВКП(б) или Комитета обороны при СНК СССР. Разумеется, приглашался обычно тогда, когда там обсуждались вопросы, связанные с новыми образцами техники и вооружения. На этих заседаниях, кроме наркомов оборонных наркоматов, постоянно бывали военные конструкторы, руководители и специалисты Наркомата обороны СССР. Если это заседание Комитета обороны, то, как правило, председательствовал маршал Климент Ефремович Ворошилов, а последним всегда выступал Сталин. Причем не помню случая, чтобы вождь ограничился несколькими общими фразами. По каждому рассматриваемому вопросу он всегда Давал глубокий, обстоятельный анализ. Я поражался его всесторонней осведомленностью, отличной памятью и широкой эрудицией. Помню, когда в 1938 г. на одном из заседаний рассматривался вопрос о строительстве новых кораблей нашего Военно-Морского Флота, были приведены некоторые сведения о состоянии флота в ведущих зарубежных странах. Подводя итоги обсуждения, Сталин по памяти дал развернутую характеристику всем основным кораблям наших потенциальных противников по тоннажу, мощности Двигателей, по скорости и вооружению.

Немало было встреч и во время войны. Расскажу о некоторых из

них. В июле 1941 г. звонит помощник Молотова. Говорит, что мне нужно немедленно приехать к Вячеславу Михайловичу.

— По какому вопросу и надо ли взять какие-нибудь материалы? - спрашиваю.

— Не надо, все на месте.

Приезжаю. Вхожу в кабинет к Молотову и вижу: за столом сидят Молотов, Микоян, Маленков, Берия, Вознесенский. У письменного стола стоит Сталин, заметно нервничает. Поздоровался и, затянувшись трубкой, спрашивает:

— Почему, товарищ Горемыкин, так получилось, что уже в начале войны мы оказались без основных артиллерийских систем, без главных видов вооружения?

Вопрос для меня был тяжелый. Тем более я, конечно, знал о том, что бывшее руководство Наркомата вооружения: Ванников. Барсуков, фактически Мирхазанов (он находился под следствием) и еще ряд других руководящих работников наркомата арестованы. И некоторые из них уже «признали» себя виновными в несвоевременном снятии с вооружения соответствующего вида пушек и пулеметов и в «шпионаже» в пользу фашистской Германии. А незадолго до этой встречи Молотов мне говорил: «А твой дружок Ванников признает себя виновным во вредительстве. Он решил нужные пушки не делать, а делать другие и тем самым сорвать обеспечение фронта».

Помня такую молотовскую оценку, мне трудно было отвечать. Но я все-таки говорю:

— Товарищ Сталин, хотя я сейчас не занимаюсь вооружением, работаю по производству боеприпасов, должен Вам доложить, что Наркоматом обороны и его Главным артиллерийским управлением было внесено предложение снять с производства 45-мм и 76-мм пушки.

Далее я сказал, что из-за возражений Наркомата вооружения вопрос, как известно, трижды рассматривался в ЦК. Для этого создавались одна за другой три комиссии. Первая работала под председа-' тельством товарища Маленкова, вторая — под председательством товарища Молотова и третью возглавлял товарищ Жданов. Все они приняли предложения руководства Наркомата обороны СССР, и выводы комиссий были утверждены Центральным Комитетом партии (т. е., разумеется, Сталиным, но мы об этом никогда не говорили).

(Еще немного поясню, Георгий Александрович. Я принимал участие во всех трех комиссиях и видел, что военные и в первую очередь маршал Кулик, который в техническом отношении был человеком неграмотным, но по каким-то причинам имел влияние в Наркомате обороны, настаивали на снятии с производства многих видов вооружения под предлогом, что они устарели. Кулик заявлял, что у немцев танковая броня будет, как у дредноутов. Поэтому, мол, на серийный выпуск надо ставить новые виды.)

Я также сказал Сталину, что, кроме 45-мм и 76-мм пушек, это

касалось 120-мм 110-мм гаубиц, самозарядных винтовок, пулеметов «Максим», противотанковых ружей, мосинской винтовки образца 1891/38 гг. и даже автоматов (их Кулик окрестил «оружием полицейских»).

И вот во многом именно по названной причине, ввиду прекращения выпуска так называемых «устаревших видов вооружения», и выявилась уже в самом начале войны острая нехватка артиллерийского и стрелковою вооружения.

Сталин, который слушал, меня сидя, встал со своего места, хлопнул себя по бедрам и говорит:

- Что же мы наделали?

Спрашивает меня:

- Как быть? Вы участвовали в работе комиссий. Скажите, как же нам поправить положение?

Я высказал мнение, что необходимо возвратиться к выпуску того вооружения, которое снято с производства, т. к. освоение новых видов займет не менее года. Добавил также, что, например, пушки, которые мы перестали выпускать, не хуже немецких и не хуже американских. И поскольку я много работал на оборонных заводах, мне хорошо известно, что необходимая оснастка и заделы должны сохраниться, и таким образом имеется возможность быстро наверстать потерянное время.

В заключение я сказал, что, наверное, стоило бы расспросить по этому вопросу тех из руководства Наркомата вооружения, кто последнее время занимался этими делами (т. е. намекал на наркома Ванникова, который был арестован, и на его заместителя Мирзаха- нова, находившегося под следствием).

Тут же из внутренней тюрьмы был вызван Мирзаханов. Он явился минут через 20 в соответствующей одежде, но побритым. Сталин задал ему тот же вопрос, и он почти слово в слово повторил то, о чем я докладывал. У меня сразу же от души и от сердца отлегло...

Пушки, о которых шла речь, были незамедлительно на заводах поставлены на серийный выпуск, чему в решающей мере способствовали уже созданные перед этим производственные мощности.

Борису Львовичу Ванникову было передано правительственное задание: изложить свое мнение по данному вопросу, а заодно — конкретные предложения по проблемам военной перестройки оборонной промышленности. Он все сделал, и через несколько дней его предложения рассматривались в Государственном Комитет Обороны. Кроме членов ГКО, там находились новый нарком вооружения Дмитрий Федорович Устинов и я. С Ванникова обвинения были сняты, его освободили и назначили заместителем наркома вооружения и уполномоченным ГКО по выпуску вооружения на заводах Урала.

Принятые меры не замедлили сказаться на увеличении произ

водства артиллерийских систем. В 1942 г. мощности наших артиллерийских заводов перекрыли то, что мы имели ранее.

Еще вкратце о двух встречах с вождем. В начале октября 1941 г. вызывает он меня в Ставку Верховного Главнокомандования. Она находилась тогда в подвальном помещении в районе станции метро «Кировская». Поздоровались, и Сталин говорит:

— Вас, товарищ Горемыкин, обвиняют во вредительстве.

— Почему и в чем меня обвиняют, товарищ Сталин? — удивленно спрашиваю я.

— Вот, получено письмо от начальника Главного управления по снабжению самолетов. В нем отмечается, что приостановлено снабжение ВВС Красной Армии авиаснарядами. Обвиняется в этом нарком боеприпасов. Правильно ли написано в письме?

Я отвечаю:

— В первой части правильно, товарищ Сталин. Поставки действительно прекратились. А во второй — неправильно и моей вины здесь нет. Потому что авиазавод «Выстрел» и еще один завод из центральной России, которые выпускали эти снаряды, мы вынуждены эвакуировать в Челябинск, и они сейчас находятся в пути. А размещаться должны на подготовленных площадях местного предприятия.

Сталин тут же вызвал наркома путей сообщения Кагановича и ответственных работников ЦК по транспорту и сказал, чтобы в течение двух, в крайнем случае трех дней заводское оборудование прибыло на место. В этот срок оно и было перебазировано. Затем при 30-градусном морозе рабочие приступили к монтажу оборудования и завершили его в течение трех недель. Вскоре вместе с наркомом по строительству Семеном Захаровичем Гинзбургом мы полетели в Челябинск, чтобы обеспечить скорейший пуск обоих заводов...

Была еще одна встреча с подобным обвинением. Снова вызывает к себе в Ставку Сталин и снова говорит:

— Вас опять подозревают во вредительстве.

— Почему, товарищ Сталин?

— Потому что Вы неправильно ведете себя на производстве и сорвали одно важное дело ведущего конструктора.

А конструктор сидит здесь же, и я понял о ком и о чем идет речь. Был такой конструктор Борис Шпитальный. Вы, Георгий Александрович, эту фамилию, видимо, знаете. Человек он был не без способностей,. но авантюрных наклонностей и в случае каких-либо личных неудач или промахов всегда предпочитал искать виновных где-то на стороне.

Сталин при встрече расспрашивал его о неполадках в авиаснарядах, и тот сразу же заявил, что во всем этом виноват нарком- вредитель Горемыкин.

Когда я выслушал все претензии ко мне, а точнее — обвинения, то ответил:

- Товарищ Сталин, мы уже разобрались с этими неполадками. Они целиком связаны с конструкторскими недоделками и упущениями. Я смог принять соответствующие оперативные меры и сейчас готов с полной ответственностью заявить Вам, что дефект преодолен, что преждевременности выстрела в самолетах не будет и не будут **гибнуть** по этой причине ни летчики, ни самолеты.

- Ну, что ж, — говорит Сталин, — примем к сведению такое заявление.

После того как заметно помрачневший Шпитальный покинул кабинет вождя, Сталин подошел ко мне и, глядя в глаза, довольно тепло произнес:

- Дорогой товарищ Горемыкин, Вы, очевидно, знаете, как я отношусь к конструкторам, изобретателям.

- Знаю, товарищ Сталин, мне приходилось бывать на заседаниях, испытаниях, и я много раз был свидетелем Вашего большого внимания к ним.

(Весьма показательный пример такого отношения: конструкторы и изобретатели щедро награждались, получали и звание Героя Социалистического Труда, различные премии и т. п. Хозяин Кремля почти всех их знал по имени и отчеству, многим из них даже по частным вопросам сам звонил по телефону.)

- Я Вас прошу, — добавил Сталин, — ничего не делать самостоятельно без генерального конструктора.

Я-то думал, что он меня расхвалит: ай, какой молодец, во всем уже разобрался, все уже сделал, все исправил...

В конце встречи Сталин заметил:

~ Надо очень тепло, хорошо жить с конструкторами. Они творят очень нужные дела, и от них судьба нашей страны тоже во многом зависит.

Г. А. Куманев: Кого Вы могли бы назвать из большой когорты ученых, изобретателей, конструкторов-боеприпасников?

П. Н. Горемыкин: Над совершенствованием существовавших и над созданием новых образцов боеприпасов в годы Великой Отечественной войны трудились коллективы десятков научно-исследовательских институтов (НИИ), сотни заводских конструкторских бюро (КБ), тысячи ученых, конструкторов, изобретателей, рационализаторов — замечательных специалистов своего дела. Не всех, конечно, помню по имени-отчеству, но фамилии многих из них хорошо отложились в памяти.

Еще в мирное время у нас проводились на двух заводах опыты по созданию мощных баллиститных порохов. Но в первые месяцы войны, когда оба предприятия надо было срочно эвакуировать в тыловые районы, к изготовлению таких порохов пришлось приступить по существу заново. По решению Государственного Комитета Обороны на заводе № 98 было создано Особое конструкторское бюро (ОКБ). Туда включили крупных ученых-специалистов по бал-

листитным порохам Бакаева, Спориуса, Гальперина, Пашкова и других. В невиданно короткие сроки они разработали технологию изготовления ракетных порохов. Названным мною ученым была присуждена Сталинская или, как ее стали называть позднее, Государственная премия СССР.

Выдающийся вклад в теорию горения порохов в ракетных снарядах и в создание противотанковых гранат внес коллектив ученых из Института химической физики Академии наук СССР. Его возглавил молодой талантливый исследователь Яков Борисович Зельдович, впоследствии академик, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР.

Нельзя не сказать» несколько добрых слов и о коллективе конструкторов во главе с замечательными инженерами Бурмистровым и Константиновым, которые изобрели 37-мм и 45-мм подкалиберные бронебойно-трассирующие снаряды. Их бронебойная сила была в 1,5 раза выше пробивной силы существовавших до этого бронебойных снарядов.

Другой коллектив конструкторов в составе Матюшкина, Дзюбы и Ломового разработал первые образцы отечественных кумулятивных снарядов. Затем была создана и кумулятивная бомба.

Огромные успехи были достигнуты в реактивной артиллерии. Еще до войны Андрей Костиков - талантливый организатор и конструктор, правда, со сложным характером, изобрел реактивный миномет. Во время войны под его руководством совершенствовалась знаменитая «катюша». Костиков стал генерал-майором, Героем Социалистического Труда, членом-корреспондентом АН СССР. К тому, о чем я Вам немного уже рассказывал, добавлю, что реактивные снаряды М-13 были не только сконструированы, но и испытаны еще накануне войны, в 1939-1940 гг. На одном показательном испытании весной 1941 г. были нарком обороны маршал Тимошенко, его заместитель, начальник Главного артиллерийского управления маршал Кулик, несколько ответственных представителей от ЦК партии, Совнаркома и я, как нарком боеприпасов.

После испытаний военные заявили, что кучность этих снарядов слишком мала, недостаточна. Их мнение, к сожалению, возобладало и заказы на производство М-13 оставались незначительными.

Но вот в начале войны, когда сложилось очень тяжелое положение на западном направлении, с фронта в Ставку позвонил генерал Рокоссовский. Он сообщил, что в ходе развернувшихся под Оршей ожесточенных боев наше командование использовало 6 реактивных установок («катюш»). Они нанесли противнику огромный урон. От залпов, произведенных установками, были подожжены многие эшелоны противника с горючим и боеприпасами. Снаряды, летящие со звуком и хвостовой кометой, навели ужас и страх на немецких солдат. Рокоссовский просил срочно прислать новые реактивные установки.

После этого Сталин вызвал меня и дал указание подготовить предложения к проекту постановления ГКО о серийном производстве М-13 и о резком увеличении их поставок действующей армии. Госпланом СССР были привлечены десятки заводов по производству деталей к этим снарядам. Одновременно были отработаны заряды из пироксилиновых порохов. К этому времени будущий академик Сергей Алексеевич Христианович провел большую научно-исследовательскую работу в ЦАГИ и внес необходимые изменения в конструкцию снарядов, которые повысили их кучность в несколько раз.

Только в Москве, реализуя постановление ГКО, мы подключили к выпуску «катюш» 56 заводов гражданской промышленности и таким образом смогли справиться со столь важной задачей.

Отвечая на Ваш вопрос, могу еще назвать конструкторов взрывателей Ларионова, Алифанова, Пономарева, Вишневского, Васильева, пороховников Рябова, Лопука, Мигрина, Атрюшенко, Фомина, Клименко, Франкфурта...

Всех достойных перечислить невозможно. За выдающиеся заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны 12 предприятий Наркомата боеприпасов СССР получили высокие правительственные награды.

Научные свершения ученых, высокие достижения инженерно-технической мысли рационализаторов и изобретателей в области производства боевых средств не имели бы во время войны столь громадного эффекта, если бы не подкреплялись самоотверженной работой всей многотысячной армии рядовых тружеников, как говорится, от мала до велика.

Вот лишь один небольшой штрих. В начале 1942 г. мне довелось побывать в Верхней Туре на заводе боеприпасов. Здесь изготавливались 152-мм снаряды. Ребятишки 12—13 летние, когда я зашел на завод в обеденный перерыв, гоняли голубей. Спрашиваю у директора завода:

— Вы что это делаете? Не даете даже отдохнуть ребятам.

— Ничего, — отвечает он, — после этого они еще более упорными становятся, еще лучше работают. Ведь все они наши мужские нормы выполняют, а многие и перевыполняют.

Удивительно, но как трудились эти наши молодые патриоты, совсем еще дети, как работали наши славные женщины, достойно заменившие ушедших на фронт мужчин! Делали почти невозможное по мирным меркам. Несмотря на скудную пищу, на все невзгоды и лишения. Я с восхищением и сейчас вспоминаю о таких героях трудового фронта и славить их надо навечно.

Г. А. Куманев: Вы, дорогой Петр Николаевич, сообщили мне много ценных данных, связанных с производством боеприпасов в Советском Союзе накануне и в годы Великой Отечественной, войны и о Вашем непосредственном участии в этом трудном и очень важном деле. Но меня также весьма интересует, каким был механизм

обеспечения боеприпасами Красной Армии во время войны и как снабжение ими советских войск отражалось на проведении важнейших оборонительных и наступательных операций.

П. Н. Горемыкин: Вопрос этот и непростой, и довольно широкий. Отвечая на него, я попытаюсь проиллюстрировать то, что Вас интересует, на примере только ряда крупных военных операций, используя те материалы, которые имею при себе.

Если вести речь о первых месяцах Отечественной войны, то прежде всего следует сказать о том, что в конце июля 1941 г. была улучшена сама система снабжения Красной Армии воинскими грузами. По решению ГКО были созданы органы тыла во главе с начальником Тыла Красной Армии, которому подчинялся и прифронтовой транспорт с задачей подвоза фронту всего необходимого.

Я уже говорил Вам о том, какие огромные трудности возникли у нас в самом начале фашистской агрессии в отношении боеприпасов. Ведь многие склады с ними находились на территории, куда вторглись немецко-фашистские войска. Враг подверг эти склады бомбовым ударам. Некоторые из них пришлось уничтожать и воинам Красной Армии при отступлении. Всего к 10 июля в захваченных противником районах СССР оказалось более 200 складов и баз, или 68% их общего количества, находившихся в приграничной зоне, одновременно резко сократилось производство снарядов, авиабомб, мин, гранат и других видов боевых средств из-за вынужденного перебазирования предприятий наркомата в тыловые районы.

Все эти причины привели к существенному уменьшению поступления военной продукции в действующую армию и, конечно, очень осложняли и снижали эффективность ее боевых действий в первые месяцы войны, в том числе во время битв под Москвой и Ленинградом.

Летом 1942 г., когда развернулись грандиозные сражения под Сталинградом и на Северном Кавказе, перед органами тыла Красной Армии встали чрезвычайно сложные задачи по обеспечению Красной Армии всем необходимым. Сеть железных дорог в этих регионах была недостаточно развитой и к тому же подвергалась постоянному воздействию вражеской авиации. Правда, в непосредственной близости к фронту находилась Волга, но многие ее участки противник заминировал, а переправы почти непрерывно бомбил.

И можете себе представить, Георгий Александрович, в таких тяжелейших условиях, потребовавших от наших органов снабжения огромных усилий, оперативности и маневренности, фронтам в оборонительный период битвы на Волге было подано одних только боеприпасов около 5,4 тыс. вагонов. Это позволило заметно увеличить их расход. Приведу Вам такие данные: с 12 июля по 19 ноября 1942 г. он составил более 4,7 тыс. вагонов. Хотя остаток боеприпасов был совсем небольшой, тем не менее он пригодился при переходе советских войск в контрнаступление под Сталинградом.

Очень трудно решалась задача обеспечения Красной Армии боеприпасами при проведении оборонительных и наступательных операций в ходе битвы за Кавказ. После отхода наших войск к предгорьям Кавказского хребта враг перерезал все основные транспортные коммуникации, которые связывали Кавказ с центром. Используя доставку грузов кружным путем — через Среднюю Азию и Баку, совершая их перевалку с железных дорог на воду и обратно, применяя другие смелые и оригинальные решения, работники транспорта и органов тыла Вооруженных Сил добивались, казалось, невозможного. Тысячи тонн боеприпасов и другой военной продукции, направленных из центра и местных предприятий, обеспечили потребности Закавказского и Северо-Кавказского фронтов и в конечном счете разгром немецко-фашистских войск в этой битве.

Приведу в качестве примера Курскую битву. По имеющимся у меня архивным документам, перед началом этого, я бы сказал, масштабного исторического сражения наши войска здесь имели около 20 млн. снарядов и мин, 630 млн. патронов, 7 млн. ручных гранат и многое другое. Поток боеприпасов в ходе начавшейся операции поступал в войска непрерывно. Всего в течение битвы на Курской дуге воины Красной Армии израсходовали 14 млн. мин и снарядов. 500 млн. винтовочных и 3,3 млн. пулеметно-автоматных патронов, 3,6 млн. патронов противотанковых ружей, почти 4 млн. ручных фанат, или более 10,6 тыс. вагонов боеприпасов. Расход боевых средств за 50 дней этой битвы превысил их расход во время битвы под Сталинфадом за 205 дней.

Вам, конечно, хорошо известны итоги величайшей по размаху Белорусской сфатегической наступательной операции, которую провели войска 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов. Так вот, с 1 мая по 22 июля 1944 г. этим фронтам было доставлено около 8 тыс. вагонов боеприпасов. Причем, как и в битве под Курском, подача! боеприпасов шла непрерывно и их общий объем существенно возрос. Всего за время Белорусской сфатегической операции наши войска израсходовали около 6 тыс. вагонов боеприпасов.

Белорусскую операцию по количеству поданного вооружения и боеприпасов превзошла Ясско-Кишиневская наступательная операция. Два фронта, которые ее проводили, получили почти столько, сколько было доставлено четырем нашим фронтам во время Белорусской операции. Одних только снарядов и мин поступило 6,4 млн.

И последний призер. Доставка боеприпасов войскам 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при подготовке Висло-Одер- ской наступательной Операции превзошла все, имевшее место ранее. Воины Красной Армйи при ее подготовке получили 16 млн. 148 тыс. мин и снарядов, 0,5 млрд. патронов, более 2 млн. ручных фанат. А это — свыше 16 тыс.вагонов. Так работники предприятий Наркомата боеприпасов СССР вме-

сте со всем советским народом в течение всей неимоверно трудной войны обеспечивали боевые действия Советских Вооруженных Сил и завоевание ими Великой Победы.

Г. А. Куманев: Каковы же общие результаты усилий трудовых коллективов Вашей отрасли по производству боеприпасов за 1941— 1945 гг.?

П. Н. Горемыкин: По последним уточненным данным они таковы: за годы Великой Отечественной войны наша промышленность боеприпасов произвела 333,3 млн. снарядов, 37189 млн. авиабомб, 242808 млн. мин, около 200 млн. фанат, десятки млрд. патронов, сотни тысяч тонн пороха и взрывчатых веществ.

Из неопубликованных документов

1. **Из постановления Государственного Комитета^ Обороны от 9 ноября 1941 г. «О восстановлении заводов боеприпасов, эвакуированных на Волгу, Урал и Сибирь»**

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать НКБ - т. Горемыкина, НКВ - т. Устинова восстановить производство корпусов снарядов, мин и авиабомб, снарядов М-8 и М-13, взрывателей, гильз, порохов, взрывчатых веществ и снаряжения, капсюлей, патронов и звеньев по заводам НКБ и НКВ, эвакуированных на Волгу, Урал и Сибирь, в следующие сроки:

Завод № 61 НКБ (№ 613 г. Касли) — 82-мм мины, 122-мм осколочные, 152 мм осколочные. Срок восстановления прежнего уровня производства — 15. 01. 42 г. и 1. 02. 42 г. (для 152-мм).

... 8. Контроль за выполнением данного решения возложить на НКГосконтроля - т. Попова.

9. Обязать НКБ — т. Горемыкина раз в пятидневку представлять в СНК ССР сведения о ходе восстановления заводов по производству боеприпасов»*.

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

2. Постановление Государственного Комитета Обороны от 20 ноября 1941 г.

«1. Обязать Наркома боеприпасов тов. Горемы кина организовать производство зажигательных авиабомб типа «Огневфе мешки» для отрядов У-2. Производство «Огневых мешков» наладить в (2-х пунктах — в Москве и в Казани.

2. Обеспечить ежедневный выпуск «Огневых мешков» в количестве

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов.**

2000 шт. до 1/XII-41 г. и довести выпуск к 10/XII-41 г. до 5000 мешков в день»*.

Председатель ГКО И.
СТАЛИН

3. **Из распоряжения Государственного Комитета Обороны от 7 июля 1942 г. «О ручной противотанковой гранате»**

«1. Принять на вооружение ручную противотанковую гранату образца 1940 г. конструкции КБ-30 НКБ под наименованием РПГ-40.

... 3). Обязать НКБоеприпасов (т. Горемыкина) на базе кооперации изготовления деталей РПГ-40 обеспечить сдачу Наркомобороны в течение июля месяца 1941 г. в количестве 1 млн. штук, в т. ч. в период с 7/VII по 15/VII 180 тыс. шт. и в последующие дни равномерными партиями.

4. Изготовление противотанковых гранат РПГ-40 считать особо важным оперативным оборонным заданием. Установленное задание на указанный период наркоматами и дирекциями предприятий должно быть безусловно выполнено»**.

Зам. Председателя ГКО
В.
МОЛОТО

*** Там**

**** Там**

И. В. КОВАЛЕВ

Во время одной из встреч с маршалом Г. К. Жуковым (это было в сентябре 1967 г.), отвечая на мой вопрос, кого бы он мог особо выделить среди руководителей военной экономики СССР, в числе первых Георгий Константинович назвал начальника Управления (позднее Центрального управления) военных сообщений Красной Армии, а с декабря 1944 г. — наркома- путей сообщения СССР генерал-лейтенанта И. В. Ковалева. Неоценимой заслугой последнего явилось создание четкой и эффективной системы управления воинскими перевозками. Фактически ни одна крупная оборонительная или наступательная операция наших Вооруженных Сил не была разгадана противником, под носом у которого в установленные сроки по железнодорожным магистралям скрытно перебрасывались огромные массы войск с техникой, вооружением и боеприпасами.

Иван Владимирович Ковалев (28.06.1903 г. — 29.05.1991 г.) еще в довоенные годы, как об этом говорят документы, прошел большую и многогранную школу руководящей военно-хозяйственной работы в качестве, например, начальника группы контроля двух магистралей, заместителя начальника Южно-Уральской железной дороги, а затем начальника Западной железной дороги. Потом последовательно занимал должности начальника Военного отдела НКПС, начальника Управления дорог Северо-Западного направления НКПС. В мае 1941 г. постановлением СНК СССР был назначен заместителем наркома госконтроля СССР по железнодорожному транспорту, проработав здесь более месяца.

С началом Великой Отечественной войны 38-летний И. В. Ковалев был переведен в РККА и в июле 1941 г. назначается начальником Управления военных сообщений Красной Армии (УПВОСО). С” 1943 г. становится первым заместителем начальника, а в 1944 г. — начальником Центрального управления военных сообщений (ЦУП ВОСО), проработав в этой должности до 20 декабря 1944 г., когда он сменил Л. М. Кагановича на посту наркома путей сообщения СССР.

Сослуживцы Ивана Владимировича по военным годам свидетельствуют, что он был человеком энергичны^, крепким физически и стойким духовно, талантливым руководителем, хорошо знающим свою профессию. Видимо, поэтому он выдержал на своих плечах один из тяжелейших участков обороны страны, выдержал достойно все невзгоды и испытания с первых и до последних дней войны.

Организованный им четкий порядок по воинским перевозкам постоянно оправдывал себя и положительно сказывался на общей транспортной обстановке.

Ветераны железнодорожного и других видов транспорта, органов ВОСО и желдорвойск, с которыми во время войны работал генерал Ковалев, вспоминая о нем, отмечают, что он был и очень инициативным руководителем.

14 февраля 1942 г. именно по его инициативе, поддержанной И. В. Сталиным, был создан при ГКО Транспортный комитет, в состав которого наряду с членами Политбюро ЦК А. А. Андреевым, Л. М. Кагановичем, А. И. Микояном, начальником Тыла Красной Армии генералом А. В. Хрулевым и рядом других военных и гражданских деятелей, вошел и начальник УПВОСО генерал И. В. Ковалев. Транспортный комитет возглавил Сталин. Новым органом были предприняты весьма действенные меры по упорядочению планирования и координации работы всех видов отечественного транспорта. Во многом благодаря этому удалось в первом полугодии 1942 г. избежать топливного кризиса и обеспечить устойчивость в перевозочной деятельности железных дорог.

Во всех делах, которые ему поручались, И. В. Ковалев всегда проявлял решительность и принципиальность. Когда в 1942 г., в тяжелые месяцы отступления, в Государственном Комитете Обороны был поднят вопрос о расформировании железнодорожных войск и переводе их в стрелковые части, Ковалев энергично выступил против этого недальновидного предложения. Он заявил что, когда советские войска перейдут в наступление, то некому будет восстанавливать железные дороги, а без этого наступательные операции наших Вооруженных Сил просто невозможны. Его мнение восторжествовало.

Другой характерный пример. В ноябре 1944 г., когда Красная Армия перенесла боевые действия за пределы СССР, Л. М. Каганович, который тогда еще являлся наркомом путей сообщения, провел в ГКО решение о восстановлении всех зарубежных магистралей только на западноевропейскую колею (1435 мм). Хотя постановление было уже подписано Председателем ГКО, Ковалев, невзирая ни на что, счел принципиально нужным решительно выступить со своей точкой зрения, доказывая, что если произойдет перешивка дорог исключительно на западноевропейскую колею, то будет невозможно обеспечить возросший объем перевозок. Он предложил в полосе каждого фронта осуществить перешивку хотя бы одного направления на союзную колею (1524 мм).

Прежнее решение ГКО было Сталиным отменено, что случалось, крайне редко.

Председатель Государственного Комитета Обороны и Верховный Главнокомандующий хорошо знал все достоинства руководителя ВОСО и в течение всех военных лет между ними установилась прямая связь.

Ежесуточно докладывая Сталину (обычно это происходило около 2 часов ночи) о состоянии продвижения воинских эшелонов и в

целом ситуации на железнодорожной сети, Иван Владимирович всегда имел при себе сводки по итогам дня, включая сведения о задержках тех или иных транспортов, причинах задержек, принятых мерах и т. п. Причем обо всем этом он докладывал только по памяти. А память у Ковалева была исключительной.

Иван Владимирович был удостоен многих боевых наград. Заслуги его перед страной весьма велики.

Однако вскоре после войны, в апреле 1948 г., очевидно, по какому-то недоброму навету, он был обвинен в «ошибках при расходовании государственных средств, а также в деле подбора кадров», освобожден с поста наркома и направлен в Китай в качестве уполномоченного Совета Министров СССР и советника по проблемам транспорта при правительстве Народного Китая. Сам же Иван Владимирович считал, что он был послан туда как «личный представитель Сталина при Мао Цзэдуне», а также в качестве «главного советника в Политбюро КПК и руководителя советских специалистов в Китае».

Выступая 6 мая 1976 г. перед коллективом Института истории СССР АН СССР, он, в частности отметил: «Мне пришлось организовывать восстановление железных дорог и экономики в Маньчжурии и во всем Китае, организовывать управление промышленностью и экономикой вообще, потому что китайцы того времени во главе с Мао были теоретически малограмотными в области экономики и полностью некомпетентными в практической работе по руководству народным хозяйством. С другой стороны, в ту пору там были силы, которые ценили нашу интернациональную помощь и по-братски относились к нам».

И. В. Ковалев успешно справился со своей почетной и ответственной миссией.

После возвращения из КНР он в 1950—1951 гг. работает начальником Донецкого округа путей сообщения, позднее — заместителем министра угольной промышленности СССР по транспорту. В 1957 г. был переведен в систему Министерства обороны СССР, где являлся старшим преподавателем кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба. Защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации. стал профессором.

Последние около 10 лет Иван Владимирович работал старшим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, а также являлся председателем Центрального совета ветеранов войны и труда железнодорожного транспорта СССР.

Наша первая встреча произошла в мае 1956 г. на одном заседании. посвященном Дню Победы. Я тогда был аспирантом Института истории АН СССР, готовил кандидатскую диссертацию о деятельности советских железнодорожников в первые годы Великой Отечественной войны. Моим соседом в зале заседания оказался симпатич

ный и моложавый генерал. Мы разговорились и познакомились. Когда по окончании праздничного мероприятия мы стали прощаться, он пригласил меня приехать к нему на следующий день в гости...

С тех пор наши встречи стали довольно частыми. Иван Владимирович принимал активное участие в нескольких научных конференциях, которые проводились Институтом истории АН СССР (позднее - Институт истории СССР АН СССР, а ныне - Институт российской истории РАН), где я в 1958 г. стал работать научным сотрудником после окончания аспирантуры.

В 1971 г. И. В. Ковалев был одним из моих официальных оппонентов на защите докторской-диссертации «Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938— 1945 гг.» в Институте военной истории МО СССР.

Он постоянно занимался военной историей, историей отечественного транспорта, живо интересовался новыми архивными находками. периодически публиковал научные статьи, очерки, воспоминания в журналах и газетах, издавал брошюры и книги. В 1981 г. в издательстве «Наука» вышла в свет под грифом Института истории СССР АН СССР крупная монография Ковалева «Транспорт СССР в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.)». Большой честью для меня было выступить в ней в качестве ответственного редактора.

Я часто консультировался у Ивана Владимировича по многим вопросам, получая исчерпывающие ответы и добрые советы.

Наши беседы нередко касались военных событий 1939—1945 гг., личности Сталина и его окружения, различных эпизодов, свидетелем и участником которых был и сам генерал Ковалев.

Приведу лишь один случай, связанный с ним и рассказанный Иваном Владимировичем.

Выше я уже отмечал, что заслуги И. В. Ковалева перед народом и страной, несомненно, весьма велики. Поэтому самых высоких наград и почетных званий он, конечно, вполне заслужил. Но, как иногда бывает, какая-то мелочь, неудачная фраза и другие случайности могут что-то перечеркнуть...

И вот однажды где-то в октябре 1943 г. начальник УПВОСО в очередной раз был вызван к Сталину. В кабинете вождя Ковалев увидел «Андрейко» (как часто в разговоре со мной он называл генерала А. В. Хрулева).

Сталин сидел за столом и просматривал какие-то бумаги. Потом оказалось, что это были списки кандидатур отличившихся железнодорожников, представляемых к званию Героя Социалистического Труда. Всего таких оказалось 127 человек во главе с Л. М. Кагановичем, который, снятый по решению ГКО с поста наркома в феврале 1942 г. «как несправившийся с работой в условиях военного времени», спустя год снова возглавил НКПС. (Потом, кстати, был вновь снят с должности наркома.)

Готовил эти списки по поручению Сталина начальник Тыла

Красной Армии генерал Хрулев, который из-за его прохладных отношений с И. В. Ковалевым не включил последнего в подготовленное представление. По каким-то соображениям не включил и себя.

«Сталин сразу обратил внимание на отсутствие в списках моей фамилии, — вспоминал Иван Владимирович, — и спрашивает:

- Товарищ Ковалев, а почему Вас нет среди кандидатур работников транспорта, представляемых к званию Героя Социалистического Труда?

Мне бы по крайней мере промолчать, — продолжал Ковалев, но я неожиданно для себя произнес:

- Видимо, рановато, товарищ Сталин. А потом мы воюем не за награды и звания, а защищаем Родину.

Сталин слегка поморщился и сказал:

- Ну, что ж, рановато, так рановато...

И больше к этому вопросу никогда не возвращался», — закончил не без горечи свое повествование И. В. Ковалев.

В послевоенные годы, уже при Брежневе, несколько советских маршалов, среди них Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, обращались к «дорогому Леониду Ильичу» с просьбой исправить допущенную в свое время оплошность и присвоить звание Героя Социалистического Труда маршалу артиллерии Н. Д. Яковлеву, генералу армии А. В. Хрулеву, генерал- полковнику медицинской службы Е. И. Смирнову, генерал-лейтенанту И. В. Ковалеву и генерал-лейтенанту Н. А. Антипенко.

Ходатайство осталось без удовлетворения.

Получил это почетное звание один лишь бывший начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии Е. И. Смирнов в 1978 г.

Когда грянула горбачевская перестройка, или точнее — «катаст- ройка», общение с Иваном Владимировичем Ковалевым, не считая телефонную связь, стало более редким. В феврале 1988 г. мы встретились на «Круглом столе» в Институте военной истории МО СССР. Хорошо помню взволнованное, полное большой тревоги его выступление по поводу реальной угрозы разрушения СССР.

Когда мы возвращались после заседания, я обратился к генералу с просьбой — дать мне небольшое интервью по некоторым актуальным военным вопросам, в том числе связанным с его участием в Великой Отечественной войне.

- Зачем же небольшое, Георгий Александрович? — ответил он.

— Ведь эта драматическая и героическая история требует аргументированных, а, значит, довольно развернутых ответов. Напишите мне несколько Ваших вопросов, и я подготовлю Вам свои ответы в письменном виде. Использую при этом и мои воспоминания, которые я почти завершил.

Конечно, я охотно с этим согласился и в конце весны **получил** <

от Ивана Владимировича обещанный материал, на котором стояла дата — 28 мая 1988 г. Текст ответов оказался довольно пространным, но настолько важным и интересным, что я не решился на какое-то сокращение...

Ответы наркома путей сообщения СССР 1944-1948 гг. генерал-лейтенанта И. В. Ковалева на вопросы профессора Г. А. Куманева

28 мая 1988 г.

Г. А. Куманев: Как Вы, дорогой Иван Владимирович, пришли на железнодорожный транспорт и какие занимали должности в системе Наркомата путей сообщения СССР накануне Великой Отечественной войны? Все мы знаем, что это был сложный, напряженный и в известном смысле противоречивый период, когда наш народ прилагал огромные усилия, чтобы в условиях надвигавшейся военной угрозы, а потом и начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны, в максимально короткие сроки осуществить намеченные партией и правительством планы по переустройству общества и всемерному укреплению обороноспособности страны. Ведь от результатов достигнутого в эти годы во многом зависел исход предстоявшего вооруженного противоборства сил социализма и фашизма.

Поэтому было бы весьма интересно узнать, что и как Вам приходилось решать накануне гитлеровской агрессии, что удалось сделать и что помешало более успешному претворению в жизнь всего задуманного?

И. В. Ковалев: Заданный Вами, Георгий Александрович, первый вопрос мне представляется весьма широким, и поэтому он может занять в моих ответах довольно значительное место. Тем более что довоенные годы оказались особыми, весьма насыщенными, в моей биографии. Но тем не менее я попытаюсь (если это, конечно, удастся), не акцентируя внимания на некоторых частностях, осветить его, по возможности, короче.

В марте 1919 г. я вступил в ряды Красной Армии, принял участие в Гражданской войне на Южном фронте против войск Краснова, Деникина, Мамантова, Шкуро. Под Батайском был ранен и контужен, лечился в госпитале, после чего в составе отряда ВЧК особого назначения сражался на Украине с бандами Махно.

Потом был штурм Перекопа, освобождение Крыма и полный разгром армии Врангеля. По окончании Гражданской войны меня послали учиться в Воронеж на трехмесячные курсы в.совпартшколе, а затем в военно-железнодорожную школу. В 1922 г. нас выпустили

из этой школы как специалистов железнодорожного дела среднего командирского звена. Я был назначен командиром взвода, а затем и роты. Во время коллективизации по решению командования Московского военного округа возглавил отряд, который в течение двух месяцев вел бои в Раненбургском уезде против банд последователей эсера Антонова.

Когда коллективизация завершилась, я попытался осуществить давнюю мечту — получить высшее военное образование. Командование пошло мне навстречу, направив в Ленинград в Институт путей сообщения. Я успешно сдал экзамены и был зачислен на 1-й курс военного отделения. В ходе учебы институт был реорганизован в Военно-транспортную академию, и летом 1935 г. состоялся наш выпуск. Мы сдали госэкзамены, получили дипломы (у меня он оказался с отличием) и ждали назначений. Начальник академии комкор Семен Андреевич Пугачев неожиданно для всех нас объявил, что Политбюро ЦК партии устраивает прием для выпускников (тогда говорили «академиков») высших военно-учебных заведений.

Он состоялся в Георгиевском зале Кремля. Выпускников собралось несколько сот человек. На небольшом возвышении, напоминавшем сцену, за столом сидели И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян, М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, А. А. Андреев и другие партийные руководители.

Когда мы расселись за богато сервированными столами, Сталин встал и обратился к нам с такими словами:

— Мы вас сегодня пригласили сюда, чтобы посмотреть на вас, на наших «академиков», чтобы в этот праздничный день посидеть вместе с вами за праздничным столом, угостить вас чем богаты. Ешьте, пейте, товарищи командиры, не стесняйтесь и не обращайте на нас внимания, а мы тут еще немного поговорим.

Разумеется, никто из нас к еде не притронулся. Все ждали, что все-таки скажет нам вождь, какое даст напутствие.

Тогда Сталин снова поднялся со своего места и произнес краткую, но очень доходчивую речь. Мне особенно запомнились его слова об экономическом положении страны. Сталин отметил, что, выполняя заветы Ленина, партия ликвидировала кулачество как класс и осуществила кооперирование сельского хозяйства. Ленин призывал также партию в ближайшие 20—25 лет ликвидировать отставание СССР от промышленно развитых стран Запада. Владимир Ильич указывал, что если мы этого не сделаем, империалисты нас сомнут.

— Вам известно, — сказал Сталин, — что у нас имеются крупные достижения в индустриализации страны. Однако завет Ленина мы еще не выполнили, нам потребуется еще 5—7 лет, чтобы выйти на уровень экономики промышленно развитых стран.

— Почему мы вам все это сегодня говорим? — продолжал он. " А потому, что Политбюро приняло решение: лучших из вас, из

военных академиков, прикомандировать к народному хозяйству, и тем помочь его ускоренному развитию. Политическая обстановка чревата новой войной. В Германии захватил власть фашист Гитлер, в Италии — фашист Муссолини. Японские империалисты утвердились в Маньчжурии. И все это направлено в первую очередь против нас, против страны Советов. У нас с вами сегодня не осталось никаких резервов времени. Но все это ясно осознают. Даже в Политбюро. Некоторые не прочь почить на лаврах. Но вы, военные люди, изучали опыт современных войн. Знаете, что опоздать в промышленном развитии, в том числе в развитии индустрии вооружения, значит, быть битыми. Этого советский народ нам не простит. Вот все, что я хотел вам сказать. Еще раз поздравляю вас с праздником, с окончанием высших военных заведений. Ешьте, пейте на здоровье, товарищи! А насчет вашего перевода в народное хозяйство — мы сделаем это без затяжек...

На другой день после приема в Кремле мне, как и другим товарищам, выдали путевку в санаторий в Кисловодск...

После быстро пролетевшего отдыха меня ждала новая работа — я стал инспектором контрольной группы при наркоме путей сообщения СССР, а в январе 1936 г. был назначен начальником группы контроля Московско-Белорусско-Балтийской и Южно-Уральской железных дорог.

Но и в этой должности долго не находился, потому что в апреле 1937 г. меня направили на Омскую железную дорогу дорожным ревизором НКПС по безопасности движения.

Приехав в Омск, я встретился с начальником дороги Сергеем Андреевым, который подробно рассказал мне о всех местных трудностях и невзгодах. Сергея я хорошо знал не только как моего однокурсника по Военно-транспортной академии. Он в течение пяти лет был бессменным секретарем парткома академии и пользовался у нас большим уважением как прямой и честный человек.

С. Андреев рассказал мне, что его назначили начальником Омской дороги только пять месяцев назад. Всевозможных проблем оказалась здесь масса, в том числе кадровая проблема - было арестовано несколько опытных инженеров, якобы враждебных советскому строю. Не успел новый начальник Омской железной дороги во многом разобраться, как на него пошли в Москву разные анонимки.

— Тебе ничего не рассказывали об этих «писульках» в Москве? — спрашивает Сергей.

— Нет, — отвечаю, — мне ничего о них не говорили. Разговор был только о неурядицах на твоей дороге.

Я, конечно, хорошо понял, о чем беспокоился Андреев. Это было время, когда в стране набирала обороты кампания борьбы с «вредителями» и «шпионами», усиливалась атмосфера подозрительности и недоверия к людям. Разумеется, классовый враг (но далеко не в тех масштабах и размерах) реально существовал тогда внутри Советского

государства. Не дремали и наши недруги извне, засылая к нам разного рода агентов зарубежных разведок. И борьба с ними — иногда более успешная, иногда — менее, продолжалась со времен еще Гражданской войны.

Но с 1934 г., когда органы государственной безопасности возглавил Генрих Ягода (Енон Иегода), а после его снятия — с 1 октября 1936 г. Николай Ежов, эта борьба стала приобретать все более уродливые формы. Особенно после злодейского убийства в Смольном (г. Ленинград) Сергея Мироновича Кирова.

Под тайные и явные происки врагов народа зачисляли любое происшествие, любой несчастный случай, любое резко сказанное слово. Причем сперва человека или группу лиц арестовывали и только потом начинали искать доказательства их вины. Всеобщая подозрительность (под видом «повышения бдительности») и доносы во многом мешали нашей нормальной жизни. В обществе росло напряжение. Работать становилось все трудней.

Недели через две-три после этого разговора с Андреевым я из очередной деловой поездки вернулся в управление Омской дороги. Как раз к партийному собранию. Выбрали в президиум. Говорят, что в повестке собрания единственный пункт: персональное дело Андреева, начальника дороги. Спрашиваю тихонько секретаря парткома:

— О чем речь?

— Об исключении Андреева из партии.

— За что?

— За плохую работу и политическую слепоту...

Говорю секретарю парткома, что хорошо знаю Андреева, что он последовательный ленинец и честнейший коммунист. Включились в разговор другие товарищи из президиума. А из зала голоса торопят открывать собрание. Открыли. Я попросил слова и стал рассказывать о Сергее Андрееве — как он защищал Советскую власть на фронтах Гражданской войны, как стал комиссаром кавалерийской дивизии, как организовал партийную работу в Военно-транспортной акад^{е}" мии. Говорю и чувствую, что настроение собравшихся меняется. Я и предложил товарищам вообще снять вопрос об Андрееве с повестки дня. Проголосовали. Приняли мое предложение, и Андреев остался начальником Омской дороги.

Спустя полгода, уже на Южно-Уральской дороге, облыжное обвинение во враждебной деятельности было предъявлено превосходному работнику и человеку инженеру Николаю Бодрову. Опять партийное собрание, борьба за Бодрова, победа. Он остался в рабочем строю, а я попал на заметку как пособник сомнительных личностей. Правда, об этом я узнал много позже.

В октябре 1937 г. к нам в управление Омской железной дороги позвонили из НКПС, позвали меня к телефону. Далекий голос дежурного по наркомату, удостоверившись, что у телефона И. В. Ковалев, сказал сухо: «Вам приказано немедленно прибыть в Москву»'-

Времена были тяжелые, нервные, расспрашивать не полагалось. В этот же день я выехал в Москву, прямо с вокзала явился в секретариат наркома путей сообщения Алексея Венедиктовича Бакулина. Сказал секретарю, кто я и что. Ответ: «Подождите в приемной». Сижу час, второй, третий. Может, забыли про меня? Напомнил. Ответ тот же: «Ждите». Люди ходят туда-сюда, некоторые ждут- маются, как и я. Наркома Бакулина не видно. Просидел я в приемной полный рабочий день, говорят: «Приходите завтра». Пришел. Опять высидел рабочий день до конца, опять не видел наркома.

Что же такое тут делается? Что это за стиль и методы работы? На все мои попытки прояснить обстановку и кому, й зачем я понадобился, получаю тот же ответ: «Ждите». Позвонил в Омск узнать, как дела и не случилось ли чего в мое отсутствие. Отвечают: «Случилось! Большое крушение поезда». Говорю секретарю наркома, что мне, как инспектору-ревизору по безопасности движения, надо немедленно выехать в Омск. Он пожал плечами.

Я отправился на вокзал и выехал в Омск. Несколько дней разбирался в причинах крушения. Вдруг опять телефонный звонок из Москвы. На этот раз из Центрального Комитета партии: «На каком основании до сих пор не выехали в Москву?» Докладываю, что был в Москве, два дня просидел в приемной наркома Бакулина, он меня не принял. Мне говорят: «Почему Вы пошли в НКПС? Вас вызывали в ЦК партии. Немедленно выезжайте. Явитесь в секретариат товарища Сталина».

Приехал в Москву, пришел в ЦК партии, в названный секретариат. Представился секретарю, он назвал себя: «Поскребышев». Это был малого роста, полноватый человек. Глубокую лысину обрамляли остатки рыжих волос. Я удивился, что у товарища Сталина такой невзрачный секретарь. Потом, сойдясь с Поскребышевым поближе, понял, что пословица «внешность обманчива» как раз и про него. Умен был очень, а память имел феноменальную. Никогда и ничего, никакой мелочи не забывал. Видимо, Сталин, который и сам имел необыкновенную память, ценил это качество в Поскребышеве.

— Почему не приехали вовремя? - спросил Поскребышев.

— Приехал, - говорю, - два дня просидел в приемной Бакулина.

— Ну и зря, — сказал Поскребышев. У него и без Вас дел по горло. ЧП за ЧП.

Тут же встал из-за стола, прошел в кабинет, вернулся: «Проходите!» Я вошел и впервые так близко увидел Сталина. Издали, на трибуне, он выглядел рослым, а в действительности оказался немного ниже среднего. Поздоровавшись за руку, Сталин спросил:

— Знаете Западную дорогу?

— Знаю.

— Как знаете?

Я рассказал, что работал на Западной дороге инспектором-реви- зором, изучил ее пропускную и провозную способность, узкие места.

Обрисовал, как понимал, стратегическое значение дороги как кратчайшей связи центра с западными приграничными районами.

Сталин сказал:

— Эта дорога для нас особо важная. Знакомы с ее руководством? С Русановым и Сааковым?

— Хорошо знаком, товарищ Сталин.

— Как они? Дайте характеристики.

— Русанов старый чекист. Работал еще с товарищем Дзержинским. Член партии с 1917 г. Трезвенник и даже не курит.

— А Сааков?

— Старый большевик, — ответил я. — С 1906 г. Военный политработник. Работал с товарищем Ворошиловым. Человек доступный и авторитетный.

Не переменив тона, Сталин сказал:

— Ваш Сааков — польский резидент, он арестован. Он завербовал Русанова.

Сталин курил трубку, жестко смотрел на меня. Меня бросило в жар. Сейчас он скажет: «Уходите!» Но уйду недалеко... Тем временем Сталин подошел к столу, взял бумагу и протянул мне: «Читайте!» Это было решение Политбюро ЦК ВКП(б). Меня назначили начальником Западной железной дороги. Сталин спросил:

— Почему покраснели? Рады или ответственности испугались?

Ну что ответишь? Думал, схлопочу арест, а получил пост начальника важнейшей дороги. Есть отчего крови броситься в голову! Но отвечать-то Сталину надо. Я ответил:

— Наверное, от гордости, что Политбюро оказало мне такое высокое доверие. Я помню Вашу речь на приеме военных «академиков» в Кремле и понимаю, что от меня требуется. Отдам все силы, чтобы дорога с последнего места вышла в передовые.

— Хорошо! — сказал Сталин. — Только не объявляйте себя сразу начальником дороги. Представьтесь секретарю Смоленского обкома товарищу Савинову, ему скажете, что назначены начальником дороги. Для всех остальных вы - уполномоченный ЦК партии по проверке дороги. Выехать надо незамедлительно. Пока что Русанов под домашним арестом. Вам срок для приема дороги семь дней. После чего Русанов будет арестован уже по-настоящему.

В тот же день я выехал в Смоленск.

Приехал в два часа ночи. Спрашиваю дежурного по станции: «Где управление дороги?» Отвечает: «На той стороне города. Вон последний трамвай отходит». Догнал я трамвай, вскочил на ходу, и минут сорок спустя он привез меня к ярко освещенному дому, к управлению Западной железной дороги. Здесь, как и по всей стране, железнодорожный управленческий аппарат работал до утра. Эта манера превращать ночь в день пришла сверху. Сталин работал всю ночь до рассвета и мог в любую минуту вызвать любого наркома, поэтому, когда наркомом был Лазарь Моисеевич Каганович, то работал обыч

но до шести утра и мог вызвать любого из нас, мы тоже сидели в кабинетах.

Пришел я в кабинет начальника дороги, его нет. Сидит секретарь в военной гимнастерке без знаков различия. Спрашиваю: «Где Русанов?» Отвечает: «У соседей». Попытался я уточнить, ничего не добился, кроме этого «он у соседей».

Иду к заместителю Русанова по строительству Малинину. Я его хорошо знал по работе в НКПС, его недавно назначили сюда из Москвы. Сидит он один-одинешенек, вид расстроенный, какой-то не от мира сего. Спросил я, чего он сидит и не идет домой. А он и говорит: «Незачем. Со мной тут все, что нужно. Вот сумочка, в ней смена белья, сухарики. На первые дни ареста». Я, конечно, всякого навидался в эти тяжкие дни, однако такое откровение услышал впервые. Говорю:

— Шутите?

— Какие шутки? Не хочу причинять боль семье. Пускай арестуют здесь.

— За что же вас арестовывать? Вы честный человек, хороший и нужный государству инженер.

Он кивнул вяло.

— Да-да! - говорит. — Честный и нужный, Русанов тоже был честный и нужный. И Сааков тоже... Они уже арестованы. Теперь, видимо, мой черед. А вы что тут? Тоже Проверять нас?

Памятуя, что Сталин запретил мне, пока не приму дороги от Русанова, говорить, зачем я приехал, я сказал неопределенно, что, дескать, и проверка входит в мои обязанности. Западная дорога-то откатилась на последнее 45-е место среди дорог Советского Союза.

Малинин опять покивал:

— А как же иначе, если все арестованы?

Вялость и безразличие, полная подавленность — такую реакцию на кампанию арестов, развернутую наркомом внутренних дел Ежовым, я встречал уже и на Омской, и на Южно-Уральской дорогах. Чтобы как-то встряхнуть Малинина и сделать его союзником в предстоящей борьбе за восстановление нормальной работы Западной дороги, я сказал, что как инспектор-ревизор встретился с похожей ситуацией на дорогах Сибири и Урала, что мне удалось отстоять Сергея Андреева и Николая Бодрова, на которых шпионоискатели Уже завели дела.

~ Я их обоих знаю. Порядочные люди, — сказал Малинин и опять погрузился в апатичное молчание.

Остаток ночи я провел в управлении дороги, в комнате отдыха, а едва проглянуло утро, позвонил начальнику политотдела дороги Курлыкину. Представился уполномоченным ЦК ВКП(б). Курлыкин туг же пришел, но полуторачасовой с ним разговор ничего дельного Не дал. Курлыкин то ли не знал, как следует, обстановки, то ли сознательно избегал называть вещи своими именами, но кроме об-

щих фраз о падении дисциплины, о недостатках в социалистическом соревновании, и т. д. и т. п., я от него не услышал. Единственно узнал поименно, кто из железнодорожного начальства и когда арестован. Оказалось, что почти все. Я должен принять дорогу, управление которой распалось.

Решаю срочно восполнить потери в управлении за счет квалифицированных кадров в Минске, Орше, Рославле и Вязьме. Многих хорошо знаю по прежней работе. Сажусь за телефон. Звоню. Начальники отделений везде отсутствуют. Где они? Ответы стандартные: «Такой-то у соседей». В Рославле удалось дозвониться до двоих товарищей: до начальника локомотивного депо Константина Засло- нова и начальника отделения движения Гусева. Оба сидят под домашним арестом. Оба знающие, энергичные специалисты. Возьму их в управление дороги руководить службой движения и паровозной службой. Предлагаю им это. И Заслонов, и Гусев согласились, но прибавили, что их не выпустят, и я должен сперва договориться с местным дорожным отделом НКВД.

Пришлось звонить в Рославльский дорожный отдел НКВД. Его начальник удивился, что уполномоченный ЦК ВКП(б) ходатайствует за подследственных. Потом что-то заподозрил. Пришлось применить последнее средство. Отправляя меня в Смоленск, Сталин предупредил, что, если возникнут трудности, я могу давать должностным лицам служебный телефон его секретаря Поскребышева. Этот совет я использовал. Услышав фамилию Поскребышева, рославльский начальник заторопился выполнить мою просьбу и сообщил, что немедленно отправит Заслонова и Гусева ко мне в служебном вагоне и с охраной.

В Вязьме я разыскал по телефону еще одного толкового специалиста, Валуева, начальника местного депо. Тоже предложил ему выехать в Смоленск. Он ответил сухо и зло:

— Вы, Ковалев, уже все для меня сделали. Исключили из партии,* заточили в собственной квартире. Сижу и жду. Чего Вам еще?

Сперва я ничего не понял. Потом выяснилось, что Валуев принял меня за однофамильца Ковалева — начальника Вяземского отдела НКВД. Я объяснил Валуеву, кто я. Он сказал:

— Все равно тот Ковалев меня не выпустит. И повесил трубку телефона.

Пришлось мне связываться с «тем» Ковалевым, объясняться, дать телефон Поскребышева, что и решило дело. Ковалев выслал в Смоленск Валуева под охраной чекиста.

В этих разговорах и переговорах прошло два дня. Звоню первому секретарю Смоленского обкома партии товарищу Савинову, прошу принять. Он принял тут же. Ему я сказал о постановлении Политбюро ЦК, о поручении Сталина в семь дней принять дорогу от Русанова. Я уже двое суток сижу в управлении дороги и не могу

дознаться, где Русанов. Формально он под домашним арестом, но его нет ни дома, нигде.

- Я сам тут недавно, - сказал Савинов. — Столько дел, голова кругом идет. Правду сказать, до железной, дороги еще не добрался. Слышал от Наседкина, что там разоблачена группа вредителей и диверсантов.

- Наседкин — это кто?

- Начальник управления НКВД по нашей дороге.

Я сказал Савинову, что арестован практически весь руководящий состав Западной дороги и здесь, в Смоленске, в управлении дороги, и в ее отделениях в Вязьме, Рославле, Орше, Минске. Таким образом, дорога полностью обезглавлена и по всем главным показателям скатилась на последнее место среди дорог страны. Некому спрашивать работу с подчиненных, некому за нее отвечать. Дисциплина резко упала. Поскольку дорогу мне принять не от кого, должен буду доложить в Центральный Комитет, что Смоленский обком пустил железнодорожное дело на самотек.

- Неприятный факт, но факт, — согласился Савинов. — Не смогли бы вы это же рассказать на бюро нашего обкома?

- Могу. Когда?

- А прямо сейчас, — сказал он и снял телефонную трубку.

Примерно час спустя все товарищи — члены бюро Смоленского обкома собрались в кабинете первого секретаря. Савинов представил меня и дал слово. Я повторил то, что говорил Савинову. Прибавил, что случись сейчас военное нападение или другие чрезвычайные обстоятельства, наша главная стратегическая железная дорога с ними не совладает. Она просто встанет, и никакие окрики не помогут. Дорога обезглавлена, я вынужден ехать в Москву и доложить обстановку в Центральный Комитет партии.

Худой человек с мелкими чертами лица, одетый в военную гимнастерку без знаков различия, спросил:

- А нельзя ли упорядочить дела на дороге без Вашей поездки в Москву? С нашей помощью?

Савинов, который сидел со мной рядом, шепнул, что это Наседкин.

- Можно упорядочить, - ответил я Наседкину. — Но при условии, что вы освободите из-под домашнего ареста специалистов, которых я назову. Это первое. А второе — запретите арестовывать железнодорожников без моего ведома.

Наседкин произнес несколько общих фраз о классовом притаившемся враге, об империалистическом окружении, о бдительности... Правильные слова. Однако человек, их произносивший, причинил уже Западной дороге такие беды, которые вряд ли под силу даже притаившимся врагам. Сказать ему и другим членам бюро это открыто я не мог. Да, у меня была сильная позиция — постановление

Политбюро ЦК ВКП(б) и личное поручение Сталина. И все же я должен был соблюдать сугубую осторожность в словах и поступках. Иначе и делу не помог бы и себя поставил бы под угрозу ареста.

Из оговорок Наседкина я понял, что он тоже боится. Факты свидетельствовали, что пока так называемые вредители и диверсанты стояли во главе дороги, она действовала исправно. Как только Наседкин очистил ее от «врагов народа», дорога резко сдала. Если там, наверху, оценят эти факты, плохо придется уже самому Наседкину.

Пришлось мне опять брать слово. Подчеркнул, что развал на Западной дороге находится под контролем центра. Тяжелое положение, сложившееся на ней, должны выправлять люди, специалисты своего дела. Но Западная магистраль фактически обезглавлена, снова подчеркнул я, и кто же будет выполнять эту первоочередную задачу?

Словом, заседание бюро Смоленского обкома ВКП(б) во многом способствовало упорядочению обстановки на Западной дороге, включая и проблему кадров. Нам удалось всего за один год в корне изменить рабочую атмосферу и вывести магистраль из отстающих в передовые. Еще совсем недавно ее руководителей и рядовых тружеников во всю ругали на каждом совещании-заседании. А теперь эти люди стали получать премии за ударный труд, а десятки наших товарищей были удостоены орденов и медалей (в числе их я получил орден Ленина). Западная железная дорога стала энергичным и жизнедеятельным коллективом.

Весной 1938 г. узнаем, что А. В. Бакулин снят с должности наркома путей сообщения, а позднее арестован, и НКПС вновь возглавил Л. М. Каганович, который до января 1939 г. оставался по совместительству и наркомом тяжелой промышленности.

И вот в самом начале 1939 г. мне вдруг предложили перейти на работу в Наркомат путей сообщений СССР. Я попросил оставить меня в прежней должности, поскольку только-только вошел в курс дел такого сложного и интересного хозяйственного организма как Западная железная дорога.

Нарком путей сообщения Каганович вроде бы внял моим доводам. Однако в апреле того же года он позвонил из Москвы и спросил, кто мог бы меня заменить, если мне придется отлучиться на некоторое время. Я назвал моего заместителя Виктора Антоновича Гарныка.

— Я его знаю, — сказал Каганович. — Он был начальником депо в Туле. Толковый товарищ. Приезжайте вместе в Москву.

Мы прибыли и нарком без лишних слов вручил каждому из нас копии решения Политбюро ЦК ВКП(б) о наших новых назначениях. Меня назначили членом Коллегии и начальником Военного отдела НКПС, а Гарныка — начальником Западной железной дороги.

JT. М. Каганович поздравил нас и дал указание немедленно приступить к работе. Я четыре года не был в отпуске, но понял, что заикаться об этом нельзя — не время. Каганович и сам ежегодно не

уходил в отпуск, и никого из руководящих деятелей наркомата на отдых не отпускал. Такова была традиция. И лично для меня она затянулась на 14 лет.

Главной обязанностью Военного отдела наркомата являлась подготовка железнодорожного транспорта к чрезвычайным обстоятельствам, то есть к возможной войне. С этими проблемами мне уже довелось вплотную столкнуться на Западной дороге. Там, когда мы ознакомились с зданиями Генерального штаба на случай массовых воинских перевозок и прикинули свои реальные возможности, то поняли, что с этими перевозками не справимся. Имеющиеся у нас выгрузочные районы не готовы принять такую массу войск.

Проще и понятней эта проблема выглядит так: положим, Генштаб назначил такую-то станцию и такие-то сроки для выгрузки двух стрелковых дивизий. Это примерно 60 воинских эшелонов. А на станции всего два выгрузочных пути, куда можно поставить эшелоны, чтобы не помешать сквозному движению других поездов. Кроме того, нет высоких платформ, необходимых для быстрой выгрузки артиллерии, танков, броневиков, автомашин и прочей тяжелой техники. Да и сами выгрузочные пути слишком короткие, и каждый прибывающий эшелон приходится делить надвое.

Конечно, здесь я несколько сгущаю неприятную ситуацию, но в принципе так случалось не раз в войнах XX века, и подобная неподготовленность железных дорог к чрезвычайным обстоятельствам прямо сказывалась на ведении войсками боевых действий. Задержка в выгрузке вынуждала командование вводить войска в бой по частям, чем и пользовался противник, наваливаясь на эти части по очереди.

Поэтому, чтобы избежать подобных ситуаций, мы на Западной дороге стали в срочном порядке достраивать и развивать выгрузочные районы. В этом деле нам хорошо и безотказно помогали людьми, материалами, техникой партийные и советские органы по всей дороге — и на московском сс отрезке, и на Смоленщине, и в Белоруссии. К середине 1939 г. положение на западном направлении можно было считать вполне удовлетворительным. По данным, которые мы собрали в Военном отделе НКПС, приграничные железнодорожные станции насчитывали уже около 1600 выгрузочных путей с высокими платформами, что позволяло пропускать через выгрузочные районы до 860 пар поездов в сутки. Это, в свою очередь, обеспечивало развертывание первого стратегического эшелона войск Красной Армии за 20—25 суток.

Этими делами Военный отдел НКПС занимался вместе с работниками Генерального штаба — начальником Управления военных сообщений генералом Трубецким, очень знающим специалистом из старых военных, и начальником Оперативного отдела полковником Василевским. Тогда Александр Михайлович Василевский, будущий Маршал Советского Союза, отвечал в Генштабе за разработку Запад-

ного театра военных действий, за развертывание войск на этом театре. Поэтому наши с ним контакты стали постоянными и тесными. Работать с ним было легко, человек он был скромный, интеллигентный, даже несколько застенчивый. Обладал большим багажом знаний, но не давил ими на собеседника. В нем уже тогда проявлялся военный работник крупного масштаба.

Несмотря на то, что поле деятельности, открывшееся мне в Москве, было неизмеримо более широким, чем на Западной дороге, я первые недели и месяцы мучился и томился. Ибо деятельность была чисто штабная — бумаги, доклады, совещания, и снова бумаги. Не было живого общения с людьми, не было ощущения полноты прожитого дня. Видимо, это уже от натуры. Размеренная жизнь с хождениями на доклад, с обязательными ночными совещаниями до пяти-шести утра в кабинете наркома Кагановича, с постоянным недосыпанием (в 11 утра я уже был на службе), меня угнетала. А тут еще и горе свалилось, умер мой отец, слегла тяжело заболевшая мать. Надо было срочно ехать на родину, в село Белогорье. Люди передали, что мама очень плоха, но сказала: «Не помру, пока не погляжу в последний раз на любимого сына-депутата». Она очень гордилась моим депутатским званием.

Пришел я утром к наркому Кагановичу, показал ему телеграмму, объяснил, что надо ехать на похороны. Он сказал:

- Мы должны присутствовать на заседании Политбюро ЦК, а после заседания решим о Вашей поездке на родину.

Это было заседание, посвященное халхин-голским событиям. Оно происходило в конце июня, в Кремле, с 11 часов утра и примерно до часу дня. Я сидел около двери и с большим вниманием слушал доклад наркома обороны К. Е. Ворошилова о боях в районе р. Халхин^Гол.

Потом члены Политбюро обсуждали доклад. Были, в частности," подняты вопросы, прямо относившиеся к нам, железнодорожникам.ж Конфликт на Халхин-Голе давно уже перерос рамки обычных в те времена пограничных конфликтов. Японцы непрерывно наращивали свою ударную группировку, наше командование также приступило к перевозкам стрелковых дивизий, танковых и броневых бригад к месту сражения.

Однако сразу же возникли проблемы. Железнодорожная ветка от Транссибирской магистрали на юг, до станции Соловьевская на советско-монгольской границе, имела слабую пропускную способность. А ведь помимо войск и боевой техники, надо было перебросить в пустынные и полупустынные районы Восточной Монголии массу всяких других объемных грузов, в том числе пиленый лес и дрова (эта местность безлесная). Вместить все это железнодорожная ветка Чита—Соловьевская физически не могла. А тут еще вмешался и субъективный фактор — неумение планировать крупные перевозки войск.

Сижу, слушаю, как члены Политбюро ЦК ведут этот трудный для всех присутствующих разговор, думаю, что можем сделать мы, Военный отдел наркомата путей сообщения.

Во время перерыва подходит ко мне незнакомый товарищ в штатском и говорит:

— Вы Ковалев, начальник Военного отдела?

-Да.

— Скажите-ка мне, какова пропускная способность железных дорог Новосибирск—Чита и Чита—Соловьсвская? И какова выгрузочная способность района Соловьевской?

Военную тайну мы все тогда соблюдали чрезвычайно строго. И то, что этот товарищ присутствовал на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), ничего для меня не меняло. Отвечаю ему, что эти данные я могу доложить наркому путей сообщения. Спрашивайте у него. Незнакомец пояснил, что он председатель Госплана СССР Николай Алексеевич Вознесенский.

Я вынужден был повторить, что я его не знаю и сказать ничего не могу. Он не стал настаивать и отошел. А еще до этого я приметил в глубине дверного проема, в тени, человека. Им оказался Иосиф Виссарионович Сталин. Он слышал наш разговор и сказал мне:

— Правильно отбрили. В этом деле порядок надо твердо поддерживать.

Воспользовавшись случаем, я показал Сталину телеграмму из Белогорья, сказал, что уже доложил наркому, прошу отпустить меня на похороны. Он ответил:

— Отца уже не воскресите. А Вашей больной матери мы сами постараемся помочь. Вам надо незамедлительно вылететь в Монголию. Как Вы слышали, эшелоны с войсками застряли между Новосибирском и Читой. Вам надлежит любой ценой доставить войска в район боевых действий. Иначе нам не удастся сорвать план японского командования...

Помолчав, Сталин добавил:

— Японцы хотят через Монголию выйти к нашей границе.

Он встал и пошел к столу президиума, а мы с наркомом Кагановичем поехали к себе на службу. Приказы Сталина выполнялись беспрекословно. Он сказал, что надо «вылететь незамедлительно». Каганович тут же вызвал к себе главного инженера паровозного управления наркомата Евгения Макарова, в недавнем прошлом отличного машиниста и очень боевого парня. Каганович сказал мне:

— Вот тебе помощник. Самолет вас ждет. Вылетайте в Читу, организуйте быструю выгрузку воинских эшелонов по Оловяннинс- кому отделению дороги. Они там стоят, забили дорогу, отделение их не принимает.

Мы уже знали, что погода по всей трассе нелетная, прогноз на ближайшие дни тоже плох. Макаров сказал:

- Товарищ нарком, дайте мне паровоз, сам поведу, прибудем быстрей, чем самолетом.

- Сталин приказал самолетом, — ответил Каганович. - Езжайте на аэродром.

Нам уже приготовили дорожные чемоданы со всем необходимым и мандат на мое имя, что являюсь уполномоченным Совета Народных Комиссаров СССР по транспортному обеспечению боевых операций в Монгольской Народной Республике. Приехали на аэродром, полетели.

Летели в основном вдоль Транссибирской железной дороги, пролетали над аэродромами, на иные садились для заправки горючим. Воочию увидели то, о чем говорил в докладе нарком обороны Ворошилов, — наша истребительная и бомбардировочная авиация, направляемая из Европейской России в Монголию, вся сидела на аэродромах из-за нелетной погоды. Но наш летчик был истинный ас. Быстро и без происшествий он доставил нас в Читу. В полете от Красноярска и далее по всей железной дороге — через Иркутск к Чите, на более чем 2000 км, мы наблюдали сверху печальную картину: воинские и транспортные (с военными грузами) эшелоны стояли, забив и большие и малые станции.

В Читу мы попали в День железнодорожника, но ни начальнику дороги Николаю Гундобину, ни нам было не до праздника. Почему стоят эшелоны? Гундобин объяснил. Причина оказалась примитивной до неправдоподобия. Оказывается, Управление военных сообщений Генерального штаба выдало наряды всем начальникам эшелонов с указанием станции выгрузки: «Соловьевская». Эшелонов сотни, а на Соловьевской всего два выгрузочных пути, да и те без высоких платформ.

Вот так раз! Как же так? - думаю. В старой России, бог знает когда, еще при царе-косаре, в график вновь стоящейся дороги всегда* закладывался резерв (так называемый «факультатив»), то есть 15-* 20% лишних от пропускной способности дороги. Это обеспечивало ритмичность перевозок даже при резко возраставших нагрузках. А^{s} мы, как новообращенные неофиты, все начинаем заново и давно проверенное проверяем на собственной шкуре. Но ворчи не ворчи, а дела не подвинешь.

Спрашиваю Гундобина:

— Пробовали выгружать на других станциях Оловяннинского отделения?

— Пробовал уговорить начальников эшелонов, — сказал он. " Они нам отвечают, что мы-де не из артели «Пух-перо». У нас приказ выгрузиться в Соловьевской, и мы его выполним, чего бы нам это не стоило.

Мы с Макаровым взяли дрезину и проехали по железнодорожной ветке, по Оловяннинскому отделению, на юг, через станции Мого- туй, Оловянная, Борзая и до советско-монгольской границы, до

конечной станции Соловьевская. Это триста с лишним километров. Все они заставлены воинскими эшелонами. Есть места — десятки километров — безлесные и безводные. Люди в эшелонах томятся. Обед сготовить не на чем. Лошадей напоить нечем.

На первой же станции мы с Макаровым разделились - он пошел к начальнику одного эшелона, я к соседнему. Решили, используя данные нам чрезвычайные полномочия и мандат Совнаркома, заставить старших командиров выгружать войска и следовать к Соловь- евской своим ходом — пешим маршем или на авто, у кого что есть. Показал я мандат начальнику эшелона, объяснил ситуацию, он тут же отдал приказ выгружать танки.

Иду к соседнему эшелону, к Макарову, вижу издали что-то неладное. Он петухом наскакивает на плечистого командира. Толкнул или ударил, у того слетела фуражка. Командир фуражку поднял, аккуратно стряхнул с нее пыль, и я уже слышу, как он объясня'ет Макарову: «У нас бьют иначе, по-военному». Дал Макарову с правой в ухо, тот и покатился. Обмер, даже глаза закрыты. Поднимаю его, он головой мотает, никак не придет в себя. Чистый нокаут. Предъявил я командиру свои полномочия, сказал, что, поскольку он ведет часть на войну, и Макаров, как я видел, сам виноват в происшествии, никаких дисциплинарных мер я применять не буду. Но приказываю немедленно выгружать людей и технику и двигать маршем на Соло- вьевскую. Он отдал честь, я заставил обоих извиниться друг перед другом, и инцидент был исчерпан.

В тот же день мы с Макаровым наметили еще несколько станций для выгрузки, лично и с помощью железнодорожной связи распределяли по этим станциям подходившие или стоявшие на перегонах эшелоны, пробка начала понемногу рассасываться...

Около двух месяцев провели мы в этих местах. Прием и выгрузка эшелонов с войсками и военными грузами вошли в четкий ритм, одну проблему решили, но тотчас же встали другие проблемы. И самая из них важная — отсутствие единого центра и, естественно, единого начальника, который управлял бы всем транспортом. Без этого получался разнобой. За доставку, положим, боеприпасов по железной дороге отвечал один начальник, за доставку автотранспортом от мест выгрузки в воинские части - другой. Подчинялись они тоже разным инстанциям, что порождало несогласованность и неразбериху.

Конфликт в районе р. Халхин-Гол, хотя и закончился полным разгромом и уничтожением 6-й японской армии, но он преподал нам, транспортникам, много серьезных уроков.

Вернувшись в сентябре 1939 г. в Москву, я докладывал об этих Уроках И. В. Сталину. Большую часть доклада посвятил нашим железнодорожным делам, анализу причин той «Пробки», которая буквально заткнула движение на Оловяннинском отделении Забайкальской дороги и рецидивы, которой возникали там и сям в сере-

дине июля и в августе. У нас, военных железнодорожников, не оказалось нужного подвижного органа для управления крупными войсковыми перевозками на местах.

— Что предлагаете? — спросил Сталин.

— Предлагаю, товарищ Сталин, создать в системе Наркомата путей сообщения компактные и подвижные органы управления, способные взять в свои руки прифронтовые дороги в самых сложных обстоятельствах. В состав такого органа войдет резервная паровозная колонна, движенцы, ремонтники и прочие специалисты, начиная со стрелочников и кончая паровозными бригадами, телеграфистами и начальниками станций. Это будет подразделение на колесах. Способное, например, сегодня в Москве погрузиться в эшелоны со всем имуществом, а завтра — послезавтра принять управление железной дороги где-нибудь за Минском или Киевом.

— А какова численность? — спросил Сталин.

— Мы в отделе прикинули, что средняя численность 800-900 человек. При необходимости можно увеличить или уменьшить.

— Дело важное и нужное, — сказал он. - Назревают другие конфликты. Это Ваше подразделение может пригодиться.

Мы тотчас приступили к практическому формированию первого подвижного органа управления.

В Москве я пробыл недолго. Нападением фашистской Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Польская армия в короткий срок была разбита, войска вермахта, встречая лишь слабое сопротивление, быстро продвигались через Польшу к нашим западным границам. Советское правительство приняло решение ввести части Красной Армии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии с тем, чтобы спасти родственные нам народы от гитлеровской неволи. Начался освободительный поход Красной Армии. Германские войска были вынуждены остановиться в 300—350 км от старой советской границы.

Поскольку наша граница значительно выдвинулась на запад, и в ведение НКПС перешли тамошние железные дороги, пришлось и нашему Военному отделу срочно взяться за новую работу. Прежде всего мы, проехав по западным областям Украины и Белоруссии, убедились, что с точки зрения мобилизационной готовности железные дороги в этих местах не отвечают даже минимальным требованиям. Подавляющее большинство паровозов были старыми, вагонный парк также, ремонтная база очень слабая, рельсы повсюду изношенные, шпалы на многих участках пути превратились в труху. А главное заключалось в том, что все это большое железнодорожное хозяйство существовало - в сравнении с нашим — в других технических измерениях, в другом, более низком качестве..

Например, средний вес товарного поезда здесь был втрое меньше, чем у нас. Соответственно короче строились выгрузочно-погрузочные пути и платформы.

Далее. Рельсовая колея тут узкая, западноевропейская — 143,5 см. Наш стандарт колеи несколько шире — 152,4 см. Разница около 9 см, пользоваться западной колеей наш транспорт не может. Значит, у нас три варианта железнодорожного обеспечения войск Красной Армии на случай их массовой перевозки в этот обширный район.

Первый и наилучший вариант — немедленно, не дожидаясь военно-политических осложнений, проще сказать — войны, перешить западную колею на нашу. Одновременно удлинять выгрузочные пути, строить высокие платформы, улучшать водоснабжение и ремонтную базу — в общем постараться в наикратчайший срок развить здешние железные дороги до наших стандартов. Этот вариант дорогой. По тогдашним ценам он обошелся бы стране примерно в 6 миллиардов рублей.

Второй вариант был много дешевле и заключался в том, чтобы оставить все как есть. А при необходимости развертывания войск Красной Армии в западных районах Украины и Белоруссии перегружать воинские поезда с нашей колеи на западноевропейскую. Эта экономия в денежных средствах повлекла бы за собой громадный перерасход во времени. А ведь еще Карл Маркс учил нас, что любая экономия материальных средств упирается в экономию времени. Второй вариант этой формуле не соответствовал.

Третий вариант развертывания войск также был чреват большими потерями времени. Войска, подвезенные к старой границе на поездах, дальше к новой границе и в районы развертывания должны следовать своим ходом — в основном пешими маршами. Ясно, что вероятный наш противник, войска которого имели более высокую степень механизации, чем мы, опередил бы нас.

Помимо этих военно-технических препятствий, которые неизбежно и надолго задержали бы развертывание советских армий в случае войны, существовали и многочисленные мелкие препоны. Вместе взятые, они показывали, что этот новый для нас район будущего Западного театра военных действий чрезвычайно неудобен для быстрого сосредоточения и развертывания крупных сил Красной Армии. Не говоря уже о том, что и после развертывания — пусть даже благополучного, снабжение этих сил, устройство фронтового тыла опять натыкались на те же проблемы железной дороги.

Серьезный предмет для серьезного разговора. Такой разговор - и не один — состоялся у нас, работников Военного отдела НКПС, и с непосредственным нашим начальником-наркомом Кагановичем, и с ответственными работниками Генерального штаба. И мы, и они ратовали за немедленную перешивку западной колеи, за перестройку всей железнодорожной систем по нашим стандартам, за переброску в западные районы с Дальнего Востока мощной военно-строительной организации — Особого железнодорожного корпуса.

Но высшие военно-политические и хозяйственные руководители в лице товарищей Сталина, Ворошилова, Тимошенко, а вслед за

ними и Кагановича не вняли нашим доводам. Но обвинять их в этом теперь было бы нечестно. Где они могли изыскать потребные для дела шесть, а вскоре, после воссоединения Прибалтийских республик и Бессарабии, и все девять миллиардов рублей? Ведь не хватало средств, чтобы немедленно начать перевооружение армии новыми самолетами, танками, артиллерией и минометами, в том числе реактивными.

Поздняя осень 1939 г. принесла новые тревоги и заботы, поощряемые и понукаемые империалистами Запада реакционные круги Финляндии сорвали проходившие в Москве советско-финляндские переговоры по пограничным вопросам, а затем спровоцировали вооруженный конфликт на советско-финской границе, что привело к так называемой «Зимней» войне. Осложнения в государственных отношениях наступили не вдруг, конфликт назревал какое-то время, прежде чем, к несчастью, разразилась война. Мне это стало ясно, когда я был вызван в Кремль. Сталин, сказав кратко о положении на советско-финской границе, велел ехать в Ленинград и проверить мобилизационную готовность Октябрьской (Москва—Ленинград), Кировской (Ленинград-Мурманск), а также других северо-западных дорог.

Ситуация там оказалась не из простых, поскольку железные дороги резко разнились в пропускной и провозной способности. Та же Октябрьская, мощная, разветвленная, могла в короткий срок перевезти армию-две — сколько надо. А Кировская с ее однопунктом на север Карелии для той же работы требовала длительного времени и всевозможных дополнительных мер.

У заместителя начальника этой дороги Райволайнена мы с главным инженером Я. Г. Яковлевым получили нужную информацию:

— Уже постреливают, есть мелкие нарушения границы, — говорил он. — Ходят слухи, что англо-французы обещали белофинам конкретную помощь крупным десантом.

Мы располагали секретной информацией, где эта версия утвержу далась не слухами, но цифрами и фактами. Англо-французский экспедиционный корпус должен был высадиться на севере Финляндии..

Меня интересовало, можем ли мы в случае продвижения в глубину Карельского перешейка рассчитывать на помощь финских железнодорожников. Нам, участникам Гражданской войны, памятны были боевые дела финской Красной Гвардии в 1917—1918 гг. Райволайнен сам был финном, хорошо знал нынешнюю обстановку в Финляндии. На мой вопрос он ответил коротко:

— Нет, рассчитывать на финских железнодорожников мы не можем. Уйдут поголовно, а дороги разрушат.

Не берусь рассуждать об этом переломе в настроениях финских железнодорожников, но Райволайнен оказался прав. И хорошо, что мы посчитались с суждением этото опытного и трезво мыслящего человека, а не с демагогами, утверждавшими, что финны-доброволь-

пойдут к нам толпами. Мы загодя перебросили под Ленинград военно-эксплуатационное отделение (ВЭО) с резервной паровозной колонной, и когда наши части начали наступление и вступали на пустующие станции и разъезды, вслед за войсками тотчас прибывали железнодорожники ВЭО и брали на себя ремонт и эксплуатацию железной дороги. Благодаря этим мерам мы не испытывали никаких затруднений в воинских перевозках.

Как известно, начало советско-финляндской («Зимней») войны сложилось для нас трудно, наступление Красной Армии на Карельском перешейке в декабре 1939 г. было остановлено артиллерийско- пулеметными дотами линии Маннергейма. Да и на других участках фронта наши войска стали терпеть неудачи. Сталин укрепил военное руководство. Из Москвы приехал в Ленинград и принял командование Северо-Западным фронтом командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко. Он начал подготавливать новое наступление.

В эти дни, на переломе 1939—1940 гг. я находился на фронте в качестве уполномоченного Совнаркома СССР по транспортному обеспечению боевых операций. Воинские перевозки по железным дорогам происходили ритмично, основные грузы доставлялись к станциям назначения своевременно, но тем не менее и в штабе фронта, и в штабах армий я не раз слышал жалобы на железнодорожников. Как в чем нехватка — в боеприпасах, продовольствии, прочих предметах вооружения и снабжения, так первым долгом обвиняют нас.

В чем, думаю, дело? Проехал по району выгрузки, зрелище мне предстало поистине устрашающее. Железнодорожные станции буквально опоясаны стенами боеприпасов. Снарядные ящики сложены штабелями в два-три метра высотой, длиной в сотни метров. А ну как налетит финский бомбардировщик? Сбросит пару-другую бомб, рванут снарядные ящики, а дальше все довершит детонация, и от станции, и от железной дороги, и от всего живого, что поблизости, останется только черная земля да пороховая гарь.

Почему военные интенданты не вывозят боеприпасы в армейские и дивизионные склады? Проехал к ним. Отвечают: нет людей, нет автотранспорта. Дайте — вывезем. А кто даст? Пожимают плечами. Практически эта масса боеприпасов не имеет хозяина. Железная дорога их перевезла и выгрузила, интенданты не приняли. Никто за них не отвечает. То есть явление, с которым я столкнулся еще на Халхин-Голе, — отсутствие единого управления всем транспортом — ударило нас на Карельском перешейке очень больно.

Я поехал к первому секретарю Ленинградского обкома партии Андрею Александровичу Жданову. Он был членом Политбюро ЦК ВКП(б), а также и членом Военного Совета Северо-Западного фронта. Рассказал ему суть дела и свои тревоги. Он мне уже неоднократно помогал, и сейчас обещал сам выехать со мной в штабы и потолковать там, как член Военного Совета.

В тот же день командующий войсками Северо-Западного фронта Тимошенко вызвал к себе меня и начальника Октябрьской железной дороги Б. П. Бещева. Приехал с ним в Смольный, в обком партии, ждем у кабинета командующего фронтом. От него вышел Жданов^ сказал мне тихо:

— Будет ругать. Держитесь!

Мы с Вещевым вошли. Тимошенко был в сильном раздражении. Обращаясь ко мне (видимо, принял за начальника дороги), стал резко выговаривать за плохую работу, и что дорога не подвезла того и сего, а главное — не обеспечила снарядами артиллерию в готовящемся наступлении. Я сказал, что начальник дороги вот он — Бещев, но он только три дня как вступил в эту должность (прежний начальник Богданов был из машинистов, хороший специалист, но робел перед военными).

То, что мы заменили начальника дороги, еще более рассердило Тимошенко. Он сказал, что теперь понимает, почему железная дорога не подвезла боеприпасы. Я ответил, что его неправильно информировали интенданты, что все претензии к нам насчет боеприпасов ложные. Боеприпасы мы подвезли, и- ему как руководителю всего здешнего военного хозяйства надо сперва проверить своих подчиненных.

В общем разговор пошел на высоких нотах. Он вынул из кармана мандат, в нем было сказано, что товарищ С. К. Тимошенко является уполномоченным Совета Народных Комиссаров СССР на Северо- Западном фронте. В ответ я вынул свой такой же мандат уполномоченного Совнаркома СССР. Он ничего не сказал и вышел из кабинета.

На другой день нарком Л. М. Каганович срочно вызвал меня в Москву. Приехал я рано утром. Спрашиваю в наркомате:

— Нарком в кабинете? ,

— От домой не уезжал.

Вхожу, Лазарь Моисеевич прямо раскаленный. И ко мне:

— Как смеешь улыбаться в такой момент?

А чего мне — плакать, что ли? Он прихватил меня за грудки, пуговицы с кителя полетели. Я отвел руки, пошел к двери, он дверь: загородил и, остывая, сказал: :

— У меня авторитет побольше Вашего, и то на волоске висит. А Вам приговор подписан.

И сует мне в руки телеграмму из Ленинграда. В ней Тимошенко обращается к Сталину, просит отложить наступление на восемь дней, так как железнодорожники не подвезли боеприпасы. На телеграмме аккуратным почерком Сталина резолюция: «Вызвать винов-; ных и примерно наказать».

Я объяснил наркому, что снаряды давно подвезены и выгружены,: что и Ленинградская узловая станция, и Райвола, и Перкярви забиты' снарядными штабелями. Но дороги от станций к дивизионным

складам не расчищены, и военные этим не хотят заниматься, ждут, что кто-то расчистит дороги, кто-то даст автотранспорт. Я много раз к ним обращался, интенданты ссылаются на нехватку людей и транспорта.

Вижу, нарком вздохнул с облегчением:

— Это, - говорит, — другое дело. А кто подтвердит?

— Товарищ Жданов. Он тоже это видел.

Было около десяти утра. Каганович позвонил в Ленинград, и Жданов ему сказал, что де Ковалев меня тормошит, чтобы вывезти снаряды с железной дороги. Сегодня уговорились в 11 утра поехать туда и навести порядок.

Каганович говорит:

— Ковалев у меня в Москве.

Словом, все прояснилось, и, закончив разговор с Ленинградом, Каганович тут же позвонил в Кунцево, на дачу Сталина. Кратко доложил, как в действительности обстоит дело с боеприпасами, передал трубку мне. Я доложил подробней, Сталин сказал:

— Немедленно возвращайтесь в Ленинград. Когда наведете там порядок, доложите мне. Отменять мероприятие (т. е. переносить сроки наступления) не будем.

Личное указание Сталина произвело сильное воздействие. Будто и люди стали другими, и обстоятельства. Из Ленинграда на фронт прибыли колонны грузовиков, дороги за один день были расчищены, за два дня все снарядные ящики перекочевали в склады и на артиллерийские позиции. Наступление началось вовремя, а считанные недели спустя противник был разгромлен наголову и запросил мира.

Вернувшись с Карельского перешейка в Москву, я доложил суммированные впечатления наркому Кагановичу, потом Сталину. Сталин задал много деловых вопросов о работе тыла и железных дорог. Мне показалось из его реплик, что неустройство нашего тыла и нечеткая работа тыловых органов, так явно проявившаяся в финской войне, очень его встревожила:

— Идите, подводите итоги! — заключил он.

Как их подводить, я не очень-то себе представлял. Масса недостатков выявилась. Выявились и дельные вещи. Например, работа того же военно-эксплуатационного отделения, отлично управлявшего занятыми нашими войсками участками железных дорог.

Собрал я работников Военного отдела НКПС, доложил, обсудили приобретенный опыт, составили докладную записку на имя наркома Кагановича. Предложили создать такие же военно-эксплуатационные отделения на западном, северо-западном и юго-западном стратегических направлениях. Каганович нас поддержал. Работа началась.

Однако это важное дело слабо подкреплялось или вовсе не подкреплялось другими, не менее важными делами транспортного

обеспечения войск на случай большой войны. Опыт Халхин-Гола и военных действий в Финляндии выявил важность так называемых второстепенных вопросов, которыми до этих локальных войнах серьезно никто не занимался. То, что для успешного ведения боевых действий нужны сильные войсковые штабы, то есть управленческий аппарат, доказывать нужды не было. А то, что без научно обоснованного и правильно устроенного управления тылом и снабжением войск эти же войска катастрофически теряют боеготовность и боеспособность, приходилось доказывать. И вообще мы слишком много сил и времени тратили на выяснение и объяснение элементарных вещей; слишком часто неудобное для нас стечение обстоятельств или явлений объявляли «буржуазным объективизмом», «буржуазной наукой», а то и чем-нибудь похлеще - вроде вредительства. В результате военная наука приобрела боязливость и консерватизм и, естественно, теряла смелость, что сопровождалось неудачами и крупными потерями.

Конечный успех боевых действий в районе р. Халхин-Гол и в «Зимней» войне затмил трезвые рассуждения о трудностях, потерях, о наших просчетах, неудачах и т. п.

Все эти важные «но» остались аз рамками военно-научных конференций, открытых и закрытых обсуждений - короче сказать, за рамками объективного анализа. Например, в родной мне Военнотранспортной академии научным работникам потребовался почти год, чтобы подготовить и провести конференцию по изучению опыта работы транспорта в военных операциях последних лет. Главные доклады сделали профессора, не участвовавшие в боевых действиях. Они одобряли или не одобряли новейший опыт главным образом с точки зрения опыта Первой мировой и Гражданской войн. Естественно, что научная конференция с таким «запевом», не помогла ни военной науке, ни практике.

То же самое наблюдалось и в литературе, и в журналистике. Первая мировая и Гражданская войны, годы 1914-1920, тыл и военные сообщения воюющих сторон двадцатилетней давности — эти темы кочевали по страницам книг и журналов. А самое необходимо нужное, еще горячее — то, что испытано кровью только вчера и непременно потребуется завтра-послезавтра, — его вроде бы и не было. Под видом соблюдения военной и государственной тайны замалчивался насущный боевой опыт — и положительный и отрицательный. Если что и просачивалось к широкому военному читателю, то в самом общем и обтекаемом виде.

Попытка нашего главного инженера Я. Г. Яковлева опубликовать опыт деятельности военно-эксплуатационного отделения на финском фронте (он сам руководил этим ВЭО) была строго пресечена, и пришлось нам удовлетвориться практическим делом, которое получило «добро» сверху, — формированием еще трех военно-эксплуатационных отделений.

1940 год прошел под знаком усиливавшейся напряженности и в политическом смысле, и в чисто военном. Войска фашистской Германии одержали крупные успехи на Западном фронте. Французская, да и английская армии были наголову разгромлены, немцы вступили в Париж и фактически развязали себе руки на Западе. В то же время с Советским Союзом воссоединились Прибалтийские республики - Эстония, Латвия и Литва, а также Бессарабия. И если прежде линия непосредственного соприкосновения с наиболее вероятным нашим противником, фашистской Германией, ограничивалась западным стратегическим направлением, то теперь она раздвинулась и на север, на границу Прибалтики с Восточной Пруссией, и на юг, на границу с Румынией, где уже находились немецкие войска. Театр возможных военных действий охватывал колоссальную территорию от Балтийского до Черного моря. Соответственно возросли и наши трудности в обеспечении войсковых перевозок. А серьезных и широких мероприятий для перестройки железных дорог, перешивки колеи, увеличения емкости выгрузочных районов по-прежнему не предпринималось.

Военный отдел НКПС еще раз обсудил ситуацию с Оперативным отделом (вскоре этот отдел был переформирован в Оперативное управление) Генерального штаба. Управление возглавил Николай Федорович Ватутин, его заместителем стал Александр Михайлович Василевский. Решили опять выступить единым фронтом и постараться привлечь на свою сторону наркома путей сообщения Кагановича. И тогда можно было бы идти к Сталину.

Втроем — Василевский, начальник военных сообщений Н. И. Трубецкой и я — пришли к Кагановичу, однако нужного нам разговора не получилось. Едва он услышал про необходимость перешивки западной колеи на нашу, сразу разгорячился и стал кричать мне:

~ Они-то не понимают! Но ты сам железнодорожник, ты понимаешь, что говоришь? Мы получили эти железные дороги с тысячами паровозов, с десятками тысяч вагонов. Колею перешьем, а куда это подвижной состав? Псу под хвост выбросим! Это же десять процентов вагонного парка всей страны! Чем его восполним? Перебросим подвижной состав с востока? А там чем восполним? А каким образом будем снабжать города и заводы на территориях, где идет перешивка колеи? Может, временно остановим предприятия и попросим население не есть, не пить? Вы понимаете, что такое экономика?

Доводы веские. Вроде все верно. Коренная реконструкция железнодорожной сети в этих районах обошлась бы государству, как я уже отмечал, в громадную сумму — в 9 млрд. рублей. Не считая косвенных убытков, о которых говорил нарком Каганович. Эта точка зрения - экономические соображения сегодняшнего дня — одержали верх. Сталин согласился с Кагановичем, и реконструкция железных дорог опять была отложена на неопределенное время.

Между тем, как показали последующие события, до начала Великой Отечественной войны оставалось уже менее года. Пройдет год и эта экономия обойдется нам слишком дорого. Железные дороги Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии встретят войну, слабо подготовленными к ней. Противник бросит в бой войска, сжатые в кулак. А мы встретим кулак растопыренными пальцами. Наши войска будут вынуждены продвигаться 200-300 км пешими маршами, и противник будет бить их по частям. У нас с первых же дней войны создастся множество нехваток — и в снарядах, и в горючем, и в прочих предметах вооружения и снабжения. А все во многом потому, что железные дороги по-настоящему не подготовлены к большой войне, что при подготовке к ней мы не учли важнейший фактор экономии — время. В результате мы за одну-две недели понесем громадные военные потери, потеряем все эти территории с их полями, лесами, заводами и фабриками, с миллионами людей.

Разумеется, я не хочу, да и не имею морального права объяснять военные неудачи первых месяцев войны только неподготовленностью приграничных железных дорог. Были и другие очень важные причины. Однако неподготовленность наших западных коммуникаций была одной из основных. Фактор в военном деле не новый. Не зря же еще древние римляне были так озабочены прокладкой в Европе хороших военных дорог. Мы, русские, к сожалению, этим пренебрегали с тех же древних времен и по сей день. И никакие тяжкие уроки не шли впрок.

Здесь мы опять вольно или невольно должны говорить о стратегических ошибках наших политических и военных руководителей в канун Великой Отечественной войны. Разговор необходим не только потому, что без него я бы считал свои ответы поверхностными, но и потому, что честный разговор о прошлом — это всегда и разговор о будущем.

В заключение ответа на первый Ваш вопрос считаю нужным отметить следующее.

В довоенные годы мне довелось работать под началом многих сильных руководителей. Однако они, как правило, не выдерживают сравнения со Сталиным и прежде всего по деловым качествам. Не потому, что у них были те или иные недостатки или слабости, а у него не было. Нет! И он был человек, не имевший специальной военной подготовки и современного военного опыта и, как говорится, ничто человеческое не было ему чуждо. Но деловые его положительные и отрицательные качества были необычайно резко и прямо выраженными. Ум, эрудиция, воля, характер, энергия, неутомимая работоспособность, поистине феноменальная память, зоркость, железная логика, умение мгновенно улавливать главное в сумятице событий, умение подчинять себе окружающих и организовать их на решение основной на данный момент и хорошо усвоенной им задачи

- во всех этих качествах он был великолепен. И я, например, видел **среди** окружающих только единственного человека его уровня - **Георгия** Константиновича Жукова.

Разница была в том, что Жуков был профессиональным военным с самой большой буквы, это была его стихия, и вне е;е он почти ничем не любил заниматься. Даже когда заставляли обстоятельства.

Сталин был профессиональным политиком — тоже с большой буквы. Хотя, как я только что отметил, специальной военной подготовки не имел, военного опыта — тоже, тем не менее его слово часто положительно решало специфические, требующие профессиональных знаний вопросы. Скажете: но были советники! Дело в том, что оценивать военные советы и советников он научился далеко не сразу. Слушал, например, маршала Кулика и согласился с мнением этого горе-специалиста, что автомат — полицейское оружие и незачем оснащать им сухопутные войска. Понадобились уроки войн в Монголии и в лесах Финляндии, чтобы переменить это мнение на обратное. Ну и ряд других советов, вроде расформирования механизированных корпусов в конце 30-х гг., воспринял он от невежественных советников.

Генеральный штаб, как.я уже отмечал, поддерживал наше предложение о немедленном приведении приграничных железных дорог в готовность к массовым воинским перевозкам. Однако сознавать необходимость какого-то общественного дела и воевать за его внедрение в жизнь — эти качества не всегда совмещаются в характере человека, в том числе и военного.

Работники отделов Генштаба — оперативного и военных сообщений шли — с нами в одном ряду и в ногу, пока мы не входили в кремлевский кабинет очень высокого начальства. Тут они вместо того, чтобы биться и доказывать нашу правоту, начинали соглашаться, и я нередко оставался один и выглядел, наверное, как фанатик с его идеей-фикс.

Во всяком случае так было, когда Каганович, докладывая Сталину, отметил, что военные товарищи с пониманием отнеслись к экономическим трудностям в переделке приграничных железных дорог. И понадобился Г. К. Жуков на посту начальника Генерального штаба и Н. Ф. Ватутин на посту его первого заместителя, чтобы сдвинуть с места это важнейшее дело. Но пришли они в Генштаб слишком поздно, в начале сорок первого года, и физически невозможно было до июня завершить огромный объем работ по перестройке всей железнодорожной сети приграничных областей и республик. Время было упущено, мы опоздали и во многом также по этой транспортной причине оказались битыми в первые месяцы войны.

Г. А. Куманев: Насколько мне известно, Ваша последняя должность перед войной — работа в Народном Комиссариате государственного контроля СССР. Как произошло, что Вы были переведе

ны в этот наркомат, который возглавлял небезызвестный Лев Мехлис, зловещая роль которого в проведении «чисток» и истреблении военных кадров проходит через многие документы и воспоминания очевидцев? Какой круг задач решал Наркомат госконтроля и его глава, чем конкретно занимались Вы на новом посту?

И. В. Ковалев: Во второй половине мая 1941 г. меня вызвали в Управление кадров ЦК ВКП(б). В кабинете секретаря ЦК Георгия Максимилиановича Маленкова находился Лев Захарович Мехлис, член Оргбюро ЦК, нарком государственного контроля СССР и заместитель Председателя СНК СССР. Маленков спросил меня:

— Готовы ли перейти на работу в Наркомат государственного контроля?

— Чем я провинился? — спросил я.

— Ничем, — сказал Мехлис. — Мне нужен помощник, хорошо знакомый с железной дорогой. Помните, о чем мы с Вами говорили на партийной конференции в Смоленске?

— Помню.

— Согласны перейти к нам?

— Категорически против, — сказал я и объяснил, что после военной академии не хотел уходить из армии на железную дорогу; потом не хотел уходить с Западной дороги в аппарат НКПС, в обоих случаях подчинился партийному решению. Я практик, на практической работе чувствую себя на месте. А контролер из меня никакой.

— Такая наша обязанность — подчиняться решениям партии, — заметил Маленков. — Будете контролировать, а верней сказать, форсировать подготовку транспорта и военной промышленности к войне. Задача для Вас не новая, она — продолжение старой задачи.

Он показал мне постановление СНК СССР от 21 мая 1941 г., подписанное Председателем правительства И. В. Сталиным и управляющим делами правительства Я. Е. Чадаевым, о моем назначении заместителем Мехлиса по железнодорожному транспорту. Маленков не был бы Маленковым, если бы не попытался смягчить мое огорчение. Он сказал:

— Иван Владимирович! Мировая война уже ходит вокруг нас. Нам бы настроиться на нее. Переменить психологию. А у нас с Вами мирные рассуждения — кому и в каком ведомстве служить. А задача выходит далеко за ведомственные рамки. Помните, что говорил Ленин? Что первая полоса войн империализма против социализма закончилась. Что им не удалось нас сокрушить. Что, как только империалисты наведут порядок в своем доме, они опять обрушатся на нас. Этот час близок. Может быть, ближе, чем мы думаем...

Я пришел домой огорченный, конечно. Были у меня уже прочные дела и связи по службе в НКПС. Теперь все сначала. А с другой стороны, подумал я, у них в Госконтроле, наверное, нормальный рабочий день с 10 утра до 6 вечера. Хоть отосплюсь. В Наркомате путей сообщения, где ни дня — ни ночи, у меня такое бывало

ощущение — дай поспать, а там хоть в пропасть. Так изнуряли ночные бдения.

Наркомат государственного контроля СССР располагался в новом здании, что в Охотном ряду и напротив гостиницы «Москва». Службу я начал в положительном ритме. Приходил в наркомат утром, уходил вечером, и супруга Дарья Игнатьевна заподозрила неладное и спрашивала, не случилось ли чего, не понизили ли меня в должности.

Отвечал ей, что тут не железная дорога, где я пропадал сутками. Здесь Госконтроль — нормальное учреждение. Четыре дня я спал по семь часов и даже стал полнеть. На пятый день к вечеру зашел ко мне секретарь парткома Квашнин. Спросил, как осваиваюсь на новом месте. Передал просьбу Мехлиса задержаться после работы — сегодня совещание Коллегии Госконтроля. Я думал, начнется заседание минут через тридцать. Прошел час, второй, третий. Сижу, занимаюсь делами. Может, отложили коллегию? Позвонил Квашнину. Нет, не отложили. Ночь кончалась, восток уже посветлел, когда меня пригласили на коллегию. Обсудили план обследования важнейших оборонных предприятий на следующий месяц. С боеприпасами для тяжелой артиллерии дело обстояло тревожно, план ввода новых производственных мощностей Наркомат вооружения СССР не выполнял.

К пяти утра все вопросы повестки дня были исчерпаны. Нарком Мехлис предложил посмотреть новую кинокартину. В кинозале мы просидели еще часа полтора-два. Фильм не помню. Видимо, заснул. Пришел домой в восьмом часу утра. Супруга спрашивает, что случилось. Ничего, говорю, не случилось. Служба вошла в «нормальную служебную колею».

С этого дня я раньше семи утра домой не возвращался. Каганович тоже любил заседать до утра, но хоть кино нам не показывал. А Мехлис, долго работавший секретарем Сталина, усвоил и его ритм и привычку смотреть кино под утро. Отказываться и тем более ссылаться на усталость не полагалось. Как, впрочем, и проявить другие обыкновенные человеческие слабости. У Сталина самого была железная работоспособность, и сотрудников он подбирал с железным здоровьем.

Получив задание, мы, работники Госконтроля, на несколько дней разъехались по командировкам на различные военные заводы. Вернулись с актами, в них были зафиксированы основные показатели того или другого предприятия. На Коллегии Наркомата госконтроля, где присутствовал и нарком вооружения СССР Борис Львович Ванников, мы зачитывали эти акты. Он сидел рядом со мной и с невозмутимым видом шутливо комментировал выявленные контролерами недостатки. Особенно серьезными они были в производстве боеприпасов.

Мехлис сидел на председательском месте, жевал сушеный черно-

слив (недавно бросил курить) и после прочтения каждого акта бросал острые реплики в адрес Ванникова. А Борис и говорит мне тихо: «Иван, имей в виду: еврей еврею, как и ворон ворону, глаз не выклюет». Сказал буквально на ухо, но Мехлис услышал. Прервал чтение очередного акта, выплюнул косточку чернослива, позвонил куда-то. Слышим:

— Товарищ Сталин, мы тут полтора часа втолковываем Ванникову, что его наркомат отстает в производстве артиллерийских боеприпасов тяжелого калибра, а он нас вышучивает.

Выслушав ответ Сталина, Мехлис сказал нам:

— Пойдемте в машину!

Пошли вчетвером: Мехлис, его первый заместитель Попов, Ванников и я. Автомашина уже ждала у подъезда, и пять минут спустя мы вышли на Новой площади, у здания Центрального Комитета партии. Прошли в кабинет Сталина. Он сказал: «Садитесь!» Сели, молчим, он тоже. Раскурил трубку, обернулся к Ванникову: «Ну-ка расскажите!» Ванников сказал, что де спасибо Госконтролю, что обнаружил неполадки. Наркомат примет немедленные меры... Сталин прервал его:

— Нет, Вы не о том. Вы скажите, как там шутили.

Ванников не стал отказываться. Он повторил Сталину свою шутку насчет еврея и ворона. Сталин спокойно прошелся и спокойно сказал:

— Сейчас, когда советскому народу угрожает величайшая военная опасность, за подобные высказывания некоторые могли бы оказаться в тюрьме. Можете идти, мы с товарищами займемся другими делами.

Ванников вышел, а нам Сталин поручил проверить работу авиационных заводов, и четверть часа спустя мы тоже покинули здание ЦК партии.

Где-то пол месяца я не встречался с Борисом Львовичем. Госконтроль вернулся к вопросу об артиллерийских снарядах тяжелого калибра. Создали комиссию, быстро проверили. Доложили Сталину. Наш доклад Сталина не удовлетворил. Он назвал его поверхностным. Тут же вызвал своего секретаря Поскребышева, приказал соединить по телефону с Ванниковым. Разговор наш о боеприпасах продолжался, Ванников как нарком мог бы прояснить некоторые неясности, но он куда-то запропастился. Такая ситуация в кабинете Сталина, такое промедление были настолько необычными, что все присутствующие почувствовали облегчение, когда Поскребышев доложил, что «Ванников на проводе».

Сталин стал говорить с Ванниковым. Рассматривал таблицу выпуска боеприпасов, спрашивал. Видно было, что ответы Ванникова его не удовлетворяли. Он сказал:

— Товарищ Ванников, возьмите таблицу.

- Таблицы у меня нет, — ответил Ванников. — Я, товарищ Сталин, нахожусь на Лубянке.
- Что Вы там делаете? — Сталин.
- Сижу во внутренней тюрьме. Как от Вас вышел, так меня и проводили сюда, и сижу.
- Вам нечего там делать, — сказал Сталин. — Сейчас же поезжайте в наркомат.
- Весь наркомат знает, что сижу в тюрьме. Какой у меня теперь авторитет. Нет его. Потерял.
- Немного просидел и уже потерял авторитет? — переспросил Сталин. — Мы годами сидели в тюрьмах и ссылках, но авторитета не теряли.
- Вас царская власть сажала, - находчиво ответил Ванников, - а меня советская!
- Какая разница? — заметил Сталин. — Власть есть власть. Она может наказать, может помиловать. Немедленно поезжайте в свой наркомат и займитесь боеприпасами для тяжелой артиллерии*.

Много лет спустя после смерти Сталина, вспоминая тот прискорбный тюремный эпизод, Ванников говорил мне: «Кто им приказал взять меня сразу за дверьми его кабинета? Может, он кнопку нажал? Ты же там сидел, должен был заметить?»

Нет, ничего я не видел. И Берия тут сидел и никаких движения не делал. Видимо, Сталин заранее отдал распоряжение насчет Ванникова.

С моим добрым приятелем Вячеславом Александровичем Малышевым случилась почти такая же история и в это же время. Узнаю, что он в больнице. Плохо с сердцем. Я к нему заехал. Спрашиваю, чего это с ним вдруг случилось. Отвечает: «Тебя бы на мое место!» Малышев был заместителем Председателя Совнаркома СССР и наркомом среднего машиностроения СССР, а потом танковой промышленности. Отвечал за выпуск новых танков и танковых моторов. Шли испытания моторов. Вдруг звонит Сталин и говорит: «Будь ты трижды проклят, предатель Родины!» И бросил трубку. А у Вячеслава Александровича стало худо с сердцем. Шутка ли — такое обвинение от самого вождя! Потом уже выяснилось, что на испытании танка отказал мотор.

В жестком режиме держал всех нас Сталин, бывал несправедлив. Однако скажу и другое: никакие прежние заслуги, чины и ордена ничего для него не значили, если их носитель проштрафился. Любое разгильдяйство, благодушие, ложь или замаскированное фразой ничегонеделание он карал без пощады. Особенно круто, если это касалось обороны страны.

*** Нарком вооружения СССР Б. J1. Ванников был освобожден из тюрьмы 25 июля 1941 г. - *Прим. авт.***

Да и то сказать: не будь он столь жестко требовательным, наша промышленность вообще и оборонная в том числе едва ли соверши- ла бы за две с половиной пятилетки тот гигантский технологический рывок, который уже в 1942 г., вопреки всем неудачам и потерям, обеспечил нам массовый выпуск лучших в мире танков Т-34, лучшей в мире легкой пушки ЗИС-3, лучшей в мире реактивной «катюши» и многих других видов вооружения. В целом мы получили количественное и качественное превосходство над фашистской Германией практически по всем вооруженческим статьям и таким образом завоевали победу на войне, а после нее смогли необычайно быстро восстановить разрушенное вражеским нашествием народное хозяйство. В результате наша великая держава стала в ряд ведущих индустриальных держав мира.

А что до судьбы Бориса Ванникова, то она и дальше прошла у него бурно, в борьбе, в победах и поражениях. Побед было больше. Это стараниями его Наркомата вооружения оснащалась и вооружалась наша фронтовая армия. А после войны все тот же веселый, общительный, энергичный работяга Ванников стал одним из создателей отечественной атомной промышленности. Он был трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Работа в Наркомате государственного контроля, была хотя и не столь продолжительной (в июле 1941 г. я получил дополнительное назначение, о чем скажу ниже), но довольно масштабной: оперативные проверки выполнения плановых и внеплановых заданий позволяли явственно видеть и успехи и неудачи в индустриальном развитии страны, в укреплении ее обороны. Правда, тогда, в последние мирные дни, трудно бывало из потока очень насыщенной делами жизни выделить дела наиважнейшие, средней важности и дела так себе, без которых вполне обойдешься.

Теперь сделать это много легче. Во-первых, потому, что наглядны результаты предвоенных усилий. Во-вторых, потому, что все полуважное и вовсе неважное само выветрилось из памяти. Остались в ней заводы-гиганты, остались сильные конструкторские бюро, остались насыщенные энергичным поиском люди — директора, инженеры, рабочие. Остались цеха и обширные дворы, где бок о бок выстраивались новейшие военные машины - самолеты, танки, орудия. Сохранила память восхищение и гордость могучей индустриальной базой, которую буквально в считанные годы создал наш народ, руководимый партией коммунистов.

А ныне все эти и многие другие достижения суммирует мысль: в ходе предвоенных пятилеток мы выиграли негласное соревнование с мировым империализмом, и этот довоенный выигрыш помог нам выиграть и военное соревнование с главной ударной силой империализма — германским фашизмом. Следовательно, стратегически мы переиграли противника еще накануне войны.

А вот о тактике и стратегии в первые месяцы войны, то есть о

делах и заботах ближних тогда лет, этого не скажешь. Тактический и стратегический выигрыш остался за противником. Сложился он из причин объективных и субъективных. Объективным было то, что нам для перевооружения армии новейшим оружием требовалось примерно два года. А субъективным было твердое мнение и вера Сталина, что ему удастся политическими маневрами удержать германский фашизм от нападения на Советский Союз, пока мы еще более не окрепнем и не перевооружим армию.

Еще когда обсуждались итоги боевых действий в Финляндии, в частности, результаты применения там новых танков «КВ», Сталин не раз высказывал мысль, что «единицами даже самой лучшей техники стратегическую победу не одержишь». Правильная мысль и, наверное, не мне одному запомнилась потому, что крепко сформулирована.

Но мысль стала фетишем. Она все подавила, она заслонила всю прочую информацию, она повлияла на оценку Сталиным военнополитической обстановки в первой половине 1941 г. Он поверил, что некоторыми уступками Гитлеру, бесперебойными поставками хлеба и цветных металлов и сверхосторожностью (не спровоцировать бы агрессию фашистов, не дать повода для нападения!) он выиграет для нашей страны еще два мирных года, так необходимых, чтобы наладить серийный выпуск новых самолетов, танков, орудий и т. д.

По-моему, это была главная его ошибка в оценке обстановки. Эту ошибку необходимо учитывать сегодня, когда оружие стало во сто крат мощнее и парадоксально изменились понятия «Пространства» и «Времени», возможности стратегического развертывания вооруженных сил и видов транспорта.

Руководители Генерального штаба Г. К. Жуков и Н. Ф. Ватутин понимали ошибочность этой позиции Сталина, пытались не раз исправить крупные огрехи, с которыми мы шли к войне, но ничего не получалось. Позже, весной 1944 г. мне довелось говорить об этом с Николаем Федоровичем Ватутиным. Он был серьезно ранен, лежал в Киеве, но не в госпитале, а на квартире у Н. С. Хрущева. По дороге с фронта в Москву, узнав о ранении, я навестил его.

Вспомнили предвоенные дни и доклад руководителей Генштаба Сталину, на котором и мне довелось присутствовать. Вздохнув, Николай Федорович сказал: «Виню себя, что не дерзнул тогда перед Сталиным. Он упрекал Жукова и меня в недальновидности, и что наши предложения привести войска в полную боевую готовность могут спровоцировать нападение немцев, и что этого же добиваются англо-французы... А я не дерзнул твердо возразить».

Этот доклад, да и вообще те последние предвоенные дни мне очень памятны. Меня фактически опять вернули на железную дорогу, но в другом качестве. Как заместителю наркома госконтроля и специалисту-железнодорожнику вменили в обязанность наблюдать за перешивкой железнодорожной колеи в западных областях Укра-

ины и Белоруссии, в советских республиках Прибалтики и в Молдавии. Наконец-то это важнейшее дело пришло в движение, развернулись работы широким фронтом, это радовало, и никто не думал, что спохватились мы слишком поздно.

Через несколько дней на моем докладе Сталину присутствовали начальник Генерального штаба Г. К. Жуков и его заместитель Н. Ф. Ватутин. Сталин спросил, как в общем обстоит дело с подготовкой железнодорожных коммуникаций на северо-западном, западном и юго-западном стратегических направлениях.

Отвечаю ему, что даже на основных дорогах колея перешита не полностью. Работы же по развитию выгрузочных районов, то есть постройка или удлинение выгрузочных путей и высоких воинских платформ, улучшение системы водоснабжения локомотивов, ремонта и т. д. — только-только начаты. Выгрузочная способность районов Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, а также Молдавии по-прежнему очень мала — в три с половиной раза меньше необходимой для развертывания первого эшелона войск Красной Армии.

Сталин выслушал, отдал распоряжение ускорить работы и разрешил мне ознакомить с докладом мое непосредственное начальство. Это был один из негласных законов, строго соблюдавшихся: если задание давал лично Сталин, то получивший задание и выполнивший его мог доложить о нем своему начальнику только по разрешению Сталина. До войны со мной было несколько подобных случаев и в Наркомате путей сообщения и в Наркомате госконтроля. А в войну, когда я стал начальником военных сообщений, подобная ситуация с докладами лично Сталину через голову начальника Гене-* рального штаба стала обычной.

Конечно, Сталин обладал памятью компьютера и нечеловеческой работоспособностью. Конечно, умел в считанные минуты разре-^ шить проблему, над которой иной начальник бился бы неделю. Конечно, личные распоряжения вождя исполнялись беспрекословно и вне всякой очереди. И тем не мене такое стремление решать все и за всех чрезвычайно опасно для любого дела не только прямыми последствиями, но и косвенными, ибо отучивает людей от инициативы.

Во время работы в Наркомате госконтроля СССР мне довелось вплотную познакомиться с некоторыми сторонами деятельности членов Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин торопил наркомов с производством новых видов вооружения, боеприпасов и снаряжения, поэтому и нам работы хватало с избытком. Обследовав тот или иной завод или группу заводов, мы, после обсуждения итогов у себя в наркомате докладывали их на Политбюро. Каждый член Политбюро отвечал за определенную отрасль.

После доклада государственного контролера начиналось обсуждение. Сталин предлагал членам Политбюро высказываться. В памя-

ти моей эти высказывания не отложились. Полагаю, потому, что были, как правило, общими и не профессиональными. Да и кроме того, возвращаясь к началу моих ответов Вам, скажу, что деятельность членов Политбюро даже в отрасли, которую каждый из них курировал, была ограничена. Их осведомленность зависела от Сталина — разрешит он что-либо узнать или не разрешит.

Та же система практиковалась и в отношении к высшему военному руководству. Нарком обороны и начальник Генерального штаба знакомились с донесениями нашей заграничной агентуры только после того, как их докладывал и объяснял Сталину начальник Главного разведывательного управления генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков. А поскольку Голиков более чутко реагировал на субъективные желания Сталина, чем на объективную обстановку, то и объяснения были соответственными. Все факты подготовки фашизмом войны с нами Голиков сопровождал замечаниями в духе сомнений в их достоверности.

Думаю, что, если бы в этом деле существовал должный порядок, и политический руководитель Сталин принимал решения не на основе собственных желаний и домыслов, а на основе аналитических докладов, сделанных тем же начальником Генштаба Г. К. Жуковым, нападение фашистов не застало бы нас врасплох.

Сталин же утвердился во мнении, что сведения о подготовке Гитлера к войне с нами не более как провокация, что англо-фран- цузы жаждут столкнуть нас с немцами и истощить, чтобы затем диктовать свою волю. И в смысле стратегическом он оказался прав. Мы три года бились с фашизмом практически один на один, нанося врагу большие потери и неся их сами, а ставшие нашими союзниками англо-американцы отсиживались за проливом Ла-Манш и ждали своего часа, чтобы на исходе войны с минимальными потерями добиться максимальных военно-политических результатов.

Правильно определив стратегию их поведения, Сталин для противодействия предпринял неверный тактический ход. Не соразмерил свое нежелание попасться на удочку империалистов с объективной обстановкой, с реальностями, с тем, что главной целью Гитлера и до заключения договора с нами и после заключения было и осталось уничтожение коммунизма и Советского Союза как носителя нового политического и экономического строя.

Эта несоразмерность субъективного желания Сталина оттянуть войну года на два и объективных фактов, которые твердили о ее приближении, это противоречие наложило заметный отпечаток на последние предвоенные недели. Не могу точно датировать один доклад генштабистов, но хорошо помню его акцент. Он состоял в том, чтобы привести в полную боевую готовность первый стратегический эшелон Красной Армии на западе страны.

Военные товарищи — нарком Тимошенко, начальник Генштаба Жуков и его заместитель Ватутин — подчеркивали, что число наших

дивизий в приграничных округах не говорит о боеспособности. Дивизии эти пока что неполноценные. В большинстве из них половина, а то и меньше, штатной численности бойцов, командиров, политработников. Войска не обеспечены транспортом и связью. Они расположены в рыхлых, не боевых группировках. 800 тыс. солдат и командиров, призванных из запаса, до сих пор не влились в эти соединения. Их уже много дней держат «на колесах» — в эшелонах, стоящих в тупиках разных железнодорожных станций.

Сталин выслушал эти и другие факты плохой боевой готовности приграничных военных округов и полувопросительным тоном заметил: «Вы, товарищи военные, такими действиями поможете спровоцировать военный конфликт с фашистской Германией. В таком виде развертывать наши войска нельзя».

Военные молчали. Может быть, именно этот доклад и вспоминал Николай Федорович Ватутин три года спустя и незадолго до своей кончины.

Таким образом, и эта попытка военных руководителей повысить боевую готовность войск ни к чему не привела, кроме очередного напоминания Сталина не поддаваться на возможные провокации немцев. Еще в конце мая 1941 г. он мне сказал:

— Продолжайте, товарищ Ковалев, внимательно следить за поставками в Германию всего, что предусмотрено договором. Поезда должны поступать к ним минута в минуту, чтобы не было к нам никаких претензий.

Это мне тоже вменили в обязанность, как заместителю наркома госконтроля: контролировать наши поставки пшеницы и стратеги- „ ческих цветных металлов в фашистскую Германию. Сами мы остро нуждались и в том и в другом, но - вывозили к будущему против-, нику. Сталин верил, что этими поставками, политической осторожностью и прочими мерами он убережет страну от гитлеровской * агрессии и мировой войны. На худой конец - оттянет наше в нее вступление на полтора, а то и два года. И здесь культ Сталина обернулся прямым ущербом в смысле экономической готовности СССР и особенно морально-политической — народ верил, что война с фашистской Германией не разразится, коль Сталин является про- * тивником ее развязывания.

Правда, в середине мая 1941 г., после того как число немецких! дивизий, сосредоточенных на нашей границе, перевалило за сотню Сталин разрешил Генеральному штабу начать выдвижение войск Красной Армии из внутренних округов на запад. Были двинуты четыре армии и ряд соединений. Однако боеготовность этих корпу- сов и дивизий оставляла желать лучшего. Они не были пополнены личным составом до штатной численности. Пополним, дескать, на. месте назначения.

Погрузили в эшелоны артиллерию, а транспортом оцять-таки решили обеспечить на месте. Как и снарядами, и патронами, и

снаряжением, и даже саперным инструментом. Зато погрузили в эшелоны массу различного оборудования и вещей, нужных в мирное время, но бесполезных и даже вредных (ибо балласт всегда вреден) на войне. Да и настроение было у людей более подходящее к выезду в летние лагеря, чем к линии возможного и скорого соприкосновения с противником. Ни один политработник не мог даже намекнуть солдатам на военный вариант этого движения эшелонов в сторону границы. Наоборот, вплоть до 22 июня даже в приграничных округах читались лекции преимущественно о выгодах мирного договора с Германией.

Сообщаю Вам об этом, уважаемый Георгий Александрович, не только потому, что и сегодня саднит сердце при воспоминаниях о тогдашнем благодушии и неготовности. Отмечаю это потому, что, к глубокому сожалению, и в нынешние дни, в периоды улучшения международной обстановки, наши средства массовой информации впадают зачастую в детские восторги и благодушие. Забывают, а скорей всего, не знают, что психологическая неготовность к тяжким испытаниям бывает не менее страшной, чем неготовность техническая.

В этих средствах информации — в газетах, на телевидении й на радио — есть много хороших специалистов: политиков, искусствоведов, природоведов, медиков и так далее. Но нет военных историков.

Я тоже слушатель, читатель и зритель. Однако не могу вспомнить ни одного — пусть юбилейного выступления, в котором автор-историк спросил бы и себя, и всю многомиллионную аудиторию: почему в двух мировых войнах XX века противник нас опережал во времени? Почему старая Россия, переоснащая и перевооружая свою армию, планировала привести ее в наилучшее боевое состояние к 1917—1918 годам, а противник начал войну в 1914 г.? Почему Советский Союз, перевооружая армию, наметил конечный срок в 1942—1943 гг., а противник напал в 1941-м? Случайность? Нет!

Однако не рыдать над прошлым призываю я Вас и всех, кто будет читать эти строки. Необходимо трезво помнить о прошлом, анализировать его, извлекать должные уроки. Это дело не только специалистов по военной истории. Это дело общее, народное. Потому, что за ошибки и невежество специалистов и неспециалистов расплачивается всегда миллионная масса — народ...

Фашистское командование уже заканчивало сосредоточение трех своих основных войсковых группировок на советской границе, германское министерство иностранных дел предъявило ноту нашему руководству и просило объяснения: почему советская 16-я армия из Забайкалья перебрасывается по железной дороге на запад? Сталин приказал маршалу Тимошенко временно завернуть эшелоны 16-й на юг и сообщить в Берлин, что армия направляется к персидской границе - на случай, если англичане попробуют нанести удар из

Индии через Персию. Вряд ли в Берлине поверили, однако добились своего — одна из наших армий была задержана в пути.

Об этом случае я узнал от Мехлиса, который вдруг перестал посещать Наркомат государственного контроля. Спрашивать, почему это так и куда он делся, не полагалось. Он скоро мне позвонил. Просил зайти в Главное Политическое управление Красной Армии, оно помещалось тогда на улице Фрунзе. Я пришел и узнал от Льва Захаровича, что он вновь назначается начальником Главпура, но пока что об этом не надо распространяться. Предложил мне возглавить Управление военных сообщений (УПВОСО) Генерального штаба. < Я отказался. Кстати, потом был такой же разговор с Г. К. Жуковым. Я опять отказался. Не потому, что так уж полюбил Госконтроль. Наоборот, я с великим удовольствием вернулся бы к военно-железнодорожному делу, к своей профессии, притом любимой. Однако в Наркомат госконтроля назначил меня Сталин, и я уже достаточно знал неписаные законы таких назначений: он назначил — значит, только он может перевести меня в Наркомат обороны и в Генеральный штаб. Всякие вольности и инициативы в этом смысле он строго пресекал.

Это было где-то в середине июня 1941 г.

Г. А. Куманев: Где Вы встретили начало Великой Отечественной войны, были ли вызваны к Сталину и чем занимались в первые дни. и недели после фашистской агрессии?

И. В. Ковалев: Начало войны застало меня в Наркомате государственного контроля, в моем рабочем кабинете. 22 июня 1941 г., как и последующие три дня, сотрудники Наркомата государственного контроля, пребывали в каком-то неопределенном положении. Каждый чувствовал, что война словно лавина вторгается в наш дом, что надо что-то делать, а что именно, никто не знал. Наркому и начальнику Главпура (его назначили на этот пост 21 июня) Мехлису было не до нас. Мы с Поповым, заместителями наркома, были дезориентированы. Существовавший план контроля над деятельностью важнейших предприятий и учреждений явно не годился для военного времени. Наше учреждение — по идее необходимое и для войны - тоже оказалось к ней неготовым.

Для меня это «подвешенное» состояние закончилось 26 июня, когда я был вызван в Кремль к И. В. Сталину. В его кабинете (как я тогда себе пометил) в это время находились В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, С. М. Буденный, С. К. Тимошенко, Н. Ф. Ватутин, П. Ф. Жигарев и И. Ф. Петров.

Сталин выглядел необычно. Вид не просто усталый. Вид человека, перенесшего сильное внутреннее потрясение. До встречи с ним я по всяким косвенным фактам чувствовал, что там, в приграничных сражениях нам очень тяжко. Возможно, назревает разгром. Увидев вождя понял, что худшее уже случилось. Хотя внешне он был спо-

коен, и, как всегда, удерживая в левой, усохшей и полусогнутой руке трубку, правой рукой не спеша начинял ее табаком.

Кто знает, что пережил он за эти дни? Замысел удержать Гитлера от нападения политическими маневрами и сверхосторожностью, тот замысел, в угоду которому он пожертвовал боеготовностью приграничных военных округов, оказался пустопорожним и вредным. Доктрина о войне на чужой территории и малой кровью - тоже оказалась беспочвенной. Да и многое другое, считавшееся бесспорным, рухнуло в эти четыре дня. Однако сам он не рухнул. Претерпел и взялся за дело, и начал исправлять положение.

Поздоровавшись со мной, спокойно сказал:

- Мы считали, что немцы главный удар нанесут через Украину с целью захватить хлебную житницу, донецкий уголь, а потом и бакинскую нефть. Но они наносят главный удар на западном направлении. Через Минск, Смоленск на Москву. Нами даны указания перебросить две армии с Украины на угрожаемое направление. Но эшелоны 16-й армии Лукина застряли в этом районе...

Он подошел к большой карте и показал, причем не очень определенно, обширный район к северу от Киева и на Брянск, Смоленск и Оршу. Пояснил, что немецкая авиация систематически бомбит крупные железнодорожные узлы, они не прикрыты истребителями и зенитной артиллерией, поэтому положение тяжелое.

— Вы были начальником Западной дороги, — сказал Сталин. — Поезжайте, мы Вам даем полномочия любой ценой продвинуть эшелоны Лукина на Смоленск—Оршу. Желательно, чтоб выехали сейчас же.

Я находился в кремлевском кабинете вождя не более 10 минут. После данного мне поручения сразу же поехал в НКПС, чтобы уточнить, где стоят эшелоны. Не имея сведений о составе 16-й армии, я узнал, что для ее перевозки требовалось как минимум 120— 150 эшелонов. Однако точными сведениями об этих эшелонах НКПС не располагал. Тогда я собрал небольшую группу из товарищей- железнодорожников, которых хорошо знал. Мы сели в автомотриссу, в этот моторный вагончик, и по Западной железной дороге поехали в Смоленск. В дороге нас не бомбили. Приехали на рассвете. Тихо. Но вокзал разрушен. Повсюду — на путях и меж путей — опрокинутые и сгоревшие вагоны, множество бомбовых воронок. Военный комендант сообщил, что давно ожидает прибытия эшелонов 16-й армии, но их нет. Спросил у него, как и когда бомбят немцы особенно интенсивно. Бомбят и днем, и ночью. Но особенно интенсивно бомбят крупные железнодорожные узлы ночью. Будто знают, что к вечеру в узлах скапливается наибольшее количество поездов.

Поехали навстречу эшелонам — к Брянску. Приехали ночью, в разгар бомбежки. Город и станция пылали пожарами. Мы остановили мотриссу на подходе к станции и до утра пролежали в кювете. Волна за волной шли на Брянск вражеские бомбардировщики. В

шесть утра они ушли, появился разведывательный самолет, который за особенную его форму прозвали у нас «рамой». Видимо, «рама» фотографировала результаты ночных налетов.

Вошли мы на станцию Брянск и удивлялись, что бомбоубежище для железнодорожного персонала нашли прямо под зданием вокзала. Еще на дороге я спросил встречного товарища, где станционное начальство. «В братской могиле!» - усмехнулся он. Подивился я меткости русского слова. Действительно, думал ли кто-то, а если думал, то чем, когда распорядился устраивать бомбоубежище под зданиями вокзалов — главными объектами вражеских бомбежек? Спустился в подвал, сидят при свечках первый заместитель наркома путей сообщения Багаев Сергей Иосифович и начальник Калужской дороги Владимир Богданов. Спрашиваю, как и что. Говорят, что вся железнодорожная связь — телеграф и телефон — выведена из строя. Краны водоснабжения локомотивов разрушены. Где эшелоны 16-й армии и сколько их, неизвестно. Багаев находился здесь уже несколько дней. Подтвердил, что ночью немцы жестоко, как сегодня, бомбят крупные узлы. А небольшие станции мало трогают. <

В первую очередь я поехал в Брянский обком партии и, пользуясь полномочиями, предоставленными мне Ставкой Главного Командования, обязал товарищей из обкома сформировать совместно с железнодорожниками отряды для восстановления разрушаемых авиацией объектов - путей, локомотивных и вагонных депо, водоснабжения, подъездов к угольным складам.

Отряды начали формироваться в тот же день. Сначала в Брянске и на ближайших станциях, потом в Смоленске и Орше. Вскоре они получили официальный статус в качестве местных отрядов противовоздушной обороны и в продолжении всей войны играли очень большую роль в восстановлении железных дорог.

Из Брянска наша группа выехала обратно в Смоленск и еще западней — в Оршу, где уже чувствовалось близкое дыхание фронта. Ознакомление с делами на местах позволило, как говорил в свое время Ленин, найти главное звено, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь. Надо было, во-первых, растащить «пробку», а точней, множество пробок, образовавшихся на прифронтовых и примыкающих к ним дорогах.

Поток воинских поездов с востока на запад повсюду наталкивался на встречный поток поездов с запада на восток, вывозивших в тыл оборудование заводов и фабрик и сотни тысяч людей. Бомбежки усугубляли эти эшелонные пробки, резко снижали пропускную способность дорог.

И еще была одна важная тому причина: в мирное время железнодорожники привыкли, что отчетные сутки у них кончались В' шесть вечера. Вот и в начале войны срабатывала старая привычка собирать на крупных узлах к этому часу и сдавать наибольшее число

вагонов. Противник, видимо, учел это, еще готовясь к войне. Зная, что узлы ночью забиты поездами, бомбил эти узлы.

Решили мы так: к ночи выводить эшелоны из крупных узлов на промежуточные станции, а если и там места не хватит, оставлять прямо на перегонах до утра. Первая же ночь по такой системе дала хороший результат. Фашисты бомбили смоленский узел, а там было пусто. Ну, разбили стрелки, наделали воронок, сожгли несколько домов. Но ведь восстановить станционные пути много легче, если они не завалены разбитыми паровозами и вагонами, не заставлены горящими цистернами с маслом. Сквозной путь был восстановлен в считанные часы. Об этом же сообщили нам из Брянска и Орши.

3 июля в Брянск стали подходить эшелоны 16-й армии. На ночь рассредоточились. Утром пошли на север, на Смоленск. Потери от бомбежек резко снизились. «Пробки» рассосались. Движение приняло более или менее ритмичный характер. Разрушения быстро восстанавливались, люди приобретали фронтовой опыт.

Вслед за 16-й армией тем же путем прошла с Украины на север и вышла на западное направление и 19-я армия генерала И. С. Конева. Таким образом, попытка фашистского командования с помощью авиационных налетов дезорганизовать прифронтовые железные дороги не удалось.

Очень помогли нам в этой оперативной работе меры, принятые Наркоматом путей сообщения СССР вскоре после начала войны. Был введен в действие так называемый «воинский параллельный график». Он был заранее, еще в мирное время подготовлен так, чтобы максимально использовать пропускную способность железных дорог. «Параллельным» его назвали потому, что все поезда, и пассажирские и грузовые, шли с одинаковой скоростью, имели одинаковый вес. Это облегчало их формирование, сводило к минимуму простои, исключало обгоны, уменьшало время на маневровые работы на станциях. В конечном итоге эти заранее подготовленные в НКПС меры сэкономили массу времени для перевозки войск, военных и невоенных грузов. А экономия времени была, да и в любой трудной ситуации всегда останется главной задачей.

С разных железнодорожных станций я ежедневно докладывал в Москву в секретариат Сталина Поскребышеву и первому заместителю наркома госконтроля Василию Федоровичу Попову, как идут дела. Когда движение эшелонов было налажено, мне была дана команда выехать в Москву. Я выехал. В Москве, на Белорусском вокзале, меня встретил подтянутый майор войск НКВД. «Товарищ Ковалев?» — спросил он, разглядывая меня с некоторым удивлением. Я понял, что здесь, на утреннем вокзале, среди пассажирок в цветных шелковых и ситцевых платьицах, я выгляжу букой. Гимнастерка и брюки изодраны, глаза воспалены, небрит, ибо чемоданчик мой забросило куда-то взрывной волной. «Я жду вас с машиной, —

продолжал майор, убедившись, что я — Ковалев. — Приказано доставить Вас в ЦК партии».

Он отвез меня на Новую площадь и привел в кабинет к Андрею Андреевичу Андрееву, в то время члену Политбюро и секретарю ЦК ВКП(б).

- Да! — сказал Андрей Андреевич. - Сразу виден фронтовик. Надо бы Вам в порядок себя привести. Но товарищ Сталин уже справлялся. Впрочем, так, пожалуй, лучше. Пойдемте!

Сталин сразу нас принял и сказал:

- Звонил маршал Тимошенко. Благодарит за доставку 16-й и 19-й армий. Разделяет Вашу точку зрения о восстановительных бригадах на транспортных узлах. Докладывайте!

Я доложил вкратце, минут за пять-семь главные вопросы. Предложил распространить опыт движения эшелонов на все прифронтовые дороги. Сталин сказал:

- Одобряю. Напишите докладную записку, оставьте Поскребышеву. Для Вас с товарищем Андреевым есть срочное дело.

Он взял со стола толстую папку с телеграммами и сказал:

- Командующие сообщают, что на фронт, в войска не поступают снаряды, продовольствие, вооружение и снаряжение. А управления Наркомата обороны, в том числе управление тыла, утверждают, что эти грузы давно отправлены железной дорогой. Мы проверили через Госконтроль. Вся продукция с заводов и баз отправлена железной дорогой. Где она застряла, неизвестно. В Наркомате путей сообщения и Управлении военных сообщений есть люди панических настроений. Распространяют слух, что без эффективной противовоз‰ душной обороны железные дороги не обеспечат перевозки. Нам кажется, дело не только в этом. Вам надлежит пойти туда, разобраться, навести порядок. Помогать Вам будет Андрей Андреевич Андреев.

А. А. Андреев в свое время был наркомом путей сообщения, а теперь курировал и этот наркомат и Управление военных сообщений Красной Армии как член Политбюро ЦК ВКП(б). С такой поддержкой можно сделать самое трудное дело. По его предложению, мы перекусили, я побрился, почистился, поехали на улицу Фрунзе, ***в*** Наркомат обороны.

Пришли в Управление военных сообщений, к генералу Н. И. Трубецкому. Меня он знал, Андреева не знал. Его вообще мало кто знал. Был он небольшого роста, одевался сверх скромно. Неброская личность. Да и сердце имел больное. В Наркомате обороны лифт не работал и, когда мы взошли с ним на верхний этаж, он лицом до бела переменился. Пока шли наверх, я спросил Андреева, как представлюсь Трубецкому. Как работник Наркомата государственного контроля? «Нет! — ответил он. —Скажите, что назначены его заместителем». Так я представился Трубецкому- Представил А. А. Андреева. Сказал, какое у нас задание. Трубеи-

кой любезно предоставил нам два кабинета и необходимую связь. Однако заметно нервничал. Пропали военные грузы, да не один- два вагона, а много. И он, начальник военных сообщений, который через военных комендантов станций обязан был вести эти грузы к фронту, ничего о них не знал. Он был старый служака, но по складу характера работник кабинетный. И когда нахлынул железнодорожный хаос первых недель войны, он, видимо, растерялся.

Мы с Андреевым начали разыскивать пропавшие вагоны. Запросили заявки Наркомата обороны на перевозку военных грузов. Обратились в НКПС. Странная выходила картина. Эшелоны с сеном для кавалерии шли на фронт по «зеленой улице», а патроны и снаряды исчезали в пути. Нигде не числятся - и все! Наконец, после опросов и расспросов выяснили вопиющий факт. Оказалось, что нарком путей сообщения Каганович договорился с начальником Управления военных сообщений Трубецким: «для ускорения» перевозки воинских грузов не составлять из них полные поезда с единым адресом, а включать вагоны с военными грузами в состав попутных «товарняков» с невоенными грузами. Таким образом, необходимейшие фронту грузы продвигались «ступенчатыми» маршрутами, включались то в один поезд, то в другой, простаивали в тупиках, s общем растворялись в потоках обычных народно-хозяйственных грузов. Наркомат путей сообщения учета им не вел, военные коменданты тоже не ставились в известность. Фронт кричал тылу: «Дай снаряды! Где патроны, мины?» А тыл вроде бы плечами пожимал. Потрясающая бесхозяйственность! И корень ее в том, что еще Суворов назвал «немогузнайством».

Дня через три мы с Андреевым доложили Сталину причину исчезновения грузов. Он спросил:

— Кто виноват?

Равно виноваты были оба начальника: и Каганович, и Трубецкой, ибо вместе составили этот сумбур в маршрутных перевозках. Сталин спросил:

- Как исправить?

— Необходимо учинить всесоюзную перепись всех вагонов на всех станциях. Со вскрытием вагонов. Брать воинские грузы на учет и немедленно на фронт. Дело, товарищ Сталин, хлопотное, но иного пути нет.

- Делайте! — сказал он.

Мы занялись переписью вагонов. Связывались с управлениями Дорог и их начальниками, с отдельными станциями. Дело пошло, грузы выявлялись и тут же отправлялись на запад. Андрей Андреевич Действовал уже в официальном качестве комиссара Управления военных сообщений.

Г. А. Куманев: Когда и при каких обстоятельствах Вы возглавили управление военных сообщений Генерального штаба Красной Ар-

мии и какие задачи приходилось решать органам ВОСО и Вам лично в этой должности летом и осенью 1941 г., особенно в дни героической обороны Москвы?

И. В. Ковалев: Примерно 8—9 июля мне позвонил секретарь Сталина Поскребышев и сказал:

— Ты сиди в кабинете Трубецкого, тебе сейчас принесут пакет.

Пошел я в кабинет генерала Трубецкого. Его нет, один военный китель висит на стуле. Сижу, приносят пакет на мое имя. Вскрыл. Это одобренное Политбюро ЦК решение Государственного Комитета Обороны о моем назначении начальником Управления военных сообщений. Я позвонил Андрееву и поинтересовался, освобожден ли я от должности заместителя наркома государственного контроля. Поздравив меня с новым назначением, он ответил, что не освобожден. Я спросил, а где генерал Трубецкой. Надо же принять дела. Андреев ответил, что не знает, где Трубецкой, и не время для формальностей.

Трубецкой так и не появился. Потом я узнал, что наркому Кагановичу был объявлен строгий выговор, а генерала Трубецкого судил военный суд.

А ведь оба они хотели сделать доброе дело для фронта. Там была острая нужда в снарядах, минах, патронах. При отступлении потеряли крупные склады боеприпасов. В воздухе господствовала авиация противника, поэтому подвоз боеприпасов, как, впрочем, и всех видов вооружения и снабжения часто срывался. А тут еще и громадные наши расстояния, при которых доставка военных грузов из восточных областей страны в действующую армию занимала неделю, а то и больше.

Вот и решили оба руководителя - Каганович и Трубецкой - максимально ускорить движение военных грузов, в первую очередь боеприпасов, из глубокого тыла на фронт. Прикинули: как сэконо-" мить время? Его буквально пожирает само формирование военноснабженческих поездов. Пока с разных заводов соберут в один поезд вагоны с патронами, минами, снарядами, авиационными бомбами,' взрывчаткой и т. д., проходит несколько суток. А что если использовать ступенчатые маршруты, то есть включать вагоны с военными грузами в состав попутных поездов с грузами невоенными? Способ не новый. Известно, что он в 3—4 раза ускоряет доставку военных грузов. И удешевляет эту доставку. Но при непременном условии - при четкой организации ступенчатых маршрутов. В этом случае товарищи не позаботились об организационной стороне дела, поэтому десятки вагонов с боеприпасами затерялись в обычных товарных поездах, и значительные участки фронта остались без снарядов, мин и патронов.

Вот, что значат не до конца исследованные, всесторонне не испытанные и недодуманные идеи «удешевить и ускорить». Они оборачиваются в военном деле колоссальными потерями, **которые**

трудно учесть, поскольку потери физические тесно переплетаются с потерями нравственными. Этот эпизод июля 1941 г. весьма показателен.

В августе подобный эпизод повторился. И опять его подоплекой стала непрофессиональная оценка ситуации, помноженная на то, что ныне принято называть волевым решением. Инициатором был маршал Г. И. Кулик. Ныне широко известно, какой вред нанес обороноспособности нашей страны этот невежественный человек, когда в 30-е годы возглавил Главное артиллерийское управление (ГАУ). Об этом рассказали в своих воспоминаниях Анастас Иванович Микоян, Георгий Константинович Жуков, Борис Львович Ванников и другие товарищи, сталкивавшиеся с ним в различ'ных делах. Почему же Сталин с его умением мгновенно разглядеть и оценить даже сложную личность, слушал и даже прислушивался к «мудрым» советам Кулика, для меня осталось непонятным. Только ли потому, что они вместе воевали под Царицыном в Гражданскую войну? Может быть. У Сталина тоже были свои чудачества и капризы.

Когда в июле я принял дела Управления военных сообщений Генштаба и стал получать от Главного артиллерийского управления НКО заявки на вагоны, Кулика в этом учреждении не было. Сталин послал его на Западный фронт возглавить окружаемые фашистами армии. Но он ничего не сделал. Едва окружение стало фактом, Кулик бросил войска и вдвоем с адъютантом пробрался через фронт. Прибыл в Москву и с прежним апломбом как замнаркома обороны стал фактически руководить ГАУ.

На Западном фронте, в августе, образовалась некоторая пауза. Несколько дней подряд и наше управление не беспокоили заявками из ГАУ. В чем дело? Почему им не нужны поезда для перевозки вооружения и боеприпасов? Может, через мою голову связались с Наркоматом путей сообщения? Звоню заместителю наркома Герману Васильевичу Ковалеву:

— К тебе из ГАУ обращались с заявками?

— Обращались, и мы дали вагоны.

— А почему мимо меня?

Герман Васильевич ответил, что нарком Каганович и маршал Кулик договорились об этом между собой, вызвали его и приказали. Я позвонил в ГАУ генералу Николаю Дмитриевичу Яковлеву, с которым у нас был полный контакт. Он сказал, что маршал Кулик вернулся и сам командует заявками.

— Такой, — говорю, — дорогой ценой наладили порядок с военными грузами, пришлось всесоюзную перепись вагонов делать, и все опять насмарку?

Николай Дмитриевич ответил, что сообщит Кулику. И вот примерно час спустя является ко мне командир с петлицами артиллериста, докладывает, что явился по приказанию маршала Кулика. Спрашиваю:

— У Вас поручение маршала?

— Так точно! Товарищ Маршал Советского Союза приказал ждать его телефонный звонок в Вашем кабинете.

— И все?

— Все!

Размышлять о странном поручении не пришлось. Позвонил телефон, начальственный голос спросил:

— Кто?

— Военный инженер 1-го ранга Ковалев.

Кулик, отругав меня непотребными словами, предупредил, чтобы не путался в перевозку артиллерийского вооружения по его заявкам. Выслушав, я сказал, что оскорбил он не только меня, но начальника Управления военных сообщений Генштаба и заместителя наркома госконтроля. И ему придется отвечать за срыв перевозок. И повесил трубку.

Я тут же позвонил Сталину. Сказал, что вмешательство Кулика может опять сорвать военные перевозки. Грузы для фронта пошли не учтенные, мимо военных комендантов станций. Могут легко затеряться, повторится июльская история с переписью вагонов. Сталин потребовал повторить поносные слова Кулика и прибавил:

— Приготовьтесь выступить на совещании в Главном артиллерийском управлении, оно состоится незамедлительно.

Я взял две рабочих карты: одна с графиком движения на сегодняшний день всех 1700 эшелонов с войсками, другая — примерно с 9000 транспортов с вооружением и боеприпасами, тоже на сегодняшний день и на эти часы. Особняк, где размещалось ГАУ, находился рядом со зданием Генерального штаба, и, войдя в зал заседания, я застал там человек 80 военных. В президиуме сидели трое: член Государственного Комитета Обороны Л. П. Берия, первый заместитель Председателя Совнаркома Н. А. Вознесенский и маршал Г. И. Кулик.

Первым выступил Вознесенский. Он резко критиковал наше Управление военных сообщений за то, что мы-де ставим бюрократические препоны в то время, как формируются и срочно отправляются на фронт около 100 дивизий. Принялся было рассказывать, где и какие дивизии формируются. Он был штатский человек и, видимо, не учел, что в пылу полемики в этой очень широкой аудитории обнародовал сведения, за которыми немецкая агентура охотилась. Я попросил слова с места. Сказал, что возражаю против оглашения секретных сведении в этой аудитории. Берия спросил:

— Тебе для дела тут кто-нибудь нужен, кроме нас?

— Никто!

— Уходите все! — сказал он, и зал опустел.

Я попросил пригласить на совещание наркома Кагановича и его заместителей Гусева и моего однофамильца Ковалева. Они в НКПС ведали воинскими перевозками. Берия вызвал их по телефону, а пока'

^дали, выступил маршал Кулик. Обвинил нас в том, что именно мы, управление военных сообщений, запутали воинские перевозки.

Пришли Каганович и его заместители, и я попросил слова. Задача моя осложнялась тем, что лица, уполномоченные Сталиным, пе были специалистами железнодорожниками, и мне надо было объяснить Берии и Вознесенскому всю нашу специфику наглядно и просто. Я вывесил обе свои карты с маршрутами войсковых эшелонов и военно-снабженческих транспортов. Объяснил, что все эти 11 тыс. значков - маршруты поездов; что на картах зафиксированы все грузы, полученные железной дорогой; что указаны также опоздания в графиках движения или опережения графиков. Что же касается перевозок, которые маршал Кулик, игнорируя органы военных сообщений, передал непосредственно наркому Кагановичу, то они, естественно, на этих картах не отмечены. Поэтому о них может доложить только товарищ Каганович.

Лазарь Моисеевич сказал:

— Товарищ Ковалев хочет сказать, что мы не знаем, где эти грузы? Он не прав. Мы знаем, мы знаем. Сейчас о них доложит нам Герман Васильевич Ковалев.

Но тот, человек прямой и честный, глянул на своего наркома, сказал и ему, и всем:

— ЗР (военный шифр моей должности) прав, товарищ нарком. Эти транспорты у нас на учете не значатся.

— Ты путаник! — крикнул Каганович. — Пусть Гусев доложит.

— Называй человека, а не ЗР! — прибавил Берия.

— Товарищ нарком! — сказал Гусев. — Мы повагонного учета не ведем. Иван Владимирович прав, мы не знаем, где находятся эти вагоны.

На этом, собственно, закончилось совещание. Все начальство уехало в ЦК, к Сталину. Вознесенский перед отъездом подошел ко мне и сказал, что рассудил проблему некомпетентно и просит за то извинить.

Приехал Андрей Андреевич Андреев, и мы вчетвером — он, Гусев, Герман Ковалев и я — разработали план отыскания пропавших транспортов для быстрейшей доставки на фронт.

Вскоре маршал Кулик был снят с поста заместителя наркома обороны и разжалован в генералы.

Не думаю, что эта крутая сталинская мера имела причиной эпизод с потерянными вагонами. Он стал лишь добавкой и последней каплей к предыдущему эпизоду, в котором Кулик, посланный возглавить и организовать разбитые войска, фактически бросил их на произвол судьбы. А в целом отстранение Кулика - лишь штрих в общей картине обновления высшего командного состава Красной Армии летом 1941 г. Мера вынужденная. Первые же бои показали, что в столкновении с сильным, высоко организованным и по-современному мыслящим врагом некоторые высокие начальники теря

лись. Авторитет, заработанный в прошлую, Гражданскую войну, не спасал. Война моторов оказалась им не по плечу.

Конечно, такие замены и обновления в командном составе желательны в основном до военных испытаний, а не в результате их. Но это уже зависит от самой кадровой системы, от того, насколько рационально она взвешивает и оценивает командира, и продвигает его по служебной лестнице. То есть когда в ней господствует не принцип «приятен-неприятен», а принцип «нужен для дела» или «не нужен».

Начальник ГАУ, бывший заместитель Кулика генерал Николай Дмитриевич Яковлев, был превосходным знатоком артиллерийского дела во всех его разнообразных видах. В 1944 г. он стал маршалом артиллерии. На протяжении всей войны мы с ним работали четко и дружно. Шли навстречу друг другу. Бывало, звонит, объяснит, что войска, наступая, оставили боеприпасы на месте из-за бездорожья. Дай внеплановые транспортные поезда с боеприпасами. Они железной дорогой догонят войска. И наше управление, все его сотрудники, старались выполнить просьбу ГАУ, из-под земли добывали эти боеприпасы. Разговор честный, дело общее - какие могут быть препоны?

Теперь по второй части Вашего вопроса: чем занималось, какие проблемы преодолевало и решало Управление военных сообщений Генштаба летом и осенью 1941 г., в том числе во время обороны нашей столицы?

Вся работа и все заботы Управления военных сообщений в Москве, его органов в действующей армии и на дорогах страны в этот период 1941 г. определялась не только чисто боевой обстановкой, необходимостью быстро и по точному адресу доставлять войска, но и факторами, которые мы до войны совершенно не учитывали. С первых ее дней на железных дорогах, перегружая и забивая их, столкнулись два мощных транспортных потока. С востока на запад двигался поток эшелонов с войсками и поездов с военно-снабженческими грузами. А навстречу ему с запада на восток двинулся, все нарастая, поток эвакуационных поездов с оборудованием фабрик и заводов, с рабочими, служащими, с их семьями. Почти 2600 предприятий, в основном крупных, до 18 млн. человек (население целого государства!) — были вывезены железнодорожниками в то время из угрожаемых районов в глубокий тыл страны. Переместить заводы и фабрики в те города и на те строительные площадки, которые намечены для их монтажа, — это тоже стало нашей задачей. Каждому эвакуационному поезду мы присваивали номер и по воинскому графику, под контролем военных комендантов на станциях, отправляли по назначению.

Среди крупнейших предприятий около 670 заводов привезли и разместили на Урале, более 320 — в Сибири, более 300 — в Средней Азии и Казахстане, около 230 — в Поволжье. И в том, что эти тысячи

эшелонов с оборудованием и миллионами квалифицированных рабочих не блуждали по железным дорогам, не «размещались» где-то в пустынных районах, а быстро находили назначенный адрес, сыграл свою роль жесткий контроль органов военных сообщений.

Другая крупная проблема возникла в тылах отходивших под натиском противника советских армий. Частые прорывы фашистских танков, потеря стационарных военных складов и баз сеяли среди интендантов неуверенность. Они предпочитали поэтому прибывающие на фронт боеприпасы, продовольствие, вооружение и снаряжение держать в вагонах. Создавали импровизированные подвижные склады, которые при угрожающей обстановке легче было вывезти в тыл. В результате в ближних тылах фронта скопилось около трети всех груженых вагонов. И напротив того, железные дороги глубокого тыла - Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Кавказа — остались без необходимого числа вагонов, в июле их нехватка перевалила там за 56 тыс. А это значит, что многие необходимые фронту грузы лежали на станциях без движения.

Мы сделали представление в Государственный Комитет Обороны. На конкретных фактах проанализировали причины эшелонных пробок на прифронтовых железных дорогах и нехватки вагонного парка в дальнем тылу. ГКО принял постановление, в котором работникам военных сообщений предоставлялось право принудительной выгрузки воинских грузов. Эта мера сразу уменьшила простои вагонов и увеличила их оборот.

Еще одна беспокоившая нас проблема была связана с большими потерями в специальных железнодорожных войсках. И особый железнодорожный корпус и большинство отдельных бригад к началу войны оказались на работах в приграничных районах. Глубокие прорывы танков противника вынудили эти части, вооруженные легким стрелковым оружием, вступать в неравные сражения.

Под Фастовом, в окружении,, прикрывая отход стрелковых частей, геройски бились бойцы и командиры 4-й, 5-й и 27-й железнодорожных бригад. Под Ворошиловградом 28-я бригада полковника Н. В. Борисова, не имевшая ни пулеметов, ни даже гранат, использовала вместо гранат в бою толовые шашки с укороченным шнуром. Отчаянно дрались с врагом 6-я бригада полковника Д. А. Терюхова, 9-я майора В. Е. Матишева, 29-я полковника Н. В. Веревкина.

Стойкость бойцов-железнодорожников этих и других бригад, в последний миг, под огнем фашистов подрывавших водокачки, депо, мосты и прочие сооружения, вызывала гордость и восхищение. Однако профессиональный военный обязан оценивать и свои потери и потери противника без эмоций, трезво.

Бывало, что старший войсковой начальник бросал в бой железнодорожные войска вместо пехоты. Бывало, что оставлял их в качестве прикрытия с наказом «ни шагу назад». И наши батальоны, а иногда и целые бригады, не обученные пехотному бою, вооруженные

* Г. Куманев

винтовками, встречали атаки противника, поддержанного артиллерией, авиацией, танками. Красиво подобный бой выглядит разве что в кинофильме-бодрячке. В натуре же винтовка - даже в умелых руках — не противник танку.

Конечно, война зачастую не оставляет нам выбора: кто у начальника под рукой, тот и посылается в бой. Однако если этот начальник хороший хозяин, или, как говорят солдаты, «наш батя», он даже в трудный ситуации думает о завтрашнем дне. Завтра его войска оста-. новят противника, а послезавтра погонят обратно на запад. И уже противник примется подрывать пути, мосты, депо и водокачки. Кто их восстановит, кто сможет быстро вдохнуть жизнь в искореженный металл и бетон, который назывался железной дорогой? Только он, высокой квалификации солдат и командир-железнодорожник, мастер по восстановлению путей, мостов, связи, водоснабжения. Но эти мастера погибли в бою, а чтобы выучить новых, нужны годы. А дело не ждет.

Так примерно рассуждали мы в Управлении военных сообщений, с руководителями отделов и ведущими специалистами П. А. Квашниным, 3. И. Кондратьевым, А. В. Скляровым, П. А. Бакулиным и другими товарищами. Но сделать что-то практическое для решения вопроса пока было трудно. Военные железнодорожники отступали вместе со всеми, целые армии попадали в окружение, противник овладел Минском, Киевом, блокировал Ленинград, подступал к Москве. В этих больших потерях — и людских, и территориальных, и материальных, и нравственных — наши нужды не казались начальству первоочередными. Но мы-то знали, что этот черед может прийти слишком поздно. Красная Армия остановит и опрокинет фашистов, пойдем вперед, — но кто будет восстанавливать мосты и дороги?

Не скажу, что эта проблема никого в высшем военном руководстве не трогала. Трогала, и многие там понимали! Однако тревоги дня, угроза потерять Москву отодвинула, завтрашние перспективы. Мало того, кто-то предложил вообще расформировать железнодорожные войска, и за их счет пополнить формируемую неподалеку от Москвы 1-ю ударную армию. Создали комиссию во главе с начальником Главного Политуправления РККА Л. 3. Мехлисом, поручили подготовить решение Государственного Комитета Обороны. Включили в комиссию и меня. Участвовать в ее подготовительной работе я не мог — и днем, и ночью все наше управление было занято решением главной задачи: продвигали к Москве сотни воинских эшелонов с востока. Это был ноябрь, уже сосредотачивались резервы для контрударов и наступления. Но вот звонок от Мехлиса, я обязан. быть на комиссии. Решается судьба железнодорожных войск.

Поехал... В кабинете Мехлиса много народу. Начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников, заместитель наркома путей сообщения И. Д. Гоциридзе, начальники центральных управлений Нарко-. мата обороны и Генштаба.

Мехлис как раз докладывал Сталину по телефону. Перечислял поименно тех, кто за расформирование железнодорожных бригад. Я подошел к нему вплотную, слышу в трубке голос Сталина:

— Не перечисляй всех. Скажи, кто против.

Мехлис спросил меня:

— Вы, конечно, тоже «за»?

Я был измотан бессонницей и неурядицами, этот удар с расформированием железнодорожных войск просто выбил из меня остатки дипломатии.

Я ответил громко (может, Сталин услышит?):

— Это Ваше решение пораженческое.

Лев Захарович нахмурился, пересказал мой ответ слово в слово Сталину и передал мне трубку. Сталин спросил резко:

— Почему считаете решение пораженческим? Речь об ударной армии, о защите Москвы.

Я взял себя в руки и, стараясь быть кратким, пояснил: если расформируем железнодорожные войска, то все наши армии, которые есть под Москвой и которые выдвигаются к ней с востока, окажутся неспособными наступать. Кто восстановит разрушенные дороги и мосты, чтобы снабжать и подкреплять наши наступающие войска? Объяснил Верховному, сколько времени и сил займет подготовка квалифицированных мастеров-железнодорожников, и он сразу схватил суть дела.

Он приказал передать трубку Мехлису, сказал ему запретительное слово, я понял, что этот бой мы выиграли. Потом Сталин опять говорил со мной уже спокойным тоном. Спросил, как и какой мерой удержать командармов от использования железнодорожников в качестве пехоты. Отвечаю, что надо бы передать бригады в оперативное подчинение Наркомата путей сообщения и официально запретить командующим использовать железнодорожные войска не по назначению.

Сталин поручил мне подготовить решение ГКО по этому вопросу, и скоро оно вошло в силу. Забегая несколько вперед, скажу Вам, Георгий Александрович, что, когда началось наше наступление, каждому из 20 тыс. воинов-железнодорожников нашлось дело по его специальности. В ходе войны численность железнодорожных войск возросла до 250—300 тыс. человек. Да прибавьте временных рабочих из местного населения, число которых доходило до 650 тыс. Вот сколько потребовалось людей, чтобы обеспечить восстановление 117 тыс. км железных дорог и 16,5 тыс. мостов на долгой дороге от Москвы 41-го до Берлина 45-го...

В десятых числах октября 1941 г. критическая ситуация возникла на северном фасе оборонительного сражения за Москву. Немецкие моторизованные корпуса прорвали фронт и начали охватывать город с северо-запада, нацеливая острие удара на Калинин с перехватом железной и шоссейной дорог Москва—Ленинград. Преуспей в этом

противник, и наши войска северо-западного направления оказались бы отрезанными от центра. Снабжение Калининского, Северо-Западного, Ленинградского фронтов, и без того затрудненное, могло' вообще прекратиться.

10 октября в два часа ночи позвонили из секретариата Сталина. Поскребышев сказал:

- Позвоните товарищу Сталину.

Я позвонил. Сталин спросил:

- Как идет погрузка танковых бригад?

- Каких бригад, товарищ .Сталин? Сегодня заданий на погрузку танков я не получал.

Тут Сталин устроил мне форменную головомойку. Какой де я начальник военных сообщений, если не знаю, что на этих сообщениях делается. Он еще днем приказал наркому Кагановичу перевезти из города Горький в Калинин две танковые бригады. И закончил разговор сурово:

- Немедленно поезжайте в НКПС. Выяснить и доложить. ;

Не сходя с места, звоню в Горький, тамошнему начальнику[1] передвижения войск. Отвечают: «Уехал с начальником дороги грузить танки». Звоню на станцию погрузки военному коменданту. Отвечают: «Комендант ушел к начальнику дороги, в его служебный вагон». Где танки, поданы ли вагоны под погрузку, никто не знает.

А время бежит, Сталин ждет доклада. Вместе с моим заместителем генералом Скляровым едем в Наркомат путей сообщения. Перед кабинетом наркома загородил дверь охранник: «Пускать не. велено. Лазарь Моисеевич отдыхает».

Но я все-таки разбудил Кагановича. Произошла бурная сцена. Эксцентричный Каганович накричал в наш со Скляровым адрес таких обвинений, что хоть к стенке ставь. А суть обвинений была в том, что мы, Управление военных сообщений, всячески тормозим работу железных дорог в ответственный момент. На конкретный вопрос, где танковые бригады и погружены ли, он ответил, что грузит танки сам начальник дороги и чтобы мы не мешали. Договориться не смогли, пришлось идти к Сталину. Он сказал Кагановичу:.

- Не понимаешь обстановки. Эти бригады для нас сейчас самое' главное. Немец открыл прямой ход на Калинин и дальше на Москву. Поспеют наши танки — остановят... Предупреждаю тебя, товарищ Каганович: не справляешься с делом!

Мы вернулись в наркомат. Каганович по железнодорожной связи! вызвал начальника НКВД Горьковского узла. Приказал проверить. Тот проверил. Составы под погрузку танков до сих пор не поданы.» Вагон начальника дороги стоит на станции погрузки в тупике, там! ужинает теплая компания, на столе водка и блины.

•,

Каганович рассердился. Начальник дороги был разжалован в! рядовые списчики вагонов. Понесли суровые наказания и военные, j участвовавшие в пьянке. Танки были погружены и немедленно от-!

правлены под Калинин. На всем пути мы ввели одностороннее **движение,** на станциях ждали паровозы под парами.

Утром я доложил, что танки прибыли в Калинин, выгружены и уже вступили в бой. Сталин спросил:

— Откуда эти сведения?

— От военного коменданта станции Калинин.

— А нельзя ли Вам быстренько туда съездить и проверить?

— Есть, съездить! — ответил я.

Съездил, проверил. Оказалось, что связь с этим участком была настолько скверной, что ни Генеральный штаб, ни Верховный Главнокомандующий не могли добиться достоверных сведений о быстро меняющейся боевой обстановке.

14 октября немецко-фашистские войска захватили город Калинин и попытались расширить прорыв. Возникла непосредственная угроза Москве. Фронт был совсем близко, поэтому его неустойчивость передалась и тыловым учреждениям, и всему городу. Подтолкнули эту неустойчивость слухи, распространявшиеся мгновенно. Их не было бы, или, по меньшей мере, они не были бы столь действенными, если бы средства информации сообщали населению Москвы правду о положении на фронте. Однако радио и газеты так «вуалировали» факты, что появление танков противника в дачном Подмосковье ударило, как обухом по голове. А вакуум в информации, как это бывает всегда и повсюду, заполнили чудовищные слухи.

Выпал первый снег. На улицах летал черный пепел. Это жгли документы в разных учреждениях. Поезда и даже пригородные электрички, уходившие на восток, была забиты людьми с чемоданами и котомками, вокзалы переполнены, на шоссейных дорогах вереницы автомашин и толпы пешеходов образовали заторы, мешавшие движению войск. Москва уходила от немцев. И как ни называй эту тяжкую картину — стихийной эвакуацией или паникой, — дело, конечно, не в названии. Дело в том, что войска, насмерть дравшиеся за Москву, за каждую деревушку, дом и двор, могли вдруг лишиться устойчивого тыла.

Меня вызвали в Кремль. Сталин поручил доставить иностранные посольства из Москвы на Волгу, в город Куйбышев. Поскольку фашистские бомбардировщики летали над Москвой и ее железными дорогами уже не только ночью, но и днем, он приказал всемерно обеспечить безопасность посольских поездов.

К этому времени в нашей системе был сформирован и прошел хорошую практику корпус подвижных средств противовоздушной обороны (ПВО). Обычную боевую единицу составлял взвод из пулеметчиков и расчета зенитного орудия. Они размещались на платформе, прицепляемой к войсковому эшелону или санитарному поезду, или военно-снабженческому, для сопровождения на фронт и с фронта. Командовал сержант-мужчина, остальные — девушки. В подавляющем большинстве девчата ответственно и смело исполняли свои

обязанности и скоро отучили фашистских летчиков от охоты з$_а$ поездами.

В таком сопровождении отправил я в Куйбышев и посольские поезда, и все они прибыли на место благополучно. Тут же, в этот **или** следующий день, Сталин дал новое задание: вывезти из Москвы архивы. Сказал:

- На Вашу ответственность.
- Первыми вывезем архивы партийные и Наркомата внутренних дел? - спросил я.
- Нет! - сказал он. - в первую очередь архивы Наркомата обороны. Завтра доложите исполнение.

Я посмотрел на часы. Был девятый час вечера. Вернулся в управление, на Арбат, на улицу Фрунзе. С первого этажа и до нашего, до четвертого, на лестницах и в коридорах стояла очередь представителей из наркоматов и прочих учреждений. Ждали пропуска на погрузку людей и имущества. Прямо в кабинете меня ждал товарищ из НКВД. Объясняю ему, что первыми отправим на восток архивы Наркомата обороны. Он начал было шуметь, но я предупредил, что это указание с самого верха, он понял и ушел в очередь.

Я вызвал помощников, и мы до пяти утра выдавали людям пропуска на погрузку архивов. В эту же ночь на Курском вокзале формировались поезда. Закончив дела в учреждении, мы поехали на Курский вокзал. Толпы людей и сотни машин заполонили площадь. Все рвутся на погрузку, среди особо активных почему-то преобладают директора магазинов и продуктовых баз. Мы еле пробились сквозь толпу внутрь вокзала. Первым долгом надо было утихомирить людей, наэлектризованных паническими слухами. Мы с адъютантом Николаем Туровниковым сутки назад испытали на себе, что такое слухи. Возле пригорода, в Химках, на мосту, нашу машину обстреляли. Потом старший патруля объяснил, что ему приказано обстреливать всех, кто подъезжает к мосту, потому что, по слухам, немецкие мотоциклисты уже вскакивали в Химки, на московскую окраину. Поэтому, приехав на Курский вокзал, я объявил из радиорубки на всю площадь, что слух о том, что немцы ворвались в Москву с Можайского шоссе, вздорный, что прошу товарищей соблюдать порядок и что его несоблюдение будем карать по закону военного времени. Это привело толпу в чувство, и погрузка дальше пошла без суматохи и толкотни и только по нашим пропускам.

В девять утра поехали в Наркомат обороны. На улице уже снежно, морозец, а мы в фуражках. Едем по улице, видим витрину магазина с зимними шапками, и двери настежь. Дал я деньги Коле Туровникову, чтобы купил нам, четверым, меховые шапки. Он скоро вернулся с шапками и с деньгами. Платить, говорит, некому, в магазине ни души. Пришлось вернуть шапки на место, найти милиционера, он сообщил, куда надо, про этот брошенный магазин. В

дальнейшем пути на Арбат видели еще несколько брошенных магазинов с распахнутыми дверьми.

В Наркомате обороны все были на своих местах, кроме хозяйственников. Зашли в столовую. Пусто. Мы со вчерашнего дня ни ели, ни пили, а тут и чаю горячего нет. И начальники продснабже- ния, и подчиненные - все исчезли.

По телефону я сообщил Сталину, что поезда с архивами отправлены на Восток и, по докладам военных комендантов, уже прошли Рязань. Доложил о бегстве торговых работников и снабженцев, о том, что видел на улицах и в нашем наркомате. Сталин сказал:

— Хорошо, что обратили наше внимание. Мы наведем порядок.

И действительно, несколько часов спустя милиция и военные патрули навели в Москве и на ближних дорогах жесткий порядок, применяя к паникерам самые крутые меры. Что касается нашей столовой, то и в ней появились повара, хозяйственники, официантки. Кто их разыскал и вернул, не знаю, но с ними появились еда и питье и даже наркомовские порции вина. Полковник, ведавший в Наркомате обороны снабжением, был изловлен в груженной машине под Москвой, отправлен в военный трибунал, а из трибунала в штрафную роту. И еще легко отделался.

После напряженных дней 15-17 октября деловая жизнь Москвы вошла в нормальную колею. Досаждали непрерывные авиационные налеты. Фронт остановился в 60-70 километрах от Москвы. Перелетев линию фронта, фашистские бомбардировщики спустя 15—20 минут уже появлялись над центром Москвы, поэтому бороться с ними было трудно. Для того чтобы воздушные налеты не прерывали оперативного управления войсками, транспортом, да и всей деятельностью, питающей боевую жизнь фронта, управленческие аппараты перешли в бомбоубежища. Одно из главных было создано в станции метро «Кировская». Там, в глубоком подземелье, разместились оперативные звенья основных правительственных, партийных и военных учреждений, снабженные устойчивой и многоканальной связью. Мне там тоже выгородили фанерный кабинетик.

Эта станция метро памятна мне приездом американца Гарри Гопкинса. Еще днем мне позвонили из секретариата Сталина. Поскребышев сказал, что прилетел в Москву представитель Президента США Ф. Рузвельта Г. Гопкинс, что будут обсуждаться поставки стратегических материалов из Америки через Владивосток и Транссибирскую магистраль и меня пригласили присутствовать на этой части переговоров. К назначенному часу я был в ЦК партии на Новой площади. Сталин беседовал с Гопкинсом. Тот спрашивал, чем нам помочь в первую очередь: самолетами? танками? артиллерией?.. Сталин поблагодарил и сказал так:

— Во-первых, нам хотелось бы получить цветные металлы для брони, а во-вторых, высокооктановый бензин для авиации.

Гопкинс был удивлен, что фашисты под Москвой, а . Сталин

занят не только вопросом, как удержать Москву, но говорит о делах в их перспективе.

Фашисты, видимо, узнали о приезде Гопкинса и решили продемонстрировать Америке наглядно, как они молотят Москву с воздуха. Налет в этот вечер был особенно сильным и продолжительным. Налет уже начался, когда Сталин в своей машине повез Гопкинса из здания ЦК к станции метро «Кировская».

Я в своей машине ехал за ними. Въехали во двор краснокирпичного дома, из которого был устроен подземный ход на станцию метро. Во дворе Сталина ждали охранники во главе с наркомом внутренних дел Берией. Он взял Сталина за руку, чтобы вести вниз и сказал что- то насчет опасности. На что Сталин ответил резко и грубо, как, впрочем, говорил всегда, когда бывал в раздражении: «Уходи прочь, трус!» Это выражение я слышал из его уст не раз. Оно в соединении с тоном и манерой разговора производило на окружающих сильное впечатление. Некоторые ему подражали. Тот же Берия.

Сталин встал посреди ночного двора и смотрел в черное небо, на немецкий самолет в кресте прожекторов. И Гопкинс стоял рядом и смотрел. И случилось то, что не так уж часто случалось в ночных налетах. Немецкий «юнкере» стал падать беспорядочно — значит, сбили. И тут же вскоре зенитная артиллерия сбила второй самолет. Сталин сказал, и переводчик пересказал Гопкинсу:

— Так будет с каждым, кто придет к нам с мечом. А кто с добром, того мы принимаем, как дорогого гостя.

Взял американца под руку и повел вниз. Я тоже пошел вниз, в свою фанерную будку и занялся неотложными делами перевозки войск. Готовились контрудары, контрнаступление, и нам предстояло доставить на фронт свыше 300 тыс. солдат и офицеров.

Гопкинс уехал в Америку, и скоро в Архангельский, а затем и во Владивостокский порты стали приходить суда с грузами цветных металлов и высокооктановым бензином. Для их транспортировки требовалось ежедневно подавать под погрузку 450 насыпных полувагонов и наливных цистерн. Но ведь путь Москва—Владивосток даже для курьерского поезда занимал десять суток. Поэтому ежедневная погрузка 450 полувагонов и цистерн требовала, чтобы на всем рейсе i (туда и обратно) постоянно находилось до 10000 вагонов порожняка и столько же груженных вагонов.

Ответственность за эти стратегические поставки Верховный возложил на органы военных сообщений. Утром, начиная рабочий день, я первым делом спрашивал, сколько вагонов на рейсе. Если меньше 20000, наказывал виновных вплоть до штрафной роты. Иначе было нельзя — любой срыв крепко ударял и по нашей фронтовой авиации, и по танковой промышленности. А промышленность эта в те дни спешной эвакуации, спеЩного монтажа заводов на Востоке, истощения и потери запасов стратегического сырья была чрезвычайно чув- ствительна к срывам поставок.

Но вернусь к началу ноября 1941 г., когда наступление противника было остановлено на дальних и ближних подступах к Москве. В ожесточенных сражениях возникла двухнедельная пауза. Обе стороны спешно перегруппировывали силы и подтягивали резервы, готовясь с одной стороны, с немецкой, — к продолжению наступления на Москву, а с другой, с советской, — к контрнаступлению.

Приблизился наш большой праздник — 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Все поневоле интересовались — состоится ли обычный военный парад на Красной площади в Москве? Состоится ли торжественное заседание? Многие в этом сомневались: ведь враг у порога столицы. Но, как известно, и то и другое состоялось, и оба события произвели колоссальный положительный эффект и на нашу страну, и на фронтовую армию. Мне в них участвовать не привелось. Тем не менее и я стал свидетелем военного парада 7 ноября 1941 г.

5 ноября меня вызвал Сталин. Приказал выехать в Куйбышев. Уже несколько месяцев Куйбышевская железная дорога стала притчей во языцех. Два грузопотока — с востока на запад и обратно — сталкивались, забивая пути. Пропускная способность падала. К тому же вдоль дороги расположилось множество складов с нефтепродуктами, куда ежедневно поступало горючее й масла и откуда они, тоже ежедневно, отправлялись на фронт. Эти поезда еще более загромождали, а подчас и закупоривали дорогу.

Сталин дал задание расчистить пробку и лично проследить за пропуском через Куйбышевский узел эшелонов с сибирскими и дальневосточными дивизиями. Сказал также, что, поскольку Советское правительство находится сейчас в Куйбышеве, там по случаю годовщины Великого Октября будет устроен военный парад. Мне надлежит обеспечить доставку в Куйбышев двух стрелковых дивизий, тяжелой артиллерии и танков.

Я выехал в Куйбышев и занимался напряженной работой: разгрузкой железнодорожного узла. Удалось это сделать, но стало ясно, что принятые для разгрузки чрезвычайные меры лишь временно и ненадолго решили проблему. Куйбышевский узел просто слабо развит в техническом смысле. Надо удлинять старые и строить новые пути, платформы, краны, водокачки, связь и прочее. Иначе заторы на дороге будут постоянными. Решил по прибытию, в Москву доложить об этом руководству.

В ночь на 7 ноября неподалеку от Куйбышева были выгружены две стрелковые дивизии и тяжелая военная техника. А несколько часов спустя эти соединения, отлично вооруженные и снаряженные, парадным строем прошли по центральной площади Куйбышева, перед трибуной с членами Советского правительства и дипломатическим корпусом. Тесным строем прошли десятки новых танков Т-34, за ними на тракторах - тяжелые пушки и гаубицы. Пролетели над площадью боевые самолеты. Даже на меня, который знал, сколь

ко новых войск сосредотачивается под Москвой, парад произвел сильное впечатление. Что уж говорить про жителей города! Воодушевляющая картина: есть у нас кому и есть чем побить немца! Да и послам, и посланникам, полагаю, это мощное движение пехотных, танковых и артиллерийских колонн дало пищу для иных, чем прежде, размышлений. Ведь они, союзники наши, тоже, как и наши противники по войне, считали дни, оставшиеся до падения Москвы.

Сразу после парада войска были погружены в эшелоны и отправлены в Москву для дальнейшего следования на фронт.

В середине ноября фашистская группа армий «Центр» возобновила операцию «Тайфун», т. е. генеральное наступление на Москву. И опять, как в октябре, наиболее опасным для нашей обороны стало вклинение немецких танковых и моторизованных дивизий северо- западней Москвы. Противник захватил город Клин на дороге Москва - Ленинград и продолжал распространяться вдоль этой дороги на юго-восток, а также на восток, к Савеловской дороге, к каналу Москва — Волга. Прорыв его подвижных соединений за канал выводил их на оперативный простор и грозил отрезать Москву от главной питательной артерии ее обороны — от восточных дорог.

Конец ноября — начало декабря в памяти моей не разделяются на дни и ночи. Все слито в едином бешенном ритме боевой работы, в режущем бессонном свете ламп, в мелькании лиц, в мерном пиканье телефонных зуммеров, в стремительных выездах на фронт, где снега, мороз, где на полнеба мертвенные зарницы орудийных залпов, где прямо в ночном поле выгружаются приведенные тобой эшелоны и сыпят искрами трубы паровозов.

В ночь на 26 ноября нам удалось быстро подать два с лишним десятка эшелонов к Серпухову, погрузить 7-ю гвардейскую стрелковую дивизию и под огнем противника, который в некоторых местах обстреливал дорогу Серпухов-Москва не только артиллерийским, но и пулеметным огнем, перевезти гвардейцев в Москву и далее на север, на Клин, где они с хода вступили в бой.

Несколько дней спустя на том же клинском направлении, но ближе к Савеловской железной дороге возник очередной критический момент. Немцы захватили станцию Яхрома, подошли к городу Дмитрову, их передовые батальоны перешли по льду канал Москва- Волга и закрепились на плацдарме.

Меня вызвал Верховный Главнокомандующий. Приказал обеспечить незамедлительную переброску к месту прорыва авангарда 1-й ударной армии, главные силы которой уже сосредотачивались северней Москвы. Командовал армией очень боевой товарищ, заслуженный воин генерал-лейтенант Василий Иванович Кузнецов. И когда мы организовали переброску одной стрелковой дивизии под Яхрому- Дмитров комбинированным маршем — сперва железной дорогой, затем автомашинами, Кузнецов лично с небольшой оперативной группой возглавил контрудар. Дивизия атаковала с хода, выбила

фашистов с плацдарма и восстановила фронт. Я доложил об этом **Сталину,** и опять он потребовал, чтобы я убедился в этом лично.

Поехал. В маленькой деревушке разыскал генерала Кузнецова. Доклад военного коменданта подтвердился. Я спросил Кузнецова, **почему** он не доложил сам по начальству. Ни штаб фронта, ни Ставка ничего не знают о том, что его дивизия выбила немцев за канал. С добродушием опытного вояки он ответил:

- Откуда им знать, если не подали мне связи? Как доложить? Деревенским телефоном от тети Глаши к тете Наташе?

Вообще Василий Иванович, как я его потом узнал, был большой умница и талантливый военный человек.

Ну а что касается привычки Сталина перепроверять важные сведения с фронта, то привычка родилась, как говорят, не от хорошей жизни. Помимо плохой связи — в основном телефонной, причину надо искать и в неточных докладах, которые Ставка получала с мест. Особенно часто такие сведения поступали в первые месяцы войны...

Железнодорожники вместе с органами военных сообщений Красной Армии в решающий период обороны нашей столицы достойно справились с огромным объемом воинских перевозок. В то время как начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Ф. Гальдер поспешил отметить 2 декабря 1941 г. в своем дневнике, что «сопротивление противника достигло своей кульминационной точки» и что «в его распоряжении нет больше никаких новых сил», наша Ставка ВГК в основном закончила переброску по железным дорогам стратегических резервов. Это позволило войскам Калининского, Западного фронтов и правого крыла Юго-Западного фронта 5-6 декабря 1941 г. перейти в контрнаступление. Как известно, сопротивление немецко-фашистских захватчиков на полях Подмосковья было сломлено, и они стали отступать, неся значительные потери.

Г. А. Куманев: Однажды во время нашей беседы Вы, Иван Владимирович, упомянули об одном эпизоде, когда в результате вражеской бомбежки были сильно контужены и Вас даже посчитали погибшим. Нельзя ли об этом немного подробнее?

И. В. Ковалев: Это произошло в дни битвы под Москвой, когда советские войска добились первых серьезных успехов. В, январе 1942 г. в разгар контрнаступления Красной Армии мне было поручено обеспечивать продвижение эшелонов 1-й ударной армии. Ставка Верховного Главнокомандования готовила удар Северо-Западного фронта на демянском направлении. Для подкрепления удара туда направили армию генерал-лейтенанта Василия Ивановича Кузнецова. Путь ее с Западного фронта на Северо-Западный пролегал по двум железным дорогам: из Подмосковья на Ленинград до станции Бологое, от Болотова на Псков до Старой Руссы. Обе дороги были фронтовыми в прямом смысле слова. С первой из них немца согнали

недавно, да и то не со всей. Вторая в западной ее части — от Пскова до Старой Руссы - находилась в руках противника. Разрушения были обширные и продолжались каждый день. Немецкие бомбардировщики атаковали и узел этих дорог — Бологое и другие станции, стремясь вывести из строя все восстановленные или восстанавливаемые железнодорожные объекты — пути, стрелки, лини связи, водоснабжение, угольные и дровяные склады, ремонтные мастерские и т. д. Словом, работа этих дорог, несмотря на все старания и самоотверженность железнодорожников, была неустойчивой.

В 20-х числах января меня вызвал Сталин и потребовал всемерно ускорить переброску 1-й ударной армии через Бологое к Старой Руссе. При этом Верховный подчеркнул: обеспечить перевозки надо втайне от противника. Я поехал в Бологое. В пути мы с комиссаром Квашниным прикидывали, как нам быстро, не насторожив авиационную разведку противника, протащить через Бологое на Запад 156 воинских эшелонов.

В Бологое приехали ночью. Собрали железнодорожников, пришел находившийся здесь начальник управления воинских перевозок НКПС генерал Н. С. Кресик. Посовещались, выяснили следующее: дорога на Старую Руссу одноколейная. Если использовать ее для двустороннего движения, то есть так: на запад идут груженые эшелоны, им навстречу уже разгрузившиеся, — это встречное движение* на однопутке займет уйму времени. Если же пустим все 156 эшелонов один за одним, то хватит ли путей под Старой Руссой, чтобы разместить эту массу паровозов и вагонов? Кроме того, линия фронта рядом с районом выгрузки. Возможен вариант, когда противник, узнав о сосредоточении армии, первым нанесет удар и прорвется танками к железной дороге. Вывести из-под удара эти полторы сотни поездов мы вряд ли успеем. Противник овладеет ими или разобьет.

Однако ускорить перевозку армии в район Старой Руссы можно только так. Будем гнать эшелоны на Запад один за одним без перерыва. Обговорив этот вариант и приняв необходимые меры к его выполнению, мы вышли на морозный воздух, чтобы немного размяться. Местные товарищи рассказывали события минувшего лета: как вражеские танки оседлали дорогу и отрезали Ленинград от, Москвы, как трудно теперь управлять из Бологова этой практически тупиковой дорогой.

Светало, взошло солнце, и в его лучах блеснул немецкий само-; лет-разведчик. Покружил над станцией Бологое-товарная и ушел на[1] юго-запад, на Великие Луки. Я не суеверен, но сплюнул через левое] плечо. Хорошо, если немцы подумали, что мы сосредотачиваем' войска к Великим Лукам. Вернулись в здание управления, и тут[1] воздушная тревога. Видим, идет на товарную станцию эскадрилья! «юнкерсов». Был соблазн отъехать на дрезине подальше, да нельзя!; Что люди скажут? Пока совещаться, так ты с нами, а как бомбежка, ты в кусты? Пошли с Павлом Квашниным к бомбоубежищу. Оно

выкопано в земле, над землей только вход этаким погребком торчит. Однако внутрь не войти. Набились — даже из дверцы руки-ноги торчат. Самолеты легли в пике, завыли моторы. Квашнин успел лечь на снег, я не успел. Тут грохнуло, и тьма навалилась. Очнулся на снегу, по другую сторону погребка. Потом узнал, что Квашнин и другие товарищи искали меня. Им невдомек, что взрывная волна перекинула меня далеко за погребок.

Попробовал я, движутся ли руки и ноги. Движутся. Голова болит. Тошнота. Приложил к голове снег, чуть полегчало. Встал кое-как и побрел в управление. Лежал, видимо, долго. Руководители управления уже успели собрать железнодорожников, человек триста. Кто с лопатой, кто с ломом или киркой, они засыпали воронки, укладывали шпалы и рельсы вместо разбитого пути. Восстанавливали станцию. Из управления я пытался связаться со станциями, что от Болотова на юг. Связь была повреждена. Пришлось посылать людей. Они доложили, что воинские эшелоны идут к нам. Пока подошли, путь на Старую Руссу восстановили, мы стали пропускать эшелоны армии Кузнецова, и к вечеру того же дня все 156 эшелонов прошли по назначению.

Недалеко от станции был опорный пункт снабжения Северо- Западного фронта. Заведывал им мой знакомый генерал Федор Зеленцов. У него была прямая связь с Москвой. Было уже темно. Стучу. Зеленцов открыл дверь, увидел меня и перекрестился. Говорю: «Что с тобой, Федя, набрался, что ли?» Он говорит: «Я со слезами выпил. За упокой». - «Чей?» — «А твой же!» И рассказал, как меня искали и даже пуговки от меня не нашли, и он доложил в Москву, что меня разорвало авиационной бомбой.

Ну, посмеялись мы с ним за ужином. Потом я позвонил в Москву. Трубку взял член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б)
А. А. Андреев. Сказал:

— А нам доложили, что Вы убиты.

Я ответил, что был контужен. Он просил подождать, и я услышал голос Сталина:

— Как себя чувствуете? Нам известно, что задание Вы выполнили. Командующий фронтом генерал Курочкин доложил, что армия прибыла. Поздравляю с орденом Ленина. Немедленно выезжайте в Москву.

В последних числах января я уже был в столице.

Г. А. Куманев: Нельзя ли узнать некоторые подробности, связанные с созданием Транспортного комитета при ГКО, какова Ваша оценка этого решения Государственного Комитета Обороны, принятого 14 февраля 1942 г.? Что Вы можете сказать о ситуации, сложившейся на железных дорогах в это время, и о кадровых переменах в высшем руководстве НКПС, которые состоялись в марте того же года, и как Вы взаимодействовали с новым наркомом? И, наконец, каким Вам запомнился Сталин в то тяжелое время?

И. В. Ковалев: Вернувшись с фронта в начале 1942 г. я прежде всего подготовил докладную записку на имя Верховного Главнокомандующего. В ней на двух страницах суммировал основные транс-, портные неурядицы: и те, которые знал по документам и докладам подчиненных, и те, которым сам был свидетелем при поездках на фронт. Особо отметил сбои в снабжении войск, вообще в воинских перевозках, возникавшие на стыках разных транспортных систем — железнодорожной, речной, морской, автомобильной. Как правило, перегрузки с железной дороги на водный транспорт, или на автотранспорт, затягивали доставку войск и грузов по всяким причинам, главными среди которых были нерадивость и нерасторопность, усугубляемые неразберихой межведомственной. Причем один фактор особенно нарушал бесперебойность в военно-хозяйственных и других' перевозках: не было единого органа управления всем транспортом воюющей страны. И если во время военных действий в районе р. Халхин-Гол и в Финляндии в 1939—1940 гг. этот дефект только давал о себе знать, то сейчас он взял страну и армию буквально за горло.

В конце записки Сталину я так и написал: «Нужно создать всевластный Транспортный комитет». Напомнил, что в Гражданскую войну по указанию Ленина весь транспорт страны был подчинен одному ведомству — Наркомату путей сообщения. Конечно, Сталин, которого Ленин посылал на самые напряженные участки той войны, * знал о тогдашних транспортных проблемах много больше, чем я. Однако и напомнить не грех. А кроме того, бывая у Сталина и на широких, и на узких совещаниях и докладах, я приметил такую его привычку. Предлагает ему кто-нибудь нечто дельное, но не рядовое, он подойдет к полке с книгами Ленина, подумает, вынет томик. Иногда скажет: «А вот мы посмотрим, что говорит по этому вопросу Владимир Ильич». Иногда прочтет вслух, иногда перескажет. Поэтому я знал, что упоминание о ленинских указаниях не пройдет мимо Верховного Главнокомандующего.

14 февраля 1942 г. в Центральном Комитете партии, в кабинете t Сталина, состоялось объединенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны. Кроме членов Политбюро и ГКО присутствовали приглашенные наркомы и ряд других руководящих работников.

Заседание открыл Сталин. Сказал, что сегодня голосование будет проходить на демократической основе. Голосовать имеют право не только члены Политбюро ЦК и Государственного Комитета Оборо- ны, но и все приглашенные. Потом все это будет оформлено как постановление ГОКО. (В сокращенном виде Сталин всегда так называл Государственный Комитет Обороны).

— У нас имеется одно предложение, - продолжал он. — Управление военных сообщений Генштаба представило докладную записку.

Он коротко пересказал содержание записки. Я очень волновался.

Впервые мое деловое предложение обсуждалось на высшем уровне. Я следил за Сталиным, но пока что он ничем — ни выражением лица, ни словами, ни тоном - не выразил своего отношения к проблеме. Просто пересказал то, что в записке и как бы от имени авторов записки: о разобщенности транспортной системы, о необходимости создать Транспортный комитет при Государственном Комитете Обороны для координации этой системы.

— Кто за это предложение? — спросил он. — Поднимите руки!

Я поднял руку и оказался в полном одиночестве. Больше никто не проголосовал «за», и у меня было впечатление, что меня жестоко высекли: мол, каждый сверчок знай свой шесток.

Сталин оглядел всех сидящих и сказал:

- Конечно, товарищи чиновники, вы правильно поступили, что не поддержали еще одно надстроечное звено управления...

Он прошелся по кабинету, отвернулся, раскуривая трубку. «Вот и все! - подумал я. — Вот и конец твоему предложению. Сейчас он скажет: снимаем вопрос с повестки дня...»

Раскурив трубку. Сталин обернулся к столу, к нам, и сказал:

— Речь идет, товарищи, не о лишнем управленческом звене. Речь о слабом звене, каким оказался сегодня наш транспорт. Он неуправляем. Его неуправляемость грозит нам поражением в войне и может привести к потере Советской власти. Вот о чем наш сегодняшний разговор. Есть предложение проголосовать повторно. Кто за?

Голосование было единогласным. Объединенное заседание высказалось за создание Транспортного комитета при Государственном Комитет Обороны. Сталин сказал:

- В записке есть предложение «создать всевластный комитет». Как это понимать? А так, что орган этот должен иметь не только исполнительное содержание, но и законодательное. Есть предложение избрать председателем комитета товарища Сталина. Прошу голосовать!

Все проголосовали «за». Потом, рассмотрели предложение Сталина об избрании заместителем председателя Транспортного комитета секретаря ЦК и члена Политбюро ЦК А. А. Андреева, а членами - члена Политбюро ЦК, заместителя Председателя СНК СССР и наркома внешней торговли А. И. Микояна, члена Политбюро ЦК, наркома путей сообщения Л. М. Кагановича* , начальника УПВОСО И. В. Ковалева, заместителя наркома путей сообщения Г. В. Ковалева, начальника Оргуправления НКО А. Г. Карпоносова, начальника Тыла Красной Армии А. В. Хрулева, наркома речного флота 3. А. Шашкова и наркома морского транспорта П. П. Ширшова.

*** 25 марта 1942 г. постановлением ГКО Л. М. Каганович, освобожденный с должности наркома путей сообщения, поскольку «не сумел справиться с работой в условиях военной обстановки», был назначен заместителем председателя Транспортного комитета при ГКО. — *Прим. авт.***

Утвердили и это, и Сталин сказал:

— Чтобы некоторые не подумали, что комитет будет заседать по планам и графикам, предлагаю выделить в нем оперативную тройку: Андреева, Микояна, Ковалева (УПВОСО). Тройка будет собираться днем или ночью, и только по необходимости. Вам предоставлено право вызывать любое должностное лицо, любого наркома. Вам также предоставлено право принимать решения по транспортным проблемам. В случае разногласий незамедлительно ко мне.

Функции штаба Транспортного комитета Сталин возложил на нас, на Управление военных сообщений. Работать нам стало и трудней и легче. Трудней потому, что председатель комитета не признавал никаких неясностей, никаких послаблений. Легче потому, что теперь любой вопрос решался быстро и всесторонне. Примерно так, как на описанном выше объединенном заседании Политбюро и ГКО.

К месту сказать бы, что Транспортный комитет был создан вовремя, однако не скажу. Создавать его надо было раньше, еще до войны. Ведь сигналы неблагополучия были еще в конце 30-х годов: события в районе р. Халхин-Гол, советско-финская война. А если заглянуть поглубже, то окажется, что Россия времен Первой мировой войны оказалась в кризисе в значительной мере из-за скверного управления транспортом. Запасы хлеба, угля, сырья для промышленности в стране были, а города голодали и замерзали из-за неустройства железных дорог. Так что уроки история преподавала не раз, а вот сделать своевременные выводы мы не удосужились.

Оперативная тройка Транспортного комитета собиралась часто. Критическое состояние многих ведущих дорог исправлялось с трудом. Свои потребности в металле, лесе, в других материалах транспорт теперь удовлетворял за счет внутренних резервов. Между тем, потребности эти росли, паровозные и вагонные депо вынуждены были производить такой ремонт, какой раньше производили только на заводах. В депо изготавливали электроды, гайки, болты, гвозди, плавили в импровизированных печах медь и чугун. ъ

В эту зиму девять железных дорог в Европейской части России переоборудовали паровозы на дровяное отопление, что резко сократило и скорости, и пробеги, вынудило устраивать множество дровяных складов, потребовало привлечь тысячи людей для разделки дров. Но проблема оставалась острой. Например, Северная дорога в зимние месяцы ежесуточно сжигала шестнадцать с половиной тысяч кубометров, запасы иссякали быстро, дорога задыхалась без топлива.

Вместе с моим заместителем по техническим проблемам генералом Бодюлиным мы составили докладную записку для Транспортного комитета. Сталин прочитал и собрал заседание. Присутствовали Сталин и все члены Политбюро. Сталин кратко изложил записку: Северная дорога встала, город Ленинград и войска не получают грузов, можем потерять Ленинград. Центр в свою очередь не получит

из глубоких тылов ни войск, ни горючего, ни продовольствия, если не ликвидируем немедленно транспортную пробку в Заволжье.

Вина за создавшееся положение во многом лежала на наркоме путей сообщения Л. М. Кагановиче, который своевременно не принял действенных мер, чтобы нормализовать обстановку на железных дорогах. На этом заседании он просил направить его на Северную дорогу, в Вологду. Но Сталин, видимо, уже хорошо выявил «заслуги» главы НКПС в создавшемся положении и распределил роли. Он ответил Кагановичу довольно резко:

— Тебе Северную дорогу доверять нельзя: ты все там парализуешь окончательно.

Каганович был послан на Волгу растаскивать пробку в Куйбышевском узле дорог. Мне Сталин приказал ехать в Вологду. Берия, Маленков и Микоян взяли под контроль работу Наркомата путей сообщения и Ленинскую (Московско-Рязанскую) железную дорогу, которая являлась основной связующей Москвы с Востоком страны.

После заседания комитета я сразу же договорился с Германом Васильевичем Ковалевым (в Наркомате путей сообщения как зам- наркома он заведовал движением поездов, или, как говорят у нас, был «движенец»), что вдогонку мне он направит в Вологду 100 паровозов «сплотками», то есть сплоченными в паровозные колонны по десять машин.

Поехал на вокзал, к первому же поезду прицепили мой служебный вагон, и несколько часов спустя я был уже в Ярославле, в управлении Ярославской дороги.

Начальником дороги был Кондратьев. Картину нарисовал мне не воодушевляющую. Станции забиты гружеными и порожними вагонами, тысячами вагонов, выведенными из прифронтовых зон, из местностей, оккупированных противником. Образовавшаяся вагонная пробка вкупе с нехваткой угля и прочими нехватками практически остановила дорогу. Ну, поругал я Кондратьева: почему не обратился в Ярославский обком ВКП(б). Ясно ведь, что своими силами железнодорожники справиться с кризисом не смогут. Поехали в обком, к первому секретарю Н. С. Патоличеву. Объяснили специфику нынешних трудностей. Обычная вещь, казалось бы, снег. Но по снежной нынешней зиме он вырос в главную угрозу для железных дорог. Снегопады останавливают движение. Нужно выводить на расчистку десятки тысяч людей. У нас их нет. «Дадим! — сказал Патоличев. — Я сам возьму на себя это дело». И действительно, взял, и в тот же вечер пришли с лопатами и жители Ярославля, и других городов и поселков, и очистили дорогу в сторону Вологды.

Поехал дальше, в Вологду. Начальника дороги Н. А. Груничева, всегда подвижного и деятельного, нашел подавленным. Дорога встала. Пути завалены снегом, поезда застряли, расчищать пути некому. Пошли в ближнее паровозное депо. Даже войти внутрь нельзя — такой снежный завал. И повсюду вокруг, на всех путях сотни нераз

груженных вагонов с имуществом эвакуированных фабрик и заводов. А ведь в глубоком тылу их ждут не дождутся, чтобы смонтировать и пустить в ход, и точить-сверлить орудийные и минометные стволы, снаряды, мины и прочее вооружение и снаряжение, в котором острая нужда на фронте.

Звоню в Москву, в НКПС. Там сейчас сидит Берия. Говорю:

— Здесь тысячи вагонов с грузами. Надо растащить и вытащить на восток, а НКПС до сих пор не прислал обещанные сто паровозов.

— Слушай! — сказал он. — Ты туда поехал, ты и делай дело. Нам здесь не хватает локомотивов.

Звоню опять в Ярославль, в обком Патоличеву. Он обрадовал энергичными мерами и, в частности, сообщением, что Кондратьев выслал к нам два десятка локомотивов.

Едем с Груничевым в Вологодский обком партии, к первому секретарю П. Т. Комарову. У него тоже встретили полную поддержку. Так, общими усилиями мы вывели дорогу из кризиса. Расчистили пути на север вплоть до тылов Волховского фронта, растащили вагонную пробку. Дорога задышала и ожила.

На девятый день командировки я смог доложить по телефону в Москву, Сталину, что вся дорога на север от Москвы через Ярославль и Вологду до выгрузочного района на берегу Ладожского озера расчищена и способна обеспечить перевозками войска Ленинградского и вновь образованного Волховского фронтов.

Вернулся в Москву, здесь, в ЦК партии, доложил Сталину более подробно. Сказали и про помощь, которую нам оказали секретари обкомов. Присутствовавший в кабинете вождя заместитель председателя Транспортного комитета А. А. Андреев заметил:

— Это тот Патоличев, товарищ Сталин, которого я Вам рекомендовал.

— Мы Патоличева знаем, — ответил Сталин. — Найдем для него более подходящее место. Пошлем в Челябинск секретарем обкома, поручим развернуть серийное производство танков Т-34, ведь туда был вывезен из Ленинграда танковый завод.

Мне он сказал:

— Вам надо идти в НКПС.

— С какой миссией, товарищ Сталин?

— Возглавить наркомат и навести порядок.

Я не чувствовал уверенности, что смогу в кратчайший срок привести в порядок это обширнейшее и сложнейшее хозяйство, к тому же сильно подорванное войной. А не уверен — не берись. Я сказал:

— Товарищ Сталин, не стоит этого делать.

~ Боитесь ответственности? — спросил он, как и много лет назад, когда назначал меня начальником Западной дороги. — Испугались?

— Нет! Но Вы, как я понимаю, готовили меня к службе в военных сообщениях. На мне обеспечение военных перевозок, а также про

мышленных оборонного значения. И восстановление дорог. Сейчас я тут на месте. А если пойду в НКПС, меня отвлекут накопившиеся там дела — и хозяйственные, и кадровые, и прочие. Могу, как и другие, утонуть, упущу главную задачу - воинские перевозки. Мне кажется, я полезней здесь.

Сталин выслушал, сделал долгую паузу и, походив по кабинету, сказал:

- Согласен. Уходить от военных перевозок Вам нельзя. Подумаем вместе. Кто может справиться с НКПС?

Не первый раз и я думал об этом. Да не я один. Снизу-то нам, практикам, было видно отчетливо, что Каганович с делом не справлялся. Его громовые внушения, выговоры, поручения, грозные разборы практической пользы почти не приносили, так как отталкивались от хотений и пожеланий, а не от реальной действительности. Встряхнуть железнодорожное хозяйство страны и заставить его работать четко и вопреки потерям, причиненным войной, мог руководитель, который располагал бы правами, выходящими за рамки наркомовских. Такие права имел Лаврентий Берия, член Политбюро и нарком внутренних дел, близкий к Сталину человек. Пожалуй, тогда самый близкий. Его подчиненные сидели на каждом железнодорожном узле, в каждом городе и поселке, хорошо знали местную обстановку. Через них он мог бы держать под непрестанным влиянием и жестким контролем абсолютно все железные дороги. Берии я не симпатизировал. Да и кто способен симпатизировать человеку с интеллектом и повадками удава? Но быстро и повсеместно овладеть железнодорожной ситуацией в масштабе всей страны мог только он с его обширным аппаратом. Я назвал Сталину его имя. Прибавил, что в 20-х годах, когда железные дороги были на грани развала, чекист Дзержинский стал наркомом путей сообщения и выправил дело.

Сталин сказал:

— Да, Феликс выправил.

Я еще сказал, что Берии нужно иметь круг консультантов из специалистов-железнодорожников, назвал семь фамилий людей; которые помогут ему управлять транспортом.

В это время в кремлевский кабинет Сталина стали входить другие уполномоченные Государственного Комитета Обороны на железных дорогах — Маленков, Микоян, Каганович, Берия. Сели за стол. Сталин кратко суммировал деятельность каждого по выполнению его заданий в НКПС. Резко упрекнул Кагановича. Оказывается, Сталину по каким-то его каналам уже доложили, что Каганович и на Куйбышевской дороге устроил всенощные заседания; и что Сталина особенно рассердило, - что Каганович, приехав в Куйбышев, первым делом приказал пробить в своем кабинете новую дверь — старая чем-то не устроила.

Сталин обернулся к Берии и сказал:

- Возникла необходимость назначить нового наркома путей сообщения. Товарищ Берия, придется Вам возглавить наркомат.

И тут же прибавил:

- Ковалев прав: Вам нужны консультанты-железнодорожники. Вы согласны возглавить наркомат?

Немая сцена последовала. Берия глянул в мою сторону, как удав на кролика. Потом напряженно уставился на Сталина, рот был полуоткрыт. И ни звука. И все тоже молчат.

Сталин сказал:

- Не будем сегодня решать этот вопрос. Можете идти!..

В конце марта 1942 г., будучи в командировке на фронте, я узнал, что Л. М. Каганович снят с поста наркома путей сообщения СССР и на эту должность назначен генерал-лейтенант Андрей Васильевич Хрулев, заместитель наркома обороны, начальник Тыла Красной Армии.

Мало сказать, что такое назначение меня удивило. Я даже посчитал это ложным слухом. В Гражданскую войну я видел Хрулева на Южном фронте, он был бравый комиссар. Потом при ликвидации кулацкого мятежа на Тамбовщине. Мой отряд взаимодействовал тогда с его частью, и я узнал Андрея Васильевича близко. Перед Великой Отечественной войной и в ходе ее мне часто приходилось встречаться с Хрулевым уже как главным интендантом, с ведомством которого органы военных сообщений была напрямую связаны. Он был хороший специалист своего дела, но не нашего. Как он, не будучи оставлен от командования всем тылом Красной Армии, управится еще с Наркоматом путей сообщения?

Вернувшись из командировки, я доложил ее итоги Сталину, и он спросил:

— Слышали о назначении Хрулева?

- Слышал, но не поверил.

— Почему?

— Он не знает железной дороги. Даже пассажир плохой, только самолетом летал.

— Это решение Политбюро! — строго сказал Сталин. — Идите и помогите ему.

«Как помочь? — подумал я. — Людей он не знает, порекомендую ему крупных специалистов-железнодорожников». Составил список консультантов — академиков, профессоров, инженеров, сильный состав теоретиков и практиков.

Андрей Васильевич встретил приветливо. Я слово в слово повторил разговор со Сталиным. Хрулев заметно обиделся. Я спросил, какие у него затруднения и чем помочь. Он ответил, что пока ему все ясно. Кладу перед ним список консультантов и советую не принимать важных решений, не обговорив дело с ними: Он прочитал список, приговаривая: «Тать! тать!» (такая у него была привычка).

Пригласил меня к завтраку. Однако холодок, между нами пробежавший, оставался, и я, сославшись на занятость, уехал.

Да, я обидел Хрулева своим откровением. А кто способен возрадоваться упреку в некомпетентности? Человек-уникум. Так что же: выходит, я намеренно хотел с ним поссориться? Никоим образом.

Сталин снял с поста Кагановича по той же общей причине, по которой снял многих высших военных и невоенных руководителей в первые месяцы войны. Война заставила! В мирное время их слабая, профессиональная подготовка не бросалась в глаза, поскольку ее проверяла жестокая практика. Но как только вступили в действия законы войны, как только потребовалось в тяжелых ситуациях принимать ответственные решения, эти руководители выказали себя несостоятельными. Не могли перестроиться. Заседали, совещались, принимали решения, давали приказы и поручения, а война шла как бы мимо всего этого, а иной раз поднимала и их самих. Овладеть ситуацией такой тип руководителя неспособен не только из-за привычки к кабинетному стилю, но и потому что не хватает практических и теоретических знаний.

Итак, генерал А. В. Хрулев одновременно возглавил два крупнейших ведомства: службу Тыла Красной Армии и Наркомат путей сообщения. Работа обоих ведомств на войне тесно смыкается, ибо одно собирает и распределяет предметы вооружения и снабжения войск, а другое подвозит эти предметы в войска, в том числе на фронт.

Но оттого, что вся эта огромнейшая деятельность сосредоточилась в одних руках, легче нам, службе военных сообщений, не стало. Тут была тонкость. Наша служба — одна из служб Генерального штаба, и в главном, в оперативных перевозках дивизий, корпусов и армий — она подчинена Генштабу. Но есть вторая важная составляющая нашей службы — перевозки военно-снабженческих грузов. Тут мы подчиняемся начальнику Тыла, и тут начало наших с ним неурядиц. Он ведь еще и нарком путей сообщения, владыка транспорта. Естественно, что этот транспорт он старается в первую очередь использовать для перевозки грузов другого родного ему ведомства — службы Тыла. Причем иногда в ущерб оперативным перевозкам войсковых частей и соединений. Это и стало причиной крупного нашего с ним конфликта.

Донской фронт (вскоре он был переименован в Центральный) 2 февраля 1943 г. закончил ликвидацию окруженной под Сталинградом вражеской группировки. Пленных отправили на восток, и войска фронта оказались в собственном тылу. Ставка решила перебросить освободившиеся соединения к Курску для продолжения наступления. Задание срочное. Для его выполнения потребуется около 900 воинских поездов. Товарищи из Наркомата путей сообще

ния уверили, что порожняк уже на месте, в районе погрузки северней Сталинграда, на линии Сталинград—Поворино. Однако оттуда докладывает мне начальник военных сообщений фронта генерал В. И. Дмитриев: ни один эшелон под погрузку войск не подан. Звоню Хрулеву, он отвечает:

- У тебя такой доклад, а у меня другой. Мне доложили, что эшелоны поданы, а войск на станциях погрузки нет.

Странно, не правда ли? Это же не фронт, где иногда не разберешься в обстановке. Это глубокий тыл. Дмитриеву я верю безусловно, знаю его давно как пунктуального и правдивого товарища. Связываюсь с ним: «Поезжай сам, посмотри». Отвечает: «Еду по всем станциям погрузки».

Пока объехал, разыскивая порожняк, все шесть станций, пока убедился, что ничего нет, прошло время. Звоню Хрулеву, и опять пустая трата времени. Я ему: «Нет порожняка». Он мне: «Есть порожняк». Пришлось разыскивать по телефону командующего фронтом К. К. Рокоссовского. Он сказал, что вместе с Дмитриевым они, поделив станции погрузки, буквально обыскали их. Порожняка нет. Стоят кое-где вагоны с военно-снабженческими грузами, не использованными в минувшей операции. Но их мало. Кроме того, нужны платформы для погрузки артиллерии и танков.

Бесплодные разговоры и переговоры на несколько суток задержали перевозку войск Центрального фронта. Я был вынужден доложить Сталину. «Хорошо!» - сказал он и повесил трубку. Через час позвонил Берия, сказал: «Слушай, приезжай ко мне, будем разбираться». Еду на Лубянку. В кабинете Берии сидят Хрулев, его заместитель по Наркомату путей сообщения Герман Ковалев и еще товарищи. Берия дал слово Хрулеву. Андрей Васильевич стал упрекать нашу службу в неправдивой информации. Тогда я попросил Берию связать нас с командующим фронтом Рокоссовским. Он быстро связал, и Рокоссовский, а после него и Дмитриев с другой станции, повторили, что эшелонов нет, а груженые вагоны, на которые ссылается Хрулев, не приспособлены для перевозки войск. На дворе февраль, а печек в вагонах нет, да и вообще дыра на дыре. Поморозим солдат.

Но Хрулев уперся и ни с места. Это, говорит, неправда. Они, говорит, вполне могут сами выгрузить вагоны и погрузить в них солдат. Тогда Берия сказал: «Слушай, выйдем в ту комнату». Что они там говорили, не знаю, но Андрей Васильевич вышел оттуда бледный и молча нас покинул. Я уехал в НКПС вместе с начальником Главного управления движения Г. В. Ковалевым и не ушел от него, пока не подали порожняк для войск Рокоссовского, и войска начали погрузку.

Месяца два спустя произошел новый конфликт. Начало ему положили следующие обстоятельства. Меня вызвал Сталин, у него сидел Хрулев. На Северо-Западный фронт подвезли свежие войска,

но продовольствием их не обеспечили. Хрулев сказал, что начальник военных сообщений не предупредил своевременно интендантов о переброске войск, об их численности и дислокации.

— Это правда? — спросил Сталин.

— Правда, — сказал я. — Вы сами приказали никого, кроме нескольких работников Генштаба, не оповещать о перевозках, чтобы не разгласить военную тайну.

— Впредь сводки о перевозках войск будете представлять начальнику Тыла, - сказал Сталин.

— Тогда снимите с меня ответственность за соблюдение тайны оперативных перевозок, — сказал я.

Сталин вспылил:

— Ишь, какой нашелся! Уходите прочь!

Я вышел. Прошла примерно неделя. Работа была напряженная. Мы готовились к летней компании. Ставка и Генеральный штаб правильно определили направление главного удара противника с двусторонним охватом советских войск в Курском выступе. На случай, если немцам удастся прорвать наш фронт, предполагалось создать сильный резерв в глубине обороны. Состав резерва - несколько армий, то есть практически новый фронт. В целях дезинформации противника это крупное объединение назвали Степным военным округом, а уж потом — Степным фронтом.

Большинство соединений перебрасывалось через московский узел на юг, мимо станций Тула, Горбачеве, Елец. Перевезти такую массу войск в сжатые сроки, да еще чтобы не заметила гитлеровская агентура в нашем тылу, было очень трудно. Мы старались делать перевозки в ночное время, но это не всегда удавалось — весенние ночи коротки. Даже военные комендацты станций знали не весь маршрут эшелона, а лишь на своем отрезке. Также и другие должностные лица нашей службы.

И вдруг один за другим звонят мне в Москву военные коменданты и докладывают, что на станциях Горбачево, Тула, Елец и других собираются с утра толпы народа. Прошел слух, что в район Ельца пройдут много воинских эшелонов, и люди вышли на станции в надежде повидаться с родственниками — солдатами и командирами. Вскоре же мне позвонили из этих мест и работники транспортных отделов НКВД, поставили в известность об этих слухах. Таким образом, район сосредоточения и развертывания войск Степного фронта был у всех на устах. Нечего и сомневаться, что теперь агентура противника получила возможность уточнить дислокацию этого фронта.

Я поехал в управление Тыла Красной Армии, к начальнику штаба М. П. Миловскому. Спросил о подготовительных мероприятиях в районе дислокации Степного фронта. Михаил Павлович ответил, что подготовились добротно. Он сам выезжал с группой офицеров, подобрал и места для размещения не только тылов, но и

армейских, корпусных и дивизионных штабов. Я, слушая это, едва заикой не сделался.

— Михаил, разве это ваше дело? Кто это придумал?

— Андрей Васильевич приказал, - ответил он.

Тайна, над соблюдением которой мы так хлопотали, открылась широко и просто. В села, деревни, в станционные поселки вдруг понаехали интенданты - генералы и старшие офицеры. Ходят, выбирают помещения. И так по всей округе. Ну что еще нужно, чтобы сообразить про скорое прибытие многочисленных войск?

Надо было что-то немедленно предпринимать. Я позвонил Поскребышеву, попросил приема у Сталина. Поскребышев сказал:

— Не советую. Он встревожен. Можешь наскочить на большую неприятность.

— Соедини. Сообщение чрезвычайной важности.

— Соединяю, — сказал он и я услышал сталинское:

— Говорите!

— Товарищ Сталин, не могу по телефону. Только лично.

— Докладывайте! - сердито приказал он.

Я повторил, что не могу по телефону, он положил трубку.

Минут десять спустя позвонил Поскребышев: «Приезжай!» Я приехал и доложил, что группа офицеров штаба тыла побывала в районах дислокации войск Степного фронта, подобрала помещения для штабов, жители этих районов ждут прибытия войск, на станциях толпы людей ожидают своих сыновей, мужей.

— Кто сообщил? — спросил он.

— Военные коменданты станций.

Зная его привычки, я заранее предупредил комендантов станций, не отходить от телефонов, и коли позвонят из Москвы, не спрашивать, кто и зачем, но ответить на вопросы. Поскребышев соединил его с Тулой, потом с Ельцом и станцией Горбачево, и коменданты' повторили утренние доклады. Сталин сказал Поскребышеву:

— Соедини с Хрулевым!

А когда тот соединил, сказал в трубку раздельно:

— Будь ты трижды проклят! Тебя мало в тюрьме сгноить! |

В этом был весь Сталин. Не зря же к нему на иной доклад шли| с опаской даже командующие фронтами. Он вызвал начальника Генштаба маршала Шапошникова, спросил:

— Что будем делать? j

Решили так: чтобы не насторожить агентуру немцев и подкре- 1 пить их уверенность, днем пропустим в раскрытый район дислокации четыре воинских эшелона. А ночью уведем обратно. Степной' фронт был передислоцирован в новый район, и как показали дальнейшие события, немецкая агентура потеряла его из вида. |

26 февраля 1943 г. наркомом путей сообщения был вновь назначен Л. М. Каганович с освобождением его от обязанностей замести-! теля председателя Транспортного комитета при ГКО. А. В. Хрулев!

остался на должности начальника Тыла Красной Армии. Здесь он был на месте — дельный, толковый, энергичный интендант. Кроме того, Андрей Васильевич отличался добродушием, истинно русским хлебосольством и общительностью. И в служебном его кабинете, и в столовой, когда обедал-ужинал, и везде и всюду вокруг него собирались люди. Мне эти говорливые компании не нравились. Другим - наоборот. Одним словом, Хрулев, как и все мы, грешные, не был человеком однозначным, но, несомненно, был личностью. А что не добился больших побед на железных дорогах, так он же не был специалистом...

Нехватка специальных военных знаний сказывалась и на деятельности Верховного Главнокомандующего. В разгар нашего контрнаступления под Москвой он оценил общую обстановку на советско-германском фронте слишком оптимистично. Посчитал, что немцы деморализованы, что можно имеющимися у нас силами добить их и перехватив стратегическую инициативу, наступать и наступать по всему фронту. Не принимал во внимание, что нашим войскам передышка нужна на меньше, чем противнику; что мы понесли тяжелые потери в людях и технике, и быстро их восстановить нет возможности; что эвакуированные заводы только налаживают выпуск оружия и снаряжения; что наши артиллеристы сидят на скуднейшем снарядном пайке; что восстановление железных дорог, а значит, и снабжение наступающих войск протекает медленно; и так далее.

Насколько мне удалось наблюдать за Верховным Главнокомандующим в ту зиму, эта недооценка противника и переоценка собственных возможностей имела две субъективные причины. О первой, о недостаточной военной подготовке, я уже сказал. Вторая причина в исторической параллели, которая овладела помыслами Верховного. Поражение гитлеровцев под Москвой само по себе просилось в один ряд с поражением и полным уничтожением армии Наполеона в 1812 году. Даже во временном отрезке — с июня по декабрь, казалось, повторилась история с крахом вражеского нашествия. И понадобились долгие, безрезультатные, кровопролитные бои ранней весны 1942 г. для того, чтобы Сталин отрешился от иллюзии скорой победы. Ну а коли говорить вообще, то характеристика исторической личности (тем более такой, как Сталин!) складывается не из принятых чиновниками трафаретов. Вопреки всем указаниям и пожеланиям она складывается из мнений противоречивых, иногда резко противоположных. Но это и есть диалектика истории.

Из общения со Сталиным, из наблюдений за ним и окружающими его людьми я усвоил некоторые уроки. Сталин чувствовал фальшь и не прощал ее. Идет ли речь о характеристике события или человека, говори ему, что думаешь. Если ему не по нраву, вспылит, бросит телефонную трубку. Или скажет свое знаменитое: «Уходите

прочь!». Однако отойдя от гнева, косвенно даст понять, что ты правильно поступил, сказав, что думал. Хотя и не прав по существу.

Другая его черта, к этой примыкавшая, — привычка твою же характеристику лица или события выносить на публику, в более или менее широкий круг людей. И наблюдать и их реакцию и твою. Так что обычные недомолвки, умолчания, полуупреки и полупохвалы и прочий атрибут служебной дипломатии в общении со Сталиным был непригоден.

В целом превосходно разбиравшийся в людях с четкими оценками кто есть кто, он иногда в приказном порядке делал такие назначения и перемещения, что я и ныне не могу понять и даже себе самому объяснить их причины.

Г. А. Куманев: Во время наших встреч и бесед Вы неоднократно отмечали, что в ходе войны Вам много раз по служебной линии доводилось бывать в зоне боевых действий. Какие фронтовые эпизоды Вам особенно запомнились?

И. В. Ковалев: Таких эпизодов в моей памяти сохранились сотни. Приведу лишь некоторые из них.

Во второй половине 1943 г. и в первой половине 1944 г. мне довелось несколько раз побывать на фронтах Правобережной Украины. Хорошо запомнилась светлая от пожаров ночь в конце 1943 г. в недавно освобожденном Киеве, когда полторы сотни вражеских бомбардировщиков волна за волной атаковали Киевский железнодорожный узел. Разбомбили станцию и подъезды к дарницкому мосту с обеих сторон. Но мост остался цел и невредим. С того дня и пошла гулять среди воинов-железнодорожников поговорка: «Хочешь жить —* беги на мост».

Несколько позже близ моста, на станции Дарница, мы с началь-j ником военных сообщений 1-го Украинского фронта генералом' А. В. Скляровым стали свидетелями и участниками трагического эпизода. Начался он пролетом немецкого самолета-разведчика.1 Кружит над Дарницей — значит, жди гостей в виде бомбардировщиков. А у нас на станции незадача. Обычный порядок, заведен-i ный еще с сорок первого года, требует немедленно очистить стан-! цию, развести эшелоны на промежуточные станции и перегоны. Но! большой эшелон с киевлянами, возвращавшимися из эвакуации,j встал как раз на дарницком мосту — не хватило тяги на подъем. Закупорил дорогу. I

Решаем немедленно выводить людей из эшелонов в укрытия., Благо неподалеку есть глубокий песчаный карьер. Пошли с генералом Скляровым к эшелонам, приказываем начальникам быстро выводить людей. Тому, кто хоть раз полежал под авиационной бом-Г бежкой, такой приказ повторять не надо. Солдаты бегом устремились к карьеру. Но не все. Вижу, с площадок и даже. вагонных крыш офицеры и солдаты в польской форме ведут огонь по самолету- разведчику. Кто из винтовки, кто из автомата, а кто из пистолета.

Нашел начальника польского эшелона, объяснил, что справа песчаный карьер и чтобы немедленно выводил людей в укрытие.

Не знаю, по какой причине начальник эшелона пренебрег правилами воздушной тревоги. Оставил людей в вагонах и сам остался. Эшелон разметало взрывами авиационных бомб и взрывными волнами, почти все поляки погибли.

Война есть война, потери на ней неизбежны, потери из-за собственной халатности неприемлемы, но куда денешься, если они случаются? Однако тут вмешалась в дело политика. Верней сказать политиканы из Лондона, из польской эмиграции во главе с Мико- лайчиком. Захотели нажить капитал на трагической гибели соотечественников. Лондонское радио известило мир, что польский воинский эшелон погиб по вине советских железнодорожников.

Про радио я узнал, когда приехал в штаб 1-го Украинского фронта. Узнал также, что Сталин поверил клевете. Начальник военных сообщений фронта Скляров, офицеры Манюков, Каретников, всего семь человек были арестованы и отправлены в военный трибунал. Мотивировка: «За допущение разгрома воинского эшелона».

Иду к командующему фронтом генералу Ватутину.

- Николай Федорович, как Вы допустили арест всего Вашего отдела военных сообщений?

— А это через мою голову. Идите к Жукову, он получил указание об аресте от Сталина.

Георгий Константинович в это время был в штабе 1-го Украинского фронта и как представитель Ставки ВГК подготавливал меж- фронтовую операцию, которая впоследствии была названа Корсунь- Шевченковской. Иду к нему, спрашиваю, не может ли он отменить собственное распоряжение об аресте. Рассказал, как и что происходило. Он сказал:

— Нет, не могу. Это распоряжение Сталина. Вот что: давай ему сейчас доложим. Сам понимаешь, для меня это сильный прокол, что я сам не разобрал дело. Сталин был очень раздражен. Миколайчик запрашивал его из Лондона, почему, дескать, допустили гибель кадров польской армии. Я доложу, потом ты доложишь подробности.

Он позвонил в Москву, доложил Сталину и передал трубку мне. Я рассказал Верховному, чему сам был свидетелем и участником. Выслушав, Сталин сказал:

- Значит, Миколайчики и на беде хотят погреть руки. Дайте нам подробную шифровку, мы им ответим. И лондонских проанглийских полячков пошлем к черту!.. Арестованных по ошибке товарищей немедленно освободить.

Это было исполнено, и Скляров с товарищами вышел на работу.

Был високосный год, гнилая зима. В январе дороги раскисли, как в весеннюю распутицу. Весь автотранспорт сел в грязи. Танки, и те буквально плыли в густом месиве, полируя его днищами. Между тем войска Украинских фронтов проводили одну крупную операцию за

другой. Их потребности в боеприпасах, горючем и прочем снабжении приходилось удовлетворять главным образом за счет восстанавливаемых железных дорог. Это время с января по апрель 1944 г. мне пришлось провести на колесах, мотаясь по Украине, проталкивая оперативные эшелоны и военно-снабженческие поезда по едва сшитым на живую нитку железным дорогам и временным деревянным мостам.

В апреле, когда войска 1-го Украинского фронта гнали немцев от города Проскурова на юг, к Черновицам и румынской границе, распутица не раз останавливала наступление. Дороги сделались ложем для мчавшейся с гор воды. Долины превратились в болота. Единственный подход к фронту - железная дорога от Шепетовки на Тернополь. Однако ее надо еще восстановить. Восстановление идет крайне медленно. Полетел туда на самолете У-2 потому, что никаким другим транспортом до 7-й железнодорожной бригады полковника Н. И. Новосельского не добраться. Прилетели, плюхнулись на раскисшую поляну. Вытягивая ноги из жидкой глины, пошел я искать своего давнего наставника и учителя Николая Ивановича Новосельского. В начале двадцатых годов я служил в 10-й железнодорожной бригаде, где он был комиссаром. Нашел его не сильно переменившимся. Пока его искал, причина медленного восстановления дороги стала мне ясна. Лес был далеко от насыпи. Валили лес, заготавливали шпалы, а потом три-четыре километра тащили дубовые шпалы к полотну. Так что собственно укладкой пути занимались не более, трети рабочего времени. К тому же, как рассказал полковник Новосельский, даже металлические скрепления и костыли ему возят из тыла на самолетах У-2.

Полетел я в штаб 60-й армии, нашел ее командующего — мол о- ■ дого красивого генерала Ивана Даниловича Черняховского. Обычно; командармы были очень требовательны к железнодорожникам-вос-1 становителям, однако к простейшей логике - хочешь получить до- : рогу, помоги людьми — прислушивались неохотно. Иван Данилович j стал приятным исключением. Без долгих разговоров послал Новотн сельскому 400 солдат, они приняли на себя доставку шпал и прочую | черновую работу, и участок Шепетовка—Тернополь длиной в 152 км вошел в строй раньше установленного срока.

Еще один эпизод. В марте 1944 г. прервалось железнодорожное сообщение с Киевом. Нам в Шепетовку, в штаб 1-го Украинского фронта, доложили, что неделю подряд от Киева до Бердичева мела пурга, дороги завалило снегом, поезда стали. Это сообщение пришло в штаб утром, когда мы завтракали. Представитель Ставки маршал Г. К. Жуков посмотрел в окно. Там синее небо, солнышко, весна. Трудно поверить, что в ста двадцати километрах от нас бушуют метели. Говорит мне:

— Слетай в Киев и надери уши своим брехунам.

После завтрака я связался с Киевом, с нашими товарищами,

но — ничего утешительного. Говорят, даже улицами Киева не проедешь, снег едва не под крыши. Взял я самолет, полетел в Киев. От Бердичева начались снега, внизу бело, вокруг бело, самолет пробивается в снежной круговерти. Сели под Киевом, от аэродрома в город меня доставили на тракторе.

Пришел в ЦК Компартии Украины. Показал все документы, прошу пропустить к первому секретарю ЦК Н. С. Хрущеву - не пропускают. Я — начальник Центрального управления военных сообщений, прибывший в Киев по срочному делу, должен еще дбка- зать охране Хрущева, что не отниму даром времени. Нет, я не возмущался и не кипел. Спросил охранников:

— Откуда позвонить в Москву?

Они указали кабинет второго секретаря ЦК КП(б)У Кириченко. Позвонил по ВЧ Сталину, доложил, что Киев не пропускает поезда в тылы 1-го и 2-го Украинских фронтов из-за снежных заносов.

— Зайдите к Хрущеву, — сказал Сталин. — Примите меры к расчистке путей.

— Заходил, товарищ Сталин, — сказал я. — Охрана не пустила.

— Вы где? — спросил он.

— В кабинете Кириченко.

— Будьте на месте, — приказал он. — Он сам придет.

И верно, через 5 минут стремительно вошел в комнату Хрущев. Почему, спросил, меня обошел и прямо звонишь Верховному?.. Ну, что отвечать и зачем? Пустое провождение времени. Я доложил дело (Хрущев ведь был еще и членом Военного совета 1-го Украинского фронта). Надо отдать ему должное, с обычной своей энергией он тотчас мобилизовал партийные организации города, тысячи людей с лопатами вышли на железную дорогу, и сутки спустя поезда пошли через Киев на фронт.

Конечно, и этот, и многие другие эпизоды, которым я был свидетелем и участником, можно рассматривать с разных сторон. С одной стороны, в них необычайная оперативность Сталина, его обычай ничего не откладывать, мало говорить и много делать. Но с другой стороны — это же явные неполадки в управлении, когда обычная тыловая работа по расчистке дорог может замереть, если тот же Верховный не задаст взбучку должностному лицу.

Дарницкий железнодорожный мост играл столь заметную роль в снабжении советских войск, наступающих на Правобережной Украине, что немецко-фашистское командование попыталось уничтожить его диверсионным способом. Случайно мне довелось поглядеть на этих бандитов. Мы двумя машинами возвращались в Киев после ликвидации крупной фашистской группировки под Корсунем-Шев- ченковским. По округе бродили недобитые группки, мы ехали с хорошей охраной. Обогнали колонну. Это были конники-партизаны с красными лентами на шапках, а также партизанская пехота на санях с пулеметами. Я придержал машину, крикнул: «Далеко ли путь

держите?» Отвечают: «А до Киева. До батьки Ковпака. На партизан- скос совещание». Поехали дальше, километров через 10-15 остановил патруль из солдат войск НКВД. Порасспросили нас. Заинтересовались партизанским обозом. Командир сказал, что они ждут этих конников, что это не партизаны, а бандиты, служившие немцам, А идут к Киеву с заданием взорвать дарницкий мост. Уже в Киеве я узнал, что банду окружили и ликвидировали.

В последних числах февраля того же года в Москву позвонил из Киева Хрущев. (В это время я находился в кремлевском кабинете вождя). Сталин поговорил с ним, и по репликам я понял, что ранен Николай Федорович Ватутин. В кабинете сидели Маленков, Булганин и Ворошилов. Сталин сказал:

- Хрущев говорит, что бандиты ранили Ватутина. Ранен в пах, просит рставить в Киеве для лечения. Рана не очень серьезная. Оставим?

Решили оставить в Киеве. После ранения Ватутин проболел полтора месяца, и с ним случилось то, что бывает даже при пустяковых царапинах, если не обработаешь их йодом вовремя, — случилась гангрена. Да и сам он, старый солдат, не отнесся к ранению серьезно. Я навестил Ватутина в Киеве в конце марта или начале апреля. Он с супругой жил на квартире Хрущева. Хорошая обслуга - врачи, сестры. Даже киномеханик тут, крутит в столовой фильм, о войне.

Николай Федорович рассказал мне, что сперва ему полегчало, а сейчас опять температурит. Врачи настаивают отнять ногу, а то поползет гангрена.

- А я сомневаюсь, - продолжал он. - Кому я буду нужен на одной ноге? На фронт не пустят.

Я постарался доказать ему, что пустят, что в Москве я слушал о нем самые лестные отзывы. Старался ободрить и подтолкнуть генерала к операции потому, что на гангрену я нагляделся еще в Гражданскую войну. Ватутин вздохнул и сказал:

- Надо соглашаться. Пусть режут.

Уже на фронте меня догнало горестное известие. Отняли ногу командующему слишком поздно, гангрену остановить не удалось, и в середине апреля Николай Федорович Ватутин скончался. Это была большая потеря. Ватутин был из тех русских натур, для которых собственное «я» всегда на последнем месте. В этом же разговоре он, творец и блестящий исполнитель целой череды наступательных операций, говорил не о них. Он вспоминал довоенные доклады Сталину и укорял себя, что понимал несостоятельность некоторых выводов Сталина, но, как он выразился, «не дерзнул».

Когда завершалась подготовка к Ясско-Кишиневской наступательной операции, я в очередной раз был направлен в зону предстоящих сражений. Перед отъездом меня принял Сталин. Его интересовала уже перспектива, а именно проблемы обеспечения движения

наших войск через Молдавию и Румынию. Он говорил о железных дорогах Румынии и Болгарии, о коммуникационных линиях с выходом к югославской границе, о том, что удар войск 2-го и 3-го Украинских фронтов выведет нас в глубину Балканского полуострова.

— Постарайтесь, - подчеркнул Верховный, - сразу же наладить рабочую связь не только с румынскими коммунистами, но и с офицерами генерального штаба. Там есть люди к нам лояльные.

Походив по кабинету, Сталин сказал:

— Пройдем Румынию, выйдем к Болгарии. Думаю, нас там ждут. Уверен, вооруженного сопротивления не встретим. Не такие у русских с болгарами исторические отношения.

Мы выехали на фронт. Там к нам присоединились начальники военных сообщений 2-го и 3-го Украинских фройтов генералы П. М. Белов и П. А. Квашнин.

Началась Ясско-Кишиневская операция, и наша группа тронулась в путь вслед за наступающими войсками. За десять дней дело практически было сделано - Румыния выведена из войны на стороне фашистской Германии. Еще в ходе операции, на четвертый ее день в Бухаресте произошло вооруженное восстание. Народ под водительством румынских коммунистов сверг фашистскую диктатуру Антонеску и с оружием в руках вступил в бой с немецкими воинскими частями.

Не доезжая Бухареста, на станции Плоешти, наш поезд сделал первую остановку. Вызвали начальника станции. Очень перепуган. Говорить сидя не может, встает — руки по швам. Я его успокоил, он объяснил, что почти все разбежались. Работали, дескать, на немцев. Пришли русские — накажут. Я бы, говорит, тоже убежал, но не успел.

Три-четыре дня спустя, когда я уже побывал в Бухаресте, у нас с этим начальником станции опять была попутная встреча. Но говорили уже без нервов, на правах старых знакомых. Со мной был начальник военных сообщений 2-го Украинского фронта генерал Белов, и я сказал румыну:

— Знакомьтесь! Начальник военных сообщений Белов. Это его распоряжения Вы исполняете. Все в порядке?

~ В порядке! - ответил он.

— А коли так, отвечайте прямо: с кем легче работать — с нами или с немцами?

Начальник станции несколько, растерялся и начал мямлить.

~ Не бойтесь! — сказал я. — Скажите прямо. Нам интересно увидеть себя «заграничными» глазами. Итак: с кем легче вам работать?

— С немцами, — выдавил он. — С ними, понимаете, много проще. Они от тебя одно требуют: вовремя принять и отправить воинский поезд.

— А наши?

— Ваши тоже требуют поезда. Но это не все. Они сразу вручили мне инструкцию по учету оборота вагонов и паровозов. Приказали ежедневно заполнять отчетные бланки с множеством пунктов: простои вагонов под погрузкой и выгрузкой, учет работы дежурных по станции, стрелочников, сцепщиков, путевых обходчиков и всех прочих специалистов. Кроме того, требуют подробного учета всех перевозок. С утра до вечера пишу отчеты. Глаза на лоб повылазили - ни поесть, ни поспать, дорогу домой забыл с этой писаниной. Некогда принимать и отправлять поезда. Дело стоит, господин начальник.

Это был нам хороший ушат холодной воды. Белов только головой качал. Ну да, мы привыкли к писанине. Вроде бы она - помощник делу, и без нее чего-то не хватает. А вот человек не мудреный, но со свежим взглядом спрашивает нас: вам что лучше - чтобы я дело делал или чтобы писал, что делаю дело?

Писанину я эту отменил, но, конечно же, не мог отменить ее повсеместно. К великому сожалению, она стала постоянным нашим спутником на железных дорогах.

На следующий день уже в Бухаресте нас с Беловым познакомили с рабочим-железнодорожником. Он только что освободился из тюрьмы, просидел в ней около 10 лет, в тюрьме выучил русский язык. Звали его Георгиу-Деж. Плотный, сосредоточенный, веселый и спокойный товарищ. Рассказали ему, чем он и другие коммунисты- железнодорожники могут нам помочь в перевозках. Потом Белов нас заторопил. Говорит, что уже 4 часа, давай поедем в генеральный штаб, пока не ушло их начальство. А Георгиу-Деж отвечает ему:

— Наш генштаб в субботу не воюет.

Мы все-таки поехали. Все правильно — в генштабе ни единого человека, кроме дежурного. Георгиу-Деж предложил нам посмотреть город. Поехали. Шофер гонит «мерседес» со страшной скоростью, только ветер свистит. Говорю ему:

— Чего носишься? Поезжай медленнее.

Георгиу-Деж перевел и ему и обратно мне. Шофер сказал, что возил немцев и привык. Они всегда понукали: быстрей! быстрей! Приехали мы на площадь, к королевскому дворцу. Вышли из машины, досмотрели дом. Вижу, из ворот выезжает машина, ее ведет спортивный молодой человек. Говорю:

— Посмотреть бы на короля. В жизни не видел королей.

— Видели! - говорят они. - Это был король Михай.

Наш новый товарищ Георгиу-Деж оказался человеком деятельным. В прошлом путейский рабочий, он за время тюремного заключения не растерял связей и в партийной среде и в рабочей железнодорожной. Послал верных людей туда-сюда с призывом выходить на работу, и скоро румынские железнодорожники — сперва поодиночке, а потом группами — стали приходить в наши военно-эксплуатационные отделения с предложениями помочь, чем могут.

Работы хватило всем. Мы на месте ознакомились с состоянием

В. М. Молотов — Председатель СНК СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). 1935 г.

Л. И. Микоян — член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя СНК СССР. 1937 г.

Подписание договора о дружбе и границе между СССР и Германией

К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, В. М. Молотов

А. И. Микоян, И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе в Тифлисе. 1925 г.

Руководители партии и правительства направляются на первомайский парад. 1938 г.

А- И. Микоян во время поездки на фронт. 1943 г.

А. И. Микоян и члены правительственной делегации, прибывшей в Берлин ()ля оказания продовольственной помощи населению. Май 1945 г.

Г. А. Куманев в гостях у А. И. Микояна на даче в Горках-Х. /976 г.

А. И. Микоян. 1976 г.

Л. М. *Каганович — член Политбюро ЦК Нарком путей сообщения на ВКП(б), нарком путей сообщения. 1935 г. Московском железнодорожном узле*

В кремлевском кабинете вождя. Слева направо: М. И. Калинин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, Л. М. Каганович, Г. К. Орджоникидзе. Март 1936 г.

Воскресник во Всесоюзный день железнодорожника. Август 1941 г.

Железнодорожники передают воинам Красной Армии построенный бронепоезд. 1941 г.

Автограф «железного наркома»... Май 1991 г.

Л. М. Каганович. 1980-е гг.

М. Г. Первухин — заместитель Председателя СНК СССР и председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, нарком химической промытленное ти СССР

В. Н. Новиков - заместитель наркома вооружений СССР

На сессии Верховного Совета РСФСР. Слева направо: М. Г. Первухин, Л. Н. Косыгин, В. В. Вахрушев, Л. Ф. Горкин. Июнь 1945 г.

М. Г. Первухин во время служебной поездки по заданию ГКО. 1444 г.

^рой Социалистического Труда ^
Г. Первухин. 1976 г.

И. Т. Пересыпкин — маршал войск связи, нарком связи СССР и начальник главного управления связи РККА

Нарком авиапромышленности СССР Л. И. Шахурин в рабочем кабинете. 1941 г.

И. В. Ковалев — нарком путей сообщения СССР в 1944—1947

Делегация СССР на конференции трех держав в Москве. Слева направо: Ф. И. Голиков, В. Л. Малышев, А. Я. Вышинский, А. И. Микоян, А. И. Шахурин, К. Е. Ворошилов. Осень 1941 г.

Ведущие авиаконструкторы, Герои Социалистического Труда А. И. Микоян, В. Я. Климов, А. Н. Туполев, А. А. Микулин. 1944 г.

А- В. Хрулев — начальник тыла РККА и нарком путей сообщения СССР. Март 1942 г.

Начальник тыла РККА генерал-полковник А. В. Хрулев и начальник Главного артиллерийского управления НКО генерал-полковник артиллерии Н. Д. Яковлев на приеме у М. И. Калинина. 1944 г.

После торжественного заседания, посвященного Дню Победы, в Институте истории АН СССР (слева направо): генерал армии И. И. Федюнинский, Г. А. Куманев, маршал алтиллерии П. Н. Кулешов, генерал-майор П. Н. Горемыкин. Май 1974 г.

И. В. Ковалев во время поездки на фронт. 1943 г.

^ В. Ковалев и Мао Цзедун. Пекин, Китай. 1950 г.

Генералы И. В. Ковалев и И. Л. Антипенко на торжественном заседании, посвященном 20-летию Победы над фашизмом. Май 1965 г.

И. А. Бенедиктов — нарком земледелия СССР в 1941—1943

И. А. Бенедиктов — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР

Эвакуация колхозного скота. Харьковская область. Сентябрь 1941 г

Выступление члена-корреспондента АН СССР Д. Г. Жимерина на заседании Ученого совета Института истории СССР АН СССР

С. З. Гинзбург — нарком по

Я. Е. Чадаев — председатель госплана РСФСР, ая время воины - управляющий делами СНК и заведующий секретариатом СНК СССР

Я. Е. Чадаев {третий слева) с группой сотрудников Отдела истории Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР. Апрель 1980 г.

дорог, через румынских генштабистов получили необходимые документы: профили железнодорожных линий, чертежи мостов, планы станций и т. д. - все, что требуется для скорейшего обеспечения наступающих войск.

Взвесив все «за» и «против», решили все-таки перешить на нашу колею один путь на двухпутной линии Унгены — Плоешти (около 400 км) и обеспечить его отечественным подвижным составом. Это ускорило подвоз советских войск и военных грузов в южную и западную Румынию для дальнейших боевых операций на Балканах.

В начале сентября войска 3-го Украинского фронта вышли на румынско-болгарскую границу. Мы находились в состоянии войны с Болгарией, поэтому фронт приготовился к наступлению. Но как- то не верилось, что болгары встретят нас огнем. Вот и в штабе фронта, обсуждая план действий моей группы, начальник штаба генерал Сергей Семенович Бирюзов высказал мысль, что наша авто- мотрисса наверняка обгонит наступающие войска. Конкретно задача заключалась в том, чтобы обследовать и подготовить болгарские железные дороги к перевозке 57-й армии к югославской границе.

Поездка наша была, как всегда строго секретной. Знали о ней только представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко, командующий фронтом Ф. И. Толбухин, начальник штаба С. С. Бирюзов и начальник военных сообщений фронта П. А. Квашнин - он ехал с нами.

Ранним утром автомотрисса въехала на паром, и он повез нас через Дунай с румынского берега на болгарский. Я приказал закрыть окна занавесками, и никому не выходить из автомотриссы. Подоплека этих таинств все та же: если немецкая агентура отметит меня, профессора Земблинова или других известных ей железнодорожников, то в Берлине могут быстро определить цель, к которой устремилась автомотрисса, а следовательно угадают и направление переброски войск.

На железнодорожной станции Рущук, уже в Болгарии, автомотрисса наша встала. Коля Туровников выглянул, доложил, что болгары толпой стоят на пути, в руках цветы и красные флаги. Пошел к ним Квашнин, вернулся с болгарином громадного роста. Он сказал, что он коммунист, что болгары рады приветствовать в Рущуке первого советского генерала. Я пытался втолковать ему, что нас нельзя обнародовать. Он отвечал:

— Понимаю! Но они не поймут и с дороги не уйдут, пока не увидят и не услышат русского генерала. Откройте шторку!

Я отодвинул шторку. Толпа уже плотно придвинулась к автомот- риссе, и переносную фанерную трибунку принесли. «Пойдем!» — сказал я, плюнув на все секретности. Ну, в самом деле: их деды также встречали наших дедов на этих же дунайских берегах; были цветы, флаги, крики «ура», слезы, был великий час освобождения Болгарии от турецкого ига. Сегодня подобный же час освобождения Болгарии

от фашистского ига. Так что же нам — отсидеться за шторками? Что подумают о нас эти славные люди? Мы вышли из автомотриссы и вошли в круг, и начался митинг, который никогда не позабуду. Пока приветствовал нас этот гигант-болгарин (он оказался секретарем подпольного окружного комитета компартии), потом другие товарищи, пока я отвечал им приветствием, люди несли и несли цветы, и скоро наша мотрисса выглядела, как фирменный цветочный магазин. Принесли болгарские сладости, фрукты, вино. Наши товарищи пробовали как-то удержать — куда там!

Уезжая, ***я*** просил секретаря окружкома не информировать о нас следующую станцию. Он обещал и, полагаю, выполнил обещанное. Однако слух обогнал нас, и народу собралось еще больше, чем в Рущуке. Даже окрестные крестьяне семьями приехали. Опять митинг, слезы радости, цветы. Когда отъехали, я соратникам сказал:

— До Софии днем не доедем. Решаем так: на первом же полустанке отсидимся до темноты, ночью поедем в Софию.

Так и сделали. Однако на софийском перроне увидели военного. Это был полковник болгарского генерального штаба. Сказал, что нас ждали тысячи людей, но прошел слух, что мы не приедем, что-то задержало, и они разошлись. Извинился, что один нас встретил. Говорю: вот и славно! Мы не официальные лица - просто любознательные русские, обогнали войска, решили глянуть на Софию. Давайте-ка где-нибудь поужинаем вместе?

— Зачем же где-нибудь? — спросил он. — Ужин вам приготовлен в русском ресторане.

— Надеюсь, мы будем одни?

— Да, будем, — сказал он и повез в своей машине ночным городом.

Близ городского собора он указал дом, сквозь шторы пробивался свет. Вошли и попали в ресторанные огни. Зал полон, офицерские мундиры, дамские наряды. «Все свои, никого лишнего, — объяснил наш попутчик и вдруг скомандовал. — Встать! Смирно!» Все встали со своих мест, смотрят на нас. Пришлось сказать импровизированную речь. Полковник переводил, но, думаю, нужды в том не было. Понимали с полуслова. Да и сами слова не столь уж значимы стали. Значимым был сам факт: русские братушки пришли к ним, как и шестьдесят с лишним лет назад!

Нас провели на эстраду, где был сервирован ужин. Действительно, русский ресторан. Оформление эстрады, столики, стулья, весь интерьер в старинном русском стиле. Начался праздник русско-. болгарской дружбы. Они говорили тосты, мы отвечали. Настроение было чудесное. Потом пели песни и откровенно разговаривали. Болгары говорили, что среди них были и есть люди, верно служившие не только своему царю, но и Гитлеру. Но подавляющее большинство болгарских офицеров помнит, чем всегда была Россия для Болгарии; понимает, что ныне Советская Россия освободит Волга-

рию от фашистских пут. А потому, — сказал один офицер при дружном одобрении зала, — мы готовы немедленно и рядом с вами идти на фронт, и коли придет наш час, честно сложим голову за Болгарию и за сердце наше, за Россию!..

Праздник кончился на рассвете, и чуть поспав, наша группа принялась за дело. Болгарские товарищи ознакомили нас с документацией, мы изучили железнодорожные направления, их возможности, и вместе с полковником-болгарином выехали на автомотриссе к югославской границе. Вскоре же получили первый привет от гитлеровцев. Из-за гор вынырнул немецкий бомбардировщик, сбросил бомбы на железную дорогу. Значит, агентура уже доложила. Да не в нашей группе дело! Ночью через Софию к югославской границе прошел первый советский войсковой эшелон...

Доехали мы благополучно. Встретили соотечественника. Наш попутчик так и сказал:

— Хотите по-русски пообедать? Зайдем в тот домик.

Зашли, нас уже ждет накрытый стол, я сидел спиной к двери, слышу русский интеллигентный, несколько старинный разговор. Оборачиваюсь. Высокий, сухой, подтянутый мужчина стоял в дверях. Представился подполковником гвардейского полка (запамятовал название полка). Держит на тарелочке две рюмки. Предлагает выпить русской «смирновки».

Так нас встречали в Болгарии повсюду.

Стремительное продвижение советских войск позволило сохранить в целости болгарские железные дороги. Трудность их использования была в общем та же, что и на румынских дорогах. Сплошные горы, крутые подъемы, узкие туннели. Вот, к примеру, на 70-километровом участке от Софии до Мездры мы насчитали 22 тоннеля. Причем размеры таковы, что вряд ли пройдут через них поезда, груженные тяжелой артиллерией и тяжелыми танками. Паровозы, по сравнению с нашими, маломощные. Придется делить наши состав на три-четыре части. Подсчитали, что для пропуска через Болгарию войск 57-й армии нам понадобится не 155—160 поездов, как обычно, а 500-600 поездов.

Попытка генерала Квашнина провести отечественный тяжеловесный состав через эти горы дорого обошлась. Хотя и тянули его два паровоза, но на крутом подъеме последняя платформа с танком оторвалась и, разогнавшись под уклон свалилась в пропасть.

Пришлось строго указать моему старому товарищу, а потом и отчитать его с глазу на глаз. Ввели строгие нормы веса, обеспечивающие безопасность поездов, и эшелоны 57-й армии один за другим проследовали к югославской границе.

Вернувшись в Москву, я, как обычно, доложил о нашей поездке Сталину; о том, что фронт Толбухина без осложнений был переброшен по румынским и болгарским дорогам в Югославию. Не часто я видел Сталина смеющимся. Но когда рассказал, как болгарские

железнодорожники «раскусили» нашу секретную миссию, как встретили в Рущуке и в других местах, он искренне смеялся. Потом расспрашивал о румынских и болгарских коммунистах, с которыми мне довелось общаться. Особо заинтересовал его рабочий-путеец Георгиу-Деж. Сталин никогда ничего не записывал, но вскоре же я еще раз убедился в его феноменальной памяти.

В Москву из Румынии прибыла первая делегация. В ее составе были министры ново-демократического правительства и другие руководящие деятели Румынии. Возглавлял делегацию новый президент Петру Грозу. Сталин принимал их в Кремле, я был в числе приглашенных. Беседа за круглым столом прошла живо и просто. Много шутили. Отвечая на приветствие Сталина, Петру Грозу сказал, что Россия в промышленном отношении вышла на первое место в Европе еще и потому, что она вышла на первое в Европе место по грамотности населения. А Румыния пока малограмотная страна и отсталая в промышленном отношении.

— Вы напрасно уничижаетесь! — бросил реплику Сталин. — У вас хорошие заводы, мы хотели бы иметь такие заводы. У вас квалифицированный рабочий класс, хорошо работают, железные дороги.

Но Петру Грозу, выслушав, продолжил:

— Господин Сталин! Я не только бывший помещик, я еще и финансист. Умею считать и умею считаться с фактами. Вот Вам$_{в}$ цифры грамотности населения Румынии за 1914-й и 1943-й годы../ Разве при таком уровне грамотности может быть в стране квалифицированный рабочий класс? Как Вашему гостю мне неудобно, но как финансист и реалист я обязан отвести Вашу реплику. Я прав, господин Сталин!

Улыбнувшись в усы, Сталин сказал:

— Дай бог, чтобы все нас так укоряли!

После Грозу выступил премьер-министр. Он сказал, что господин президент Петру Грозу ведет государственный корабль по пути прогресса. В первые месяцы корабль набирал скорость, потом она стала падать — груз корабля уже не соответствует мощности котлов, не хватаем пару...

Я слушал эту образную речь и думал: ку^а-то клонит, но вот куда? А Сталин вдруг спросил:

— Ну а если мы сбросим с вашего государственного корабля половину груза, т. е. 50% военных репараций, которые вы нам выплачиваете? Потянут котлы корабля?

— Завидую Вашей мудрости, — сказал премьер. — Уверяю Вас, корабль тотчас наберет скорость.

Потом Сталин предложил десятиминутный перерыв. Позвал меня в соседнюю комнату, закурил, спросил, где Георгиу-Деж. Я ответил, что он среди гостей, как министр транспорта, но в беседе почему- то не принимал участия. Непривычная для рабочего лидера обета-

новка. Сталин просил найти и познакомить. Я привел Георгиу-Дежа, представил Сталину. Сталин спросил меня:

— Он действительно десять лет сидел в тюрьме?

— Да, товарищ Сталин! — по-русски ответил тот.

— Говорите по-русски?

— Да! В тюрьме один русский товарищ научил.

Я рассказал, как Георгиу-Деж и его товарищи помогли нам в перевозке войск Малиновского и Толбухина. Георгиу-Деж стеснительно отрицал мои похвалы.

— Помог, я знаю! — сказал Сталин. — А чем мы можем помощь новому министру транспорта? Первое, чем поможем, - продолжал он, обращаясь ко мне, — это консультантами. Надо создать при товарище Георгиу-Деж группу наших специалистов по железнодорожному транспорту. А второе, — обратился он к нему, — все, что вам потребуется — консультации, материальную и другую помощь, — все найдете у нас. Приезжайте, когда вам нужно, связывайтесь со мной.

Знаю, что еще в конце войны, когда я стал наркомом путей сообщения, Георгиу-Деж трижды к нам приезжал, и его трижды принимал Сталин. Георгиу-Деж очень ему нравился как человек, и он об этом говорил, более того, способствовал избранию его генеральным секретарем Румынской компартии.

Г. А. Куманев: Как Вы, Иван Владимирович, стали народным комиссаром путей сообщения СССР и какие задачи Вам пришлось тогда решать в первую очередь?

И. В. Ковалев: 20 декабря 1944 г. по решению правительства, а через два дня Указом Президиума Верховного Совета СССР я был назначен наркомом путей сообщения. На этот раз Сталин не спрашивал, хочу ли я того или не хочу. Вызвал и сказал примерно следующее:

— Пойдете в наркомат. Войну кончаем, а дела на транспорте у Кагановича снова плохие. Надо восстановить и поднять транспорт, чтобы на его основе поднять народное хозяйство.

Действительно, первое мое в качестве наркома знакомство с положением на транспорте подтвердило то, что я знал как начальник военных сообщений: победный 1944 г., прошедший в непрерывных наступательных сражениях, поставил наши железные дороги — практически всю железнодорожную сеть страны - на грань кризиса. И никаких парадоксов в этом не было. Просто на четвертом году войны железнодорожный транспорт, который поддерживал себя в основном за счет внутренних резервов, почти исчерпал эти резервы и уже не выдерживал непрерывно возраставших нагрузок.

Ослабленность транспорта прямо сказывалась на боевых операциях. На фронте мне не раз случалось видеть, как блестяще начатое наступление не доводилось до конца не потому, что его останавливал противник, а потому, что останавливалось оно само из-за скверного

подвоза подкреплений, вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия.

Чем дальше продвигалась на запад Красная Армия, тем более возрастали дальности перевозок, тем большая их доля приходилась на спешно восстановленные железные дороги, где шпалы укладывались из сырого леса и не пропитанные дегтем, где рельсы были короткими вырубками из длинных, но порванных или согнутых взрывами рельс, где 16500 мостов стояло на таких же временных деревянных опорах и клетках из сырого дерева, где станционное оборудование было обращено в прах и пепел.

Именно такой вид имела хорошо знакомая мне Западная дорога от Подмосковья и до старой польской границы. Специалисты сообщили мне, что полное восстановление ее хозяйства обойдется в 1,2 млрд. рублей. Один Смоленский узел с его 194 км станционных путей, 700 стрелочных переводов, пятью депо и прочими сооружениями потребует для восстановления свыше 60 млн. рублей. Столь же внушительными были разрушения, а следовательно, и цена восстановительных работ в Витебске, Орше, Минске и других узлах. В конце 1944 г. эта главная стратегическая дорога, обеспечивавшая наши войска берлинского направления, могла пропустить всего 13 пар поездов в сутки вместо 84 — пар до войны.

Считая и пересчитывая астрономические тогда для нас суммы восстановительных работ, мы не должны были забывать, что и часть временно восстановленной Западной дороги, а именно ее ближняя к Москве часть, скоро опять может выйти из строя. Деревянные мосты и шпалы, восстановленные зимой 1941—1942 гг. из сырого дерева, были рассчитаны на три года службы и срок их истекал. Строить же капитально Наркомат путей сообщения не имел возможности — не было ни металла, ни цемента, ни прочих строительных материалов. Да и восстановительные отряды НКПС почти все были заняты в прифронтовой зоне.

Скорости движения поездов по Западной и другим временно восстановленным дорогам, идущим к фронту, были очень низкими и не могли обеспечить постоянно возраставшие потребности наступающих войск. А ведь по этим же дорогам вслед за войсками двигались с востока на запад эшелоны с сотнями тысяч, а затем и миллионами людей, возвращавшихся из эвакуации. На месте своих сел и деревень они чаще всего находили пепелища; города, заводы, фабрики лежали в развалинах. Надо было пахать, сеять, строить, нужен был хотя бы на первых порах привозной хлеб, машины, механизмы и инструменты, лес, камень, цемент, песок. И вся эта нагрузка опять ложилась на железные дороги, так как и автотранспорт и водный транспорт были очень малосильны и изношены войной.

Но и в глубоком тылу, на востоке страны транспортная сеть действовала с предельным напряжением. Сотни крупных заводов,

перебазированных сюда в начале войны, в буквальном смысле навалились на железные дороги. Причем со временем внутризаводские пути, так называемые транспортные цеха, выросли в проблему номер один. Когда заводы вывозили на восток и подбирали места для размещения, исходили из того, чтобы пустить их в ход при минимальных строительных работах и в кратчайший срок. Перспективу редко учитывали, будущие нужды того же предприятия были где-то на втором плане. Иногда крупный эвакуированный завод получал в качестве транспортной базы железнодорожные пути приемного пункта «Заготзерно» или мелкого ремонтного заводика. Пока восстанавливали завод, эти пути его обеспечивали. Но как только завод включался на полную мощность и начинал выпускать сотни танков, орудий, сотни тысяч артиллерийских снарядов, мин, бомб и прочую подобную продукцию, слабые подъездные пути переставали с ней справляться. Их надо развивать и наращивать, а нет мест. Пути и тупики срослись с цехами, их окружают капитальные постройки, так что надо все перепланировать заново и перестроить.

Этот крупный дефект, мешавший своевременно выгружать подвозимые на завод материалы и сырье и грузить готовую его продукцию, усугублялся и другими причинами, из-за которых мы, Наркомат путей сообщения, часто вступали в конфликты с руководителями промышленных наркоматов и директорами заводов. Суть конфликтов заключалась в нехватке рабочей силы. Директора заводов, естественно, в первую очередь укомплектовывали основные цеха, так как с них спрашивали план выпуска продукции. А в транспортные цеха направляли женщин и подростков, которые, конечно же, не могли заменить мужчин на погрузке-выгрузке или в качестве составителей поездов и сцепщиков. Этот малопродуктивный труд, да еще односменный вместо двух-трехсменного, плохо сказывался на работе железной дороги вообще. Железнодорожники подадут, например, поезд под погрузку, вся она по нормам должна занять два-три часа, а вагоны стоят на заводских путях сутками. Директора платили нам крупные штрафы, но мер к сокращению простое вагонов не принимали, сваливая все на нас, на железную дорогу.

Эти и прочие объективные неурядицы привели к тому, что движение грузовых поездов происходило вне графика (процент их отправления по графику был чуть более 50). В целом выполнение плана перевозок и обеспечение погрузки достигалось железнодорожниками всесоюзной сети ценой огромнейшего напряжения. При этом качественные показатели использования паровозов и вагонов были очень низкими. Оборот вагона к концу 1944 г. превысил норму времени почти в полтора раза. А это привело к тому, что соответственно меньше было погружено и вывезено угля с шахт, металла с металлургических заводов, боевой техники с военных заводов, хлеба на элеваторы, и так далее. Где-то в этой продукции остро нуждались, а тут она забивала склады и пристанционные участки. В декабре

среднесуточная погрузка упала по сравнению с октябрем на 10,5 тыс. вагонов. И продолжала падать. Тенденция к параличу железных дорог стала не менее грозной, чем зимой 1941—1942 гг.

И первый удар получили бы наши войска, готовившиеся к Берлинской операции. Было совершенно ясно, что железные дороги страны, если немедленно не изменить положение с подвижным составом, не выполнит планируемый на 1945 г. объем перевозок, в том числе и во-первых — перевозок воинских,

Одним словом, первые мои впечатления от наркомовского кресла были тяжелые. Да и сам центральный аппарат с существовавшим в нем процессом управления оставлял желать лучшего. Еще до войны, когда я работал в Военном отделе НКПС, канцелярско- заседательная суета, многочасовые разговоры, внушения и разносы в кабинете наркома Кагановича даже меня, тогда молодого и энер- * гичного, доводили до полного отупения. Ну, потом, в оперативной работе службы военных сообщений, я этот режим позабыл. Но вот вернулся в НКПС и пришел в ужас. Заседают по-прежнему. Каждый день у наркома совещание на три-четыре часа с разбором ежесуточного информационного отчета в 1200 печатных страниц!

Пришлось это сразу отменить, заменив кратким анализом оперативной обстановки на железных дорогах. Нянчиться времени не было: чиновничьего склада работники заменялись молодыми, технически грамотными, энергичными, «полевого» типа специалистами. Правда, первым моим заместителем остался Б. Н. Арутюнов, но здесь я уж ничего не мог поделать. Арутюнов был ставленником Лаврентия Берии, Берия называл его «чекистским глазом на транспорте». Другими заместителями были назначены: Б. П. Бещев — по движению, В. А. Гарнык - по паровозному хозяйству, И. Д. Гоциридзе - по строительству, В. П. Виноградов — по снабжению предприятий НКПС,

А. И. Смирнов - подругам видам снабжения. Н. И. Синегубов (тоже от Берии) — по путевому хозяйству, В. Н. Сологубов — по кадрам,

В. Е. Царегородев — по политработе.

В этом составе мы начали выводить из прорыва наше обширнейшее хозяйство. Капитальная и фундаментальная его перестройка пока что являлась нам лишь в розовых мечтах где-то там, за будущим днем Победы, за краем войны. Планы надо было составлять на реальной основе. Улучшить работу железнодорожной сети мы могли опять-таки только за счет внутренних резервов: лучшей организацией управления, лучшей организацией труда на местах, профессиональной учебой, социалистическим соревнованием и правильным использованием патриотического воодушевления трехмиллионной массы железнодорожников.

Конкретные меры подсказывали люди. Из долгой своей практики руководителя я извлек несколько главных уроков, и один из них в том, что не следует на потолке искать ответы на трудные вопросы. Иди к людям, слушай внимательно, и за час-другой общения полу-

чишь в десять раз большую и лучшую информацию, чем за день заседания в кабинете.

Среди железнодорожников бытовало мнение, что на буром подмосковном угле нельзя водить составы на высоких скоростях. Но машинист-новатор из Тулы Д. А. Коробков делом опроверг это расхожее мнение. Его опыт был изучен, в январе сорок пятого мы издали приказ по НКПС, почин Коробкова был обнародован. Причем не вообще, а с конкретными рекомендациями, как и что должен делать машинист, чтобы успешно водить поезд на буром угле.

Составитель поездов из Кирова М. Ф. Катаев внес ценные новшества в систему формирования и переформирования поездов. Его опыт тоже немедленно сделали достоянием гласности.

По-прежнему сильно замедляли работу железной дороги наши, если можно так сказать, «смежники», то есть отправители и получатели грузов. Они ведь тоже на равных участвуют в транспортном процессе, однако если мы не согласуем с ними или они с нами свою часть этого сложного процесса, то и весь он теряет энергию и стремительность, вагоны стоят, грузы лежат.

Мы решили втянуть «смежников» в орбиту своего социалистического соревнования, а вернее сказать, сделать это соревнование общим, чтобы вышло оно за пределы железных дорог. Это удалось. Нашими партнерами в соревновании стали шахтеры Донбасса, Кузбасса, Челябинской области, Райчихинских угольных копей. И сразу же во всех этих угольных центрах сократился простой вагонов, и долгожданный уголек потек по железной дороге бесперебойно.

В такое же соревнование с железнодорожниками включились металлурги Северного, затем Южного Урала, Кузбасса и Донбасса, и опять мы явно ощутили усилившийся поток металла и метлло- изделий.

За годы войны резко, на 16%, сократилась численность вагонного парка. Боевые потери на фронте — это само собой. Однако проверка показала, что сотни паровозов и десятки тысяч вагонов потихоньку разошлись по промышленным наркоматам, по заводам, фабрикам, базам, где их использование было раз в десять менее эффективным, чем у нас, в железнодорожной сети. Мы вошли с соответствующим предложением в Государственный Комитет Обороны, и подвижной состав нам вернули.

Среди других проблем, которые пришлось решать нашему наркомату в ходе подготовки к последним операциям на советско- германском фронте, была и проблема использования тяжелых и мощных паровозов серии «ФД». Эти железнодорожные тяжеловозы и скороходы очень нужны были в западной части страны, в том числе на прифронтовых дорогах. Однако их мешало техническое состояние дорог на освобожденной от оккупантов территории. Восстановленные дороги, как правило, не имели автоматической блокировки. Сырые шпалы, уложенные на слабый балласт, рельсы, состав

ленные из коротких обрубков, — все это заставляло ограничивать и скорости движения паровозов и вес составов. Поэтому паровозы «ФД» не давали должного эффекта на дорогах запада страны. Обсудив эту проблему на коллегии, мы решили коренным образом изменить географию локомотивного парка: мощные «ФД» передали для обслуживания дорог на Урале, в Сибири и Средней Азии, а легкие паровозы «Э», «О» и «Щ» - на западные дороги. Этот ход принес большую пользу и там, и здесь, ослабил в какой-то мере напряжение в перевозках и на тыловых и на прифронтовых дорогах.

Результаты этих и других мероприятий, проведенных Наркоматом путей сообщения в конце 1944 — начале 1945 гг., стали вскоре сказываться. Подводя январские итоги, мы с удовлетворением констатировали, что по сравнению с декабрем прошлого 1944 г. ежесуточная погрузка возросла на 1000 вагонов. Кажется, кризис был преодолен. Дальнейшие события это подтвердили.

С наступлением весны все эксплуатационные показатели работы железных дорог пошли вверх, и советские железнодорожники полностью обеспечили подвоз и питание войск всем необходимым для успешного завершения Берлинской и других операций последнего этапа Великой Отечественной войны.

Из неопубликованных документов

1. Постановление Государственного Комитета Обороны за 13 марта 1942 г. (Извлечение)

«... 4. По Северной ж. д. принять следующие предложения т. Ковалева — нач. ВОСО:

а) обеспечить пропуск поездов без смены паровозов и кондукторских бригад в Вологде, для чего ввести на линии Обозерская - Данилов турную езду.

б) для вывоза брошенных составов назначением через Ярославскую ж. д. командировать с других дорог путем ступенчатой регулировки соответствующее количество паровозов с турными паровозными и кондукторскими бригадами.

в) остальные брошенные составы вывезти паровозами Северной ж. д. с установленной сдачей на Горьковскую ж. д. по ст. Свеча до 20 поездов вместо 8 поездов, сдаваемых в данное время.

5. Разрешить НКПС в течение марта 1942 г. в случае недостатка вагонов для погрузки срочных военных грузов — производить принудительную выгрузку на месте любых невоенных грузов, кроме оборудования для оборонных заводов и коксующихся углей для черной металлургии.

6. Ввиду трудного положения на железных дорогах и необходимости быстрого выхода из такого положения образовать группу в составе тт. Кагановича (нарком), Берия (НКВД), Маленкова (секретариат ЦК ВКП(б)),

Арутюнова (1-й заместитель НКПС) и Ковалева (нач. ВОСО), на которую возложить всю ответственность за перевозки НКПС, обязав для помощи НКПС т. Берия использовать аппарат НКВД на местах, т. Маленкова - использовать партийный и советский аппарат на местах, т. Ковалева (нач. ВОСО) - использовать аппарат ВОСО на местах»*.

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

2. Из докладной записки начальника ЦУП ВОСО генерал-лейтенанта И. В. Ковалева Председателю ГКО И. В. Сталину.

5 ноября 1943 г.

«... Сообщаю Вам, что продвижение воинских поездов не улучшилось. Размеры движения не выполняются; происходит накопление поездов на подходах к фронтовым железнодорожным участкам, количество брошенных поездов не уменьшается.

Так, Московско-Киевская ж. д. на 18.00 31 октября имела в наличии 26573 груженных вагона, в том числе воинских только 7920 вагонов, или 30% от общего наличия груженных.

Забитость фронтовых дорог привела к тому, что среднесуточные скорости воинских перевозок резко снизились.

Основной причиной накопления большого количества грузов на фронтовых и прифронтовых дорогах является низкая пропускная и выгрузочная способность восстановленных фронтовых железнодорожных участков и станций, куда главным образом направляются потоки воинских грузов»**.

И. Ковалев

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов. Папка N° 17. Д. «О железнодорожных перевозках». 1942 г.**

**** Там же. Папка N2 18. Д. «О железнодорожных перевозках». 1943 г.**

И.А. БЕНЕДИКТОВ

Иван Александрович Бенедиктов (23.03. 1902- 28. 07. 1983) вошел в число государственных деятелей страны совсем молодым: в августе 1937 г. в 35-летнем возрасте он назначается наркомом зерновых и животноводческих совхозов РСФСР, в марте 1938 г. одновременно становится заместителем председателя Совнаркома РСФСР, а с ноября того же года утверждается наркомом земледелия СССР. С 1939 г. стал членом ЦК ВКП(б).

Хорошо известно, что это были годы не только больших социально-экономических свершений, но и грубых нарушений законности, годы пика репрессий, шпиономании, выкорчевывания бдительными органами «нестойких» элементов, мнимых «врагов народа», словом - время «обновления» кадров. Поэтому быстрому выдвижению И. А. Бенедиктову во многом способствовала сложная и противоречивая обстановка тех лет. Причем повышения его по службе чередовались с некоторыми понижениями. Так, в феврале 1941 г. на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) нарком Бенедиктов был переведен в разряд кандидатов в члены ЦК партии за якобы снижение уровня организационной работы.

В первые годы Великой Отечественной войны вместе со всем крестьянством Иван Александрович нес на себе непосильно тяжелый груз, который пришелся на долю колхозов, МТС и совхозов. В 1941—1942 гг. под его непосредственным руководством была осуществлена эвакуация из угрожаемых районов ресурсов сельского хозяйства — парка тракторов, сельхозтехники, скота, запасов сырья и продовольствия. Как опытный, высококвалифицированный специалист земледелия (еще в 1927 г. он успешно закончил Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева), И. А. Бенедиктов прилагал все свои силы, чтобы сельскохозяйственное производство СССР непрерывно снабжало население, Красную Армию и промышленность продовольствием и сырьем. С другой стороны, нарком считал своим долгом постоянно принимать необходимые меры, в том числе вносить в Государственный Комитет Обороны и правительство предложения по смягчению громадных военных тягот и лишений, которое испытывали на себе труженики села.

Тем не менее И. В. Сталин посчитал, что работа И. В. Бенедиктова недостаточно успешна. 11 декабря 1943 г. постановлением СНК СССР он был утвержден первым заместителем наркома, а народным комиссаром земледелия СССР правительство назначило секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева.

Однако 19 марта 1946 г. И. А. Бенедиктов вновь возглавил теперь

уже Министерство земледелия СССР, которое спустя год, в начале февраля 1947 г., в результате укрупнений стало Министерством сельского хозяйства СССР. На XIX съезде партии он снова избирается членом ЦК, пробыв им уже до выхода на пенсию в 1971 г.

Вскоре после смерти Сталина в судьбе Ивана Александровича происходят новые перемены: он неожиданно направляется Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Индию. Но 1 сентября 1953 г. его вновь возвращают в правительство и назначают министром сельского хозяйства и заготовок СССР. Затем, после очередных реорганизаций, был последовательно министром сельского хозяйства СССР, министром совхозов СССР, заместителем председателя Государственной экономической комиссии Совета Министров СССР, заместителем председателя Совета Министров РСФСР и, наконец, в 1959 г. вновь был отправлен послом в Индию, а в 1967 г. в Югославию.

В 1970 г. И. А. Бенедиктов вернулся в Москву, где около двух лет являлся послом по чрезвычайным поручениям...

Мы познакомились в начале 1975 г. на одном мероприятии, посвященном участию народов Югославии в борьбе против немецко-фашистских захватчиков во Второй мировой войне. Проводилось оно в Союзе Обществ дружбы на проспекте Калинина.

Иван Александрович дал тогда согласие встретиться с нашими сотрудниками и ответить на их вопросы. Эта встреча состоялась 15 февраля 1975 г. у него на квартире, где мы провели около двух очень интересных часов.

В последующие годы творческие контакты с И. А. Бенедиктовым поддерживались постоянно. 6 марта 1980 г. мне довелось снова побывать у него в гостях и записать на пленку нашу довольно продолжительную беседу.

Интервью наркома земледелия СССР военных лет И. А. Бенедиктова профессору Г. А. Куманеву

(Из магнитофонной записи) ***б марта 1980 г. г. Москва***

Г. А. Куманев: Дорогой Иван Александрович! После того памятного заседания сотрудников сектора истории СССР, периода Великой Отечественной войны, состоявшегося здесь, в Вашей квартире по улице Горького, прошло уже немногим более пяти лет. И, признаюсь, я очень рад нашей новой встрече и весьма признателен Вам за согласие дать мне в канун 35-летия Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне небольшое интервью. Разумеется, все

или почти все интересующее меня сегодня вопросы связаны с историей сельского хозяйства и советского крестьянства в тяжелые и героические военные годы...

И. А. Бенедиктов: Я тоже с большим удовольствием снова приветствую Вас, дорогой Георгий Александрович. Надеюсь, что наша сегодняшняя беседа за чашкой кофе или чая пройдет не без пользы для нас обоих, и прошу последовательно ознакомить меня со всеми Вашими вопросами... Ну что, приступим ***к*** делу?

Г. А. Куманев: Мой первый вопрос, Иван Александрович: какова Ваша оценка состояния советского земледелия накануне Великой Отечественной войны? Какие мероприятия способствовали укреплению сельского хозяйства СССР и в известной степени подготовили его к суровым испытаниям военного времени?

Я. ***А. Бенедиктов:*** Переход к крупному социалистическому земледелию, оснащенному более усовершенствованной новой техникой, создал необходимые условия для значительного роста сельского хозяйства СССР, повышения его продуктивности. В сельских районах появились многочисленные кадры работников квалифицированного труда: трактористы, комбайнеры, машинисты и др., которых не знала единоличная деревня. (Чтобы не быть голословным, здесь и далее я воспользуюсь некоторыми моими записями и рабочими справочниками и по мере необходимости буду подкреплять отдельные положения и выводы конкретными цифровыми данными.)

Статистика свидетельствует о том, что к 1940 г. на селе уже имелось свыше 300 тыс. агрономов, зоотехников, землемеров, ветеринарных врачей и фельдшеров, более 800 тыс. бригадиров тракторных, полеводческих, животноводческих бригад, около 1 млн. трактористов и комбайнеров, свыше 600 тыс. заведующих животноводческими фермами. Ничего подобного даже в отдаленном виде не было и не могло быть в условиях единоличного хозяйства.

Изменилась к лучшему и сама жизнь в деревне после освобождения от кулацкой кабалы. Многие населенные пункты были электрифицированы. Стало расти материальное благосостояние крестьянства, его культурный уровень. На селе появились сотни тысяч организаторов и передовиков производства.

А вот еще ряд убедительных данных о позитивных переменах в сельскохозяйственном производстве. К 1940 г. посевные площади в Советском Союзе увеличились по сравнению с дореволюционным временем более чем на 30 млн. га. Изменилась и структура посевных площадей: по отношению к 1913 г. удельный вес технических культур к 1940 г. вырос с 4,3% до 8%, картофеля и овощебахчевых культур с 3,6% до 6,9%. Земледелие становилось более квалифицированным.

Важно отметить, что в восточных районах страны за годы довоенных пятилеток была создана довольно мощная по тому времени сельскохозяйственная база, где существенно расширились посевные площади. Причем в районах поливного земледелия размеры ороша

емой площади увеличились с 4 млн. га в 1913 г. до 7 млн. га в 1940 г. вокруг промышленных центров и крупных городов сравнительно быстро была организована база по производству картофеля, овощей, продуктов животноводства.

Что касается технического перевооружения земледелия, то об этом можно судить хотя бы по тому, что в 1940 г. тракторами МТС было произведено 75% всех работ по весенней вспашке полей в колхозах, 80% - по подъему паров и 72% работ по взмету зяби. При этом энерговооруженность труда в колхозах, МТС и совхозах в 1940 г. была выше по сравнению с крестьянскими хозяйствами 1913— 1917 гг. в расчете на одного работника в 3 раза, в расчете на 100 га посевной площади в 1,6 раза. Если же иметь в виду электрификацию сельских районов, то потребление электроэнергии деревней в 1940 г. по отношению к 1932 г. возросло более чем в 6 раз.

Правда, в годы третьей пятилетки в связи с осуществлением мер по повышению обороноспособности страны, потребовавших изыскания дополнительных ассигнований, темпы технического перевооружения сельскохозяйственного производства замедлились. В результате почти в 2 раза, например, сократилось среднегодовое производство тракторов по сравнению со второй пятилеткой. В 1940 г. по сравнению с 1937 г. заметно уменьшился выпуск сельскохозяйственных машин, зерновых комбайнов, тракторных плугов, сеялок и культиваторов.

Тем не менее общее техническое оснащение отечественного земледелия превышало уровень второй пятилетки.

Перед Великой Отечественной войной в Советском Союзе в области сельского хозяйства был осуществлен комплекс мероприятий, способствовавших дальнейшему упрочению организационного состояния нашего земледелия. Это позволило ему в военное время, в тяжелейших условиях, выстоять, не развалиться и обеспечить армию и всю страну продовольствием и сырьем.

Словом, в довоенные годы по интересующему Вас вопросу в СССР были проведены в жизнь очень важные планы и решения, последовавшие после объединения единоличных крестьянских хозяйств в колхозы и вслед за организацией и расширением машинно- тракторных станций (МТС).

Конструктивным и своевременным со стороны Советского правительства явились принятые до войны постановления по упорядочению колхозных финансов и пополнению неделимых фондов за счет недовнесенных средств. Наряду с этим были осуществлены другие действенные меры по упорядочению финансового хозяйства МТС и создания для них твердой финансовой основы: с февраля 1938 г. машинно-тракторные станции переводились на финансирование по государственному бюджету.

В следующем году наше государство взяло на себя выплату механизаторам МТС и работникам совхозов денежной части гаран-

тайного минимума. В частности, им были повышены расценки в трудоднях за выполнение и перевыполнение норм, за сохранность машин, механизмов, экономию горючего и т. д. Комбайнерам, например, сверх оплаты за убранную площадь вводились премии- надбавки, если они перевыполняли нормы намолота зерна. Я в то время как народный комиссар земледелия СССР, накануне введения этих изменений, получил около 600 телеграмм и телефонограмм, в которых сообщалось: задолженность по зарплате - три месяца, четыре месяца, пять месяцев, шесть месяцев... Теперь подобные недочеты были устранены.

Финансирование МТС и совхозов из союзного бюджета значительно их укрепило и, несомненно, способствовало улучшению сельскохозяйственного производства.

Наряду с техническим переоснащением в сельском хозяйстве в предвоенные .годы проводились мероприятия по внедрению передовой агротехники, повышению культуры земледелия.

Развитие материально-технической базы сельского хозяйства -СССР было, разумеется, неразрывно связано с его обеспечением соответствующими кадрами. Накануне Великой Отечественной войны в широких масштабах продолжалась подготовка механизаторских кадров. На 1 июля 1940 г. в МТС, колхозах и совхозах их насчитывалось более 1 млн. 400 тыс. человек.

Примерно за два или три года до войны Сталин обратил внимание на то, чтобы больше готовить специалистов сельского хозяйства из числа женщин, включая и кадры механизаторов. Движение за овладение женщинами трактором и комбайном, начатое на Украине по инициативе Паши Ангелиной, пополнило армию механизаторов более чем на 100 тыс. человек. В первой половине 1941 г. на курсах трактористов и комбайнеров их уже обучалось вдвое больше, чем в 1940 г.

Одновременно велась борьба за наведение порядка и укрепление дисциплины в сельскохозяйственном производстве. В 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял довольно жесткие указы о запрещении самовольного ухода с работы рабочих и служащих, в том числе трактористов и комбайнеров, работников МТС и совхозов.

В предвоенные годы в Москве была организована Всесоюзная сельскохозяйственная выставка и на основе развернутых на ней показателей в стране более широкий размах приобрело социалистическое соревнование, что, конечно, положительно сказалось на развитии нашего сельского хозяйства. Для подкрепления этих слов приведу Вам еще такие данные: валовая сельскохозяйственная продукция (в среднем за год, в границах до 17 сентября 1939 г.) по итогам первой пятилетки на 26% превышала уровень 1909-1913 гг., в годы второй пятилетки - на 3,2%, а в 1938-1940 гг. - на 43%. В течение трех с половиной лет третьей пятилетки, т. е. в 1938-1941 (первая половина) гг. в стране ежегодно заготавливалось в 1,2 раза

больше зерна, чем во вторую пятилетку, и в 1,8 раза больше, чем в годы первой пятилетки.

Все эти и другие мероприятия, достигнутые рубежи позволили кооперированному сельскому хозяйству СССР выжить, выстоять во время ужасно тяжелой войны, продемонстрировать силу и жизненность еще не окрепшего тогда колхозного строя.

Были ли у нас накануне войны недостатки, причем даже серьезные, в этой отрасли нашего народного хозяйства? К сожалению, без них не обошлось, и они сдерживали, тормозили рост сельскохозяйственного производства. В числе этих негативных факторов можно назвать следующие.

Прежде всего это незавершенность комплексной механизации в земледелии довоенных лет. Не последнюю роль здесь сыграло малое капиталовложение в сельское хозяйство в расчете на один гектар.

Это и недостаточная эффективность, применяемых в колхозах форм оплаты труда, которые учитывали лишь затраты труда, но не принимали во внимание его конечных результатов: урожайности сельхозкультур и продуктивности животноводства. Такие формы сохраняли элементы уравниловки в оплате труда и имели следствием недостаточную заинтересованность довольно значительной части колхозников в колхозном производстве. Видимо, не случайно к концу первого года третьей пятилетки насчитывалось 6,5% трудоспособных колхозников, не выработавших за весь год ни одного трудодня, и 16%, выработавших менее 50 трудодней. Подобные явления нередко приводили к искусственной нехватке рабочей силы в колхозах при фактическом ее избытке во многих районах.

Отмечу также среди негативных факторов сравнительно невысокий уровень поставок минеральных удобрений сельскому хозяйству, слабое развитие кормовой базы и очень низкие заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты.

И, наконец, не была должным образом упорядочена система экономических отношений государства с колхозами.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на большие достижения социалистического земледелия, в сравнении с мелкотоварно-крестьянской системой, его возможности и резервы в предвоенные годы в полной мере еще не раскрылись.

Г. А. Куманев: Что Вы можете сказать о степени насыщения отечественного сельскохозяйственного производства кадрами специалистов высшей и средней квалификации накануне фашистской агрессии? Какова Ваша общая оценка руководящих кадров сельского хозяйства в управленческих звеньях в тот же период?

И. А. Бенедиктов: Я уже говорил о том, что в довоенные годы в стране развернулась широкая подготовка для сельского хозяйства механизаторских кадров массовых профессий. Наряду с ними был подготовлен большой отряд квалифицированных сельскохозяйственных специалистов: агрономов, ветеринарных врачей, полеводов, зоо

техников. Только в 1940—1941 г. учебном году высшие и средние сельскохозяйственные учебные заведения выпустили около 32 тыс. специалистов, что заметно превысило их среднегодовой выпуск во второй пятилетке.

Однако во всех звеньях сельского хозяйства продолжала ощущаться довольно значительная нехватка специалистов с высшим и средним специальным образованием. Все это было в основном наследием прошлого, но в какой-то мере являлось следствием и того, что очень многие выпускники направлялись не на производство, а в органы управления и организации, которые обслуживали сельское хозяйство. Поэтому в 1940 г. Наркомат земледелия СССР произвел перераспределение этих специалистов, направив из органов управления на работу в деревню более 13 тыс. человек. Но такая численность пополнения рядов сельских квалифицированных специалистов была, конечно, «каплей в море», и острота их нехватки в колхозах и совхозах оставалась.

Что касается моей оценки руководящих кадров сельского хозяйства накануне войны, то их общий уровень, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Многие из них были руководителями с малым багажом производственного опыта, знаний и, я бы сказал, с малой масштабностью.

Г. А. Куманев: Как Вы оцениваете общее состояние подготовки нашего народа к защите социалистического Отечества к началу 40-х гг. Что, в частности, предусматривалось прежде всего иметь в мобилизационном плане Наркомата земледелия СССР, чтобы эффективно использовать его в случае империалистической агрессии против Советского государства?

И. А. Бенедиктов: У меня сложилось такое мнение, что мы за два года до фашистской агрессии стали разрабатывать мобилизационные планы, составлять и готовить резервы. Мы знали, что война неизбежна, хотя, к сожалению, не знали дня начала войны, когда Гитлер осуществит нападение. И хотели, чтобы этот день подольше не наступил. Именно к этому была направлена вся внешняя политика партии и правительства.

Вообще к защите Родины, к достойному отражению вражеского нападения мы готовились интенсивно. Сказать, что никакой подготовки не велось, было бы абсолютно неправильно, если бы мы не готовились, не укрепляли всемерно обороноспособность страны, нас бы в пух и прах быстро разгромили зарубежные противники.

А мы ведь в течение короткого периода сумели намного увеличить производство стали, горючего и производство всех видов вооружения. Вы, может быть, помните, что в 1935 г. СССР выпускал всего 12,6 млн. тонн стали,, а в 1940 г. — уже 18,3 млн. тонн. И это в условиях, когда в черной металлургии в это время происходила перестройка на увеличение удельного веса выпускаемого высококачественного металла, легированных сталей. Что касается оборонного

производства, то темпы его роста значительно опережали темпы роста других отраслей нашей индустрии. Я вот приведу Вам такие данные. Если в 1938—1939 гг. ежегодный прирост промышленной продукции в стране составлял в среднем 13,9%, то в оборонном производстве в 1938 г. — 36,4%, а в 1939 г. он уже равнялся 46,5% по сравнению с предыдущим годом.

Темпы, как говорится, решали все. На нас постоянно нажимали Центральный Комитет, правительство: «Темпы, темпы, темпы!» И так во всех отраслях экономики. Причем, ведь зачастую без должных материальных средств, без должных ресурсов, при дефиците рабочих кадров и техники. День начала войны, повторяю, для нас не был известен. Хотя Сталину разведка докладывала: вот в такой-то день (даже потом сообщила точную дату — 22 июня) будет совершено нападение, он в это не верил. В этом заключался его очень серьезный промах. Видимо, желаемое (т. е. возможность во что бы то ни стало исключить войну в 1941 г.) он принимал за действительность, понимая, что к большой войне мы еще не были готовы. Сталин и все мы войны не хотели и главной задачей было: только не ссориться с немцами, выполнять все заказы, поставлять Германии хлеб по торговому соглашению точно и аккуратно. И не давать немцам никакого повода за что-то на нас рассердиться. Политика была внешне вроде бы правильная. Но вот времени нам не хватило, чтобы достойно подготовиться к обороне и встретить врага во всеоружии. Было у высшего руководства и немало других ошибок, упущений субъективного характера. Может быть, и темпы были недостаточные, хотя они представлялись очень напряженными.

Но я думаю, что в итогах нашего противостояния с силами империализма больше величия, чем недостатков. То, что удалось разгромить такого сильного врага, поднять на войну всю мощь экономики, эвакуировать сотни и тысячи предприятий, построить новые заводы в целом бесперебойно снабжать промышленность сырьем, армию хлебом и продовольствием — это чудо, это чудо! За это перед нашим народом, перед миллионами коммунистов надо шляпу снять. История все это еще больше оценит, чем оцениваем мы, современники. Это великое дело нашего великого народа — спасителя мировой цивилизации. И это не громкие слова.

В каком большом деле нет ошибок, бывают не безошибочные прогнозы? Вот до сих пор при определении прогноза погоды, несмотря на наличие спутников, сколько неточностей, ошибочных предсказаний относительно того, что будет завтра. В таком большом государственном деле, конечно, просчеты могут быть, и они, конечно, были.. И я еще раз рекомендую историкам обратить больше внимание на величие нашего народа, на гениальность нашего народа, на дальновидность ленинской партии, в том числе на те выдающиеся свершения, какие она обеспечила в суровые военные годы.

Что касается мобилизационного плана Наркомата земледелия,

составленного перед войной, то в нем, наряду с другими важными и первоочередными мерами, предусматривалось создание ряда стратегических резервов: продовольствия, материально-технических средств, запасных частей, сортовых семян, металлов, горючего, химикатов. В Наркомате земледелия этими вопросами в первую очередь занимался специально созданный мощный военный отдел, подчиненный непосредственно только наркому. К январю 1941 г. государственные резервы и мобилизационные запасы одного лишь зерна, муки и крупы составляли около 6 млн. 162 тыс. тонн.

Г. А. Куманев: Во многих наших исторических трудах говорится о том, что фашистская агрессия буквально всколыхнула всех советских людей, вызвала в их рядах боЛыиой патриотический подъем. Хотя часто встречающееся в работах данное утверждение, основанное на достоверных фактах и документах, стало своеобразным штампом, появились и некоторые скептические заявления на этот счет.

Хотелось бы узнать Ваше мнение, Иван Александрович, по поводу того, какова была реакция на вражеское вероломное нападение со стороны колхозников, работников МТС и совхозов, одним словом, со стороны тех, кто был непосредственно причастен к обеспечению сражавшейся страны людским пополнением, сырьем и продовольствием? И в развитие этого вопроса — что Вы можете сказать о народной инициативе советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны, в чем она проявлялась и насколько была масштабной и действенной?

И. А. Бенедиктов: Прежде всего считаю нужным отметить, что в опубликованных мемуарах и статьях некоторых наших полководцев и руководителей страны, военного времени о сельском хозяйстве СССР 1941—1945 гг. говорится очень мало и отрывочно, хотя и в позитивном плане.

Подвиг советской деревни военных лет как-то незаслуженно обойден даже в публикациях маршалов Жукова, Василевского, Конева, Рокоссовского, других военных деятелей. О советском крестьянстве у них сказано всего несколько строк... Может быть, это из- за какого-то незнания особенностей, состояния и функционирования нашего сельскохозяйственного производства в ту тяжелую и героическую пору. Может быть, по какой-либо другой причине, но факт остается фактом...

А между тем, победа без хлеба, без продовольствия, без сырья просто невозможна, немыслима. Я не знаю в истории ни одного примера, чтобы она, т. е. победа, была достигнута без поддержки сражавшейся армии сельским населением, без снабжения ее продовольствием и сырьем.

И в нашей исторической литературе эта тема, по моему мнению, заслуживает более широкого и более обстоятельного освещения.

Я согласен с Юрием Арутюняном, автором книги «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны», в которой он

справедливо заметил, что и со стороны историков имеет место недооценка реального вклада наших тружеников села в Победу. Исследователи призваны восполнить этот серьезный пробел. Надо достойно отразить, возвеличить наш тыл, в том числе роль колхозного крестьянства, работников МТС и совхозов, особенно заслуги наших' женщин, стариков и подростков, которые на своих плечах вынесли значительную часть военных тягот.

Необходимо особо подчеркнуть, что колхозы и совхозы оказались не только лучшей формой подъема сельского хозяйства в годы мирного социалистического строительства, но и могучим средством мобилизации сил советского крестьянства на отпор врагу во время войны. Без колхозов, без совхозов, без МТС, смею Вас уверить, страна не получила бы даже необходимого минимума сырья и продовольствия. И у нас неизбежно бы разразился сильнейший голод и в вооруженном столкновении с фашизмом мы потерпели бы неминуемое поражение.

Кроме того, колхозный строй явился могучей школой воспитания советского крестьянства в ду^е патриотизма, в духе любви к своей Родине. Надо сказать, что наше крестьянство всегда отличалось любовью к родной земле. Но никогда еще дело защиты Отечества не было таким близким и понятным ему как в дни Великой Отечественной войны.

Вероломное нападение армий фашистского блока на Советский Союз произошло в тот момент, когда на полях многих колхозов и совхозов готовились убрать хороший урожай. Действительно, по всем расчетам в 1941 г. он мог стать рекордным.

Но война перечеркнула все наши прогнозы, мечты, мирные планы. Гитлеровская агрессия прервала мирный труд советского народа, лишила его, в том числе колхозное крестьянство, значительной части того, что было добыто упорной, созидательной работой. На временно оккупированной территории СССР немецко-фашистские захватчики отняли у местного населения материальные ценности, хлеб, картофель, скот, одежду... В селах и деревнях гитлеровцы расхищали имущество МТС, колхозов и совхозов, сжигали дома и постройки, чинили дикий произвол над мирными жителями.

Вот цифры, которые могут дать определенное представление о создавшейся тяжелой обстановке; На захваченной врагом территории к ноябрю 1941 г., до войны производилось 38% зерна, 84% сахара, находилось 38% поголовья крупного рогатого скота, 60% свиней. Число колхозов сократилось с 225,5 тыс. в 1940 г. до 149,7 тыс. к концу 1941 г., совхозов — с 4159 до 2691, МТС — с 7069 до 4898. Среднегодовая численность работников в совхозах снизилась с 1373 тыс. до 860 тыс., а в МТС — с 537 тыс. до 439 тыс. Колхозных дворов вместо 18,7 млн. осталось 11,9 млн.

Общая реакция тружеников нашего социалистического сельского хозяйства на вторжение фашистских орд на советскую землю была

такой же, как и со стороны городского населения. Это гнев, глубокое возмущение по отношению к гитлеровским захватчикам, совершившим вероломное нападение на СССР. Это и стремление сотен тысяч представителей взрослого населения колхозов, совхозов и МТС, в том числе, особо подчеркиваю, не подлежавших мобилизации, добровольно пополнить ряды РККА. Заметим при этом, что наша Красная Армия состояла преимущественно из крестьян, составлявших тогда большинство населения СССР. В ее ряды труженики села послали из своей среды лучших из лучших, дав им наказ: стойко защищать Родину и биться с врагом, не жалея ни крови, ни жизни своей.

Кроме того, в западных областях страны тысячи колхозников ушли в партизаны, в подполье, записались в отряды народного ополчения и истребительные батальоны.

И, наконец, сотни тысяч сельских тружеников уже в начале войны были привлечены для работы в промышленности, строительстве, на заготовке дров и топлива, несмотря на крайний дефицит рабочей силы в сельскохозяйственном производстве. В те дни нарком лесной промышленности каждую неделю приходил к наркому земледелия, добиваясь мобилизации новых контингентов колхозни- - ков на вывозку леса. У нас с ним происходили просто жаркие схватки...

Тяжелые дни, конечно, переживала в тот период колхозная деревня. Колхозники во многом себе отказывали, сами недоедали, но стремились максимально возможное дать для армии, для отпора врагу, во имя победы.

Как во многих городах, так и в сотнях сел и деревень, уже в первые военные месяцы 1941 г., возникло немало ценных народных инициатив, направленных на достойную замену ушедших на фронт, повышение качества и своевременность проведения сельскохозяйственных работ, мобилизацию местных ресурсов и т. д.

Решающей силой в сельском хозяйстве стали женщины. В составе трудоспособного населения колхозов удельный вес женщин с 56% в 1940 г. увеличился до 73% в 1943 г. Число женщин-трактористок за это же время возросло в 2,6 раза, а женщин-комбайнеров — в 3 раза. Заменяя мужчин на полях, животноводческих фермах, работая на различных административных должностях, женщины-колхозницы, труженицы МТС и совхозов стойко переносили военные тяготы и лишения, доблестно выполняли свой долг перед сражавшейся страной.

О величии трудового подвига женщины-колхозницы проникновенно писал поэт Михаил Исаковский:

Ты шла, защаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

Из моих материалов военных лет приведу Вам еще несколько примеров патриотической инициативы сельских тружеников. Широкий отклик в стране нашел родившийся в начале войны почин комсомольцев и молодежи Иловлинской МТС Сталинградской области.

Недавно, просматривая новые научные издания о Великой Отечественной войне, об участии в ней Ленинского комсомола, я убедился, что этот почин не забыт и вошел в героическую историю нашей Родины и историю ВЛКСМ 1941-1945 гг. Кстати, об инициативе иловлинцев говорилось в одной из моих брошюр еще в 1942 г.

Что же ценного было в их начинании? Двадцать комсомольцев МТС решили своими силами провести ремонт машин за счет сбора и восстановления,старых запасных частей. Не получив от заводов ни одной детали, они сумели за короткий срок отремонтировать 73 трактора и обратились к молодым сельским труженикам страны последовать их примеру. На этот почин откликнулось немало последователей. И вот результат. В течение только 1942—1943 гг. в СССР было собрано, реставрировано и изготовлено запасных частей и инструментов для ремонта тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники на сумму 65 млн. рублей. Это также позволило, не загружая заводов, занятых выпуском военной продукции, отремонтировать десятки тысяч сельскохозяйственных машин.

Можно ли назвать колхозы и совхозы, в которых труженики полей уже в первые месяцы Отечественной войны добивались ощутимых результатов? Конечно, можно. В первых военных отчетах Наркомзема СССР постоянно назывался колхоз имени Молотова Шипуновского района Алтайского края. Его я отмечал в своей брошюре «Колхозная весна 1942 года», опубликованной в 1942 г. Вот она лежит перед Вами на столе.

В ней я, в частности, писал, что, несмотря на уход в ряды Красной Армии значительной части мужского населения коллектив этого колхоза в 1941 г. с меньшим числом людей своевременно и высококачественно провел основные сельскохозяйственные работы, выполнив досрочно и с превышением установленных норм все свои обязательства перед государством. В один лишь фонд обороны страны, говорилось в моей брошюре, колхоз сдал более 2 тыс. пудов отборного зерна.

И здесь сказались не только знания и опыт руководителей сельхозартели, продуманная организация труда колхозников, продуманный принцип их материальной заинтересованности и правильная расстановка производственных кадров. Важную роль в успехе передового колхоза Алтая сыграла умело поставленная агитационнопропагандистская деятельность, нацеленность каждого колхозника на самоотверженный труд, на работу за двоих и за троих во имя разгрома врага.

Отличался тогда и другой алтайский колхоз — «Искра» Белоглазовского района. Колхозники этой артели, работая по-военному, летом и осенью 1941 г., своевременно убрали урожай, рассчитались с государством, а в 1942 г. засеяли почти на 300 га больше, чем в 1941 г.

В течение всех военных лет эти два колхоза были настоящими маяками в Алтайском крае. На такие маяки (а их, повторяю, в стране было немало) равнялись коллективные хозяйства многих краев и областей нашего тыла.

А как самоотверженно трудились в экстремальных условиях военного лихолетья десятки тысяч колхозников и механизаторов машинно-тракторных станций! И среди них женские тракторные бригады Прасковьи Ангелиной, Дарьи Гармаш, Екатерины Линник, Ефросиньи Чекрыгиной, неизменно выходившие победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании...

А вот не менее интересные факты из моей рабочей записной книжки тех лет. Василий Королев - московский тракторист из Комсомольской МТС выработал за сезон в 1941 г. 1620 га. Знатный комбайнер Михаил Сабинин из Орловской МТС Ростовской области в том же году на сцепе двух комбайнов «Сталинец» за 28 календарных дней убрал 5020 гектаров при норме 800 гектаров. Звеньевая Давыдова из колхоза «Отзыв» Лозовского района Павлодарской области получила по 52 ц проса с одного гектара. Звеньевая Тезикбаева из Киргизии собрала в среднем по 1309 ц сахарной свеклы с каждого гектара. Бригадир Бакибаев из колхоза имени Фрунзе Избаскентского района Узбекской ССР получил средний урожай хлопчатника 76,5 ц на площади 27 га. Подобных примеров я бы мог Вам привести сотни, даже тысячи.

Выражением высокой сознательности наших граждан, их стремления отдать свои силы во имя разгрома врага явился и тот факт, что уже в 1941 г. огромная масса жителей городов и, прежде всего, домохозяйки, учащиеся школ, техникумов и студенты вузов пришли на помощь колхозам. В свою очередь село давало городу постоянную рабочую силу, продовольствие, хлеб и сырье для промышленности.

Заметим, что у нас заблаговременно, буквально с самого начала войны была организована из числа городской молодежи подготовка трактористов, комбайнеров, шоферов и других специалистов. Летом и осенью 1941 г., по данным ЦК ВЛКСМ и Наркомзема СССР, движение за приобретение квалификации сельских механизаторов охватило свыше 200 тыс. человек.

Уже на первой в военное время уборке урожая участвовало 25 тыс. трактористов и 16 тыс. комбайнеров из числа студентов, прошедших краткосрочные курсы механизаторов. Всего же за годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе удалось подготовить около 1,5 млн. молодых механизаторов.

В какой еще воевавшей стране можно найти подобные примеры!

Самоотверженность в труде проявляли не только колхозники, работники МТС, совхозов, но и служащие земельных органов, ветеринарные врачи, преподаватели сельскохозяйственных учебных заведений и ученые научно-исследовательских сельскохозяйственных институтов. Приведу в этой связи только один характерный пример. Вы, очевидно, знаете, что в Ленинграде есть Всесоюзный научно- исследовательский институт растениеводства (ВИР), который когда- то организовал академик Николай Иванович Вавилов. В этом институте еще в довоенные годы была собрана со всего мира богатая коллекция семян, из которых в результате селекции производили хорошие сорта. Перед тем как город оказался в блокаде, большую часть семян вывезти не удалось. Эвакуировали в тыл только малую[4] часть. Оставшиеся в блокадном городе сотрудники ВИРа, главным образом женщины, умирали с голода, но делали все, что было в их силах, чтобы спасти уникальную коллекцию. Едва двигавшиеся люди подвешивали к потолку колосья семян, чтобы они не достались крысам. Сами же ни одного грамма не использовали и умирали (больше половины сотрудников уже в первую блокадную зиму погибли от голода и холода, но мировую коллекцию семян и картофеля, насчитывавшую около 200 тыс. образцов, они сохранили для страны). Это поразительный пример и подлинного патриотизма, и великого мужества людей.

Я рассказал об этом товарищу Сталину, и было принято решение наградить всех участников спасения уникальной коллекции ВИРа.

Обо всех замечательных делах работников нашего земледелия военных лет можно вести очень долгий разговор. Поэтому я хочу в порядке небольшого дополнения к сказанному только перечислить еще ряд инициатив и починов, которые предложила тогда советская деревня. Часть этих, шедших снизу народных начинаний Наркомзем СССР оформил специальными приказами. Например, посевы тысяч дополнительных гектаров в фонд обороны, покупка для армии танков, самолетов за счет личных средств колхозников по примеру Ферапонта Головатого, отправление на фронт и в осажденный Ленинград десятков и сотен тысяч пудов хеба, мяса и других продуктов, снабжение продовольствием партизан, сбор для удобрений птичьего помета (в этих целях от него были очищены все старые колокольни). По инициативе самих колхозников был сокращен и упорядочен на селе управленческий аппарат. Помню, я был на одном мероприятии в колхозе, который назывался «8 марта». Там устроили после трудового дня что-то на подобие небольшого самодеятельного концерта, пели частушки. Одна была такая:

Наш колхоз «8 марта»
Уважает женский труд.
Бабы косят, детки носят,
Мужики — учет ведут...

Родились во время войны и такие ценные почины: перевод тракторов на скипидар и газогенераторное топливо, привлечение сельских учителей к счетным работам, сбор у колхозников запасных частей и инструмента для тракторов (многие трактористы ушли в армию, но каждый из них имел дома какой-то запас инструмента и разных деталей к машинам), выделение семян и скота в помощь освобожденным районам и т. д. Всех этих инициатив невозможно перечислить, их было очень много.

Вот, пожалуй все по данному вопросу.

Г. А. Куманев: Каким образом в военных условиях возмещалась временная потеря Советским Союзом громадной территории, где до войны находилось около половины всех посевных площадей?

И. А. Бенедиктов: Как известно, в первый период войны врагу удалось временно оккупировать обширную территорию Западно- Европейской части СССР. Из нашего продовольственного баланса оказались выпавшими Украина и Крым, Дон и Кубань, Белоруссия, Молдавия, Прибалтика и некоторые центральные районы. В этих- труднейших условиях сельские труженики тыловых, особенно восточных районов, должны были, максимально используя возможности колхозно-совхозной системы, удвоить и утроить свои усилия, чтобы обеспечить потребности Красной Армии, промышленности и нормированное снабжение населения.

Одним из важных шагов в этом направлении явилось увеличение в стране посевных площадей. Уже осенью 1941 г. наши колхозы и совхозы сумели более чем на 2 млн. гектаров расширить посевы озимых культур, прежде всего за счет распашки новых земель в восточных районах. Эта тенденция была сохранена в 1942 г., сохранена и приумножена в течение всех последующих военных лет.

Сейчас такая политика партии и правительства кое-где в печати критикуется. Я с подобной критикой не согласен. Вопрос о расширении посевных площадей в восточных районах тщательно обсуждался, анализировался, прежде чем вынести соответствующее постановление. Помню в сентябре 1942 г. мне довелось участвовать на ; двух заседаниях Политбюро ЦК партии, где после детального рас-' смотрения были приняты важные решения о дальнейшем расширении посевов зерновых культур в совхозах Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей РСФСР, нескольких областей Казахской ССР, а также в колхозах Азербайджанской и Армянской ССР.

Из чего исходили Совнарком и ЦК партии, считая крайне необходимым увеличить масштабы посевных площадей? Из того, что требовалось хоть сколько-нибудь компенсировать потерянное в результате вражеской оккупации. В этих условиях правительственные органы страны, в том числе Наркомзем СССР, не могли отмахнуться от такой народной инициативы. Ведь предложение расширить посев-;

ные площади за счет залежных и целинных земель исходило от самих трудящихся и руководителей восточных районов СССР.

Причем, планируя расширение посевных площадей, мы понимали, что где-то это отразится на сроках сева, на ухудшении агротехники, т. к. сил и средств на селе в военной обстановке было гораздо меньше, чем перед войной, минеральных удобрений тоже меньше, навоза меньше и т. д.

Да, сроки сева нарушались, но на это шли сознательно, ибо при всех условиях расширение посевных площадей все же позволяло увеличить валовой сбор зерна. Даже при неблагоприятных условиях мы все-таки повышали элемент гарантии на получение несколько большего валового сбора зерна, овощей, картофеля и других технических культур.

Таким образом, решение о расширении посевных площадей было правильным и оправдало себя. Вот как оценивал положение со снабжением нашего населения продовольствием в разгар войны Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. Выступая 9 февраля 1944 г. на митинге в г. Орехово-Зуеве, он сказал: «Перед нами стояла еще одна весьма важная задача - преодоление трудностей со снабжением продовольствием во время войны. Самые хлебородные наши области — Украина, Дон, Кубань, Ставро- польщина — временно выпадали из нашего бюджета, мы жили тогда продукцией наших восточных и центральных областей. И тем не менее мы прожили эти два с половиной года не так уж бедно. Мы, может быть, сейчас не вполне даже сознаем, какая гигантская задача решена советским правительством, советским народом».

Г. А. Куманев: А как Вы оцениваете работу, осуществленную в стране по перебазированию ресурсов сельского хозяйства в первые месяцы войны?

И. А. Бенедиктов: И сейчас, когда прошло около 35 лет после завоевания Победы над фашизмом, нельзя не вспомнить без волнения и гордости поистине титаническую работу, проведенную в Советском Союзе по перемещению из угрожаемых районов на Восток миллионных масс людей, общественного и государственного имущества и других материальных ценностей.

Как Вы знаете, руководство эвакуацией возглавил созданный на третий день войны Совет по эвакуации при СНК СССР, а на местах этими вопросами непосредственно занимались республиканские, областные, районные и городские комитеты и комиссии по эвакуации.

Специальные бюро, комиссии и группы по перемещению производительных сил были образованы и при наркоматах. Такие группы Наркомзема СССР, насколько я помню, действовали в Москве, Ростове, Куйбышеве, Саратове, Орле, Воронеже и других городах. Наркомат земледелия направлял своих уполномоченных и в тыловые

районы, которые принимали перемещаемые туда некоторые кадры специалистов сельского хозяйства, эвакуируемый хлеб, скот, машины, трактора, комбайны, а также другую хозтехнику и имущество. По планам наркомата проводилось перебазирование материальных ресурсов колхозов, МТС, совхозов, моторемонтных заводов. Наши специалисты разработали инструкции о правилах перегона скота, приема и размещения сельскохозяйственных предприятий и животных на новых местах.

Подобного масштаба и размеров эвакуации, такой в целом ее высокой организованности история еще не знала. Посудите сами - в 1941-1942 гг. из угрожаемых районов страны удалось переместить в тыл 2 млн. 390 тыс. крупного рогатого скота (в том числе 914 тыс. коров), а также 186 тыс. свиней, более 5 млн. овец и коз, 818 тыс. лошадей, 7100 тракторов МТС и совхозов, довольно значительное количество хлеба и других продуктов.

Причем следует иметь в виду, что в отличие от перебазирования промышленных предприятий, отправлявшихся в тыл в первую очередь и преимущественно по железной дороге, скот и сельскохозяйственные машины двигались как правило самоходом.

Скот, кроме того, что мы перегнали в восточные районы, использовался и для питания нашей армии в течение нескольких месяцев. Ко мне приходили в наркомат представители колхозов и спрашивали:

— Товарищ нарком, как быть со скотом?

— А где ваш скот?

— Армия взяла, вот документы.

Конечно, все это было естественно, закономерно. Ведь армия должна была питаться, и часть эвакуируемого скота использовалась для этой цели.

Тракторов мы переправили в тыл меньше, чем хотелось и планировалось, поскольку платформ для них нам почти не выделяли. Очень мало получал Наркомзем вагонов и под погрузку сельхозиму- щества. Поэтому почти все нам приходилось перебрасывать своим ходом. Вагоны с большим трудом получали под породистый скот, под породистых свиноматок и хряков.

Поскольку продвижение войск противника шло довольно быстро, вывезли мы не столько, сколько хотели, сколько рассчитывали. И все же удалось перебазировать немало скота (общие цифры я Вам уже назвал), большую часть тракторов, сельхозмашин и самое главное — миллионы людей.

А вот с зерном дело обстояло хуже. Эвакуировать хлеб полностью не представлялось возможным. Встал вопрос: как его уничтожить? Обливали бензином — не горит. Развеивали по ветру — эффект тоже был незначительный. А ведь зерна имелись огромные массы, урожай в 1941 г. оказался рекордным... Значительную часть хлеба, чтобы не досталась врагу, не удалось даже испортить.

Конечно, что-то сумели скрыть, закопать, раздать колхозникам и партизанам. Но утверждать, что немецко-фашистские оккупанты захватили лишь самую минимальную долю зерна, было бы неправильно. Готовую продовольственную продукцию мы почти не эвакуировали. Винить в этом нельзя ни работников транспорта, ни местные власти, ибо требовалось спасать прежде всего оборудование, агрегаты, машины и некоторые изделия военных заводов. Для сельского хозяйства подвижного состава, таким образом, уже не хватало.

И, наконец, почти все фонды, которые мы готовили по моблп- лану, в западной части страны пропали. Массовых эвакуационных перевозок из-за быстрого продвижения врага там не было. В приграничных районах эвакуируемый скот и люди с машинами нередко попадали в окружение, под обстрелы и бомбежки авиации противника.

Заключая мой ответ на этот Ваш вопрос еще и еще раз хочу подчеркнуть: в целом труженики села в той очень тяжелой обстановке предприняли максимум усилий, чтобы спасти от захватчиков колхозное и государственное добро. Колхозники, специалисты сельского хозяйства, ветеринары, сопровождавшие скот и сельскохозяйственное имущество, проявили себя настоящими героями и патриотами.

Эвакуация, проведенная во второй половине 1941 г., лишила немецко-фашистских оккупантов весьма значительного количества материальных ценностей, что позволило в определенной степени смягчить остроту продовольственной проблемы в стране.

Г. А. Куманев: А насколько удачно были перемещены в тыл ресурсы сельского хозяйства СССР во время второй волны эвакуации, т. е. летом и осенью 1942 г.?

И. А. Бенедиктов: Общий уровень второй эвакуации был лучше. Но опять-таки скажу: перебросили в тыл тоже не все, что хотелось бы.

Г. А. Куманев: Если ознакомиться с постановлениями ГКО и Комиссии по эвакуации за 1942 г., то окажется, что многие из них были связаны с вывозом хлебных запасов.

И. А. Бенедиктов: Да, это так. Непосредственно данными вопросами, кроме ГКО и Комиссии по эвакуации, занимался Наркомат заготовок, который во время войны возглавлял Клавдий Петрович Субботин. Мы же, т. е. Наркомзем, в первую очередь отвечали за спасение семенного фонда (семян из государственного фонда) и смогли эвакуировать его в значительном количестве.

Что касается продовольственного зерна, то вывоз его обеспечивал, повторяю, Наркомат заготовок и больше половины этих запасов удалось перебазировать.

Г. А. Куманев? Нельзя ли узнать, в чем заключалась основная работа Наркомата земледелия ***СССР ъо*** время войны?

И. А. Бенедиктов: Как в предвоенный период, так и особенно в

условиях Великой Отечественной войны, у Наркомзема СССР был колоссальный и трудноуправляемый объем работы. Чем только мы не занимались! Это и планирование всех отраслей сельского хозяйства. Это и учет. Это и материально-техническое снабжение, причем снабжение всего сельского хозяйства шло из Центра. Это и финансирование (все деньги были у народного комиссара земледелия по всем республикам). Это и управление машинно-тракторными станциями. Наконец, в ведении Народного комиссариата земледелия СССР находилось большая часть лесного хозяйства, а также птицеводство, животноводство, карантинная служба, орошение и осушение, агротехника, руководство научными учреждениями и научными исследованиями в области сельского хозяйства и т. д. и т. п.

Г. А. Куманев: Каковы, по Вашему мнению, роль и место продовольственных поставок союзников нашей стране по ленд-лизу?

И. А. Бенедиктов: Считаю необходимым сразу же подчеркнуть, что именно наше социалистическое земледелие, несмотря на колоссальные трудности и потери, обеспечивало во время войны основные потребности воевавшей страны в продовольствии.

Другими словами, благодаря высокой сознательности, патриотизму, самоотверженному труду колхозного крестьянства, работников МТС и совхозов и, конечно, благодаря широким мобилизационным возможностям колхозно-совхозной системы Советскому государству удалось в годы Великой Отечественной войны располагать таким .количеством продовольствия, а также сырья, которого в целом хватало для бесперебойного снабжения Красной Армии и всего населения.

Что касается продовольственных поставок, которые, хотя и с перебоями, но поступали в тот период от наших заокеанских союзников по ленд-лизу, то, к сожалению, они не приняли больших размеров и составляли сравнительно малую долю с того, что было произведено тогда в Советском Союзе. За военные годы (с 1941 по 1945 г.) среднегодовой импорт из США и Канады в СССР крупы, муки и зерна составил (в пересчете на зерно) 0,5 млн. тонн, что равнялось лишь 2,9% среднегодовой заготовки зерна в Советском Союзе. По признанию руководителя американской программы ленд- лиза Стеттиниуса (в его книге «Ленд-лиз — оружие победы»), поставки продовольствия в СССР (цитирую) «лишь в малой степени отвечали потребности Красной Армии в калориях и ничего не оставалось гражданскому населению».

Однако и за эту экономическую помощь мы благодарны нашим западным союзникам. Ведь и она, хотя решающую роль не сыграла, но, несомненно, ускорила разгром нашего общего врага.

Г. А. Куманев: Несмотря, на то, что сельское хозяйство СССР в 1941—1945 гг. в целом обеспечило страну и армию продовольствием, а военное производство сырьем, урожайность на колхозных и совхозных полях в целом не отличалась в тот период высокими показате

лями, хотя официальная пропаганда на этот счет предпочитала говорить довольно глухо или вообще умалчивала. Было бы весьма важно узнать Ваше мнение, Иван Александрович, по данному поводу.

И. А. Бенедиктов: Действительно, урожайность на колхозных посевных площадях в целом была довольно низкой. Причем не только в военные годы, но и до войны: Главная причина такого положения заключается в крайне малом производстве в стране удобрений.

Был у нас такой крупный почвовед академик Прянишников. Вы его, наверное, знаете. Это большая величина в сельскохозяйственной науке. Он в свое время подсчитывал баланс азота в почве. Нам доказывал на коллегии Наркомата земледелия, что каждый год наш урожай уносит из почвы 5—6 млн. тонн азота. А мы вкладываем в ту же почву в виде трав бобовых, в виде минеральных удобрений, в виде навоза всего 2,5-3 млн. тонн азота, т. е. каждый год мы из почвы брали азота, питательных веществ больше, чем возвращали. И неизбежен был приход такого момента при ухудшении агротехники, когда наступало резкое снижение урожайности. Это и произошло во время, когда мы почву продолжали интенсивно истощать.

И в настоящее время, при бурном росте у нас производства минеральных удобрений их вложений в почву еще недостаточно. Приведу Вам такие цифры. Например, в 1973 г. в СССР было произведено удобрений в размере 72 млн. 322 тыс. тонн, а в США — 77 млн. 400 тыс.'тонн при значительно меньшей посевной площади. А если взять на душу населения, то в Советском Союзе в среднем производилось 290 кг минеральных удобрений (в условных единицах), а в США — 368.

Я беседовал с некоторыми академиками из ВАСХНИЛа, спрашивал, сколько они считают необходимо нам иметь удобрений, чтобы полностью снабдить наше сельское хозяйство минеральными удобрениями. Мне называли цифры 140—150 млн. тонн. Может быть, эти цифры и несколько преувеличены, исходя из крестьянской психологии. Но, видимо, все-таки реальная потребность близка к таким данным.

До войны, не говоря уже о венном времени, практически минеральные удобрения у нас давали главным образом только под хлопок и ничтожно мало — под другие технические культуры.

Г. А. Куманев: Какое внимание сельскохозяйственному производству и в целом труженикам деревни проявлял Сталин накануне и во время Великой Отечественной войны? Насколько компетентными, верными были его представления о состоянии сельского хозяйства, а также решения и указания по проблемам отечественного земледелия?

И. А. Бенедиктов: Разумеется, Сталин и до войны, и во время Отечественной войны, да и после ее окончания постоянно интересовался всеми важнейшими делами, связанными с состоянием и

развитием нашего сельского хозяйства. Но в силу ряда причин его оценка нашей деревни, жизни колхозного крестьянства на том или ином этапе далеко не всегда отражала действительное положение. Правда, в предвоенные годы, когда встал вопрос о повышении сельскохозяйственного налога, Сталин весьма настороженно отнесся к этому предложению Наркомфина. Но в конце концов согласился его значительно повысить из-за необходимости направить крупные средства в оборонную промышленность. Сельхозналог был тогда увеличен в 1,8 раза и оставался в силе во время войны.

После возвращения страны к мирному труду размеры сельхозналога, хотя и с некоторыми колебаниями, продолжали расти. Где-то в начале 50-х годов у Сталина сложилось мнение, что наши колхозы уже вполне оправились от огромного ущерба, причиненного им гитлеровским нашествием, и материальное положение колхозников в целом достаточно высокое.

Такое представление вождя о положении колхозов и об уровне жизни наших сельских тружеников было навеяно ему грузинами. Там, в Грузии, доходы от колхозов имелись довольно большие. Были повышены цены на мандарины, абрикосы, другие южные культуры. И в Грузии многие колхозы действительно стали быстро богатеть. (Правда, тоже не во всей республике.) Это сказалось на мнении Сталина о зажиточности колхозов и колхозников. Вступать с ним в спор было занятием нелегким и довольно рискованным. Требовалось быть абсолютно уверенным в правоте своей точки зрения, владеть фактами, точными данными, обладать и определенным мужеством.

Министр финансов Арсений Григорьевич Зверев посоветовался с Министерством сельского хозяйства, и мы с ним решили держаться фактической стороны дела, т. е. доказывать, что колхозы не обладают большими денежными средствами.

Зверев представил Сталину докладную записку с изложением данных о доходах на селе и вновь высказался, что нельзя вводить дополнительный налог. Иначе, доказывал он, ссылаясь на мнение Минсельхоза СССР, пропадут еще больше интересы людей работать в колхозах. Это была сущая правда. И без того многие труженики деревни материально только-только сводили концы с концами. Нарушался принцип их материальной заинтересованности в результатах своего труда. Достаточно было проанализировать налог с оборота сельскохозяйственных продуктов, который получало государство, чтобы стало ясно, какой доход мы имели от деревни.

Зверев в своей записке обошел анализ налога с оборота сельскохозяйственного производства, не отдал должное колхозному крестьянству, которое этим налогом с оборота помогало и обороне страны, и проводимым мероприятиям.

Сталин же был по-прежнему глубоко уверен, что колхозы, колхозники (и не только южной зоны) имеют солидные доходы и их

;лсдует обложить повышенным налогом, соответствующим этим лысоким доходам.

Г. А. Куманев: В каких размерах предусматривалось повысить сельхозналог? Снова как перед войной почти в два раза?

И. А. Бенедиктов: Не в два раза, а даже побольше.

Г. А. Куманев: А об этом было где-то опубликовано?

И. А. Бенедиктов: Конечно, нет. Но Хрущев об этом проговорился, в какой-то речи.

Так вот, по указанию Сталина, кажется, в феврале 1953 г. была образована большая комиссия, которой поручалось дать предложения о дополнительном налоге.

В комиссию вошли, насколько я помню, такие видные деятели из окружения Сталина, как Маленков, Микоян, Берия, Пономаренко, Андреев и другие. По моему мнению, ряд членов комиссии ясно себе представляли, что не может быть и речи о новом высоком налоге. Более того — они считали, что наше сельское хозяйство нуждалось в большей помощи со стороны государства.

Но были и такие члены комиссии, которые колебались, а некоторые — совершенно категорично высказывались, что Сталин прав, что дополнительный налог обязательно нужно установить и указания вождя выполнять беспрекословно. И, наконец, отдельные члены комиссии, особенно представители Грузинской ССР, приводили примеры из своих личных наблюдений о высокой доходности отдельных колхозов республики. Но ведь это были «исключения из правил», а не общая картина.

Комиссия очень долго обсуждала данный вопрос. Наконец, она поручила Звереву и Бенедиктову подготовить проект решения и записку на имя Сталина, предварительно, как отметила комиссия, «более глубоко изучив доходы колхозов». Ну это изучение нами сознательно проводилось не спеша. Мы были уверены в непосиль ности повышенного налога и в меру своих сил тянули это чреватое по своим последствиям предложение. В марте 1953 г. в связи со смертью Сталина вопрос о дополнительном сельхозналоге сам по себе отпал и больше его никто не поднимал.

Данная история показывает: с одной стороны, Сталин признавал как будто, что положение колхозов такое, что экономических стимулов их роста недостаточно. А, с другой стороны, известный период времени был уверен, что колхозы уже настолько богаты, что их нужно дополнительно облагать высоким налогом.

Еще ряд моментов отрицательно сказались на сталинском руководстве нашим сельским хозяйством. Урожайность тогда определяло Центральное статистическое управление (ЦСУ). Давали Сталину сведения об урожайности, он соглашался. При этом Сталин боялся заниженности урожайности. И не только потому, что перед мировой общественностью мы в таком случае не хорошо бы выглядели. Но и

потому, что это сразу снижало поступление натуроплатой государству, т. е. государство просто лишалось хлеба.

Поэтому он считал, что лучше урожайность завысить, чем зани-1 зить. Сталин был убежден, раз данные об этом дают крестьяне, то. урожайность свою они явно занижают, не считаясь ни с какими] фактами. Выражая свое недовольство, он говорил: «Урожайности ваша никуда не годна». И требовал данные об урожайности испра-' вить. В результате они подправлялись под его субъективную точку зрения.

То же самое в планировании сельскохозяйственного производства. Иной раз установки вождя были просто неправильными, когда он фактически выступал против агротехники, против целесообразного размещения культур, вопреки многолетней практике, опыту. Привез как-то Сталин с юга, где находился на отдыхе, мешочек семян ветвистой пшеницы. Вызвал меня и одного ученого. Прибыли к нему. Он сразу же мне говорит:

--- Ваше министерство знает о ветвистой пшенице?

Я говорю:

--- Знает, товарищ Сталин. Она была на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, показана как экспонат. Она известна, ее история — несколько тысячелетий. Но это благородная культура. К посевам, размножению ветвистая пшеница не поддается.

--- Неправильно, не знаете этого дела. Я даю ее вот этому ученому, пусть он ветвистую пшеницу размножает, пусть он это сделает.

Налицо было недоверие Сталина к руководству Министерства сельского хозяйства.

Этот ученый добился на пол-гектаре очень высокой урожайности ветвистой пшеницы, опубликовал о своем достижении в печати, получил, кажется, 75 ц с гектара. Из этого результата был сделан вывод, что можно получать и по 100 ц с гектара. Тут Министерство сельского хозяйства выглядело очень некрасиво. Пришлось решение принимать: обязать органы земледелия, колхозы и совхоз размножать, внедрять ветвистую пшеницу, расширять ее посевные площади...

Расширили, увеличили. А урожаи получали по 5-6 ц. А друга?! пшеница, другого сорта — 8—12 ц. Что мы только не давали ветвистой пшенице! Только птичьего молока. А остальное все давали. И минеральные удобрения, и навоз, мобилизована была и современная агротехника. А она не шла, вырождалась. Ну, первый раз не получилось, дали кой-кому выговор, но пшеница от этого не выросла. Второй год. Опять огромные усилия и опять пшеница не растет;..

Расскажу Вам еще об одном послевоенном эпизоде. В конце марта 1950 г. вызвали меня и министра пищевой промышленности СССР Василия Петровича Зотова к одному из заместителей Председателя Совета Министров СССР — к Лаврентию Берии. Известная зловещая фигура. В кабинете у него находилось несколько человек

из промышленных министерств и Совмина Грузии. Обсуждался проект постановления «О мерах по увеличению производства пшеницы в Грузинской республике». Предлагалось расширить посевные площади под пшеницу за счет распашки зимних пастбищ и выгонов, а также за счет сокращения посевов кукурузы и табака.

Берия раскритиковал этот проект за скромность, назвал его неполноценным, не отвечающим требованиям Сталина.

— Надо увеличить посевы пшеницы на несколько тысяч гектар за счет сокращения посевов табака и эфиромасличных культур, — заявил Берия.

Кто-то дал реплику:

— Мы эфир, масло закупаем за валюту. Зачем же сокращать посевы этих культур? Наша промышленность весьма нуждается в этих маслах. Это неправильное предложение, тем более что в Грузии очень благоприятные климатические условия для эфиромасличных культур.

Аргументы на Берию не подействовали. Он был разгневан такой репликой и потребовал от работников Совмина Грузии и Министерства сельского хозяйства Грузинской ССР представить новый проект постановления с учетом его замечаний и мнения вождя.

В частности, Сталин, рассматривая данные о расходах зерна, обратил внимание, что Грузия свои расходы в хлебе покрывает только на 25% за счет заготовок пшеницы у себя в республике. Остальное, примерно 185 тыс. тонн, завозила из других краев, областей и республик. Сталин пришел к выводу, что Грузия сама себя должна обеспечить хлебом. Вот такая была установка.

Берия находился в кабинете вождя, когда тот делал замечания. Желая угодить Сталину и показать себя человеком оперативным, компетентным, знающим, Берия стал сразу действовать. В ходе обсуждения данного вопроса на созванном Берией совещании он предложил сократить не только посевы табака эфиромасличных культур, но и кукурузы. И в результате вышло в свет весьма ошибочное решение. Ведь климат в Грузии, повторяю, весьма благоприятен для указанных культур, а табаки Грузии считались на мировом рынке одними из лучших, наиболее ароматными. И потом доход с одного гектара эфиромасличных был в 45 раз выше, чем доход от пшеницы. Никто на это не обратил внимания.

Можно только себе представить, какой серьезный вред нашему сельскому хозяйству наносили такие «старания» Берии и ему подобных.

Г. А. Куманев: А почему Сталин выступил категорически против продажи или передачи сельхозтехники и в целом машинно-тракторных станций колхозам?

И. А. Бенедиктов: У меня, Георгий Александрович, сложилось такое мнение: Сталин считал, что МТС — это такая сила в руках государства, которую выпускать из-под контроля никак нельзя. Он

и слышать не хотел о подобных предложениях. Более того, мне кажется, если бы кто-то при нем сделал такое заявление, то от такого деятеля просто бы перья полетели. Сталин считал МТС выдающимся достижением партии и государства, важным рычагом управления государства колхозным крестьянством. В дальнейшем, возможно, он бы мог поступить иначе.

В целом я глубоко убежден, что, несмотря на некоторые, даже серьезные ошибки и промахи (в том числе и в области руководства сельским хозяйством), Сталин в военно-экономических вопросах был человеком весьма дальновидным и часто действовал обдуманно, взвешенно. Мне довелось участвовать на многих совещаниях в Кремле, заседаниях Политбюро ЦК и правительства, пленумов ЦК партии и т. п. И я могу только подтвердить, что почти всегда по разным вопросам Сталин советовался и прислушивался к мнениям специалистов. Это подчеркивает, например, и знаменитый авиаконструктор, генерал-полковник авиации и академик Александр Яковлев в своей книге «Цель жизни». А если взять мемуары наших полководцев, то все они единодушно такую черту вождя тоже подтверждают.

Но иногда, как я уже отмечал, Сталин неоправданно и упрямо решал важные проблемы вопреки целесообразности и мнения других.

И еще была у него одна поразительная черта: когда шло какое- нибудь заседание, кто-то выступал и возникали споры, — Сталин умел слушать.

Некоторые из его ближайшего окружения, в том числе члены Политбюро ЦК, иной раз проявляли торопливость, бросали выступавшему разные колкие реплики.

-

--- Не мешайте, - обрывал их Сталин. И обращаясь к оратору, говорил:

--- Продолжайте Ваше выступление.

Правда, Сталин терпеть не мог проявлений краснобайства, расплывчатости, отсутствия четких положений в речах, дельных предложений, особенно по конкретному или личному вопросу. А уж если тот или иной выступавший пытался «выкрутиться», занимался попросту враньем, участь такого бывала не завидной.

Вот все, что могу сказать по этому вопросу.

Г. А. Куманев: Как Вы оцениваете отмену в СССР вскоре после окончания Великой Отечественной войны хлебных карточек? Задаю этот вопрос, потому что мне уже приходилось читать и слушать, что это был, якобы, обыкновенный пропагандистский шаг Советской власти.

И. А. Бенедиктов: Подобные демагогические утверждения могут вызвать только глубокое возмущение своей какой-то наглостью и безаппеляционностью. Между прочим во многих работах, с которы-’ ми мне довелось знакомиться, этот вопрос почему-то вообще не освещается. О денежной реформе вкратце что-то говорится, а об отмене продовольственных карточек — почти ни слова.

Я хочу напомнить, что с 1947 г. мы начали завозить продовольственные товары в розничную сеть для накопления их к началу открытия магазинов по продаже без карточек. К 1 декабря 1947 г. запасы, например, мясных продуктов в розничной сети возросли против января этого же года на 65%, жиров - на 60%, а сахара больше, чем вдвое.

Прошло два с половиной года после войны (срок весьма короткий для перехода к свободной торговле) и здесь, безусловно, сказалась сила нашего колхозно-совхозного строя, что позволило Советскому государству первым из всех стран, участвовавших в войне, отменить карточки. Этого забывать нельзя.

Только небольшое число капиталистических стран смогли добиться отмены карточек к концу 1948 г. Многие же страны, в том числе Франция, Италия, Западная Германия, Норвегия, Голландия расстались с карточками лишь в 1949 и 1950-х гг. Это тоже считаю целесообразным подчеркнуть. Отмена, карточек вскоре после окончания Великой Отечественной войны явилось примером гибкого управления народным хозяйством страны и укрепления нашей экономики. Даже реакционная зарубежная печать не могла умолчать о таком факте. Денежная реформа и отмена карточек в СССР, по ее | мнению, знаменовали собой важный этап в послевоенном развитии (Советского Союза.

I ***Г. А. Куманев:*** Когда и кем поднимался вопрос об организации совхозов на базе некоторых экономически слабых колхозов?

1 ***И. А. Бенедиктов:*** Этот вопрос поднимался в послевоенные годы. Я в свое время представил записку в ЦК партии, в Политбюро о целесообразности ряд слабых колхозов перевести в совхозы. Записка была разослана обкомам партии и вокруг этого предложения развернулась острая дискуссия. Здесь, в центре имелось немало противников «записки», усмотревших в ней «подкоп под колхозный строй». Но все обкомы партии меня поддержали, посчитав предложение (вполне разумным.

I И в 1954 г. часть колхозов, экономика которых особенно сильно | пострадала от войны и по другим причинам, была переведена по просьбе общих собраний колхозников в совхозы. Между прочим первыми, кто подал мне эту идею, были сами колхозники. И мы посчитали необходимым их мнение поддержать.

Это носило характер чрезвычайного мероприятия Советского правительства, которое проводилось с целью ускорения подъема сельского хозяйства и в интересах увеличения благосостояния той части колхозников, которые находились в наиболее трудном положе- , нии. Это было своеобразной помощью государства колхозному крестьянству.

Через два года я подал в ЦК новую записку, в которой показал эффективность этого перевода. За это время урожайность в новых совхозах выросла в среднем на 50%, удои молока — на 60%. Колхоз-

ники стали лучше жить, с большей охотой трудиться, да и дисциплина на селе стала лучше.

В заключение хочу сказать несколько слов о пути развития нашего сельского хозяйства. Опыт СССР и ряда других стран мира убедительно подтверждает, что в современных условиях социалистическое сельское хозяйство должно развиваться на промышленной основе. Другого пути, по-моему, нет. Характерной особенностью современного прогресса отечественного земледелия должен явиться переход на промышленные методы и на промышленную технологию с развитием вертикальной интеграции, в органическом слиянии производства сельскохозяйственной продукции с ее переработкой.

Поскольку наша беседа подходит к концу считаю нужным вкратце затронуть еще одну важную проблему: как более рационально использовать в колхозах и совхозах полученные удобрения и как уберечь от больших потерь собранный урожай?

Во-первых, качество удобрений. Наша промышленность еще не подготовлена, чтобы давать такие удобрения, которые были бы хорошо транспортабельными. Например, гранулированные, а не пылевые удобрения.

Во-вторых, надо давать такую тару, которая была бы прочной, I надежной во всех отношениях. Железнодорожники должны стре- j миться делать какие-то навесы, а не перевозить удобрения под, открытым небом, не говоря уже о зерне и других продуктах.

По грубым подсчетам, минеральных удобрений терялось в те годы около 10%. Сейчас немного меньше, примерно 7-8%. Требуется целый комплекс мероприятий. Нужны складские помещения, нужен современный транспорт, нужна добротная тара. Все постепен-; но улучшается, но очень медленно.

Что касается транспортировки и хранения урожая (зерна, ово-j. щей, фруктов), то мы его теряли, теряем и будем еще терять в, ближайшие годы, причем много терять на этой стадии. Если Вы; спросите, сколько в довоенное время мы теряли хлеба каждый годт ’ Отвечу — процентов 15—20%. Почему? На день опоздали с уборкой сразу потери. Растягивали уборку, потому что не хватало средств для того, чтобы быстро убрать. Теряли на перевозках, теряли потому, чтЬ не было крытых токов, от влажности теряли. Потери большие. И сейчас значительное количество хлеба теряем.

Г. А. Куманев: У меня последний к Вам вопрос, дорогой Иван Александрович: работаете ли Вы сейчас над мемуарами?

И. А. Бенедиктов: Нет. За последние годы я выпустил вторую брошюру о советско-индийской дружбе. Она вышла в свет на всех языках Индии и на английском языке. В связи с поездкой в Индйю Брежнева я получил за нее благодарность, а потом меня попросили", срочно дополнить ее материалами о той поездке генсека и написать главу «Неру — друг Советского Союза». В результате появилось второе издание названной брошюры...

Что касается книги воспоминаний о сельском хозяйстве и крестьянстве СССР в довоенные годы, во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период, то для меня это довольно сложно. Многое еще не созрело, чтобы выступить с мемуарами. Надо ведь очень интенсивно поработать.в архивах, читать, сверять, находить новые свидетельства. Все это требует большой затраты энергии, усилий, а здоровье уже не то. С этим приходится, как ни печально, считаться...

Д. Г. ЖИМЕРИН

Дмитрий Георгиевич Жимерин (12.10.1906 — 15.05.1995) принадлежал к людям, сочетавшим в себе талант хозяйственного руководителя государственного масштаба с даром пытливого исследователя, крупного ученого-энергетика. Не считая И. В. Сталина и В. М. Молотова, избранных соответственно в 1939 и 1946 гг. почетными членами Академии наук СССР, он был, пожалуй единственным среди всех сталинских наркомов военных лет, кто получил высокое ученое звание члена-корреспондента Академии наук СССР.

Д. Г. Жимерин стал народным комиссаром электростанций СССР в разгар войны в возрасте 35 лет после скоропостижной смерти прежнего наркома А. И. Леткова. Перебирая список кандидатов, которые могли бы достойно заменить умершего, Сталин остановил свой выбор на первом заместителе наркома, поскольку тот заметно выделялся среди других руководителей наркомата по своим знаниям, опыту и работоспособности.

Вступив на эту высокую и ответственную должность, новый нарком проявил большую энергию по налаживанию в стране энергосистемы. В январе 1942 г., когда состоялось назначение, еще продолжалась эвакуация электростанций и энергетического оборудования из угрожаемых районов страны. Необходимо было не только слаженно и без серьезных потерь завершить перебазирование крупногабаритных энергетических объектов, но и в предельно сжатые сроки восстановить их на новых местах и ввести в действие.

С этой трудной задачей Наркомат электростанций, возглавляемый Д. Г. Жимериным, успешно справился. Одновременно была проведена огромная работа по расширению производственных энергомощностей на востоке страны для обеспечения все возрастающей потребности в электроэнергии оборонной и других видов промышленности, а также по восстановлению электростанций в прифронтовых и освобожденных районах.

В послевоенные годы Дмитрий Георгиевич занимал ряд важных государственных постов. При укрупнении министерств был первым заместителем министра электростанций и электропромышленности СССР, первым заместителем председателя бюро Совета Министров. СССР по химии и энергетике, работал в Госплане СССР и Госплане РСФСР, Государственном комитете Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ. Перейдя на научноорганизационную работу в течение нескольких лет являлся директо-

ром Государственного научно-исследовательского энергетического института им. Г. М. Кржижановского, а затем первым заместителем председателя и советником председателя Государственного комитета по науке и технике. В 1966 г. стал доктором технических наук, а 21 ноября 1970 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. I Опубликовал большую серию трудов по проблемам энергетики и среди них такие крупные монографии, как «Развитие энергетики ' СССР» и «История электрификации СССР».

Многогранная плодотворная деятельность Дмитрия Георгиевича во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы отмечена высокими государственными наградами. Достаточно указать, что он был награжден четырьмя орденами Ленина.

Познакомился я с ним в начале 1971 г., когда участвовал в подготовке Всесоюзной научной сессии «Советский тыл в Великой Отечественной войне», проведение которой было предусмотрено в Московском доме ученых 7 мая этого года. По поручению Оргкомитета я позвонил Д. Г. Жимерину и передал приглашение принять участие в работе указанного[1] научного форума.

Несмотря на большую занятость, Дмитрий Георгиевич с благодарностью принял наше приглашение и в оставшиеся до открытия | сессии месяцы мы постоянно были с ним на связи. Впервые же я с ним встретился незадолго до конференции, когда приехал к нему в Государственный комитет по науке и технике, где Жимерин вручил мне текст своего выступления и состоялась небольшая беседа. Поначалу он показался мне несколько суховатым, даже чересчур офици-]альным. Но это представление оказалось обманчивым. В последующие годы он раскрылся как очень простой, в меру веселый, чуткий |и доброжелательный человек. Его выступление 7 мая в Московском [доме ученых было одним из лучших по своему содержанию и форме •подачи. Позднее на основе текста этого выступления Дмитрий Георгиевич подготовил статью, и мы ее опубликовали в книге материалов сессии.

Творческие связи с Д. Г. Жимериным нашего сектора, отдела I истории Великой Отечественной войны, а с 1993 г. — Центра военной истории России Института истории СССР АН СССР (ныне — | Института российской истории РАН) во второй половине 80-х — I начале 90-х годов заметно окрепли. Он консультировал наших авторов при подготовке изданий о советском тыле 1941—1945 гг., выступал на встрече с сотрудниками нашего научного подразделения, а в мае 1990 г. вместе с Героем Советского Союза генералом армии ! М. М. Зайцевым — на расширенном заседании Ученого совета института, посвященном 45-й годовщине Победы советского народа в •Великой Отечественной войне.

7 марта 1991 г. Дмитрий Григорьевич Жимерин снова приехал в институт, где между нами состоялась беседа. Почти полное ее содер- i жание публикуется ниже.

Из беседы профессора Г. А. Куманева с наркомом электростанций СССР военных лет членом-корреспондентом АН СССР Д. Г. Жимериным

(Магнитофонная запись) *7 марта 1991 г.*
г. Москва

R А. Куманев: Дорогой Дмитрий Георгиевич! Как виднейший специалист и организатор советской энергетики, какую Вы могли бы дать общую оценку той созидательной работе по электрификации страны, которая была проведена у нас с течение двух довоенных десятилетий? С огорчением приходится сегодня констатировать, что наша молодежь, включая и значительную часть студенчества, имеет все же недостаточное, точнее — слабое представление о масштабах и размерах преобразований в этой области, осуществленных в СССР в те очень трудные и относительно мирные годы.

Известно, что к началу 20-х гг. Советская Россия представляла собой государство, получившее от царизма и Временного правительства жалкое, если можно так выразиться, «электроэнергетическое наследие», которое к тому же было буквально «добито» в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Посетивший страну в октябре 1920 г. английский писатель-фантаст Герберт Уэллс встречался с
В.И. Лениным и не поверил в дерзновенные планы по возрождению и развитию электрификации, о которых поведал ему глава Советского правительства. Вернувшись в Англию, Уэллс вскоре выпустил вг свет небольшую книгу под красноречивым названием «Россия во^ мгле». В ней он назвал Ленина не только «изумительным человек ком», но и «кремлевским мечтателем», который «впал в утопию, утопию электрификации». По убеждению писателя, осуществлена проектов электрификации в России, огромной стране, не имеюще* технически образованных людей и населенной неграмотными крес тьянами, «можно только с помощью сверхфантазии». {

Д. Г. Жимерин: Уважаемый Георгий Александрович! То, что было сделано в Советском Союзе перед Великой Отечественной войной невероятно короткие сроки по электрификации страны, действительно заслуживает и самой высокой оценки, и просто восхищения.

Хорошо понимая удивительную гибкость электроэнергии, возможность концентрации ее производства на крупных электростанциях, а также неограниченную делимость в потреблении, Ленин увидел в электрификации единственный путь организации производства на новой технической основе. Он пришел к правильному выводу, что создавать современные высокопроизводительное машины и агрегаты, обеспечивавшие максимальную механизацию труда, Могла только электрическая энергия.

Согласно одобренному в декабре 1920 г. VIII Всероссийским съездом Советов плану ГОЭЛРО было намечено в течение 10-15 лет построить в стране 29 тепловых и гидравлических станций общей мощностью 1500 тыс. квт.

Вопреки не только «предсказаниям» разного рода оракулов, но и вооруженному противодействию внутренней и внешней контрреволюции, блокаде и т. п. этот ленинский план был воплощен в жизнь за 10 лет. Еще при жизни Ленина в 1920—1921 гг. удалось ввести в эксплуатацию электростанции общей мощностью 12 тыс. квт.

По этому поводу Ленин заметил: «12 тысяч киловатт — очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним».

Вы упомянули о приезде к нам и встрече с Лениным знаменитого английского писателя Уэллса, который скептически отнесся к плану ГОЭЛРО.

В 1934 г. он снова побывал в Москве и состоялась его беседа со Сталиным. Былой скепсис Уэллса развеялся от увиденного в СССР, и он отметил поразительные достижения советского народа в области электрификации и в целом социалистического строительства.

' В последующие годы процесс электрификации Советского государства осуществлялся еще более быстрыми темпами. В 1940 г. суммарная мощность советских электростанций превысила 11 млн. квт, что в 7 раз оказалось больше мощности, предусмотренной в плане ГОЭЛРО!

И ведь все это появилось в нашей стране не по «щучьему веленью», а благодаря напряженному творческому труду нашего народа, ведомого ленинской партией. И если в 1913 г., т. е. накануне Первой мировой войны, царская Россия по производству электроэнергии отставала от всех промышленно развитых стран Европы, то в 1940 г. Советский Союз по этому показателю вышел на третье место в мире, опередив такие индустриально развитые страны, как Англия, Франция, Италия и Швеция.

При этом следует иметь в виду, что выполнение плана ГОЭЛРО и последующее развитие отечественной энергетики велось у нас преимущественно за счет собственных средств, т. е. фактически без привлечения иностранного капитала. А ведь первоначально предполагалось для претворения в жизнь того, что было намечено на VIII съезде Советов, использовать 6 млрд. рублей золотом, которые мы надеялись получить в порядке зарубежного кредита и прибыли от концессий.

Хочу еще добавить, что в довоенные годы в широких масштабах развернулась электрификация промышленности, транспорта, а также многих колхозов и совхозов. В различных регионах Советского Союза были созданы такие энергетические системы как Донбасская,

Днепровская, Сталинградская, «Харьковская, Новосибирская, Горьковская, Ярославская, Ивановская...

Некоторые энергосистемы в центре и на юге страны накануне Великой Отечественной войны были объединены между собой. Вступила, например, в строй линия напряжением 220 квт, которая соединила Донбасскую и Днепровскую энергосистемы. Связующим звеном между этим и энергосистемами стала построенная перед войной Кураховская теплоэлектростанция.

Вот очень кратко о том, каких значительных результатов в области энергетики мы добились в мирный период, предшествовавший фашистской агрессии.

Г. А. Куманев: Как изменилось общее направление деятельности советских энергетиков с самого начала Великой Отечественной войны? Что потребовалось решать в первую очередь, какие новые неотложные задачи продиктовала начавшаяся война?

Д. Г. Жимерин: С самого начала фашистской агрессии против Советского Союза перед всей нашей промышленностью, в том числе энергетикой, встал целый комплекс чрезвычайно важных и сложных задач. Советские энергетики должны были продумать и осуществить ряд действенных мер по мобилизации всех ресурсов электрических станций, подстанций и электрических сетей с тем, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение потребителей и, в первую очередь, оборонной индустрии электрической и тепловой энергией.

Причем требовалось обеспечить устойчивость работы электростанций и энергосистем в обстановке массированных ударов вражеской авиации. ,

В целях защиты электростанций и узловых подстанций от воздушных налетов было проведено существенное усиление служб ПВО и МПВО, камуфлирование энергетических объектов, срезка высоких дымовых труб, затемнение и прикрытие наиболее уязвимых частей агрегатов или зданий. Одновременно создавались белее безопасные и надежные условия работы эксплуатационного персонала в виде укрытий, убежищ, запаса аварийных и противс- пожарных материалов, материалов первой медицинской помощи ***т*** т. п. Наряду с этим разрабатывались схемы резервного питания электроэнергией, проводилось энергоснабжение независимых ге- нерирующих источников, прокладывались и дополнительные цепи питания.

Ахтивная защита энергетических объектов отбила охоту у немецких летчиков к легким победам. Характер воздушных нападений быстро изменился. Дневные налеты «люфтваффе», как правило, прекратились и производились только в ночное время. Но и ночные налеты вражеской авиации в связи с большой плотностью заградительного огня зенитных батарей в сочетании с перехватом германских бомбардировщиков не принесли противнику желаемых результатов. Посудите сами: за время боевых действий в первые недели

войны было повреждено, но не выведено из строя только несколько крупных электростанций и подстанций.

Однако вскоре все это отодвинулось на второй план, потому что из-за неблагоприятного развития событий на фронте возникла реальная угроза захвата врагом наших электростанций на юге и в центральных районах страны. Особенно тяжелое положение сложилось на Украине.

Перед энергетиками во весь рост встала неотложная задача — срочно осуществить демонтаж и вывоз из угрожаемых районов в тыл оборудования многих объектов энергетики, включая крупные электростанции западноевропейской части СССР. Предстояло выполнить под огнем наступающих немецко-фашистских армий огромный объем работ.

Г. А. Куманев: В историографии Великой Отечественной войны поистине героическая эпопея перебазирования производительных сил страны в 1941—1942 гг. до сих пор не нашла достойного отражения. Хотя имеется большая серия научных статей, воспоминаний, глав и разделов в сводных трудах, крупные специальные исследования в военно-исторической литературе, непосредственно посвященные этой теме, отсутствуют.

Мало известно массовому читателю, как, например, проходил роцесс спасения от угрозы захвата противником наших энергетиеских мощностей. Поэтому не сможете ли Вы, Дмитрий Георгиеич, дать общую картину перемещения в тыловые районе страны азличных объектов нашей энергетики?

Д. Г. Жимерин: Вы правы, Георгий Александрович: хотя эвакуция, проведенная в СССР в 1941-1942 гг., была беспримерной в ютории, эта интересная многогранная тема не раскрыта должным Образом в нашей научной литературе. Очень кратко, в частности, (освещена история вывоза и размещения в тылу оборудования, материалов и квалифицированных кадров предприятий советской энергетики.

В связи с тяжелым положением, сложившимся в ходе военных Действий на территории Украинской ССР, в начале августа 1941 г. на (Меня, как на первого заместителя наркома электростанций СССР, была возложена ответственность за демонтаж и переброску энергетического оборудования из южных районов на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Требовалось эти эвакогрузы в кратчайшие сроки ввести в действие на новых местах.

Процесс перебазирования оборудования электростанций и подстанций осуществлялся в два этапа, которые целиком зависели от хода военных действий.

На первом этапе производился полный демонтаж основного и вспомогательного энергооборудования и отправка его на Восток в комплектном виде. Это облегчало по прибытии грузов в пункты назначения их последующий монтаж и ввод в эксплуатацию.

На втором этапе в связи с неуклонно ухудшающейся обстановкой поспешно демонтировались главные агрегаты электростанций - турбины, генераторы, трансформаторы и различное вспомогательное оборудование — моторы, приборы, вентиляторы, дымососы и др.

Первым моим объектом, подлежащим эвакуации, явилась Днепродзержинская ГРЭС. За короткий срок ее коллектив во главе с энергичным директором Иваном Хивренко сумел демонтировать генераторы, турбины, трансформаторы, приборы, кабели... Но полный демонтаж котлов осуществить из-за краткости времени было уже невозможно: наступавший противник находился совсем близко. Со всей остротой встал вопрос: что делать со зданиями? Нужно ли их подрывать? Решили отказаться от этого, будучи уверенными, что скоро вернемся.

Наши надежды на быстрое изгнание оккупантов, к сожалению, не оправдались. Хуже того, реальная угроза нависла над гордостью отечественной энергетики — крупнейшей в стране Днепровской ГЭС. Получив приказ — приступить к ее демонтажу, я немедленно отправился в Запорожье. По дороге чуть было не попал в лапы немецкого парашютного десанта. Но помогли наши посты, которые заблаговременно расставил директор местных электросетей Григорий Малкин. Мне был указан менее рискованный и более безопасный путь.

Общее руководство всеми эвакуационными мероприятиями в запорожской зоне осуществлял председатель СНК Украины Леонид Корниец. Самоотверженно в полуокружении, буквально под огнем врага трудился весь коллектив Днепрогэса, возглавляемый управля^ ющим Днепровской энергосистемы Дмитрием Гуменюком и главным инженером Львом Тополянским... Так как у плотины имелось два перехода, по которым свободно могли проходить танки, орудия и другая военная техника, все мы пришли к выводу, что эту часть плотины придется взорвать. Такая операция была проведена после того, как по плотине прошли последние отступавшие части Красной Армии.

Поздно ночью с левого берега Днепра мы с группой товарищей пошли на плотину. Перед нами предстала печальная, просто дра-^ матическая картина. Проезжая часть ГЭС тряслась, как в лихорадке: мощный поток воды с оглушающим ревом рвался через образованную в результате взрыва большую брешь. Всех нас обволакивал густой туман из мелких брызг. С болью в сердце смотрели мы на изуродованное тело плотины, внутри которой — в машинном зале — бушевало багровое пламя пожара... Определенной отрадой было сознание того, что наиболее ценные детали трех гидротурбин все же удалось эвакуировать в тыл, хотя демонтаж и вывоз всего тяжелого оборудования как Днепровской ГЭС, так и Зуевской ГРЭС, ТЭЦ Запорожстали, Кураховской ГРЭС и других мощных 'энергетических предприятий оказался практически невозможным. Так, был

оставлен на месте турбогенератор 100 тыс. квт Зуевской ГРЭС, все девять гидрогенераторов Днепрогэса, ряд турбин мощностью по 50 тыс. квт.

Но в целом в этих тяжелейших условиях энергетики очень много сделали по спасению энергетического оборудования, сыгравшего чрезвычайно важную роль в развитии энергетики на Востоке страны. Приведу по памяти некоторые итоговые данные. В тыловые районы СССР были направлены персонал многих электростанций, турбоагрегаты мощностью 12,25 и 50 тыс. квт. Только на районных электростанциях в первые месяцы военных действий было демонтировано и перебазировано в глубь страны 82 паровые турбины, 14 мелких гидротурбин, 108 паровых котлов и более 380 трансформаторов. Помимо этого в широких размерах удалось вывезти электромоторы, паровую и водную арматуру, задвижки, часть приборов управления и защиты, а также, провода и кабели.

Всего с одних крупных районных электростанций энергетики и работники транспорта отправили в тыл около 11 тыс. вагонов в двухосном исчислении. Правда, необходимо указать и на то, что продолжавшееся ухудшение обстановки на фронте не позволило доставить к месту назначения часть уже демонтированного и погруженного оборудования в результате вражеских ударов по эшелонам и коммуникациям.

Г. А. Куманев: Насколько серьезными были эти потери и разрушения и как они сказались на работе отечественной энергетики в тот период?

Д. Г. Жимерин: Вследствие фашистского нашествия и временной потери обширных районов энергетическая база СССР в 1942—1944 гг. значительно сократилась. Ведь на захваченной гитлеровцами советской земле находились такие мощные энергетические системы, как Донбасская, Приднепровская, Киевская, Харьковская, Одесская, Ростовская, Белорусская, три энергосистемы Советской Прибалтики, а также часть Московской, Ленинградской, Карельской и некоторых других энергосистем.

Всего за указанные годы Советское государство потеряло по мощности электростанций около 5 млн. квт. Были выведены из строя или разрушены 61 электростанция и более 10 тыс. км высоковольтных линий электропередач. На оккупированной территории СССР немецко-фашистские захватчики подвергали промышленные объекты, включая и электростанции планомерному разграблению и разрушению. Специально созданные отряды немецких войск демонтировали и вывезли в Германию 1400 паровых и гидравлических турбин, такое же количество паровых котлов, 11300 различных генераторов, большое количество электромоторов, трансформаторов, силовых, контрольных и телефонных кабелей, приборов измерения и защиты.

Потери отечественной энергетики только во время первого года

войны отбросили ее на многие годы назад, по мощности электростанций примерно к уровню 1935 г.

Г. А. Куманев: Как же компенсировался или смягчался столь громадный ущерб, понесенный нашей энергетикой во время Великой Отечественной войны?

Д. Г. Жимерин: Потери части энергетических объектов восполнялись их всемерным наращиванием на Урале, в Сибири, Средней Азии, Казахстане, Закавказье и в Поволжье. Партия и правительство принимали необходимые меры по расширению заводов и фабрик, сооружению новых электростанций, подстанций и линий электропередач. Наш народ активно поддержал эти меры, хорошо понимая, к какому трагическому исходу неизбежно придет сражавшаяся страна, если разразится всеобщий и глубокий энергетический кризис. Суровые, а зачастую даже чрезвычайно суровые военные условия не только не сломили духа советских людей, но, наоборот, усилили в них патриотические чувства, стремление трудиться неутомимо и изобретательно, перекрывая все планы и нормы.

Это проявилось и при сооружении новых энергетических мощностей в восточных регионах страны. Особенно быстро осуществлялся их ввод в действие на Урале, который называли становым хребтом нашей обороны и главным военным арсеналом Советского государства. Уже в первые месяцы войны получили серьезную материальную и техническую помощь местные строительно-монтажные организации, которые приступили к расширению и ускорению работ на Челябинской, Закамской, Красногорской теплоэлектроцентралях, Среднеуральской, Кизеловской и других электростанциях. Наряду с этим на реках Урала были усилены работы по строительству мелких и средних по мощности гидроэлектростанций.

В результате — мощность Уральской энергосистемы к концу 1942 г. возросла на 40% по сравнению с июнем 1941 г., а к концу 1944 г. почти удвоилась.

Во время перебазирования промышленно-энергетического оборудования часть его терялась или портилась в пути. Поэтому на монтажных площадках была развернута кропотливая работа по восстановлению машин и механизмов, их доукомплектованию и форсированному монтажу. Особенно большие работа пришлось осуществлять по котлам и турбоагрегатам, поскольку котлы южных электростанций были приспособлены к сжиганию донецких углей и для установки их в восточных районах требовалось изменить конструкцию топки. Тем не менее монтажные организации хорошо преодолели эти сложности и успешно восстановили все оборудование.

Поскольку в глубоком тылу быстро развивалось промышленное производство и в первую очередь выпуск военной техники, потребность в электрической энергии резко возросла. Поэтому в 1941— 1942 гг. было решено образовать энергетические системы в Омске, Томске, Красноярске и Барнауле. Первым шагом в этом направле

нии явилось объединение изолированно действующих электростанций путем расширения работающих и строительства новых электростанций, подстанций и линий электропередач.

Всего, несмотря на все военные трудности, в течение 1941— 1945 гг. образовались шесть новых энергосистем в Омске, Томске, Красноярске, Уфе, Барнауле и Чкалове (ныне Оренбург).

Удивительно быстро увеличилась мощность Кузбасской энергетической системы в результате расширения Кемеровской и Кузнецкой электростанций.

Находившийся в ее сфере Новосибирск превратился в крупный промышленный центр с большой потребностью в электро- и тепловой энергии. Для полного обеспечения ею предприятий и города была расширена Новосибирская ГРЭС, а в 1942 г. введена в действие Новосибирская ТЭЦ № 2.

Г. А. Куманев: Вы тогда уже работали наркомом электростанций СССР?

Д. Г. Жимерин: Да, я был назначен народным комиссаром электростанций СССР 20 января 1942 г. после внезапной кончины от инфаркта наркома Андрея Ивановича Леткова. Незадолго до моего назначения состоялась по вызову Сталина встреча с ним в его кремлевском кабинете. Она продолжалась 35—40 минут, в течение которых Сталин интересовался рядом специальных вопросов, включая и терминологию из области энергетики. (Позднее я смог убедиться, насколько прекрасной памятью обладал вождь, ибо на заседаниях, где обсуждались энергетические проблемы, он разбирался в них уже довольно свободно и в основном со знанием дела.)

На этой же встрече Сталин подробно расспрашивал меня о причинах тяжелого положения с энергоснабжением на Урале: почему столь опасно упала в этом регионе частота электропотока*, «почему ее нельзя поднять» и как вообще преодолеть возникший там кризис?

Я доложил ему, что в данный момент исправить положение можно только временным снижением нагрузки на 10—15% без понижения объема производства В целях нормализации потребления энергии следует снизить нагрузку в утренние и вечерние часы. Предложение было принято, частоту электропотока удалось восстановить, и вскоре с новым ответственным поручением я выехал на Урал...

Значительный шаг вперед в развитии энергетической базы был сделан за годы войны в республиках Средней Азии. Ташкентская энергосистема была преобразована в Единую Среднеазиатскую энергосистему (Средазэнерго). Для покрытия потребности в электроэнергии в Узбекской ССР развернулось широкое строительство на оросительном канале Боз-Су, где за короткий срок удалось ввести в

* Частота электропотока — число полных изменений циклов за единицу времени. — ***Прим. авт.***

эксплуатацию шесть гидроэлектростанций. Одновременно в республике вступили в строй Актенинская ГЭС, две Шариханских ГЭС (№ 6 и №7) и Саларская ГЭС.

Не могу не отметить и факт расширения действовавших и сооружения новых электростанций в Казахской ССР. Производство электроэнергии за время войны возросло здесь в 1,8 раза.

Прочную энергетическую базу в 1941—1945 гг. обрели и республики Советского Закавказья. Вот только несколько данных.

В Азербайджанской республике была значительно расширена за счет установления там мощных теплофикационных турбин крупная Сумгаитская ТЭЦ. Это позволило ликвидировать имевшийся дефицит в электроэнергии, а нефтяная и другие отрасли промышленности получили надежный источник энергоснабжения.

В Армянской ССР были продолжены начатые еще до войны строительные работы по возведению гидроэлектростанций Севано-Разданского каскада, а в 1943 г. развернулось сооружение головной Озерной ГЭС, призванной регулировать и использовать водные ресурсы озера Севан и обеспечивать работу местных ГЭС.

И в заключение моего ответа на данный вопрос хотел бы указать, что в эти же тяжелые военные годы в Грузии, чтобы обеспечить потребности в электроэнергии растущей промышленности по добыче марганцевой руды и по выплавке ферросплавов, сооружалась Храмская ГЭС (на р. Храми) и были заметно расширены почти все действующие гидроэлектростанции.

Г. А. Куманев: Какое место занимали в программе развития советской энергетики военных лет восстановительные работы?

Д. Г. Жимерин: Они занимали в ней очень важное место. Скорейшая ликвидация последствий фашистского нашествия на Советский Союз без них была бы немыслима, а поэтому органически связана с осуществлением широких восстановительных мероприятий, которые по мере изгнания оккупантов с нашей земли принимали все больший размах.

В области энергетики они начались в конце 1941 г., когда переход Красной Армии в контрнаступление под Москвой позволил энергетикам не только приостановить демонтаж оборудования в Московской энергосистеме, но и приступить к ее ускоренному возрождению. Первые шаги в этом направлении были предприняты в январе 1942 г. и на Волховской гидроэлектростанции, энергия которой по кабелю, проложенному по дну Ладожского озера, передавалась в осажденный Ленинград. Из эвакуации на ГЭС вернули два агрегата и в мае того же года их снова ввели в действие.

Почти одновременно были реэвакуированы к вновь вступили в строй гидротурбины и оборудование Нивской ГЭС № 2 Кольской энергосистемы.

В 1942 г. удалось восстановить почти довоенный уровень мощно-

ста Каширской, Сталиногорской и Шатурской ГРЭС, а также Калининской электростанции.

Все это привело к тому, что к началу следующего года мощность электростанций, расположенных в Центральном районе СССР, достигла 93% довоенной. ,

В 1943 г. восстановительные работы по возрождению энергетики были перенесены на юг страны — в Сталинград, Ростов, на Северный Кавказ и Донбасс. Оборудование Сталинградской ГРЭС не демонтировалось, но сильно пострадало во время боевых действий. Уже в первой половине этого года восстановители вместе с коллективом ГРЭС ввели в эксплуатацию первый турбоагрегат, а в 1944 г. сумели полностью закончить здесь все восстановительные работы.

Столь же интенсивно шел процесс возрождения электрохозяйства на Северном Кавказе и прежде всего на Баксанской и Гизель- донской гидроэлектростанциях, которые, несмотря на серьезные разрушения, удалось ввести в строй действующих уже во второй половине 1943 г.

Примерно в этот же рекордный срок были восстановлены тепловые электростанции в Грозном, Майкопе, Кисловодске и других наших южных городах.

В 1943—1944 гг. один за другим вступали в строй возрожденные энергетические объекты и электросети в Ростовской, Донбасской, Харьковской, Киевской, Воронежской, Днепровской, Брянской, Одесской и ряде других энергетических систем.

В декабре 1944 г. Государственный Комитет Обороны вынес постановление о начале восстановления Днепровской ГЭС имени Ленина. Как и прежде, в довоенные годы, она стала всенародной стройкой. В возрождении Днепрогэса участвовало 120 промышленных предприятий из 53 городов страны. 25 тыс. молодых рабочих и колхозников поднимали из руин крупнейший по тому времени энергогигант. Менее чем через два года после разгрома гитлеровской Германии Днепровская ГЭС имени Ленина вновь дала промышленный ток.

Уже к концу войны советский народ сумел ввести в действие 20% потерянных за время борьбы с фашизмом энергетических мощностей. Это была наша крупная победа н трудовом фронте.

В целом война, как это не покажется парадоксальным, дала большой импульс развитию электростанций в тех районах, в которых еще не было разветвленных электросетей. Были электростанции, которые снабжали, к примеру, г. Барнаул, а вся округа этого не имела. А в военное время, когда один за другим в строй вступали новые предприятия, за ними сразу же тянулись линии электропередачи.

Завершая мой ответ на Ваш вопрос, считаю уместным привести одну выдержку из газеты «Правда» за 23 августа 1944 г. Когда-то,

давно-давно, я переписал интересное и довольно точное высказывание в свою записную книжку.

«В мировой практике, - подчеркивала передовая «Правды», — не было государства, которое могло бы сочетать ведение войны с осуществлением грандиозного плана строительства, быстрейшего восстановления разоренных врагом районов. Только могучее Советское государство с волевым, неутомимым, закаленным народом смогло приступить к ликвидации последствий войны в военное же время».

Г. А. Куманев: Да, точные и обоснованные слова. Вы правильно заметили, дорогой Дмитрий Георгиевич, что впечатляющие итоги энергетического развития страны в экстремальных условиях военного времени - это не результат какого-то «щучьего веленья», действий каких-то потусторонних сил. Да и одного высокого морального духа советских людей при всей его значимости, конечно, тоже было бы недостаточно для успешного решения таких грандиозных задач. Какие Вы можете назвать еще, хотя бы несколько факторов, которые способствовали поступательному росту нашей энергетики, несмотря на тяжелейшую военную обстановку, громадные потери и разрушения?

Д. Г. Жимерин: Я только обозначу ряд из них. Это — несомненная мобильность, живучесть, огромные потенциальные возможности социалистической экономики, которые она убедительно продемонстрировала во время войны. Это и столь же несомненные преимущества плановой системы нашего народного хозяйства.

Сейчас мы слышим, видим и читаем в средствах массовой информации все более крепнущие «голоса» сильно «поумневших» представителей «нового мышления», которые без всякого разбора предают анафеме все наше прошлое, яростно критикуют все и вся. Достается и нашей экономике, которую, оказывается, «не так строили» и «не ; то получили».

Но война как раз и явилась самым строгим экзаменатором правильности избранного народом пути по революционному переустройству и обновлению общества. И я глубоко убежден — без нашего планового народного хозяйства мы вооруженное противоборство с фашизмом просто в чистую бы прбиграли.

Достаточно вспомнить то исключительно тяжелое, я бы сказал, * отчаянное положение, в котором по известным причинам оказалась j советская экономика к декабрю 1941 г. Катастрофическое падение производства... Остановились сотни и тысячи заводов и фабрики, многие из которых еще находились в процессе перебазирования... Враг захватил обширную территорию с жизненно важными промышленно-экономическими центрами страны и оказался у ворот Москвы и Ленинграда... Казалось, выстоять и переломить ход борьбы просто невозможно.

Но вот с переходом Красной Армии в контрнаступление под Москвой в конце 1941 — начале 1942 г. падение производства удалось ,

остановить, положение стабилизировать и в целом начался его постепенный подъем, который ознаменовался существенным ростом выпуска военной продукции.

Откуда же взялись у государства средства, чтобы финансировать производство боевой техники и вооружения, регулярно выплачивать труженикам тыла заработную плату, строить новые и возрождать разрушенные предприятия, в том числе и энергетические объекты?

Уже в 1943 г. мы имели бездефицитный бюджет, а в следующем году получили и весомую прибыль, достигнув по этому показателю уровня 1940 г. И это в условиях такой страшной, кровопролитной и разрушительной войны!

Успешному возрождению и развитию энергетических предприятий страны во многом способствовали и скоростные методы строительства. Для обеспечения форсированного ввода в эксплуатацию нового и восстановленного оборудования осуществлялся ряд важных мероприятий.

На строительно-восстановительных работах был повсеместно внедрен так называемый совмещенный метод, когда монтаж оборудования начинался по мере готовности не всей строительной части, а отдельных зон, что дало большой выигрыш во времени.

Кроме того, монтаж оборудования стали производить блочным методом, перейдя к блочному изготовлению арматурных каркасов фундаментов турбин.

Далее. На монтажных работах начали повсеместно применять малую механизацию в подъемных средствах. В сочетании с блочной сборкой оборудования это дало поразительный эффект.

Была, наконец, пересмотрена вся технология проектирования как по объему, так и по срокам составления и ее утверждения.

В итоге проведения всех мероприятий время, необходимое на монтаж оборудования и ввод его в действие, сократилось в 2—3 раза и особенно при сооружении тепловых электростанций. А я, кстати, напомню, что из общей потерянной за время войны мощности электростанций на долю тепловых электростанций приходилось 80%.

Существенную поддержку развитию энергоснабжения в 1941— 1945 гг. оказала мобилизация внутренних резервов. В ремонтных мастерских энергосистем значительно расширилось изготовление запасных частей, инструмента и более сложного оборудования.

Помимо уже отмеченных мною новшеств на предприятиях энергетики зародилось и было внедрено в производство немало других оригинальных по замыслу, смелых технических мероприятий, которые обеспечивали повышение надежности и мощности энергосистем.

Например, нашло широкое применение предложение о замене зубчатой передачи в системе регулирования паровых турбин на гидродинамическую, более надежную и не требующую дефицитной бронзы.

Наши рационализаторы и изобретатели разработали новый способ сепарирования пара в паровых котлах (так называемый ступенчатый), который позволил увеличивать нагрузку котла, не опасаясь заноса воды на лопатки турбин.

На электростанциях СССР были повсеместно проведены большие реконструктивные работы. В котельных цехах осуществлялась реконструкция поверхностей нагрева, топочных камер, тягодутьевых устройств, углеразмольных мельниц и т. п. В первую очередь внимание было обращено на повышение КПД котельных установок, сокращение износа, механического и химического недожога топлива. Меры по расширению и укреплению энергетической базы сопровождались интенсивной работой по увеличению производительности труда, всемерной экономии топлива и электроэнергии. В военные годы впервые был применен метод ремонта линий электропередач под напряжением, без отключения потребителей.

Следует при этом иметь в виду, что в ходе восстановительного процесса советская энергетика не воссоздавалась по довоенному образу и подобию. Используя накопленный опыт и новейшие достижения инженерно-рационализаторской мысли, наши энергетики проводили реконструкцию энергетических объектов и модернизацию устаревшего оборудования.

Одни только приведенные Вам примеры, конечно далеко, не охватывают всего того, что позволяло успешно решать сложнейшие энергетические проблемы того времени. Но они дают, как мне кажется, определенное представление о большом и самоотверженном труде наших патриотов-энергетиков в экстремальной военной обстановке. Предельным напряжением физических и духовных сил они добивались невозможного по меркам мирного времени.

Г. А. Куманев: Вы очень хорошо сказали о людях, которые обеспечивали развитие советской энергетики в военные годы. Меня интересует: какой процент составляли тогда на строительстве энергетических мощностей заключенные, так называемый спецконтин- гент?

Д. Г. Жимерин: Никакого процента. Мы строили все своими силами, без использования их труда.

Г. А. Куманев: Но как-то, может быть, использовались заключенные?

Д. Г. Жимерин: Абсолютно нет.

Г. А. Куманев: Как известно, в течение первых шести месяцев войны СССР потерял около половины своей энергетической мощности. Когда же нам удалось восстановить довоенный уровень?

Д. Г. Жимерин: К началу 1945 г., когда война приближалась к ее победному завершению, довоенная энергетическая мощность была уже почти восстановлена. В течение этого года мощность электростанций СССР достигла 11124 тыс. квт, всего на 69 тыс. меньше, чем она была в 1940 г. Выработка электроэнергии в 1945 г.

всеми советскими электростанциями составила 43,25 млрд. квт-ч или только на 5 млрд. квт-ч меньше выработки 1940 г. В следующем, 1946 г. по данному показателю уровень 1940 г. был превышен на 262 тыс. квт-ч.

Это означало, что по установленной мощности и выработке электроэнергии на электростанциях Советский Союз вышел на первое место в Европе и на второе - в мире.

Г. А. Куманев: Какова Ваша общая оценка высшего советского руководства военных лет и не можете ли Вы, как бывший нарком, дать краткую характеристику некоторым деятелям из ближайшего сталинского окружения?

Ведь сейчас, в условиях развития гласности, о них появилась масса публикаций, преимущественно весьма негативного характера. У читателей, в первую очередь молодых, создается представление; что зловещей политической фигурой был не только Сталин, но таковыми являлись и те, кто его окружал. Причем, как и вождь, они также были бездарными, малообразованными, серыми, тупыми, глупыми и т. п.

Д. Г. Жимерин: Считаю, что подобные утверждения в сущности своей безнравственны. И их можно объяснить только тем, что авторы таких заявлений, находясь в состоянии какой-то эйфории, стремясь перед кем-то выслужиться и обозначить свое «я», потеряли чувство меры, чувство самоконтроля, порядочности, объективности и готовы оплевать и очернить все и вся прд флагом «альтернативного мнения» или «поисков истины».

Если говорить об окружении Сталина, то мы с вами должны не в последнюю очередь говорить о результатах руководящей деятельности и этих лиц: об огромных свершениях, происшедших в нашей стране, ставшей второй супердержавой в мире, о прогрессе нашей экономики, о выдающихся достижениях советской науки, о развитии отечественной культуры, народного образования, здравоохранения, о достижениях в социальной области.и т. д., и т. п. А почему?

А потому, что всего этого при безграмотных, серых и тупых злодеях-руководителях, в том числе высшего звена, наш народ никогда бы не достиг и не добился.

Возьмем в качестве примера нашу энергетику, итоги развития которой впечатляют. Мы производим турбогенераторы мощностью 800 и даже более миллиона киловатт. Выше миллиона киловатт ни одна страна генераторов не имеет. Трактора Минского тракторного завода охотно покупаются фермерами Канады. Все это само собою у нас появилось? Или все-таки какое-то касательство к таким достижениям имеет не только народ, но и его руководство как часть народа?

Разумеется, я не склонен все видеть у нас только в розовом виде, а всех руководителей недавнего прошлого оценивать только в позитивном плане. Недостатков у нас еще немало во всех областях

производства, в повседневной жизни было и есть. Надо их вскрывать и исправлять, как учил Ленин.

Мы еще отстаем в сравнении с передовыми странами мира, с США по ряду важных показателей. Уступаем и по внешнему качеству некоторых видов продукции. Если бы у нас производство крупных турбогенераторов или газовых турбин было бы в избытке, мы бы могли их экспортировать наравне с другими странами. Нас часто за горло держит дефицит, не позволяя перейти от производства одного вида продукции к другому. У нас нет резерва мощностей. Все эти тонкости необходимо всегда спокойно и взвешенно учитывать.

Возвращаюсь непосредственно к Вашему вопросу. Вот сейчас публикуются статьи, книги, ведутся передачи по телевидению и радио о нашей борьбе с фашистским блоком. Приближается 50-летие со дня начала гитлеровской операции «Барбаросса», т. е. вероломного нападения вермахта и его союзников на СССР.

Зададим себе вопрос: можно ли было в такой кровопролитной войне победить такого мощного противника, лучшую армию капиталистического мира, имея в Кремле серых, тупых злодеев-руководителей во главе с «бездарным злодеем № 1», к тому же якобы «параноиком»? Безусловно, нет!

Некоторые «умники» сейчас говорят и пишут: «Это победил народ». А заодно твердят: «Красная Армия воевать не умела, Сталин и наши полководцы были недоумками, воевали исключительно одной «большой кровью». При этом смакуются и наши неудачи, поражения 1941—1942 гг. по вине, мол, того «совершенно бездарного руководства». Как же, повторяю, в таком случае нам удалось разгромить отборные армии фашистского блока, имея подобных руководителей, включая военачальников и Верховного Главнокомандующего? На это ответ не дают. Как будто победа пришла сама собой.

Значит, в одном случае народ терпел неудачи и поражения из-за ошибок «плохого руководства», а в другом - победил без руководства. И ведь такие глупости и просто злостную клевету сейчас охотно печатают и пропагандируют по радио и телевидению. На кого и с какой целью все это рассчитано, не так уж трудно догадаться.

Вот в «Литературной газете» Дмитрий Волкогонов опубликовал большую статью. В начале ее автор утверждал, что Гитлер в 1941 г. обвел вокруг пальца Сталина.

А чем эта статься заканчивается? В 1945 г. Гитлер пустил себе пулю в лоб. Я тогда написал в «Литгазету» для Волкогонова: «Значит, Гитлер обманул Сталина для того, чтобы почти через 4 года пустить себе пулю в лоб».

Правда, какие-то проблески более трезвого подхода у Волкогонова изредка проявляются, когда он, например, пишет о необычайной работоспособности Сталина — по 17 часов в сутки! В какой-то степени генерал-философ что-то признает, что все-таки Сталин что- то делал, а не только «занимался расстрелами».

Теперь коротко о тех из окружения Сталина, с кем мне многократно доводилось встречаться, беседовать, получать различные задания и т. п.

Молотов. У меня сложилось мнение, что человек он был несколько тяжеловесный. Но тем не менее эта тяжеловесность связана с прочностью мышления. Однажды, находясь на Урале, я получил задание подготовить проект одного постановления ГКО. Я был тогда еще человек недостаточно обстрелянный, не усвоил уроки наркома по строительству Семена Захаровича Гинзбурга. (Он в этом отношении мог служить образцом.) Я составил проект постановления. Всего там было полно. Возвращаюсь в Москву, прихожу к Молотову.

Он прочитал проект этого документа. И потом стал меня издевательски ругать. Говорит: «Вот ты пишешь — дать тебе металл, строительные материалы, дать того, другого. Но ты не пишешь — дать своим рабочим телогрейки, валенки, теплые рукавицы. Не пишешь о выдаче спирта, о том, как решить проблему питания, жилья. Ты что думаешь, у тебя там люди будут трудиться разутыми, раздетыми в суровых зиадних условиях? Монтажники, между прочим, должны получить по 100 г водки...»

На мой взгляд, это все мог заметить отнюдь не тупой человек. Хочу еще раз подчеркнуть, что в своих устремлениях Молотов был человек каменный, сдвинуть его в сторону было невозможно или очень трудно.

Маленков. Несомненно, одаренный человек. Несмотря на его тучность, был энергичный и взрывной. Понимал все с полуслова и работал буквально за двоих. Много раз, особенно когда я находился в непосредственном подчинении Маленкова) мне приходилось наблюдать за его реакцией, быстрой и в основном правильной. Думаю, что Сталин держал его на таком высоком посту не случайно и не зря. Он знал, что если он Маленкову что-то поручает, то тот обязательно это выполнит.

Приведу один небольшой, но характерный пример. Сталиногор- ская станция. Работала на подмосковном угле. Ночью мне звонят и говорят, что станция накануне остановки, потому что запасов угля нет. Железнодорожники эшелоны угля, который шел на Сталино- горскую станцию, бросили на пути, отцепили паровоз. Через 3-4 часа станция должна остановиться.

Я вижу, что мне уже не удастся сдвинуть этот поезд, тем более что паровоз уже отцепили. В отчаянии звоню Маленкову. (Напомню, что было ночью.) Говорю ему, что вот такое создалось положение.

Маленков слегка меня обругал (я говорю «слегка», потому что это был человек исключительно вежливый, тактичный) и, естественно, тут же принял меры, этот эшелон угля был доставлен вовремя, и станцию не отключили.

Таких примеров было очень много. Это был динамичный, и, я бы сказал, доброжелательный человек.

Каганович. Очень шумливый деятель, трибун. Но тем не менее следует иметь в виду: метро в Москве построили главным образом * из-за настойчивости и оперативности Кагановича;

А так он ведь без образования, никакого образования у него не было. Но Каганович отличался большой любознательностью. Я, кстати, учился вместе с его племянником от старшего брата. И вот этот племянник Лазаря Моисеевича мне рассказал такую историю. Как- то его дядя увидел у племянника логарифмическую линейку. Спрашивает: «Что это такое?» Когда ему пояснили, что не нужно на бумаге считать, а можно на линейке тут же получить точный ответ, Каганович буквально вцепился в это дело. Несмотря на свою загруженность, Лазарь Моисеевич стал просить племянника, чтобы тот его обучил, как логарифмической линейкой пользоваться. Итак, повторяю, Каганович не имел образования. Он политик, это его, так , сказать, хобби. По своей натуре он взрывной, очень горячий, и делал немало ошибок. Причастен был и к репрессиям. Но в то же время этот человек был очень мобильный, и я должен сказать, что он сделал и немало хорошего.

Когда Каганович был во главе Госснаба, от него зависело все или почти все: и валенки, и ватники, и инструмент, и топливо, и энергия й т. д. В ту пору я с Кагановичем, образно говоря, поступал так: «наступал» ему на ногу и не отпускал до тех пор, пока он не принимал положительного решения. Т. е. брал его измором.

Берия. Я был продолжительное время после Маленкова в подчинении у Берии. Нужно сказать, что каждый из них при первой беседе со мной заявил, правда, по-разному: «Ты отвечаешь за энергетику, отвечаешь головой. Ни на кого не ссылайся, а приучись за все отвечать. Тебе нужна помощь, своевременно обращайся». » Маленков это сказал очень вежливо, очень мягко, я бы сказал, • приятно. ' *

Берия ту же мысль выразил по-другому: «Ты (мать твою и т. д.) j думаешь, что ты теперь нарком? Ты сегодня нарком, а завтра тебя I ногами вперед на кладбище». (Вот такое «ободряющее» вступление.) [5] А потом он примерно сказал то, что и Маленков. Берия заявил: «Я ? (т. е. Берия) ничего не понимаю в энергетике, ты несешь полную j ответственность, ты принимаешь решения и будешь отвечать за них соответственно. Ты это учти». :

Но я должен заметить, что с точки зрения авторитета во всякого i рода учреждениях и тот, и другой имели, я бы сказал, очень высокий ? рейтинг, перемешанный, правда, со страхом. И скажу откровенно — я этим пользовался. Когда я говорил, что выполняю поручение ' Берии, то все это принимали во внимание и мои просьбы выполня- \ ли. Потому что знали — это не моя прихоть, а тех, кто стоит за мной. !

Поэтому, если говорить о сути, технике дела, то и Маленков и ! Берия, действительно в этой технике, электроэнергетике практиче- j ски мало что понимали. Но они, я считаю, исходили из правильного ,

принципа: или держи человека, если ты ему доверяешь, или, если ты ему не доверяешь, и он не соответствует своему назначению, сними его. Я думаю, что в этом отношении их тактика была абсолютно правильная.

Вот, например, приношу я проект постановления Лаврентию Берии. Он тут же спрашивает:

— Ты читал его?

— Читал.

— Расписался?

— Расписался.

— Где расписался?

— На последнем листе.

— Нет, ты на первом распишись, чтобы товарищ Сталин видел.

(Берия уже не интересовался — что ты написал, как ты написал.)

— Ты со всеми согласовал?

Я говорю:

— Более или менее со всеми.

— А разногласия остались?

— Остались.

— Большие?

— Небольшие. Может быть...

— Не может быть, — перебивает он меня. — Получит, прочитает и будет выполнять.

Видите, и это все исполнялось. И вот эту часть я бы хотел подчеркнуть. Сейчас выходит тот или иной, пусть очень важный Указ Президента СССР, а как он выполняется! Как тормозится! А возможно было такое отношение или даже намек на подобное отношение тогда, при Сталине, тем более в условиях войны? Конечно, нет. Если выходит решение, оно должно быть выполнено.

И еще одно было условие. Сталин об этом говорил, в том числе и мне говорил: «Если у тебя все так складывается, что ты видишь: выполнить никак не сможешь, — вовремя доложи об этом. А не тогда, когда уже срок выполнения подошел или подходит.»

Микоян. Очень умный армянин, очень порядочный, понимающий человек. Он был долгое время главой Внешторга, т. е. наркомом. Я у него (когда нужно было что-то получить по импорту: машины, краны и т. д.) часто бывал. И он решал вопросы оперативно и безотказно. И не только со мной. Всегда был внимательный, спокойный и выдержанный.

Калинин. Он был олицетворением крестьянской России. Очень добрый, благородный, простой и порядочный. Так же, как и **Ворошилов**-

Булганин. Фанфарон. Я не знаю, читали ли Вы воспоминания Галины Вишневской? Опубликованы они были в «Огоньке».. Она описывает, как Булганин за ней ухаживал. Причем ухаживал довольно настойчиво. Он вызывал к себе ее мужа и говорил ему: «Как ты

можешь, такой плюгавый, соответствовать такой красивой женщине?» В общем, гнул свою линию.

Вознесенский. Человек он был сложный, умный, систематизированный. Я наблюдал всегда за его действиями, поведением, особенно на заседаниях Политбюро или правительства.

Чем Вознесенский «забивал» всех остальных? Единственной книжицей, которая всегда была у него в кармане. Небольшая такая книжечка. Какой бы вопрос Сталин не задал, Вознесенский, взяв свою книжицу, давал четкий и ясный ответ.

Никто, ни Маленков, ни Каганович, ни Берия, ни Молотов этого не имели. И он перед Сталиным, который не терпел словоблудия, пустословия, выглядел хорошо и своей аккуратностью, конечно, повышал собственный рейтинг (как сейчас говорят). И с этой точки зрения Вознесенский, по моему мнению, сам являлся системой, именно продуманной системой. Словом, это был человек очень . способный, пожалуй, даже незаурядный.

Но наряду с этим у Вознесенского постепенно, в связи с тем, что Сталин ему как молодому и как человеку, который все знает, отдавал предпочтение, закружилась голова. Я думаю, что его гибель (не понимаю, как Сталин мог пойти на это) тоже в какой-то степени определялась его амбициозностью.

Я присутствовал на многих заседаниях правительства, Политбюро ЦК, ГКО и видел, что Вознесенский теряет самообладание, • какую-то выдержку. Он твердо был убежден, что позиции его очень прочны, что при Сталине он недосягаем. Думаю, что в этом заключалась его роковая ошибка. И, возможно, Вознесенский с его (употреблю непарламентское выражение) сволочным характером, видимо, переоценил свое положение.

Хотя были случаи, когда он должен был бы сделать для себя некоторые выводы. Расскажу Вам о случае, который был у меня с ним. Я написал записку Сталину относительно того, что сооружение гидроэлектростанций нужно планировать не по пятилеткам, а на 15- летний срок. Доказывал всем, что гидроэлектростанции — сложные сооружения и их строительство никак не укладывается в 5-летний срок. А раз не укладывалось, раз срока пуска не было, то капиталовложения для этой цели в данной пятилетке отпускались в минимальном, урезанном объеме. А когда наступала следующая пятилетка, то этот малый объем не давал возможности пустить станцию в • действие. И нужно сказать, что Сталин сразу понял это. Ведь и ленинский план ГОЭЛРО был рассчитан на 10—15 лет.

Обсуждается данный вопрос у Сталина. И вдруг на этом заседании выступает Вознесенский с разгромной речью, причем, я бы даже сказал, с подлой речью. Он не рассматривал этот вопрос по существу,[1] не опровергал мои предложения, обоснования, выводы. Он построил ; свою речь по-другому. Что вот Жимерин ставит своей целью разломить, разрушить стройную систему сталинских пятилеток. Предлагая

сооружать электростанции в течение 15-летнего срока, он, мол, подрывает сталинские пятилетки. Такова была программная речь председателя Госплана СССР.

Объяснять Вам мое состояние, полагаю, нет необходимости. Ведь мне фактически были предъявлены политические обвинения с наличием таких формулировок, как «сознательный подрыв сталинских пятилеток», под них, мол, я вроде будто подкладываю бомбу. От всего этого, конечно, в восторг я не пришел.

С другой стороны, я понимал так: если промолчу или займу чисто оборонительную позицию, то, наверное, тогда результат для меня может оказаться весьма плачевным.

Поэтому я решил разговор перенести от чисто практических дел тоже своего рода в политику. Я выступил с очень резкой речью (а Сталин был здесь, молча слушал мой доклад, также молча и выступление Вознесенского) и с самого начала стал рубить с плеча. Я сказал, что товарищ Вознесенский не понимает особенности строительства гидроэлектростанций. Он, видимо, некомпетентный в этом деле человек. И вместо того чтобы разобраться, как ему положено в качестве председателя Госплана, Николай Алексеевич встал на путь чисто формального обвинения.

Тут уж я решил «или, или», вроде, как терять мне было нечего. И должен сказать, что Сталин, вероятно, все понял, потому что он не остановил Вознесенского, а потом не остановил и меня с моей резкой речью.

А когда окончилась эта перепалка, Сталин спокойно сказал буквально несколько слов. (И начал он не с критики ни меня, ни Вознесенского.) Вот, говорит, товарищ Жимерин внес предложение — 15 лет отвести на сооружение гидроэлектростанций. Я, думаю, он увлекается: 15 лет — это очень длительный срок строительства. Но, с другой стороны, товарищ Жимерин прав: за пять лет крупную гидроэлектростанцию соорудить невозможно. Вот 10 лет, это, наверное, наиболее подходящий срок.

И потом Сталин сказал следующее (что меня особенно поразила его логика). Откуда, говорит, родилась пятилетка? Она родилась как среднее. Для тяжелой промышленности, например, для металлургии, энергетики она мала. Там за 5 лет строить очень трудно. А для легкой промышленности пятилетка велика. Любое предприятие легкой промышленности мы можем и строим за 3 года. Поэтому и был выбран такой средний вариант — 5 лет.

Другими словами, Сталин сразу отвел политические обвинения относительно подрыва пятилеток. А в итоге заявил: наверное, все- таки нам нужно принять решение, чтобы строительство гидроэлектростанций планировать на 10 лет. И такое решение было принято.

Еще несколько слов о Вознесенском. Это был, повторяю, человек умный. Но спрашивается, если он умный, то должен понимать, что речь идет не о строительстве мелкого объекта. Ведь ставится

вопрос о сооружении мощных гидроэлектростанций. И почему он, j член высшего партийного руководства, председатель Госплана СССР, j заместитель главы правительства должен и здесь быть самым знаю- * щим, должен обязательно выступить и по морде дать нижестоящему? Непонятно. Во всяком случае для меня.

Итак, Вознесенский являлся сплавом очень знающего, система-* тезированного человека, безусловно, логически мыслящего. Он мог • дать справку по многим вопросам, но имел вот такой склочный ¡характер.

Г. А. Куманев. Как мне рассказывал Яков Ермолаевич Чадаев, Вознесенский был довольно грубым по отношению к подчиненным. По словам Чадаева, иной раз, когда у Вознесенского шли заседания, то стыдно было там находиться. Такие бранные, даже нецензурные слова он употреблял, унижая людей. А Семен Захарович Гинзбург, у которого мы спросили мнение о Вознесенском, сказал что тот был * деспотом не только на работе, но и в семье.

Д. Г. ***Жимерин:*** Что касается семьи, я ничего не могу сказать, а что касается грубости Вознесенского на работе, то я могу это подтвердить. С подчиненными, включая наркомов, зачастую он был очень невыдержанным.

Вот, когда была критическая ситуация на Урале, когда мне звонили фактически все наркомы, позвонил и Вознесенский, председатель Госплана СССР и заместитель главы правительства. В то время председатель Госплана — это царь и бог. По каким же вопросам он мне звонил и о чем же говорил? Он меня обзывал самыми последними словами, перемежая их такими ярлыками, как «недоносок», «безграмотный», «зеленый». Постепенно от этих эпитетов, от этой грубой брани я просто закалился. (Смех.) В первую очередь именно от Вознесенского.

Но поскольку в то время я не был еще в подчинении у Маленкова или у Берия, все эти грубости я терпеливо выслушивал. А ; фактически, конечно, Вознесенский, занимая столь высокие долж- J ности, должен был спросить: «Слушай. Ты находишься на Урале. ? Положение тяжелое. Чем тебе помочь?» Вместо этого вот такой стиль общения.

Г. А. Куманев: У меня последний вопрос: выдержала ли испыта- , ние в военной обстановке так называемая административно-командная система, как сейчас в средствах массовой информации, в официальных заявлениях предпочитают величать советский строй, советскую систему, Советскую власть?

Д. Г. Жимерин: Я не хамелеон, не перевертыш. Я, конечно, придерживался и буду придерживаться объективной позиции, объективных оценок. Тем более что, несмотря на всю приватизацию, несмотря на все выкрутасы, энергетика пока сохранилась. Сохранилось Министерство энергетики, и отмечено, что энергетика, связь, * железные дороги не подлежат растаскиванию по «квартирам» и

«углам». Считаю, что такое решение — абсолютно правильное. Ведь то, что происходит, не укладывается в привычные рамки трезвого и дальновидного расчета. Даже Никита Хрущев не рискнул ликвидировать единую энергосистему, хотя ликвидировал министерство, но сохранил госкомитет. Энергетика неделима.

Выдержала ли в годы Великой Отечественной войны испытание, проверку на прочность наша советская система, или, как ее, кажется, первым окрестил Гавриил Попов, «административно-командная система»? Безусловно, выдержала. Об этом красноречиво говорит исход нашего противоборства с фашистским блоком.

Из неопубликованных документов

1. Служебная записка наркома электростанций СССР Д. Г. Жимерина от 31 января 1942 г. начальнику Главцентроэнерго т. Спирину и директору Сталинградского энергокомбината т. Землянскому

«Во исполнение распоряжения СНК СССР № 1606-р от 30/1 — 42 г. обязываю Главцентроэнерго — т. Спирина и Сталинградский энергокомбинат - т. Землянского обеспечить полное удовлетворение потребности Сталинградского тракторного завода в электроэнергии со Сталинградского энергокомбината.

Настоящим распоряжением СНК СССР обязал Наркомтанкопром обеспечить улучшение работы электростанции Сталинградского тракторного завода, доведя к 5 февраля нагрузку этой электростанции до 18 мгвт».*

Нарком электростанций
Д. Жимерин

2. Зам. Председателя СНК СССР т. Первухину М. Г.

«В связи с необходимостью провести строительство Уральской, Петропавловской и Чебоксарской временных электростанций в чрезвычайно сжатые сроки и неготовностью технической и сметной документации Наркомат электростанций просит разрешить вести строительство этих ВЭС без проектов и смет, распространив на них действие постановления Совнаркома за № 8043 - от 25 августа 1941 г.».**

Нарком электростанций
27. 02. 42 г. Д. Жимерин

3. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 4 мая 1942 г. «О плане производства металлов на май 1942 года».

«... 6. Отметить, что НКЭлектростанций (т. Жимерин) не выполнил

*** АРФ. Ф. 7964. Оп. 2. Д. 260. Л. 33.**

**** Там же. Д. 747. Л. 7.**

постановлений ГКО от 8 марта 1942 г. № 1355сс и от 4 апреля 1942 г. № 1536сс в части бесперебойного снабжения электроэнергией предприятий НКЧермета и НКЦветмета по системе Уралэнерго.

Установить на май 1942 г. лимит электроэнергии по системе Уралэнерго:

а) предприятия НКЧермета — 255 мгвт

б) предприятия НКЦветмета - 250 мгвт...»*

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

4. Служебная записка наркома электростанций СССР Д. Г. Жимерина от 8 мая 1943 г. управляющему Казэнерго Мухитдинову

«Указываю Вам на недисциплинированность в выполнении распоряжения НКЭс о даче объяснений самовольного изменения Вами лимитов электроэнергии, утвержденных ГКО на март месяц.

Разъясняю Вам, что при наличии лимитов, утвержденных ГКО, районные управления или местные партийные и советские организации не имеют право самовольно, без указания ГКО, изменить эти лимиты.

Ваши объяснения, вместо признания совершенной ошибки и обязательства не допускать ее в дальнейшем, преследуют цель замазать эту ошибку и найти оправдательные мотивы для Вашей недисциплинированности.

Примите меры к недопущению в будущем подобных действий. Предупреждаю, что за повторение недисциплинированности Вы будете наказаны». **

Нарком электростанций
Д. Жимерин.

5. Председателю Государственного Комитета Обороны товарищу И. В. Сталину

«Докладываю Вам, что 2 августа с. г. в 10 ч. 35 м. на Зуевской РЭС Донбасэнерго по окончании аварийного ремонта включен в работу турбогенератор № 5 мощностью 50 мгвт и полностью сняты ограничения промышленности Донбасса. Ремонт турбины № 5 Зуевской РЭС окончен на 6 дней раньше установленного срока.***

НКЭС Д. Жимерин, 3 августа 1944 г.

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов. ****
АРФ. Ф. 7964. Оп. 2. Д. 277. Л. 103.
***** Там же. Д. 843. Л. 98.**

С. З. ГИНЗБУРГ

«Во время войны строитель делит славу с воином», — метко и справедливо заметила газета «Правда» в одной из статей, опубликованных на ее страницах в суровые военные годы.

Больших войн без огромных жертв и разрушений в истекшем XX веке, как известно, не было. Не обошлась без этого и Великая Отечественная война Советского Союза, с которой не может сравниться ни одна из предшествующих войн в мировой истории ни по громадным людским потерям, ни по объему превращенных в руины и пепел материальных ценностей.

Скорейшее восстановление пострадавших от вражеского воздействия сотен и тысяч городов и сел СССР имело тогда (тем более в условиях продолжавшейся тяжелой войны) первостепенное значение. По этому поводу Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин говорил: «Я думаю, что основная идея восстановительного процесса должна заключаться в наискорейшем включении данного города или села в общую работу для фронта, чтобы каждый освобожденный город своим трудом увеличивал общую сумму военного производства»*.

Однако в годы войны эпопея возрождения не ограничивалась только восстановлением того, что было в стране, чем располагал народ перед вражеским нашествием. Интересы разгрома немецко- фашистских захватчиков потребовали также развертывания в широких масштабах нового строительства: сооружения новых предприятий, железных дорог, шахт, рудников и других промышленных и сельскохозяйственных объектов, а также учреждений культуры и науки и, конечно, жилищного строительства.

Но давайте спросим сегодня у молодого соотечественника: «А был ли у нас во время войны правительственный орган, который непосредственно осуществлял эту грандиозную работу, руководил ею и отвечал за нее, как он назывался и кто его возглавлял»? Думаю, далеко не каждый из нового поколения наших граждан даст четкий, правильный ответ.

А такой орган в правительстве СССР имелся. Это Наркомат по строительству СССР, образованный 29 мая 1939 г. и действовавший в течение всей войны.

Был и человек, который первый с 16 июня 1939 г. возглавил этот народный комиссариат и руководил им до 19 января 1946 г. Это

*** Известия. 1943. 10 декабря.**

видный государственный и хозяйственный деятель Семен Захарович Гинзбург (21.10.1897 - 15.05.1993).

Его большая трудовая жизнь, включая руководящую деятельность, не была «усыпана одними розами», а прошла через ряд осложнений разного масштаба и характера. И надо было обладать твердой силой духа, убежденностью в своей правоте и стойкостью, чтобы «не сломаться», достойно преодолеть все трудности и огорчения, пережить клевету, незаслуженные обвинения и т. п.

Полагаю, что мне нет необходимости осветить в этом небольшом биографическом очерке о наркоме по строительству военных лет основные этапы его трудового пути в 1941—1945 гг. Обо всем этом лучше поведал сам Семен Захарович в письменных ответах мне, которые публикуются ниже.

Хочу лишь отметить, что из сложнейших испытаний военного * лихолетья он вышел с честью и его вклад в победу представляется достаточно весомым.

Что касается некоторых моментов, связанных с неожиданными перемещениями С. 3. Гинзбурга по службе (то на повышение, то наоборот) в предвоенные и первые послевоенные годы, то они заключались в следующем.

В сентябре 1937 г. он назначается заместителем народного комиссара тяжелой промышленности СССР, а через полгода становится председателем Комитета по строительству при СНК СССР. Но уже в октябре 1938 г. парткомом этого Комитета Семен Захарович был исключен из партии за «полную потерю классовой бдительности, отрыв от партийной жизни и за неискренность». Однако в феврале 1939 г. партколлегия отменила это решение, заменив его; строгим выговором. До мая 1939 г. он продолжал возглавлять Комитет по делам строительства с этим взысканием и с ним же, как уже| говорилось выше, 16 июня 1939 г. стал первым наркомом недавно! образованного Народного комиссариата по строительству СССР.

Через несколько месяцев после окончания войны он становится во главе нового Наркомата по строительству военных и военно-! морских предприятий СССР, а в марте 1947 г. - министром промышленности строительных материалов СССР. Но на этом его пе-, ремещения не закончились: вскоре он переводится в Министерство! строительства предприятий машиностроения СССР, но уже замести- * телем министра, с марта 1951 г. — первым заместителем, а ровно через два года — заместителем министра нефтяной промышленности СССР. Наконец, с февраля 1955 г. по июль 1970 г. до выхода на пенсию Семен Захарович последовательно работает первым заместителем министра строительства предприятий нефтяной промышленности СССР, заместителем председателя Госстроя СССР и председателем Стройбанка СССР...

Как и ряд других наркомов военных лет, он принял деятельное участие 7 мая 1971 г. в работе Всесоюзной научной сессии «Совет

ский тыл в Великой Отечественной войне». С этого времени Семен Захарович поддерживал постоянные тесные связи с военно-историческим научным подразделением Института истории СССР АН СССР, выступал с воспоминаниями о минувшем, был консультантом при подготовке трехтомного труда по истории советского тыла 1941— 1945 гг. и т. д.

В конце мая 1986 г. я попросил уважаемого наркома ответить в письменном виде на ряд интересующих меня вопросов по проблемам развития военной экономики СССР 1941-1945 гг. Он любезно согласился и при нашей новой встрече в июне того же года вручил мне текст с его ответами.

Последняя встреча с Семеном Захаровичем была на подмосковной даче 20 июля 1990 г., куда я приехал по его желанию. Он заметно сдал (Гинзбургу шел 93-й год), выглядел вялым, осунувшимся, похудевшим. Мы поговорили о последних тревожных событиях в стране, о положении в мире. Семен Захарович подарил мне свою книгу с теплым авторским текстом. Потом рассказал о содержании его новой статьи в «Вопросах истории КПСС», посвященной гибели Г. К. Орджоникидзе. Описание им случившегося с соратником Сталина коренным образом отличалось от официальной версии и основывалось на сообщенном ему в свое время свидетельстве Зинаиды Орджоникидзе — супруги Григория Константиновича. (Спустя почти год я встретился с Л. М. Кагановичем и рассказал ему о статье С. 3. Гинзбурга, надеясь, что новая трактовка смерти Г. К. Орджоникидзе получит его поддержку. Но Каганович встретил сообщенное мною «в штыки», в резкой и грубой форме отринув эту публикацию...)

Мы договорились о новой встрече с Семеном Захаровичем, но из-за его плохого самочувствия она так и не состоялась...

Ответы наркома по строительству СССР военных лет С. 3. Гинзбурга на вопросы профессора Г. А. Куманева

12 июня 1986 г. г.
Москва

Вопрос: Как Вы стали строителем, что побудило Вас избрать эту профессию в качестве главной в Вашей жизни?

Ответ: Начну свой ответ с воспоминаний о моей учебе. Весной 1920 г., являясь комиссаром Военно-хозяйственной академии РККА, я принял участие в поездке работников Высшего совета народного хозяйства СССР (ВСНХ) по промышленным районам Юга страны. Она носила сугубо деловой характер. Работники ВСНХ встречались с местными руководителями, директорами, секретарями партийных

комитетов, заслушивали информацию о состоянии дел, оперативно решали многие текущие вопросы. Поездка для меня была весьма полезной и поучительной.

Именно тогда я сделал для себя важный вывод. Мне стало ясно: чтобы быть полезным на хозяйственном фронте, недостаточно одного желания и энтузиазма. Необходимы глубокие знания. А для этого надо продолжить учебу. Ведь я еще весной 1917 г. окончил реальное училище.

А тут вдобавок попалась мне на глаза книга Гарина-Михайловского «Инженеры», где описывался труд инженера-строителя железной дороги. Меня захватила романтика полевой жизни, и я твердо решил, что буду инженером и не просто им, а инженером-строите- лем.

И вот 1 сентября 1921 г. эта мечта стала исполняться: я поступил в Московское высшее техническое училище на инженерно-строительный факультет. Это были очень трудные для всей страны годы, первые годы послевоенной разрухи. Нам, студентам, приходилось' нелегко: в аудиториях холодно, в студенческой столовой кормили скудно, обходились без какого-либо транспорта. Но учились мы с большим удовольствием, даже радостью. МВТУ было потом преобразовано в физико-техническое училище, где много внимания уделялось практической деятельности. Уже после 2-го курса почти все мы работали на производстве, где осваивали технику, строительное дело и многое другое.

Так что с молодых лет мне довелось заняться строительством,: познать его специфику, многие его тонкости. Постепенно накапливались знания, приобретался опыт.

По окончании в 1927 г. МВТУ им. Н. Э. Баумана я был оставлен в аспирантуре и стал в том же вузе читать лекции по курсу «Конструкции». Одновременно, началось мое сотрудничество в аппарате ЦКК-РКИ, куда я был привлечен в качестве общественного кон-, сультанта по вопросам строительства. Таким образом, у меня направ- j ление было одно: строить и идти вперед в области строительной I техники.

В апреле 1929 г. XVI конференцией ВКП(б) был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР, вскоре утвер- • жденный V Всесоюзным съездом Советов. В стране началась неви- данная эпоха первых пятилеток. Многие современники, вспоминая ; об этих годах, часто говорят о пафосе строительства. Действительно, именно какой-то небывалый трудовой порыв, воодушевление, энту- зиазм нового строительства в большой степени определяли жизнь всей страны.

Пятилетка, ознаменовавшая начало социалистической индустриализации, ворвалась в биографию каждого. Высокая честь выпала и на мою долю: в 1929 г. заместитель председателя СНК и Совета Труда и Обороны СССР Григорий Константинович Орджоникидзе

(он был и наркомом Рабоче-крестьянской инспекции СССР) предложил мне перейти на постоянную работу в ЦКК-РКИ. С этого момента вплоть до последнего дня жизни Серго я работал под его непосредственным руководством в ЦКК-РКИ, ВСНХ и Наркомате тяжелой промышленности, в котором являлся начальником Главного управления строительной промышленности и промышленности стройматериалов, а затем и заместителем наркома.

В годы довоенных пятилеток Советский Союз, образно говоря, представлял собой огромную строительную площадку. Почти каждый день в строй действующих вступали новые заводы и фабрики (включая настоящие гиганты индустрии), а также электростанции, шахты, рудники, мосты, железнодорожные вокзалы, аэродромы, морские причалы и т. п. Поразителен был героизм строителей, которые отдавали делу социализма все свои силы, свое здоровье. Мы не всегда замечали даже этот героизм, он был повсеместным, массовым, и я думаю, что только история может его понять и оценить.

В итоге выполнения строительной программы первой пятилетки Советский Союз из аграрной страны превратился в индустриальную. Посудите сами: в 1932 г. СССР по производству стали и чугуна вышел на второе место в мире и на первое место в Европе, тогда как в 1928 г. он занимал шестое место в мире по выплавке чугуна и пятое — по выплавке стали.

Вторая пятилетка, как и первая, была выполнена досрочно. Валовая продукция Крупной промышленности в 1937 г. увеличилась по сравнению с 1913 г. в 8 раз. Причем свыше 80% всей промышленной продукции было получено с вновь построенных или полностью реконструированных предприятий в период двух пятилеток.

С учетом кооперирования сельского хозяйства была таким образом решена коренная задача социалистического переустройства страны — создана новая, социалистическая экономика.

Вопрос: Каким образом Вы оказались первым народным комиссаром по строительству СССР? Как это произошло?

Ответ: Несмотря на небывалый размах строительства, в Советском Союзе отсутствовал единый орган, который бы непосредственно руководил всем этим процессом, включая разработку и утверждение обязательных норм и правил проектирования, составление смет и цен на монтаж оборудования и т. п.

И вот 26 февраля 1938 г. правительство выносит постановление «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства». Этим постановлением наряду с принятием ряда важных мер был учрежден Комитет по делам строительства при Совнаркоме СССР. Председателем комитета назначили меня.

Свою деятельность Комитет по делам строительства начал с того, что составил типовые программы на проектирование детских учреждений. Наши предложения рассматривались на заседании Экономсо-

вета при СНК СССР и были утверждены, хотя дискуссия оказалась довольно острой.

Основные же усилия комитета направлялись на решение плановых кардинальных проблем, среди которых выделялась проблема строительства жилья и в первую очередь в районах промышленного освоения новых территорий, где отсутствовали какие-либо населенные пункты.

В числе других задач Комитет по делам строительства рассматривал проекты и сметы наиболее крупных объектов и представлял свои заключения правительству. Всего за период своей деятельности (до июля 1939 г.) он рассмотрел проекты и сметы, связанные с сооружением 101 объекта.

Международная обстановка, сложившаяся к концу 30-х гг., потребовала принятия неотложных мер по повышению обороноспособности Советского государства, в том числе ускорения строительства новых предприятий оборонного значения.

Осуществлять эти крупномасштабные работы без повышения уровня руководства строителями и без коренного улучшения всего строительного дела было невозможно.

С этой целью на состоявшейся в мае 1939 г. сессии Верховного. Совета СССР был обсужден вопрос о образовании общесоюзного Народного комиссариата по строительству. С докладом по данному предложению выступил заместитель Председателя СНК СССР' А. И. Микоян. Он обосновал необходимость создания нового наркомата, определил объемы его работы и основные задачи.

Вполне резонно и сегодня может возникнуть вопрос: а чем плох был Комитет по делам строительства при Совнаркоме СССР? Была ли необходимость учреждать какой-то параллельный, возможно,' дублирующий орган? Но дело все заключалось в том, что функции! комитета ограничивались проблемами проектирования и типизации 1 строительства. Прямым же руководством деятельностью строитель-! ных организаций и их координацией комитет не занимался. Создалось такое положение, что каждый наркомат сам строил себе заводы [1] и фабрики и имел под своим контролем десятки строительных* трестов. Все это привело к чрезмерному распылению строительной индустрии.

29 мая 1939 г. сессия Верховного Совета СССР обсудила и приняла закон «Об образовании общесоюзного Народного комисса- , риата по строительству». Ему было поручено обеспечение сооруже- . ния наиболее крупных промышленных предприятий и связанное с j ними жилищное и культурно-бытовое строительство. Возведение ; небольших по объему предприятий оставалось за наркоматами. ;

Сессия Верховного Совета СССР поручила правительству уста- ; новить перечень отраслей промышленности, строительство для ко- : торых будет осуществлять Наркомстрой, а также утвердить список

строительных организаций и предприятий, подлежащих передаче новому наркомату.

Что касается кандидатуры первого народного комиссара по строительству, то вскоре после сессии меня вызвали на прием к И. В. Сталину. Это была не первая моя встреча с вождем. Первая состоялась еще весной 1931 г. на квартире у Серго Орджоникидзе. Она запомнилась мне на всю жизнь. И прежде чем сообщить Вам, как прошла беседа в Кремле по поводу моей кандидатуры на пост наркома по строительству, я вкратце расскажу и о той первой встрече. Надеюсь, это представит для Вас интерес.

Итак, когда я зашел домой к Орджоникидзе, в его небольшом кабинете неожиданно встретил Сталина. На нем был костюм полувоенного покроя, мягкие кавказские сапоги, в руке неизменная трубка. Рядом с Серго он выглядел даже ниже среднего роста, хотя прежде, издали, казался мне высоким. Таким же неожиданным было и его рукопожатие. Я полагал, что у властного, решительного человека и рука должна быть твердой. Она же оказалась мягкой и небольшой.

Разговаривая или слушая, Сталин всматривался в собеседника. Позднее, уже после нескольких встреч, у меня сложилось впечатление, что Сталин с определенным недоверием относится к новым, незнакомым людям, много раз проверяет интересующего его работника, чтобы убедиться в его искренности, надежности, правдивости...

После того как Орджоникидзе представил меня, Сталин спросил:

— Товарищ Гинзбург, не могли бы Вы обрисовать положение с вводом в действие важнейших строек пятилетки?

Будучи членом Президиума ВСНХ, я постоянно занимался крупнейшими стройками и, конечно, был в курсе всех этих дел. Поэтому я стал подробно отвечать на заданный вопрос.

Сталин слушал некоторое время, потом прервал меня:

— Товарищ Гинзбург, меня сейчас особенно беспокоит обеспечение страны и промышленности топливом. А шахты Донбасса, да и не только Донбасса отстают с планом добычи угля. Товарищи объясняют это в первую очередь отсутствием самого элементарного жилья для рабочих. Что Вы можете сказать по этому вопросу? Какие у Вас есть предложения? Я понимаю, что трудно дать исчерпывающий ответ по такому непростому делу, но хотелось бы услышать хотя бы общие соображения.

Я ответил, что жилищный вопрос действительно очень остро стоит перед угольниками. Но, пожалуй, самое главное заключается в том, что завтра этот вопрос встанет не только перед теми, кто добывает уголь, но и перед всей страной, поскольку заканчивается сооружение гигантов тяжелой индустрии, и мы должны уже сейчас готовить жилье, создавать нормальные бытовые условия. Если этого

не сделаем, укомплектовать промышленность квалифицированными рабочими кадрами будет невозможно. А в перспективе ведь придется через какие-то 10—12 лет сносить временные деревянные здания и приступить к капитальному строительству новых, социалистических городов.

Сталин слушал внимательно, не перебивая, а когда я закончил, сказал:

— Мне нравятся высказанные Вами мысли как предварительные замечания. Необходимо подготовить предложения, которые можно было бы обсудить.

Мы разработали в ВСНХ предложения об организации стандартного деревянного домостроения, они были доложены Сталину и одобрены им при следующей встрече у Орджоникидзе...

И вот через восемь лет после той первой случайной встречи я официально был вызван в Кремль, в кабинет Сталина, примерно за полчаса до установленного времени, пройдя через всю пропускную процедуру, я оказался в приемной вождя. Его личный секретарь А. Н. Поскребышев приветливо поздоровался со мной. Я сел в указанное им кресло и стал ждать...

Наконец, меня пригласили в главный кремлевский кабинет. Помнится, что кроме Сталина там находились В. М. Молотов, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, А. А. Андреев, Л. П. Берия, Г. М. Маленков и, кажется, М. Ф. Шки- рятов.

Подойдя ко мне, Сталин поздоровался за руку. Ладонь его руки была такой же небольшой и мягкой. На нем был ставший уже традиционным полувоенный френч и мягкие грузинские сапоги. Но внешне Сталин несколько изменился: появились седина и на бледном лице морщины у глаз. Выглядел он усталым и несколько озабоченным. Попыхивая трубкой и пристально глядя мне в глаза, Сталин сказал:

— Мы решили предложить Вашу кандидатуру, товарищ Гинзбург, на должность народного комиссара по строительству. Как Вы относитесь к этому предложению?

Стараясь подавить охватившее меня волнение, я ответил:

— Конечно, для меня — большая честь стать первым наркомом по строительству. Я высоко ценю оказанное мне Ваше доверие, товарищ Сталин, доверие Центрального Комитета партии и понимаю, какая на меня возлагается большая ответственность. Ведь требуется незамедлительно собрать наркомат из отдельных «кирпичиков», разбросанных по промышленным отраслям, и на этой основе организовать сложный инженерный и хозяйственно-экономический аппарат. Я постараюсь приложить все свои силы, опыт и знания, чтобы достойно справиться с порученным делом. Но как коммунист хочу напомнить, что в феврале нынешнего года партколлегия, отметив как несправедливое и ошибочное решение парткома комитета по

делам строительства о моем исключении из ВКП(б), заменила его строгим выговором. Так что у меня имеется партийное взыскание.

После этих моих слов Сталин коротко заметил:

— Члены Политбюро ЦК знают об этом, товарищ Гинзбург. Вот Вы на новом высоком и ответственном посту всем и докажите, что и это наказание было чересчур строгим и тоже ошибочным.

Затем меня пригласили за стол и началась беседа с членами ЦК и правительства. Мне задавали разные вопросы, в том числе и по организационным делам, включая и такой: нужно ли, по моему мнению, сохранить как самостоятельный государственный орган Комитет по делам строительства при СНК СССР? Я предложил егр упразднить, передав функции комитета Наркомстрою в целях создания единого органа, представляющего строительную отрасль нашей экономики.

Был затронут и такой вопрос: какие у меня соображения по поводу выполнения монтажных и специальных работ в строительстве?

Я ответил, что вопрос этот представляется мне довольно сложным. Ведь при передаче строительных организаций Наркомстрою промышленные наркоматы, очевидно, постараются наиболее ценные и опытные кадры монтажников оставить у себя. Поэтому было бы неразумным решать организационный вопрос Наркомата по строительству дважды: сначала по общестроительным организациям, а потом — по специальным и монтажным работам. Вот почему целесообразно с самого начала возложить на Наркомстрой не только общестроительные, но и монтажные и специализированные работы.

Мои соображения были одобрены. Прощаясь со мной, Сталин сказал:

— Не пройдет и двух лет, товарищ Гинзбург, как все утрясется. Правительство и ЦК окажут Вам необходимую помощь в укомплектовании наркомата кадрами монтажников. Желаем успехов.

16 июня 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР я был назначен народным комиссариатом по строительству.

Вопрос: Как Вы встретили Великую Отечественную войну и с чего как нарком по строительству начали свою деятельность по перестройке Наркомстроя СССР на военный лад?

Ответ: Уже сравнительно задолго до фашистского нападения мы чувствовали приближение войны, чувствовали, что для нас наступают тяжелые годы. Наша партия, руководство, в целом государство принимали соответствующие меры, чтобы встретить агрессора достойно, во всеоружии.

Кое-где у нас сейчас бытуют такие мысли, что мол, большевики, наше руководство не готовились к войне, пустили все на самотек и именно поэтому Гитлер, совершив вероломное нападение, так быстро углубился в пределы СССР, дошел до Москвы, а потом до Волги и Кавказа. Считаю такое утверждение совершенно неправильным.

То, что делалось в период наших пятилеток, то, что мы почти на пустом месте создавали свою крупную современную индустрию, оборонную промышленность, перечеркнуть или забыть просто невозможно.

Вместе с тем мы обязаны были не забывать о бдительности, о повышении мобилизационной готовности страны, о всемерном укреплении боевой мощи Красной Армии. Ведь в течение только первых двух пятилеток наш народ построил одних только крупных предприятий не менее шести тысяч! Это и авиационные заводы, и машиностроительные и станкостроительные, и тракторные, и шарикоподшипниковые, и автомобильные, и танковые, и по производству боеприпасов, и многие другие. Поэтому все сводить только к нашим неудачам, ошибкам, упущениям совершенно неправильно. Это однобокое, искаженное представление.

После моего назначения народным комиссаром по строительству СССР я постоянно и много размышлял, как организовать этот новый наркомат. Прежде всего думал о людях, о кадрах строителей, которых знал довольно хорошо. Необходимо было обеспечить их правильный подбор и расстановку. Это первое.

Второе. Стоял вопрос: как управлять строительством. В конце концов я пришел к выводу для себя на основе опыта, предыдущего опыта, накопленного мною, что строительство — слишком динамичная отрасль. Она не может канцелярски управляться, это безнадежное дело — превратить строителя в канцеляриста. Исходил я и из того, что нужно иметь минимальное количество денег в управлении.

Все это я положил в основу организации Наркомстроя. Подбирая людей — квалифицированных кадровых строителей, понимал, что надо иметь и хороших юристов, и хороших бухгалтеров, и хороших экономистов, и хороших машинисток. Аппарат должен быть не раздутым и слаженным. Большой аппарат вреден. Он чаще всего плодит бумаги, которые мало кому нужны...

Словом, в наркомате получился синтез людей, любящих и знающих свое дело. Бумаг было мало, и люди не бездельничали и каждый четко отвечал за свой участок. Даже каждая машинистка знала, что опечаток у нее не должно быть...

Вас интересует: где меня застало известие о начале войны? В конце воскресенья 22 июня 1941 г., после напряженной трудовой недели многие сотрудники наркоматов, в том числе и я, уехали за город, в дом отдыха. Рано утром, когда большая часть отдыхающих еще спала, я ушел побродить по парку вдоль Москвы-реки. Возвращаясь с прогулки, услышал настойчивый звонок телефона, находившегося в пустой комнате дежурной. Я взял телефонную трубку и сразу узнал взволнованный голос первого заместителя Председателя Совнаркома СССР Николая Алексеевича Вознесенского. Он сообщил мне, что немецко-фашистские войска вторглись на нашу территорию и открыли боевые действия против СССР. Вознесенский

попросил сейчас же оповестить о начале войны других наркомов, находившихся в доме отдыха, и чтобы все они немедленно прибыли в Кремль.

Первый вопрос, который я себе задал: что это будет за война и сколько она продлится? Но на такой вопрос никто тогда бы не ответил. И если я кого-то спросил об этом, тот просто бы меня высмеял.

Приехав в Москву, мы сразу же явились к Вознесенскому. Сообщив коротко о сложившейся тяжелой военной обстановке и не вдаваясь в подробности, Николай Алексеевич сказал, что нужна максимальная мобилизация наших ресурсов и предложил в кратчайший срок ввести военную дисциплину в ведомствах усилить бдительность и каждому из нас лично обеспечить выполнение первоочередных заданий. Они будут даны незамедлительно.

Настроенйе у народных комиссаров, покидавших кабинет Вознесенского, было тревожное. Все сосредоточенно размышляли, оценивали услышанное, понимая, какой громадный объем задач предстоит оперативно решать их коллективам в новой, изменившейся обстановке.

Но было бы неправильно утверждать, что в те первые военные дни все вокруг сразу осознали смертельную опасность, нависшую над Советской страной. Встречались и такие (в том числе в высшем Звене государственного управления, в аппарате наркоматов), у которых отношение к событиям было слишком спокойное, даже беспечное, граничащее с шапкозакидательством: «О, это чепуха! Нечего тревожиться. Агрессор вот-вот получит сокрушительный удар Красной Армии и с ним будет покончено». Уже и слухи распространились, будто мы какой-то десант высадили то ли в Кенигсберге, то ли где-то под Берлином. Словно по сценарию бодрого предвоенного пропагандистского фильма «Если завтра война...»

Но довольно быстро я стал разбираться, к чему идет дело. Ни с кем не советовался. Да и безнадежно было у кого-то из высшего руководства спрашивать. Сказали бы: занимайся своим делом.

В конце июня 1941 г. в Кремль были вызваны руководители промышленных наркоматов и ряда важнейших хозяйственных учреждений. В Овальном зале с кратким сообщением к нам обратился Сталин. Все присутствовавшие стояли. Откровенно заявив об очень (трудном положении, создавшемся на фронте, он предложил в первоочередном порядке отправить на Урал и ввести в действие броневые станы, которые необходимы для производства танковой брони. Станы требовалось срочно снять с Кировского завода в Ленинграде и с Мариупольского металлургического завода имени Ильича. На установку ленинградского стана на Нижне-Тагильском заводе отводился чрезвычайно короткий срок — всего лишь два месяца.

Рабочее собрание в Кремле было непродолжительным и немногословным. На нем все мы получили важные и конкретные указания

о дальнейших действиях. Я находился рядом с наркомом черной металлургии И. Ф. Тевосяном. И когда совещание закрылось, к нам подошел Сталин. Он поздоровался. Обратившись ко мне, сказал:

— Товарищ Гинзбург, я прошу Вас проследить за демонтажем броневых станов в Ленинграде и Мариуполе. Они должны быть перебазированы в Нижний Тагил и на Магнитку как можно быстрее.

Сделав небольшую паузу, Сталин продолжил:

— Пока эти станы будут перемещаться на Урал, передайте туда все необходимые указания, чтобы в кратчайшие сроки там были построены соответствующие цеха и сооружения, где бы можно было смонтировать и пустить в действие оба стана. Кроме того, примите все меры, чтобы в установленные сроки были возведены цеха и все, что понадобится для увеличения выпуска танков в Челябинске, Нижнем Тагиле и Сталинграде...

После этого совещания стало особенно ясно, что война будет длительной и борьба с вторгшимися армиями фашистского блока предстоит очень тяжелая.

Именно поэтому надо было, не теряя времени, продумать и определить направления организационной перестройки в области строительства.

Но как подойти к решению встававших перед нами многочисленных сложных проблем? С самого начала следовало довольно четко представить себе перспективу, за частными задачами увидеть и определить общие. Вспоминались слова В. И. Ленина: «...Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы» (Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 15. С. 368).

Я пришел к выводу, посоветовавшись со своими заместителями, о необходимости в связи с военной обстановкой коренным образом изменить строительные организации. Примерно через неделю после начала войны коллегия Наркомстроя вошла в правительство с пред-[1] ложением создать на базе действующих трестов и других строительных организаций особые строительно-монтажные части - ОСМЧ, ‘ которым поручалось бы выполнение наиболее срочных правитель-. ственных заданий по строительству предприятий оборонной промышленности и оборонительных сооружений, а также форсированное восстановление объектов, пострадавших в ходе войны. Таким; образом, ОСМЧ представлялись нам как новый тип организации —; своеобразное мощное военно-строительное подразделение.

Будучи по своему характеру высокомобильными организациями . ОСМЧ по мере необходимости могли перебазироваться с одних строек на другие. Вся их деятельность должна была основываться на] строгой военной дисциплине и оперативности.

Учрежденный 30 июня 1941 г. высший чрезвычайный орган ' страны — Государственный Комитет Обороны ответил на наше об-

ращение: ваше письмо рассмотрено и предложение принимается. Считаем его своевременным и правильным. 8 июля 1941 г. ГКО вынес об этом специальное постановление. Согласно решению ГКО на положение ОСМЧ переводилось более 90% строительных и монтажных организаций Народного комиссариата по строительству. Всего бьшо создано 100 крупных ОСМЧ, укомплектованных квалифицированными строителями и монтажниками общей численностью 400 тыс. человек. Помимо этого в случаях крайней необходимости ОСМЧ доукомплектовывались еще и рабочими батальонами.

Перестраивая таким образом всю систему Наркомата по строительству, мы обратили первоочередное внимание на эффективную деятельность подвижных объединений монтажников, роль которых и масштабы их работы в 1941—1945 гг. трудно переоценить. ОСМЧ представляли собой новое слово в строительном деле, демонстрируя, пожалуй, наиболее удачный пример военной перестройки данной отрасли отечественной индустрии.

Вопрос: Не сможете ли Вы, многоуважаемый Семен Захарович, сообщить ряд характерных примеров, свидетельствующих о том, как трудились во время Великой Отечественной войны наши строители?

Ответ: Чтобы подробно рассказать о поистине славных и доблестных делах советских строителей в военные годы, потребовались бы многие десятки томов. Ведь по существу всюду они работали с максимальной отдачей сил, будь то демонтаж эвакуируемых предприятий, их монтаж и пуск в действие на Востоке страны, сооружение новых объектов в тыловых районах или возрождение на освобожденной территории СССР разрушенных захватчиками заводов и фабрик, электростанций, железных дорог, жилого фонда и т. п.

Поэтому я расскажу Вам лишь о некоторых, наиболее запомнившихся мне ударных стройках военных лет.

Начну с Чебаркуля. В конце декабря 1941 г. ГКО поставил перед Наркомстроем СССР задачу — на базе перемещенного на Урал из Подмосковья оборудования завода «Электросталь» построить на новом месте в пос. Чебаркуль крупное предприятие черной металлургии. Требовалось сдать этот завод в эксплуатацию не позднее 15 марта 1942 г., т. е. соорудить его всего за 75 дней.

Непосредственное руководство строительством Государственный Комитет Обороны возложил на меня, как народного комиссара. В Чебаркуль был направлен эвакуированный с Украины ОСМЧ-Запо- рожстрой, располагавший опытными квалифицированными кадрами. О масштабах предстоящей работы говорили хотя бы такие данные. В небывало сжатые сроки надо было соорудить здания общей площадью 62 тыс. м^2 и объемом 400 тыс. м^3, выполнить огромный объем земляных, бетонных и железобетонных работ, возвести промышленные печи, произвести монтаж 6 тыс. тонн сложного технологического оборудования и т. д. Причем все это предстояло осуществить в условиях суровой уральской зимы, при 45-градусном морозе.

Уже в первые дни моего пребывания в Чебаркуле я встретил на строительной площадке первого секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличева, переведенного сюда из Ярославля. Николай Семенович рассказал, что перед отъездом на Урал состоялась его встреча-беседа со Сталиным, который особо выделил стройку в Чебаркуле. Он подчеркнул, что сооружение Чебаркульского завода по своей срочности и важности несравнимо ни с чем.

Нами был разработан план и четкий порядок возведения этого объекта. Его строительство и монтаж были развернуты на хорошем инженерно-техническом уровне и высокими темпами. Бригады плотников, арматурщиков, бетонщиков, соревнуясь между собой, перекрывали задания, в результате чего первый фундамент под самый мощный агрегат «201-5» соорудили почти надвое суток раньше, чем было предусмотрено графиком. Многие рабочие и командиры ОСМЧ ' сами перешли на казарменное положение и круглосуточно находились там, где решался успех дела. В создании атмосферы трудового подъема весьма велика была роль партийных организаций.

15 марта 1942 г. Чебаркульский завод был досрочно введен в эксплуатацию. В моем домашнем архиве сохранился текст трудового[1] рапорта коллектива строителей на имя Председателя ГКО. В нем, в частности, говорилось: «... В суровых условиях уральской зимы, в пургу и метель, мы работали не покладая рук. В огне социалистического соревнования выковывались сотни стахановцев и командиров стройки, которые творили чудеса. Они готовы были по первому зову партии и правительства идти в бой за сооружение новых заводов, которые дали бы стране столько боевой продукции, сколько потребует фронт...»

В моей памяти хорошо запечатлелись и многие события, связан- , ные со строительством Челябинского трубопрокатного завода — ныне; крупнейшего в стране предприятия по производству труб большого * диаметра для обеспечения нужд нефтяной и газовой промышленно- : сти. Решение о его сооружении было принято Государственным' Комитетом Обороны 13 апреля 1942 г. Непосредственное выполне-! ние этой задачи ГКО возложил на особую строительно-монтажную J часть Наркомстроя — ОСМЧ-22. '

Сроки ввода трубопрокатного завода в эксплуатацию были тоже > предельно короткими, а объем работ непрерывно возрастал. Например, в марте 1943 г. ГКО вынес постановление о дополнительном! возведении на Челябинском трубопрокатном заводе собственного (мартеновского цеха. А в 1943—1944 гг., кроме ввода на полную' мощность названного цеха нужно было также построить два трубо- • прокатных стана, стан для производства насосно-компрессорных, труб, цехи нарезных труб *я* ряд других цехов. j

Несмотря на все сложности и возросший объем строительных * работ, коллектив ОСМЧ-22 трудился очень слаженно и эффективно.] Об этом можно судить хотя бы по тому, что месячная производитель- j

ность достигла в среднем 10—12 тонн конструкций на каждого рабочего. Чтобы понять, насколько она была высока, сообщаю Вам, что в настоящее время в среднем в стране она составляет 4-6 тонн конструкций на рабочего в месяц.

Не удивительно, что строители справились с заданием Государственного Комитета Обороны. В январе 1944 г. в газетах был опубликован их рапорт об этом Председателю ГКО. В ответной приветственной телеграмме, копия которой у меня тоже хранится, Сталин отметил, что в трудных условиях военного времени строители и эксплуатационники завода «своей образцовой работой, применением передовых методов строительства в исключительно короткие сроки создали новую базу по производству труб для нужд военной и нефтяной промышленности...»

За разработку и внедрение новых методов строительства мартеновских печей на Челябинском трубопрокатном заводе многие строители удостоились правительственных наград, а А. С. Сахно, М. А. Шильдкрату и М. Н. Чудану была присуждена Сталинская премия.

Приведу Вам еще один пример, который, кстати, показывает, что строители доблестно трудились не только в глубоком тылу, но и в прифронтовой полосе. Это небольшая по времени, но сложнейшая по осуществлению история сооружения подводного бензопровода (трубопровода) протяженностью 30 км по дну Ладожского озера для снабжения горючим блокадного Ленинграда.

Расчеты показали, что для создания в нем хотя бы двухмесячного запаса горючего, надо завезти в город более 70 тыс. тонн горючесмазочных материалов, или свыше 7 тыс. железнодорожных цистерн. Несмотря на принятые меры, к апрелю 1942 г. запас горючего был сделан только на 30-40 дней. И тогда в марте Наркомстрой внес в ГКО предложение о прокладке бензопровода по дну Ладожского озера. Государственный Комитет Обороны поддержал эту инициативу и был подготовлен проект о сооружении указанного бензопровода. Проведение этой сложной и опасной работы было поручено особой строительно-монтажной части Наркомата по строительству совместно с ЭПРОНом Балтийского флота.

На укладку трубопровода и его введение в действие отводилось 1,5 месяца. А ведь его трасса проходила вблизи фронта и находилась в зоне активных действий авиации и артиллерии противника. Вражеские бомбежки и обстрелы тормозили проведение работ и приводили к большим человеческим жертвам.

Сложность прокладки трубопровода по дну озера сказалась уже в самом начале строительства. В довоенные годы плавание судов по Ладоге при штормовой погоде свыше 5 баллов запрещалось. Но проектировщики на это не обратили внимания, считая, что плети трубопровода под действием своей тяжести сами лягут на дно озера.

И когда в конце мая 1942 г. состоялось погружение первой

сваренной плети длиной в 1 км (ее буксировал один катер), сильный ветер на озере стал относить ее задний конец в сторону от проектной трассы. В конце концов в условиях шторма крепление головной, части плети оборвалось, и труба исчезла в водах озера.

Случившееся явилось серьезным уроком для строителей', из которого были сделаны практические выводы. Решено было теперь, каждую плеть буксировать двумя катерами. Уложенные на дно участки бензопровода закрепляли металлическими грузами. Впервые в| практике строительства подводных трубопроводов применялась сварка'[1] стыков вместо соединительных муфт.

И эта сложнейшая задача, несмотря на многочисленные трудности, была успешно решена. На прокладку бензопровода строителям потребовалось всего 50 дней. Он безотказно действовал, снабжая Ленинград горюче-смазочными материалами в течение 20 месяцев, • вплоть до прорыва вражеской блокады.

Такими же ударными стройками военных лет были домны на Магнитогорском и Чусовском заводах, автомобильные заводы в Ульяновске и Миассе, Алтайский тракторный завод в Рубцовске и «Сибмаш» в Красноярске, ряд авиационных и танковых предприятий, заводы химической промышленности, по производству стрелкового вооружения и боеприпасов, а также многие десятки других.

Вопрдс: Хотелось бы узнать Вашу оценку восстановительных работ, которые развернулись в нашей стране еще в ходе Великой Отечественной войны. Каковы были при этом характерные особенности строительно-восстановительной эпопеи военных лет, насколько обогатился тогда созидательный опыт строителей? Каких, наконец, результатов добивалась их передовая техническая мысль? Помню, как меня в свое время поразили данные, содержавшиеся в изданной в 1945 г. небольшой работе видного экономиста Б. М. Сухаревского «Советская экономика в Великой Отечественной войне». В ней, в частности, сообщалось, что уже в 1944 г. возрожденные на освобожденной территории СССР предприятия дали важнейшую часть прироста продукции тяжелой промышленности. Не менее впечатляющими о темпах восстановления были и сведения, приведенные Н. А. Вознесенским в его известной многим книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1947), в которой; он писал: «Если в 1943 году освобожденные районы дали промыш-і ленной продукции (в неизменных ценах) на 2,7 млрд. руб., то в 1944, году они дали продукции уже на 8,3 млрд. руб., или в 3,1 раза больше, j Надо признать эти темпы исключительными...»

Ответ: Еще в самом разгаре была тяжелая, кровопролитная война, требовавшая от народа громадных средств и величайшего напряжения, а в прифронтовых и первых освобожденных районах страны начались восстановительные работы. Масштабы и объем этих работ по мере изгнания немецко-фашистских захватчиков с совет-

ской земли непрерывно возрастали, как возрастали и размеры ущерба, причиненного врагом Советскому государству.

Что видели перед собой строители, прибывавшие в районы, которые пострадали от гитлеровского нашествия? Испепеленную, истерзанную землю, разрушенные и сожженные города, села, промышленные предприятия, взорванные мосты, железные дороги, порты, вокзалы...

И все это требовалось ускоренными темпами возродить и вновь подключить к военно-экономическому потенциалу сражавшейся страны.

Так что просто сказать: перед строителями стояла очень сложная задача — это очень мало. Задача была чрезвычайной трудности и сложности! Ничего подобного, никаких аналогов в мировой практике строительства не было. Я коротко остановлюсь только на нескольких фактах, свидетельствовавших о масштабах и темпах этой беспримерной эпопеи.

Вскоре после перехода Красной Армии в контрнаступление под Москвой строители по решению правительства от 29 декабря 1941 г. приступили к работам по возрождению шахт Подмосковного угольного бассейна. Менее чем через год был восстановлен довоенный уровень добычи угля.

В начале 1942 г. перебазированный на Урал Ступинский металлургический завод был реэвакуирован, восстановлен на прежнем месте и уже через несколько месяцев работал на полную мощность.

В апреле—мае 1942 г. в г. Электросталь под Москвой началось восстановление крупного предприятия тяжелого машиностроения на базе оборудования Ново-Краматорского завода, который был вывезен в 1942 г. из Донбасса в г. Орск Чкаловской области, а теперь реэвакуирован в Подмосковье. Строительные работы выполняла круглосуточно особая строительно-монтажная часть-17 Наркомстроя во главе с Н. Г. Соколовым и В. М. Железновым. Одновременно трест «Мосжилстрой» вел здесь строительство объектов жилищно-гражданского назначения.

В помощь строителям из Орска прибыли 1400 машиностроителей. Составы с оборудованием завода продвигались по железной дороге наравне с воинскими эшелонами. Все это позволило важное предприятие оборонного значения ввести в действие досрочно.

2 февраля 1943 г. капитулировала вражеская группировка под Сталинградом, а через несколько дней на Сталинградский тракторный завод (СТЗ) и в город пришли первые восстановители - в основном молодежь, никогда ранее не работавшая на стройках. Но молодые патриоты были полны энтузиазма и стремились как можно быстрее восстановить легендарный СТЗ.

Для оперативного решения сложных задач по возрождению Сталинграда в Наркомстрое были дополнительно созданы две Особые строительно-монтажные части - ОСМЧ-14 и ОСМЧ-25 под общим

руководством Ф. Д. Дагаева. Условия восстановления городских зданий, жилых домов, тракторного завода и других предприятий были невероятно трудным делом. Сталинград на протяжении всех 50 км вдоль правого берега Волги был полностью уничтожен. Не сохрани- j лось ни одного дома, где можно было бы разместить прибывавших * на строительство людей. Пришлось в первое время использовать подземные тоннели, которые во многих местах были залиты канализационными стоками и нефтепродуктами. Люди размещались в землянках и трофейных полуразбитых автобусах, брошенных армией пленного фельдмаршала Паулюса.

Вся наша многонациональная Родина оказывала широкую помощь тем, кто восстанавливал Сталинград. К лежавшему в руинах городу непрерывным потоком поступали строительные материалы, продовольствие, одежда, спальные принадлежности, медикаменты. Сюда же направлялись автомашины, станки, механизмы, краны, экскаваторы и другая строительная техника. Первый эшелон со строительными материалами, оборудованием и т. п. прибыл в Сталинград 30 марта 1943 г., а всего к маю в город был доставлен 671 вагон - из Москвы, Свердловска, Казани, Азербайджана, Грузии, Узбекистана — воистину вся страна защищала Сталинград и вся страна участвовала в его возрождении.

В быстром восстановлении Сталинграда и его промышленности особенно была заметна авангардная, мобилизующая роль партийной организации города, которую возглавлял А. С. Чуянов.

Строители работали здесь так же доблестно, как возводили в рекордные сроки оборонные объекты. Большую самоотверженность 1 проявило местное население. Были созданы бригады добровольцев- строителей, которые по примеру жены фронтовика, работницы дет- , сада А. Черкасовой, трудились на городских стройках в свободное от . основной работы время и в выходные дни.

Главное внимание восстановители уделяли возрождению промышленной мощи Сталинграда. И вот несколько памятных дат. : 31 июля 1943 г. выдала плавку металла первая восстановленная | мартеновская печь на заводе «Красный Октябрь», через месяц была получена первая тонна проката на восстановленном прокатном ста- [не. 2 ноября Сталинградский тракторный завод выпустил первый мощный дизель, а 17 июня 1944 г. с большого конвейера сошел • первый опытный трактор СТЗ-З.

Такими же темпами шло восстановление других предприятий, учреждений и жилых домов героического города на Волге.

Летом 1943 г., готовясь к решающим боям на Курской дуге, ' противник предпринял попытку вывести из строя Горьковский автомобильный завод (ГАЗ) и группу ярославских заводов резиновой и каучуковой промышленности.

Начиная с 4 июня 1943 г., на протяжении более двух недель вражеская авиация почти ежедневно ожесточенно бомбила предпри

ятия Горького и особенно Горьковский автомобильный завод. В результате бомбежек и пожаров некоторые цехи завода оказались сильно разрушенными. Для организации восстановительных работ на завод сразу же прибыли нарком автомобильной промышленности СССР С. А. Акопов и один из заместителей наркома по строительству К. М. Соколов. Областной и городской комитеты партии призвали коллективы всех предприятий и организаций города оказывать восстановлению автозавода всемерную помощь.

Основные восстановительные работы выполняли Особая строительно-монтажная часть «Стройгаз» совместно с монтажными и строительными организациями «Стальконструкция», «Центроэлекгромон- таж», срочно переброшенными Наркомстроем из Ульяновска и других городов. К решению этих задач были также привлечены рабочие и специалисты автозавода. Уже в течение первых дней восстановительных работ на ГАЗ было мобилизовано и направлено 3 тыс. рабочих. Поскольку монтажников, плотников, железобетонщиков и отделочников не хватало, к каждому квалифицированному строителю прикрепляли несколько рабочих, которые обучались профессиональным строительным навыкам в процессе восстановительных работ.

По мере очистки от завалов отдельные участки цехов покрывали брезентовыми навесами, чтобы дать возможность возобновить производство. Главный конвейер завода, колесный цех и другие начали действовать под открытым небом.

Сто дней и ночей героически трудился 27-тысячный коллектив строителей, монтажников и эксплуатационников, отдавая все свои силы быстрейшему возрождению завода, обеспечению выпуска продукции для фронта. В его первых рядах находились коммунисты, руководители — Л. М. Ремезов, И. К. Лоскутов, бригадир монтажников Н. Г. Дмитричев, бригадир плотников В. Н. Тонькин, бригадир штукатуров И. Кодушкин, производитель работ П. Ф. Шипулин, главный инженер участка С. С. Зуев и многие другие. 28 октября 1943 г. от имени строителей, монтажников и работников автозавода первый секретарь Горьковского обкома ВКП(б) М. И. Родионов доложил Государственному Комитету Обороны об окончании восстановления гиганта отечественного автомобилестроения.

Как я уже отметил, одновременно с налетами на Горьковский автозавод мощной воздушной бомбардировке подверглись заводы резиновой промышленности в Ярославле.

В 1943 г. ярославские заводы вырабатывали свыше 40% продукции всей резиновой промышленности страны, а шинный завод — большую часть всей продукции шинной промышленности. Он являлся основным поставщиком шин для автомобилей, самолетов, артиллерии, обрезиненных катков для танков и другой военной техники.

Наутро после первого массированного налета в Ярославль срочно выехали нарком резиновой промышленности СССР Т. Б. Митрохин,

главный инженер Главшинпрома М. И. Иванов, другие ответствен ные работники наркомата. Одновременно в Ярославль прибыл заместитель наркома по строительству СССР А. Г. Погосов с группой работников Наркомстроя.

Огромное зарево с клубами бурого дыма видно было за десятки ' километров от города. Налеты вражеской авиации, волна за волной продолжались около четырех часов. В них участвовало свыше 300 самолетов. В самом начале бомбежки было разрушено водоснабжение, выведена из строя связь. Заводы превратились в огромный костер. Вместо обычных зажигательных двухкилограммовых бомб, фашистские самолеты сбрасывали на этот раз 50-килограммовые, которые пробивали деревянные перекрытия зданий, вызывая пожары на этажах. Тягучая зажигательная смесь растекалась и трудно поддавалась тушению. Пылали корпуса цехов, каучук, готовые шины... И в этом море огня, рискуя жизнью, рабочие и работницы, инженеры и техники, служащие вручную спасали шины, оттаскивая их в безопасное место.

Подверглись бомбардировке и завод синтетического каучука, сажевый завод, а также автозавод (ныне моторный). Сгорел расположенный рядом с комбинатом большой жилой поселок, а в самом городе, в районах, прилегающих к промышленным предприятиям, фугасными и зажигательными бомбами оказались разрушенными и • поврежденными многие жилые дома и общественные здания.

Общая картина нанесенного врагом ущерба была потрясающей. Из семи корпусов шинного завода не пострадал лишь один — складской корпус, но и ему были причинены значительные повреждения. Повсюду - обгоревшие остовы несущих колонн, рухнувшие перекрытия с обожженной и исковерканной арматурой, электромоторы, оборудование. И все завалено обрушившимися конструкциями... В технологическом оборудовании и электромоторах, как правило, были расплавлены все бронзовые подшипники, сгорели электрические) обмотки в моторах, вышли из строя все наземные коммуникации; инженерных и кабельных сетей. !

В тот же день вблизи горящих руин состоялся многолюдный, митинг, на котором говорилось о скорейшем восстановлении заводов. Учитывая огромное значение ярославских предприятий резиновой и каучуковой промышленности, Государственный Комитет Обороны оказал местным организациям большую помощь в их; восстановлении.

Еще горели заводы, а на месте, в Ярославле, подготавливалось! развернутое постановление ГКО о восстановлении пострадавших! заводов. В этой работе помимо руководителей и ответственных работников Наркомрезинпрома и Наркомстроя активно участвовал директор шинного завода П. Ф. Баденков, руководители других! предприятий и строительных организаций.

Проект постановления был безотлагательно доложен в прави-

тельство и через два дня Государственным Комитетом Обороны принят. При этом сроки восстановления ярославской группы заводов были сокращены с восьми до пяти месяцев. Это означало, что работы необходимо было закончить к 7 ноября 1943 г.

Постановление предусматривало доставку в двухнедельный срок всех основных строительных материалов, которые в полном объеме были переброшены на площадку комбината в течение 10 дней. Составы с грузами прибывали днем и ночью, их еле успевали разрушать.

Большую помощь в восстановлении разрушенных заводов оказывал Ярославский обком партии. В частности, в области на восстановительные работы было мобилизовано несколько тысяч рабочих. Прибывали строители и из соседних областей — Ивановской, Костромской, Кировской. Сюда же была передислоцирована миноразг- радительная бригада из Сталинграда в составе пяти батальонов (в среднем по 800 бойцов в каждом).

Работы по разборке разрушенных зданий и восстановительному строительству велись круглосуточно — в две смены. Все работали с огромным упорством по 12 часов в стуки. Нелегко из тысяч работавших выделить лучших, так как все трудились с полной отдачей сил.

Через 100 дней после начала восстановления разрушенные предприятия Ярославля были введены в строй, причем некоторые цеха начали работать значительно раньше.

Летом 1943 г. перед советским руководством встал вопрос о более широком развертывании восстановления хозяйства, разрушенного врагом. 21 августа СНК и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

С чего мы начали, приступая, например, к возрождению промышленных предприятий Украины?

В сентябре 1943 г. Наркомстрой направил в районы, освобожденные от немецких захватчиков, группу своих работников — уполномоченных по восстановлению. Этой группе было поручено в первую очередь создать на территории Украинской ССР сеть строительных организаций и приступить к восстановлению производственных предприятий Наркомстроя, без которых невозможно было вести восстановительные работы. Наиболее сложным оказалось укомплектовать строительные организации и производственные предприятия квалифицированными рабочими и специалистами, и поэтому хочу особо отметить, что в этом сложном вопросе мы нашли с первых же шагов полную поддержку со стороны местных партийных, советских и военных организаций Украины.

Как только фашистские войска были изгнаны из Донбасса, я вскоре направился туда вместе с группой работников наркомата. Жили мы, как когда-то прежде, в вагонах.

Утром, в день приезда, сквозь завесу тумана из окна своего

вагона мне был виден город Сталино (Донецк) с высокими домами. Можно было подумать, что здесь не было боев. Но вот туман рассеялся, и перед нашими глазами предстали освещенные мартов- , ским солнцем мертвые здания с зияющими проемами окон. Мы вышли из вагона — вдоль улиц тянулись остовы разрушенных домов. Картина была страшна какой-то своей призрачностью. Выжженный город казался мертвым. Единственное, что сохранилось, — театр. Как ни странно, это построенное перед самой войной красивое здание возвышалось над разрушенным городом. Нам рассказали, будто партизаны прикрепили к театру плакат, на котором по-немецки было написано: «Осторожно — заминировано», и это спасло великолепное здание.

Особенность работы на промышленных объектах на освобожден- , ной территории СССР, по ее скорейшему возрождению заключалась не только в большом объеме строительства. С подобными объемами мы имели дело и раньше. Главное же заключалось в том, что такую масштабную работу нам приходилось проводить в разрушенных районах... Потому предстояло как можно быстрее ввести в действие наиболее сохранившиеся цехи, которые могли бы в короткие сроки дать дополнительную продукцию для фронта.

Наряду с этим мы должны были создавать собственную произ- водственную базу: предприятия по производству строительных материалов, ремонтные и механические мастерские и т. п. Без этого невозможно было справиться с ликвидацией последствий фашистского нашествия во всем ее объеме.

Мы были не «временщиками», старались смотреть вперед, собирались строить много и на высоком техническом уровне, индустриальными методами. Однако без собственной производственной базы этого нельзя было добиться. j

Характерной особенностью восстановительных работ было то, | что они во многих случаях предполагали отход от знакомых методов строительства, на каждом шагу возникали новые сложные техниче- ские проблемы.

Отсутствие шаблона на восстановительных работах потребовало [1] глубокого осмысления встававших задач, постоянного творческого подхода. Требовалось всестороннее знание технического существа дела. Ломать или восстанавливать? Каким приемом воспользоваться, чтобы работы были минимальными? Как использовать наличные ’ материалы, а не обычно применяемые? Приходилось не только думать, но и экспериментировать, контролировать качество.

Продолжалась война, требовавшая громадного напряжения сил, но мы понимали, что должны работать над завтрашним днем строительства. За годы Отечественной войны строители выполнили большую и ответственную работу. Успех этой работы достигнут в значительной мере благодаря тому, что мы смело порвали с многими консервативными методами в строительстве, что передовая техни-

ческая мысль наших инженерных кадров упорно искала и находила новые технические решения, которые помогли нам преодолеть трудности военного времени.

Проиллюстрирую это на двух-трех примерах.

Среди промышленных объектов, возведенных в годы первых пятилеток, нашу законную гордость всегда вызывал завод «Азов- сталь» им..Серго Орджоникидзе в г. Мариуполе. Этому предприятию гитлеровцы причинили чрезвычайно тяжкие увечья. В заводскую домну № 4 — крупнейшую в Донбассе — немецко-фашистские захватчики заложили мощные авиабомбы. От взрыва огромной силы оказались разрушенными все восемь опорных колонн. В результате печь осела на 3,5 метра, сдвинулась своим низом почти на полтора метра и наклонилась более чем на полметра.

И вот за восстановление завода взялись советские инженеры и рабочие. Наиболее сложной была задача возрождения названной домны. Сначала специалисты склонялись к тому, чтобы демонтировать печь и на этом месте построить новую. Но вскоре было найдено другое решение.

Первым приступил к детальному осмотру печи опытный инженер А. С. Каминский. Он предложил не разбирать домну, а выправить и поднять ее. Свои доводы инженер убедительно обосновал. Его предложение поддержали другие специалисты, в том числе опытный кадровый строитель, начальник Азовстроя А. П. Поборчий. Бригада проектировщиков под руководством Каминского разработала детальный проект восстановления домны, не имевший прецедентов в технике.

Домну поднимали бригадиры монтажников Душенкова, Бы- ченкова, Меркулова, Сафонова, Ермакова. Бригады Ширшова и Ковыляева выполняли сложнейшие вспомогательные работы. Практически руководили всем процессом подъема домны старший прораб Шкатов, прораб Петержник и мастер Мурзенко. Возглавляли эту небывалую операцию начальник ОСМУ-12 треста «Сталькон- струкция» М. Е. Богатырев и главный инженер этого управления С. С. Крупенников.

Основной работе предшествовали операции по уменьшению веса домны. Вначале стали поднимать печь гидравлическими 200-тонными домкратами. Четыре дня «печку» выравнивали и приводили в вертикальное положение. В течение трех суток ее передвигали в проектное положение на расстоянии 14800 миллиметров. Для этой операции 100-тонные горизонтальные домкраты установили на специальные корытообразные салазки из листовой стали, на которые и была опущена приподнятая доменная печь.

За всем этим процессом с огромным интересом следили и сами рабочие. Дело было совершенно необычное. Трудились непрерывно — днем и ночью.

Завершающим и самым серьезным моментом в этой части рабо

ты был вертикальный подъем домны на 3,5 метра. Старший прораб П. П. Шкатов 17 суток почти не сходил со своего «капитанского мостика». Он толково и энергично управлял работами по подъему, в которые было вложено много изобретательности и инициативы. |

Подъем домны № 4, начатый 17 октября 1944 г., был закончен j 27 ноября. Цельная конструкция весом 1250 тонн была выправлена, ‘ поднята, сдвинута и поставлена в проектное положение. !

К середине декабря 1943 г. восстановление первоочередных объек-: тов завода «Азовсталь» было закончено. Гитлеровцы рассчитывали, что он не встанет больше из руин. Но враг просчитался и в этой; оценке возможностей советского человека. Во сто крат труднее было j восстанавливать завод, чем строить до войны. Труднее потому, что' немецко-фашистские захватчики вывезли, взорвали и разрушили все, что могли. Труднее было восстанавливать и потому, что оживавшие заводы в Сталинграде, Запорожье, Ростове, Харькове, Киеве, Николаеве, возрождаемые города, рудники, села требовали леса, цемента,' металла. День и ночь шли в Поволжье, на Украину, на Север составы, груженные строительными материалами. А их все было мало! И тем не менее из руин поднимались заводы, города, села — поднимались, * росли на глазах, возвращенные к жизни самоотверженным трудом советских людей, освободившихся от фашистского ига.

На широчайшем фронте восстановительных работ, простиравшемся на огромной территории от Белоруссии до Сталинграда, от Подмосковья до Киева, от Калинина до Николаева, выделялся ряд индустриальных узлов — крупнейших промышленных комплексов, имевших решающее значение для послевоенного возрождения всей советской экономики. К числу таких комплексов наряду с Донбассом относился Запорожский промышленный узел. Едва ли найдется в нашей стране еще два-три центра, где бы на сравнительно небольшом «пятачке» имелось такое средоточие разнообразных отраслей промышленности, такое «созвездие» гигантов, как любил говорить , Серго Орджоникидзе о Запорожье.

После изгнания оккупантов первейшей задачей стало восстанов- j ление Днепрогэса. Как и в довоенные годы, гидростанция призвана, была стать энергетическим сердцем Украины, базой возрождения ; всех отраслей промышленности Приднепровья, и не только При-: днепровья. Воссоздание Днепрогэса имело не только экономичес-; кое, но и большое морально-политическое значение, ибо речь шла, о возвращении к жизни любимого детища советского народа, символизировавшего социалистическую индустриализацию страны.

На дешевой энергии Днепрогэса быстро развивался весь Запорожский индустриальный комплекс. Но война прервала бурное раз- • витие промышленности Приднепровья и на пять с половиной лет. остановила турбины Днепрогэса.

Ущерб от разрушенных сооружение только гидроэнергетического ; узла составил свыше 700 млн. рублей.

Вам, наверное, нетрудно представить сложность обстановки, в которой оказались на разрушенном Днепрогэсе представители Днеп- ростроя. Развалины, перекрученные, искореженные, конструкции, некогда бывшие цехами, зданиями, красавицей плотиной... Воронки от бомб и снарядов, развороченные мостовые, разбитые до основания асфальтовые дороги. А на фоне железобетонных глыб, обрушившихся стен, кирпичных развалин — иссеченные, покалеченные деревья. И — безлюдье. Развалины в Запорожье и в прилегающих рабочих поселках, села со следами бомбежек и пожарищами показались вымершими, опустевшими.

На этом фоне понятна первая сложная задача: вербовка рабочей силы. И с самого начала в решении этой и всех других задач приняли самое активное участие местные партийные и советские органы. Значительный объем работ выполнила и воинская инженерная часть, которая вели проходку левобережных донных отверстий. Подрядчик Днепростроя - трест «Гидромонтаж» начал со строительства пешеходного моста. Этот мост, соединявший два берега, вместе с паромом служил верно вплоть до июня 1944 г., когда открыли движение по плотине.

Особые работы — демонтаж, разборка взорванных металлоконструкций и основного гидроэлектромеханического оборудования, другие монтажные работы - выполнял трест «Гидромонтаж».

Многое диктовали трудности военного времени. Приходилось прямо на стройплощадке выполнять работы, которые обычно передавали крупным заводам. Так, на месте изготовили мост мостового крана здания станции грузоподъемностью 260 тонн, систему транспортеров с приводными и натяжными станциями, дозирующие устройства бетономешалок, цилиндрические грохоты, значительную часть другого оборудования для бетонных работ, камнедробильных, сортировочных и деревообрабатывающих установок, собрали также землесосную установку с двумя параллельными и последовательно работающими землесосами.

Верховую перемычку построили из взорванного бетона щитовой стенки и сопрягающего устоя. Цементный раствор в нее нагнетали под небольшим давлением через газовые трубы. Водонапорный откос был покрыт брезентовым экраном, а низовой обкладывали обломками металлоконструкций и противоминными сетями.

Меня можно упрекнуть в излишне специальных подробностях. Но я рассказываю об этом намеренно, надеясь, что такого рода подробности позволяют показать главное: чрезвычайно обострившееся в те годы чувство ответственности и величайшее желание как можно быстрее вернуться к той жизни, которая уже была, была до этой разрушительной, варварской войны. Изобретательность и самоотверженность в работе были столь велики, что многое, чего удавалось тогда достигнуть, кажется даже мне, свидетелю и участнику неимоверно трудных строек, почти фантастическим.

Итак, в рекордные сроки Днепрогэс был восстановлен, пущен во второй раз, энергетическая база Запорожского комплекса ожила. А в это время рядом уже велась техническая работа по возрождению. всего созвездия заводов, и прежде всего «Запорожстали». Наступил ее черед — пуска этого металлургического завода с нетерпением ожидала вся страна.

В мирные довоенные годы этот завод был уникальным производителем холоднокатного тонкого листа, без которого невозможно развивать выпуск автомобилей и тракторов.

«Запорожсталь» была варварски разрушена немецко-фашистскими ' захватчиками. После изгнания врага территория завода представляла хаотическое нагромождение деформированных металлических конструкций, зданий и сооружений. Все домны, мартены, прокатный и другие цеха были взорваны или сожжены. На коксохимическом заводе оказались уничтоженными все коксовые батареи, железобе-[1] тонная угольная башня, транспортные мосты, кран-перегружатель угольного склада. В развалины и пожарища превратились многоэтажные дома заводских поселков. Наземные энергетические коммуникации на значительном протяжении были выведены из строя, опорные колонны взорваны.

В довоенные годы строительные и монтажные работы здесь осуществляла строительная организация «Запорожстрой» совместно со специализированными организациями Наркомстроя. В связи с оккупацией, как я уже рассказывал, это мощное управление было направлено в Чебаркуль вместе со своими инженерно-техническими кадрами и квалифицированными рабочими и стало именоваться Особая строительно-монтажная часть «Запорожстрой». Она с большим успехом справилась с возложенными на нее заданиями на Урале. Когда Левобережье Днепра было освобождено, запорожцы! поставили вопрос об их срочном возвращении.

Вернувшись в родные края, запорожские строители начали с восстановления жилищ и предприятий деревообделочного комбина- * та, заводов шлакоблочного, железобетонных изделий и двух кирпич- * ных, крупного механического завода, а также ряда мастерских. Восстановленный одним из первых, завод металлических конструкций вместе с Днепропетровским заводом металлических конструкций им. Бабушкина изготовлял необходимые металлоконструкции.

Десяткам цехов и заводов была возвращена жизнь благодаря инициативе, творческой энергии, изобретательности, технической предприимчивости, трудовому энтузиазму замечательного коллектива восстановителей, возглавленного запорожскими коммунистами.

Примером уникального строительного процесса явился также подъем каркаса сборочного эллинга объемом 900 тыс. кубометров на судостроительном заводе в Николаеве, варварски разрушенном фашистами.

Здесь советские строители впервые в мировой практике разрабо

тали и применили метод восстановления сооружений путем массового одновременного подъема обрушенных конструкций — с последующим ремонтом их уже в проектном положении.

И, наконец, еще одна страница героической эпопеи возрождения. Она связана с моей родиной, городом моего детства, с Белоруссией, на долю которой впали особо жестокие испытания.

Приехал я в Минск осенью 1944 г., вскоре после того, как он был освобожден от фашисткой оккупации.

Я знал, что Минск сильно разрушен, — читал об этом в газетах, но то, что увидел, потрясло: города, по существу, не было. Фабрики, заводы, институты, школы, жилье, электростанции, водопровод, трамвай — все разрешено. Развалины, руины, пустыри, покрытые пожухлой травой, воронки. Только на окраинах кое-где сохранились деревянные домики.

Фашисты подвергли эту республику особо изощренному уничтожению. Приведу Вам несколько скорбных цифр. За годы войны в Белоруссии было разрушено и вывезено в Германию 10338 промышленных предприятий. Из 270 городов и районных центров почти полностью было разрушено 209, а сел и деревень сожжено 9200. Белоруссия потеряла свыше половины своего национального богатства. Сумма общего ущерба равнялась 35 годовым бюджетам республики 1940 г. За годы войны Белоруссия потеряла каждого четвертого своего жителя.

Последствия трагедии целого народа помогла преодолеть вся наша многонациональная страна. На примере восстановления этой республики со всей наглядностью проявилась подлинная дружба народов Советского Союза. Все республики пришли на помощь Белоруссии.

...И вот я на минской земле, еще хранящей смертоносный, невзорвавшийся металл.

Жилье в Минске было уничтожено больше чем на 80%, а из 332 предприятий осталось 21. Нужно было немедля возрождать промышленность, но нельзя было ни на один день откладывать восстановление жилища. С жилья все начинается!

По приглашению белорусских организаций сразу после изгнания врага в республику приехала группа видных архитекторов из Москвы и Ленинграда в составе А. Щусева, Н. Колли, В. Семенова, А. Мордвинова, Б. Рубаненко, И. Лангбарда. Эта группа составила «Эскиз-идею» планировки Минска, которая была незамедлительно рассмотрена и утверждена в ЦК Компартии Белоруссии. Впоследствии на ее основе разработали первый послевоенный генеральный план развития города. Причем разработкой и утверждением генерального плана занимались довольно долго, хотелось найти наилучший вариант. Но это не останавливало строительство — оно началось сразу. Первый секретарь ЦК КПБ и Председатель СНК БССР П. К. Пономаренко вместе с архитекторами и строителями очень

внимательно обсуждал все детали проекта — какие улицы расчищать в первую очередь, где размещать промышленность, основные общественные здания и жилье.

С самого начала восстановительные работы в Белоруссии велись по широкому фронту. Ни город, ни деревня не ждали своей очереди — они возрождались одновременно, параллельно. Тысячи сел и деревень, почти полностью уничтоженных оккупантами, не только ожили, но и преобразились. С учетом планов развития колхозов и совхозов были разработаны и утверждены схемы районной планировки, отобраны деревни, намеченные к перспективному развитию. Созданы «опорные пункты» — модели будущих сел. Для этих пунктов определили рациональную номенклатуру сооружений, наметили концентрацию предприятий, связанных с сельскохозяйственным производством, — консервные и комбикормовые заводы, межхозяйственные пункты агроветеринарного обслуживания, химзаводы и т.д., а также учреждений культуры и бытового обслуживания.

Словом, по всей республике шло интенсивное строительство. В связи с огромным объемом работ в Белоруссии и непосредственно в Минске следовало воссоздать старые, существовавшие до войны и создать новые строительные организации, подобрать для них руководящие и инженерные кадры. Была учреждена специальная подрядная организация по осуществлению всех строительно-монтажных работ в столице республики — Главминстрой.

Строители возвращались в Белоруссию с Урала, где они трудились на оборонных-заводах, или же с фронта, после демобилизации. Людям необходимо было в первую очередь жилье. Сейчас в крупных городах, получая квартиру, мы думаем о том, какой район нам дают, есть ли в доме лифт, скоро ли будет телефон, а тогда жили в тяжелейших условиях, они своими руками разгребали руины, раскапывали завалы. Строители должны были, не щадя усилий, как можно скорее сооружать жилища.

Белоруссия быстро возрождалась. Естественно, наибольшие успехи в первые же годы восстановления были достигнуты в промышленном строительстве республики. И масштабы этих работ, и темпы — поразительные. Минск был освобожден от оккупантов в 1944 г., а к 1945 г. в столице работало уже 3 тыс. предприятий.

Белоруссия, Минск — это замечательная страница послевоенного возрождения. Но только одна страница... А таких страниц было очень много.

Вопрос: Как известно, в военные годы при подготовке народно-хозяйственных планов большое распространение получили квартальные задания. Чем это было вызвано, какие они имели преимущества и как составлялись?

Ответ: Во время Великой Отечественной войны обстановка зачастую менялась быстро. И поэтому задаться планом на год и ограничиться им было просто невозможно. Не существовало таких

оракулов, кто бы мог точно подсказать, какие произойдут события, как пойдет дело.

Ведь мы не знали, когда будем наступать, а когда — отступать. Приходилось поэтому максимально учитывать обстановку. И, естественно, ГКО, СНК СССР, руководители нашей военной экономики пришли к выводу, что надо иметь хотя бы квартальный план. Без плана что-то производить, что-то делать было бессмысленно. Это не социализм. План должен быть, пусть даже не совсем совершенный. Хочу Вам пояснить следующее: когда речь шла о выпуске военной продукции, скажем, танков Т-34 на таком-то заводе, то считалось, что сегодня он будет выпускать, к примеру, 8 танков, завтра — 9, послезавтра — 12... Люди при этом чувствовали ежедневную нагрузку и подтягивались, повышалась их ответственность, достигались результаты.

А если дать в тех условиях большой, растянутый план, скажем, на год, то ежедневного производственного ритма уж не так бы ощущалось и при некоторых неудачах и срывах всегда оставалась надежда: год большой и когда-то план все равно будет выполнен.

Поэтому переход на квартальные и даже месячные планы в условиях войны был закономерным, вполне оправданным явлением.

Вопрос: Каково Ваше мнение о Н. А. Вознесенском как человеке и крупном государственном деятеле, являвшемся с 1941 г. первым заместителем Председателя СНК СССР, с 1942 г. — членом ГКО и возглавлявшем на протяжении почти всех военных лет Госплан СССР?

Ответ: Николая Алексеевича Вознесенского я знал, хорошо, встречался с ним часто и, кстати, не всегда соглашался с его суждениями, оценками. А если и соглашался, то не из-за того, чтобы ему угодить. Любезностями Вознесенский никогда не занимался. Он появился в Госплане после В. Й. Межлаука, когда последнего там не стало. Его рекомендовал А. А. Жданов, поскольку Николай Алексеевич работал в Госплане Ленинграда.

Могу о нем сказать так: Вознесенский был-способным молодым человеком, образованным, думающим, энергичным, знания имел достаточно глубокие... Но при всем этом обладал очень плохим характером. Никогда не улыбался, не шутил. Чувства юмора у него не было.

В кругу своих коллег, включая наркомов, нередко был несдержанным, грубым. Устраивал разные «разносы» подчиненным, не слишком заботясь при этом о подборе слов. В семье (а я знал и его жену) был деспотом. Это не значит, что он плохо относился к женщинам. Этого я сказать не могу. Но дома, в своей семье, повторяю, был обыкновенным деспотом.

Вместе с тем Вознесенский очень хорошо себе представлял, что такое план. Он понимал, что план составляет не один Госплан, что в его разработке активно участвуют министерства, или народные

комиссариаты, как они назывались до войны и во время Великой Отечественной войны. А Госплан СССР, получая эти планы, их сводит на основе составления перспективы общего развития страны на пятилетку и более, составляет с учетом того, чтобы диспропорций было как можно меньше (если их нельзя вообще избежать).

Расскажу об одном случае. Вознесенского в течение нескольких дней не было на работе: не помню, не то болел, не то отдыхал. Обязанности председателя Госплана исполнял его первый заместитель. А план требовал присутствия Николая Алексеевича, ибо к его окончательной редакции, на последней стадии Вознесенский не допускал никого, в том числе и своих заместителей по Госплану. Он говорил другим высшим руководителям из правительства: «В чем дело? Если вам что-то нужно, звоните мне, должность моя вам ведь понятна? Мои заместители по Госплану отвечать вам не могут, потому что я за все отвечаю».

И вот, когда его не было, некоторые зампреды СНК СССР (может быть, не самые лучшие), вызвали исполняющего обязанности председателя Госплана и сказали: «Слушайте, сколько вас человек?» «Сто тридцать», — отвечает тот. «Мы тебе добавим еще сто человек, но только отвечай на все вопросы...»

Потом вернулся Вознесенский, узнал, конечно, о происшедшем, выругал своих заместителей последними словами и сказал: «Нам лишние штаты не нужны. Хотят, чтобы мы одни составляли план. А наркоматы что будут делать?»

Он прекрасно понимал, что план состоит не только из одних[1] сводных цифр. Вы не можете составить действенный глубоко продуманный план, если у вас останется без внимания вопрос о резервах. Без учета резервов планы ничего не стоят, потому что и в мирных { условиях заранее нельзя представить: где будет землетрясение, где-j то наводнение, где-то наводнение, где-то заносы, а где-то будут еще! какие-то неприятности. Это невозможно. Мы еще не управляем: природой, многого не знаем. Поэтому должен быть и резерв. Без резерва государство жить не может.

Сталин весьма высоко ценил несомненные способности Возне- \сенского, быстро продвигал его по служебной лестнице. К тем вы-[1] " соким должностям Вознесенского, которые Вы назвали в своем вопросе, добавлю, что с 1941 г. он стал кандидатом в члены Полит бюро ЦК ВКП(б), а вскоре после войны — членом Политбюро ЦК. Еще в 1943 г. бьш избран академиком Академии наук СССР.

Многие из руководства, да и не только они, знали, что Сталин намеревался выдвинуть Вознесенского на пост главы Советского; правительства, о чем неоднократно сам заявлял. Знад об этом и Николай Алексеевич и слишком поверил в незыблемость этого решения вождя. Он не учел обстановку «дворцовых интриг», зависть к себе и соперничество в лице таких сановников из ближайшего окру

жения Сталина, как Берия, Маленков, Каганович, что в конечном итоге имею для Вознесенского роковые последствия.

Вопрос: В исторической литературе сейчас существуют разные мнения по вопросу, когда у нас во время войны было создано слаженное военное хозяйство и что это такое. Если это было, то каковы его характерные черты?

Ответ: Видите ли в чем дело. Мы очень часто в наших публикациях по военной истории и военной экономике желаемое хотим выделить за действительное, что не помогает пониманию истинной картины. Например, когда создавались тома двенадцатитомной «Истории второй мировой войны 1939—1945», то там вопрос о времени функционирования в нашем государстве слаженного и быстро растущего военного хозяйства нашел отражение. Некоторые товарищи из числа авторов и редакторов записали в 5-м томе, что слаженное военное хозяйство мы получили уже к концу 1942 г. И тогда, когда у нас налицо в силу ряда причин стало резко падать производство базовых отраслей нашей промышленности и когда в результате этого, как отмечал Н. А. Вознесенский в своей книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1947. С. 155), в I квартале 1943 г. произошло снижение выпуска промышленной продукции на 12% по сравнению с ГУ кварталом 1942 г. Вот Вам и слаженное, быстро растущее военное хозяйство, созданное еще в 1942 г.!

Когда я получил соответствующий текст макета 5-го тома с этим утверждением, то написал, что это выдумка. И кому она нужна? Когда несколько ранее вышел в свет 5-й том книги 1-й «Истории Коммунистической партии Советского Союза», посвященный 1938— 1945 гг., то там тоже содержалось подобное утверждение. Я поинтересовался в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, откуда у них такие сведения? Ответили: это уже давно опубликовали специалисты по военной экономике Б. М. Сухаревский, Л. М. Гатовский и ряд других.

Итак, в двух крупных изданиях имеется одинаковая трактовка, не соответствующая исторической правде и не опирающаяся на факты. Мое замечание редакция и редколлегия 5-го тома просто проигнорировали.

А ведь не следует забегать вперед, никто нас не гонит. И надо отражать то, что было в действительности. Если мы обратимся к упомянутой книге Н. А. Вознесенского, который в ней стремился показать только наше хорошее, а не плохое, то увидим, что там нет ни одного слова о том, что мы в 1942 г. создали слаженное военное хозяйство. Правда, на странице 142 той же работы председатель Госплана СССР процитировал место из доклада Сталина на торжественном заседании, посвященном очередной годовщине Великого Октября. Но там было сказано, что в 1943 г. (а не в 1942. - ***С. Г.)***

Советское государство имело «слаженное и быстро растущее военное хозяйство».

Полагаю, что, отметив этот отрадный факт применительно к 1943 г., Сталин, видимо, не хотел преуменьшить значение нашей страны в экономической победе над врагом. Мы можем в итоге констатировать, что ни в названном докладе Председателя ГКО, ни в книге Вознесенского, ни в последующих публикациях о военной экономике СССР 1941-1945 гг. оказались так и не раскрытыми четкие критерии или черты такого появившегося понятия, как «слаженное и быстро растущее военное хозяйство», хотя это понятие в военно-исторической и военно-экономической литературе продолжает употребляться и по сей день.

История требует правды. И следует всегда исходить из того, что было на самом деле. Если о чем-то неудобно писать, то, наверное, лучше опустить, чем что-то сочинять, говорит неправду.

Вопрос: Он является последним. Изданная несколько лет назад Ваша книга, дорогой Семен Захарович, «О прошлом для будущего» получила широкий резонанс в кругах общественности, вызвала, по нашим данным, большой интерес. Какими сведениями на этот счет располагаете Вы? Что пишут Вам Ваши читатели?

Ответ: Могу сказать о своей книге следующее. Я получаю очень много писем, разных записок, телефонных звонков. В основном читатели хвалят ее. Большая часть писем примерно того же содержания адресуется в Политиздат. За все время ко мне поступило только два письма с рядом критических замечаний.

Автор одного письма, как он подписался, член партии с 1928 г., пишет, как хорошо Вы раскрыли многие события нашего недавнего прошлого. А дальше спрашивает: «Но как Вы могли, освещая важные вопросы, не сказать о том, что же случилось с Николаем Алексеевичем Вознесенским? Куда он делся? Почему ничего не сказали о судьбе Семена Семеновича Лобова — бывшего члена Президиума* ВСНХ, затем члена Оргбюро ЦК ВКП(б), наркома лесной промышленности СССР, наркома пищевой промышленности РСФСР и т. д. ? И далее следует целый список не упомянутых имен... То есть человек, видимо, хотел, чтобы я в своей книге проследил жизненный, путь всех известных мне деятелей. Чтобы подробно говорил и о 37-м годе... И все это пропустил бы небезызвестный Главлит?

Другое письмо. Из Ленинграда. Подписано — рабочий, такой-то. Тоже пишет, что для себя, мол, немало интересного и полезного почерпнул и далее: «Но почему Вы не говорите о том, сколько бед принес стране Никита Хрущев?»

Но ведь я не писал историю в строго хронологической последовательности, со всеми подробностями. Я подготовил мемуары, где все события и не собирался отразить.

Вот звонит мне недавно, в воскресенье, известный деятель военного тыла генерал Николай Александрович Антипенко. «Я в восторге

от Вашей книги, — говорит. — Замечательные воспоминания получились. Но почему ничего не написали о Главвоенспецстрое, организованном в 1947 г.? Я, мол, сейчас пишу одну работу к 40-летию освобождения Белоруссии, и вот о его деятельности на территории этой республики ничего у Вас нет.

Отвечаю, что я в целом историю строительства в стране и не собирался освещать.

Он мне говорит: «Почему ничего не сказано об угольщиках, почему мало о строительстве химических предприятий и т. д. и т. п.?

Скажу больше, я ведь не писал и мемуары. Написал, правда, что родился тогда-то, в таком-то месте, потом учился, работал. Но это еще не мемуары. Речь у меня идет не о мемуарах в чистом виде, а о памяти. Память движет историю. Речь идет о памяти, когда предпринята попытка осмыслить события истории, события прошлого. Только так я понимал свою задачу как автор книги.

Речь же у меня идет вот о чем. Ведь как могло случиться, что ' страна за каких-то 12 лет после жесточайшей разрухи, после голода, после холода, при отсутствии малейшей помощи со стороны, при наличии враждебных сил внутри страны, которые, как и внешние силы, очень мешали нам, тормозили строительство нового мира, хотели остановить движение. И тем не менее мы за несколько десятилетий превратили СССР в гигантскую державу, с которой стали считаться во всем мире. Мы разгромили фашизм и спасли мировую цивилизацию. Как же это случилось? Вот смысл всей этой книги, всех моих размышлений. Я не писал: вы делали так, а надо вот так. Я только писал, как это было. А дальше сами делайте соответствующие выводы. В книге идет речь и о многих людях, о прекрасных руководителях той созидательной эпохи. И я убежден, что такого компетентного и образованного правительства, которого мы имели, например, во время Великой Отечественной войны, не было в мире нигде.

В бурной текучке нашей жизни мы многое забывали о том, как двигались. Надо самое полезное из накопленного опыта понять и учесть не только для будущего, но и сегодняшнего дня.

Итак, моя цель была показать, как мы шли вперед по социалистическому переустройству общества, добиваясь больших свершений, допуская при этом, наверное, неизбежные промахи, ошибки и исправляя эти ошибки.

Вот, скажем, вопрос о нашей независимости, в том числе в экономическом плане. Есть у меня об этом специальная глава - «Курс на техническую независимость. Право на риск». У нас многого не было, и мы все создавали сами, благодаря широкой народной инициативе, самоотверженным трудом, создавали тяжелую индустрию и другие отрасли промышленности.

Старшие поколения нашего общества обеспечили таким образом экономическую независимость Советского государства.

А вот сегодня мы, к сожалению, опять становимся зависимыми.

Какое положение сейчас? Если необходимо какие-либо машины, оборудование заказать на импорт, говорят — мы не можем.

Люди нашего сравнительно недавнего прошлого, которые работали на стройках, считали за большую честь, если они производили такую же технику, которую раньше закупали за границей.

Химия сейчас, например, во многом на импорте. Разве это допустимо? А зерно? Примерно такое же положение.

Еще приведу пример. В середине 30-х гг. ощущалась острая нехватка вагонов. Перед Наркоматом тяжелой промышленности, перед Серго Орджоникидзе поставили об этом вопрос. Мы, мол, поставляем 29 тыс. вагонов в двухосном исчислении. Это был 1934 г., а в 1935 г. надо было выпустить 80 тыс. Все понимали, что увеличить производство за год в 3 раза было не так-то просто. Это ведь рост не на какие-то проценты. А тут еще проблема металла, проблема кадров и еще десятки таких же сложных проблем... Создается Главвагонстрой, осуществляется кооперирование Сормовского завода с рядом других заводов и т. п.

И оказывается уже в ноябре 1935 г. мы дали 86 тыс. вагонов! Кто нам помог? Может быть, добрые дяди из-за рубежа? Ничего подобного! Это сотворили советские люди!

И вот однажды, тоже сравнительно недавно, был я на заседании Совета Министров СССР, где обсуждается вопрос о вагонах. Я сижу на этом заседании, слушаю. Никогда не позволял себе выступать не по своим вопросам. И вот начинается: у нас вагонов не хватает, плохо с вагонами и т. д. Поступает предложение: давайте в Индии и в Польше закажем эти вагоны и поставим туда для данных целей средства и металл. Итак, завезем туда металл, и там сделают нам вагоны.

Я сижу и думаю, что за чушь такая. Беру слово и говорю: «Хотя это и не мой вопрос, позволю себе высказать свое мнение. Мы когда- то создали на Урале «Вагонстрой» и в 1935 г. дали стране уже 86 тыс. вагонов. А сколько он сегодня дает? Чего же мы лезем в зарубежные страны? Самое пустое дело бросить народные средства на то, что можем сделать у себя. Мы будем металл свой направлять в Индию и Польшу, бросаясь с головой в импорт и не задумываясь, сколько это стоит денег. Потом ведь эти страны будут нам давать вагоны, как якобы товарную продукцию. Понимаете? Ведь нашему государству все это обойдется в тридорога».

Все стихли, опустили головы. Слышу: «А Вы знаете у нас не хватает литья». Отвечаю: «А Вы думаете в 1935 г. у нас хватало? Ведь наши мощности сейчас в десятки раз больше, чем было в середине 30-х гг.».

Я позволю себе завершить свой ответ на Ваш последний вопрос на минорной ноте: свою экономическую независимость мы сегодня теряем, а если попадем в полную прямую зависимость от западных государств, наша страна просто не сможет существовать.

Из неопубликованных документов

1. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 13 ноября 1941 г. «Об обеспечении выпуска на Кировском заводе в январе месяце 1942 года 20 танков «КВ» в день»

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать НКТП - т. Малышева и директора Кировского завода т. Зальцмана обеспечить наращивание мощностей и выпуск танков «КВ» по следующему графику:

в декабре 1941 г.	в 1-й декаде	по 10 шт. в день
	во 2-й декаде	по 14 шт. в день
	в 3-й декаде	по 17 шт. в день
в январе 1942 г.	в 1-й декаде	по 17 шт. в день
	во 2-й декаде	по 17 шт. в день
	в 3-й декаде	по 20 шт. в день

... 8. Обязать НКСтрой - т. Гинзбурга обеспечить в сроки, установленные т. Малышевым, строительство новых цехов, термопечей и достройку существующих цехов на Кировском и Ижорском заводах, на заводах № 76 и Станкострое.

Возложить персональную ответственность за своевременное окончание строительства и монтаж оборудования по этим и другим техническим заделам на Урале на заместителя наркома по строительству т. Юдина П. А., освободив его на это время от всех других работ в наркомате и запретив ему выезжать с Урала...

... 21. Обязать Наркомвнешторг - т. Микояна:

а), выделить Кировскому заводу (бывшему ЧТЗ) алмазы 1000 карат, алмазные крошки 1200 карат, абразивных изделий на 300000 руб.

б), выделять Кировскому заводу ежемесячно вольфрама — 5 т, ванадия - 1 т, молибдена - 1 т.

22. Освободить т. Малышева от текущей работы в СНК СССР, обязав его и т. Зальцмана в ближайшие два месяца всю свою работу направить на быстрейший пуск танковых заводов и обеспечение комплексного развития танковых мощностей на Урале»*.

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

2. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 12 июля 1942 г. «Об эвакуации и восстановлении производства военной продукции Ворошиловградского завода им. Октябрьской Революции Нар- комтяжмаша».

«В дополнение к постановлению ГКО № 1984сс от 4 июля 1942 г. Государственный Комитет Обороны постановляет:

...2. Поручить тг. Сабурову, Казакову (НКТП) и т. Гинзбургу (НКСтрой) к 20 июля 1942 г. представить свои предложения по восстановлению производства военной продукции Ворошиловградского завода.

3. Обязать НКПС (т. Хрулева) и начальника Северо-Донецкой ж. д. (т. Кривоноса) в период 12—14 июля, сверх указанного в постановлении

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов.**

КО № 1984сс количества, дополнительно обеспечить подачу Ворошиловградскому заводу 400 вагонов для эвакуации производства военной продукции Ворошиловградского завода...»*.

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

3. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 16 июля 1942 г. «Об оборудовании и кадрах завода № 264 Наркомтанко- прома»

«...6. Обязать НКСтрой (т. Гинзбурга) построить для завода танковых дизелей в г. Барнауле и сдать в эксплоатацию жилые дома общей площади 35000 кв. метров, в том числе в августе 5000 кв. метров и в декабре 7500 кв. метрЬв»**.

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

4. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 18 апреля 1943 г. «О форсировании строительства Орского завода металлургического оборудования»

«ГКО отмечает, что строительство Орского завода металлургического оборудования осуществляется крайне неудовлетворительно, в результате чего ввод в эксплуатацию цехов завода согласно постановлению СНК СССР от 7 июля 1942 г. № 1121-535сс сорван.

Дальнейшее отставание в создании новых мощностей по производству тяжелого технологического оборудования может привести к замедлению темпов развития черной и цветной металлургии.

Считая дальнейшее отставание строительства Орского завода металлургического оборудования недопустимым, Государственный Комитет обороны постановляет:

1. Отнести строительство Орского завода, осуществляемое в соответствии с постановлениями СНК СССР № 1121-555с от 7 июля 1942 г. и № 1433-707 от 26 августа 1942 г., к первоочередным и важнейшим оборонным стройкам страны.

2. Обязать НКСтрой (т. Гинзбурга) и трест Южуралтяжстрой (т. Кожевников) сосредоточить необходимое количество людских и материальных ресурсов на строительстве Орского завода и выполнить в 1943 г.» по указанному заводу строительных работ на 35,0 млн. руб. с окончанием * строительства производственных цехов и объектов энергетического хо- 1 зяйства в следующие сроки: различные цеха и проч. — май 1943 г. — март г 1944 г...»***

Председатель ГКО
И. СТАЛИН *

*** Там**
**** Там**
***** Там**

Я. Е. ЧАДАЕВ

В годы Великой Отечественной войны имя Якова Ермолаевича Чадаева было хорошо известно многим советским людям. Ряд важных правительственных постановлений и в первую очередь о присвоении генеральских и адмиральских званий периодически публиковались в печати за двумя подписями: Председателя Совнаркома СССР И. В. Сталина и управляющего делами Совнаркома СССР Я. Е. Чадаева.

В изданной в 1985 г. энциклопедии «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.» ему было посвящено несколько строк. Сообщалось, что доктор экономических наук Я. Е. Чадаев родился в 1904 г. После окончания Всесоюзной плановой академии возглавлял в 1938— 1939 гг. Госплан РСФСР, в 1939—1940 гг. был заместителем председателя Комиссии советского контроля СССР, а с 1940 г. и в течение всех военных лет являлся управляющим делами СНК СССР, активно участвуя, как отмечается в названной энциклопедии, «в разработке важнейших решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, связанных с перестройкой народного хозяйства СССР на военный лад, с восстановлением хозяйства в освобожденных районах»*.

Именно на посту управляющего делами правительства раскрылся талант Чадаева как видного государственного деятеля. Благодаря недюжинному уму, удивительной памяти, высокой степени организованности, инициативе и четкости в работе он умело справлялся с огромной и ответственной нагрузкой. Во всяком случае за все время пребывания на такой важной должности, как свидетельствовал сам Чадаев, он не получил ни одного замечания от «хозяина Кремля», хотя в столь тяжелый период ему приходилось трудиться в чрезвычайно напряженном ритме по 14-16 часов в сутки, контролируя подготовку многих документов и давая ход нескончаемому потоку дел.

Лишь однажды Сталин обратил внимание Чадаева на одну, как ему казалось, допускаемую оплошность или недочет. Как-то, выйдя во время заседания Бюро Совнаркома в приемную, Сталин увидел там большую группу наркомов, ожидающих вызовов по своим вопросам.

«После окончания заседания, когда мы остались вдвоем, — вспоминал бывший управделами СНК, - Сталин подозвал меня. Я удивился и терялся в догадках. При этом, естественно, волновался.

*** Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 778.**

Глаза из-под его густых ресниц смотрели на меня строго. «Вот что, — сказал Сталин. — Не годится, когда много людей вызываете заранее, а потом они зря тратят время на ожидание. Следующий раз этого не допускайте». Я сразу же ответил: «Слушаюсь, товарищ Сталин». Но все-таки добавил: «Сколь не говоришь им не приходить рано, они все равно приходят». «Ну что с ними поделаешь», - сморщился Сталин и отправился к выходу. «На всю жизнь запомнил я это замечание Сталина», - писал в своих мемуарах Яков Ермола- евич.

Как рассказывал Чадаев, обнаружив в нем умение не только стенографировать и составлять хорошие протоколы, но и готовить удачные проекты различных постановлений, Сталин для этой цели стал приглашать управделами Совнаркома почти на все заседания Политбюро ЦК, СНК, а в период войны — и Государственного Комитета Обороны.

Чадаев обеспечивал визирование правительственных документов руководящими государственными и партийными деятелями й практически каждый день бывал в кабинете у Сталина по его вызову или по собственной инициативе, получая текущие задания, в том числе по подготовке тех или иных проектов решений и распоряжений. Наряду с этим вел и соответствующие записи обсуждавшихся там вопросов и бесед. Многое из записанного тогда Яковом Ермолаеви- чем, включая воспроизведенное по «живым следам» в домашней обстановке, составит основу его будущих обширных воспоминаний...

Познакомил меня с Я. Е. Чадаевым бывший первый заместитель наркома танковой промышленности СССР, Герой Социалистического труда, генерал-полковник Алексей Адамович Горегляд. 24 апреля 1979 г. он выступил с воспоминаниями на заседании сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР. Когда заседание окончилось, Алексей Адамович предложил мне заехать вместе с ним в гости к своему давнему другу Я. Е. Чадаеву. «Это недалеко, в доме по улице Серафимовича, где театр эстрады, — сказал Горегляд. - Мы давно с ним не виделись: Яков Ермолаевич долго болел. Договорились о встрече как раз сегодня. Он очень интересный человек. А сколько знает разных историй! Ведь он был по существу во время войны одним из • помощников Сталина».

Я. Е. Чадаев был весьма рад нашему визиту и встретил нас очень приветливо. Сразу же усадил за стол и стал угощать чаем. Проведенные у него полтора часа, заполненные многочисленными воспоминаниями, промелькнули быстро и незаметно.

После этого было еще немало встреч и откровенных бесед, в основном у него на квартире. Наши отношения стали теплыми и дружественными. Удовлетворяя мой интерес, он много рассказывал о Сталине и его ближайших соратниках, о стиле их работы, давая им хотя и краткие, но меткие и образные характеристики.

К Сталину Чадаев относился с каким-то особым благоговением, постоянно отмечая в нем такие черты, как мудрость и гениальность, необычайный дар предвидения, простоту и скромность, огромную работоспособность, редкую память, строгость и требовательность при рассмотрении важных государственных дел наряду со справедливостью, заботой и вниманием к людям. Довольно часто Яков Еромолаевич касался оценки характера Сталина, хотя о недостатках «верного ученика и продолжателя дела великого Ленина» предпочитал говорить вскользь или вообще умалчивал.

Вот одна из чадаевских характеристик «отца народов»:

«Сталин обладал очень сложной и своеобразной чертой характера. Ее приходилось редко видеть у других лиц. Иногда при хороших делах, при удачном развитии событий его настроение было прямо противоположно происходящему: он был замкнут, суров, резок, требователен. А когда на горизонте сгущались тучки, когда события оборачивались неприятностями, — он был настроен оптимистически. Именно такое настроение у Сталина было в первый период войны, когда наша армия отступала, один за другим переходили в руки врага города, а Сталин был выдержан, невозмутим, проявляя большую терпимость, как будто события развиваются спокойно и безоблачно. Чем это можно объяснить? Очевидно, тем, что если бы Сталин стал демонстрировать пессимизм или какое-то уныние, то это удручающе подействовало бы на других, внесло бы растерянность. Его сила была в положительном влиянии на окружающих, в безусловном доверии, которое он вселял, в твердости его характера. Он проявлял непререкаемую волю в делах, заставлял людей верить в свой талант, мудрость, силу, вселяя в них энтузиазм и пафос борьбы.

Кто имел счастье работать в непосредственной близости к Сталину, видел, что он смело брал на себя ответственность за принятие тех или иных решений, за действия на фронте и в тылу.

Внешне он был спокойный, уравновешенный человек, неторопливый в движении, медленный в словах и действиях. Но внутри вся его натура кипела, бурлила, клокотала. Он стойко, мужественно переносил неудачи и с новой энергией, с беззаветным мужеством работал на своем трудном и ответственном посту.

Сколько бессонных ночей, сколько часов сверхнапряженной работы должен был потратить этот человек, чтобы через какие- нибудь шесть месяцев после победоносного наступления врага, остановить его и погнать назад».

Высоко отзывался Чадаев во время бесед о В. М. Молотове, М. И. Калинине, А. И. Микояне, Н. А. Булганине, Н. А. Вознесенском, А. А. Жданове, А. А. Андрееве, Н. М. Швернике, А. С. Щербакове, М. Г. Первухине, В. А. Малышеве, Д. Ф. Устинове, И. Ф. Тевосяне, Р. С. Землячке, маршалах и генералах К. Е. Ворошилове, Б. М. Шапошникове, С. К. Тимошенко, Г. К. Жукове, А. М. Василевском, К. К. Рокоссовском, И. С. Коневе, М. В. Захаро-

ве, А. И. Еременко, Н. Н. Воронове, Н. Д. Яковлеве, И. Д. Черняховском, адмирале Н. Г. Кузнецове и весьма критически — о Л. П. Берии, Г. М. Маленкове, Л. М. Кагановиче, Н. С. Хрущеве, Л. 3. Мех- лисе, А. Я. Вышинском, маршале Г. И. Кулике.

- А трудно было работать рядом со Сталиным? - спросил я однажды Якова Ермолаевича. - Как проходили у него заседания? !

— Хочу сразу же отметить, - сказал Чадаев, — что мне довелось трудиться рядом с товарищем Сталиным на протяжении длительного времени, присутствовать на совещаниях и заседаниях, которые он проводил, а также при его встречах с нашими руководителями, военачальниками и телефонных разговорах. Как я уже рассказывал, мне приходилось много раз получать лично от товарища Сталина различные задания и поручения. Работать рядом с ним было, конечно, почетным и ответственным делом, и мы (а я возглавлял не только аппарат Управления Делами, но и секретариат СНК) трудились не покладая рук. Приходили на работу к 10 часам утра, а возвращались домой в 3—4 часа ночи. Особенно стало нелегко с началом Великой Отечественной войны, когда объем работы резко возрос. Мне приходилось по вызову то и дело заходить в приемную Сталина или в кабинеты девяти заместителей Председателя Совнаркома за получением заданий. Исполнялись поручения и секретарей ЦК ВКП(б).

В моей работе в Управлении делами наибольшие трудности состояли в том, что у некоторых заместителей Председателя Совнаркома СССР иногда были стремления переиграть один другого или «отфутболить» тот или иной вопрос. Все это создавало дополнительные трудности и осложнения в работе правительственного аппарата.

Но должен отметить, что у меня со всеми установились хорошие отношения. Я старался с привлечением сотрудников правительственного аппарата оперативно, быстро и четко выполнять задания. Иногда для этого требовалось 20-30 минут, и Сталин обычно интересовался, через какое время будет подготовлена требуемая справка или какой-либо другой документ. Обычно он соглашался с предлагаемым исполнителем реальным сроком. Более того, если срок выполнения в силу, объективных причин требовалось несколько продлить, то необходимо было заблаговременно попросить у Сталина отсрочку.' Он, как правило, с пониманием относился к подобным просьбам. Но не позавидуешь тому, кто не выполнил бы сталинское поручение в установленный срок. j

Сталин был весьма проницательным. Хотя он долго не всматри- | вался в находящегося перед ним человека, но сразу как бы охватывал 1 его всего. Он не переносил верхоглядства, неискренности и «виля- | ния». При обнаружении подобного выражение лица Сталина мгно- ; венно изменялось. Наружу прорывались презрение и гнев. !

Что касается заседаний, то, например, накануне войны заседания г Бюро Совнаркома под председательством Сталина проводились регулярно в установленные дни и часы. Он ставил на обсуждение

самые различные вопросы. Сталин обладал уменьем вести заседания экономно, уплотненно, был точен в режиме труда, лаконичен в словах и речах. Помимо этого проявлял демократичность и в ведении заседаний. Сталин стремился ближе приобщить к руководству делами правительства заместителей Председателя Совнаркома СССР. В дальнейшем он установил порядок, по которому по очереди некоторые из его заместителей вели заседания Бюро Совнаркома. В частности, это поручалось Вознесенскому, Косыгину, Маленкову и Берии.

Во время заседаний Сталин мало сидел на председательском месте, и я всегда внимательно оглядывал движущуюся мимо меня фигуру в защитном френче, вглядывался в его манеру держать себя, прислушивался к его неторопливой негромкой речи, интонации голоса и хотел понять, в чем притягательность этого человека, почему так беспрекословно покоряются его воле и желаниям миллионы людей. Почему эти неторопливые слова так бурно и сильно впечатляют слушателей, вызывая у них прилив огромной энергии и подъема? Хотелось делать именно так, как говорил Сталин, не сомневаясь, с полной ответственностью выполнять все его указания и распоряжения. Видимо, сила этого воздействия состояла в том, что Сталин был уверен в правдивости, верности своих слов, в ясности своих мыслей, безошибочности выдвигаемых им предложений, и его уверенность охватывала и завоевывала массы.

— А Вы никогда не попадали в трудное положение, бывая у Сталина? — поинтересовался я во время одной из наших встреч. Лицо Чадаева приобрело несколько лукавый вид.

— В целом нет, не попадал, — улыбнулся он. — Правда, однажды одна непроизводственная ситуация сложилась для меня довольно непростая. В этот день, в конце мая 1941 г., состоялось заседание Бюро Совнаркома. Когда оно закончилось и все присутствовавшие стали выходить, Сталин сказал, что через пять минут будет продолжено заседание с членами Политбюро ЦК. Он дал мне знак подойти к письменному столу, а сам вышел в комнату отдыха.

Когда Сталин вернулся, я дал ему на подпись проект постановления о присвоении воинских званий. Поставив подпись, он спросил, как идет сооружение нового бомбоубежища в Кремле, как чувствует себя президент Академии наук СССР академик В. J1. Комаров, который, говорят, болен, и т. д.

Надо признать, что Сталин проявлял большое внимание к работе и нуждам Академии наук. Он прислушивался к просьбам ученых. Когда президент Академии наук когда-либо обращался к Сталину с насущными проблемами, особенно связанными с предоставлением помещений или жилья, последний всегда шел навстречу и решал эти вопросы.

Пока я получал указания Сталина (одно из них - немедленно навестить академика Комарова), не заметил, что длинный стол уже

накрыт закусками и напитками. За стол усаживались члены Политбюро. Отмечалось какое-то событие.

Я спросил Сталина, сможет ли он просмотреть и подписать, составленный мною протокол заседания Бюро Совнаркома.

— Разумеется, смогу, — ответил он и сразу же направился к длинному столу. Я последовал за ним. Когда он сел на стул, я положил перед ним на стол протокол. Сталин стал внимательно читать.

Тут вдруг поднялся со стула Берия, взял большой фужер, до краев наполнил его отборным, самым крепким коньяком и поставил передо мной.

— За здоровье товарища Сталина, выпить до дна, — предложил он.

— Что Вы! Я не смогу столько и вообще крепкие напитки не пью, — тихо проговорил я. Все переглянулись, а Сталин продолжал читать протокол.

— За здоровье товарища Сталина, — еще раз предложил Берия.

В этот момент я очень надеялся, что «хозяин» придет ко мне на помощь и положит конец «инициативе» Берии. Но Сталин продолжал свое чтение.

Прошло 2—3 секунды, и вот он приподнял голову и одним, чуть прищуренным глазом пристально посмотрел на меня.

Самопроизвольно мои руки потянулись к бокалу. Я взял его, повернул голову в сторону Сталина.

— За Ваше здоровье, товарищ Сталин!

Он чуть мотнул головой. Все внимательно наблюдали, как медленно исчезала из бокала «живительная влага». Я выпил до дна фужер, поставил его на стол и сразу же сделался красным и потным. Ощутил и боль в голове.

Сталин поднял на меня глаза. Мурашки пробежали по моим рукам и ногам. Он поставил свою подпись в конце протокола. Я' быстро взял протокол, попросил разрешения удалиться и, стараясь идти по одной линии, поспешно вышел из кабинета. От опьянения подкашивались ноги. Почти бегом дошел до своего места, заплетавшимся языком успел сказать секретарю: «Немедленно рассылайте».* И буквально рухнул на диван.

Проснулся поздно ночью. Голова разламывалась на части. Выпил! два полных стакана боржоми — немного полегчало. До мельчайших подробностей стал перебирать в памяти происшедшее...»

— А есть ли у Вас, Яков Ермолаевич, что-нибудь памятное от' Сталина? — продолжаю расспрашивать Чадаева.

Его лицо просветлело:

— Есть, конечно, — часы и трубка.

—А как они оказались у Вас?

документов (в правой руке держал папку), он вдруг схватил меня за левую руку и не без иронии произнес: «Скажите, пожалуйста, какие у него интересные часы... Это что за часы?»

Я ответил, что это швейцарские часы, которыми пользуются американские летчики. Часы не боятся ударов, воды и магнитного притяжения. Мне их недавно подарили.

— Такие мне неизвестны, - сказал Сталин.

Я начал снимать часы, чтобы Сталин их лучше разглядел. Но он остановил меня:

— Не снимайте.

Подписав документы и поручив мне одно задание, Сталин чуть поднял руку в знак того, что можно уходить.

Проходя мимо Поскребышева, я спросил его: «Александр Николаевич, товарищ Сталин что-то моими часами заинтересовался?»

— Ты что, с Луны свалился? — ответил тот. — У товарища Сталина есть коллекция ручных часов. Хотя и небольшая, но очень интересная.

От Сталина я зашел в кабинет к Булганину, чтобы получить визу на один проект распоряжения Совнаркома. В двух словах рассказал Николаю Александровичу и о том, что Сталин заинтересовался моими часами.

— Ну-ка покажи, что это за часы.

Я снял с руки часы и положил на стол.

— Ничего особенного в них нет, — сказал Булганин. — Такими часами пользуются летчики. Но товарищ Сталин, очевидно, обратил на них внимание потому, что, как я знаю, он коллекционирует часы. Как-то я случайно оставил у него свои карманные часы, но обратно получить их уже и не пытался.

Вернувшись в свой кабинет, я быстро подготовил проект документа, который мне поручил сделать Сталин, и стал размышлять: подарить «хозяину» часы или нет. Ведь его реакция на этот шаг может быть разной: включая и нежелательный вариант («снять с работы за подхалимаж» и т. д.).

Наконец, я все-таки решился, позвонил Поскребышеву и спросил, на месте ли Сталин. Он ответил, что Сталин ушел обедать. Тогда я отстегнул часы, положил их в конверт вместе с проектом постановления и отнес в приемную для передачи Сталину.

Обычно Сталин после ознакомления с моими бумагами вскоре меня вызывал и возвращал подписанные им документы. На этот раз никакого вызова не последовало. Прошли целые сутки. Я почти не спал. Ну, думаю, будет неприятный разгон за неосмотрительный поступок.

Наконец, звонит Поскребышев и говорит:

— Чего не заходишь? Давай приходи и часы свои забирай.

Я просто похолодел. Захожу к Поскребышеву, Получаю запечатанный конверт, в котором что-то топорщилось. Скорее - в свой

кабинет, разрезаю ножницами конверт и извлекаю подписанный Сталиным документ и коробочку. Открываю ее и с изумлением вижу золотые часы-хронометр.

Через несколько дней меня встретил начальник охраны Сталина генерал Власик.

— Ну, задал ты мне задачу!

— Какую же, Николай Сергеевич?

— Ну, как же. Вызвал меня товарищ Сталин и дал поручение - срочно найти хорошие часы. Я всю Москву объездил и, наконец, в одном складе приобрел этот хронометр. Привез товарищу Сталину, а он и говорит: «Это для обмена с товарищем Чапаевым».

Сам же Сталин при последующих встречах со мной ни словом, ни намеком не напомнил мне и не показал вида о случае с часами. И не спросил меня — понравились ли мне его часы. В свою очередь и я не пытался чем-нибудь напомнить ему об этом случае...

Я. Е. Чадаев рассказал и другую историю, связанную на этот раз со сталинской трубкой.

По его словам, уже в первые годы после разгрома фашизма здоровье Сталина заметно ухудшилось. Во многом сказалось огромное напряжение военных лет. В чем-то ему пришлось себя ограничивать. Врачи настойчиво рекомендовали «вождю народов» бросить курить. Курить он стал гораздо меньше, большую трубку заменил на меньшую по размеру, хотя окончательно «порвал с курением» только в последний год жизни.

— Во время одного из вызовов к Сталину, — рассказывал Яков Ермолаевич, — я получил от него задание переделать какой-то неудачно подготовленный проект решения. Не помню, кто его готовил.

— Полагаю, Вы быстро доработаете этот документ, — сказал Сталин. — Поэтому садитесь здесь за стол и поработайте.

Только я принялся за дело, в кабинет вошли Молотов, Микоян,, Каганович, кто-то еще из членов Политбюро и пригласили Сталина на чашку чая.

Уходя, он предложил мне остаться, а после готовности документа; оставить его у него на столе.

Я действительно довольно быстро все сделал, удовлетворенный, немного потянулся и почувствовал, как под ногами «загремел» ка-, кой-то предмет. Наклонился — небольшая курительная трубка. Не-(трудно было догадаться, кому она принадлежит. Я ее поднял, повертел в руках, осмотрелся и... положил в карман. ;

Буквально на следующий день меня встречает тот же генералу Н. С. Власик, поманил пальцем и спрашивает: \

— Это ты трубку товарища Сталина стащил? Понимаю, что отпираться бессмысленно и отвечаю: «Да, я. Но трубка валялась под: столом, и я подумал, что она уже не нужна».

— Ох, хитрец, но понять тебя можно, — заметил Власик и, видя

мое большое смущение и огорчение, сказал: «Ладно, оставь ее себе на память. Товарищ Сталин искал, искал и нашел такую же».

В начале 80-х годов Яков Ермолаевич приступил к подготовке второго издания монографии «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны». Приближалось 40-летие Победы советского народа над фашизмом, и он спешил приурочить выпуск своего труда к этой знаменательной дате. По его просьбе я просматривал тексты доработанных автором глав, рецензировал и редактировал их, вносил ряд уточнений и предложений по совершенствованию рукописи. Чадаев с должным вниманием относился ко всем замечаниям, в том числе поступавшим от других рецензентов, быстро реализуя высказанные рекомендации.

В начале лета 1984 г. рукопись была сдана в издательство «Мысль», а в марте 1985 г., к большой радости Якова Ермолаевича, книга вышла в свет. 8 апреля я получило от него один из первых экземпляров монографии «в знак глубокого уважения и большой благодарности», как гласила авторская надпись на титульном листе. Слова признательности он выразил и в предисловии книги.

Одновременно Яков Ермолаевич напряженно трудился над мемуарами («Мои воспоминания»), по нескольку раз переделывая и перепечатывая отдельные главы и разделы. Их главную источнико- вую основу составили почти ежедневные записи (в том числе стенографические) автора различных заседаний, проходивших у Сталина во время войны. «Таких записей и других материалов у меня накопилось на восемь чемоданов», — не раз говорил Я. Е. Чадаев. (Правда, по его же более позднему свидетельству, после перепечатки последнего варианта рукописи он ликвидировала все эти записи и заметки военного времени, «занимавшие слишком много места в квартире».)

Где-то в 1983 г. Чадаев решил подготовить краткий вариант своих воспоминаний. Он попросил меня ознакомиться с полным текстом мемуаров и отметить наиболее важные и интересные места. Так появилась в сжатом виде почти готовая мемуарная рукопись объемом около 38 а. л. После перепечатки Чадаев направил ее в Комитет по печати, оттуда она попала в Политиздат. Этими воспоминаниями там зачитывались, их похваливали, но, увы, результат оказался нулевым. По «высоким соображениям» начальство из ЦК «не сочло дать добро». Так объяснил Якову Ермолаевичу отказ в публикации мемуаров один из руководителей Политиздата.

По инициативе и при содействии Чадаева мы с ним несколько раз, начиная с 15 октября 1983 г., побывали в гостях у В. М. Молотва на госдаче № 18 в Жуковке-2. При этом перед каждым визитом Яков Ермолаевич постоянно напоминал, чтобы беседа с Молотовым была обязательно для истории записана. Досадная «осечка» произошла только один раз, когда подвели батарейки питания диктофона.

В творческом плане Чадаев был неутомим. Он намеревался в

течение двух-трех лет написать большую книгу о руководителях Советского государства времен Великой Отечественной войны... «Вот только бы позволило здоровье, а оно меня все больше тревожит», — сокрушался Чадаев.

К сожалению, эти тревоги не оказались напрасными: все чаще он стал отлучаться по лечебным делам в санатории, продолжительно болел и дома. Осенью 1985 г. Яков Ермолаевич оказался в больнице, где 30 декабря того же года скончался...

И хотя в условиях начавшейся «перестройки» с «человеческим лицом» только одна газета откликнулась на это печальное событие, можно без всякого преувеличения заметить, что его уход из жизни явился большой потерей для нашего общества. Оно лишилось весьма заслуженного человека, крупного государственного деятеля, публи циста и ученого.

Ниже публикуются письменные ответы Я. Е. Чадаева на мои вопросы, заданные ему весной 1982 г.

Ответы управляющего делами Совнаркома СССР 1940-1950 гг. доктора экономических наук ‘ Я. Е. Чадаева на вопросы профессора Г. А. Куманева

29 мая 1982 г.

Г. А. Куманев: Когда состоялась Ваша первая встреча с И. В. , Сталиным и каково Ваше общее впечатление о ней?

Я. Е. Чадаев: Эту встречу я запомнил в деталях на всю жизнь. ’ Была вторая половина апреля 1940 г. Я только что вернулся с Сельскохозяйственной выставки, где с группой контролеров Комиссии Советского Контроля проверял состояние дела с завершением , работ к открытию выставки, как позвонил телефон и меня вызвали в Кремль к И. В. Сталину.

Мне еще ни разу не приходилось бывать у Сталина, хотя за последние два года я часто вызывался в Кремль к отдельным руководителям партии и правительства.

В назначенный час я явился в приемную Сталина, где за письменным столом сидел А. Н. Поскребышев. Поздоровавшись со мной, он сказал:

— Пошли! Мы вошли в коридор.

— Вот здесь, — сказал Поскребышев, указывая на дверь. — Когда . будешь уходить, зайди сначала ко мне.

Он повернулся и ушел к себе.

За дверью была небольшая комната Президиума Свердловского

круглого зала. Здесь в этот день, 17 апреля 1940 г., проходило военное совещание по итогам советско-финляндской войны. Я знал об этом и мне очень хотелось присутствовать на этом совещании, потому что к обсуждавшимся вопросам я уже имел некоторое отношение по линии Комиссии Советского Контроля.

В указанной комнате находились Сталин, Молотов, Булганин и нарком лесной промышленности СССР Н. М. Анцелович.

Я робко поздоровался и встал у двери. Ко мне подошел Булганин и сказал: «Постой здесь». Я стоял в смущении как, видимо, обычно бывает в присутствии великого или знаменитого человека. В это время Сталин, сильно взволнованный, ходил по комнате.

- Кажется, уже достаточно получено уроков, - сказал он с гневом в голосе.

Потом воцарилась тишина. Тишину нарушила только булькавшая вода, которую Сталин наливал себе в стакан из бутылки с «нарзаном». Выпив глоток, Сталин закурил папиросу и снова прошелся по комнате. Я внимательно следил за каждым движением вождя и всматривался в его лицо, стараясь уловить и запомнить каждую черту. Он был невысокого роста и не слишком широк в плечах. Чуть продолговатое лицо было покрыто еле заметными морщинами. Все еще густые, зачесанные кверху волосы слегка покрылись сединой. В чертах его проступало нечто военное. Резко бросались в глаза энергия и сила, которые были в выражении его лица.

Сталин был одет в полувоенную форму: наглухо застегнутая куртка, шаровары защитного цвета, сапоги.

Я впервые близко увидел Сталина.

До этого мне приходилось видеть его только издалека: на торжественных заседаниях, во время парадов, на трибуне совещаний. И всегда этот образ возникал в ассоциации с теми многочисленными портретами, скульптурами, фотографиями, которых много было повсюду. Теперь же передо мной Сталин находился совсем близко, я мог протянуть руку, чтобы дотронуться до него. Многие сейчас хотели быть на моем месте, чтобы вот так близко смотреть на человека, на одного из тех немногих лиц, которые совершили великие дела, составившие целую полосу в истории человечества.

Конечно, возвеличивание Сталина, которое велось в течение ряда лет в нашей стране, оказывало и на меня огромное психологическое воздействие. Я явился к Сталину, когда у меня вполне сложилось впечатление о нем как о великом человеке, гении и вожде. И теперь, когда был рядом с ним и всматривался в него, я уже не мог иметь о нем другого мнения. Он производил на меня сильное, неотразимое впечатление. Его личность давила на меня своим величием, которое ему было создано ежечасной, ежедневной пропагандой его личности.

Разумеется, как и в каждом человеке, были слабости, промахи и у Сталина. Можно сомневаться во всем, но значение в истории

Сталина от этого не изменится. Справедливость должна быть сильной, а сила - справедливой.

Выступление Сталина было всегда событием. Его выступления всегда ждали. А когда он говорил, все слушали его очень внимательно, с захватывающим интересом, чуть ли не благоговейно. Его речи не были насыщены набором красивых оборотов и фраз. Это были речи, которые зажигали слушателей, зажигали их сознательно и разумно [1] действовать так и идти туда, и решать задачи так, как начертала партия. Он всегда оставался сдержанным в словах, но эти слова были простыми, ясными, понятными. Они содержали такую большую логику, глубину, огромную внутреннюю правду, что их трудно было не понять, не подчиниться, не выполнить их. Сталин непроизвольно привязывал к себе, убеждал и потрясал содержанием своих речей...

Сталина, конечно, я тогда не знал, каким является он на работе: в обращении с руководителями наркоматов, со специалистами. Все это я узнал и увидел позднее. Но в данный момент, когда происходил разговор с наркомом Анцеловичем, он выглядел нервно-возбужденным и негодующим.

И, действительно, было от чего прийти в негодование. Дело в том, что после очищения Карельского перешейка от финских войск здесь остались десятки разрушенных предприятий целлюлозно-бумажной промышленности. С тех пор прошло около месяца, а Наркомат промышленности СССР ничего не сделал, чтобы взять их на учет и приступить к восстановлению.

— Почти за целый месяц, — возмущался Сталин, — наркомат не удосужился даже послать на эти предприятия своих работников. Чего Вы ждете? Каких указаний? Нарком Вы или кто? С виду тигр, а на деле, выходит, — мышонок.

Анцелович, волнуясь, едва выговорил:

- Мы уже заканчиваем подбор работников. Хотели доложить наши предложения.

- Доложить, - иронически произнес Сталин. — Зачем докладывать, надо было уже давно действовать... Вам хоть известно, по крайней мере, что там производилось?

Анцелович порылся в своем портфеле и вытащил оттуда блокнот.

— Там предприятия выпускали писчую газетную бумагу и картон на общую сумму около пятидесяти миллионов рублей.

— А сколько чего в натуре?

Анцелович пожал плечами, подтверждая этим, что ему неизвестно.

Сталин сердито посмотрел на наркома.

- Шляпа Вы, а не нарком! Если Вы недостаточно уважаете себя и не хотите исправить ошибки, - пеняйте на себя.

Анцеловича лихорадило, с лица его лился градом пот. Он растерянно разводил руками, оглядывая присутствующих, ища у них поддержки. Но все стояли молча.

- Кто не умеет беречь малое, тот потеряет и большое, - продолжал отчитывать Анцеловича Сталин.

Признаюсь, мне лично не очень-то было жаль Анцеловича. Я до этого неплохо его знал. Хотя он продолжительное время до назначения наркомом работал в органах государственного контроля, но в моем представлении был каким-то взбалмошным, неуравновешенным человеком. Любил рисоваться на людях, показать себя. В разговорах с людьми старался переговорить их. Вступать с ним в разговор - значило впустую терять время. Он слушал только себя. Анцелович начинал философствовать. Задавал вопросы и сам же на них отвечал. На первый взгляд казалось, что он обладает большим дарованием, но у него совершенно отсутствовало то, что можно было назвать логикой.

- Когда Вы научитесь по-настоящему, оперативно заниматься делами?..

Сталин прищурил глаза, чтобы пристальнее рассмотреть Анцеловича. Тот чуть отвернулся в смущении и проговорил:

- Постараюсь все исправить, товарищ Сталин.

- Вам даже не стыдно за свой проступок и за это Вы вдвойне виноваты. Есть люди, которые все откладывают до завтра, так и Вы. Но Вы рискуете, что завтра Вас унесут из дома вместе с кроватью.

Анцелович был смущен как мальчик, его глаза блуждали по сторонам, руки он прятал то в карман, то сплетал их спереди, словно не знал, как от них избавиться, длинные волосы спадали на влажный лоб...

- Опасными руководителями являются слабовольные люди, пригодные ко всему и ни к чему, — продолжал Сталин. — Вы, наверное, держите в запасе объяснение, что были заняты не менее важными делами?

- Да, увлеклись другими делами, в частности, подготовкой к сплаву леса.

- Значит, некогда было! - ехидно "проговорил Сталин. Люди, которым всегда некогда, обыкновенно ничего не делают. Как Вы могли ложиться спать, прежде чем не дали себе отчета, что за день Вы сделали? Потеряешь время - не вернешь, как пролитую воду не соберешь.

- Постараюсь исправить, товарищ Сталин, - снова повторил Анцелович.

- Исправить, - иронически произнес Сталин. — Когда? У наших недругов вызывает удивление, что мы - палец о палец не ударили, чтобы взять в свои руки добро. А Вы сидите у себя в кабинете, словно крыса в сейфе, и ничего не предпринимаете.

Язык Сталина был острым, и он беспощадно разил им Анцеловича.

Между тем Анцелович на эти слова ничего не сказал, продолжая молчаливо смотреть на Сталина.

Для меня молчание Анцеловича было непонятным. В моих глазах; он вроде был человеком смелым, волевым. «Скажи, наконец, когда и что сделаешь», - подумал я.

— Кажется, дело простое, - продолжал Сталин, — а тут тупое успокоение на своем месте.

— Да, — извинился, наконец, Анцелович, — мы явно упустили время, товарищ Сталин.

Но опять-таки он не заверил вождя о том, когда и какие меры примет наркомат.

— Вам, вероятно, часто приходилось хлопать себя по лбу, когда забывали то, что должны были сделать?

— Поправим дело, товарищ Сталин, — сказал Анцелович.

— А когда, как? Я понимаю, Вы пока еще сами не знаете, Вам еще помощники не подсказали. Вот видите, каков нарком! Гремит как пустой бочонок. А ведь из слов моста не построишь — нужны бревна... На большом месте сидеть — надо много ума. А Вы? - Сталин махнул рукой и чуть повернул голову в сторону Молотова:

— Нашли кому доверить дело! Разве можно мириться...

Он не договорил и добавил: «Пустой мешок не заставишь стоять».

Было ясно, что хотел сказать Сталин. Пост наркома был не по плечу для Анцеловича. Он казался не тем, чем являлся на самом деле и явно утрачивал доверие к себе.

Молотов, придерживаясь за спинку кресла, стоял и не спускал с Анцеловича глаз, словно желая о чем-то напомнить ему.

На реплику Сталина Молотов не проронил ни слова. Он лишь отвел взгляд от Анцеловича и подобострастно посмотрел на вождя. Бьшо видно, что близкие соратники Сталина относились к нему с великим благоговением и ни в чем не перечили ему.

Немного успокоившись, в сдержанном, но суровом тоне Сталин перешел к тому, что и как надо сделать. Он излагал это строго, даже, пожалуй, с подчеркнутой суровостью и в заключение сказал:

— Мы должны быстро пустить в действие заводы и так сделать, чтобы враги позеленели от зависти. Ясно?

— Да, товарищ Сталин, — быстро ответил Анцелович, почувствовав некоторое смягчение обстановки.

— Можете поправить дело? Честный отказ лучше затяжки, — сказал Сталин. У Анцеловича заблестели глаза. Он выпрямился и ответил:

— Все поправим, товарищ Сталин. В течение двух дней пошлем специалистов и вслед за ними начнем направлять квалифицированных рабочих.

— Смотрите! Обманете нас однажды, а себя навечно. И лягушка может утонуть.'

— Не подведу.

— Идите, поправляйте дело.

— Слушаюсь! И Анцелович бодрой походкой вышел из комнаты... В этот момент я подумал: «Не знаю, что больше в его поведении: глупости или хитрости».

Сталин посмотрел в сторону Булганина.

— Проследите, чтобы в львиной шкуре не завелась моль.

Он подошел ко мне.

— Так Вы Чадаев?

— Да, я, Иосиф Виссарионович, — робко ответил я.

— Вот что: на Карельском перешейке после ухода финнов остались разрушенные предприятия, склады, жилые дома, а также трофейное имущество. Вы поедете туда с группой работников и возьмете все это на учет. Определите и порядок использования трофейного имущества. Понятно?

— Понятно, — ответил я.

Я в упор смотрел на Сталина. Глаза у него были несколько прищурены и придавали ему ироническое выражение. Мне показалось, что, когда он говорил со мной, в его взгляде, в чертах лица скользила чуть заметная улыбка. Мне показалось также, что Сталин как-то тепло посмотрел на меня и улыбнулся. Я был на седьмом небе. Лицо мое сияло. Я был безгранично счастлив.

— Следует помнить, - сказал Сталин, - что из этой работы мы должны извлечь не только ценность, но, главное, сохранить от расхищения народное добро и разумно использовать его. Помолчав немного, Сталин добавил:

— Надежных людей возьмите с собой. Но мы прежде всего на Вас надеемся. У толковой головы сто рук.

Я понял, что у Сталина сложилось обо мне положительное мнение. В эту минуту мне радостно было ощущать его доверие.

Сталин посмотрел в сторону Молотова. Последний тут же присел к краю стола и стал писать решение Совнаркома об утверждении Комиссии по учету и определению использования трофейного имущества.

Сталин снова обратил на меня свой взор и сказал:

— Зайдите к Ворошилову и получите от него дополнительные указания.

— Хорошо, ~ произнес я и что-то еще добавил. Когда сердечно желаешь что-то сказать, обычно говоришь не то, что на уме.

С просиявшим лицом я вышел из комнаты. Во мне появилось даже какое-то чувство полета, словно прирастили крылья. Я был чрезвычайно горд и доволен, что получил задание лично от Сталина. И мной владело только одно желание — как можно лучше выполнить задание. Через минуты три я снова оказался в приемной Сталина, где за письменным столом сидел А. Н. Поскребышев, разбиравший поступившую почту. Закончив рыться в бумагах, он попросил меня рассказать на 5-7 минут свою биографию, потом задал еще несколько вопросов.

В это время в приемную вошли секретарь Кировского обкома партии Канунников и старый большевик, выходец из Кировской области Коковихин. Я с ними был давно знаком.

— Вот видишь, — сказал Поскребышев, - какая собралась гвардия вятичей.

— Да, очень приятная встреча, — проговорил я.

— Он только что, — показывая на меня, заявил Поскребышев, — пришел от товарища Сталина. Видите, какой у него довольный вид.

— Да, — вздохнул **я**, — впервые посчастливилось мне быть у товарища Сталина и получить от него поручение.

— Расскажите землякам, если не секрет, какое Вам дано задание?

Я кратко изложил суть задания и в заключение заметил, что этот день навсегда сохранится в моей памяти.

Затем я вернулся к себе в Охотный ряд, где размещалась Комиссия Советского Контроля. Позвонил К. Е. Ворошилову. Получив сообщение из его секретариата, что Климента Ефремовича нет, и он обязательно примет меня на следующий день, остаток времени решил посвятить дневниковой записи в моей «особой» тетради.

Г. А. Куманев: Как произошло Ваше назначение управляющим делами Совнаркома СССР?

Я. Е. Чадаев: Под вечер 2 ноября 1940 г. я только что закончил разбор поступившей за день почты, как вдруг раздался звонок правительственной «вертушки» и знакомый голос И. И. Лапшова - помощника В. М. Молотова — попросил меня немедленно прибыть в Кремль к Вячеславу Михайловичу.

— По какому вопросу? - спросил я. — Может быть, бумаги какие надо прихватить?

— Приходи без бумаг. Видимо, поручение какое-то будет.

Я тут же отправился в Кремль.

— Как Вы отнесетесь, — спросил Молотов, — если мы Вас назначим на должность управляющего делами Совнаркома СССР? Хломов, нынешний управделами не справляется с работой, и мы решили его заменить.

Я встрепенулся. Меня будто по голове ударило.

— Не справлюсь, - сразу же ответил. - Ведь надо помогать Вам во многом, а у меня нет опыта. Для меня дело совсем новое, не справлюсь, — повторил я снова.

— Вы это серьезно? — подойдя ближе ко мне, строго спросил Молотов.

Я промолчал. Молотов продолжал:

— Этому участку большое значение придавал Ленин.

— Это большая честь, конечно, но не знаю... — запнулся я.

Молотов стоял, широко расставив ноги, быстро прервал меня.

— Мы остановились на Вашей кандидатуре потому, что Вас знаем. Знают Вас наркомы и встретят хорошо Ваше назначение. Я

не сомневаюсь, что Вы справитесь с этой работой. Ну и поможем Вам, конечно...

Молотов устремил на меня свои усталые карие глаза. Его близкое присутствие буквально гипнотизировало меня, и я уже не мог выговорить слова об отказе.

— Разрешите подумать.

— Ну хорошо, подумайте. Только недолго, один день.

И он пожал мне руку.

Всю ночь я не спал, думал очень много. Мне казалось, что предлагаемая мне новая работа - одна сплошная канцелярщина, в которой утонешь и потеряешься. Но решение надо было принимать. И на следующий день я позвонил Молотову.

— Вячеслав Михайлович, если считаете правильным использование меня на этой работе, — согласен.

— Вот и хорошо, — ответил Молотов.

Это было накануне октябрьских праздников. На дачу я поехал с мыслями о предстоящей новой работе. Вечером встретил прогуливающегося по шоссе своего доброго знакомого Глеба Максимилиановича Кржижановского. Узнав о моем переводе, он заметил:

— Вы, кажется, не совсем довольны.

— Признаюсь, да. Отказывался. Правда, не особенно настойчиво.

— Конечно, — сказал Кржижановский, — это совсем иная работа, чем была до сих пор. Но должен сказать, что она очень и очень ответственная, требует большой внимательности, быстроты и четкости.

— Вы одобряете, что я согласился взяться за эту работу? — с нетерпением задаю ему вопрос.

— Насколько'я знаю Вас, выбор сделан правильно.

Мне было приятно услышать эти слова.

Спустя некоторое время состоялось заседание правительства, на котором Молотов объявил о моем назначении на должность управляющего делами Совнаркома СССР. В зале послышалось одобрение, на что и рассчитывал глава правительства.

Ведение протокола заседания и оформление решений СНК СССР было моим первым «боевым крещением». Рубашка повлажнела от пота — так я старался. Молотов еще только успел после заседания чуть перекусить в своей комнате отдыха, как я явился с протокольными решениями Совета Народных Комиссаров. Он озабоченно посмотрел на меня, внимательно прочитал проекты решений.

— Вроде, все правильно, — проговорил он.

Я молча смотрел на него, радостный и взволнованный.

Г. А. Куманев: Что Вам известно, Яков Ермолаевич, о содержании переговоров В. М. Молотова с Гитлером во время поездки наркома иностранных дел СССР в Берлин в ноябре 1940 г.? Как расценивались в Кремле состоявшиеся переговоры и перспективы войны с Германией?

Я. Е. Чадаев: Это довольно широкая тема. Поэтому, отвечая на данный вопрос, я буду в основном опираться на мои записи выступлений Сталина и Молотова на заседании Политбюро с оценкой поездки в Берлин.

Утром 9 ноября 1940 г. мне позвонил Н. А. Булганин и пригласил прибыть вечером на Белорусский вокзал для проводов Молотова, отбывавшего из Москвы. Куда он уезжал во главе советской делегации, я узнал только на вокзале, возле которого стояла масса посольских машин с флажками. Было много провожающих.

В назначенное время от перрона Белорусского вокзала отошел необычный литерный поезд, состоявший из нескольких вагонов западноевропейского образца. В них расположились члены и сотрудники советской правительственной делегации.

Но не успел поезд пройти и десятка метров, как вдруг с резким толчком остановился. Что такое? Через несколько минут опять поехали. И вторично, не дойдя до конца платформы, поезд вновь остановился с еще более резким толчком. Забегали, засуетились железнодорожники, произошла какая-то заминка. Что случилось?

Оказывается, этим же поездом ехал германский посол граф фон Шуленбург. Это он дважды останавливал состав стоп-краном только потому, что к моменту отхода поезда из посольства ему не доставили... парадный мундир, в котором он собирался выйти из вагона в Берлине.

В конце-концов поезд ушел, не дождавшись мундира.

Позже мы узнали, что посольскую машину с чемоданами фон Шуленбурга не пропустили на привокзальную площадь, т. ***к.*** она не имела специального пропуска. Когда стал известен инцидент с мундиром германского посла, вдогонку за поездом были посланы две легковые автомашины. Они должны были догнать состав и на одной из промежуточных станций погрузить багаж графа.

Все это происходило поздней осенью, в гололедицу. Машины мчались по Можайскому шоссе с огромной скоростью, одна с багажом, другая — резервная. Где-то по дороге в районе Голицыно или Кубинки первая машина потерпела аварию. Чемоданы перегрузили на вторую и, кажется, в Вязьме они были благополучно доставлены вконец изнервничавшемуся послу...

Через четыре дня, вечером 13 ноября, Н. А. Булганин снова пригласил меня на Белорусский вокзал, на этот раз уже для встречи Молотова и других членов советской делегации. На перроне собрались почти все наркомы, большое число дипломатов. Среди встречавших были А. И. Микоян, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович. Выстроился почетный караул.

Поезд пришел в 12 часов ночи. Молотов вышел из вагона в сопровождении члена делегации, наркома черной металлургии СССР И. Ф. Тевосяна. Сняв шляпу, Молотов поздоровался с Микояном,

Булганиным, Кагановичем, со своей семьей, наркомами, дипломатами и направился к выходу.

Вечером 14 ноября состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором было заслушано сообщение Молотова об итогах переговоров в Берлине. Мне, только что вступившему в должность управделами СНК, довелось участвовать на этом заседании и многое записать.

Молотов подробно доложил о результатах встречи с Гитлером.

— Беседа началась с длинного монолога Гитлера, - заявил он. — И надо отдать должное Гитлеру — говорить он умеет. Возможно, что у него даже был приготовлен какой-то текст, но фюрер им не пользовался. Речь его текла гладко, без запинок. Подобно актеру, отлично знающему роль, он четко произносил фразу за фразой, делая паузы для перевода. Смысл рассуждений Гитлера сводился к тому, что Англия уже разбита и что ее окончательная капитуляция - дело ближайшего будущего. Скоро, уверял Гитлер, Англия будет уничтожена с воздуха. Затем он сделал краткий обзор военной ситуации, подчеркнув, что Германская империя уже сейчас контролирует всю континентальную Западную Европу. Вместе с итальянскими союзниками германские войска ведут успешные операции в Африке, откуда англичане вскоре будут окончательно вытеснены. Из всего сказанного, заключил Гитлер, можно сделать вывод, что победа держав «оси» предрешена. Поэтому, продолжал он, настало время подумать об организации мира после победы. Тут Гитлер стал развивать такую идею: в связи с неизбежным крахом Великобритании останется ее «бесконтрольное наследство» - разбросанные по всему земному шару осколки империи. Надо, мол, распорядиться этим «бесхозным» имуществом. Германское правительство, заявил Гитлер, уже обменивалось мнениями с правительствами Италии и Японии и теперь хотело бы иметь соображения Советского правительства. Более конкретные предложения на этот счет он намерен сделать позднее.

Молотов сделал небольшую паузу, затем продолжал:

— Когда Гитлер закончил речь, которая вместе с переводом заняла около часа, пришлось взять слово мне. Не вдаваясь в обсуждение предложений Гитлера, я заметил, что следовало бы обсудить более конкретные, практические вопросы. В частности, не разъяснит ли рейхканцлер, что делает германская военная миссия в Румынии и почему она направлена туда без консультации с Советским правительством? Ведь заключенный в 1939 г. советско-германский пакт о ненападении предусматривает консультации по важным вопросам, затрагивающим интересы каждой из сторон. Советское правительство также хотело бы знать, для каких целей направлены германские войска в Финляндию? Почему и этот серьезный шаг предпринят без консультации с Москвой?

Эти замечания подействовали на Гитлера, словно холодный душ.

Он даже весь как-то съежился и на лице его на какое-то мгновение появилось выражение растерянности. Но актерские способности все же взяли верх, и он, драматически сплетя пальцы и запрокинув голову, вперил взгляд в потолок. Затем, поерзав в кресле, скороговоркой объявил, что немецкая военная миссия направлена в Румынию по просьбе правительства Антонеску для обучения румынских войск. Что касается Финляндии, то там германские части вообще не собираются задерживаться, они лишь переправляются через территорию этой страны в Норвегию. (Но факты говорили о другом: немцы прочно оседали на советских границах.)

— Объяснение фюрера, — докладывал далее Молотов, — не удовлетворило советскую делегацию. У Советского правительства, заявил я на основании донесений наших представителей в Финляндии и Румынии, создалось совсем иное впечатление. Войска, которые высадились в южной части Финляндии, никуда не продвигаются и, видимо, собираются здесь надолго задержаться. В Румынии дело не ограничилось одной военной миссией. В страну прибывают все новые германские воинские соединения. Для одной миссии их слишком много. Какова же подлинная цель переброcок этих войск? В Москве подобные действия не могут не вызвать беспокойства, и германское правительство должно дать на это четкий ответ.

Сославшись на свою неосведомленность (а это испытанный дипломатический маневр), Гитлер пообещал поинтересоваться этими вопросами. Он снова стал разглагольствовать о своем плане раздела мира, заметив, что СССР мог бы проявить интерес к территориям, расположенным к югу от его государственной границы в направлении Индийского океана. Гитлер заявил о том, что Советскому Союзу следовало бы приобрести выход к Персидскому заливу, а для этого захватить западный Иран и нефтяные промыслы англичан в Иране.

— Разумеется, - вставил И. В. Сталин, — Советский Союз не; удастся поймать на эту удочку. Ведь это наш сосед и с ним отношения должны быть очень теплыми, хорошими.

—

Мне пришлось перебить Гитлера, — продолжал Молотов, — и заметить, что мы не видим смысла обсуждать подобного рода комбинации. СССР заинтересован в обеспечении спокойствия и безопасности тех районов, которые непосредственно примыкают к его границам. Тут Гитлер кивнул Риббентропу, и тот предложил рассмотреть проект протокола о присоединении Советского Союза к военному блоку Германии, Италии и Японии. Для нас было совершенно ясно, что острие его было направлено против СССР, и, естественно, это предложение советская делегация решительно отклонила. !

— И правильно, — гневно, вставил Сталин.

Молотов рассказал о содержании переговоров в Берлине, которые были продолжены на следующий день и мало чем отличались от: предыдущих. «Покидая фашистскую Германию, — сказал он в зак-:

лючение, - все члены советской делегации были убеждены: затеянная по инициативе немецкой стороны встреча явилась лишь показной демонстрацией. Главные события лежат впереди. Сорвав попытку поставить СССР в условия, которые связали бы нас на международной арене, изолировали бы от Запада и развязали бы действия Германии для заключения перемирия с Англией, наша делегация сделала максимум возможного. Общей для всех членов делегации являлась также уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии против СССР неимоверно возросла, причем в недалеком будущем.

После ответов Молотова на вопросы выступил Сталин. Он сказал:

— В переписке, которая в те месяцы велась между Берлином и Москвой, делались намеки на то, что было бы неплохо обсудить назревшие вопросы с участием высокопоставленных представителей обеих стран. В одном из немецких писем прямо указывалось, что со времени последнего визита Риббентропа в Москву произошли серьезные изменения в европейской и мировой ситуации, а потому было бы желательно, чтобы полномочная советская делегация прибыла в Берлин для переговоров. В тех условиях, когда Советское правительство неизменно выступает за мирное урегулирование международных проблем, мы ответили положительно на германское предложение о проведении в ноябре этого года совещания в Берлине. Стало быть, поездка в Берлин советской делегации состоялась по инициативе Германии. Как нам известно, Гитлер сразу же после отбытия из Берлина нашей делегации громогласно заявил,'что «германорусские отношения окончательно установлены»! Но мы хорошо знаем цену этим утверждениям! Для нас еще до встречи с Гитлером было ясно, что он не пожелает считаться с законными интересами Советского Союза, продиктованными требованиями безопасности нашей страны. Мы рассматривали берлинскую встречу как реальную возможность прощупать позицию германского правительства. Позиция Гитлера во время этих переговоров, в частности, его упорное нежелание считаться с естественными интересами безопасности Советского Союза, его категорический отказ прекратить фактическую оккупацию Финляндии и Румынии — все это свидетельствует о том, что, несмотря на демагогические заявления по поводу неущемления «глобальных интересов» Советского Союза, на деле ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...

Ясно одно: Гитлер ведет двойную игру. Готовя агрессию против СССР, он вместе с тем старается выиграть время, пытаясь создать у Советского правительства впечатление, будто готов обсудить вопрос о дальнейшем мирном развитии советско-германских отношений.

Далее Сталин говорил о лицемерном поведении гитлеровской

верхушки в отношении Советского Союза, о позиции Англии и Франции во время летних московских переговоров 1939 г., когда они - были не прочь натравить Германию на СССР.

— Именно в то время, — подчеркнул Сталин, - нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии. И в этом деле большую роль сыграл заключенный с ней пакт о ненападении.....

...Но, конечно, это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослаблена, однако полностью не устранена. В Германии действуют в этом направлении мощные силы и правящие круги рейха не думают снимать с повестки дня вопроса о войне против СССР. Наоборот, они усиливают враждебные против нас действия, как бы акцентируя, что проблема нападения на Советский Союз уже предрешена.

Спрашивается, а какой был смысл разглагольствований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством? Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его «Майн кампф»? Разумеется, нет, — твердо сказал Сталин.

Далее он кратко охарактеризовал Гитлера.

— История еще не знала таких фигур, как Гитлер, — сказал Сталин. — В действиях Гитлера не было единой целенаправленной линии. Его политика постоянно перестраивалась, часто была диаметрально противоположной. Полная путаница царила и царит в теоретических положениях фашизма. Гитлеровцы называют себя националистами. Но они фактически являются партией империалистов, причем наиболее хищнических и разбойничьих среди всех империалистов мира. «Социализм», «национализм» — это только фиговые листки, которыми прикрываются гитлеровцы, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть ими свою разбойничью сущность. В качестве идеологического оружия она используют расовую теорию. Это человеконенавистническая теория порабощения и угнетения народов...

Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии, но главным принципом его политики является вероломство. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И' ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать и при первой необходимости вероломно их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами. Но, заключив договор о ненападении, с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом. Разумеется, мы не можем советско-германский пакт рассматривать основой создания надежной безопасности для нас. Гарантией создания порочного мира является укрепление наших Вооруженных Сил. И в то же время мы будем продолжать свою миссию поборников мира и дружбы между народами...

Гитлер сейчас упивается своими успехами. Его войска молние

носно разгромили и принудили к капитуляции шесть европейских стран. Этот факт можно рассматривать только как огромный стратегический успех фашистской Германии. Ведь в Европе не нашлось силы, которая бы могла сорвать агрессию гитлеровского рейха. Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ер к капитуляции. С этой целью усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовится десантная, операция. Но это не главное для Гитлера, главное для него — нападение на Советский Союз.

Тихо, но твердо Сталин произнес:

— Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии. Наряду с дальнейшим укреплением экономического и военного могущества страны наша партия должна широко разъяснять трудящимся нависшую опасность международной обстановки, постоянно разоблачать гитлеровских агрессоров, усилить подготовку советского народа к защите социалистического Отечества. Вопросы безопасности государства встают сейчас еще более остро. Теперь, когда наши границы отодвинуты на Запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... не в ближайшем тылу.

Мы должны повести дело так, чтобы быстрее заключить пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Германия нашла общий язык с Японией в своих великодержавных стремлениях. Япония признала право Германии вмешиваться в дела всех стран. Надо ее нейтрализовать. Вместе с тем надо усилить военно-экономическую помощь китайскому народу. Нам необходимо вести дело на ослабление гитлеровской коалиции, привлекать на нашу сторону страны- сателлиты, попавшие под влияние и зависимость гитлеровской Германии.

Наконец, следует проявить максимум внимания к антифашистам, попавшим к нам из фашистских стран. Их у нас уже сотни, но их будет больше. Среди них большинство коммунисты. Они могут сослужить огромную пользу в дальнейшей борьбе с гитлеровской Германией.

В заключение своего выступления Сталин остановился на задачах по дальнейшему укреплению обороноспособности страны. В частности, он сказал:

— Мы должны всегда помнить, что в предстоящей войне вопросы технического превосходства будут определяющим моментом. Наступило такое время, когда рабочему некоторых отраслей индустрии, особенно оборонных, нужны инженерные знания. Надо расширить подготовку и переподготовку кадров. Все это позволит более широким фронтом внедрять новую технику.

Сталин обратил внимание на необходимость быстрой перестройки радиотехнической промышленности, качественной металлургии и

указал на важность создания или расширения кооперации между : предприятиями по обеспечению оборонных заданий.

- Мы особенно, — заявил он, — должны энергично провести такие меры, чтобы за короткий срок качественно обновить многие * отрасли военной промышленности (в первую очередь авиа- и танкостроение) и развернуть работу по наращиванию выпуска‘военной техники...

После окончания речи Сталина от Госплана СССР выступил Н. А. Вознесенский, который сообщил, что Госплан в настоящее время разрабатывает предложения о дополнительном развертывании производства военной продукции.

- Вот и хорошо, — сказал Сталин. - Поторопитесь с предложениями. Время не ждет.

Г. А. Куманев: Как-то Вы упомянули, что были на торжественном собрании 5 мая 1941 г. в Большом Кремлевском дворце по случаю выпуска командиров, окончивших военные академии. Что Вам больше всего запомнилось из речи И. В. Сталина?

Я. Е. Чадаев: Мне действительно довелось присутствовать на этом собрании, где с интересной, содержательной речью выступил. И. В. Сталин. С самого начала выступления он охарактеризовал те глубокие изменения, которые произошли за последние годы в Красной Армии, и подчеркнул, что на основе опыта современной войны наши Вооруженные Силы перестроились организационно и серьезно перевооружились.

—

Товарищи, — заявил он, — вы покинули армию 3—4 года назад, теперь вернетесь в ее ряды и не узнаете армии. Красная Армия далеко не та, что была несколько лет назад. Мы создали новую армию, вооружили ее современной военной техникой. Наши танки, авиация, артиллерия изменили ее облик. Вы придете в армию, увидите много новинок. ;

Остановившись на происшедших изменениях по отдельным родам и видам войск, он обратил внимание присутствовавших на все. большее расширение масштабов Второй мировой войны фашистской f Германией, о намерениях Гитлера напасть на Советский Союз. Ста- j лин прямо сказал, что теперь уже ни у кого нет сомнения: фашистская Германия вынашивает агрессивные планы против СССР и] дело явно идет к войне с ней и война будет нелегкая.

—

Вы придете в части из столицы, — продолжал вождь, — и всем!, вам красноармейцы и командиры зададут вопрос: что происходит сейчас? Почему побеждена Франция? Почему Англия терпит поражение, а Германия побеждает? Действительно ли германская армия непобедима?

Следует, конечно, иметь в виду, что военная мысль германской армии движется вперед. Вермахт вооружился новой техникой, обу- j чился новым приемам ведения войны, приобрел большой опыт.; Факт, что у Германии лучшая и по технике, и по организации!

армия. Но немцы напрасно считают, что их армия идеальная, непобедимая. Непобедимых армий нет. Германия не будет иметь конечного успеха под лозунгами захватнических, завоевательных войн, под лозунгами покорения других стран, подчинения других народов и государств.

Проанализировав причины военных успехов Германии, он сказал об отношении к армии в некоторых странах, где о ней нет должной заботы, не оказывается моральная поддержка. «Так появляется новая мораль, разлагающая армию, — заметил вождь. — К военным начинают относиться пренебрежительно. Между тем армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства. В этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. Обучение же командных кадров военная школа обязана и может вести только на новой технике, широко используя опыт современной войны».

Кратко обрисовав задачи танкистов, артиллеристов, авиаторов, конников, связистов, пехоты в войне, Сталин подчеркнул, что «нам необходимо перестроить нашу пропаганду, агитацию, печать. Чтобы достойно встретить агрессора, нужно не только создать современную армию. Нужно подготовиться и политически. Без этого невозможно усилить обороноспособность страны».

Речь Сталина, продолжавшуюся около 40 минут, военная аудитория выслушала с огромным вниманием. С торжественного заседания все расходились с озабоченными лицами и тревожным чувством на душе. Слова «дело идет к войне» глубоко запали в сердце каждого.

Немецкое посольство в Москве проявило большой интерес к выступлению советского руководителя. Тем более что официальный отчет о заседании, опубликованный в «Правде», был очень скуп. Тогда на помощь послу пришел корреспондент германского информационного бюро в Москве г-н Шюле. Согласно его сообщению, направленному в Берлин в качестве официального доклада посольства, Сталин в своей речи якобы сделал особый упор на советско- германский пакт о ненападении и будто бы подчеркнул, что СССР не ожидает агрессивных действий со стороны Германии. Этот доклад был принят в Берлине, по всей видимости, с большим удовлетворением — как свидетельство определенной дезинформированности Сталина об истинных намерениях Гитлера.

В действительности же Сталин говорил совсем о другом. Он предупреждал офицеров и генералов Красной Армии о том, что международная обстановка очень напряженная, возможны всякие неожиданности, в самом скором времени возможно нападение на СССР. Сталин прямо сказал, что противником в ближайшей войне будет гитлеровская Германия, т. е. сказал вполне определенно, что с Германией придется воевать. Вся его речь была пронизана необходимостью повышения бдительности и боеготовности Советских Во-

оружейных Сил. Сталин призывал народ и армию держать порох сухим.

Учитывая нарастание опасности нападения на нашу страну, по решению партии и правительства был осуществлен ряд дополнительных мобилизационных мероприятий. Генеральный штаб начал передислокацию ряда дивизий и корпусов ближе к границе. В эти дни нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко направил в военные округа директиву. Она предусматривала меры, которые должны были принять войска округов в случае внезапного нападения немецко-фашистских орд на нашу страну.

В тот же вечер после торжественного заседания меня не покидало предчувствие что должно что-то измениться и в Совнаркоме. И, действительно, на следующий день — 6 мая 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР И. В. Сталин был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. Советские люди расценили это назначение как необходимость усиления подготовки к отпору врагу.

Г. А. Куманев: Как Вы, Яков Ермолаевич, встретили Великую Отечественную войну?

Я. Е. Чадаев: В Москве с субботу 21 июня 1941 г. стояла хорошая погода. Был жаркий летний день. На улицах чувствовалась предпраздничная суета, обычно такая, какая бывает накануне воскресных дней. Больше было посетителей в магазинах, переполнены автобусы, трамваи, троллейбусы. Люди стайками собирались на привокзальных площадях. Город еще жил напряженным трудовым ритмом. И, казалось, ничто не предвещало грозы, ничто не нарушало размеренного течения жизни большого города и всей страны.

Но мы, работники правительственного аппарата, чувствовали, что обстановка с каждым днем становится напряженнее, что на горизонте страны сгущаются черные тучи. Это явствовало из возросшего количества оборонных документов, ужесточения ритма работы* аппарата. Все это подтягивало и дисциплинировало нас, требовало четкости и слаженности в работе, в исполнении текущих заданий.

В субботний день 21 июня мне несколько раз пришлось приходить в приемную Сталина — приносить для подписи или брать для оформления отдельные решения.

Члены Политбюро ЦК ВКП(б) в течение всего дня находились в Кремле, обсуждая и решая важнейшие государственные и военные вопросы. Например, было принято постановление о создании нового — Южного фронта и объединении армий второй линии, выдвигавшихся из глубины страны на рубеж рек Западная Двина и Днепр, под единое командование. Формирование управления фронта было воз-' ложено на Московский военный округ, который немедленно отправил оперативную группу в Винницу.

Политбюро ЦК заслушало сообщение НКО СССР о состоянии противовоздушной обороны и вынесло решение об усилении войск

ПВО страны. Вызванные на заседание отдельные наркомы получили указания о принятии дополнительных мер по оборонным отраслям промышленности.

Когда ко мне заходили работники Управления делами с теми или иными документами, то неизменно спрашивали, как дела на границе.

Я отвечал стандартно: «В воздухе пахнет порохом. Нужна выдержка, прежде всего выдержка. Важно не поддаться чувству паники, не поддаться случайностям мелких инцидентов...»

Руководители наших Вооруженных Сил от наркома до командующих военными округами были вновь предупреждены об ответственности, причем строжайшей, за неосторожные действия наших войск, которые могут вызвать осложнения во взаимоотношениях Советского Союза с Германией. Сталин дал даже распоряжение: без его личного разрешения не производить переброcок войск для прикрытия западных границ.

К концу дня у меня скопилось большое количество бумаг, требующих оформления. Я, не разгибаясь, сидел за подготовкой проектов решений правительства, а также за рассмотрением почты. Около 7 часов вечера позвонил А. Н. Поскребышев и попросил зайти к нему, чтобы взять один документ для оформления. Я сразу же зашел к нему.

Поскребышев сидел у раскрытого окна и все время прикладывался к стакану с «нарзаном». За окном был жаркий и душный вечер. Деревья под окнами стояли, не шелохнув листом, а в комнате, несмотря на открытые окна, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха.

Я взял от Поскребышева бумагу. Это было очередное решение о присвоении воинских званий.

— Ну, что нового, Александр Николаевич? — спросил я.

Поскребышев многозначительно посмотрел на меня и медлил с ответом. Обычно он откровенно делился со мной новостями, о которых знал сам.

— Что-нибудь есть важное?

— Предполагаю, да, — почти шепотом произнес Поскребышев. — «Хозяин», — кивнул он на дверь в кабинет Сталина, — только что в возбужденном состоянии разговаривал с Тимошенко... Видимо, вот- вот ожидается... Ну, сами догадываетесь что... Нападение немцев...

— На нас? — вырвалось у меня.

— А на кого же еще?

~ Подумать только, что теперь начнется. ., - сказал я сокрушенно, испытывая огромную досаду. - Но, быть может, это еще напрасная тревога? Ведь на протяжении нескольких месяцев ходили слухи, что вот-вот на нас нападет Гитлер, но все это не сбывалось...

— А теперь, пожалуй, сбудется, - ответил Поскребышев. — Уж очень сегодня что-то забеспокоился «хозяин»: вызвал[4] к себе Тимошенко и Жукова и только что разговаривал с Тюленевым. Спраши-

вал у него, что сделано для приведения в боевую готовность противовоздушной обороны.

— Да... дело принимает серьезный оборот, — в замешательстве сказал я.

— То и дело поступают тревожные сигналы, — добавил Поскребышев. — Сталин вызвал к себе также московских руководителей Щербакова и Пронина. Приказал им в эту субботу задержать секретарей райкомов партии, которым запрещено выезжать за город. «Возможно нападение немцев», — предупредил он.

Позвонил правительственный телефон. Я вернулся к себе и долго находился под впечатлением сообщения Поскребышева. Тревожное чувство сохранилось, и я решил эту ночь провести у себя в кабинете. Но спал не более двух часов.

Ранним утром 22 июня мельком видел в коридоре Сталина. Он прибыл на работу после кратковременного сна. Вид у него был усталый, утомленный, грустный. Его рябое лицо осунулось. В нем проглядывалось подавленное настроение. Проходя мимо меня, он легким движением руки ответил на мое приветствие...

Спустя какое-то время многие сотрудники Кремля узнали грозную весть: началась война! Первым делом я зашел к Н. А. Вознесенскому, поскольку он, как первый заместитель Председателя СНК СССР, вел текущие дела по Совнаркому. Когда я вошел в кабинет, Вознесенский в этот момент разговаривал по телефону с кем-то из военного руководства.

— Позвоните мне еще через час, — сказал он и положил трубку на аппарат. Настроение у него было хмурое, но достаточно уверенное. Всматриваясь в мое лицо и напряженно о чем-то думая, он со сдержанным недовольством произнес:

— Вот видите, как нагло поступил Гитлер.

— Разбушевавшийся воробей человека не боится, — с оптимизмом заявил я.

Вознесенский долго и в упор посмотрел на меня и на вопрос: «Какие будут указания?» угрюмо ответил: «В данную минуту — пока никаких».

В это время в кабинет вошла Р. С. Землячка. Поздоровавшись с Вознесенским и со мной, она, огорченно качая головой, произнесла:;

— Все-таки свершилось вероломство, Николай Алексеевич.

— Да, удар нанесен сильный и внезапно, — заметил Вознесен-; ский.

— А я специально зашла к Вам, чтобы спросить, какие новости', на границе.

— Вчера поздно ночью стали поступать сообщения с западных границ, что в расположении немцев слышится усиленный шум мо-! торов в различных направлениях и еще позднее из приграничных: округов почти беспрерывно начали сообщать о действиях авиации противника и затем, что немецкие захватчики вторглись на совет-

скую землю. Первое военное донесение было получено в 3 часа 30 минут утра от начальника штаба Западного округа генерала Климов- ских. Он доложил, что вражеские самолеты бомбят белорусские города. Тут же поступило донесение от начальника штаба Киевского округа генерала Пуркаева, который сообщил, что воздушные налеты совершены на города Украины. И, наконец, из донесения командующего Прибалтийским округом генерала Кузнецова стало известно о налетах вражеской авиации на Каунас и другие прибалтийские города.

Далее Вознесенский подробно рассказал о том, что в это время происходило в кабинете^ у Сталина. Причем этот его рассказ весьма совпадает с тем, что изложено в книге маршала Жукова «Воспоминания и размышления».

К 12 часам дня я находился в своем кабинете и с тяжелым чувством приготовился слушать по радио речь В. М. Молотова. Война опрокинула у всех обычных распорядок мыслей. На душе было неспокойно, тревожно. Серьезность тона речи Молотова красноречиво говорила о том положении, в каком оказалась наша Родина.

Примерно часа через два после правительственного сообщения мне позвонили из приемной Молотова и передали приглашение прийти к нему. Не успел я зайти в его кабинет, как сюда же вошел Сталин. Я хотел было удалиться, но Сталин сказал:

— Куда Вы? Останьтесь здесь.

Я задержался у двери и стал ждать указаний.

— Ну и волновался ты, — произнес Сталин, обращаясь к Молотову, — но выступил хорошо.

— А мне казалось, что я сказал не так хорошо, - ответил тот.

Позвонил кремлевский телефон. Молотов взял трубку и посмотрел на Сталина:

— Тебя разыскивает Тимошенко. Будешь говорить?

Сталин подошел к телефону, немного послушал наркома обороны, потом заявил:

— Внезапность нападения, разумеется, имеет важное значение в войне. Она дает инициативу и, следовательно, большое военное преимущество напавшей стороне. Но Вы прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте ввиду - немцы внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей армии. Надо строго-настрого предупредить командующих о недопущении какой-либо паники. В директиве об этом скажите... Если проект директивы готов, рассмотрим вместе с последней сводкой... Свяжитесь еще раз с командующими, выясните обстановку и приезжайте. Сколько потребуется Вам времени? Ну, хорошо, два часа, не больше... А какова обстановка у Павлова?

Выслушав Тимошенко, Сталин нахмурил брови.

— Поговорю сам с ним...

Сталин положил трубку на аппарат и сказал:

— Павлов ничего конкретного не знает, что происходит на границе! Не имеет связи даже со штабами армий! Ссылается на то, что опоздала в войска директива. Но разве армия без директивы не должна находиться в боевой готовности?

Я внимательно наблюдал за Сталиным, думая в тот момент, какую все-таки огромную власть он имеет. И насколько правильно сможет употребить эту власть, от чего зависит судьба всей страны.

Через какое-то мгновенье, сдерживая свой гнев, Сталин добавил:

— Надо направить к Павлову Шапошникова. Я не сомневаюсь, что он поможет организовать управление войсками, укрепить их оборонительные позиции. Но наши войска, видимо, не могут справиться с задачей прикрытия западной границы. Они оказались в очень тяжелом положении: не хватает живой силы и военной техники, особенно самолетов. С первых часов вторжения господство в воздухе захватила немецкая авиация... Да, не успели мы подтянуть силы, да и вообще не все сделали... не хватило времени. Надо немедля нанести контрудары по противнику, а одновременно поручить кому-то заняться эвакуацией населения, предприятий и другого имущества из прифронтовых районов на Восток. Ничего не должно, достаться врагу. Обсудим этот вопрос на заседании, а вот товарищу' Чадаеву поручим подобрать группу расторопных работников, чтобы они немедля связались с местными партийными и советскими органами прифронтовой полосы и дали конкретные предложения.

Сталин подозвал меня поближе к себе.

— Надо организовать взятие на учет всех недостроенных, пустующих и других помещений, которые могут быть использованы под эвакуированные предприятия... У Вас, конечно, тьма других работ. Но сейчас это дело поважнее и им следует заняться в первую очередь.
О первых результатах доложите Вячеславу Михайловичу. А теперь можете идти. j

Я тотчас вышел из кабинета и начал выполнять поручение Сталина. На первых порах подобрал небольшую группу работников — | четыре человека во главе с моим заместителем по секретариату-. Совнаркома СССР А. М. Протасовым. Для выяснения наличия! недостроенных, пустующих и иных помещений, в которых можно! было разместить эвакуированные предприятия, была подключена, большая группа других работников Управления делами. '

В первый день войны мне довелось присутствовать на двух. заседаниях у Сталина и вести протокольные записи этих заседаний.1 Что особенно запомнилось — это острота обсуждаемых вопросов на фоне отсутствия точных и конкретных данных у нашего высшего * политического и военного руководства о действительном положении на фронтах войны. Несмотря на это, решения были приняты весьма» важные и неотложные.

В течение 22 июня после визита к Вознесенскому я побывал:

также с документами у других заместителей Председателя Совнаркома. Нетрудно было убедиться, что почти все они еще не испытывали тогда больших тревог и волнений. Помню, например, когда поздно ночью закончилось заседание у Сталина, я шел позади К. Е. Ворошилова и Г. М. Маленкова. Те громко разговаривали между собой, считая развернувшиеся боевые действия как кратковременную авантюру немцев, которая продлится несколько дней и закончится полным провалом агрессора. Примерно такого же мнения придерживался тогда и В. М. Молотов.

Г. А. Куманев: Какова была реакция Сталина на крупные поражения Красной Армии в первые месяцы Великой Отечественной войны?

Я. Е. Чадаев: Я уже отмечал, что в дни кризисных, даже критических ситуаций на фронте Сталин в целом неплохо владел собой, проявляя уверенность, спокойствие и демонстрируя огромную работоспособность. Конечно, это не означает, что он как бы снижал свою требовательность и не спрашивал достаточно строго с тех, кто, по его мнению, был повинен в тех или иных неудачах и просчетах. Наоборот, в своем гневе он никому не давал снисхождения и принимал энергичные и действенные' меры по исправлению положения.

Основываясь на своих записях, проиллюстрирую все это на примере падения Киева и катастрофы под Вязьмой осенью 1941 г.

Во второй половине сентября 1941 г. сильно осложнилась обстановка на Юго-Западном и Южном фронтах. Под угрозой захвата врагом оказался Киев. Но, несмотря на тяжелую обстановку, боевой дух бойцов, обороняющих столицу Советской Украины, был чрезвычайно высок. Они не могли даже представить себе, что им придется оставить оборонительные рубежи и отступить.

Днем 17 сентября у Сталина состоялось заседание, в работе которого я принял участие О событиях на фронтах докладывал маршал Б. М. Шапошников. Потом слово взял Сталин, который сказал, что нашим войскам под Киевом надо во что бы то ни стало держаться, хотя это очень трудно. А под Москвой еще труднее. Мы должны сделать все необходимое, чтобы помочь защитникам Киева. Для облегчения их положения сделано уже немало: создан новый Брянский фронт, перед которым поставлена задача: разгромить войска Гудериана, не дать им возможности повернуть на юг. Активные действия воинов Брянского фронта значительно облегчают положение защитников Киева.

Обращаясь к Шапошникову, Сталин спросил:

— Быть может, надо дополнительно выделить Юго-Западному фронту часть сил из резерва Ставки? Свяжитесь сейчас с Кирпоно- сом и узнайте обстановку на этот час.

— Слушаюсь! — произнес Шапошников и отправился в аппаратную.

Вскоре он вернулся и доложил, что враг пока не в состоянии

преодолеть упорное сопротивление защитников Киева. Противник производит перегруппировку своих частей. Не добившись успеха от фронтальных атак, он начал маневрировать, искать уязвимые места в обороне советских войск.

— Значит, — сказал Сталин, — остается в силе приказ Ставки - не сдавать Киев?

— Совершенно верно, - подтвердил Шапошников. — Но все-таки Кирпонос очень опасается за левый фланг Юго-Западного фронта — район Кременчуга, где сейчас идет ожесточенный натиск вражеских войск на наши армии. Он все же вновь высказывает просьбу отвести из-под удара наши войска.

— Как Вы считаете, Борис Михайлович, надо ли пойти на это? - спросил Сталин.

— Я остаюсь при прежнем мнении: биться насмерть, но Киева не отдавать, — ответил Шапошников.

— Ну, что же, так и порешим? — снова спросил Сталин.

Все молча согласились...

После 17 сентября положение наших войск Юго-Западного фронта-стало критическим. Немцы усилили свои войска, что дало им возможность укрепить кольцо окружения советских войск. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос потерял управление армиями. В окружении оказались 5-я, 37-я, 26-я армии, часть сил 21-й и 38-й армий Юго-Западного фронта. Начался их неорганизованный выход из окружения, а войска 37-й армии еще продолжали сражаться за Киев.

В ночь на 18 сентября начальник Генерального штаба Красной Армии передал в столицу Украины: Ставка разрешает оставить Киевский укрепрайон и переправить войска 37-й армии на левый берег Днепра без серьезных потерь. Выполнить эту задачу было крайне трудно. Но другого выхода не оставалось. Чтобы выйти из окружения, надо было пробиваться сквозь вражеские заслоны, пройти сотни километров по занятой противником территории при потерянной связи с соседними соединениями. 20 сентября при выходе из окружения близ г. Лохвицы погиб командующий фронтом генерал Кирпонос.

На следующий день после падения Киева я зашел к Поскребышеву и узнал, что Сталин находится вне себя от катастрофы на Юго-. Западном фронте.

— Только что состоялся крупный разговор Сталина с Хрущевым, — сказал Поскребышев. — Сталин прямо заявил Хрущеву, что за безрассудные действия тот заслуживает отдачи под суд Ревтрибунала.

— Но я думаю, - добавил Поскребышев, — до этого дело не дойдет.

— Значит Сталину сейчас Не до моих документов? — спросил я.

Поскребышев зашел в кабинет Верховного и, вернувшись, сказал:

— Заходи, только ненадолго.

Я вошел в кабинет и сразу же подошел к столу, над которым наклонился Сталин, рассматривая карту Юго-Западного фронта.

— Если все подготовлено правильно, давайте, подпишу, — сказал Сталин, чуть взглянув на меня, и стал читать проект постановления ГКО.

В это время вошел Поскребышев и доложил, что у телефона маршал Тимошенко.

Сталин поднял телефонную трубку и сразу же спросил, как идет отход войск на новые рубежи.

Я стоял очень близко по ту сторону Сталина, с которой он держал у уха трубку. Тимошенко говорил своим зычным голосом, и мне почти все было хорошо слышно.

— Нормально, — прозвучал в трубке голос маршала. -

— Потери?

— Отходим с боями, а потому и потери есть.

— Бессмысленной отваги не допускайте, с Вас хватит!

— Не понимаю.

— Тут и понимать нечего. У Вас иногда проявляется рвение к бессмысленной отваге. Имейте в виду: отвага без головы - ничто.

— Выходит, что я по-Вашему только на глупости способен?

— О, не перевелись, оказывается, еще рыцари! Загубленных талантов не бывает...

— Я вижу, Вы недовольны мной, — слышался густой бас Тимошенко.

— А я вижу, Вы слишком раздражены и теряете власть над собой.

— Раз я плохой в Ваших глазах, прошу отставку.

Сталин отставил от уха трубку и сказал про себя:

— Этот черт орет во всю грудь и ему в голову не приходит, что он буквально оглушил меня. Что? Отставку просите? Имейте в виду, у нас отставок не просят, а мы их сами даем...

— Если Вы находите — дайте сами.

— Дадим, когда нужно, а сейчас советую не проявлять нервозности — это презренный вид малодушия.

Наступила небольшая пауза, потом послышался голос Тимошенко:

— Извините, товарищ Сталин, погорячился.

Тимошенко знал, конечно, что Сталин открыто, иногда беспощадно и очень жестко бичевал работников за промахи и поступки. Он указывал на допущенные ошибки, промахи в работе. Это помогало скорее их исправлять, учило людей критически оценивать свои поступки. Эта черта Сталина хорошо была известная многим. Его критика, резкие слова, ядовитые пословицы, к которым он часто прибегал, как правило, не обижали критикуемых, а, наоборот, подталкивали к исправлению ошибок.

Сталин понимал, что время бьшо напряженное, нервы у товари

щей часто были на пределе. Случалось, в пылу раздражения или под влиянием острой минуты тот или иной руководитель вспылил. Сталин с пониманием относился к таким «взрывам» и нередко своим спокойствием охлаждал пыл не в меру горячих сотрудников. Но, пожалуй, более часто он не только одергивал таких, лишал доверия, но и немедленно снимал с постов.

Когда пыл прошел, Тимошенко спокойно, по-деловому доложил, на какой рубеж он отводит войска. В конце разговора Сталин сказал:

— Завтра снова информируйте меня лично.

Он в беспокойстве прошелся по кабинету. Чувствовалось, что переживает за резкий разговор с маршалом, на которого явно сорвал свою досаду за провал. Сталин молча подписал проект постановления и кивнул мне, что можно уходить.

Придя к себе, я долго оставался под впечатлением этого резкого разговора.

Приведу другой пример. Он связан с началом операции «Тайфун» (30 сентября — 2 октября) под Вязьмой и Брянском, когда в результате тяжелого и неожиданного удара противника значительная часть соединений Западного, Резервного и Брянского фронтов оказалась в окружении.

Когда я зашел в приемную Сталина, то застал Поскребышева в сильном смятении. Он держал телефонную трубку и буквально кричал:

— Ну, когда же вы разыщите его, черт вас побери?

Раздался звонок от Сталина.

— Ну, зайди, - мотнул головой Поскребышев.

Я тихо вошел в кабинет и остановился, не проронив ни звука. Сталин ходил поспешно по кабинету с растущим раздражением. По * его походке и движению чувствовалось, что он находится в сильном волнении. Сразу было видно, что он тяжело переживает прорыв , фронта и окружение значительного числа наших дивизий. Это собы- ! тие просто ошеломило его.

— Ну и болван, - тихо произнес Сталин. — Надо с ума сойти, чтобы проворонить... Шляпа!

Я никогда не забуду этой картины: на фоне осеннего, грустного пейзажа умирающей природы бледное, взволнованное лицо Сталина. ; Кругом полная тишина. Через открытую настежь форточку проникали холодные струи воздуха.

Пока я молча стоял, зашел Поскребышев и доложил:

— Командующий Конев у телефона.

Сталин подошел к столу и с яростью снял телефонную трубку.

В командующего летели острые стрелы сталинского гнева. Он давал не только порцию «проборки», но и строгое предупреждение, , требовал беспощадно биться и добиться вывода войск из окружения,

— Информируйте меня через каждые два часа, а если нужно, то : и еще чаще. Время, время дорого!

Затем Сталин соединился с членом Военного совета Западного фронта Н. А. Булганиным и тоже набросился на него. Булганин стал объяснять причины этого чрезвычайного происшествия. Он (как мне потом стало известно лично от самого Булганина) докладывал Сталину, что «ЧП» произошло из-за того, что командование Резервного фронта «проморгало» взятие противником Юхнова. Командующий войсками Резервного фронта маршал С. М. Буденный узнал о захвате немцами Юхнова только на второй день и то из переговоров с Булганиным. В то же время Булганин доложил Сталину, что имели место большие промахи и со стороны командования Западного фронта.

Выслушав терпеливо и до конца Булганина, Сталин немного смягчился и потребовал от руководства фронта: «Не теряйте ни секунды... во что бы то ни стало выведите войска из окружения».

Вошел Молотов. Сталин, повесив трубку, сказал:

— Может быть, еще удастся спасти войска... Гитлер изображает себя в положении нетерпеливой охотничьей собаки, настигнувшей дичь и теперь ждущей, наконец, момента, когда раздастся заветный выстрел. Однако желанного результата фюрер не получит!

Молотов, нахмурив брови, так выразительно посмотрел на меня, что я сразу понял: мне нужно уходить. И я вышел из кабинета...

Поздней ночью 4 октября я позвонил К. Е. Ворошилову, чтобы дать ему на голосование два проекта решения правительства. Когда послышался в трубке голос Климента Ефремовича, я попросил разрешения зайти всего лишь на три минуты с тем, чтобы получить его согласие по двум проектам.

— Ох, — вздохнул Ворошилов, — до того ли сейчас...

— Тогда я обращусь позже.

— Нет... лучше уж заходите сейчас, у меня есть еще немного времени.

Когда я вошел в кабинет маршала, сразу же по лицу Ворошилова заметил, как он сильно взволнован.

— Вы ведь знаете, какая у нас беда?

— Знаю, немцы окружили несколько наших армий.

Ворошилов некоторое время молчал, потом посмотрел на часы.

— Через несколько часов едем с Молотовым на Западный фронт. Будем пытаться спасти положение, а главное — человеческие жизни. Очень сильно и болезненно переживает это событие товарищ Сталин. Да и мы, конечно, тоже. Но я еще не видел товарища Сталина в таком состоянии, в каком он находился, когда узнал о происшедшей катастрофе. Он был потрясен, гневен, крайне возбужден. Долго ходил по кабинету, потом подходил к «вертушке», спрашивал начальника Генерального штаба и задавал один и тот же вопрос: «Установили связь с командующим?» В ответ слышал: «Еще нет». «Что вы там сидите сложа руки!» — говорил он с большим возмущением.

Волнение и гнев мне понятны, — добавил Ворошилов, - окру

жение такой многочисленной группировки — это очень тяжкий удар. Но как бы не была тяжела потеря, она не сломила товарища Сталина. Создавшаяся ситуация побуждает его к решительным действиям. Враг спешит до наступления зимы разделаться с Москвой. Но наша партия, наш народ, товарищ Сталин не допустят этого».

Г. А. Куманев: Собирался ли И. В. Сталин в тяжелые октябрьские дни сорок первого года эвакуироваться из Москвы? В постановлении ГКО от 15 октября 1941 г. за № 801 «Об эвакуации столицы СССР', г. Москвы», которое мне в начале 60-х годов удалось обнаружить в Кремлевском архиве, прямо говорилось, что «т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке». В последнее время появились некоторые публикации, где поддерживается версия о намерении Сталина покинуть в те дни столицу.

Я. Е, Чадаев: Это не ответствует действительности. Хорошо помню, как в середине октября накануне эвакуации в Куйбышев части Совнаркома и Управления делами я зашел в комнату охраны, где находился генерал Н. С. Власик, чтобы попрощаться с ним. К этому времени мы были хорошо знакомы друг с другом, часто встречались семьями.

Начальник охраны Сталина с огорчением воспринял весть о моем отъезде.

— Но, ничего, — сказал он, — скоро вернетесь.

— Да. я в этом уверен.

— Уверен в этом и товарищ Сталин.

— А не было разговора о том, что и он на крайний случай временно переберется к нам в Куйбышев?

— Я знаю, — сказал Власик, — был разговор на эту тему между Сталиным и Ждановым. «Хозяин» твердо и решительно заявил, что не может быть и речи об этом: он остается на своем посту в Москве. Но мы все-таки на всякий крайний случай сейчас сформировали специальный небольшой поезд, который уже находится в полной готовности к отбытию.

— Товарищ Сталин, конечно, о нем не знает? - спросил я. \

— Пока не знает, но, может быть, сегодня или завтра узнает.

В последующем Вознесенский, Калинин, Поскребышев и неко- торые другие руководящие работники мне подтвердили, что Сталин і действительно не собирался эвакуироваться куда-либо из Москвы.

В послевоенные годы по данному вопросу автор прочитал в. книге писателя Петра Проскурина «Имя твое» следующие строки:

«Ему (Сталину) вспомнилось состоявшееся в осень сорок первого решение о необходимости его немедленного отъезда из Москвы в Куйбышев и в памяти четко возникло утро девятнадцатого октября, Рогожско-Симоновский тупик, спецпоезд, пустынная платформа, торопливо ждавшие пришедшие его провожать товарищи.

... Никто не видел его лица; дойдя до края платформы своим; неспешным характерным шагом, он, не говоря никому ни слова,

круто повернулся, горбясь больше обычного, прошел к своей машине, сел в нее и уехал назад».

При встрече с В. М. Молотовым я рассказал ему об этой публикации и спросил, был ли действительно такой случай? Молотов ответил отрицательно, заметив при этом, что Петр Проскурин, — видимо, писатель с богатой фантазией.

Г. А. Куманев: Находясь в годы войны в должности управляющего делами Совнаркома СССР, Вы постоянно встречались не только со Сталиным, но и со многими государственными, политическими и военными деятелями, выполняли их поручения, выслушивали советы и мнения по различным вопросам и важные свидетельства. В связи с этим не могли бы Вы дать краткие характеристики хотя бы ряду руководящих лиц из ближайшего сталинского окружения?

Я. Е. Чадаев: Соратники Сталина, прежде всего из его ближайшего окружения, в своем большинстве были, несомненно, людьми инициативными, достаточно грамотными, опытными, политически подкованными не лишенными организаторских способностей, а некоторые из них — и большого таланта. По своему характеру, стилю работы и деловым качествам они заметно отличались друг от друга. Вместе с тем за их плечами была серьезная школа революционной борьбы и активного участия в социалистическом переустройстве общества. Работать рядом со Сталиным было и великой честью, и далеко не простым делом: часть из руководящих деятелей партии и государства, как известно, трагически закончила свой жизненный путь. Всегда не исключаемая при Сталине вероятность такого печального исхода превращала его соратников в послушных и преданных ему людей.

Замечу, правда, что большинство из них, глубоко уважая и искренне признавая выдающиеся способности своего вождя, искренно считали, что все его решения и действия были правильны и продиктованы лишь одним стремлением - укрепить Советское государство, добиться желаемых для нашего народа целей, а в годы Великой Отечественной войны скорее сокрушить ненавистного врага.

Ну а теперь перейду к моим небольшим и, может быть, субъективным оценкам некоторых соратников Сталина.

В. М. Молотов.

Надо признать, что к Молотову я относился с большим, искренним уважением. Среди сталинского ближайшего окружения это был человек непрерывного действия, решительный, волевой; человек, который умел отдавать себя целиком, без остатка на службу государству. Он в полном смысле был аскет, до чрезвычайности скромен в своих потребностях и желаниях. Жил в небольшой, просто обставленной квартире в Кремле. Был весьма трудолюбив. Только дело, только работа — было его целью. И во имя ее он не считался со временем, отдавая ей все свои силы, разум, волю.

Его одержимость заражала других, и они готовы были день и

ночь работал, чтобы выполнить задание Молотова, получить его одобрение. Но он был скуп на похвалу. И как бы хорошо не была выполнена работа, считал это само собой разумеющимся. Но в то же время он был внимателен, чуток, отзывчив, всегда реагировал на просьбы и нужды сотрудников. Но Молотов был и беспощаден к тем, кто плохо работал, проявлял недисциплинированность, и, не колеблясь, строго наказывал провинившихся. Он обладал хорошим качеством привлекать и располагать к себе людей, заражать их своим энтузиазмом. Иногда шуткой заставлял делать больше, чем приказанием. В аппарате его называли «многожильным наркомом», отдавая дань его исключительной работоспособности.

Надо сказать, что в требованиях Молотов часто был очень резок, не стеснялся в выражениях, даже оскорблениях. Но в большинстве случаев он бывал прав, ругал за дело.

«Пошел по шерсть, а воротился стриженый», - говорили некоторые, выходя из кабинета Молотова.

Но если он потом чувствовал, что был не прав, то обычно переживал за несправедливое отношение к человеку. Правда, я ни разу не видел, чтобы он произнес извинение. Особенно резкие выражения Молотов применял, когда вел то или иное заседание.

Когда, например, нарком финансов А. Г. Зверев докладывал государственный бюджет, Вячеслав Михайлович усмотрел, что народный комиссар подошел неэкономно к некоторым статьям расходов.

— Вам бы фамилию надо дать не Зверев, а Кроликов, — раздраженно проговорил Молотов. Как позднее делился со мной Зверев, в глазах Молотова он не прочел шутки. Они глядели на него весьма холодно и возбужденно.

Зверев начал громко оправдываться.

Вы что тут суматоху устраиваете как на базаре, — строго, заметил Молотов. — Не уподобляйтесь плохому деляге-говоруну.

— Прошу извинить меня, — тише произнес Зверев и стал обосновывать правильность заложенных в бюджете расходов.

После этого возбуждение улеглось, и Молотов, видимо, почувствовал, что он слишком сильно задел наркома финансов. Он смягчил свои слова:;

— Вот так бы и сказали, а это шумит как воробей на дождь. .

Вспоминается, как в конце апреля сорок первого года на одном из совещаний у Молотова с заместителями Председателя Совнаркома СССР на вопрос Н. А. Вознесенского, как следует расценивать безнаказанные полеты германских самолетов над советской территорией и участившиеся разговоры о предстоящей войне с Германией, Молотов несколько уклончиво ответил:

— Нашим военным сказано, чтобы не всяким слухам верили, т. к. они могут распространяться с целью дезинформации, а на вторжения немецкой авиации мы отреагировали, обратившись с протестом к правительству Германии.

На другой вопрос Вознесенского, правда ли, что товарищ Сталин с недоверием и подозрительностью отнесся к предупреждениям,, поступившим в начале 1941 г. и 19 апреля этого же года по дипломатическим каналам из Соединенных Штатов и Великобритании, последовал ответ, что товарищ Сталин с полным основанием квалифицировал эти предостережения как провокационные. «Мы расцениваем эти сообщения как шантаж и подстрекательство, рассчитанные на то, чтобы как можно скорее спровоцировать войну между СССР и Германией», — заявил Молотов.

Он с известным доверием относился ко мне и даже высказывал в те дни некоторые свои мысли: «Вот взялись пугать нас Германией. Куда ей до нас с голыми руками. Пороху не хватит. А еще хотят весь мир завоевать! А чем завоевать?»

Превыше всего Молотов ставил аккуратность и честность. Уж если он дал задание и назначил срок — приди или позвони и скажи, что запаздываешь. Хотя иногда и отругает, но ничего. Но если не выдержал срок и сделал с опозданием, то берегись: попадет на «орехи». Еще хуже поступит он, если скривишь душой, скажешь неправду. Он сразу изобличит тебя и ты тогда пропал - нет тебе веры.

.Молотов часто излишне нервничал, по пустяку раздражался. Это бывало, когда-ему в чем-то доставалось от Сталина. Или, как ему казалось, он отходил на «третий» план.

Однажды я зашел к Молотову, чтобы доложить подготовленные проекты решений. В это время в кабинет зашел со срочной бумагой его помощник по особым делам Баскаков.

— Можно прервать Вас?

Молотов продолжал подписывать бумаги...

— Вы поручили к часу доложить предложение, — напомнил Баскаков.

Молотов оторвался от моих бумаг и взял в руки документ помощника. В его глазах я увидел нечто такое, что меня передернуло.

— Что это?! — возмутился Молотов. - Сплошная белиберда или судорога мыслей?

Он пристально посмотрел на Баскакова.

— Вы хоть бы побрились. Или решили бороду отращивать? Имейте в виду — ум в голове, а не в бороде.

Молотов перевел на меня сердитый взгляд.

— Забирайте Ваши бумаги. На сегодня все.

Когда я собрал бумаги и шел к выходу, услышал раздраженный, повышенный голос хозяина кабинета:

— Ишь, распоясались! Ноги на стол! Безобразие! Подняли головы и поглядываете, словно одичавшие псы!

Я вышел из кабинета довольный тем, что мне не пришлось дальше слышать молотовскую ругань. В приемной комнате, где сидел помощник Вячеслава Михайловича — И. И. Лапшов, я сказал ему, что часть бумаг осталась неподписанной.

В это время возвратился Баскаков.

— Он обращался со мной, как с негром в Америке, — произнес Баскаков. В его полузакрытых глазах бушевали гнев и чувство большой обиды.

Мне хотелось не поддержать возмущение Баскакова, но меня опередил второй помощник Молотова Смирнов.

— Сплошное преувеличение вопреки жизненной правды, — сказал он. — Не советую из мухи делать слона.

— Брось ты эти глупости, — отрезал Баскаков.

— Попробуй дать совет невежде, и он сочтет тебя своим врагом, — отпарировал в свою очередь Смирнов и, посмотрев в нашу сторону, добавил:

— А Вы что молчите, как в читальне?

— Послушали бы, — обратился ко мне и Лапшову Баскаков, — какие обидные слова были сказаны: «Дубина, Вы умнее кажетесь только с виду». Откажусь от работы. Черт с ней, найду другую.

Но тут раздался звонок. Молотов вновь вызывал к себе Баскакова.

У меня стало легче на душе, когда я узнал, что Баскаков имел разговор с Молотовым по поводу резкого, оскорбительного тона последнего. В итоге состоявшихся объяснений Баскаков продолжал работать в прежней должности.

М. И. Калинин.

Он был воплощением всего лучшего, что создала партия революционного пролетариата. Авторитет Калинина в народе был весьма велик, а во время войны слава о нем как о политическом деятеле и •революционном трибуне еще более возросла. Михаил Иванович был ярым противником формализма, начетничества, догматизма, талмудизма. В подлинном, смысле слова он являлся воспитателем, страстно пропагандировал и призывал людей глубоко любить свою Родину, быть патриотом и защитником своего Отечества. Задачи коммунистического воспитания он всегда связывал с практическими вопросами социалистического строительства. «Коммунистические принципы, если взять их в простом виде, — разъяснял Калинин, — это принципы высокообразованного, честного, передового человека, это любовь к социалистической Родине, дружба, товарищество, гу

манность, честность, любовь к социалистическому труду и целый ряд других высоких качеств, понятных каждому».

В своих многочисленных трудах Михаил Иванович постоянно развивал тему советского патриотизма, который, по его словам, «окрыляет и вооружает наш народ; он рождает подвиги совершенно простых людей, ранее незаметных, он двигает поступками миллионов».

Калинин был большим знатоком и ценителем искусства и литературы, вел решительную борьбу с формализмом и натурализмом, подчеркивая, что долг и обязанность советских писателей и художников — быт проводниками лучших традиций русской реалистической школы.

Калинина по праву считали и высокообразованным экономистом. Глубоко впечатляют его высказывания о борьбе за дальнейшее повышение производительности труда, о воспитании советских людей в духе строжайшей дисциплины труда, бережного отношения к общественной собственности. Уважение к физическому труду, указывал он, является одним из сильнейших, устоев пролетарской морали.

Простые люди часто наведывались к Калинину, и я не раз был свидетелем его проникновенных бесед с представителями трудящихся масс. Пожалуй, как никто другой, он умел внимательно выслушивать собеседников, считаясь с их характером, возрастом, состоянием здоровья, настроением. Слушал он заинтересованно, молча, не прерывая собеседника, пока тот не выговорится, изредка делал пометки в блокноте, а выслушав, тут же отдавал необходимые распоряжения. Калинин находил путь к сердцу и пожилого, умудренного жизненным опытом человека, и молодого рабочего, колхозника. Михаил Иванович не жалел времени для того, чтобы дать то или иное разъяснение обратившемуся к нему человеку, помочь ему преодолеть встретившиеся трудности. С ним нередко советовался И. В. Сталин, ряд членов Политбюро и правительства, но, пожалуй, чаще других Н. А. Вознесенский.

Одну из моих многих встреч с М. И. Калининым я особенно хорошо запомнил и записал. Я хочу вкратце сообщить Вам о ней в порядке характерного примера к вышесказанному. Это было вечером 11 ноября 1941 г. в Куйбышеве, куда с рядом правительственных учреждений был эвакуирован и Президиум Верховного Совета СССР. Я зашел к Михаилу Ивановичу, чтобы дать ему проголосовать проекты двух важных решений.

Калинин встретил меня очень любезно. Представил меня гостю — старому кадровому рабочему (он назвался Сергеем Федоровичем), который пришел к своему давнему другу, чтобы тот помог ему зачислиться в ряды Красной Армии. Но Михаил Иванович не поддержал просьбу Сергея Федоровича по причине возраста, а я посоветовал ему найти полезную работу для фронта в тылу, на производстве. «Я тоже это предлагал», — сказал Калинин.

— Вы, наверное, думаете, что меня страх возьмет перед фашистами, — заявил Сергей Федорович. — Нет, я не боюсь и ничего не страшусь. Я слышал о том, что кто презирает опасность, тот помнит о ней, но настоящий герой об опасности даже не думает. Ведь в Гражданскую мы действительно не думали об опасности.

— Кому приходится каждодневно преодолевать страх, - заметил Калинин, — тому уже не приходится думать об опасности. Высшее достоинство героя состоит в том, чтобы не терять присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Только трус бежит от собственной тени.

Старый рабочий сказал, что подумает над нашим советом и попрощался.

Когда мы остались вдвоем, я сказал, указав на большую кучу бумаг на столе Председателя Президиума Верховного Совета СССР, что ему не следует перенапрягаться и надо поберечь свое здоровье.

Поблагодарив за добрые пожелания, Калинин ответил, что он всегда испытывает большое смущение, когда слышит подобное. Ведь, если эти дела требуется срочно сделать, почему за него кто-то должен их делать, военная обстановка диктует трудиться, не покладая рук, и отдыхать будем в меру возможностей, когда придет победа.

Я пояснил, что не хотел вызвать у «Всесоюзного старосты» какое- то чувство неловкости и добавил:

— Вы ведь очень нужны Родине в такое сложное время и сделаете для нее еще очень много.

Михаил Иванович чуть улыбнулся.

— Это Вы преувеличиваете. Но по правде скажу: хочется сделать что-то большое.

— И сделаете! — почти воскликнул я. — У Вас за плечами богатый опыт, Вы его приобрели на тяжелом жизненном пути.

— Но к чему эти слова? Не всегда тяжелая жизнь обогащает человека, вооружает его, помогает ему быстрее находить правильные решения. И можно ли считать тяжелой жизнь, если она посвящена, борьбе, в результате которой вырабатывается революционное миро-' воззрение? Это не трудная, это богатая, содержательная жизнь. Она' не кажется тяжелой и главное - сам чувствуешь, что она бесконечно[1] хороша даже в .самые трудные моменты. ;

После некоторой паузы Калинин спросил:

— А разве сейчас легкая жизнь? Военное положение нашей страны в данный момент является таким тяжелым, как никогда; прежде. Гитлер считает, что Советская Россия сокрушена, а Геббельс, выступает с заявлениями, что война на Востоке выиграна, и Красная Армия фактически уничтожена. Но вскоре они заговорят о другом.. Не так дело в действительности. Наши силы неисчислимы. Будут' скоро новости хорошие. Наше правительство готовится не только к отражению наступления гитлеровских захватчиков, но и к сокрушительному контрнаступлению наших войск.

— Вот это здорово! — радостно воскликнул я.

— А теперь давайте Ваши бумаги.

Н. А. Вознесенский.

Вознесенский остался в моей памяти как энергичный, принципиальный и компетентный руководитель. Это был человек с широким кругозором, деятельный, вдумчивый, сочетающий аналитический ум и дальновидность крупного политического деятеля с оперативностью и деловитостью хозяйственного работника. Он всегда глядел вдаль, в будущее и каждое сколько-нибудь ценное начинание постоянно находило у него поддержку. В центре его внимания были вопросы совершенствования планирования. Планирование он называл важнейшим рычагом, «при помощи которого мы поворачиваем развертывание народного хозяйства в нужную сторону».

Николай Алексеевич работал с исключительной энергией, быстро и эффективно решал возникавшие проблемы. Но он не умел скрывать своего настроения, был слишком вспыльчив. Причем плохое настроение проявлялось крайней раздражительностью, высокомерием и заносчивостью. Но когда Вознесенский находился в хорошем настроении, он был остроумен, жизнерадостен, весел, любезен. В его манере держать себя и в беседах проявлялась образованность, начитанность, высокая культура. К сожалению, такие мгновения были довольно редки. Они проскальзывали как искры, а затем Вознесенский опять становился мрачным, несдержанным, грубым и колючим. Идя к нему на прием, никто из сотрудников не был уверен, что все пройдет гладко, что вдруг он внезапно не вскипит, не обрушит на собеседника едкого сарказма, злой, издевательской реплики.

У Николая Алексеевича была привычка начинать разговор с придирки к чему-либо. Он не придерживался правила, что работников не следует часто поощрять и чрезмерно благодарить, как и бесконечно ругать. Ведь хорошим деловым товарищеским обращением больше добьешься, чем хмуростью и неприветливостью. Требовательный к себе Вознесенский был исключительно требовательным к другим. Нетерпимость проявлял даже в мелочах. Терпеть не мог наличие отдельных машинописных опечаток в представляемых на его рассмотрение документах.

Конечно, сам Вознесенский не считал себя непогрешимым руководителем. Он нередко прислушивался и к критическим замечаниям подчиненных и, кстати, никогда не сводил с ними счеты за критику. И все же следует сказать, что Николай Алексеевич слишком высокомерно держал себя перед другими, в том числе и равными ему по рангу руководителями. Похоже, что он считал себя после Сталина самым умным человеком и что правильно решать вопросы может только Сталин и он, Вознесенский, и более никто. Многие наркомы не любили его за резкий, вспыльчивый характер, нанесенные им оскорбления, унижающие достоинство человека, и как-то обходили

стороной кабинет заместителя главы правительства при решении острых вопросов.

Сталин весьма ценил ум и организаторский талант Вознесенского, поручая ему все более ответственные дела. Накануне XVIII партийной конференции (февраль 1941 г.) он был утвержден докладчиком по хозяйственным итогам 1940 г. и плану развития народного хозяйства СССР на 1941 г. Не каждому из окружения вождя было по нутру такое выдвижение молодого политического деятеля и ученого. Примерно за неделю до начала Всесоюзной конференции ВКП(б) я был у Берия в тот момент, когда они с Маленковым вместе читали доклад Вознесенского. Маленков цветным карандашом отмечал те места текста, которые вызывали у него сомнения или возражения, и едко и пренебрежительно их комментировал.

— Тоже мне, учитель нашелся, все поучает нас, — говорил он.

— Тут есть места и почище, ты только посмотри. — добавлял Берия. Но Сталин утвердил доклад Вознесенского. Поправки же Берии и Маленкова остались без внимания, что вызвало с их стороны глухое недовольство. Правда, в открытую они это не высказывали, но их обуяла просто необузданная зависть к незаурядным способностям Вознесенского, а главное — плохо скрываемая злость, что к' нему пронился большим доверием Сталин. Накануне войны Сталин все больше опирался на Вознесенского как председателя Госплана СССР и заместителя Председателя Совнаркома, давая ему наиболее ответственные поручения.

После XIII партийной конференции состоялся Пленум ЦК партии, где по предложению Сталина Вознесенский был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК, что еще больше озлило Берия и Маленкова. Было нетрудно заметить, что важнейшие вопросы внутренней политики Советского государства Сталин все чаще поручает Вознесенскому, отодвигая на второй план Молотова. Молотов чувствовал это, нервничал, раздражался по каждому поводу...

Между тем Вознесенский не проявлял явного стремления занять место Молотова. Но это был человек напористый, бесцеремонный, честолюбивый и предприимчивый. По отношению к своим руководящим коллегам он повел себя в дальнейшем еще более независимо, что впоследствии обернулось для него трагически. После состоявшегося 7 мая 1941 г. совещания у Сталина и назначения Вознесенского, первым заместителем Председателя Совнаркома вся тяжесть работа по СНК легла теперь на его плечи. Ему я докладывал почту, поступавшую в адрес правительства. Несмотря на указание Сталина не голосовать решения опросом, эта практика все же имела довольно широкое распространение. Первым обычно ставил свой «голос» на том или ином проекте решения Вознесенский, а потом приходилось докладывать другим заместителям Председателя СНК СССР. С открытой неприязнью брали в руки проголосованные Николаем Алек-: сеевичем документы Маленков и Берия. Последний придирался ко

всему, «плохие слова», т. е. ругательства так и срывались у него с языка.

Маленков и Вознесенский, как бы соревнуясь друг с другом, наперебой вносили Сталину предложения текущего и инициативного характера, упорно старались раздувать и культ великого вождя. Маленков организовал ежедневное поступление и публикование в печати рапортов Сталину, а Вознесенский выступил с предложением о создании учебника по политэкономии социализма, который он имел в виду подготовить сам с группой экономистов от имени Сталина. Кстати, в Совнаркоме Вознесенский стремился все вопросы проводить через «хозяина», включая и очень частные.

С началом войны на Вознесенского была возложена персональная ответственность за ускоренное развитие производства вооружения и боеприпасов. Все дни у него были заполнены напряженной работой. Он был подобен динамо-машине высокого напряжения. Часто его можно было видеть у письменного стола до 4 часов утра. Когда осенью 1941 г. часть правительственных учреждений и аппарат Управления делами СНК были эвакуированы в Куйбышев, Вознесенскому решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 октября поручалось представлять здесь правительство, руководить работой эвакуированных на Восток наркоматов и добиться того, чтобы в кратчайший срок были пущены в ход заводы, перебазированные в восточные районы страны.

Уже в Куйбышеве он говорил мне, что ему очень хотелось остаться в Москве вместе с другими руководящими деятелями, но он понимает, что и здесь не менее важный участок. Чувствовалось, что Вознесенский ревниво относился к некоторым коллегам по Политбюро и правительству, особенно к Маленкову, который находился в Москве рядом со Сталиным. В качестве члена ГКО Маленков руководил работой по оснащению Красной Армии самолетами и моторами. Он непосредственно связывался с авиационными, моторными и другими заводами. На них распространялись и указания Николая Алексеевича, которые иногда расходились с распоряжениями Маленкова. Обычно из нежелания вступать в спор Вознесенский вносил коррективы в свои указания в унисон с заданиями Маленкова.

В Куйбышеве Вознесенский развил кипучую деятельность по ускоренному росту производства военной продукции и быстрейшему восстановлению на новых местах эвакуированных предприятий. И с этими сложными задачами он успешно справился.

В первых числах января 1942 г. вместе с группой членов правительства, Верховного Совета и Управления делами Вознесенский возвращается из эвакуации в Москву. С новой энергией он включается в работу в Совнаркоме, Госплане, а затем Государственном Комитете Обороны, в состав которого был введен решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР от

3 февраля того же года. В завоевании Великой Победы над фашизмом есть и весомая доля его труда...

Да, он не был простым, спокойным, уравновешенным государственным деятелем. Он часто «взрывался», мог сказать много резких,: порой обидных слов. И все же Вознесенский обладал большой; человечностью, высоко ценил в людях честность, аккуратность, ис- < полнительность, помогал своим сотрудникам. Николай Алексеевич не признавал никаких компромиссов и его слова никогда не расходились с делами. Это был человек с чистой душой, у которого[1] отсутствовали иные интересы, кроме интересов нашей Родины, народа и партии.

Г. И. Маленков.

Из всех руководителей сталинского окружения, с которыми мне приходилось иметь дело, Маленков был самым скрытным человеком. Довольно хитро он занимался интригами, политиканством, стремясь показать себя при этом очень лояльным и чистосердечным. С обычной для него ловкостью мог подстроить любому какое-нибудь грязное дело. Сам же изображал деятеля, который способен вызывать по отношению к себе только симпатию.

Маленков не отличался какими-либо глубокими знаниями, хотя охотно брался за любое дело, которое ему поручал Сталин. Но нередко для этого у него не хватало знаний. В свое время Маленков, не закончив Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана, перешел работать в аппарат ЦК и через несколько лет сумел стать секретарем ЦК и членом Политбюро, а с самого начала войны - членом Государственного Комитета Обороны. Но отнюдь не какие-то обширные познания, организаторский талант или незаурядный ум привели его к вершинам власти, а необычайная ловкость, изворотливость, краснобайство и демагогия, тонкое чутье, с кем и когда блокироваться (долгие годы была на виду «неразрывная пара, «Берия-Маленков») и, наконец, постоянная демонстрация словами: и делами личной преданности Сталину.

Маленков всегда стремился показать свою всестороннюю осведомленность, прослыть глубоко эрудированным человеком. Как правило, он первым узнавал подробности какой-нибудь новости и* тут же рассказывал об этом в деталях Молотову, другим членам, руководства, а при удобном случае — и Сталину.

Приведу такой пример. Однажды, в январе 1943 г., когда я явился к Молотову с рядом проектов решений, у него в кабинете находился Маленков. Он читал вслух статью из одной немецкой газеты, в которой говорилось, что расширение и укрепление восточной индустриальной базы, ставшей основным центром военной экономики СССР, оказалось совершенно неожиданным для гитлеровцев. Перевод этой статьи доставил ему кто-то из работников, ЦК партии, j Маленков решил сразу же показать этот материал Молотову, а заодно и продемонстрировать свою высокую компетентность. Коммен-!

&

тируя данную публикацию, Маленков явно рисовался, изображая себя большим специалистом по экономике. Он приводил достаточно известные цифровые показатели состояния экономик СССР и третьего рейха и столь же известные пропагандистские примеры, которые мало что доказывали. Уверял, кстати, что к концу года экономика фашистской Германии, независимо от военного положения, полностью рухнет. (Между тем жизнь показала, что в силу ряда причин 1944 год стал годом наивысшего уровня немецкого военного производства.)

Перейдя к другой теме — о действиях партизан, — собеседник Молотова на основе только что полученных донесений и здесь пытался представить себя глубоким знатоком особенностей партизанской борьбы в тылу врага, излагая прописные истины «о пользе молока». Его красноречие прервал срочный вызов Молотова к Сталину.

Итак, особый интеллект у Маленкова отсутствовал, а было только жадное стремление к власти и мучительные поиски одного: как еще ближе втереться в доверие к вождю. Я уже отмечал ревностное отношение Маленкова к выдвижению Вознесенского. Зависть эта продолжалась в течение всех последующих лет, и к трагической гибели Николая Алексеевича Георгий Максимилианович основательно приложил свою руку.

Что касается активного участия Маленкова в устранении Берии в июне 1953 г., то полагаю, что оно во многом было связано с тем, что «всесильный Лаврентий» слишком много знал о своем давнем приятеле, и его неуемное и плохо скрываемое стремление стать единоличным правителем никак не устраивало тогдашнего главу Советского правительства.

Л. П. Берия.

На протяжении всей моей работы в должности управделами СНК СССР мне приходилось довольно часто встречаться с Берией. Обычно это происходило на различных совещаниях в Кремле или у него в кабинете как заместителя Председателя Совнаркома СССР. Каждый визит к этой зловещей личности таил в себе много опасного и был сопряжен с большим нервным напряжением.

Характеристику главы НКВД начну с описания одной встречи с ним. Это было в начале февраля 1942 г., т. е. на второй или третий день после моего возвращения из эвакуации. Утром по вызову Берии я оказался в его кабинете. На мое приветствие он сухо поздоровался наклоном головы и сразу перешел к делу.

— Вот проект...

Но в это время в кабинет вошел дежурный приемной и сказал:

— Любимова нет. Он дома, болен (Любимов был тогда наркомом торговли СССР).

Берия нахмурил брови и резко произнес:

— Вызовите ко мне.

— Слушаюсь, — и дежурный вышел.

Позвонил правительственный телефон «вертушка» (очевидно, Любимов). Берия снял трубку и стал слушать. На его лице была каменная холодность и надменность.

— Разве Вам надоело видеть, как садится солнце и как оно встает? — спросил Берия говорившего на другом конце провода. - Берегитесь!

Изумление и возмущение взволновали мою душу после такой откровенной и наглой угрозы.

Я внимательно всматривался в черты лица Лаврентия Берии. Он выглядел с признаками преждевременной изношенности и потасканное™. У него был бычий затылок и тяжелые плечи. Он часто поправлял пенсне, которое, казалось, составляло единственный предмет его жизненных забот. Этот с ледяным, суровым взглядом человек на словах стремился показать, что он принимает близко к сердцу неудачи наших войск, а на деле и не помышлял как-то помочь исправить положение. Он с большой самоуверенностью принимал задания по строительству оборонительных сооружений под руководством НКВД, но зачастую работы велись с опозданием и на низком уровне. Однако делать замечания по этому вопросу никто не отваживался.

Берия тонко и расчетливо занимался интриганством. В этом деле он был великим мастером. Его интриги наиболее проявлялись в отаошении равных, но неугодных ему людей. Особенно он упорствовал в своем стремлении «подсидеть», дискредитировать Вознесенского, ибо видел в нем главного соперника. И, как я уже отмечал, в этом недостойном занятии Берии постоянно помогал такой опытный интриган, как Маленков.

Все существо Лаврентия Берии было отравлено желчью, а жизнь наполнена злобой, завистью, низменными инстинктами и глумлением над зависимыми от него людьми. Он всячески выслуживался перед Сталиным, стремясь выглядеть перед ним в хорошем свете, и в этом направлении заметно преуспел. Сталин относился к Берии довольно благосклонно, видимо, считая что этот человек не только очень честный, но и ясномыслящий, хладнокровный и рассудительный государственный деятель, к тому же весьма преданный вождю.

На заседаниях Совнаркома, когда обсуждался какой-нибудь вопрос, Берия не стеснялся громко произнести соответствующую реплику или дать оценку тому или иному заявлению — «правильно!», «хорошо!». Он умел то придать себе гордую осанку, устрашающий неприступный вид, то надеть маску торжественности, благожелательности и приветливости. Глава НКВД перенес на общегосударственную арену все те приемы и методы, которые используют хитрые и жаждущие власти вероломные люди: изворотливость, наглость и дерзость, расчетливость карьериста и изменчивость хамелеона. Берия всегда был готов на любую клевету, интригу или наушничество. Его

все боялись, как не принимавшего никаких объяснений. Только страхом держал он в узде весь подчиненный ему аппарат.

Но вернемся к той встрече с Берией в его кабинете. После угроз, высказанных по телефону, он повесил трубку и посмотрел на меня остекленелым взглядом.

— Вот проект постановления по углю, — обратился ко мне Берия. — Проголосуйте его с замами и быстрее выпускайте. Без задержки!

— Постараюсь.

— Вам придется сделать это сегодня, — возвысил он голос.

Я еще раз повторил, что постараюсь.

После этого Берия дал мне новое задание — подобрать к нему в секретариат дополнительных сотрудников. Между тем Берия и так имел самый большой и квалифицированный секретариат, подобранный из опытных работников Госплана и наркоматов. Чтобы задобрить их, сделать послушными и лично преданными, он стремился по всякому поводу и без повода представлять угодных ему работников к правительственным наградам. Сам Берия не очень-то утруждал себя работой. Но если уж занимался каким-либо вопросом, то шуму вокруг этого было много...

Взяв бумаги, я вышел из кабинета и отправился к ***Л. М. Кагановичу.*** (Заодно и ему дам небольшую характеристику). Лазарь Моисеевич в это время распекал за какое-то упущение своего помощника Клементьева. Каганович — высокий, плечистый мужчина с толстыми усами и тугой словно слитки мускулатурой — так сильно кричал, как будто перед ним была стотысячная толпа. Наконец, он «выкричался» до хрипоты, и Клементьев, понурив голову, вышел из кабинета.

— С возвращением, — сказал Каганович и многозначительно добавил: Вот видите, чтобы привести того или иного работника к чувству ответственности, требуется грудь порвать, т. е. накричать, наорать на человека и лишь тогда он возьмется и сделает.

Я пожал плечами: «Этот метод далеко не всегда эффективен».

— О, нет. Вы не знаете этих людей. Когда человек бежит от самих трудностей, для него требуется воздействие посильнее. Дать бы ему коленкой в нижний этаж - наверное, понял бы сразу. А еще лучше - заехать ему кулаком в фасад.

— Для меня это непонятно, — проговорил я.

Каганович бросил на меня сердитый взгляд. Мне уже было известно, что в этот ответственный период он находился как-то в стороне от больших дел, тяжелые дни переживал возглавляемый им железнодорожный транспорт. Если Кагановичу и поручалось что-то, он проявлял больше нервозности, суетливости, шума, крика, чем достигал результатов. Кроме суетни, можно было наблюдать многочисленные заседания, совещания, которые он проводил впустую. Каганович во всю рисовался, уверяя всех, что хорошо знает, как

улучшить. Таковы они, — и сделал спокойное лицо. Но подавал пасьмо наркомпутей сообщений сообщение вслух. — Мне все уже доложили работники Госплана. Разрешите позвонить в Госплан, в комиссию по проектам и к Вам. Я хочу посмотреть и увидеть расследование Комиссии по делам возлагается Берия поручить НКПС сегодня же получить все визы замов и дать Каганович Сталину проект и стал взвешивать его на ладони.

Вознесенский объяснил, что мы будем рассматривать выде

И принялся листать документ.

— О, да тут столько заданий навтыкали, что для выполнения их надо несколько НКПСов. А Вознесенский смотрел проект?

Я ответил, что не смотрел, но Берия представил проект и просил сегодня оформить.

— Берия! — громко и многозначительно произнес наркомпуть.

Он поднял трубку «вертушки» и набрал номер.

— Лаврентий Павлович! Мне на голосование принес Чадаев проект по углю. Но ведь с моими специалистами документ никто не рассматривал, я вижу тут много нереальных заданий, и я прошу...

На последнем слове Каганович остановился. Берия сначала тихо, а потом громко стал кричать что-то в трубку.

— ...Я понимаю, что НКПСу все помогают и Вы в первую очередь, но... Я хочу сказать...

Каганович опять запнулся и продолжал слушать то, что выкрикивал Берия.

— Ну, хорошо, — сказал Каганович, повесил трубку и немного задумался.

У Кагановича была болезненная страсть к славе. Во имя этой славы он мог пойти на что угодно. Часто проявлял беспринципность и трусоватость, что продемонстрировал и на этот раз. Нельзя отнять у человека того, чего ему не дано. Он принадлежал к людям, которые[1] живут напоказ. Он умел много говорить и ничего не сказать. ’

После минутного колебания Каганович завизировал проект.

ККогда затем я пришел в кабинет Вознесенского, он в присутствии нескольких работников Госплана читал вслух какой-то документ..

Прервав чтение, Николай Алексеевич спросил:

− У Вас что-нибудь срочное?

Да, срочное. Лаврентий Павлович просил Вас проголосовать вот этот проект постановления по углю.

И я положил перед ним текст.

ление Наркомуглю большого количества материалов из резервного фонда Совнаркома. По многим материалам забирается подчистую почти весь резерв, а по некоторым даже больше, чем имеется в резерве. А ведь год только еще начался. Он повторил, что не может завизировать документ. Так я и должен доложить Берии.

Мне было ясно: то, что замышляет и говорит против него Берия в целом Вознесенский об этом знал. Но он не понимал, что рано или поздно с ним сведут счеты. Он считал, что кривить душой не станет ни при каких обстоятельствах. Я уже отмечал: Вознесенский — человек был нравственно стойкий, критически мыслящий и принципиальный...

Будто на казнь я шел к Берии. Он разговаривал по телефону и дал мне знак подождать.

— Ну, как, вы решили взяться за ум? — спрашивал кого-то по телефону шеф карательных органов страны. — Слушайте, раз не можете это сделать, Вы не только негодяй, но и глупец!

Чтобы пристращать или запугать собеседника, Берия чуть отвлекся от трубки и, будто бы с кем-то советуясь или спрашивая кого- то, но так, чтобы человек на другом конец провода слышал, четко произнес:

— А не арестовать ли его; мать твою?

Услышав эти слова, телефонный собеседник Берии, естественно, пришел в замешательство и тут же от страха пообещал сделать возможное и невозможное.

— Ну, вот так бы и сказали сразу. А то крутите... Раз ясно, действуйте. До свидания.

Берия бросил на меня недобрый взгляд, молча кивнул головой — докладывай, дескать.

Я сказал, что Вознесенский проект по углю не завизировал и предлагает поставить его на обсуждение Комиссии по текущим делам.

Берия пришел в неописуемую ярость. Обрушив на меня целый поток угроз, он буквально прорычал:

— Вы будете делать только то, что я прикажу! Выпускайте решение без визы Вознесенского! Слышите, и немедленно, если не хотите отправиться туда, куда следует!..

Я шел по коридору, ничего не замечая и не зная, что мне делать. Пошел к Молотову. Выслушав меня, Вячеслав Михайлович сказал, чтобы я оставил у него проект, и он потом скажет, что делать.

Поздно вечером я получил от Поскребышева этот проект, подписанный Сталиным. В него были внесены поправки по выделению из резервного фонда Совнаркома тех материалов, по которым задания превышали наличие этих материалов в резерве. Решение за ночь было напечатано и утром разослано.

Л. З. Мехлис.

Среди тех, кто составлял ближайшее окружение вождя, не могу

не уделить некоторое внимание и Мехлису. Накануне войны Лев Захарович был членом Оргбюро ЦК ВКП(б), начальником Главного Политуправления РККА, затем — наркомом Госконтроля СССР. В 1941 г. вновь возглавил ГлавПУ Красной Армии и стал даже заместителем наркома обороны СССР.

В жизни я не встречал человека с более сложным и противоре- ' чивым характером. Я также никогда не слышал от кого-нибудь добрых слов о нем или похвальных оценок его работы. Высокий, сухопарый, какой-то нервный, с желтоватым лицом, никогда, казалось, не выпускающий папиросы изо рта, он всегда старался показать себя предельно исполнительным, жестким и решительным.

Мехлис был вхож к Сталину, пользовался у него определенным авторитетом и доверием. В глазах Сталина Мехлис был отважным, настойчивым, трудолюбивым и верным. В присутствии Сталина он не стеснялся употреблять резкие слова. В своем ведомстве Льву; Захаровичу часто не хватало естественности в обращении с людьми., Но этому не стоит удивляться, ибо Мехлис не отличался высокой культурой, был более невежественным, чем интеллигентным. А невежество чаще всего делает человека злым и низким.

С помощью Мехлиса Госконтроль в стране был организован так, как его мыслил Сталин. Был нарушен важнейший ленинский принцип о вовлечении широких масс трудящихся в работу органов контроля. Фактически оказалась ликвидированной существовавшая ранее разветвленная сеть групп содействия органам Госконтроля. Положение о Наркомате Государственного Контроля (1940) даже не предусматривало привлечение трудящихся к участию в контроле. В соответствии с установками Сталина нарком Госконтроля Мехлис начал свою деятельность с изоляции аппарата Госконтроля от других советских организаций и учреждений. Он строил работу Наркомата Госконтроля так, чтобы все ревизии и проверки производились только силами контролерского состава Наркомата Госконтроля СССР и союзных республик. Запрещалось под каким бы то ни было предлогом привлекать для участия в различных ревизиях и проверках, работников других организаций. Так грубо искажалась идея В. И. Ленина об организации и методах работы органов контроля. '

В предвоенные годы Мехлис в ранге армейского комиссара 1-го , ранга проявил большое усердие по выявлению и «выкорчевыванию» из рядов Красной Армии «врагов народа», о чем он с удовлетворением докладывал в своем выступлении на XVIII съезде ВКП(б). С. началом Великой Отечественной войны по его инициативе на промышленных предприятиях и учреждениях были проведены партий-; ные мобилизации в действующую армию 132 тыс. коммунистов и комсомольцев, как правило, не имевших соответствующей военной j подготовки. Многие из них погибли, оказавшись на самых опасных, участках боевых действий.

В мае 1942 г., будучи представителем Ставки ВГК на Крымском*

фронте, Мехлис не сумел обеспечить организацию обороны. Проявив удивительную самонадеянность, он стал вмешиваться во все дела и по существу стал во главе командования. За короткий срок Мехлис перетасовал всех командиров. Даже такой крупный военный деятель, как маршал С. М. Буденный (он в это время был главкомом войсками Северо-Кавказского направления, а затем командующим Северо-Кавказским фронтом) не мог ничего сделать и призвать к порядку Мехлиса. Последний никому не хотел подчиняться, заявляя, что он назначен Ставкой и только перед ней должен отчитываться. Начатое противником наступление закончилось полным поражением советских войск...

Днем 3 июня 1942 г. я зашел в приемную Сталина, где встретил Мехлиса. Передо мной стоял усталый, осунувшийся, ничем, казалось, особенно не выделяющийся человек.

Сталина в кабинете еще не было. Поскребышев сидел, склонившись над бумагами, подбирая их для доклада Верховному.

— Сегодня у «хозяина» очень занятой день, — сказал он. — Сколько неприятных донесений — черт бы их побрал!

Мехлис заинтересованно устремил взгляд в сторону Поскребышева, но Александр Николаевич молчал.

— Вероятно, что-нибудь неприятное произошло на фронте? - спросил Мехлис.

— Вам больше знать, ведь Вы только что с фронта прибыли...

— Да, с фронта. И я хочу доложить товарищу Сталину о наших злополучных делах.

— К сожалению, именно злополучных. Теперь и Севастополь под угрозой, — вот-вот падет, а затем могут последовать и другие неприятности.

Поскребышев сердито добавил:

— Видимо, руководство операцией было не на высоте. Товарищ Сталин очень недоволен, что Керчь прошляпили. Ведь сил и техники там хватало, чтобы дать немцам по зубам.

Мехлис покраснел и заявил в ответ, что со стороны всегда все кажется иначе и что он все объяснит товарищу Сталину.

— Вы, вероятно, считаете, — вмешался я, — что причины нашего поражения под Керчью объективные, вызванные только обстоятельствами сложившейся обстановки?

— Что, что Вы сказали?

Я повторил свой вопрос, добавив, что допущенный провал очень мало объясним, с моей точки зрения. Все довольно ясно.

— Именно с Вашей точки зрения! — иронически и зло изрек Мехлис. — Вы же не военный, а я кадровый военный работник! Как Вы можете..!

Но в это время в дверях появился Сталин.

Мехлис соскочил с места.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Разрешите Вам доложить.

Сталин чуть приостановился, на мгновение взглянул на Мехлиса сверху вниз и с волнением в голосе произнес:

— Будьте Вы прокляты!

И тут же вошел в кабинет, захлопнув за собой дверь.

Мехлис медленно опустил руки по швам и отвернулся к окну...

Я понял, что ждать не стоит, и вышел из приемной. Как потом . я узнал от Поскребышева, Мехлис какое-то время спустя был все же принят в тот день Сталиным. Виновник крымской катастрофы буквально валялся в ногах у вождя. И представьте - смог избежать вполне заслуженной суровой кары. Он был снят со всех постов и понижен в воинском звании, но уже через месяц стал членом Военного совета 6-й армии, затем членом Военного совета Воронежского и ряда других фронтов. А в 1944 г. Мехлис снова получил повышение . в воинском звании, став генерал-полковником.

Закончу мой небольшой рассказ об этом приближенном Сталина таким эпизодом, который я тоже записал. Вечером 21 января 1943 г. в Большом театре должно было состояться торжественнотраурное заседание, посвященное XIX годовщине со дня смерти В.И. Ленина.

В кулуарах перед заседанием я встретился с генералом' А. В. Хрулевым, А. Н. Поскребышевым и известным хирургом профессором А. Н. Бакулевым. Наш разговор сразу зашел о Сталин-[1] градской битве, о героических делах защитников великого города. Уже раздался второй звонок, но мы не спешили в зал. И вот мимо, нас прошел Мехлис и сухо произнес: «Здравствуйте».

— Кажется, это прошел Мехлис, - сказал Бакулев.

— Да, это он, — подтвердил Хрулев. — Ничтожный человек. При виде его у меня постоянно остается ощущение зубной боли. Унылый у него вид и злобный характер. И на слово скупой, неприветливый и лицом незначительный — только и помнится такой его вид, будто он собрался кому-нибудь свернуть шею.

— Вот как! — удивился Бакулев.

— Я бы его близко не подпускал к военным делам, - твердо и, убежденно заявил Хрулев.

А. И. Микоян.

Все, кто работал рядом с Анастасом Ивановичем Микояном, включая и меня, в один голос отмечали в нем прежде всего такие черты, как простота и доступность, преданность делу, острый ум, большая компетентность во многих вопросах и, наконец, высочайшая организованность и неутомимость в работе. Во время войны на удивление многим он успешно справлялся со всеми постоянными и временными нагрузками, которые легли на его далеко не богатырские плечи. А было этих должностей у него не менее десятка.

С самого начала фашистской агрессии партия и правительство возложили на Микояна контроль за обеспеченностью Вооруженных Сил

фронт боеприпасов и вещевого имущества. Кроме того, как уполномоченный, а затем и член Государственного Комитет Обороны Микоян ведал заготовками и импортом для Красной Армии, внешней и внутренней торговлей; в его ведении находился морской и речной флот. Он принял самое активное участие в перемещении в тыл из угрожаемых районов производительных сил страны, являясь членом Совета по эвакуации (1941), Комиссии по эвакуации (1942), председателем Комитета по эвакуации из районов прифронтовой полосы запасов продовольствия, сырья, промышленных товаров и др. (1941), председателем Комитета по разгрузке транзитных грузов (1941-1942) и т. д.

В первую военную зиму, которая, как известно, была очень лютая и снежная, острым вопросом было обеспечение наших воинов теплым обмундированием и валяной обувью. Большой вклад в решение этой важной военно-хозяйственной задачи внес Анастас Иванович.

Вплотную занимаясь вопросами снабжения армии, он ежедневно следил за доставкой продовольствия населению Ленинграда, который в первые годы войны оказался в условиях жесточайшей вражеской блокады. Энергичное и авторитетное вмешательство Микояна помогало ускорять доставку необходимых грузов.

В работе по снабжению Красной Армии продовольствием и вещевым довольствием Микояну непосредственно помогал мой заместитель по секретариату Совнаркома СССР Михаил Сергеевич Смиртюков. Решая эти проблемы, Анастас Иванович имел постоянную и тесную связь с фронтами и армиями, сам не раз выезжал в районы боевых действий. В его кабинете часто можно было встретить начальника Тыла Красной Армии генерала А. В. Хрулева, которого Микоян глубоко уважал.

В течение всех военных лет он усиленно занимался и развитием общественного питания. Было открыто большое количество столовых на промышленных предприятиях и учреждениях. Общественное питание стало для многих рабочих и служащих основной формой питания во время войны.

Анастас Иванович был внимательным к людям, умел вовремя ободрить человека, помочь ему в преодолении трудностей. Все, кто трудился вместе с ним, знали, что он строг и требователен в работе. Но вместе с тем они знали, что честному, добросовестному человеку он всегда окажет помощь и поддержку. Не раз и я получал от него добрые советы.

Справедливая требовательность, жесткая дисциплина, непримиримость к расхлябанности, к нечестным и недобросовестным людям, чуткая забота о тружениках тыла и воинах Красной Армии принесли Микояну огромное уважение в широких слоях народа.

Н. А. Булганин.

Николая Александровича Булганина я впервые встретил в августе

1937 г. в кабинете Г. М. Маленкова. Булганин работал тогда председателем Совнаркома РСФСР и сразу произвел на меня весьма приятное впечатление. В июле 1938 г. в результате состоявшихся выборов в Верховный Совет РСФСР я стал его депутатом. Мне шел тогда тридцать четвертый год. На первой сессии Верховного Совета РСФСР я вошел в состав правительства Российской Федерации в качестве председателя Госплана РСФСР. Главой же правительства республики был утвержден Н. А. Булганин.

С этого времени и развернулась наша совместная работа. После каждого выходного дня она начиналась с вызова к председателю СНК РСФСР. Булганин по натуре интеллигентный человек, довольно строго спрашивал о состоянии дел и без каких-либо упреков указывал на ошибки, давал нужные советы. В простой и достаточной пониманию форме он говорил о необходимости проявления чуткости к новым явлениям жизни, чтобы лучше решались первоочередные задачи, стоявшие перед наркоматами и ведомствами.

В последующем, когда я стал заместителем председателя Комиссии Советского Контроля (КСК), а затем и управделами СНК СССР, Николай Александрович уже как один из заместителей Председателя Совнаркома СССР нередко привлекал меня к выполнению важных поручений правительства. В частности, по его заданию мне пришлось на месяц отключиться от дел в КСК и заняться вопросами, сокращения штатов снабженческо-сбытового аппарата наркоматов и ведомств.

С начала Великой Отечественной войны был направлен в действующую армию в качестве члена Военного совета Западного фронта, Западного направления и позднее - ряда других фронтов. Кабинет Н. А. Булганина в его отсутствие никем не занимался, и когда[1] Николай Александрович изредка приезжал в Москву, то заходил в кабинет и занимался своими делами. '

Вечером 18 июня 1942 г., когда я находился у Н. А. Вознесенского! в связи с подведением экономических итогов первого года войны,! позвонил кремлевский телефон. Вознесенский взял трубку и, обра-! тившись ко мне, сказал, что меня просит зайти Булганин, который) через час уезжает на фронт. •

Полагаю, что моя запись этой встречи с Булганиным будет не-t безынтересной для полноты его характеристики. Тем более что речь! в ней пойдет и о ***Н. С. Хрущеве.*** \

Булганин, Как и прежде, встретил меня тепло и приветливо.; Только, видимо, забыл мое отчество и называл меня Яковом Еремеевичем. Он попросил меня помочь его помощнику В. И. Савкину! решить ряд вопросов. Сам же Булганин вновь отбывает на фронт.' Николай Александрович добавил:

— Был у товарища Сталина. Он чуть было не поручил мне одно' деликатное дело. !

Я тут же поинтересовался, что это за дело? !

— По расследованию причин провала Харьковской операции. Поскольку тут дело касается Н. С. Хрущева, а мы с ним в какой-то мере приятели, я еле упросил товарища Сталина не давать мне этого поручения. Он долго не соглашался, а потом все-таки уважил мою просьбу. При разговоре со мной уж очень неодобрительно отзывался Верховный об этой операции, которая закончилась трагически с огромными для нас потерями. Неудача под Харьковом нанесла и большой моральный удар советским людям.

После некоторой паузы Булганин заговорил еще более откровенно:

— Тяжелый человек этот Никита Сергеевич. Все в его представлении всегда предельно просто — из невозможного сделать возможное. Худо ли, плохо ли, но эта операция была проведена по настоянию Военного совета Юго-Западного направления и фронта. Оказалось, что подготовляемое наступление наших войск не явилось неожиданным, внезапным для противника. Уже только это. не могло гарантировать ее успешный исход. Одной из главных причин данной катастрофы, по мнению товарища Сталина, явилась явная недооценка Военным советом Юго-Западного направления сил врага. Эта ошибка усугублялась тем, что Военный совет направления проявил большое упорство, наслаивая на своей правоте, хотя на заседании Ставки Верховного Главнокомандования, на котором присутствовали маршал С. К. Тимошенко и генерал И. Х. Баграмян и раздавались голоса, трезво оценивавшие реальную обстановку на харьковском направлений. И Ставка, видя настойчивость и решимость командования Юго-Западного направления, согласилась с его предложением разгромить имевшимися в его распоряжении силами и средствами харьковскую группировку противника и освободить весь промышленный район. Она доверилась докладу командования, опыту и авторитету маршала Тимошенко и многократным заверениям члена Военного совета Хрущева, считая, что «на месте виднее». Если бы оценка была правильной и отражала действительное соотношение сил под Харьковом, Ставка ВГК приняла бы энергичные меры, чтобы усилить группировку наших войск и упредить удар врага. Все здесь обстояло бы по-иному.

— А кому же товарищ Сталин поручил миссию относительно Хрущева?

— Думаю, что он, наверное, никому не поручит. Дело в том, что товарищ Сталин всегда поддерживал Никиту Сергеевича. Некоторые соратники высказывали недовольство Хрущевым. Хотя товарищ Сталин соглашался с ними и, в частности, даже говорил о том, что Хрущев не может разбираться в статистических данных, не может анализировать их и оперировать ими, но, подчеркивал товарищ Сталин, нам приходится мириться с ним. Дело в том, что у нас в составе Политбюро ЦК только двое собственно из среды рабочих — это Хрущев и Андреев, ну, может, еще и Калинин.

Подумав немного, Булганин добавил:

— Мне кажется, именно эти соображения удержат товарища Сталина от принятия и на этот раз каких-либо крутых мер в отношении Хрущева. Ведь товарищ Сталин способен беспощадно критиковать любого руководителя, но в то же время ему хочется, чтобы человек понял свою ошибку, исправил ее... Для меня, как, видимо, и для товарища Сталина ясно, что Хрущев хотел сделать как лучше. Было бы уместно и, пожалуй, справедливо отдать ему должное в этом. Он самоучка, видимо, мало читает, но несомненно одно — он хороший организатор. Смел, не боится новых начинаний. Однако не всегда его начинания оказывались обоснованными. Так получилось и в Харьковской операции: далеко не все оказалось тщательно продуманным, слабо был прощупан противник. Конечно, если бы наступательная операция удалась, она сразу же во многом изменила бы ход Великой Отечественной войны.

Булганин тяжело вздохнул и глубоко задумался. Потом посмотрел на часы и сказал:

— Ну, мне скоро уже пора. Так я Вас очень прошу помочь товарищу Савкину.

Я еще раз заверил Николая Александровича, что сделаю максимально возможное, и мы тепло попрощались.

В. Н. НОВИКОВ

Конец 80-х — начало 90-х гг. XX века было в нашей стране бурным, во многом непредсказуемым временем, когда горбачевская «катастройка» все более обнажала свою сущность, продолжался процесс подтачивания и разрушения СССР, организовывались «пустые полки» в магазинах, падала дисциплина на предприятиях и в учреждениях, снижался жизненный уровень населения, вспыхивали «стихийно организованные» митинги и шествия...

Характерным явлением этих лет в общественной жизни, в том числе научном мире было проведение так называемых «круглых столов», на которых их участники сообщали жадной до сенсаций аудитории немало доселе неизвестных и интересных фактов и документов, многие из которых еще до недавнего времени находились в закрытых архивных фондах, были под строгим запретом. Но на подобных заседаниях некоторые ораторы рассказывали и истории из разряда «жаренных домашних заготовок», не подкрепленных серьезными свидетельствами, документальными источниками.

Вот на один такой «круглый стол», проводившийся в марте 1989 г. в Институте военной истории Министерства обороны СССР, был приглашен и я как член его Ученого совета. На этом мероприятии присутствовал заместитель наркома вооружения СССР военных лет, Герой Социалистического Труда, генерал-майор инженерноартиллерийской службы Владимир Николаевич Новиков.

В последние десятилетия он занимал крупные государственные посты: в середине и во второй половине 50-х гг. — заместитель министра оборонной промышленности СССР, первый заместитель министра общего машиностроения СССР, затем заместитель Председателя Совета Министров РСФСР и председатель Госплана РСФСР. А в 60-х — 70-х гг. — министр СССР, заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Высшего Совета народного хозяйства СССР и председатель Госплана СССР...

Словом, фигура довольно известная и авторитетная.

Когда Новиков взял слово, зал замер в ожидании чего-то особенного сверхинтересного. И, пожалуй, не ошибся. В начале своего выступления он охарактеризовал на конкретных данных критическое положение, в котором оказался Советский Союз в первые страшные трагические месяцы сорок первого года и сопоставил это положение с ситуацией, сложившейся в стране к концу 80-х гг. А затем на конкретных примерах, многие из которых нашли незначительное отражение в открытых документах, В. Н. НОВИКОВ показал, какие энергичные меры принимало советское высшее руководство и

лично И. В. Сталин, чтобы преодолеть небывалые трудности, вставшие перед страной. Он рассказал, как же удалось наладить массовое производство боевой техники и вооружения, переломить ход борьбы и одержать над таким мощным противником Великую Победу. «Вот таких усилий, хорошо продуманных действий по преодолению опасных тенденций, которые угрожают нашей национальной безопасности, самому существованию Советского государства, мы сегодня со стороны нынешнего нашего руководства что-то не видим и не ощущаем», — сказал в заключении В. Н. НОВИКОВ и перешел к ответам на поступившие вопросы.

По окончании «круглого стола» я познакомился с Владимиром Николаевичем и пригласил его в удобное время приехать к нам в Отдел истории Великой Отечественной Института истории СССР АН СССР и выступить перед коллективом в порядке ответов на вопросы. Он дал согласие, и эта встреча состоялась 2 июля 1989 г. Она прошла исключительно интересно. Владимир Николаевич оказался прирожденным оратором, быстро завоевал аудиторию, и каждый из нас почерпнул для себя немало нового или забытого. Я убежден, что в нашей памяти встреча с этим удивительно простым и обаятельным человеком, одним из достойных командиров советской военной экономики 1941—1945 гг. сохранится на долгие годы...

Ответы замнаркома вооружения СССР военных лет, Героя Социалистического Труда, генерал-майора инженерно-артиллерийской службы В. Н. НОВИКОВа на вопросы сотрудников Отдела истории Великой Отечественной войны Института истории СССР АН СССР

(Из магнитофонной записи) *2 июля 1989 г.*
г. Москва

Г. А. Куманев: Уважаемые коллеги! Дорогой Владимир Николаевич! Разрешите открыть сегодняшнюю встречу с Героем Социалистического Труда, заместителем наркома вооружения военных лет, видным государственным деятелем Владимиром Николаевичем Новиковым.

Все мы очень рады этой встрече. От имени коллектива отдела я, сердечно приветствую нашего дорогого гостя и я прошу Вас, Владимир Николаевич, принять самые добрые пожелания прекрасного здоровья, больших успехов и благополучия.

Мы договорились по желанию Владимира Николаевича с такой процедурой сегодняшней встречи: никакого доклада он делать не

будет, а постарается ответить на интересующие нас вопросы. Таким образом, мы проведем что-то вроде «круглого стола». Эта форма заседания становится все более популярной в наши дни. Пользуясь предоставленной возможностью, позвольте многоуважаемый Владимир Николаевич, задать Вам первый вопрос: как Вы стали заместителем народного комиссара вооружения СССР? Как, в каких условиях и при каких обстоятельствах это произошло? Мы знаем, что позади у Вас богатая трудовая жизнь, что Вы достойно прошли большой путь от простого инженера до заместителя Председателя правительства СССР, стали и Героем Социалистического Труда. Но нас особенно интересует из Вашей биографии конец 30-х годов и период Великой Отечественной войны.

В. Н. Новиков: Благодарю Вас. уважаемый Георгий Александрович, за пожелания, добрые слова в мой адрес. Конечно, мне есть о чем вспомнить и что рассказать о том сложном, очень трудном и вместе с тем героическом времени, которое Вас интересует особенно.

Начну свой рассказ с того, что в 1928 г. я поступил на Ижевский завод, где вначале работал в отделе труда и зарплаты, а потом стал конструктором-чертежником в опытном производстве мотоциклов. Мотоциклетное дело на заводе развивалось довольно быстро, и вскоре Ижевск стал настоящей «мотоциклетной кузницей». Однако разразившаяся война заставила коллектив Ижевского завода перейти на выпуск другой продукции. И производство мотоциклов возобновилось там только после войны.

Но я, пожалуй, уже несколько забежал вперед и вернусь к событиям предвоенных лет.

Какое-то время мне довелось потом работать в конструкторском бюро охотничьих ружей и в отделе, занимавшемся молодыми специалистами. А когда по инициативе молодых техников при поддержке дирекции и партийной организации на Ижевском заводе был организован Вечерний институт — филиал Ленинградского военно-механического института, — я стал одним из его первых студентов. В 1934 г. учеба в институте завершилась, и я получил диплом инженера, даже с отличием.

В 1937 г. меня перевели на должность начальника технического отдела, а в самом начале следующего года я стал главным инженером завода. Шел мне в ту пору только тридцать первый год.

Те годы и ряд последующих лет были временем очень повышенного внимания правительства к техническим вопросам. В стране развернулась реконструкция многих предприятий оборонной промышленности, в том числе и нашего Ижевского завода. Объем его реконструкции даже по современным меркам достаточно велик и оценивался в масштабе довоенных цен в 1 млрд. 200 млн. рублей.

В начале 1939 г. в жизни нашего трудового коллектива произошло еще одно важное событие. По решению правительства и приказом только что образованного Наркомата вооружения СССР Ижевский

завод-гигант был поделен на два завода: машиностроительный и металлургический. Причем на первом из них занимались изготовлением винтовок, охотничьих ружей, станков, мотоциклов, а на втором — производством стали, проката, проволоки, ленты, крупных поковок, за ними была и вся энергетика. Директором машиностроительного завода назначили меня, а металлургический завод возглавил Дворецкий, который до этого являлся начальником сталелитейного производства.

Процесс разделения завода протекал не столь уж гладко. Из наркомата даже потребовали, чтобы оба завода отгородились друг от друга забором. Его соорудили, но просуществовал он где-то около полугода.

Жизнь показала, что разукрупнение Ижевского завода было правильным решением. Работали мы с Дворецким слаженно, хорошо понимали друг друга.

Последние перед войной мирные годы и месяцы были временем огромного напряжения. Мы, трудившиеся непосредственно на оборонных заводах, наращивали темпы выпуска вооружения, боевой техники, боеприпасов, чтобы максимально удовлетворить потребности армии. Большая работа в этом направлении, развернувшаяся в 1940 г., была продолжена и в следующем 1941 г. Но тут грянула война. А вскоре состоялось и мое новое назначение.

Остановлюсь на тех событиях немного подробнее. Помню, как рано утром 22 июня 1941 г. я отправился на рыбалку на заводское озеро. Хотя я не заядлый рыболов, но надо было немного побыть на свежем воздухе и отдохнуть. Но не успели мы отъехать на лодке от берега несколько километров и забросить удочки, видим: прямо на нас летит катер. На нем находились дежурный по заводу и рулевой. Оба сильно взволнованы и кричат: «Владимир Николаевич, война!».

Прямо в рыбацкой одежде я явился в заводоуправление. Там уже были первый секретарь обкома партии Чекинов, начальник управления внутренних дел Кузнецов и ряд других партийных и советских руководителей. Все ждали меня, потому что именно в моем сейфе директора машиностроительного завода находился мобилизационный план. В случае войны его требовалось вскрыть и им прежде всего руководствоваться.

Вскрываю пакет и достаю секретный документ с директивными указаниями.

Ю. К. Стрижков: А что конкретно представлял из себя этот мобилизационный план?

В. Н. Новиков: Мобпланы были в наркомате, в главках и на предприятиях наркомата.

Мобилизационный план, хранившийся на нашем заводе, содержал цифры по выпуску вооружения на первый год войны. (А дальше, мол, видно будет.) Что он в себя включал? Количество выпускаемого оружия в первый год войны. Допустим, Ижевск выпускал 2 тыс.

винтовок в сутки, а требовалось по мобплану довести их ежесуточное производство до 5 тыс. на первый год войны.

Производство же охотничьих ружей, мотоциклов и некоторых других необоронных изделий машиностроительный завод должен был прекратить.

В мобплане предусматривалось также, чтобы в стратегическом запасе находились все виды сырья и материалов, из которых требовалось изготавливать винтовки и ряд других видов военной продукции. Исходили при этом из того, что вдруг мы лишились сырьевой базы: нет сырья, нет металлов, нет химикатов, нет топлива, нет того, нет другого и т. д. Все было в мобилизационном плане конкретно расписано. Если нет металла, на складе должен быть запас металла на полугодие. Мало того: кроме самого металла были заготовки на каждый операционный переход на производстве. Допустим, чтобы сделать ствольную коробку, требовалось 70 операций. На каждую операцию был запас на 30—40 дней работы. Значит, если, к примеру, завод ничего не получает на операцию в течение 3—4 суток, то сразу может использовать моблзапас, чтобы не прекращать или не снижать выпуск продукции.

Известно, что необходимое количество лака используется для покрытия с внешней стороны деревянных частей винтовки (ложа, приклад). Мы же сами лак не делаем. Поэтому предусматривалось иметь мобилизационные запасы лака, а также химикатов, запасы того, что необходимо для термической обработки металла. Необходимо было иметь запасы и для металлургии. Вот, скажем, наш завод военный, ему в мирное время давали 80% качественного металла для изготовления вооружения. Поэтому мы обязаны были иметь запасы молибдена и т. д., т. е. всех элементов, необходимых для добавки при изготовлении качественной стали.

Надо было также иметь запасы чугуна, запасы металлолома и др. Все должно быть в моблзапасе на пол года. Такое сочетание заданий по выпуску оружия и запасов сырья, материалов и постоянное обновление их по мере производства входило в мобилизационный план завода. Это было дело непростое и стоило очень больших денег. При этом надо учесть, что Ижевск работал в основном на дровах, угля почти не получал. Мы получали в мирное время 150 вагонов дров в день, чтобы завод дышал. Это было немалое количество. В лесу работало на перевозке 5 тыс. лошадей с возчиками и погрузчиками. Всего там находилось до 15 тыс. человек, чтобы обеспечить завод топливом.

В войну, по расчетам, надо было иметь 300 вагонов дров в день, чтобы завод дышал с увеличенной программой. Случались в этих условиях и перебои с дровяным топливом. Поэтому мы просили правительство помочь нам немного с углем, потому что у нас газовая станция (где было 5 генераторов) могла работать и на угле, и на дровах.

— Как вы, кто обстановка? Требуется радиосвязь, что нужно для мобилизовать лошадей для работы в лесу и вывозке дров, сколько надо вагонов, сколько надо паровозов, грузовых автомобилей и помощи

— Отвечаю, что дела идут нормально. Помощи пока не

В мобилизационном плане? Сколько надо

Таким образом, мобилизационные планы были конкретными и развернутыми, достаточно продуманными и требовали больших средств. Но правительство сознательно шло на это, чтобы с началом войны быстро получить необходимое количество оружия. Все эти данные отражались в главках и в нашем наркомате. Там знали требуемые данные по каждому заводу и отрасли в целом.

Я продолжу ответ на первый вопрос относительно моего назначения (и в какой обстановке) заместителем наркома вооружения.

Первый день фашистского нападения был на машиностроительном заводе, пожалуй, самым необычным из всех за годы войны. После выступления по радио заместителя Председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова в цехах завода состоялись митинги возмущения вероломной фашистской агрессией, звучали призывы к ударному труду на производстве. Порыв у многих рабочих и служащих был один - немедленно идти на фронт. За несколько часов от них поступили тысячи заявлений с просьбой направить добровольцами в действующую армию. Всего в течение первых дней войны ушли в ряды РККА почти все работники парткома, завкома, комитета ВЛКСМ, заводской газеты «Металлург» и многие другие. Кроме того, свыше 2 тыс. человек вступили в народное ополчение. Их места стали занимать женщины, подростки и пенсионеры, возвращавшиеся на производство.

Суток мне не хватало. Надо было побывать в каждом цехе, на каждом строительном участке. А везде свои особенности,' свои проблемы и трудности. Все цеха пришли в движение: всюду переставлялось оборудование, чтобы разместить, больше станков для наращивания мощностей и увеличения выпуска продукции...

Еду, например, туда, где расширяется объект для отстрела авиапулеметов системы Березина. Спрашиваю у начальника строительного участка:

— Когда закончите работу?

Через две недели

— Нужно ли в чем-то помочь?

— Нет, не нужно, справимся сами.

— Ну, тогда две недели — и не дня больше.

Ночью работаю в заводоуправлении с оперативными бумагами и веду прием тех, у кого не был днем и кто пришел за советом и с предложениями.

Звонок из наркомата:

.

требуется. Но прошу доложить наркому, что на заводе не знают, как наращивать производство березинских пулеметов: свои наметки есть, но каковы запросы авиационников?

Мне обещают, что обо всем будет доложено наркому и в ближайшее время я получу точные указания.

В первых числах июля 1941 г. я получил указание из наркомата 7 июля быть в Москве. Вначале подумал, что речь там пойдет о необходимости резкого увеличения производства оружия на нашем заводе. Но оказалось, что я понадобился в Управлении кадров ЦКВКП(б).

Принял меня один из руководителей управления Лелеко, который сообщил ошеломляющую весть:

— Есть мнение назначить Вас заместителем наркома вооружения СССР.

Я попытался объяснить, что нельзя мне уходить с завода, где проработал уже 13 лет, и считаю, что именно здесь мое место во время войны.

Но Лелеко заявил, что сейчас, в военной обстановке, не время выбирать место работы и что мое назначение, кстати, уже состоялось.

В заключение нашей краткой беседы он сказал, чтобы я, не теряя времени, направился в Наркомат вооружения, познакомился с новым наркомом Дмитрием Федоровичем Устиновым и приступил к работе.

Прибыв в наркомат, я сразу же направился к Д. Ф. Устинову, который был назначен наркомом за две недели до начала войны. Перед окончанием Ленинградского военно-механического института он проходил практику на нашем заводе. Поэтому сразу вспомнил меня и, пожимая руку, сказал:

— Очень рад, что будем работать вместе.

Устинов ознакомил меня с состоянием дел в наркомате, заметив, что руководство в лице его заместителей еще не все скомплектовано. Пока, кроме меня, заместителями назначены: Владимир Николаевич Костыгов (по вопросам снабжения и транспорта), Николай Дмитриевич Агеев (по вопросам строительства) и Александр Николаевич Сергеев (по вопросам патронного производства). На меня же возлагается руководство теми заводами, которые выпускают стрелковое и авиационное оружие. Это винтовки, автоматы, пулеметы всех видов, пистолеты, авиационные пушки и авиационные пулеметы, т. е. вооружение пехоты и вооружение авиации.

— Что касается состояния дел на заводах, которые Вы будете курировать, - сказал нарком, — то об этом Вас проинформирует начальник одного из главных управлений наркомата.

Выслушав его, я в свою очередь сообщил, что знаю хорошо почти всех директоров заводов, главных инженеров и многих ведущих специалистов нашего профиля и имею общее представление о поло- женйи на этих предприятиях.

— Все это очень хорошо. Это облегчит Вашу работу, — заметил. Устинов. — Но следует иметь в виду, что все, о чем Вы имели представление, было ведь до войны. А она вносит сейчас серьезные коррективы.

В конце нашей встречи Дмитрий Федорович поинтересовался,? сколько в настоящее время ежедневно выпускает авиационных пулеметов Березина мой машиностроительный завод. >

Я тут же сообщил данные. Они совпадали с теми цифрами, которыми располагал нарком.

— Да, - сказал Устинов, - на 6 июля имеются такие сведения. Но вчера я разговаривал с товарищем Сталиным, и он требует существенно увеличить их выпуск. Подумайте, как это лучше сделать, и доложите.

Так я вступил в свою новую должность.

Г. А. Куманев: У меня к Вам имеется и такой вопрос. Как известно, за две с половиной недели до начала войны прежний нарком вооружения СССР Борис Львович Ванников по Ложному обвинению был снят с поста наркома и арестован. 9 июня 1941 г. на этот пост был назначен Дмитрий Федорович Устинов. Но когда; Ванникова уже в начале июля 1941 г. освободили, почему он не стал’ снова во главе этого наркомата, а был назначен лишь заместителем наркома?

В. Н. НОВИКОВ: Потому что наркомом вооружения был только- только утвержден Устинов. Куда же его деть? Когда освободили Б. Л. Ванникова, его заместителя И. А. Барсукова, начальника Глав-' ного патронного управления С. И. Ветошкина (он и сейчас еще живой, но уже мало что соображает) и директора завода Ф. К. Чар-: ского, они четверо прямо из тюрьмы пришли ко мне в кабинет.

А мы, т. е. новые замы, были уже назначены. Иван Антонович' Барсуков, например, до ареста являлся начальником нашего главка,;, а потом стал заместителем наркома вооружения и курировал нашу, отрасль — все стрелковое вооружение. И я бьш утвержден как раз на* его место.

Итак, они пришли ко мне со своим бывшим наркомом. Причем) Ванников прибыд от Сталина. Правда, он находился у меня в кабинете очень недолго. (Как потом я узнал; он вернулся в тюрьму, где) его привели в полный порядок и вернули кое-что необходимое из вещей и документов.)

Его коллеги рассказали мне, как произошло их освобождение.' Здесь была несомненная заслуга Бориса Львовича. Человек он был* очень умный и находчивый. (Если у нас останется сегодня время, я|» о нем кое-что еще дополню.)

— Так вот в тюрьме Ванников писал на себя все, что хотели от него* следователи, т. е. во всю оговаривал себя.

— Хотел покушение на товарища Сталина сделать?

— Конечно, хотел.

— А как хотел?

— Я собирался крупнокалиберный пулемет затащить на ГУМ, и когда товарищ Сталин будет выезжать из Кремля, дать по нему очередь из этого пулемета.

Это, конечно, форменная чушь. Но следователи старательно всю эту околесицу фиксировали. Дело его, естественно, дошло до Берии, а потом и до Сталина. И Сталин сразу отметил, что показания Ванникова - это какой-то бред, какая-то ерунда.

Далее, когда началась война, через 10 дней Сталин Ванникову в тюрьму дал задание, чтобы Борис Львович подготовил предложения, как разворачивать в новых экстремальных условиях военную промышленность страны.

Ванников написал, что он сейчас не знает, какая сложилась обстановка, но полагает, что надо в первую очередь сделать то-то и то-то. После этого Сталин вызвал его к себе. На столе у хозяина кабинета он видит свою записку, многие места были подчеркнуты красным карандашом. (Об этом Ванников сам рассказывал мне.)

В присутствии Молотова и Маленкова Сталин сказал ему:

— Ваша записка - прекрасный документ. Вы во многом оказались правы... Мы ошиблись...

Далее Сталин попросил Ванникова забыть все, что было связано с его арестом, и предложил стать заместителем наркома вооружения, в шутку добавив:

— Я ведь тоже сидел в тюрьме.

На это Борис Львович со свойственной ему прямотой ответил:

— Вы, товарищ Сталин, сидели как народный герой, а я как враг народа, германский шпион.

Сталин затем его спросил:

— А почему всякую чушь на себя писали, товарищ Ванников?

Тот отвечает:

— Чтобы не били меня и пыток не устраивали. Пусть лучше расстреляют, чем пытать меня будут.

Сталин еще спрашивает:

— Какие у Вас пожелания? Мы Вас выпускаем.

Ванников заявил:

— У меня единственное пожелание. Те товарищи, которые были арестованы вместе со мной, арестованы тоже напрасно. И их следует тоже освободить.

И он назвал фамилии этих людей.

Сталин дал указание, чтобы освободили и сослуживцев Ванникова. Они сразу ко мне четверо и пришли. О чем они меня лично попросили? Говорят, позвони Кобулову, чтобы нам вернули наши ордена, наши награды.

Я Кобулову позвонил. Мол, так и так, надо награды вернуть. Он ответил, что завтра все ордена и медали будут возвращены.

После этого Барсукова назначили снова на старую должность

заместителем наркома вооружения СССР. Как бы параллельно со мной. Нагрузок у меня было предостаточно, и мы с ним поделили, кто за что отвечает и что курирует.

Ванников тоже был назначен заместителем к Устинову. Скажу откровенно, что Ванников стиль работы Устинова не воспринимал. Он уехал на Урал будто бы на восстановление одного завода, сидел в Свердловске на заводе Фрадкина, где выпускали зенитные орудия, ездил по Уралу, помогая восстанавливать перемещенные из западной части СССР заводы.

И Ветошкина восстановили в должности начальника Главка патронного управления наркомата. Был также возвращен на прежнюю работу в качестве директора завода (правда, другого) Чарский. А потом через некоторое время, по-моему, в феврале 1942 г. Ванникова назначили наркомом боеприпасов СССР. Так что он был полностью восстановлен, потом перебрался в Наркомат среднего машиностроения, где занялся атомными делами. Умер трижды Героем Социалистического Труда.

Г. А. Куманев: А кто все же, во Вашему мнению, был сильнее как нарком — Устинов или Ванников?

В. Н Новиков: Безусловно, Ванников. У них с Устиновым был и разный стиль работы.

С Устиновым было трудно сработаться. Вот не получились у него, например, отношения с Косыгиным, не сработались они. Че-| ловек он очень резкий, вспыльчивый, иногда принимал и несколько! скороспелые решения.

Но были у Устинова и сильные стороны. Это его достаточно широкий кругозор, техническая подкованность, огромная работоспособность, решительность и энергия.

Я, например, с Устиновым привык работать. Оба мы примерно' одного возраста, почти одновременно институт закончили. Ему шел j лишь тридцать третий год, и он был самым молодым наркомом.- После моего прихода в Наркомат вооружения у нас установились довольно близкие отношения, и мы уже вскоре перешли на «ты».! Потом получилось так, что я оказался в наркомате единственным человеком, кто о промахах, ошибках Дмитрия Федоровича мог ему говорить откровенно. Остальные могли вызвать только гнев, большое недовольство наркома.

Устинов, повторяю, человек был довольно суровый. А я мог, если он надурит где-нибудь, сказать ему об этом.

Б. И. Зверев: Это было в последние годы или Вы говорите о военном времени?

В. Н. НОВИКОВ: Нет, это было еще в годы войны, т. е. задолго до того, когда Устинов стал членом Политбюро. После этого я стал с ним меньше общаться. А раньше почти каждое воскресенье мы бывали друг у друга в гостях. Дружили с ним много лет.

Что касается Ванникова, то он был более вдумчивый человек и

не принимал непродуманных и скороспелых решений. Вспоминается первый приезд Бориса Львовича в ранге наркома вооружения к нам в Ижевск после разукрупнения прежнего завода-гиганта. По тому как он детально знакомился с цехами нашего машиностроительного завода, по содержанию вопросов, которые задавал инженерам и рабочим, как беседовал с мастерами, чувствовалась его высокая компетентность, богатый опыт и заинтересованно-хозяйский подход к делу.

По окончании просмотра обоих заводов Ванников указал на отдельные недостатки в их работе, отметив, что как у машиностроителей, так и металлургов имеются большие неиспользованные резервы. При этом нарком никого ни в чем не упрекнул, ни разу не повысил голоса. Он будто советовался с нами...

И до Великой Отечественной войны, и в военные годы, и в послевоенное время Борис Львович всегда сохранял присущие ему качества выдающегося организатора оборонной индустрии, хорошего товарища, простого, чуткого и отзывчивого человека.

При исключительно серьезном подходе к делу, большом грузе ответственности Ванников обладал чувством юмора, любил пошутить, поиронизировать, рассказать остроумный анекдот. Когда мне приходилось бывать у него в кабинете, то иной раз создавалось впечатление, что он не особенно загружен делами. Но это было обманчивое представление. Просто Ванников умел, решая серьезные проблемы, шуткой, острым словцом снять напряжение, разрядить обстановку. Именно эта его манера вести беседу с какой-то непринужденностью давала повод думать, что все ему дается без особых усилий, но это было не так.

О его розыгрышах и шутках знали многие. Однажды, находясь в правительственной приемной, где был стол с закусками для ожидавших вызова, Ванников незаметно положил вилки, ножи и чайные ложки в портфель наркома финансов А. Г. Зверева. И когда после открытия заседания Зверев полез в свой портфель за бумагами, оттуда со звоном посыпались находившиеся там столовые приборы. Все рассмеялись, а Ванников сказал, обращаясь к удивленному Сталину:

— Это я пошутил, товарищ Сталин: положил к нему в портфель приборы из приемной.

Тот только улыбнулся и покачал головой.

Ванников мог, когда это особенно требовалось, своей логикой, убедительными аргументами отстоять перед руководством и лично перед Сталиным правоту вооруженцев по самым острым вопросам. Приведу характерный пример.

В 1939 г. на Тульском оружейном заводе была снята с производства винтовка системы Мосина и взамен дано указание перейти на выпуск самозарядных винтовок Токарева (СВТ). Вскоре пришло известие, что в Туле из-за производственных трудностей (ведь завод

должен был уменьшить вес винтовки, а это не так просто) завод не справился с выпуском самозарядок. Из-за этого было заменено руководство предприятия.

А в начале 1940 г. последовал звонок из Наркомата вооружения и нам было предложено прекратить производство обычных винтовок и тоже полностью освоить выпуск СВТ.

Но как можно было снять с производства обычные винтовки, которых мы выпускали уже 2 тыс. в сутки и быстро наладить в таком же количестве выпуск самозарядных винтовок? Ведь это требовало бы полностью заменить специальное оборудование.

На заводе все в один голос заявляют: снимать с производства обычную винтовку нельзя, ибо армия в таком случае недополучит много оружия.

С согласия первого секретаря обкома ВКП(б) Анатолия Петровича Чекинова лечу в Москву. Борис Львович Ванников тут же принял меня, не удивившись, что я прибыл без его разрешения. На мои доводы нарком ничего не ответил, сказал только, чтобы я никуда не уходил.

Часа через полтора Ванников вернулся необычно рассерженным, бросив с ходу:

— Снова меня не послушали. Надо снимать мосинскую винтовку с производства. Таково решение и двух правительственных комиссий.

Я буквально взмолился:

— Борис Львович, выпуск винтовки Мосина нельзя прекращать. Красная Армия может вообще без винтовок остаться. Вы же прекрасно об этом знаете.

— Я-то знаю, — ответил он, — но ты бы знал, кто на этом настаивает.

Позднее Ванников рассказал мне, как оба его заместителя — Василий Михайлович Рябиков (он был первым заместителем) и Иван Антонович Барсуков, хорошо понимая, к чему все это приведет, буквально возобновили атаки на него, настаивая, чтобы он обратился непосредственно к Сталину. Не без некоторых колебаний Ванников позвонил Сталину и очень убедительно изложил по телефону свои возражения.

Вначале Сталин заявил, что он уже в курсе дела и согласен с мнением комиссий.

Но, выслушав все сомнения наркома, задумался, а потом сказал:

— Ваши доводы, товарищ Ванников, достаточно серьезные, мы их обсудим в ЦК и через четыре часа я Вам сообщу по телефону о своем решении.

— Ровно через четыре часа Сталин позвонил (мы ждали его решения в кабинете Ванникова) и сообщил Борису Львовичу:

— Ваши доводы убедительны и решения комиссий отменяются.

Таков был Ванников.

Могу добавить, что Сталин знал цену Ванникову. Сразу же после освобождения Борис Львович (как уже здесь говорилось) был назначен заместителем наркома вооружения, а в феврале 1942 г. — наркомом боеприпасов. И в этой должности он проработал всю войну.

Хочу, наконец, подчеркнуть его выдающуюся роль в развитии промышленности вооружения, в подборе и стабилизации кадров.

Г. А. Куманев: Владимир Николаевич, а каким образом развертывалась на первых порах Ваша (наряду с другими новыми заместителями наркома вооружения) деятельность? Ведь, чтобы вникнуть в состояние дел наркомата, требовалось определенное время. Но было ли оно у Вас? Не трудно догадаться, что в условиях начавшейся такой войны, стремительно изменявшихся событий и непрерывно возраставшего объема задач его катастрофически не хватало. Как же Вы выходили из положения?

В. Н. НОВИКОВ: Да, действительно, осваивать новую должность, справляться со своими обязанностями заместителя народного комиссара вооружения было в той обстановке по началу нелегким делом.

Уже в первые дни моей работы в наркомате мне начали непрерывно звонить с заводов, конструкторских бюро, главного артиллерийского управления и других управлений Наркомата обороны, управлений Наркомата Военно-Морского Флота, командования ВВС и др. Звонили по вопросам снабжения, ускорения строительства, испытания новых видов вооружения, а также по вопросам урегулирования возникавших разногласий между производителями военной продукции и потребителями и т. д. Голова шла кругом.

Существовал тогда такой режим нашей работы: с 10 часов утра до 18 часов, потом перерыв до 21 часа и дальше с этого времени до 3 часов ночи, а нередко и до 5 часов утра. По такому графику практически работали все центральные ведомства, высшее руководство и весь партийно-правительственный аппарат.

За короткий срок я уяснил себе, что наш наркомат производит не только сложные, но и сложнейшие изделия. Кроме поставок вооружения в войска, он обеспечивал авиационную промышленность пушками, пулеметами, оптикой, редукторами, лентой особого качества, проволокой и др. Наркомат должен был снабжать вооружением танки и САУ. На него возлагалось также вооружение военных судов, оказание помощи находившихся в ведении наркоматов заводам, осваивавшим боевую технику. На Наркомате вооружения лежало и патронное производство, а потребность в этой продукции исчислялась уже миллиардами.

Большую помощь нам, молодым заместителям наркома, оказывал Василий Михайлович Рябиков, который остался первым заместителем народного комиссара вооружения и у Д. Ф. Устинова. Рябиков хорошо знал технику организации производства, был весьма деятельным, хотя и немного горячим. Как исключительно честный и порядочный человек он пользовался в наркомате всеобщим уваже

нием. Хотя Рябиков непосредственно курировал выпуск морской артиллерии, приборов и оптики, он прекрасно разбирался в производстве и других видов оборонной продукции.

Поэтому в первые дни и недели работы в наркомате я часто заходил к Василию Михайловичу за советом или помощью и всегда получал от него оперативную поддержку. Если требовалось, Рябиков сразу снимал телефонную трубку, содействуя быстрому решению возникавших проблем. Звонок от него очень много значил, ибо его. авторитет в государственных учреждениях и предприятиях был весьма велик.

Мое постоянное общение в то время с ним, с Иваном Антоновичем Барсуковым, со всеми главными управлениями нашего наркомата и, конечно, с наркомом Д. Ф. Устиновым стало настолько тесным, что это позволило мне довольно быстро войти в курс дел заводов и главков каждого подразделения наркомата и выполнять важнейшие военно-хозяйственные задачи.

Поскольку Ижевск в те месяцы превратился в центр по выпуску стрелкового оружия и снабжения металлом многих заводов, я обратился к Устинову с просьбой дать согласие на создание в городе небольшого штаба от нашего наркомата. Разрешение было получено и с декабря 1941 г. до середины 1943 г. я находился практически безвыездно в Ижевске, обеспечивая в небывалых количествах выпуск стрелкового и авиационного оружия.

Приведу ряд цифровых данных, которые я захватил с собой. Они говорят сами за себя о том, каких результатов добивался Наркомат вооружения в самые тяжелые месяцы войны.

Несмотря на вынужденную эвакуацию подавляющего числа наших заводов и многие другие военные трудности, во второй половине 1941 г. выпуск винтовок и карабинов по сравнению с первым полугодием вырос почти в 2 раза, а пистолетов-пулеметов и пулеме-$_1$ тов всех видов — более чем в 8 раз. Примерно то же наблюдалось и в производстве орудий, минометов, другого вооружения и боеприпасов.

Б. И. Зверев: Помнится, в докладе Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС приводился такой эпизод. Он звонит в Москву и просит прислать винтовки для вооружения наших воинов. Положение критическое, бойцам Красной Армии не хватает стрелкового оружия. А член ГКО Г. М. Маленков отвечает, что винтовок, - мол, нет, вооружайтесь сами.

Вопрос у меня такой — насколько, по Вашему мнению, Владимир Николаевич, этот эпизод отвечал исторической правде?

В. И. Новиков: Здесь много правды. Надо прямо сказать, что, пожалуй, самым неожиданным для нас было то, что в начале войны мы оказались без стрелкового вооружения. Не прошло и двух недель ; после фашистского нападения на Советский Союз, как вдруг выясняется, что винтовок нет. Новый набор нечем вооружать, нечем J

обучать. Не оказалось совершенно противотанковых средств, хотя они были в большом количестве изготовлены.

Дело в том, что, например запасы винтовок хранились в приграничных районах. По данным Наркомата вооружения, их резервное количество к началу войны составляло 8 млн. По моей прикидке, — даже около 10 млн. Однако почти все винтовки оказались на складах, где вскоре появился враг. Кроме того, большие потери винтовок понесла тогда и наша отступавшая армия.

Неожиданным было и отсутствие противотанковых средств, в результате чего против танков противника в первые военные месяцы пришлось зачастую использовать лишь бутылки с зажигательной смесью. А ведь мы в мирное время делали огромное количество противотанковых средств, включая противотанковые ружья (ПТР). Но по настоянию Главного артиллерийского управления НКО, которое возглавлял мало разбиравшийся в этом деле маршал Г. И. Кулик, за год до начала войны закрыли не только производство противотанковых ружей, но и производство 45- и 76-миллиметровых противотанковых пушек. Прекратили их выпуск под совершенно ложным, ошибочным предлогом, что снаряды этих пушек не пробивают толстую броню вражеских танков, которыми оснащен вермахт. А как раз тогда таких машин в гитлеровской армии было мало...

Вот мы и оказались перед необходимостью воевать против танков с бутылками.

И так получилось по многим видам вооружения. Мало мы делали, например, зенитных средств. Для такой страны делали сотнями, а надо было их выпускать тысячами.

Находясь в конце июля 1941 г. поздно ночью в кабинете у Устинова (мы с ним обсудили, как наладить выпуск винтовок в Ижевске), я стал невольным свидетелем его разговора со Сталиным. (Телефонный аппарат имел приспособление для усиления звука и слышимость была хорошей.)

Сталин сказал, что в ГКО поступила заявка от маршала Кулика, в которой он просит срочно дать для формирования новых стрелковых частей 330 45-миллиметровых противотанковых пушек и 200 пушек калибра 76 мм. Таких пушек, как сообщает Кулик, на базах ГАУ нет и их можно получить только с заводов вооружения.

После некоторого молчания Сталин добавил:

— А ведь совсем недавно Кулик, да и Тимошенко докладывали совсем другое. Заверяли, что орудий именно этих калибров у нас в избытке. Упросили даже прекратить их производство. А теперь говорят, что ошиблись. Но за это спрос с них. Вам, товарищ Устинов, надо взвесить наши возможности, как возобновить и существенно увеличить производство этих пушек, обеспечив ими армию. Сделать это нужно срочно и доложить мне лично.

Дмитрий Федорович тут же сообщил Сталину, что число орудий, которое запросил Кулик, промышленность срочно поставить армии

не может. Завод, изготовлявший 45-мм пушки, эвакуирован и находится в пути следования.

Меня поразил вопрос Сталина:

— А почему эти пушки не может изготовить завод Еляна?

(Надо же иметь такую память, подумал я, чтобы знать, какой еще завод мог выпускать подобные пушки.)

Устинов ответил:

— Завод Еляна занят восстановлением производства пушек калибра 76 мм, которые перед войной также были сняты с производства.

Завершая телефонный разговор, Сталин подытожил:

— Теперь ясно: свернув налаженное производство такого массового применения, не освоив взамен ничего другого, мы допустили грубую ошибку. Однако сейчас не время искать виновных. Надо быстро, любыми мерами обеспечить выпуск пушек в достаточном количестве.

С этой трудной задачей наши заводы успешно справились. Уже в 1942 г. промышленность вооружения дала фронту одних только 76-миллиметровых орудий 23100. Чтобы дать вам, товарищи, представление о значении этой цифры, напомню, что на 1 июня 1941 г., фашистский вермахт имел в войсках, изготовившихся для нападения на СССР, 4176 пушек калибра 75 мм.

Что касается возобновления и расширения производства противотанковых ружей, то уже в ноябре 1941 г. один Ковровский завод дал нашей армии более 5000 ПТР. К декабрю того же года удалось наладить производство противотанковых ружей конструкции Дегтярева в Ижевске, где было изготовлено 1600 ПТР.

Примерно до середины 1942 г. наши войска испытывали недостаток противотанковых ружей. Но к концу года положение существенно изменилось. Удалось даже создать резерв ПТР и их выпуск достиг 20 тыс. в месяц. А всего за годы войны было изготовлено около 400 тыс. ПТР. Мировая практика не знала столь стремительного темпа создания нового вида вооружения. Этим мы можем законно гордиться.

Когда война уже подходила к концу, то в результате достигнутого[1] превосходства советской танковой техники, насыщения Красной Армии противотанковой артиллерией и усиления мощи танковой брони, значение ПТР значительно снизилась и с января 1945 г. их производство прекратилось.

Ю. К. Стрижков: А кто курировал из высшего руководства Наркомат вооружения СССР и каковы были вообще организационные особенности этой отрасли промышленности?

В. Н. НОВИКОВ: Мы, т. е. Наркомат вооружения, накануне Отечественной войны подчинялись Николаю Алексеевичу Вознесенскому — заместителю Председателя Совнаркома СССР.

В начале войны нас передали, подчинили другому заместителю

главы правительства Лаврентию Берия. Под его кураторство перешел и Наркомат боеприпасов СССР. Позднее возложили на него также руководство организацией производства ракет большой дальности и, наконец, создание и совершенствование ядерного оружия. Он еще курировал угольную и нефтяную промышленность, т. е. основную часть военной промышленности, кроме авиации и танков, контролировал и «опекал» Берия.

Это, конечно, несколько отложило определенный отпечаток на нашу деятельность в том смысле, что мы в течение всей войны были связаны с органами НКВД и государственной безопасности: и с центральными, и с местными.

Они обязаны были по указанию Берии нам помогать. Некоторые из них понимали свою работу так: они должны были за нами следить, а вообще по установке Берии (это было мне известно) они обязаны были оказывать нам поддержку.

В каком плане сказанное мною накладывало на нашу деятельность отпечаток? В том плане, что отдельные люди боялись иметь дело с «органами». Как показывает история наши «органы» «натворили» много «дел» в довоенные годы. Многие видные руководители, специалисты оборонной индустрии, в том числе нашей промышленности вооружения были тогда, перед войной, арестованы. Я уже отмечал, что оказались репрессированными, например, Борис Львович Ванников, Иван Антонович Барсуков - был посажен за неделю- две до войны. Их участь разделили несколько директоров заводов. Все это, конечно, накладывало отпечаток на их последнюю работу в том плане, что не все они после обвинений и освобождения достаточно смело руководили деятельностью предприятий.

Мы, т. е. те, кто помоложе был и не подвергался репрессиям, работали более смело, меньше обращали внимания на эти органы. И надо сказать, они, зная наши отношения с Берией, даже пытались нам в чем-то и больше помогать. Может быть, побаивались, как бы мы не нажаловались на них Берии, что плохо нам помогают.

Поэтому у нас установились с работниками «спецслужб» в целом нормальные, деловые контакты.

Необходимо отметить, что в целом мобилизационная готовность нашей промышленности вооружения перед фашистской агрессией была очень хорошей. А вот сейчас, мне представляется, вопрос о мобилизационной готовности военной промышленности как-то рассыпается. Потому что раньше военпреды следили: вот допустим, я технологию на винтовки поменял, они следили, чтобы я обновил боезапасы, заменил соответствующие сорта металла в запасе, заменил заготовку в запасе, заменил станки в запасе. За всем этим следило и Главное артиллерийское управление. Жестко следили, чтобы была хорошая мобилизационная подготовка. И что она была неплохая, подтверждает тот факт, что в первые месяцы войны (особенно в июле, августе, сентябре 1941 г.) у нас рост военного произ

водства шел необычно высокими темпами. Он увеличивался за названные 3 месяца от полутора раз (например, производство пушек) до 9 раз — выпуск автоматов. Поэтому, повторяю, мобилизационная подготовка была вполне хорошей.

А потом все это полетело из-за вынужденной эвакуации. Поскольку в октябре—ноябре полным ходом шла эвакуация, почти все эти первые результаты мобилизационной подготовки в большой степени рухнули, кроме уральских заводов и других предприятий, которые находились в глубоком тылу.

Нажим на нас в это время со стороны ГКО, правительства, лично Сталина, да и Берия был колоссальный, чтобы мы быстро развивали производство на Урале.

Приведу такой пример. У нас обычно производство винтовок колебалось от тысячи до 1,5 тыс. в сутки. Тула столько же давала. Но тульские заводы осенью 1941 г. оказались на колесах. В Ижевск еще накануне войны мы дотянули их выпуск до 2 тыс. в сутки, а теперь в тяжелые осенние месяцы перед нами поставили задачу достигнуть выпуска до 12 тыс. винтовок в сутки. Между тем согласно мобилизационного плана оба завода должны были производить ежесуточно 5 тыс. винтовок.

Теперь же боевое задание только по одному заводу — выйти на 12 тыс. в сутки, поскольку все запасы винтовок фактически потеряли.

Нагрузка поэтому была, конечно, невероятная, колоссальная. Но что выручало нас? В самом худшем положении, по моему мнению, оказалось производство боеприпасов, потому что и заводов было мало, а пороховые заводы были вообще слабо развиты. Промышленность боеприпасов у нас занималась большей частью мелкими боеприпасами: патроны винтовочные, пистолетные, для противотанковых ружей. Но в целом боеприпасы, особенно для пушек были поставлены на производство до войны, конечно, наша армия в отношении боеприпасов испытывала громадные трудности. Это первое.

Второе. Конечно, в начале фашистской агрессии не было запрета брать кадры с заводов на военную службу. Там был определенный контингент забронированных, но это были люди очень высокого разряда, высококвалифицированные: 8-го, 7-го разряда. А вот 9-й, 4-й и 5-й разряды - сильные массовые профессии - не были забронированы и их стали во всю забирать в армию. Ну, мы потом, конечно, опротестовали это дело.

Часть нам вернули, часть даже задержали. Но все-таки много людей с заводов мобилизовали. А производство оружия надо увеличивать. Кем же заполнялось производство? Прежде всего женщинами и подростками (начиная с 14—15 лет). Возвращались на производство и старики.

Г. А. Куманев: И все они или по крайней мере в своем абсолютном большинстве достойно трудились.

В. Н. НОВИКОВ: Да, это так. Обстановка тогда помогала тому, что нам не надо было пропагандировать разные там арендные подряды, особые сдельные работы, разные привлекательные меры, чтобы поднять эффективность производственного процесса, хотя социальным вопросам уделялось большое внимание и социальная политика была очень продуманной. Дело в том, что во время войны (да и в довоенный период) советский народ был настроен чрезвычайно патриотично. С чем это было во многом связано? Прежде всего с тем, что мы были единственной социалистической страной, находившейся в полном капиталистическом окружении и не имевшей никакой помощи извне. Просить у какого-либо государства помощи было совершенно бесполезно. Весь капиталистический мир смотрел на нас как на заразу, которую надо уничтожить. И в этих условиях партия сумела сплотить вокруг себя весь народ, сплотила в духе готовности встать на защиту социалистического Отечества и отстоять его. Народ, еще раз повторяю, был настроен очень патриотично.

Б. И. Зверев: Но ведь были и негативные проявления и ответные репрессивные меры?

В. Н. НОВИКОВ: Конечно, имелись и некоторые отклонения, особенно в деревне. Известно, что душу сельского труженика, деревню Сталин плохо знал и понимал. Наше земледелие оказалось в тяжелых условиях. Поэтому там встречались всякие эксцессы, были и отдельные попытки со стороны жителей села в 1936-1938 гг. попридержать продукты и не поставлять их в государственные фонды. Это вызвало со стороны властей известные репрессивные меры, в больших размерах, чем в городе. На заводах было все же не так много репрессий. Правда, обстановка, общая атмосфера на заводах не везде была одинаковая. Например, в Туле было порядочно арестов, а в Ижевске - сравнительно мало. Вот, скажем, в тот период, когда я был в Ижевске директором завода, могу засвидетельствовать, что на оружейных предприятиях этих вещей было мало.

До более массовых репрессий, т. е. еще в 1932—1936 гг., проходила везде чистка партии. И в этот период под соусом чистки много все же людей невиновных пострадало. Например, в Ижевске два раза был Колчак. Часть населения, молодежь забрали в колчаковскую армию по мобилизации насильно. Часть народа переметнулась на сторону Колчака и в добровольном плане.

Многие коммунисты, честные рабочие старались спасти от белогвардейцев заводское оборудование, спрятать ценные материалы и т. д. На них колчаковцам доносили, и немало этих рабочих пострадало. А когда Колчака изгнали, начали выявлять, кто ему помогал. И снова «рубили дрова», только с другой стороны. И честным людям от клеветников снова доставалось.

Лично я стал работать на заводе уже в послеколчаковский период. Были аресты. Допустим, кто-то сказал: в каком-то цехе плохо, с продуктами плохо обращаются, с дисциплиной плохо, не экономят

продукцию и т. д. На другой день узнаем: начальник этого цеха сидит в тюрьме. Спрашиваешь: «А за что арестовали?»

— «Хотим, мол, в нем разобраться». Но как там «разбирались», можно догадаться...

Вот этот период чистки партии был для Ижевска похуже, чем даже годы пика репрессий, которые сейчас особенно предаются проклятию, т. е. 1937-1938 гг.

В 1939 г., когда в партию был восстановлен прием, безобразий с репрессиями в Ижевске было не так уж много. Например, в 1937 г. остановили производство винтовок. Почему остановили? Перестраховка. Где-то идут аресты в других городах, а потом кое-где у нас, тогда начали браковать стволы. Под видом «повышения бдительности». Ведь качество ствола, канала ствола определялось не измерительным инструментом, а опытный рабочий на глаз смотрел, есть там дефект или нет. Чтобы его определить на такой длине в 7-мм дырочке, надо быть большим специалистом. Вот и браковали. Делали такой эксперимент. Браковщик из 100 стволов забраковал половину. Военпред прекращает прием винтовок, поскольку большой процент брака и нет гарантии, что бракованные винтовки не попадут в армию. Передаем эту тележку другому контролеру. Тот бракует совершенно другие винтовки.

Словом, создалась такая тенденция перестраховки: как бы чего не вышло. Я в это время работал начальником лаборатории по обработке металла.

Когда остановили производство винтовки, неделю нет выпуска, две недели нет выпуска, как следствие - 17 работников завода посадили: начальников цехов, начальников производства. Производство начало лихорадить. А дальше стало еще хуже, еще браковать стали. В общем в течение двух месяцев выпуска винтовок не было: сплошная браковка стволов.

Тогда к Сталину вызвали директора завода А. И. Быховского, начальника ОТК Бухтеева, военпреда, начальника винтовочного производства и несколько других работников. Видимо, до Сталина дошло по каким-то каналам, что налицо перестраховка. Нас тоже вызывали в органы безопасности. Мы прямо сказали, что все причины связаны с перестраховкой...

Сталин дал нагоняй всем товарищам, которых вызвал к себе. Сказал, что если не будет восстановлено производство винтовок в течение недели, то будем привлекать вас к ответственности. После этого вызова директор завода заболел желтухой.

17 арестованных работников завода по указанию Сталина выпустили, вернули на старые места, на прежние должности. И винтовка снова пошла нормально, ее производство возобновилось, потому что с перестраховкой было покончено. Теперь зря браковать уже боялись. Между тем винтовки и до этого в своей подавляющей массе были высококачественные. Брак через военпредов не прошел бы.

Военная приемка была все равно тщательной. Не то что теперь. Как теперь ее называют? Народный контроль? (Голос: «Госприемка»). Да, да, госприемка. Сегодня — это уже белиберда, а не приемка.

Военная приемка была очень мощной на заводах, очень сильной, эффективной. И я бы сказал, она в какой-то степени сочетала в себе элементы не только качества, но и толкала вперед производство с точки зрения перехода на новые виды вооружения. Т. е. выполнялись функции с определением качества изделий и заводы побуждались к переходу на выпуск более совершенных видов вооружения. Военная приемка играла роль научно-технической организации.

Я считаю, что опыт военной приемки кануна и периода Великой Отечественной войны почти забыт, сегодня совсем плохо используется. А работа была проведена колоссальная, исключительно полезная.

Государственная приемка исходит не от нынешнего правительства. Она была еще при Петре I. Так что нового тут ничего нет, это не новое, а старое, только плохо поставленное. Я это отметил в своей статье для журнала «Коммунист». Ее похвалили, но напечатать побоялись и порекомендовали для другого журнала. Ну, это не первый раз делается.

Я еще раз подчеркиваю, такая была обстановка и такие случались негативные вещи, но патриотизм народа был огромный. И не только на фронте, но и в тылу.

Вы знаете, женщины работали, не считаясь со временем. Или мальчишки 15 лет. Его гонишь после 8 часов вечера домой, а он не уходит и трудится как взрослый.

Такого напряжения в труде, которое было у наших рабочих в 1941—1945 гг. я видел только в Японии, уже в мирное время. В других капиталистических странах напряжение на производстве, конечно, есть. Это мне доводилось видеть в послевоенные годы и в Западной Германии, и в США, и в Канаде. Но такого напряжения, как работают японцы, я ни в одной стране не наблюдал.

Примерно такое же напряжение было и у наших рабочих в военной обстановке. Это я говорю на примере военных заводов, но убежден: так же трудились наши люди и на гражданских предприятиях. И в первую очередь потому, что патриотизм (еще и еще раз подчеркиваю) у нас был на самом высоком уровне.

Вот некоторые писатели выступают и говорят: «Надо изучить, как же так при Сталине и при таких репрессиях был достигнут такой патриотизм». Конечно, надо тщательно изучить этот вопрос.

Г. А. Куманев: Сейчас некоторые публицисты утверждают, что достигнутый к началу войны уровень воспитания нашего народа в духе патриотизма — результат проведенной работы еще в условиях царского режима. А после 1917 г. новая власть, партия большевиков, мол, только этим и пользовалась, пожинала старые плоды.

В. Н. НОВИКОВ: Я знаю и дореволюционные условия, в которых

воспитывалось в народе и чувство патриотизма. Но это совсем другое , дело, совершенно другой характер работы.

Г. А. Куманев: Вчера мы выступали в ЦАГИ. Так там после нас [1] один, второй ораторы высказывались в конъюнктурном духе, в подобных утверждениях, все развенчивая и оплевывая.

В. Н. НОВИКОВ: Я считаю, что это все обыкновенный популизм, в угоду кому-то. Надо говорить правду, что именно патриотизм был в условиях, когда мы находились во враждебном капиталистическом окружении, или блокаде, нашим мощным оружием. Какой эффективный результат в этой области мог быть достигнут при царе, особенно в последние годы, когда шла Первая мировая война, так ; осточертевшая народу, как и сам царь? Патриотизм при советском строе стал качественно новым: он основывается на глубокой вере народа в идеалы социализма. Теперь такие журналы, как «Огонек», все очерняют, извращают и социализм, и коммунизм.

Что еще нам помогло в условиях страшной войны выстоять и победить? В наши дни многие экономисты пишут: надо строить мелкие заводы. Они быстрее осваиваются, дают отдачу, прибыль. Откуда они это взяли? Взяли с Запада, там очень много мелких фирм. Их много не потому, что это уж больно выгодно капиталистам, а потому, что далеко не у каждого предпринимателя имеется так много денег, чтобы построить крупные заводы. А мощные фирмы воздвигают крупные предприятия, мелких заводов они не имеют. Вот я был в Западной Германии. Возьмите гигантские заводы «Мерседес», «И. Г. Фарбениндустри», консорциумы Круппа, Симменса, заводы Оппеля и др. То же самое в США: заводы Форда, предприятия финансовых групп Моргана, Дюпона, Рокфеллера и др. Где есть . деньги, везде их владельцы сооружают крупные заводы.

И нас, я считаю, в годы Великой Отечественной войны во многом выручили крупные заводы. Я приведу пример по двум отраслям: стрелково-пушечное вооружение в авиации и артиллерия.

Мы потеряли завод «Баррикады», он выпускал морскую артиллерию. ;

Мы потеряли завод «Большевик» - тоже был занят производством морской артиллерии. И вместе с ними погибла и местная , металлургия. У нас погибло и производство кораблей, потому что ' они строились в Ленинграде, который оказался в блокаде. Потеряли и г. Николаев, где тоже корабли сооружались. Т. е. и пушки пропали,, и база для них сырьевая пропала, и корабли для этих пушек мы тоже * потеряли. Получилось, что мы почти все потеряли. Но это было временное явление, т. к. в восточных районах страны в результате перебазирования и восстановления на новых производственных площадях стали быстро вводиться в строй, в эксплуатацию крупные предприятия, которые удалось перебросить в глубокий тыл.

При этом все, повторяю, базировалось у нас на крупных заводах. Чем заменили у нас потерю морской артиллерии и артиллерии,

которые выпускались на заводах «Баррикады» и «Большевик», чем заменили и другие оборонные заводы, которые выпускали другие виды вооружения и тоже временно были потеряны? Заводы «Баррикады», «Большевик» заменило крупнейшее у нас предприятие «Мотовилиха» (артиллерийский завод в Молотове), был накануне войны построен новый завод на Волге, которым руководил Амо Сергеевич Елян, т. е. нас выручили заводы, которые имели хорошую базу. Например, в Ижевске, где была свою металлургическая база. У нас 20 тыс. людей работало на металлургии, 30 тыс. - на машиностроении.

Но мы, кроме своего металла, производили сами станки, имели огромные инструментальные цеха, которые по мощности могли помогать не только в своем производстве, но и в других регионах.

Другими словами, база, которую особенно развивал Б. Л. Ванников, была комплексной. Планировалось, чтобы спутники заводов были небольшими, а сами заводы должны быть комплексными: со своим машиностроением, со своей металлургией. Для оружейного производства что надо в первую очередь? Металл.

Поэтому базовыми заводами, которые спасли страну, быстро помогли восстановить вывозимые на Урал, на Восток заводы, были местные крупные предприятия, сооруженные или реконструированные еще в годы первых пятилеток. И вот вам один пример такой продуманной военно-экономической политики: только один завод, сооруженный за Волгой, дал фронту за время войны более 6 млн. пистолетов-пулеметов Шпагина. Стоит задуматься над этой цифрой.

А. В. Басов: Владимир Николаевич, есть такое утверждение, будто события в районе р. Халхин-Гол не открыли нам глаза, что у советской авиации слабое пушечное вооружение. И в начале Великой Отечественной войны пушечного вооружения на наших самолетах было мало, и мы имели преимущественно пулеметное вооружение. Пушечное вооружение составляло где-то 9,8%.

В. Н. Новиков: Такое утверждение правильное. Всех немного сбил с толку конструктор Таубин. На самолетах многих стояли пулеметы Шпитального, а до него дегтяревские. Пулемет Шпиталь- ного был самым скорострельным авиационным пулеметом в мире. Производил 1800 выстрелов в минуту. Гитлер даже у себя в кабинете этот пулемет в футляре держал. Сказал, что пока немецкие изобретатели, конструкторы не создадут такой же пулемет, он будет держать его у себя в кабинете...

Однако калибр у этого пулемета был мал. Конкурентами между собой по созданию более мощного пулемета стали Березин, сам Шпитальный и Волков с Ярцевым. Но конструктор Таубин сумел побывать на приеме у Маленкова, потом и у Сталина и много им наобещал. Мол, конструктора Березин, Шпитальный, Волков с Ярцевым пытаются создать новый пулемет. Но я такой пулемет сделаю в 2 раза более скорострельный и вдвое легче, чем сделают они. Это

было еще перед войной. Маленков и Сталин поверили Таубину. j Прошло месяцев 7-8. Меня Ванников затащил на завод и заставил , делать пулемет этого Таубина 12,7-мм калибра, а Туле дали делать : 12-миллиметровую пушку. Наш пулемет был совершенно сырой. Вот только тогда мне признался Нудельман - заместитель Таубина, что тот его не сделал даже в деревянном макете. Просто подготовил ; чертежи и сунул на завод. А я удивлялся, почему не едет конструктор, в чем дело?

Приехал на завод Ванников, приехал нарком боеприпасов Горемыкин, заместитель начальника Управления ВВС генерал Сакриер. При них я должен был отстрелять этот пулемет Таубина. Я из 5 пулеметов отстрелял по 5 штук, все они отработали. Хотя наши; конструктора заявляли, что эти пулеметы никуда не годятся. А нам; дали на их изготовление только две недели...

При второй очереди все эти пулеметы развалились. Буквально все. У одного затвор, у другого защелка и т. д. Меня при всех (отругали: наверное, ты на их изготовление поставил не тех рабочих, менее квалифицированных. Дали мне два месяца на то, чтобы сделать вторую партию пулеметов - 20 штук.

Для меня было ясно, что пулеметы эти не пойдут. Я промолчал. Ванников мне через два дня звонит уже из Москвы: «Слушай, Владимир, ты не расстраивайся. Давай, делай новые пулеметы. Я попросил его согласие срочно приехать в Москву. Он не возражал.

По приезде я сразу же пошел к Таубину. И показал ему, что его пулеметы работать не будут. «Хоть нас убей, хоть десять раз будем переделывать, но твои пулеметы работать не будут». И доказал ему - почему. Он понял, хотя был человеком с явными авантюрными наклонностями.

Я боялся, что Таубин скажет, вот завод не умеет делать пулеметы, а'я их сконструировал самого высокого качества. Ведь тогда пойдут аресты наших рабочих, инженеров. Я его спросил: «Сколько тебе надо на доработку?» (Я не сказал, что мне Ванников отвел два, месяца.) Он отвечает: «Мне на доработку надо 4 месяца». Я ему предложил: «Давай Ванникову напишем бумагу, в которой все объяс- • ним». j

Бумагу составили, и я ее вручил Ванникову. Ванников прочитал; и даже позеленел. Ведь он отстаивал способности Таубина перед! Сталиным. Поставили в Туле пушку Таубина на производство. Тау- j бину дали орден Ленина, а через неделю его пушку сняли с произ- j водства как негодную. Получилась никакая не авиационная пушка.} В итоге его посадили. Он дважды обманывал Маленкова и Сталина.' Посадили Таубина по указанию Маленкова. Это уже дочка Таубина! мне рассказывала. Она принесла мне рукопись книжки о нем. Си-> дела у меня часов пять, просила дать отзыв. Поначалу я написал резко отрицательно. Но тут меня стали уговаривать и издательство,; и та же дочка: смягчить отзыв, все-таки он был реабилитирован. Я,[1]

конечно, сгладил это дело., А вообще он виноват полностью, и я считаю, что из-за него йного летчиков погибло. Потому что если бы он не мешал, Березин, Волков и Ярцев сделали бы хорошую пушку гораздо раньше. И мы смогли гораздо раньше перевооружить самолеты на более мощное вооружение. Он задержал это дело как минимум на полгода.

Я лично считаю, что посадили Таубина за прожектерство и обман - правильно сделали. А то, что расстреляли, наверное, неправильно. Все-таки он молодой был — 30 с чем-то лет. Ну чего стрелять? Но, правда, суд приговорил к расстрелу. Посадить надо было, года на два, проучить, а может быть, и под домашним арестом продержать... В общем, нельзя сказать, что он был совсем не способным, но был очень нахальный человек, как я уже отмечал, с авантюрными наклонностями. В тюрьму попал не зря, а расстреляли зря.

А. В. Басов: Владимир Николаевич, Вам приходилось встречаться со Сталиным?

В. Н. Новиков: Приходилось, правда, один раз, и еще он как-то звонил мне на завод.

А. В. Басов: Какое Ваше общее впечатление о нем?

В. Н. Новиков: Вначале о звонке Сталина на завод. Однажды сложилось очень тяжелое положение со станковыми пулеметами. Это мощный пулемет типа «Максим». Его тоже за год до войны сняли с производства и поставили пулемет Дегтярева. Он более легкий и его сделали тысяч десять. Но, когда началась Великая Отечественная война, военпред на заводе стал браковать пулеметы Дегтярева.

Устинов заставил меня поехать в Тулу и разобраться, в чем там дело. Оказалось, что на большое количество выстрелов (на 5 тыс. или на 6 тыс.) он мог дать одну задержку, но очень сложную. Получалось так, что экстрактор выдерживал патрон раньше времени, пока еще капсюль не разбит, и на горячую ствольную коробку порох рассыпался. Потом сразу «фук» и пулемет прекращал стрелять.

Для устранения такой задержки требовалось длительное время. Военпред вполне справедливо остановил выпуск этого пулемета. Когда я приехал на завод, сразу же понял, что военпред поступил правильно. Был там и Дегтярев. Я ему говорю:

- Василий Алексеевич, что будем делать?
- Дорабатывать надо.
- Сколько потребуется времени?
- Месяцев шесть...
- Шесть месяцев?! Война же идет.

Директор завода аж подпрыгнул на стуле:

- Как же? А я что буду делать? Война, а я буду стоять?!

(А у него тысяч пять-шесть работало на выпуске этих пулеметов).

Я его спрашиваю:

- Сколько тебе надо, чтобы восстановить станковый пулемет «Максим»?

- Он говорит:

- Один день.

Я ему говорю:

- Ты мне голову не морочь, за один день станки не успеешь перевезти. Максимум неделя требуется.

Хорошо, что все сохранилось: и станки, и оборудование, и чертежи...

Итак, я даю ему задание — восстановить на заводе производство «Максимов», хотя об этом согласия в Москве ни у кого не спросил.

Это была моя ошибка, которая могла мне обойтись дорого. Когда вернулся в Москву, сразу же Устинову обо всем доложил. Он схватился за голову и говорит:

- Слушай, ты снял с производства дегтяревские пулеметы, а они были поставлены на выпуск по указанию товарища Сталина...

Отвечаю:

- А другого выхода пока нет. Дегтярев обещает только через 6 месяцев устроить неполадки.

Поехали к генералу Яковлеву Николаю Дмитриевичу — начальнику ГАУ (он им стал незадолго до войны вместо Кулика). И там у него составили письмо Сталину с просьбой разрешить на заводе выпуск одного пулемета вместо другого. Конечно, не отметили, что я это дело уже «разрешил». Сталин написал «Временно согласиться». Это «временно» продолжалось до конца войны.

А с пулеметами сложилось тяжелое положение почему? Тула была охвачена эвакуацией. Больше нигде пулеметы «Максим» не делались. Все оборудование было отправлено в Златоуст. А там кадров нет. Дали задание и в Ижевск «Максимы» выпускать, а в Ижевске оборудования практически нет. И там один Новиков. На пустом месте надо было организовывать. Я кое-что начал там делать, и месяца через два мы начали выпускать там около 10 «Максимов» в день.

Итак, в то время я не... и позвонил Сталин. Это было примерно в* начале января 1942 г. Поздоровавшись, он у меня спросил: «Товарищ Новиков, сколько пулеметов выдали в этом месяце?»

Я ему говорю:

- А 1942 г.!

Я сказал (уже не побоялся.)

Отвечает:

- 400.

Потом Сталин говорит:

А в марте?

!

— Вот просит трубку Берия.

И дал ему трубку. Тот сказал следующее:

— Товарищ Новиков, вот товарищ Сталин стоит рядом. Я сказал, что если эти цифры гарантирует товарищ Новиков, то они будут обеспечены. Можно так утверждать?

Ну что я мог сказать?

— Можно утверждать. Обеспечим выполнение этих данных.

Но эти цифры мне достались тяжело, прибавили немало седин. Сталину я обещал, и попробуй сорвать это обещание...

Два раза, правда, создавалось критическое положение, но тут Берия помог. Он ведь за меня взял гарантию, и я в трудные моменты звонил ему, обращался за поддержкой. Один раз у меня отстали замки, т. е. самый сложный узел отстал. Я вижу, у меня будет двухнедельный перерыв в производстве пулеметов «Максим». Но попробуй встань, когда обещал все выполнить. А тут угроза, что две недели Красная Армия не будет получать пулеметы... И возникла, естественно, опасность попасть в тюрьму.

Я позвонил Берии, объяснил ситуацию.

— Что ты предлагаешь?

— Я просил бы во фронтовой зоне собрать с разбитых пулеметов замки.

— Сколько тебе надо?

Мне надо было штук 600, но, боясь, что многие из них окажутся негодными, я попросил 4 тыс.

Через 3 дня воздушным путем, т. е. на самолетах, пошли замки для пулеметов... Так он помог мне выйти из положения.

Потом примерно такая же ситуация была с пулеметной лентой. Мы работали на тульской ленте. Я позвонил Берии, попросил прислать квалифицированных рабочих из числа женщин, которые делали ленты.

— А что у тебя там своих баб не хватает?

— Баб-то хватает, да бабы-то не те. Мне надо умеющих делать пулеметные ленты.

Берия 17 работниц из Тулы за сутки собрал, и они на следующий день прилетели в Ижевск. Он мог помочь оперативно, но ведь не мудрено: у него власть колоссальная была.

Вот попробуй я Устинова попросить, чтобы мне в Ижевск из Тулы женщин прислали. Тот бы ответил, конечно, так: буду я еще обращаться к Берии, этого только не хватало... Да и надо ли? Попробуй сам...

Мог бы я, скажем, обратиться с этой просьбой к первому секретарю Тульского обкома партии Василию Гавриловичу Жаворонкову. Человек он был очень простой, доброжелательный. И стал бы Жаворонков уговаривать людей срочно отправиться в Ижевск. Сколько бы могло быть разных отговорок.

А тут пришел человек с удостоверением от НКВД или НКГБ.

Товарищи конструкторы, такие-то, такие-то, на один месяц вас требуется командировать в Ижевск, пожалуйста, в самолет. И разговор закончен. Они месяц у меня ударно поработали, все успешно закончили. Я их всех отблагодарил, премии большие они получили.

Но лично у Сталина я был по вопросу другому. Уже во второй половине войны, когда мы в Ижевске делали 37-миллиметровые пушки, выпускали только здесь. Он вызвал конструкторов, были, например, Шпитальный, Нудельман, Волков, Березин.

Сталин поставил задачу — разработать пушки калибра 45 мм для самолетов, а также 57 мм и 76 мм. Взялись за это дело только Нудельман и Шпитальный, потому что Березин заявил, что он работает сейчас с переходом с 12,7 мм на «двадцатку» (20 мм). Этим занят, а Волков и Ярцев заявили, что им надо еще доводить свою пушку.

Нудельман взялся, и мы в Ижевске его поддержали. Со Шпи- тальным я не хотел дело иметь, потому что человек он бьш с большим гонором и очень нечистый, очень. Переделывали с Нудель- маном 37-миллиметровые пушки на 45-миллиметровые. Дело не такое простое, но быстро сделали, быстро отстреляли. При этом у нас самая большая трудность заключалась в том, что через втулку винта мотора не проходил ствол 45 мм. Мы должны были его несколько утончить в средней части. Он у нас прогибался после большой стрельбы. Нам надо было с авиаторами сделать такие крепления, чтобы исключить прогибание.

Делать же пушки 57 мм и 76 мм мы отказались, т. к. для авиации они были тяжелые.

Американцы ставили 76 мм, но с одиночным ручным заряжением.

Возвращаюсь к тому совещанию. Выступали почти все конструк-, тора. Сталин прохаживался и всех внимательно слушал, покуривая[1] трубку. Потом сказал:

—

Давайте, работайте, посоветуйте и представьте сроки, хотя бы! по 45-миллиметровой пушке. !

Мы с Нудельманом взялись сделать за полгода. Шпитальный тоже| решил сделать пушку 37-миллиметровую, но она у него получилась^ намного тяжелее. Вообще со Шпитальным было плохо дело иметь.| Мы его 37-миллиметровую пушку тоже ставили на производство.! Тоже по указанию Сталина. У Нудельмана пушки не было, а уj Шпитального появилась. Шпитальный уговорил Ижевский завод, чтобы тот взялся, за быстрее его пушки. Устинов (Нарком вооружения.) сказал:

Сталин спросил о 37-миллиметровой пушке:

—

Сколько времени надо?

|

— Товарищ Сталин, месяца полтора-два.

Тогда Сталин показал на портрет Суворова и сказал:

— Знаете, как Суворов говорил? «Деньги дороги, жизнь человеческая дороже, но время дороже всего». Нельзя ли ваш срок сократить?

Срок был сокращен до 1,5 мес. Но это был невероятно сжатый срок.

В полтора месяца мы уложились по пушке Шпитального, но он нас подвел. Шпитальный вел себя очень нечестно. Он нам запрещал вносить какие-либо изменения в пушку.

А мы начали стрелять — снаряды идут кувырком. Мы разобрались, в чем причина. Надо вносить изменения, а тут «табу» Шпитального. Я ему даю чертежи с нашими изменениями, чтобы он подписал. Шпитальный вертит их туда-сюда и повторяет:

— Нет, тут должно быть все правильно, пушка правильная. Вы что-то тут сами неправильно сделали, что-то напутали...

Я звоню П. И. Кирпичникову. Он был помощником у Берии и как заместитель председателя Госплана СССР возглавлял группу, которая руководила промышленностью. Шпитальный, мол, не хочет подписывать чертежи и т. д.

Видимо, Кирпичников доложил Берии. Тот вызвал Рябикова и Шпитального и начал допрашивать, почему у Новикова задерживается пушка? Рябиков ответил, Новиков считает, что надо чертежи поправлять. Шпитальный заявил, что у Новикова не идут пушки, потому что он стволы делает не из стали, а из репы.

Рябиков мне вскоре прямо из НКГБ позвонил и предложил, чтобы я сам позвонил Берии и все объяснил. Я позвонил, все рассказал ему, добавил при этом, что Шпитальный все не возвращается из Москвы, хотя уже дважды ему звонил.

Берия проворчал:

— Приедет, а если не приедет, мы его привезем.

И через два дня Шпитальный появился. Подписал чертежи, что он виноват, в том числе в задержке.

Г. А. Куманев: Владимир Николаевич, Вам довелось, как Вы сказали, один раз встречаться со Сталиным?

В. Н. НОВИКОВ: Да, это так.

Г. А. Куманев: Тем не менее, какое у Вас сложилось мнение о нем, как о руководителе, который возглавлял в годы войны ЦК партии, ГКО, Совнарком, не говоря уже о других больших и ответственных нагрузках? Сейчас немало пишут и говорят о том, каков Сталин был как военный деятель. Разброс мнений по этому вопросу весьма велик.

В. Н. НОВИКОВ: Более правильно Сталина как военного деятеля оценил по-моему маршал Жуков, оценил достаточно высоко и объективно. Ведь он со Сталиным больше всего дела имел.

Г. А. Куманев: А вот какой оценки заслуживает Сталин как председатель ГКО и правительства?

В. Н. НОВИКОВ: Я считаю, что человек он был во многих вопросах весьма компетентным, обладал редкостной памятью, налицо и организаторский талант, но как руководитель очень властный. Правда, это особенно не проявлялось на заседаниях. Но настолько к нему все прислушивались, настолько был высок его авторитет, что слово было решающим, мнение — последним.

Помнится, во время войны наш нарком Устинов другие наркомы оборонных отраслей промышленности (Шахурин, Горемыкин, Малышев и др.), когда бывали по вызовам у Сталина, потом часто делились своими впечатлениями о том, как он проводил совещания, какие вопросы ставил. Устинов мне многое в деталях все рассказывал. Что в первую очередь отмечал Устинов: Сталин всегда очень внимательно всех выслушивал, очень внимательно. Я, конечно, понимаю — почему. Ведь Сталин не был специалистом, скажем, по боеприпасам, по пушкам, по всем делам военного производства. Поэтому надо было слушать людей: и военных, и гражданских, и наркомов. Особенно он, пожалуй, прислушивался к конструкторам. Надо сказать, что он больше звонил конструкторам, чем наркомам. Сталин очень высоко поднимал роль конструктора, и, я считаю, что он делал правильно. (К слову, конструкторов сейчас мы во многом потеряли, и это большая потеря для страны, ее будущей безопасности.)

Сталин хорошо знал и Грабина, и Туполева, и Петрова, и Токарева, и Шпагина, и Симонова, и многих других. Причем всех конструкторов знал по имени и отчеству: и артиллеристов, и авиаторов, и боеприпасников, танкостроителей и всех других.

Он очень внимательно слушал и принимал решения — часто удачные, но иногда и не совсем удачные.

Ну вот, например, был очень неудачный военный деятель, которого я уже упоминал — маршал Кулик Григорий Иванович. Он был перед войной начальником ГАУ. И вот за год до войны он начал писать разные предложения (Ванников считал Кулика паникером, я с ним только раз встречался). Я уже вам рассказывал, что именно по настоянию Кулика прекратили выпуск 45-миллиметровых и 76-миллиметровых пушек. (Он не дал на них соответствующего заказа от ГАУ на 1940 г.) задались целью создать 100-миллиметровые пушки. Так вот, Сталин в предвоенные годы этого в общем-то бездарного «стратега» весьма поддерживал. Вопрос о судьбе; 45- и 7б-миллиметровых пушек несколько раз разбирался у Стали-' на. По этому вопросу было создано три комиссии. Сталин сам Наі ходу принимать решения не хотел, поскольку, надо признать, до-, вольно осторожно относился к оборонным вопросам. И все-таки* возобладало мнение Кулика, решили снять с производства эти пушки и поставить 100 мм. А по 100-миллиметровым пушкам еще и чертежей не было.

Считаю это решение очень опрометчивым, но приняли его по настоянию военных. Ведь не сам же Сталин его придумал. Сняли с

производства столь нужные противотанковые средства и тем самым совершили колоссальную ошибку.

В самом начале войны Сталин вызвал замнаркома вооружения Иллариона Аветовича Мирзаханова (Устинов только что был назначен наркомом вооружения) и говорит:

— Товарищ Мирзаханов, Вы же коммунист. Как Вы могли допустить, что с производства сняли 45- и 76-миллиметровые пушки — самые сейчас нужные и ходовые?

Мирзаханов говорит:

— Товарищ Сталин, у Вас этот вопрос разбирался два или три раза. Я на заседаниях не был, был Ванников. Но после возражений Ванникова Вы создавали три комиссии — одну под председательством Молотова, другую под председательством Маленкова, третью под председательством Жданова. И все три комиссии решили снять пушки с производства.

Тогда Сталин ответил так:

— Знаете, сейчас идет война, виновных искать некогда, давайте принимать меры, чтобы быстро возобновить выпуск 45- и 76-миллиметровых пушек. Передайте товарищу Устинову, что мы дня через три его вызовем с конкретными предложениями о восстановлении на производстве этих пушек. Были задействованы десятки заводов, но то решение о снятии тех пушек с производства еще долго сказывалось в отрицательном плане на полях сражений.

Или еще пример. Я его вкратце тоже касался. Он также говорит о том, что не всегда наш вождь проявлял дальновидность. До войны выбирали винтовку. Сталин ставил вопрос так: надо мосинскую винтовку заменить на автоматическую или полуавтоматическую. Выбор шел долго, развернулось прямо соревнование винтовок (и Токарева, и Симонова, и Дегтярева, и других). На испытаниях военные (не без участия того же Кулика) выбрали токаревскую, Ванников возражал, считая симоновскую винтовку лучше.

Тут есть одна тонкость. До сих пор не знаю, почему так получилось. До финской войны Ижевск ее выпускал: мы произвели 60 тыс. Но Ванников об этом не сказал Сталину почему-то. Видимо, симоновскую винтовку на серийное производство поставили без согласия, разрешения Сталина.

Мне думается, Кулик и Ванников об этом договорились между собой, а потом боялись Сталина проинформировать по данному вопросу, пошли на самовольный шаг.

Поставили на выпуск токаревскую винтовку, она плохо пошла в Туле. Тяжелее стала, бойцы от нее стали отказываться.

Тогда Сталин вызывает Ванникова и говорит:

— Товарищ Ванников, а почему же Вы не настояли, чтобы все- таки не токаревскую винтовку, а симоновскую делать? Токарев- ская — тяжелая, ее надо облегчать. Давайте переходить на симоновскую.

(А у нас в Ижевске в это время «прикрыли» выпуск симоновской и начали переходить на производство токаревской.)

Сталин имел прямое отношение к сложившейся ситуации, но во ' всем, как это случалось, взвалил вину на Ванникова.

Ванников отвечает, что если перейдем на выпуск симоновской, то вообще можем остаться без винтовок. Тем более производство и мосинской винтовки уже прекратили...

Создали снова комиссию. Ее возглавил Молотов. Комиссия приняла решение прекратить выпуск винтовки Мосина. Ванников возражал. Создали тогда комиссию под председательством Вознесенского. Та тоже за то, чтобы закрыть производство винтовки Мосина.

Мне, директору завода, позвонил замнаркома Барсуков и заявил: «Давай, сворачивай производство мосинской и выпускай токаревс- кую». Я ответил: «В таком случае год никаких винтовок не будет и об этом позвоню Ванникову». Позвонил ему, говорю:

— Борис Львович, неправильно Вы делаете. Чем снимать с производства мосинскую винтовку, не лучше ли выпускать что-то параллельно, делать хотя бы в небольших количествах? А то вообще останемся без винтовок. Тула уже почти стоит. Директора завода Медведева Сергея Кирилловича посадили, что плохо идёт винтовка. Теперь меня за то же посадят...

Мне пришлось лететь в Москву и там объяснять создавшееся положение и последствия, которые могут быть. Руководство Наркомата вооружения сумело обосновать перед Сталиным необходимость продолжать производство мосинской винтовки, пока не был отрегулирован выпуск других подобных видов стрелкового оружия.

Так что, с моей точки зрения, Сталин подходил к военноэкономическим вопросам за некоторыми исключениями осторожно.

В военно-технических, специальных вопросах вооружения он, конечно, не разбирался. Но человек был вдумчивый, прислушивался к разным мнениям, где были сомнения, поручал разобраться. Но все комиссии возглавляли его заместители: Молотов, Жданов, Маленков, Вознесенский. Они много решений подсказывали Сталину, но не всегда правильные. Решения он принимал достаточно взвешенно, многое продумывал. И довольно быстро реагировал на разные промахи, на постановку тех или иных проблем.

Вот, допустим по пулемету «максим»: вечером послали ему бумагу с просьбой возобновить выпуск этого пулемета, утром уже готов' ответ — согласие Сталина. Его работоспособность была поразитель- ной, быстро, оперативно решал он важнейшие вопросы, без какой- либо волокиты.

У меня в целом не сложилось отрицательного впечатления. Больше всего о Сталине сейчас пишут, кто его никогда не видел и никогда с ним дел не имел.

Почитайте всех наших крупных военачальников, маршалов: от- рицательного образа Сталина у них нет. (К примеру, воспоминания.

Жукова, Василевского, РокоссовсжюгоП^юйГева, Штеменко и др.) С моей точки зрения, Сталин был на месте. Был ли чересчур жесткий со своими расстрелами? Расстрелы были разные. Я не разделяю некоторые расхожие мнения, которые излагают сейчас. Вот мой отчим сидел в тюрьме. Был посажен в 1934 г., и я во всех анкетах об этом писал, в том числе, когда меня принимали кандидатом в члены партии, потом членом партии. В моей судьбе это никакого значения не имело.

Я всегда работал смело, без какой-то оглядки — «как бы чего не вышло...». Когда во время репрессий посадили главного инженера завода, он мой друг был, меня вызвали в суд, и я все показания дал в пользу подсудимого, хотя его приговорили к 15 годам заключения. Я при этом был директором завода и на моей судьбе моя позиция на суде никак не сказалась. Меня не снимали, а потом выдвинули и заместителем наркома.

У меня есть дневник отчима, я его иногда читаю. Может быть, его и опубликую. Он работал на канале Москва-Волга. Из 5 лет находясь в тюрьме, 3,5 года трудился на строительстве канала. В 1937 г. их отправили (кто сидел по ст. 58) в Сибирь. Но ведь сидели в тюрьмах в подавляющем большинстве уголовники. Я не знаю, 7 или 10% было политических, может быть, 12%. Никто этих цифр не называет. Но вот по описаниям отца сидели в основном уголовники. Он им преподавал арифметику, русский язык. Сколько было уголовников? Никто цифры не называет.

Я уже приводил пример с Таубиным. Его реабилитировали. То, что расстреляли — это неправильно, а то, что посадили, во многом заслужил. А стоит задуматься, сколько наших летчиков из-за авантюризма Таубина погибли, т. к. он на полгода задержал выпуск авиационных пулеметов?

Вот недавно выступает, кажется на съезде народных депутатов новый генеральный прокурор СССР и говорит: «Я не знаю, сколько было при Сталине посажено — 10 тыс. или 100 тыс. Но видите, какие он цифры называет не 10 млн. или 20 млн., а 10 тыс. — 100 тыс.

Другие оперируют только десятками млн., кто во что горазд. А сколько погибло у нас в Гражданскую войну? Точных данных тоже нет. Одни говорят 6 млн., другие говорят, что помимо жертв сбежало за границу 13 млн., мы потеряли лучшие головы. Сейчас вовсю поносят и Ленина, не говоря уже о Сталине. А Сталин не один решал вопросы, вокруг Сталина было окружение. Чем были плохи Шверник или Косыгин, как их можно оплевывать? Они работали при нем. Жуков тоже при Сталине работал, много разумных при нем работало. Взять маршала артиллерии Николая Дмитриевича Яковлева - мой земляк, я с ним в войну очень часто общался. Он мне рассказывал случай, когда к Сталину по его вызову явился один вдребезги пьяный генерал. Сталин посмотрел на него и отправил домой со словами: «Пусть идет, его сегодня наградили, на радостях выпил и

правильно сделал... » Нельзя же сказать, что Сталин жестокий изувер какой-то!

Я, например, считаю, но об этом молчат и напрасно молчат, что очень большую роль в массовых арестах сыграли местные органы НКВД - НКГБ. В эти органах было немало людей, которые подстраивались под местные органы власти. Сейчас немало людей, которые подстраиваются...

Если «раскрывали» какой-то «заговор», то раскрывший его оказывался «на горе». А поэтому такие «заговоры» без конца и «раскрывались». И люди горели на этом деле.

Приведу пример. Я в Ижевске с органами был близок, потому что каждый день подписывал отчет о сданной оборонной продукции вместе с секретарем обкома и начальником облуправления НКВД. Однажды прихожу к начальнику облуправления НКВД, а он пьяный. Молодой человек, бывший секретарь московского райкома комсомола. 28 лет. Сидит распахнутый.

— Ты что, Миша, задумался? — спрашиваю его. — В чем дело?

~ Да вот послали на утверждение в Москву список из 36 человек, приговоренных к расстрелу. Пришел оттуда список с четырьмя вычеркнутыми, а мы их уже расстреляли.

Вот, какие порядки были на местах. Ну, причем тут Сталин. А Мишке хотя бы выговор дали за такое дело! Даже замечание никто не сделал. Так что валить на одного Сталина не совсем правильно. Другое дело — в первую очередь он создал в стране такую атмосферу с нарушениями социалистической законности. Я вот Анастаса Ивановича Микояна расспрашивал, почему такое положение в стране создалось?

Г. А. Куманев: Каково, кстати, Ваше мнение о нем?

В. Н. НОВИКОВ: Говорить, что не было никакого сопротивления в 1935-м, ни в 1937 году, что все были за Сталина, было бы неверно. Сопротивление было, было немало несогласных, были и троцкисты, и прочие оппозиционеры, и вообще недовольные советским строем и т. д.

Но вот я спросил Микояна, почему Сталин расстрелял Н. А. Вознесенского и А. А. Кузнецова. Вернее, почему он позволил их расстрелять? Вознесенский бывал у него каждый день, почти его правая рука, Кузнецова он собирался сделать вторым лицом в ЦК, в партии.

Микоян ответил, что Сталин уже последние 7 лет был совершенно больным человеком. Знаете ли или не знаете, что лечился он у коновала, которого он держал при себе дома. Он боялся пускать к себе докторов. Почему дело врачей создали? Здоровый во всех отношениях человек будет при себе держать дома коновала в качестве лечащего врача? Наверно, не будет. По словам Микояна, Сталин, болел манией преследования. Для руководителя государства это страш- ная болезнь. Кто-то чего-то ляпнул, и человека уже нет.

Как у нас все получается? Сталин ушел из жизни больной, Брежнев ушел тоже дай Бог. А/во время войны он очень часто обходился без арестов. Под моим кураторством в Ижевске было 30 заводов. Не был посажен ни один человек.

Так что разные оценки могут быть. Я не оправдываю целиком Сталина. Думаю, что он создал излишне подозрительную обстановку, обстановку недоверия со всеми вытекающими отсюда трагическими и драматическими последствиями. Много было необоснованно, т. е. по надуманному, лживому предлогу арестовано. Правда, если спросить, а сколько было среди них уголовников — никто не скажет. Значит, кому памятник поставим: жертвам революции или уголовникам? Надо дать цифры или поименный список.

Вон отец описывает случай. Его сделали на какое-то время садоводом к начальнику лагеря. Ему тяжело было одному с этим справляться, сад большой. И вот дали ему в помощники уголовника, которого вооружили большими ножницами, чтобы стричь кусты. Этот уголовник стал к отцу подбираться с этими ножницами, симулируя сумасшествие и желание ножницами отрезать голову. А потом, когда в Сибири встретились, уголовник рассказывал отцу, как он его старика, напугал.

Г. А. Куманев: Владимир Николаевич, а какую Вы можете дать оценку, насколько были компетентными в Ваших вопросах те же Берия, Маленков?

В. Н. НОВИКОВ: И Берия, и Маленков тоже не были компетентными в военно-технических вопросах, как и Сталин. Ну где Берии разобраться и в атомной бомбе, и во многих видах вооружения? На него навешали колоссальное по численности руководство различной военной продукцией.

Дело даже не в умении руководить, а в умении прислушиваться. Но ведь прислушиваться надо к людям, к которым имеется доверие. Если Устинов пользовался доверием Берии, он готовил проект того или иного постановления, который Берия потом визировал. У Берии был одним из помощников Кирпичников — заместитель председателя Госплана СССР. Тот тоже готовил ряд проектов решений и их визировал, визировал и готовили их и заместители наркомов... А Берия уже на верху нам их подписывал.

Однажды он меня спросил: «Сколько, товарищ Новиков, Вам надо времени, чтобы с 2 тыс. винтовок в месяц выйти на производство 5 тыс.?»

Я сказал: «Семь—восемь месяцев».

Он заявил:

- Вы что говорите, Новиков? Вы знаете, что, когда один боец наш стреляет, другой лежит рядом в окопе и ждет, пока винтовка освободится. Вы знаете о такой обстановке на фронте? Вот Вам три месяца, чтобы довести ежемесячный выпуск винтовок до 5 тыс.

С пониманием такой срок был им установлен или нет? Конечно, < без понимания. ,

Отвечаю:

— Считаю, что это нереальный срок.

Была создана по этому вопросу комиссия, куда вошли В. В. Кузнецов, П. И. Кирпичников и я. Мы два дня заседали. Я доказывал, что за три месяца мы ничего не сделаем, в лучшем случае - вместо 2 тыс. будем выпускать 3 тыс., и это предел возможностей. А те оба все-таки начальство. Они говорят, может быть, примем какие-то; необычные меры и дадим цифру более 3 тыс. Они подписали, а я не подписал. Берия опять собрал, в том числе несколько наркомов, нашу комиссию.

— Товарищ Кузнецов, доложите.

— Лаврентий Павлович, мы считаем, если необычные меры принять, то можно дать (какие «необычные», он тоже ни черта не понимал?!!) результат.

Берия спрашивает:

Почему Новиков не подписал?

— Он считает, что срок нереальный.

— Новиков, в чем дело?

Я отвечаю:

— Лаврентий Павлович, я не могу никого обманывать. Беру самый короткий срок, когда физически можно что-то сделать. Потому все остальное будет обманом.

Берия плюнул на пол, отматерился и сказал:

— Принять предложение Новикова.

Итак, три месяца мурыжил, потом видит, что ничего не получается, и согласился моим предложением.

Потом я спрашивал сотрудников аппарата Берия, почему все- таки учли мое мнение. Все-таки в комиссии были два заместителя председателя Госплана. Он принял во внимание, что я только что вернулся с завода, значит, знаю, как обстоит дело на местах. Кроме того, Берия смертельно боялся обмануть Сталина. Если Сталину сказать какую-то неприятность, он выдержит, но чтобы обмануть... Берия это понимал больше, чем кто-то другой. Так что сказать, что Берия и Маленков понимали в производстве, такое утверждение было бы глупым.

Э. И. Гранина: Кто из числа конструкторов Наркомата вооружения, кроме Таубина, был еще репрессирован?

В. Н. НОВИКОВ: Не помню еще кого-то, ни до войны, ни после войны. Видите ли, Таубин попался на обмане. Он зря влез с аван-. тюрными предложениями. Я уже говорил, человек он был нахальный | и авантюрный. Похож на Шпитального, которому Сталин дал даже ■ открытый счет (бери, сколько хочешь на свое содержание и содер-! жание кобыл). Но главное, чтобы давал оружие, в котором нуждалась j

Красная Армия. А он себя вел как? Меня на 4 дня посадили, я был замнаркома и директором. Секретарь мне говорят: «Владимир Николаевич, к Вам пришел товарищ Шпитальный». Отвечаю: «У меня совещание директоров. Сейчас их отнушу^i через две-три минуты его приму».

Проходит несколько минут. Спрашиваю:

— Где товарищ Шпитальный? Приглашайте его.

Он уже уехал. (Т. е. две минуты не мог подождать. Уехал так уехал, наверное, не такое срочное дело...)

Через 15 мин. звонит помощник Сталина Поскребышев:

— Товарищ Новиков, Вы ведете себя неправильно. Вас только недавно назначили замнаркома, а Вы уже проявляете бюрократизм.

— В чем дело, Александр Николаевич?

— Как же так Вы не приняли товарища Шпитального?

Я рассказал Поскребышеву, как было.

— Нет, в следующий раз Вы сразу его принимайте, — подчеркнул Поскребышев и положил трубку. (Т. е. Шпитальный сразу побежал к Сталину жаловаться, что я его не принял.) Так порядочный человек вести себя не может.

Он потом мне звонит и говорит:

— Владимир Николаевич, дорогой, я приглашаю Вас в соавторы пушки, ведь Вы такую заботу о моей пушке проявили, такое внимание...

Недостойный человек, вел двойную игру. Вот я бы таких сажал.

А. В. Басов: От кого больше исходила инициатива по созданию новых видов оружия? От промышленности или от действующей армии?

В. Н. Новиков: Конечно, от армии. С фронта нам поступали лучшие образцы оружия противника. И на базе изучения иностранного оружия (у противника до войны полигоны были лучше) мы совершенствовали свое вооружение. При этом многое исходило и от наших конструкторов. Среди них очень инициативными были такие, как Василий Дегтярев, Федор Петров, Василий Грабин, Александр Нудельман, Михаил Березин, Степан Владимиров, Георгий Шпагин, Алексей Судаев, Петр Горюнов, Борис Шавырин, Сергей Симонов, Леонид Локтев, Николай Рукавишников и многие другие. Всех не перечислить.

Из крупных работ по истории Великой Отечественной войны я читал однотомник. Что мне не понравилось: во-первых, не раскрыты ошибки военных, потери ими техники и вооружения. Куда, например, подевались многие танки, орудия, а также около 10 млн. винтовок? По чьей инициативе они пропали? Не думаю, что Сталин дал указание все стянуть к границе. Полагаю, что это Кулик надурил. Это мое предположение. Что произошло на самом деле? Вы должны до этого докопаться. Теперь относительно противотанковых средств.

Почему воевали первое время против танков одними бутылками, когда было изготовлено огромное количество противотанковых средств? Мы в начале войны стали выпускать противотанковые ружья, которые были все же значительно слабее 45- и тем более 76- миллиметровых пушек.

Вот эта часть в истории Великой Отечественной войны не раскрыта.

Г. А. Куманев: Имеются ли еще вопросы к нашему дорогому гостю, которого мы уже порядком утомили? Если нет, то разрешите, дорогой Владимир Николаевич вместе со словами глубокой благодарности за Ваши столь подробные ответы задать Вам последний вопрос. Вы уже называли нам руководителей Советского государства военных лет, Наркомата вооружения СССР, других оборонных наркоматов, талантливых конструкторов советского оружия. Кого Вы могли бы отметить из числа местных партийных руководителей, директоров заводов Вашего наркомата и, если возможно, некоторых рядовых передовиков производства, которые, не щадя ни сил, ни здоровья, обеспечивали массовый выпуск военной продукции?

В. Н. НОВИКОВ: Конечно, всех героев тыла даже по предприятиям | Наркомата вооружения перечислить просто невозможно. И я, товарищи, с вашего согласия назову из огромной армии этих замечательных тружеников лишь некоторых из них. Всех их я хорошо знал, часто встречался, помню каждого по имени-отчеству.

Прежде всего хочу подчеркнуть, что, работая на разных участках трудового фронта, мы постоянно ощущали надежное и твердое руководство всех звеньев ленинской партии. Самый большой след в моей памяти оставили такие партийные руководители на местах, как секретари обкомов, горкомов и райкомов А. П. Чекинов, В. Г. Жа-. воронков, Н. С. Патоличев, А. В. Караваев, Ф. Р. Козлов, А. Н. Ма-. лыгин, парторги ЦК ВКП(б) на заводах Г. К. Соколов, А. Е. Иван-: цов, С. А. Баскаков. j

Через партийные организации заводов и цехов они сумели на; протяжении всей тяжелейшей войны создать на предприятиях, на | рабочих местах настоящую трудовую атмосферу. Все силы отдава- j лись выполнению фронтовых заданий. Надо было работать по 11, часов в сутки — работали, надо по 16 — работали, надо не уходить с завода неделю или две — не уходили. Далеко за пределами Удмуртии были известны имена ижевских рабочих Б. Ф. Исакова, М. А. Кала- бина, А. Султановой, Г. Ф. Митрюкова, 3. Демиховой и многих других выполнивших нормы выработки по отдельным деталям в[1] десятки раз. Некоторые из них стали лауреатами Государственной і премии СССР, невиданных результатов добились ижевские метал- лурги А. А. Масленников, К. Р. Аммасов, М. М. Горбунов, J1. А. Тебеньков. У них нашлись тысячи последователей. ,

А сколько было в рабочих коллективах промышленности вооружения настоящих самородков, буквально творивших чудеса на производстве. Никак не забуду один характерный пример. Посетил я однажды в разгар войны патронный /завод. В одном из цехов во время перерыва сопровождавший меня директор завода остановился возле одного паренька. /

— Пожалуйста, познакомьтесь, Владимир Николаевич, с нашей знаменитостью — Вася Гуркин. Самородок, может блоху подковать.

Мы познакомились. Я спрашиваю Васю:

— Что же ты умеешь делать?

— А Вы спросите, что он не умеет? — вставляет директор.

-Так что же ты умеешь? — спрашиваю паренька.

— Да, пожалуй, все, - спокойно и с достоинством отвечает он.

Тут директор поясняет:

— Вася может изготовить любой инструмент, любой точности, любую деталь. Или починить любой станок, любой механизм. Например, часы — большие и маленькие. Мы не раз интересовались, сможет ли он подковать блоху. Вот Вася говорит, что не пробовал, но уверен, что сможет. И я в этом тоже нисколько не сомневаюсь.

— Как же у тебя, Вася, все это получается? — снова обращаюсь к Гуркину.

— Знаете, товарищ замнаркома, над каждым заданием, каждой умной голове, видимо, надо иметь и золотые руки, и верный глаз, — вставляет директор.

~ Это точно, — согласился, покраснев, Вася. — Но все-таки сначала надо иметь голову.

Позднее, как мне стало известно, Василий Гуркин добился еще более выдающихся результатов и был награжден орденом Ленина. В частности, он изобрел приспособление, которое дало возможность обеспечить выпуск в неограниченном количестве сердечников для бронебойных пуль к противотанковому патрону, который эффективно поражал многие бронетанковые цели.

Ну, и наконец, относительно лучших директоров заводов Наркомата вооружения. Их тоже было несколько десятков и даже больше. Стоит подчеркнуть, что умение руководить рабочим коллективом, завоевывать авторитет, мобилизовывать его на выполнение различных военно-хозяйственных задач в чрезвычайно сжатые сроки дается далеко не каждому. В военное время не было недостатка в таких людях, включая и директоров заводов. В те годы выдвинулось много талантливых организаторов оборонного производства. Это А. И. Быховский, А. С. Елян, Л. Р. Гонор, М. А. Иванов, Б. А. Хазанов, К. Н. Руднев, В. П. Болтушкин, В. И. Фомин, Ф. К. Чеботарев, Ф. К. Чарский, ГГ. А. Сысоев и десятки других. Их вклад в создание оружия Победы, в разгром врага весьма значителен...

Из неопубликованных документов

1. Постановление Государственного Комитета Обороны от 4 ноября 1941 г. «Об увеличении производства 14,5-мм противотанкового ружья Дегтярева».

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Во изменение постановления ГКО № 848сс от 28/Х-41 г. установить по заводу NQ 2 НКВ план производства и поставки 14,5-мм ПТР Дегтярева в следующих количествах: ноябрь - 5000 шт., декабрь - 10000 шт.

2. Обязать НКВ (т. Новикова) и директора завода (т. Иванова) организовать на Ижевском заводе NQ 74 производство 14,5-мм ПТР Дегтярева с выпуском без ущерба производства винтовок и пулеметов Березина в ноябре - 2000 шт., в декабре - 6000 шт.»*.

Председатель ГКО
И. СТАЛИН

2. Из постановления Государственного Комитета Обороны от 9 ноября 1941 г. «Об увеличении производства 14,5-мм противотанкового ружья в г. Москве».

«Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Во изменение постановления ГКО Nq **848сс** от **28.** Х. 41 **г.** установить по заводу Nq 614 НКВ (т. Саретов) план производства и поставки 14,5-мм ПТР Симонова в следующем количестве: ноябрь - 750 шт. и декабрь — 3500 шт.

2. Обязать Наркомат Вооружения (тт. Устинова, Барсукова, Новикова) и директоров заводов NQ 54 (т. Мелехина) и NQ 74 (т. Иванова) - организовать производство 14,5-мм ПТР Симонова с выпуском на заводе № 54 в ноябре — 250 шт., декабре - 4000 шт. и на заводе NQ 74 - в ноябре - 100 шт., в декабре — 2500 шт. без ущерба производства на указанных заводах пушек Волкова-Ярцева, пулеметов «Максим» и Березина, винто вок и противотанкового ружья Дегятрева...»**

Председатель ГКО *
И. СТАЛИН

*** Архив Президента РФ. Коллекция документов.**

**** Там же.**

В. С. ЕМЕЛЬЯНОВ

Василий Семенович Емельянов (12.02.1901—18.06.1988) — советский ученый-металлург и видный организатор отечественной промышленности, вышедший из народной глубинки. Огромная жажда знаний, стремление стать специалистом высокой квалификации привели его по рекомендации ЦК Компартии Азербайджана в Горную академию, находившуюся в Москве.

После ее успешного окончания В. С. Емельянов некоторое время работал в промышленности г. Челябинска, а затем был переведен в Наркомат оборонной промышленности СССР заместителем Главного инженера по науке. Незадолго до фашистской агрессии против СССР он назначается начальником Главного управления Наркомата судостроения СССР и заместителем председателя Комитета по стандартам при Совнаркоме СССР, а в разгар Великой Отечественной войны в ранге наркома — Председателем комитета.

Именно в эти трудные годы раскрылся большой талант Василия Семеновича. Его основная деятельность в отечественной промышленности была посвящена исследованию и разработке новых сталей, технологии изготовления броневых плит, изучению газов в спецста- лях и ферросплавах. Много он сделал как Председатель названного комитета в налаживании в стране стандартизации выпускаемой продукции.

10 апреля 1942 г. В. С. Емельянову и группе практических работников промышленных предприятий и научно-исследовательских институтов была присуждена Сталинская премия, как говорилось в постановлении СНК СССР, «за разработку технологии производства литых танковых башен».

В послевоенные годы Василий Семенович занимает ряд ответственных должностей в народном хозяйстве страны, несколько лет работает председателем Комитета по атомной энергии и в Международном агентстве по атомной энергии (г. Вена).

Он был избран членом-корреспондентом АН СССР, вторично (1951) удостоен Сталинской премии и награжден Золотой медалью «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

Познакомила меня с В. С. Емельяновым его дочь Надежда Васильевна, которую я хорошо знал. Она работала научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР. Во время одной из встреч с Василием Семеновичем я обратился к нему с просьбой дать мне интервью по ряду вопросов, связанных с историей военной экономики СССР 1941—1945 гг. Он любезно согласился, и 5 февраля 1978 г. состоялась наша беседа, магнитофонная запись которой пуб

ликуется ниже. Тогда же мы договорились о нашей новой встрече, но в силу ряда объективных причин она так и не состоялась...

Беседа профессора Г. А. Куманева с председателем Комитета стандартов при Совнаркоме СССР военных лет Героем Социалистического Труда, членом-корреспондентом АН СССР В. С. Емельяновым

(Магнитофонная запись) *5 февраля 1978 г.*
г. Москва

Г. А. Куманев: Я рад, дорогой Василий Семенович, встрече с Вами и очень признателен Вам за согласие отложить все дела и приехать к нам в Институт истории СССР Академии наук СССР, чтобы ответить на ряд вопросов, которые меня особенно интересуют. Речь идет о предвоенных годах и о периоде Великой Отечественной войны.

Как известно, это было время больших перемен и потрясений, когда в процессе подготовки, а затем в огне развязанной фашистским блоком мировой войны решалась судьба всего человечества, его цивилизации.

Несмотря на обилие военно-исторической литературы о 1938— 1945 гг., имеется еще немало тем, которых исследователи и мемуаристы пока не касались. Во многом, видимо, это связано с существующим положением, когда значительная часть документальных источников все еще закрыта для исследователей. Кроме того, есть немало тем, которые почему-то считаются у нас нежелательными для научного освещения.

При этом следует заметить, что многие ценные исторические сведения, к сожалению, не отразились в документах, а сохранились только в памяти нашего старшего поколения, очевидцев и участников предвоенных и военных лет. Оно уходит, и с ним безвозвратно уходит немало бесценных свидетельств о нашем прошлом, о людях той драматической и героической поры.

Вы, уважаемый Василий Семенович, принадлежите к числу тех государственных деятелей, кому выпала честь в те трудные годы решать важнейшие задачи по укреплению обороны нашей страны. Вы много повидали и Вам есть, что рассказать, а нам, историкам, все это следует использовать в своих трудах.

В. С. Емельянов: Да, это действительно так. Надо многое оставить, передать потомкам. Я благодарю Вас, уважаемый Георгий

Александрович, за приглашение встретиться и готов ответить в силу возможностей на интересующие Вас вопросы. Но поскольку тему нашей беседы невозможно исчерпать за тс/ время, которым мы располагаем, я предлагаю сегодня посвятить/разговор предвоенным годам, а в следующий раз — периоду Велико^ Отечественной войны. Вы согласны?

Г. А. Куманев: Конечно, согласен. Ведь это и возможность снова встретиться с Вами и более подробно о многом поговорить.

В. С. Емельянов: Чтобы быть более точным, дать более полные ответы, я с собой захватил и некоторые материалы, свои старые записи, которые делал по свежим следам тех памятных событий. Я буду их использовать. Ведь человеческая память имеет свои пределы. Итак, какой Ваш первый вопрос?

Г. А. Куманев: Меня прежде всего интересует, с какого времени, Василий Семенович, Вы стали учиться и работать в Москве, и в чем заключалась Ваша работа?

В. С. Емельянов: Я приехал учиться в Москву в 1922 г. Мне дали в ЦК Компартии Азербайджана письмо в ЦК РКП(б). Оно было подписано секретарем ЦК Компартии республики. В нем говорилось примерно следующее: «Просим оказать содействие товарищу Емельянову В. С. для поступления в Московскую Горную академию».

Приехал с этим письмом в Москву (в столице я оказался впервые), разыскал здание ЦК партии. Оно находилось возле нынешней Государственной библиотеки имени Ленина, где сейчас Музей архитектуры. Я вошел, вынул партийный билет. По нему прошел в здание ЦК (пройди-ка я сейчас по партбилету!), встретил там какого-то парня. Кстати, когда я уезжал, мне на конверте поставили штамп «секретно», хотя там секретного ничего не было. Но это мне помогало двигаться, я шел как дипкурьер. Этому парню я говорю: «У меня секретный пакет, к кому мне идти?»

«Надо к кому-то из секретарей ЦК», — отвечает он. — Сейчас Молотов здесь находится. Может быть, к нему пройдете?» И показал мне, как пройти. Я нашел небольшую приемную Молотова. Там сидел его молодой помощник. Я говорю: «У меня письмо к товарищу Молотову». Отвечает: «Он сейчас один, пройдите». И открыл дверь.

Молотов сидел над бумагами. Поднял голову. Мы поздоровались. «Что у Вас там?» Я подаю ему письмо. Он быстро прочитал и написал: «Тов. Удальцову. Надо помочь. В. Молотов». Спросил: «А где Вы остановились?» Говорю: «Я прямо с вокзала, нигде не останавливался». Молотов пишет маленькую записочку в Дом Советов - «Поместить на 3 дня». Потом вторую записочку пишет: «В «Метрополь». (Там была партийная столовая). На три дня, кормить обедом. В. Молотов». Наконец, пишет третью записку: «Выдать две банки мясных консервов. В. Молотов».

Я пошел в кабинет Удальцова. И там допустил непростительную глупость. Оказывается, Удальцов был деканом факультета обще

ственных наук. Он взял письмо: «Значит, Вы ко мне на факультет?» А у меня как-то вырвалось: «Я хочу делом заниматься». (Смех.)

Как это у меня вырвалось? Я потом очень ругал себя. Удальцов сильно обозлился: «А мы что здесь, бездельники?» Отвечаю: «Да нет. Дело в том, что по общественным наукам я бы мог и в Баку работать. Но меня сюда послали по горному делу. Я горняк. И послали изучать горное дело. Собирался заниматься геологией нефти».

Ну, он сменил гнев на милость. Написал соответствующее письмо и вручил мне.

Недавно я был в Кунцевской больнице (навещал больную жену) и встретил там Молотова. Мы с ним поздоровались. Кое о чем поговорили. Ведь он сменил меня в должности члена Совета управляющих международного атомного агентства в Вене и представителем СССР в этой организации. Я просил много раз освободить меня от такой нагрузки. Я ведь был еще председателем Комитета по атомной энергии. Приставал, приставал, писал письма. И вот однажды мне позвонил Андрей Андреевич. Громыко и говорит: «Мы Вашу просьбу учли и назначили нового представителя». Я говорю: «Кого?» Он отвечает: «Вячеслава Михайловича». (Мне даже в голову не могло прийти, что речь идет о Молотове). Спрашиваю: «Какого Вячеслава Михайловича?» Громко говорит: «Того самого, Молотова. Он только что от меня вышел. Минут через 15—20 будет тебе звонить. Прими его и расскажи, что за организация и т. д.»

И вот мы встречаемся в Кунцевской больнице, причем я его в недавнем прошлом начальник, он — заместитель. Поздоровались. Молотов говорит: «Можно с Вами пройтись?» Отвечаю: «С удовольствием». Он спрашивает: «Когда мы впервые с Вами встретились?» Я ему напомнил о той встрече в ЦК.

Молотов говорит: «Неужели я Вам отпустил две банки консервов? Я больше одной никому не выдавал». И добавил: «Вот были времена: секретарь ЦК распределял консервы».

Я Молотову говорю: «Можно мне об этом где-то написать?» — «А почему нет? Ведь это правда, пишите».

Таких эпизодов у меня много, и я не буду заполнять ими нашу беседу.

Когда я окончил Горную академию, побывал в довольно длительной командировке на заводах Круппа. По возвращении из Германии мне очень хотелось быстро реализовать наиболее ценное, что удалось там почерпнуть.

Моим начальником был Иван Тевадросович Тевосян. Мы с ним когда-то учились в Горной академии на одном курсе, в студенческом общежитии вместе жили, были большими друзьями. Он стал потом меня уговаривать, чтобы я остался у него в управлении. Я ведь после Горной академии попал в Челябинск и там некоторое время работал. В 1937 г. получил телеграмму за двумя подписями: Завенягина (был заместителем наркома тяжелой промышленности) и Тевосяна. В ней

говорилось, чтобы я открепляся, т. ej снимался с учета и приезжал в Москву.
j

К слову, у меня в воинском билете очень любопытная надпись: «гражданская специальность — профессор», «военная специальность — рядовой необученный».

Приезжаю к Тевосяну, спрашиваю: «В чем дело?»

— Мы тебя назначаем заместителем Главного инженера в созданном не так давно Наркомате оборонной промышленности, будешь его заместителем по науке.

— Кто мною будет руководить?

— Рухимович. Теперь иди к нему.

Я тут же пошел знакомиться. Это было мое первое и, как оказалось, последнее посещение наркома оборонной индустрии страны.

Моисей Львович Рухимович был известным деятелем партии и Советского государства, принимал активное участие в революционном движении еще с 1904 г. В дни Великой Октябрьской социалистической революции был председателем Харьковского Военно-революционного комитета. После окончания Гражданской войны его направили на работу в угольную промышленность. На IX Всероссийском съезде работал «с чрезвычайной преданностью и чрезвычайным успехом», как отмечалось в одном из документов.

В 20-е и начале 30-х годов М. Л. Рухимович являлся председателем Высшего совета народного хозяйства Украины, заместителем председателя ВСХВ СССР и наркомом путей сообщения СССР, а в 1936 г. был назначен наркомом оборонной промышленности СССР.

Когда я вошел в кабинет Рухимовича, он приветливо улыбнулся, поднялся с кресла, поздоровался со мной за руку и сказал:

— Прошу садиться.

Первым делом спросил, занимался ли я когда-либо броней. Отвечаю, что нет и что последние два года мне довелось специализироваться на ферросплавах, когда я работал на Челябинском ферросплавном заводе.

— Я знаю об этом, — говорит Рухимович, — Тевосян мне о Вас рассказывал много хорошего. А Вы думаете для меня это не новое дело? Я никогда не занимался оборонной промышленностью. Но Вы запомните — у нас с Вами одна специальность - мы большевики. А все остальное — это побочное. Надо браться за этот очень важный участок. Насколько я знаю, находясь в длительной командировке в Германии, Вы ведь с Тевосяном изучали на заводах Круппа производство качественных сталей? Значит, видели, наверное, как там изготовляются и броневые стали?

Я это подтвердил и добавил, что видел их изготовление и на заводе Рохлинга в Вецларе.

— Тогда Вам все карты в руки, — сказал Моисей Львович. - Ведь другие такой возможности не имели. Будет очень трудно — обращай

тесь ко мне. Всегда постараюсь помочь. Я об этом просил и Тевосяна. Кроме того, начальник Вашего управления и главный инженер главка очень порядочные и грамотные люди, и они помогут Вам, войти в курс дела.

Рухимович немного задумался и закончил нашу беседу словами, что перед нами стоят большие и сложные задачи. Но самое главное состоит в том, что решать их нам надо очень оперативно.

Глядя на наркома, я невольно подумал, какие же у него уставшие глаза. Видимо, времени для сна и отдыха остается мало.

— Желаю успеха, - сказал Рухимович и протянул мне свою теплую руку.

Так я стал заниматься броней. Тогда в 1937 г., была поставлена задача - создать Военно-Морской Флот пяти морей и океанов. Начали строить судостроительные заводы и расширять существовавшие. Расширяли Балтийский завод, завод в г. Николаеве, строили новый завод в Архангельске, стали создавать броневые производства. Броней для судов мы никогда не занимались. У нас, правда, был линкор или крейсер «Императрица Мария», но броня на нем являлась покупная, из-за границы. Вначале у нас был один такой завод с цехом по производству брони. Вот сейчас некоторые утверждают, что к обороне страны, к войне мы не готовились, но это не так. Это злостная болтовня. Это клевета. Вот в 1937 г. мы уже думали, что при особых обстоятельствах нам надо иметь еще такое же предприятие где-то на Урале. А в 1938 г. мы начали проектировать большой завод по производству стали в Челябинске

В это время Рухимович был освобожден с поста наркома оборонной промышленности и заменен братом Лазаря Моисеевича Кагановича — Михаилом Моисеевичем.

Когда я об этом узнал, то при очередной встрече с Тевосяном спросил его, чем вызвана эта замена. Но Иван Тевадросович ответил, что он «не в курсе дела», что ему причина смены руководства Народного Комиссариата оборонной промышленности не известна. Может быть, тогда это было действительно так. Однако вскоре для многих из нас не стало секретом, что Моисей Львович был снят с работы, а затем и арестован по обвинению в измене Родине. Он погиб в 1938 г.

Г. А. Куманев: Что Вы можете сказать о М. М. Кагановиче? Что это был за человек, брат такого крупного деятеля партии и государства? Каков он был на посту наркома оборонной промышленности?

В. С. Емельянов: Охотно отвечу. С Михаилом Моисеевичем > Кагановичем я проработал около двух лет. Это был грубый, малокультурный, малокомпетентный в военно-хозяйственных вопросах и к тому же довольно шумливый человек. Что особенно его отли- • чало от многих руководителей такого ранга - М. М. Каганович, казалось, никогда не умолкал. Он постоянно говорил, говорил, !

говорил. При этом всех поучал, над многими насмешничал и подтрунивал. Но шутки его, разные анекдоты были, как правило, неуместными, топорными и нередко! оскорбительными для тех, кого он высмеивал. \

Михаил Каганович тоже принимал участие в революционном движении, имел в нем определенные заслуги, был членом партии с дореволюционным стажем. Однако в отличие, например, от своего предшественника — М. Л. Рухимовича он плохо разбирался в делах наркомата и наркоматом фактически руководили его заместители — И. Т. Тевосян, Б. J1. Ванников, М. В. Хруничев. М. М. Каганович же большую часть времени председательствовал на разных совещаниях. По прибытии в наркомат, он немедленно, по любому поводу собирал заседания, где кого-нибудь обязательно распекал, ругал и высмеивал.

Не отличался нарком также скромностью и бережливостью. Когда наркомат исключительно благодаря связям и напористости Михаила Моисеевича получил только что отстроенное здание Управления Московского метрополитена, сразу же развернулась его капитальная переделка. С особым старанием и роскошью отделывался огромный кабинет наркома. Там появились дорогие люстры, богатая мебель, панели из красного дерева и т. д.

Однажды я оказался невольным свидетелем разговора, состоявшегося между двумя заместителями наркома оборонной промышленности — Михаилом Васильевичем Хруничевым и Борисом Львовичем Ванниковым. Обращаясь к Ванникову, сильно взволнованный Хруничев заявил, что вопрос о грубости и бестактности М. М. Кагановича надо поставить в правительстве и добиться его освобождения.

На это Ванников заметил:

— Для снятия наркома, дорогой Михаил Васильевич, нужны более веские основания, чем грубость. Спросят: «А допускает ли товарищ М. М. Каганович какие-нибудь серьезные политические искривления или крупные ошибки в руководстве наркоматом?» И что мы ответим? Ведь все предложения и все приказы наркома по руководству оборонной промышленностью разрабатываются нами. Мы с тобой окажемся просто в глупейшем положении. Нет, уволь меня, с этим вопросом я не пойду.

Тогда Хруничев предложил Ванникову отправиться вместе к самому наркому и высказать ему все, что о нем наболело, начистоту.

Но Борис Львович ответил, что этот разговор ничего не даст, толку никакого не будет

Вскоре (это было в начале 1939 г.) Наркомат оборонной промышленности СССР разделили на четыре наркомата — авиационный промышленности, вооружения, боеприпасов и судостроения. И М. М. Каганович (не знаю, по чьей инициативе и поддержке) стал наркомом авиапромышленности. Правда, ненадолго: через несколь

ко месяцев он оказался не у дел, и жизнь Михаила Кагановича трагически оборвалась*.

Г. А. Куманев: О ком еще из руководителей нашего народного хозяйства предвоенной и военной поры Вы могли бы мне, хотя бы вкратце, поведать? Из того, что Вы уже рассказали, Василий Семенович, я понял, что у Вас были особенно близкие отношения с таким крупным государственным деятелем и организатором промышленного производства, как Иван Тевадросович Тевосян. Кстати, хочу заметить, что во многих публикациях, включая и энциклопедии, отчество у Тевосяна значится как «Федорович». Очевидно, так звучит перевод на русский язык?

В. С. Емельянов: Да, по-моему, именно в этом дело. Но мы все его звали «Иван Тевадросович», или Иван Теодросович».

Г. А. Куманев: К сожалению, о Тевосяне у нас не так уж много написано. Мало сейчас известно и о многих других руководителях советской экономики того времени.

В. С. Емельянов: Согласен с Вами, Георгий Александрович.

В годы мирного социалистического строительства и в суровый период Великой Отечественной войны выдвинулась целая плеяда талантливых хозяйственных руководителей — наркомов, их заместителей, начальников главков, директоров различных предприятий (комбинатов, заводов, шахт, рудников, строительных трестов) и др.

В этой, я бы сказал, славной когорте заметное место занимали те из них, с которыми мне довелось и посчастливилось не только часто встречаться по производственным и общественным делам, но и поработать вместе, рука об руку не один год и многому у них научиться.

Мой подробный рассказ об этих замечательных людях, конечно, занял бы много времени. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос или пожелание, я немного расскажу о трех из них: Тевосяне, Хруничеве и Лихачеве. Это были типичные представители советской школы руководящих промышленных кадров: весьма авторитетные в рабочей среде, очень опытные, грамотные и инициативные.

Прежде всего, об Иване Тевадросовиче Тевосяне. Мы действительно были с ним большими друзьями, начиная с совместной учебы в Горной академии. Потом судьба свела нас в работе в наркоматах оборонной и судостроительной промышленности.

Он был человеком кипучей энергии, человеком дела. Себя не жалел и даже в самые ответственные и тяжелые дни думал и заботился о других. Люди, с которыми он трудился, это хорошо понимали и чувствовали. Тевосян никогда никого не поучал, не одергивал, не унижал. Он только советовал, а в спорах всегда убедительно разъяснял заблуждение оппонента и правоту своей точки зрения.

Характерной чертой Тевосяна была его постоянная тяга к знани-

*** Подробнее об этом см. в тексте о'Л. М. Кагановиче.**

ям. Несмотря на огромную занятость, он много читал. Стол в его рабочем кабинете всегда завален книгами, журналами, газетами, справочниками, альбомами. /

Как крупный металлург по основной профессии он выдвигается в Наркомате оборонной промышленности на должность начальника Главного управления по производству брони, затем главным инженером и начальником главка по кораблекрушению. Многих поначалу этот удивило: металлург — и вдруг ведущий специалист и руководитель кораблестроительного дела. Но недоумение, всякие разговоры на этот счет скоро прекратились, ибо Иван Тевадросович необычайно быстро познал не только азы, но и глубинные процессы, особенности и главные секреты судостроения. И когда после разукрупнения Наркомата оборонной промышленности Тевосян был поставлен вот главе Наркомата судостроения, этот факт уже мало для кого явился неожиданным.

Его всегда тянуло на заводы, ибо он считал — нельзя руководить только путем издания приказов и распоряжений. Надо проверить самому, как они эффективны и кто их реализует. Поэтому нарком Тевосян часто выезжал на заводы, в том числе и на предприятия, которые хорошо справлялись с планом, чтобы «поучиться у них». «К любой командировке необходимо тщательно готовиться, — говорил он, — хорошо знать все вопросы, которые следует разрешить. Иначе появление представителя наркомата может принести только вред». После его возвращения из командировок в наркомате наступало оживление: принимались меры по устранению выявленных во время поездок наркома недочетов.

Несмотря на огромную занятость Тевосяна административными делами, он всегда находил время, чтобы встретиться и побеседовать по разным вопросам. Часто рассказывал о встречах со Сталиным.

Однажды, это было где-то в июне 1940 г., вернувшись из Кремля, он позвонил мне и сказал, чтобы я зашел к нему поговорить о строительстве броневого завода.

Тевосян сообщил мне о состоявшемся интересном заседании Совнаркома СССР. Госплан докладывал план размещения промышленности в третьей пятилетке на Востоке страны. Намечалось развернуть в Сибири строительство большего числа заводов, преимущественно военных.

Сталин присутствовал на заседании. Он очень внимательно слушал доклад. Потом поднялся и сказал: «Вы подготовили нереальный план. Для того чтобы выполнить этот план, который Вы намечаете, нам надо на 20 или 30 млн. человек увеличить население в Сибири. Вы хотите знать, как я подсчитал? Я взял максимальную производительность рабочих (например, Ленинграда) и разделил цифры плана на эту производительность. Так вот средняя производительность труда одного рабочего в Сибири должна быть в 3,5—4 раза выше по сравнению с производительностью рабочих Ленинграда и других

индустриально развитых районов СССР. Надо или в чудо верить, или перемещать огромные массы людей в Сибирь. План нереален, й над ним следует еще поработать».

Это говорит о том, что уже тогда данные вопросы приковывали внимание руководства страны.

На этом заседании, по словам Тевосяна, Сталин особо подчеркнул необходимость форсированного развития промышленности Сибири.

В заключение своего рассказа о заседании Тевосян заметил, что он никогда не видел Сталина таким взволнованным и озабоченным. «Сталин стремится побыстрее превратить Сибирь в мощный индустриальный регион, но законно опасается, что за короткое время этого сделать не удастся. Стоит проблема — максимально сократить сроки строительства. Нам следует внести предложение об ускорении сооружения завода по производству броневой стали. Время тревожное, и надо спешить. Тем более что пока у нас еще много недоделанного», — сказал в заключение нашей встречи Иван Тевадросович.

Великую Отечественную войну он встретил на посту наркома черной металлургии СССР. И в столь грозное время Тевосян очень много сделал, чтобы эта ведущая отрасль нашей промышленности достойно справлялась с возложенными на нее задачами.

В сентябре 1943 г. ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. В послевоенные годы Тевосян наряду с выполнением обязанностей наркома (министра) черной металлургии являлся заместителем Председателя Совета Министров СССР, а с 1956 г. был послом Советского Союза в Японии. Он скончался после тяжелой болезни в 1958 г. и был похоронен на Красной площади в Москве. Для всех его бывших коллег и соратников это была чрезвычайно тяжелая и очень горькая утрата.

Одним из блестящих организаторов оборонной индустрии был и Михаил Васильевич Хруничев — человек широкого кругозора, весьма подготовленный в техническом отношении, смелый, решительный и на редкость работоспособный. Всему этому как бы импонировала и его внешность: высокий рост, хорошее сложение, простое открытое лицо, приветливая улыбка

До прихода в Наркомат оборонной промышленности в качестве заместителя наркома он работал директором одного из крупных заводов. За короткое время замнаркома завоевал большой авторитет среди многих работников, связанных с выпуском военной продукции. И не потому только, что был простым, доступным и внимательным как руководитель, а главным образом вот почему. Хорошо разбираясь во многих делах, в том числе не входивших в его компетенцию, он решал возникавшие проблемы быстро и эффективно или подсказывал наиболее разумный выход из того или иного положения.

Значительной части различных посетителей Наркомата оборон

ной промышленности не хотелось обращаться даже с важными и неотложными вопросами к наркому М. М. Кагановичу или к некоторым другим руководящим работникам наркомата из-за боязни нарваться на ругань и угрозы. Поэтому визитеров в приемной Михаила Васильевича всегда было предостаточно.

Мне не так часто в то время приходилось встречаться с ним. Но каждое общение с этим обаятельным и интеллигентным человеком оставляло в душе добрый след. Обращаясь к Хруничеву по ряду срочных дел, я неизменно получал у него дельные советы.

Вспоминается такой характерный для Михаила Васильевича пример. В конце 1938 г. в наркомате проводилось премирование наиболее отличившихся по итогам года его сотрудников. Им было выделено несколько радиоприемников, которые выпускались оборонными предприятиями, а также отрезы на платья и костюмы.

На торжественном заседании был зачитан приказ М. М. Кагановича о награждении. Однако по какой-то причине нарком отсутствовал, и собрание открыл М. В. Хруничев, который вручал и ценные подарки. Но как по-умному он это делал!

Называя по имени и отчеству награжденного и приглашая к столу президиума, он выходил к нему навстречу и вручал подарок. При этом буквально для каждого отличившегося у замнаркома находились не казенные, не трафаретные, а какие-то необыкновенно теплые слова. Атмосфера была по-настоящему праздничная, и об этом собрании потом долго говорили в наркомате.

Когда Народный Комиссариат оборонной промышленности был разделен, очень многие считали, что возглавить новый наркомат авиационной промышленности по своим знаниям, опыту, деловым качествам должен непременно Хруничев. Но тогда, как я уже рассказывал, прошла кандидатура Михаила Кагановича, совсем неподготовленного и для этой высокой и ответственной должности

В годы Великой Отечественной войны М. В. Хруничев много и плодотворно трудился на разных руководящих должностях. Работал и в качестве первого заместителя народного комиссара боеприпасов, и заместителем наркома авиапромышленности. Если я не ошибаюсь, в 1944 г. ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта- инженера, в 1945 г. — почетное звание Героя Социалистического Труда и позднее — дважды присуждалась Госпремия СССР. В 1946 г. он стал наркомом (министром) авиапромышленности СССР. С 1955 по 1957 гг. и в 1961 г. работал заместителем Председателя Совета Министров СССР. На этом высоком посту в том же 1961 г. Михаил Васильевич скоропостижно скончался. Он был похоронен на Красной площади в Москве. Его имя сейчас носят несколько оборонных предприятий, промышленных объединений, учебных заведений.'

Ну и, наконец, об Иване Алексеевиче Лихачеве/ За его плечами была большая трудовая жизнь, которую он начал с совсем юного возраста на Путиловском заводе в Петербурге. В годы Первой миро

вой войны — матрос Балтийского флота. Участвовал в Октябрьской революции и Гражданской войне. Учился в Горной академии и Электромеханическом институте. Затем был направлен на хозяйственную работу, где проявил себя талантливым руководителем, особенно когда в середине 20-х годов стал директором Московского автомобильного завода.

На этом посту Иван Алексеевич проработал около двух десятков лет. Он глубоко разбирался в автомобильном производстве, знал все его нужды и слабые места. Хорошо знал и все объекты, которые поставляли Московскому автозаводу изделия и материалы. Более того, он, кажется, лично знал в промышленных наркоматах, ведомствах и заводах сотни людей, непосредственно связанных с производством, планированием и финансированием руководимого им завода.

И если его родное детище нуждалось в каком-нибудь оборудовании или материалах, Лихачев немедленно отправлялся к тем, кто их производил, и там силой своей логики, убедительными доводами, образностью своего лексикона, как правило, добивался своей цели. Его можно было встретить и в кабинете наркома, и у заместителей наркома, и у начальника отдела, и у отдельных исполнителей, и на заводах-поставщиках. Лихачевская фраза «Выручай, браток» была его паролем и открывала доступ даже к зачерствелым сердцам людей. Иван Алексеевич безошибочно определял то главное, от чего зависит успех того или иного дела. И в поисках решения он - буквально ловил каждое умное предложение, докапывался до мельчайших деталей, а найдя выход, включал на полную мощность свою энергию и настойчивость

В начале 1939 г. Лихачев назначается наркомом только что созданного Наркомата среднего машиностроения СССР, который занимался тогда выпуском танков. В течение этого года я встречался с ним довольно часто для обсуждения и решения общих задач, т. к. мы производили танковую броню. Вместе с ним мы неоднократно участвовали на заседаниях в Кремле у А. А. Жданова, которому в то время было поручено заниматься танками, и у Г. М. Маленкова по вопросам, связанным с выпуском минометов и других видов вооружения.

На этих заседаниях я не раз убеждался, как быстро освоил Лихачев производство новой для него оборонной продукции, какие он постоянно вносил дельные предложения, как решительно отстаивал свои позиции, не взирая на лица.

Менее двух лет находился Иван Алексеевич во главе Наркомата среднего машиностроения. Но он сумел за это время внести заметный вклад в развитие отечественного танкостроения. Приведу такой пример. Вы, наверное, встречали выдержку из одного интересного документа, опубликованного в соответствующем томе многотомной «Истории КПСС» и в 3 томе «Истории второй мировой войны». Я

имею в виду докладную записку, с которой в ноябре 1939 г. обратились в ЦК партии нарком обороны К. Е. Ворошилов, нарком тяжелого машиностроения В. А. Малышев и нарком среднего машиностроения И. А. Лихачев. После успешного испытания опытных образцов тяжелого танка (КВ-1) и среднего танка (Т-34) авторы документа сообщили Центральному Комитету, что наши танкостроители добились выдающихся результатов. Они сконструировали и построили танки, равных которым в мире нет.

Иван Алексеевич был принципиальным человеком, но порой излишне горячим. Конечно, не каждому нравились его прямота и смелость. Поэтому были в его биографии и некоторые безрадостные события. Избранный в марте 1939 г. XVHI съездом ВКП(б) членом ЦК партии на XVIII партийной конференции (февраль 1941 г.) по огульному обвинению (не могу точно сказать с чьей подачи) он был исключен из состава ЦК как якобы не обеспечивший выполнение соответствующих обязанностей члена ЦК ВКП(б). Незадолго до этого Лихачев был освобожден с должности наркома и вновь назначен директором Московского автозавода, где проработал еще 10 лет, снова проявив себя в качестве выдающегося организатора.

Большие заслуги Ивана Алексеевича в области машиностроения во время Великой Отечественной войны и после ее окончания были отмечены присуждением ему в 1948 г. Государственной (т. е. Сталинской) премии. В 1953 г. Лихачев становится министром автомобильного транспорта и шоссейных дорог, а в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС (что все мы, его друзья, восприняли с большим удовлетворением) избирается кандидатом в члены ЦК партии.

Но напряженные годы сказались на его здоровье: подкралась болезнь и в июне того же года Иван Алексеевич скончался. Он был похоронен на Красной площади, а его имя отныне стал носить Московский автомобильный завод.

Что Вас еще интересует, Георгий Александрович?

Г. А. Куманев: Есть еще несколько вопросов, Василий Семенович, если я Вас еще не утомил.

В. С. Емельянов: Нет, нет, пожалуйста.

Г. А. Куманев: Хотелось бы узнать, Ваше мнение о том, каковы были в предвоенные годы военно-экономические отношения СССР с гитлеровской Германией и носили ли они для нас исключительно ущербный характер, о чем сейчас утверждается в ряде публикаций?

В. С. Емельянов: Военно-экономические отношения Советского Союза и Германии накануне войны строились, конечно, на взаимовыгодной основе и о каком-то ущербном характере для нас не может быть и речи. В декабре 1939 г. в Москву прибыла германская экономическая делегация во главе с Шнурре. В нее входили представители министерств народного хозяйства, иностранных дел, земледелия и несколько экспертов.

Начались переговоры о возобновлении действия торгового дого-

вора, который уже длительное время фактически не действовал. Я в | это время работал в Наркомате судостроительной промышленности j (основная продукция была броневая сталь для судов) и входил в состав советской делегации. Нас предупредили, что есть возможность разместить в Германии заказы на оборудование. И вот тогда немцы согласились поставить Советскому Союзу наиболее трудные для нас части: броневые башни для орудий главного калибра военных судов. Мы знакомы были с этой технологией, потому что скрыть от нас ее было очень трудно. Уже когда я руководил практикой в Германии, на практику приехал очень способный инженер из Ленинграда. Он пришел ко мне и говорит: «Вы знаете, я видел, как отливают броневые башни для судов. Я говорил с немецкими мастерами, пригласил их в пивную, поговорили». И он показал мне соответствующие документы и материалы по этому очень важному делу.

Вот тогда мы впервые узнали новое о технологии производства броневых изделий, о возможности получать сложные конфигурации броневых изделий не путем штамповки и сварки, а путем литья.

Потом мы это перенесли на танки, в танковом производстве использовали. Несколько лет назад мне позвонили из Института истории Академии наук СССР. Может быть, от вас? Звонили от Нарочницкого. Приглашаем на встречу с историками из ФРГ в Ленинград. Но я не смог никак принять участие в этой встрече. Когда наши участники вернулись в Москву, мне позвонили и сказали: «Как жаль, что Вас в Ленинграде не было. Вы бы сумели опровергнуть домыслы немецких историков, которые утверждали, что русские специалисты чрезвычайно много получили, находясь в Германии».

— А что же мы там, в баклуши били?

Конечно, вряд ли следует подобное афишировать. Но факт остается фактом: мы оттуда получили и использовали немало очень полезного. Нам надо правильно оценивать все это.

Вот сейчас, в наши дни, меня страшно раздражают заявления, j что мы, мол, много добывали за рубежом, чего у нас не было. А что в этом плохого, зачем изобретать велосипеды? Ведь этим занимаются . все страны.

Помню, когда мы налаживали производство патефонов, мне ! Орджоникидзе прислал в Германию телеграмму: «Мы вам посылаем деньги, скупите все лучшие образцы патефонов и посылайте нам»..

Ведь требовалось нашим конструкторам дать необходимый материал, чтобы они учились, творчески перенимали и исследовали. !

Недавно я был в США. Напротив нашего представительства — большой магазин. Я зашел туда, стал знакомиться с огромным разнообразием товаров и увидел интересные лампочки. Продаются 3 ' лампочки: 30 ватт, 70 ватт и 100 ватт с их последовательным включением. Я купил такой набор и привез в Москву. Был как член ВАКа

на одном заседании, где присутствовав глава Аттестационной комиссии мой бывший студент Елютин. Я ему эти лампочки показал. Тогда он после заседания провел меня в одну комнату и показал наше отечественное изобретение, когда нажатием или поворотом рычажка постепенно разгоралась лампочка и не перегорала. Происходил плавный переход от малых мощностей ее к большим. Елютин говорит: «Один из наших институтов это сделал. Боюсь, что это отечественное изобретение уплывет за границу. Но ничего не могу сделать, чтобы его продвинуть, заставить организовать это производство. А Елютин — член ЦК, министр, т. е. далеко не рядовой деятель!

Так что, находясь за рубежом, мы перенимали все то ценное и полезное, что можно было быстро использовать у себя. Я тоже принимал в этом активное участие. Как-то мы начали осваивать химическую аппаратуру. Мне дали задание привезти немецкого специалиста для изготовления данной аппаратуры. Это было сделано. У нас бьш большой договор с заводами Круппа в начале 30-х годов, т. е. когда Германия переживала острый кризис. Только за оказание нам технической помощи мы заплатили большие деньги — что-то более 2 млн. долларов. Мы много всего получили и двигались дальше.

И уже в те годы по ряду военных производств мы занимали ведущее место. Ну, например, такой брони, какую мы делали, не было и у Круппа.

Помню, еще во время войны в Испании появились у немцев «мессершмидты». Сбить их было очень трудно. Оказывается, у этих самолетов была броня. Наконец, наши зенитчики сбили и сбитый образец переслали в Советский Союз. Мы проанализировали, и я, в частности, увидел сталь, которую мы встречали на заводах Круппа. Мы моментально стали изготовлять броню для наших самолетов, только более лучшего качества. Потом еще ее совершенствовали.

Каков Ваш следующий вопрос?

Г. А. Куманев: Не можете ли рассказать о Ваших встречах с И. В. Сталиным? Чему были они посвящены и каково Ваше общее впечатление об этих встречах?

В. С. Емельянов: Таких встреч уже в предвоенные годы было несколько, и я охотно поделюсь с Вами краткими воспоминаниями о некоторых из них.

Впервые, пожалуй, я увидел довольно близко И. В. Сталина на торжественном приеме в Кремле, организованном в честь героинь- летчиц Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марины Расковой после возвращения в Москву самолета «Родина», на котором они в сентябре 1938 г. совершили беспосадочный перелет на Дальний Восток, установив международный женский рекорд.

Прием проходил в Грановитой палате, где было установлено в форме буквы «Т» два сервированных больших стола. Мое место оказалось за длинным столом ближе к концу. А в центральной части

первого стола сидели Сталин, члены Политбюро ЦК ВКП (б) и правительства.

Когда появились виновницы торжества, все встали и начали аплодировать. Героини-летчицы подошли к Сталину. От волнения и наплыва чувств Марина Раскова расплакалась. Было видно, как по ее лицу буквально ручьями текли слезы. Сталин обнял ее за плечи. Посадил рядом с собой и стал гладить по голове.

Потом повернулся к Валерию Чкалову (тот находился близко) и сказал, улыбаясь: «Чкалов, что теперь делать будешь, смотри, куда женщины слетали?»

Чкалов засмеялся и воскликнул: «Много есть еще на земле «белых пятен», есть еще куда слетать, товарищ Сталин!»

Все снова зааплодировали.

Тут Сталин поднялся со своего места и произнес небольшую речь. Он сказал, что давно-давно, может, пять, а может быть, десять тысяч лет назад человечество жило охотой. Мужчины били диких зверей, птицу и приносили добычу домой. А женщины готовили еду. Иногда охотники приносили молодых животных и птенцов и отдавали их своим женам. А те их вскармливали и приучали. Ведь охота — дело ненадежное. Иногда повезет, а иной раз можно несколько дней быть голодным. Но у женщин в это время появился постоянный источник питания — одомашненные животные и птицы и таким образом в их руках сосредоточилась экономическая власть. Период этот, названный матриархатом, длился недолго. А потом женщина попала уже под двойной гнет - своего мужа и государства, которым управляли тоже мужчины.

В зале стояла абсолютная тишина. Все с напряженным вниманием слушали оратора. Сталин сделал паузу и с каким-то необычным юмором закончил: «Сегодня женщины отомстили нам, мужчинам. Что теперь ты, Чкалов, делать будешь?»

Раздался общий смех, зазвенели бокалы с вином, застучали ножи и вилки.

Этот прием запомнился мне какой-то удивительной простотой, душевностью, всеобщим радостным чувством от совершенного выдающегося подвига.

Никогда больше я не видел Сталина в таком приподнятом настроении.

Совсем иной характер носила другая встреча, состоявшаяся пос- - ле XVIII съезда партии, который проходил в Москве в марте 1939 г., В ту пору многие рационализаторы и изобретатели трудились над созданием так называемой экранной брони для танков и к нам в, Главное управление Наркомата судостроения СССР поступало немало самых разнообразных предложений.

Однажды начальник Автобронетанкового управления Наркомата; обороны СССР Герой Советского Союза — Д. Г. Павлов рассказал- мне, как во время гражданской войны в Испании, в которой он;

участвовал, наши добровольцы использовали в качестве бронетанковой защиты два склепанных вместе металлических листа. Причем один лист, обращенный внутрь танка, состоял из простого котельного железа, а другой, наружный, изготовлялся из высококачественной стали, закаленной на очень большую твердость.

И вот позднее этот тип двуслойной брони «усовершенствовал» один инженер - некий Николаев, предложивший листы раздвинуть на расстояние чуть больше длины пули. Свою идею он разъяснял так: «Ударившись о первый лист из высококачественной стали, пуля затронет значительную часть главной силы на его разрушение. Поэтому второй лист встретит уже ослабленный удар, траектория движения пули изменится. Она будет рикошетировать, что усилит сопротивляемость второго листа».

Сильно сомневаясь в практической ценности николаевского «изобретения», я рассуждал: «Неужели не очевидно, что при пулевом обстреле первой же очередью из пулемета эта тонкая броневая кольчуга будет сбита с танка, а мягкое котельное железо никак не может служить защитой. Какая же это броня!»

Я и представить не мог, что с таким предложением могут обратиться на самый «верх», в Кремль.

Но, к моему изумлению, в ЦК и правительстве «изобретением» Николаева заинтересовались, и было решено рассмотреть его на заседании Совнаркома СССР с приглашением военных и работников оборонной промышленности. Получил приглашение и я.

В приемной в ожидании вызова (пока рассматривались другие вопросы) собралась большая группа военных специалистов, в том числе начальник Автобронетанкового управления Д. Г. Павлов, генерал-майор Н. Н. Алымов, полковник Пуганов, инженер Николаев и много других лиц, связанных с производством танков.

Г. А. Куманев: Василий Семенович, если это заседание было в 1939 г. или, во всяком случае, до мая 1940 г., то тогда ведь генеральских званий в Красной Армии еще не было. Я имею в виду упомянутого Вами Алымова как «генерал-майора».

В. С. Емельянов: Вы правы. Но, во всяком случае, он имел довольно высокое звание: или комдива, или комбрига. Так я продолжаю. И вот подходит ко мне полковник Пуганов, с которым у меня были дружеские отношения, и спрашивает:

— Ну а каково Ваше мнение, профессор, об этой броне?

В присутствии всех я привел свои основные сомнения, возражения и, резюмируя сказанное, заметил:

— Чудес на свете не бывает!

В это время нас пригласили в зал заседания. Народу там было немного. Я сразу узнал В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Н.А. Вознесенского, начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова, наркомов И. Т. Тевосяна, Б. Л. Ванникова, С. А. Акопова.

А возле длинного стола, покрытого красным сукном, увидел И. В. Сталина в знакомом полувоенном френче. Он медленно расхаживал вдоль стола. В одной руке Сталин держал блокнот, в другой — карандаш и дымящуюся небольшую трубочку.

Все вошедшие быстро разместились. Председательствующий глава правительства Молотов сказал, что в Совнарком внесен проект о производстве танков с новым типом брони. Необходимо этот проект рассмотреть.

— Кто доложит? — спросил Сталин, обращаясь к Павлову. — Вы мне говорили, что эта броня уже усовершенствована. Автор предло- • жений здесь? Пригласили его? Может быть, сразу его и послушаем?

Николаев поднялся со своего места.

— Расскажите о сути Вашего предложения.

Подойдя к столу, Николаев стал излагать свою идею. Нетрудно было заметить, что он избегал специальной терминологии, старался говорить яснее и попроще. Свое выступление инженер-изобретатель закончил довольно эффектно: мол, все современные типы брони являются пассивными средствами защиты, а предложенная им броня является броней активной, ибо она, разрушаясь, защищает.

Сказанное Николаевым произвело на присутствующих весьма положительное впечатление. Хотя приведенные им аргументы в пользу «активной» брони не поколебали моего отрицательного отношения к «открытиям» изобретателя, я слушал докладчика тоже с большим интересом. И даже подумал тогда, что он, видимо, способный инженер и не лишен таланта пропагандиста.

Во время выступления Николаева я почти все время наблюдал за Сталиным, который прохаживался вдоль стола, курил трубочку, иногда * останавливался и что-то записывал в блокнот.

Когда докладчик закончил изложение своей идеи, Сталин перестал курить и повторил последние слова Николаева об «активной» броне:

— Она, разрушаясь,» защищает! — И добавил: «Интересно. Вот она, диалектика в действии! А как относятся к Вашему предложению представители оборонной промышленности, товарищ Николаев?»

Николаев тут же ответил:

— Они возражают против этого типа броневой защиты, товарищ Сталин.

— А почему? — спросил удивленно Сталин. — В чем суть их возражений? Его лицо приняло строгий вид, он нахмурился и мне стало не по себе.

Николаев покраснел и, опустив голову, ответил:

— Свои возражения они никак не обосновывают и заявляют, что чудес на свете не бывает.

Я, конечно, сразу вспомнил о только что состоявшемся разговоре в приемной с полковником Пугановым, и холодок пробежал по спине. Лихорадочно подумал: «Николаев не назвал меня. Видимо, он

порядочный человек, и мне надо, было еще до заседания спокойно, без колкостей разъяснить ему всю несуразность его предложения. Теперь же ясно, чем все это кончится».

— Кто так говорит?

Сталин подошел к Николаеву, и его глаза буквально впились в собеседника.

— Я не помню, товарищ Сталин, кто так говорил.

— Так не помните? Напрасно. Надо помнить таких людей.

Сталин резко повернулся, подошел к столу, выбил из трубочки пепел и стал набивать ее табаком из коробки с папиросами «Герцеговина флор». Вынув изо рта раскуренную трубку, он снова обратился к Павлову:

— Вы мне рассказывали, что кто-то у Вас в Испании занимался этим типом брони.

— Занимался Алымов, товарищ Сталин. Он находится здесь.

Алымов встал и четко доложил, как во время войны в Испании они наладили производство двухслойной брони, и такая броня была не пробиваема ни простой, ни бронебойной пулей.

Словно подытоживая его ответ, Павлов заявил, что для военных этот вопрос ясен и надо начинать выпуск таких танков. Сталин промолчал.

После короткой паузы Молотов предложил закончить обсуждение вопроса. Представленный проект был утвержден, и все приглашенные покинули заседание правительства.

Мы вышли из Кремля во втором часу ночи. Рядом со мной оказался полковник Пуганов.

— Вам не позавидуешь, — сказал он. - Выполнять такое ответственное поручение, не веря в его успех, неблагодарное дело.

Последующие события показали, что я оказался прав. Все образцы броневой защиты от пуль, подготовленные на основе предложения Николаева, не выдержали проведенных испытаний. С активной броней было покончено, но проблемы броневой защиты оставались для нас в числе наиважнейших.

Следующая встреча с вождем произошла в декабре 1939 г., когда шла война с Финляндией. В один из дней мне позвонил директор Северного завода, прибывший в Москву вместе с начальником конструкторского бюро. Он сообщил, что на заводе создана броневая защита для лыжников. Легкий щиток из броневой стали закрепляется на лыжах. Когда лыжник попадает в полосу обстрела, он может залечь, прикрепить щиток и передвигаться дальше ползком, толкая впереди себя броневую защиту. Директор добавил, что военные одобрили конструкцию, необходимые испытания проведены и надо бы скорее развернуть производство этих броневых щитков. Образец щитка вместе с лыжами руководители завода привезли с собой.

Я позвонил наркому судостроительной промышленности И. Т. Тевосяну и рассказал об этом предложении. Тевосян ответил,

что надо связаться с военными лучше с начальником Главного артиллерийского управления и заместителем наркома обороны Григорием Ивановичем Куликом. Если он согласен, то следует подготовить проект постановления правительства о производстве броневых щитков, определив их примерное количество.

Мне удалось быстро связаться с маршалом Куликом, который сразу же пригласил меня приехать к нему в Наркомат обороны вместе с работниками Северного завода.

Осмотрев щиток, Кулик решил доложить обо всем К. Е. Ворошилову и вышел из кабинета. Вскоре он вернулся вместе с наркомом обороны.

Ворошилов долго изучал изобретение умельцев Северного завода и затем сказал:

— Надо переговорить с Вячеславом Михайловичем.

И стал звонить ему по телефону.

Молотов назначил встречу с нами в 5 часов. В кабинете председателя Совнаркома собралось 10—12 человек. После обмена мнениями Молотов подошел ко мне и сказал:

— Задержите директора и конструктора на один день в Москве. Не исключено, что товарищ Сталин заинтересуется этой конструкцией. Я сегодня вечером Вам позвоню.

Около 10 часов вечера он позвонил и сообщил, что завтра в 5 часов дня нам необходимо явиться в Кремль, в кабинет Сталина. Молотов также сказал, чтобы я связался с товарищем Поскребышевым насчет оформления пропусков.

На следующий день минут за тридцать-сорок до уставленного времени мы явились в Кремль. Нам объяснили, как пройти в кабинет Сталина, где я раньше никогда не был. В приемной Сталина мы подошли к Поскребышеву. Он поздоровался с нами, открыл дверь кабинета и сказал: «Проходите».

Там еще никого не было. Директор и конструктор завода положили лыжи, укрепили щиток и стали ждать появления хозяина кабинета. И вот вошли Молотов, Ворошилов, Кулик, Шапошников, нарком судостроительной промышленности Тевосян и нарком вооружения Ванников, который держал в руках образец нового автомата,} (видимо, принес его показать Сталину). Говорили все вполголоса. На' это настраивала какая-то особая атмосфера, царившая в кабинете. -

Ровно в 5 часов появился Сталин. Поздоровался со всеми за руку. Потом подошел к щитку, осмотрел его, опустился на колени и,; увидев у Ванникова оружие, сказал:

— Дайте-ка мне автомат.

Получив от Ванникова автомат, Сталин лег на пол, просунул его ствол через щель броневого щитка и стал целиться. Он несколько раз менял положение, вынимал ствол автомата из щели, снова вставлял,; передвигал щиток и т. п. ,

Все молча наблюдали эту необычную картину. Наконец, экспе

римент завершился. Сталин поднялся, вернул автомат Ванникову и высказал несколько пожеланий. По его мнению, было бы лучше щель для стрельбы сместить на 20 мм вправо, на щитке следует сделать полочку для запасной обоймы с патронами, чтобы боец был постоянно под броневой защитой. Кроме того, Сталин посоветовал удлинить открылки у щитка, чтобы избежать ранений в пах, которые стали в ходе боевых действий в Финляндии довольно частыми.

Конструктор с блокнотом в руках тщательно записывал все замечания вождя.

В это время к Сталину подошел Кулик и громко заявил, что необходимо обязать нашу оборонную промышленность изготовить для Красной Армии несколько миллионов таких щитков. Названная им цифра была «взятой с потолка» и абсолютно нереальной.

Сталин недовольно посмотрел на начальника ГАУ и с каким-то пренебрежением произнес:

— На всех заводах есть большевики, и они изготовят столько, сколько можно. Не надо думать, что Вы один беспокоитесь о вооружении Красной Армии, о защите наших воинов.

Сталин снова пожал каждому руку и вышел из кабинета.

В марте 1940 г. советско-финская война закончилась и к этому времени на фронт успела поступить только первая партия усовершенствованных броневых щитков.

Мне хочется немного рассказать Вам еще об одной из довоенных встреч со Сталиным. Где-то в середине 1940 г. я был приглашен в Кремль на заседание Политбюро ЦК, где рассматривался вопрос о литых танковых башнях. Отправились мы туда вместе с новым наркомом судостроительной промышленности Иваном Исидоровичем Носенко. Он сменил Тевосяна, который был назначен наркомом черной металлургии СССР.

Заседание Политбюро открыл Сталин и предоставил слово председателю Комитета обороны при СНК СССР маршалу Ворошилову. Тот доложил содержание подготовленного Комитетом проекта решения о литых танковых бронях. Листок с проектом маршал держал в руках. Сталин подошел к нему, взял листок и стал его читать. Затем, повернувшись к новому начальнику Автобронетанкового управления НКО СССР генералу Федоренко, спросил:

— Что Вы можете сказать о тактико-технических преимуществах литой танковой башни, товарищ Федоренко?

Генерал поднялся со своего места и, заметно волнуясь, стал говорить, что изготовление литых башен можно производить в литейных цехах, тогда как при штамповке отдельных деталей башен старого типа необходимы мощные прессы.

Сталин перебил Федоренко:

— Я Вас, товарищ Федоренко, спрашиваю о другом: не о технологических преимуществах, а о тактико-технических. Кто у Вас в управлении занимается военной техникой?

— Генерал Лебедев.

— Он здесь?

— Так точно.

Обратившись к Лебедеву, Сталин снова задал тот же вопрос. Но генерал стал повторять то, о чем уже говорил его начальник.

Сталин сделал недовольное лицо и довольно сердито спросил: ;

— Где Вы служите: в армии или в промышленности? Третий раз I задаю вопрос о тактико-технических преимуществах литой танковой башни, а Вы снова отвечаете не по существу. Не лучше ли Вам перейти на работу в промышленность?

Генерал Лебедев побледнел. На его лице появились капельки пота.

И тут я почувствовал, что постановление о литых танковых башнях может быть не принято и надо действовать. Я поднял руку и попросил слово.

Сталин несколько удивленно и строго посмотрел на меня и сказал:

— Нас интересуют тактико-технические преимущества.

— Я как раз об этом и хочу сказать, Иосиф Виссарионович.

— Вы что, военный?

— Нет.

— Так что Вы хотите сказать? — спросил Сталин. (В его голосе я уловил какие-то недобрые нотки.)

Из своей папки я вынул карточки с результатами обстрела'брони и подошел к Сталину.

— У старой башни, - сказал я, — сваренной из отдельных деталей,, есть слабые, уязвимые места. У литой башни этого нет. Она равнопрочна. Вот результаты проведенных испытаний обоих типов башен ; путем обстрела на полигоне.

И я передал карточки Сталину. Он посмотрел их и вернул мне, со словами: 1

— Это соображение серьезное.

Затем его заинтересовал вопрос, как изменится положение цен- 1 тра тяжести танка при переходе на новую броню. Сталин попросил! ответить конструктора танка.

Однако конструктор смог только сказать, что если центр тяжести и изменится, но лишь незначительно. '

— Незначительно — это не инженерный термин, —подчеркнул' Сталин. — Вы считали?

— Нет, не считал, товарищ Сталин.

— А почему? Это же военная техника.

Я снова решил проявить инициативу. Поднял руку и громко; произнес: !

— Иосиф Виссарионович! t

Сталин опять недовольно посмотрел в мою сторону, отвернулся и прошел дальше в противоположный от меня угол комнаты. Я был

обескуражен и сел на свое место. Подумал: «Почему он так смотрел на меня?»

Все разъяснил шепот соседа, сидевшего сзади меня:

— Никогда не называйте его Иосиф Виссарионович. Это он разрешает лишь узкому кругу людей. Для всех нас — он только товарищ Сталин.

Тем временем Сталин задал новый вопрос конструктору. Его интересовало, изменится и как нагрузка на переднюю ось танка при литой башне?

Конструктор едва слышно ответил:

— Незначительно.

— Что Вы твердите одно и то же «незначительно» да «незначительно»? А расчеты Вы сделали?

— Нет, товарищ Сталин.

— А почему?

Растерявшийся конструктор не знал, что сказать.

Сталин положил на стол листок с проектом решения и заключил:

— Предлагаю предложенный проект постановления отклонить как неподготовленный. Надо указать товарищам, чтобы впредь с такими проектами они в Политбюро не входили. Для подготовки нового проекта необходимо создать комиссию в составе Федоренко, его (он указал на наркома автотракторной промышленности Акопова) — и его (палец Сталина указывал на меня).

Вот пока все о некоторых встречах со Сталиным.

Г. А. Куманев: Благодарю Вас. Теперь у меня к Вам такой вопрос. Как и когда был образован Комитет по стандартам при Совнаркоме СССР, каковы были его функции и каким образом Вы оказались во главе этого комитета?

В. С. Емельянов: Отвечая на данный вопрос, хочу вновь вернуться к событиям, связанным с приездом в Москву перед войной немецкой делегации по экономическим вопросам, которую возглавлял Шнурре. Каких-то больших результатов при переговорах с этой делегацией достичь не удалось.

Заключенное И февраля 1940 г. после визита в Москву делегации Шнурре соглашение о товарообмене между СССР и Германией было под неусыпным контролем Сталина.

Для выполнения некоторых советских заказов германская сторона потребовала поставить никель, в котором Германия испытывала острую потребность. Нашими торговыми организациями в первую половину 1940 г. была направлена в Германию первая партия этого металла. Но вскоре вдруг оттуда получаем сообщение, что наш никель имеет 100 % брак и поэтому никак не подходит для производства различных марок стали. Он содержал слишком много меди. А наличие меди в никеле вообще весьма нежелательно.

В правительстве стали разбираться, в чем дело. В Кремль на заседание Совнаркома был вызван нарком цветной металлургии

А. И. Самохвалов, который заявил, что по всем своим показателям никель полностью соответствует стандарту. Кто-то из членов правительства поинтересовался: «А где у нас эти стандарты утверждаются?»

Тут-то и оказалось, что существовавший в недавнем прошлом при Совнаркоме СССР Комитет стандартов был упразднен. При этом Советский Союз оставался членом Международной организации по стандартизации. Но вот у нас какому-то умнику пришло в голову убедить руководство ликвидировать Комитет по стандартам, а дело разработки стандартов передать тем организациям, которые занимались выпуском продукции. И это неразумное предложение было реализовано. Сложилась парадоксальная ситуация: производители продукции сами на нее стали устанавливать все технические условия. Как говорится, каждый себе стал писать законы.

Обсуждение вопроса о стандартизации на заседании СНК СССР приняло острую форму. В итоге наркома цветной металлургии Са- мохвалова освободили от занимаемой должности и было принято решение вновь создать при правительстве Комитет стандартов. Его главной функцией стало утверждение технических законов государства — стандартов.

Утром 15 июля 1940 г., когда я пришла на работу в Главном управлении Наркомата судостроительной промышленности СССР, секретарь управления меня поздравила. — «С чем Вы меня поздравляете?» — спрашиваю ее.

— А разве Вы сегодняшних газет не читали?

— Еще не читал.

— Вот почитайте.

На последней странице было помещено небольшое сообщение, что т. Емельянов Василий Семенович постановлением СНК СССР назначен первым заместителем председателя Комитета стандартов при Совнаркоме СССР.

Постановление было принято ночью, со мной даже никто не разговаривал. Вот так я попал в этот комитет. У нас в наркомате работа по стандартизации оставляла желать лучшего, что отмечалось на коллегии при рассмотрении отчетов о выполнении плана по стандартизации. А теперь я должен участвовать в налаживании этого дела в масштабе всей страны!

За несколько дней до моего назначения (кажется, 10 июля) был издан указ. Уникальный и, пожалуй, единственный такого рода. В нем говорилось, что за поставку нестандартной, некомплектной и недоброкачественной продукции директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля необходимо отдавать под суд и осуждать на срок от 5 до 8 лет. В эту же ночь был создан Комитет стандартов. Опытный инженер-механик Павел Михайлович Зернов стал его председателем в ранге наркома. Причем ни он, ни мы — его заместители — специально вопросами стандартизации ранее

не занималиеь'й поэтому не имели представления о том, как вести эту тонкую и сложную работу. Ведь по существу требовалось создать рычаги для управления производством, чтобы поднять качество промышленной продукции.

Нам дали временное помещение — целый этаж в здании на проспекте Маркса, напротив гостиницы Москва. В этом здании располагался Госплан при Совнаркоме СССР.

И у нас в приемной почти всегда находились руководители наркоматов: наркомы и их заместители. Создавалось впечатление, что пришли они на заседание правительства. А цели их визитов в Комитет стандартов были связаны с разработкой и утверждением наших технических законов. Комитету были даны большие права. Мы могли отменять, изменять, вводить новые стандарты. Стремясь поднять качественный уровень промышленной продукции, работники комитета заносили в стандарты высокие показатели. Обсуждение новых проектов стандартов зачастую вызывало довольно горячие споры между потребителями и производителями продукции. Во время этих дискуссий выявлялось немало дефектов как в изделиях, так и в методах работы учреждений.

Очень сложной и напряженной была работа комитета в самом начале его деятельности. Именно тогда мы обнаружили, что большая часть из записанных в стандарты технических показателей нашими предприятиями не соблюдаются, а на многих из них в установленные технические законы никто никогда и не заглядывал. Кроме того, многие стандарты содержали недостаточно продуманные, а иногда и несуразные технические требования.

Вспоминаю в связи с этим разговор с наркомом рыбной промышленности А. А. Ишковым. Пришел он ко мне в комитет и говорит: «Не в чем селедку солйть, нет ни одной стандартной бочки». Я спрашиваю: «Почему?» Он отвечает: «Утвержден такой стандарт, по которому самый лучший бондарь хорошую бочку не сумеет сделать. Там приняты требования к точности более высокие, чем даже в авиационной промышленности: ширина обручей — столько-то миллиметров, толщина — столько-то миллиметров, расстояние между обручами — такое-то, зазор между обручами — такой-то и т. п. Это черт знает что понаписали».

Я спрашиваю: «А кто все эти глупости утверждал?» Ишков отвечает: «В том-то и дело, что я сам и утверждал. Но сейчас такую несуразицу отменить я не могу. Это право передано вам. Но все остановилось».

Довольно скоро Комитет по стандартам завоевал уважение и определенный авторитет в народном хозяйстве. И главным образом потому, что свои постановления он принимал на основе анализа научно-технических достижений, опираясь на опыт лучших предприятий страны.

Те же его решения, которые вызывали споры, представители

наркоматов предпочитали обсуждать вместе с нами, а не обжаловать их в правительстве.

К началу Великой Отечественной войны нам удалось существенно продвинуться вперед по совершенствованию технических законов отечественного производства. И что особенно важно, — рассматривая вопросы, связанные со стандартизацией, мы имели возможность видеть и сильные и слабые стороны нашей экономики, ее сырьевую базу, состояние технологии производства, уровень технической подготовки кадров и, конечно, отношение людей к производству, выявлять как бездарных руководителей, так и грамотных и смелых рационализаторов, болевших душой за порученное дело.

В разгар войны Павел Михайлович Зернов был назначен заместителем председателя Госплана СССР, а затем заместителем наркома тяжелой промышленности. Меня же своим постановлением от 13 мая 1943 г. правительство утвердило председателем Комитета стандартов при Совнаркоме СССР с освобождением от работы первого заместителя председателя этого комитета.

Г. А. Куманев: А где и при каких обстоятельствах застала Вас, Василий Семенович, Великая Отечественная война? Вы в это время находились на отдыхе или продолжали трудиться в Комитете стандартов?

В. С. Емельянов: В это время я находился в отпуске, хотя последний раз отдыхал в 1937 г. и то только две недели. В первой декаде июня 1941 г. Председатель Комитета стандартов Павел Михайлович Зернов предложил мне поехать для отдыха в Сочи со всей семьей. Я получил путевку в санаторий СНК СССР, купил четыре билета в скорый поезд - себе, жене, дочери и сыну, — и мы стали готовиться к отъезду

Но можете себе представить: именно в эти дни мною овладела какая-то смутная тревога, предчувствие, что вот-вот произойдет не- то ужасное. Главное — вдруг начнется война. Я отгонял от себя эти мрачные мысли, но не мог успокоится. Накануне отъезда в субботу 21 июня, когда уже наступил вечер, я решил позвонить Ивану Тевадросовичу Тевосяну и посоветоваться с ним: ехать мне на юг или все-таки сдать билеты и остаться в Москве. «Если у него есть какие- то последние тревожные сообщения, то он, конечно, найдет какую- то форму, чтобы сообщить о них мне», — подумал я.

Я застал его на месте и, поговорив о разных делах, сообщил Тевосяну, что завтра собираюсь с семьей поехать на отдых в Сочи.

— Я очень рад за тебя, желаю хорошо отдохнуть, — сказал Тевосян.

— Значит, ты советуешь ехать?

— А почему бы нет? В. чем сомнение?

— Уж больно обстановка какая-то тревожная.

— Да ведь онаг'уже давно напряженная. Пока они на Западе воюют, нам ,надо использовать мирное время. Поезжай и хорошо отдохни. /

После разговора с Тевосяном я успокоился и наши сборы продолжались. Жена позвонила своей подруге Нине, работавшей в «Известиях», и та сказала, что обязательно приедет на вокзал нас проводить. Поезд отправлялся в воскресенье, в 11 часов с какими- то минутами. Утром около 10 часов, когда я запирал дверь квартиры, а семья уже ждала меня у подъезда дома, услышал телефонный звонок. «Нет, - решил я. - Никаких телефонных переговоров. Отпуск есть отпуск!» Если бы я знал, что это звонила Нина! Она уже знала, что началась война и с разрешения своего начальства решила предупредить нас, чтобы не уезжали из Москвы.

Приехали на Курский вокзал. Погрузились в свой вагон, заняв два купе. До отхода поезда оставалось, как сейчас помню, 20 минут.

Я попросил шофера подождать Нину, чтобы отвезти ее с вокзала домой. Но она так и не появилась. Моя жена разволновалась: не случилось ли что-нибудь с ее подругой. Но я ее успокоил: наверное, получила весьма срочное задание.

Но вот поезд тронулся. Пассажиров в нашем вагоне оказалось немного. В соседних купе ехали на отдых полковник и работник аппарата правительства, у которого была путевка тоже в наш санаторий.

Перед Курском полковник стал собирать свои вещи и, когда я проходил мимо его купе, спросил меня: «Вы в Курске не сходите?» Я ответил, что нам выходить дальше.

— Мне тоже дальше, но вот приходится сходить.

— Что же нужно, так нужно. Разные бывают обстоятельства, — говорю я.

Полковник посмотрел на меня с большим удивлением.

— А разве Вы ничего не знаете?

— А что случилось?

— Германия совершила нападение на нас. Началась война.

Эта весть меня просто ошеломила. В это время поезд подошел к Курску. Прощаясь, полковник посоветовал нам тоже немедленно возвращаться в Москву.

Я и мой новый знакомый — работник Совнаркома — решили сойти в Харькове, где у меня были знакомые, через которых, как я надеялся, будет легче достать билеты до Москвы.

Но вот в Белгороде в вагон сел новый пассажир, который стал подробно рассказывать все, что знал сам:

— Сегодня в 6 часов утра я слушал радиопередачу. Оказывается, в Германии произошел государственный переворот. Гитлер арестован, а к власти пришел новый канцлер Риббентроп.

Мы, разумеется, верили всему, что он говорил. Стали держать

совет: возвращаться в Москву или ехать дальше. Решили узнать более точные данные в Харькове и только тогда выбирать окончательный маршрут.

На вокзале в Харькове нам подтвердили, что подобные радиопередачи о якобы государственном перевороте в Германии действительно были. Мы снова посоветовались и приняли решение не выходить до Ростова, где одного нашего пассажира должны встречать. Там и узнаем более точные сведения.

В Ростове-на-Дону соседнее купе занял полковник госбезопасности. Мы познакомились. Я сообщил ему, где и кем работаю.

— Неудачное время Вы выбрали для отпуска, — сказал он.

Услышав от меня сведения о каком-то перевороте в Германии, полковник госбезопасности сразу же заявил:

— Все это глупости! Идет настоящая война. Германские войска и их союзники вторглись на нашу землю. Мой совет — доезжайте до Сочи, а уже оттуда держите обратный путь на Москву. Если же сойдете на какой-нибудь промежуточной станции, можете там надолго застрять. Я тоже еду в Сочи, но, конечно, не отдыхать. Оттуда сейчас тоже нелегко выехать: в первую очередь будут отправлять военных. Но Вам, может быть, поможет получить места в вагоне до Москвы директор санатория Совнаркома.

Когда поезд остановился около Туапсе, я вышел из вагона и в открытом окне встречного поезда увидел бывшего своего начальника — наркома судостроительной промышленности СССР Ивана Исидоровича Носенко. Мы поздоровались.

— Куда путь держишь? — спросил он меня.

— В Сочи.

— Ты что, с ума сошел? Знаешь, что там творится? Оттуда не выберешься. Сколько вас в вагоне?

— Шесть человек.

— А я от Сочи стою в коридоре, а в нашем купе двенадцать человек.

— Не выходить же нам здесь, — говорю ему.

— Ну, как знаешь.

И поезд с Носенко тронулся на Москву.

На сочинском вокзале нас встретил сотрудник санатория и доставил на его территорию, где было безлюдно, тихо и спокойно.

Директор санатория заявил нам, что в течение ближайших двух дней ничего не сможет сделать, чтобы отправить в Москву, но послезавтра что-нибудь попытается сделать.

— А может быть, война скоро закончится? — спросил он меня.

Я ответил, что ничего не могу сказать.

Утром послышался гул самолетов, приближавшихся к городу, по которым был открыт огонь из зенитных орудий. Чьи это были самолеты, так и осталось загадкой. Поговаривали, что растерявшиеся наши зенитчики устроили стрельбу по своим.

На третий деньлгёшего пребывания в санатории его директор сумел все-таки ылтолнить свое обещание, снабдив нас даже купейными билета\ш:Мы еле протиснулись в вагон, весь забитый чемоданами. В люнце коридора я вдруг увидел знакомого полковника госбезопасности. Знаками он дал понять, что в его купе можно как- то разместиться. Жена с детьми устроились на верхней полке, а я сел на чемодан, поставленный в коридоре.

Так мы добрались до столицы. На всем пути станции были запружены народом.

Разговоры шли только о военных событиях. О них говорили и скупые газетные сводки.

Впереди были долгие, неимоверно тяжкие месяцы и годы самой жестокой, самой кровопролитной и разрушительной войны.

Г. А. Куманев: Разрешите, дорогой Василий Семенович, сердечно поблагодарить Вас за Ваши столь обстоятельные и интересные ответы. Сообщенные Вами свидетельства будут обязательно использованы и учтены в нашей последующей работе. Пока же я буду с большим нетерпением ожидать продолжения нашей беседы.

Н. К. БАЙБАКОВ

Последний сталинский нарком... Эти слова целиком относятся к Николаю Константиновичу Байбакову — выдающемуся государственному деятелю страны, доктору технических наук, Герою Социалистического Труда, который в первые годы Великой Отечественной войны работал заместителем наркома нефтяной промышленности СССР и уполномоченным ГКО по обеспечению фронта горючим, а в 1944— 1945 гг. — народным комиссаром этой отрасли нашей индустрии.

С 6 мая 1941 г. по 5 марта 1953 г., когда И, В. Сталин возглавлял Советское правительство, членами (наркомами, министрами) нескольких его военных и послевоенных составов было несколько десятков- человек. Сегодня здравствует и не только здравствует, но и продолжает работать (!) в должности главного научного сотрудника Института проблем нефти и газа РАН только один. Это Николай Константинович Байбаков, которому 6 марта 2004 г. исполнилось 93 года. Позади его необычайно яркая трудовая жизнь, насыщенная сотнями и тысячами важных перемен, судьбоносных свершений в мире и стране, свидетелем, а зачастую и активным участником которых был и он сам. А вместе с переломными событиями сколько было встреч со многими историческими деятелями XX и уже XXI веков!

Но, пожалуй, самое главное в личности этого замечательного человека и большого патриота — весь славный трудовой путь Николая Константиновича целиком, без остатка и без колебаний посвящен верному служению своему народу, родному Отечеству, благородным целям и лучшим идеалам, в которые он когда-то поверил и которым был и остается целиком верен и предан.

Одно перечисление только тех основных должностей, которые как государственному деятелю вверяла ему страна, может занять у нас не одну страницу. Однако в нем, очевидно, нет необходимости, ибо во время нашей продолжительной беседы, состоявшейся 27 ноября 1990 г. и записанной на магнитофонную ленту, Николай Константинович Байбаков, отвечая на мои вопросы, рассказал и об этом.

Из беседы профессора Г. А. Куманева с наркомом нефтяной промышленности СССР военных лет, Героем Социалистического Труда Н. К. Байбаковым

(Магнитофонная запись) ***27 ноября 1990 г.***
г. Москва

Г. А. Куманев: Прежде всего что Вы можете сообщить, дорогой Николай Константинович, из Вашей биографии предвоенных лет?

Н. К. Байбаков:/Родился я 6 марта 1911 г. в поселке Сабунчи Бакинской губернии в семье потомственного рабочего — кузнеца. Трудовой путь мой начался с бакинских нефтепромыслов, куда я пришел рядовым инженером в 1932 г. после окончания Азербайджанского политехнического института. Потом стал работать старшим инженером, а 1935 г. был назначен заведующим промыслом. Но тут подошел очередной призыв в Красную Армию. Я мог, как уже было, взять отсрочку от призыва. Ее давали квалифицированным специалистам, находившимся на руководящей работе и не прошедшим в институте военную подготовку. Но по одной причине (если останется время, расскажу о ней позднее) я решил от отсрочки отказаться и уехал на Дальний Восток. Там около двух лет служил в РККА. Армейская закалка мне в жизни весьма пригодилась.

В 1937 г. после демобилизации я вернулся в родной Баку и стал работать начальником промысла, затем главным инженером и управляющим трестом «Лениннефть». Но вскоре довольно неожиданно в моей жизни произошли важные перемены: приказом наркома тяжелой промышленности СССР Лазаря Моисеевича Кагановича я получил назначение в г. Куйбышев, где возглавил новое объединение «Востокнефтедобыча». Одной из причин этого перевода послужило мое выступление весной 1938 г. на Всесоюзном совещании нефтяников в г. Баку. На нем участвовал нарком тяжелой промышленности СССР Каганович, выступивший с большим докладом о значении нефтяной промышленности в экономике страны и в укреплении ее обороны. В прениях по докладу довелось выступить и мне как управляющему трестом «Лениннефть». Я поделился опытом работы своего коллектива по использованию новой техники, борьбе с обводнением скважин и др. Прямо и откровенно сказал и о некоторых недостатках в производственной деятельности нефтяников треста, которые мешали его развитию. Зал и нарком слушали меня внимательно и, как я узнал позднее, мое выступление Кагановичу понравилось. Поэтому он и обратил на меня внимание.

Месяца через два я был вызван к первому' секретарю ЦК Компартии Азербайджана Багирову, который за чашкой чая сообщил о моем назначении приказом наркома Кагановича на новую должность в Куйбышев, о которой я Вам уже сказал. Объединение «Востокнефтедобыча» призвано было воплотить в жизнь решение XVII съезда ВКП(б) об освоении открытого нефтедобывающего района между Волгой и Уралом, получившего название «Второго Баку». В состав объединения входили недавно созданные тресты «Башнефть», «Пермьнефть», «Сызраньнефть» и «Эмбанефть». Предстояло решать большие и сложные задачи по освоению новых и, как оказалось, богатых месторождений нефти. Геологи, строители, рабочие коллективы нефтяников и прежде всего бурильщики трудились с большим энтузиазмом и развитие промышленных районов «Второго Баку» шло небывалыми для довоенного времени темпами.

Но и здесь волей судьбы я проработал лишь около года. В 1939 г. в составе нового Народного Комиссариата топливной промышленности было создано Главное управление по добыче нефти в восточных районах страны вместо объединения «Востокнефтедобыча». И меня назначили начальником этого главка с переводом в Москву. В том же году я стал заместителем наркома топливной промышленности Лазаря Моисеевича Кагановича, который в это время являлся по совместительству и наркомом путей сообщения СССР. Осенью 1939 г. произошла реорганизация управления топливной промышленностью: вместо единого наркомата были образованы Наркомат нефтяной прфмышленности и Наркомат угольной промышленности. Первый из них возглавил Каганович, а я опять был назначен его заместителем, точнее — первым заместителем.

Г. А. Куманев: Как Вы оцениваете деятельность Лазаря Моисеевича Кагановича как наркома упомянутых Вами двух промышленных наркоматов, а также Наркомата путей сообщения? Каков был стиль его работы, компетентность, исполнительность, отношение к людям, своим подчиненным?

Н. К. Байбаков: Меня в то время судьба с «железным наркомом» Кагановичем связала довольно крепко. В течение нескольких лет я работал под его непосредственным руководством в качестве заместителя и даже первого заместителя, часто встречался с ним на коллегиях, различных совещаниях, много раз бывал у него в кабинете, где проходили и личные беседы с глазу на глаз. Конечно, все сослуживцы наркома прекрасно знали, насколько близок был тогда Каганович к Сталину, и такая близость приводила некоторых простых смертных в трепет, вызывала чувство большого почтения и страха.

Основания опасаться необузданной вспыльчивости и гнева этого ближайшего соратника вождя были небеспочвенными. Ему ничего не стоило, толком не разобравшись, кто же виноват в срыве какого- ; нибудь дела, в чрезвычайном происшествии и т. п., грубо обругать, ‘ оскорбить и даже ударить подчиненного. Иногда все доходило до! того, что Лазарь Моисеевич грозил тяжелыми карами и тюрьмой за ; невыполнение его указаний. И, к сожалению, эти угрозы зачастую не J оказывались пустыми словами: некоторые сотрудники Кагановича | вдруг бесследно и навсегда исчезали...

Прямо Вам скажу, Георгий Александрович, если говорит о том, < кто больше всего уничтожил людей, кто был инициатором многих арестов, террора, то я привел бы имена двух деятелей. Это, конечно, и прежде всего, Берия и затем Лазарь Каганович.

Г. А. Куманев: А как Мехлис?

Н. К. Байбаков: Лев Захарович Мехлис был фигурой помельче, и он сыграл свою весьма отрицательную роль, хотя у него были и некоторые плюсы...

Но продолжу о Кагановиче. Когда Молотова, Маленкова и Кагановича на июньском (1957) Пленуме ЦК КПСС вывели из состава

Президиума и ЦК партии, вдруг через пару дней мне звонит секретарь ЦК Фур цена:

— Николай Константинович, есть просьба, чтобы Вы выступили на собрании одной партийной организации, где на партучете состоит Каганович, и доложили об итогах июньского Пленума.

— А почему такая просьба адресована мне?

— Никита Сергеевич сказал, что Вы с Кагановичем непосредственно работали, хорошо знаете его.

— Ну, что ж, говорю, буду готовиться к выступлению.

Зная характер Лазаря Моисеевича, я, конечно, подготовился. В назначенное время пришел в ту партийную организацию. Это был какой-то кожевенный завод, кажется, обувной. Каганович там лет 25 находился на партучете.

Пришел он на собрание с палочкой. Привела его дочь. Сел в первом ряду. Предоставили мне слово для сообщения. После моего выступления посыпались вопросы, на которые я отвечал.

Потом председательствующий обратился к Кагановичу и предложил ему высказать свою точку зрения. Тот вышел на трибуну и сказал примерно следующее. Я, мол, прошу всех вас понять меня. Вот прошел Пленум ЦК, и я считаю: правильно сделали, что нас вывели из состава Президиума и Центрального Комитета. Но я вас прошу — не исключайте меня из партии и не выгоняйте из Москвы. А далее начались разные напоминания со стороны Кагановича такого характера: «Вот, Мария Ивановна, помните, я Вам. квартиру устраивал?» «А Вы, Федор Петрович, помните, как я Вашего сына в институт помог зачислить?» «А Вы, Иван Иванович, надеюсь, не забыли, что только благодаря моему вмешательству было закрыто Ваше персональное дело, когда Вас оклеветали?» и т. д. и т. п. Заплакали две женщины и ушли. Обстановка стала меняться. Я вижу, чем пахнет: могут решения Пленума ЦК не одобрить. И попросил слова: дайте, мол, мне возможность поговорить более подробно. Я с собой захватил ряд приказов Кагановича и некоторые документы с его кровавыми резолюциями. Они хранились в подвальной части архива на площади Ногина. Когда я собирался на это партийное собрание, то получил разрешение ознакомиться с материалами, связанными с деятельностью Кагановича, и снять несколько копий.

После того как я зачитал несколько бумаг и процитировал резолюции наркома, атмосфера в зале стала меняться: лица у коммунистов приняли суровый вид. Послышались возгласы: «Позор!», «Вон из партии!» и т. п. А документы свидетельствовали, что Каганович без всякого разбирательства пересажал и отдал под суд большое количество угольщиков, строителей, были там и нефтяники...

Г. А. Куманев: Пострадало немало и железнодорожников.

Я. ***К. Байбаков:*** Ну, да, конечно. На то и «железный», силовой нарком...

О нем можно еще многое рассказать, много отрицательного.

Один раз он так меня шарахнул! Взял за грудки и бросил на стол. А почему? Потому что я, не переговорив с глазу на глаз с Арутюновым — первым заместителем наркома путей сообщения, — пришел к Кагановичу и нажаловался, что железнодорожники не вывозят нефть из Ишимбая, промысла стоят.

— А ты звонил Арутюнову? — спрашивает он.

Отвечаю, что по телефону с Арутюновым я дважды говорил. Но Кагановича телефонные переговоры не удовлетворили:

— Что за бюрократизм такой?! Надо было поехать к Арутюнову или вызвать его к себе и принять конкретное решение!

— Но ведь я приехал к Вам, Вы же и нарком путей сообщения. Прошу Вашего вмешательства. Дело стоит.

— А-а-а. Вот как! Все за вас должен делать нарком!

И как хватанул меня, и как толкнул: «Мне таких бюрократов не нужно!» Я мог бы упасть на пол, но успел ухватиться за край стола и повалился на него. В ярости при мне он разбил стекло на своем письменном столе и прокричал:

— Езжай немедленно в НКПС! И чтоб цистерны были!

Такое с ним нередко случалось. Часто бил и телефоны, особенно телефонные трубки.. Таков был «руководящий стиль» Кагановича, стиль грубый, недопустимый в общениях с людьми, тем более когда человек занимает столь высокий пост.

Вы спрашиваете, Георгий Александрович, о компетенции Кагановича. Могу засвидетельствовать, что по крайней мере нефтяное дело наш нарком нефтяной промышленности не знал, а о нуждах нефтяников имел весьма поверхностное представление. Поэтому работать рядом с Кагановичем, да еще в ранге первого заместителя было рчень нелегко. И все мы испытывали огромную физическую нагрузку. Не последнюю роль играл здесь Лазарь Моисеевич, являя собой образец нечуткого, просто безжалостного руководителя.

Работали мы как: придешь на службу в 10 часов, а только в 4—5 утра уходишь. Пока Сталин не уйдет, не уходили. Позвонит Поскребышев всем ближайшим соратникам вождя, сообщит, что Сталин уехал отдыхать, лишь тогда они уезжали вслед за ним: и Молотов, и Берия, и Маленков, и Микоян, и Вознесенский, и Ворошилов, и Андреев... Мы же, наркомы, заместители, — сразу после них. Но в нашем наркомате часто и так бывало: почти все члены Политбюро расходились по домам, а Каганович начинал обзванивать своих заместителей, вызывал к себе и давал задания. А каждое из них, как всегда, было срочным: к 11 часам утра составить проект такого-то программного решения или подготовить такую-то подробную справку. Спрашиваешь:

— Лазарь Моисеевич, а когда спать-то?

— Вы — молодой человек. Можете и не поспать.

— Хорошенькое дело, а как же без сна работать?..

Разумеется, все необходимые материалы мы готовили к указан

ному сроку с большим старанием и большой ответственностью. Но когда Каганович возвращайся на работу, до него не всегда доходил смысл представленного нами документа. С раздражением он комкал бумагу, бросал ее в корзину, а мы, исполнители, получали новые указания от недовольного наркома.

Кагановича не интересовала личная жизнь его коллег, а если интересовала, то чисто формально. Личной жизнью у нас была только одна работа. Она поглощала каждого из руководящих работников наркомата буквально целиком. Не было возможности сходить в кино или театр, побывать на рыбалке. Выходных дней и отпусков по существу не было. Однажды наш неутомимый нарком, указав на меня управляющему делами, сказал:

— Вот нашему молодому человеку стукнуло уже 29 лет, а он до сих пор холостой.

— Лазарь Моисеевич, - отвечаю, - да Вы мне не даете свободного времени. У меня нет возможности даже вечером отдохнуть.

Каганович смерил меня пристальным взглядом и, повернувшись к управделами, произнес:

— Чтобы вечером по субботам Байбаков не работал.

Но это благое предписание наркома он сам же постоянно нарушал, расстроив, к примеру, мое знакомство с одной симпатичной девушкой...

Так бы и остаться мне холостяком, если бы не подвернулся случай познакомиться не где-нибудь, а в нашем наркомате с новой сотрудницей по имени Клава. Мы стали все чаще встречаться, и в конце концов дело дошло до регистрации. А вслед за этим в ближайшее воскресенье наметили свадьбу. Решили провести ее на даче и к 5 часам пригласили на наше торжество родных и близких друзей. Однако во второй половине этого радостного для нас с Клавой дня Каганович вызвал меня на совещание. Оно, конечно, затянулось. Часы показывали уже 6 часов вечера, а конца заседанию не было видно.

Наконец, управляющий делами осмелился напомнить народному комиссару, что у Байбакова сегодня свадьба, что давно уже собрались гости и надо бы его отпустить. (Тем более что обсуждаемые к этому времени вопросы не требовали моего обязательного участия).

— Да? Хорошо, мы это сделаем, — как-то рассеянно промолвил Каганович. Но он «этого» не сделал: совещание закончилось только в 7 часов, и лишь к 8 часам я добрался до дачи. Там меня уже несколько часов ожидали основательно притомившиеся новобрачная и гости...

Полагаю, что и этот, хотя и сугубо личный эпизод, тоже не с лучшей стороны характеризует внимание Кагановича к работникам своего аппарата.

И все же нельзя отказать ему в большой, неуемной энергии, в умении организовать людей, подхватить инициативу, активно под

держать новаторов производства. Считаю, что Каганович внес немалый вклад в развитие железнодорожного транспорта и ряда отраслей нашей промышленности. Он был неутомим, с потрясающей выносливостью и работоспособностью.

Г. А. Куманев: Вы упоминали о такой мрачной и зловещей фигуре как Лаврентий Берия. Какова Ваша оценка его деятельности в области экономики? Каким он был как руководитель и человек?

Н. К. Байбаков: Что касается Берии, то 10 лет он курировал топливные отрасли индустрии. Это был настоящий зверь, хитрый, коварный, жестокий. Ему удалось основательно втереться в доверие к Сталину и напрямую распоряжаться судьбами миллионов людей.

Редко когда он говорил «Здравствуй, Байбак» или «До свидания», «Спасибо». Почти каждый день звонил: «Как дела? Чего надо делать?»

Когда случилась авария в Уфе (что-то там взорвалось, загорелась нефть), он позвонил мне на работу. Меня не было. Я находился дома с температурой +40°. Берия позвонил на квартиру, подошла моя супруга Клавдия Андреевна.

— Байбаков.

— Кто говорит? — спрашивает жена. Она не смогла понять. Переспросила:

— Кто говорит?

— Дура! Берия говорит. Где Байбак? Пусть подойдет.

Клавдия Андреевна ответила: «Он болен и лежит с высокой температурой». В том же раздраженном тоне Берия заявил, что каждый дурак может легко простудиться, если не будет носить галоши (насколько помню, из всего окружения Сталина их носили только Берия и Суслов)...

Я с трудом поднялся и взял трубку. Не поинтересовавшись о состоянии моего здоровья, Берия заявил, что надо немедленно лететь в Уфу с наркомом внутренних дел Кругловым. Там ЧП.

Мы вылетели в тот же день. Температура у меня была +39°. Представляете, в каком состоянии я туда прибыл и какие могли быть тяжелые последствия такого отношения к заболеванию...

Вспоминается и такой эпизод, связанный с Берией. Как-то побывал я в ресторане «Националь» на дне рождения начальника хозуправления наркомата. Через день-другой мне позвонил наш куратор Лаврентий Берия и так вкрадчиво, почти дружеским тоном поинтересовался:

— Байбаков, где ты был вчера?

— Как где, на работе.

— А после работы? — в голосе Берии появились ехидные нотки.

— После работы был в «Национале»: отмечали день рождения нашего сослуживца, моего товарища.

— Тебе что, нравится ходить по ресторанам? Это же бардак! Не хватало, чтобы наркомы и их заместители шлялись по ресторанам!

— Что же здесь предосудительного? - спрашиваю я.

— Нельзя и все! - заявил Берия и повесил трубку.

С тех пор я посещал эти, заведения только тогда, когда приглашался туда на официальные! правительственные приемы.

Я не раз задавал себе вопрос: чем Берия заслужил особое доверие Сталина, который наделил его огромными властными полномочиями? Ведь добиться такого отношения Сталина с его недоверчивым и подозрительным характером было очень непросто. Разве только в результате многократных успешных решений поставленных вождем сложных и ответственных задач. И мне кажется, дело как раз в том и заключалось, что Берия был способен осуществить многие важные поручения хозяина Кремля.

Его, естественно, боялись. Он вселял ужас в души людей, которые, зная, что их ожидает в случае невыполнения бериевских заданий, путем жертв, нечеловеческих усилий добивались просто невозможного.

Сталин, видимо, не раз убеждался, на что способен его верный сторожевой пес — глава карательных органов, и вполне этим удовлетворялся, даже не пытаясь поинтересоваться, каким же путем, какими средствами его соратник выполнил то или иное поручение. А ведь еще, кажется, К. Маркс заметил: благородные, справедливые цели должны достигаться справедливыми методами и средствами.

Зачастую Берия шел и на явную авантюру, снабжая Сталина некоторыми перспективными данными нашего топливно-энергетического развития, которые тогда еще вызывали среди ученых и практиков большие сомнения.

Приведу один пример. В феврале 1946 г., когда Сталин выступал перед избирателями в Большом театре, он поставил в числе других задачу — через 15 лет довести добычу нефти до 60 млн. тонн ежегодно.

У меня, когда я это услышал прямо волосы встали дыбом: откуда эти цифры? Кто их ему дал?

На следующий день звонит заместитель Председателя СНК СССР Берия. (Он тогда курировал топливные отрасли промышленности.) Я ответил на его вопросы, а затем говорю:

— Лаврентий Павлович, откуда в докладе товарища Сталина такие цифры по нефти? Почему никто у меня не спросил — можем ли мы достигнуть такого уровня за столь короткий срок? Ведь возможности освоения «Второго Баку» и имеющиеся там запасы точно еще не определены.

Берия отвечает:

— Байбаков, не твое дело. Сталин сказал, теперь ты давай делай, что угодно.

Я сразу понял, кто снабдил Сталина этими данными, и говорю:

— Если так, Лаврентий Павлович, то тогда я подготовил проект решения, и вы мне должны помочь.

— Любую помощь, пожалуйста, — был ответ Берии.

И мы, действительно, необходимую материально-техническую помощь от него получили.

Используя разные, включая и недостойные приемы, которые базировались на угрозах и страхе, Берия способен был достигать очень важных для страны результатов. В августе 1945 г. Сталин, недовольный кураторством Молотова, доверил Берии важнейшее дело в области оборонной стратегии — руководство атомным проектом. Тот смог обеспечить не только абсолютный режим секретности и сверхнадежную охрану всех объектов, связанных с указанным проектом. Главное, — получив от вождя данное поручение, Берия оказал максимальную поддержку ученым-атомщикам, снабдив Курчатова и его коллег всем необходимым и придав их работе большой государственный размах. Венцом ее, так ошеломившим американцев, явилось первое успешное испытание советской атомной бомбы 29 августа 1949 г. Тем самым был положен конец воинственным заявлениям Трумэна и атомному шантажу Советского Союза. Словом, роль Лаврентия Берия в этом выдающемся достижении весьма значительна.

Г. А. Куманев: Когда состоялись Ваши первые встречи со Сталиным и чему они были посвящены? Каковы были тогда Ваши впечатления о нем?

Н. К. Байбаков: Встретился я впервые со Сталиным в первой половине 1940 г., когда, как я уже говорил Вам, являлся первым заместителем наркома нефтяной промышленности Лазаря Моисеевича Кагановича. Встреча произошла в Кремле. Она была вызвана тем, что Сталин стал очень беспокоиться о состоянии нашей нефтяной промышленности. В обстановке нарастания военной угрозы он усилил свое внимание нефтяным проблемам. Скажу больше — из всех высших государственных и партийных деятелей Сталин был самым любознательным и практичным и больше всех оказывал нам помощь.

И вот на это совещание, где рассматривались неотложные вопросы нашей отрасли, я был вызван вместе со своим наркомом. Были там почти все члены Политбюро ЦК ВКП(б). Кагановичу предложили сделать информацию о положении дел в нефтяной промышленности СССР. Поскольку Каганович не являлся специалистом по добыче нефти, он в свою очередь предложил заслушать меня. (Я еще перед совещанием получил от него задание подготовиться.) Преодолев нахлынувшее волнение, я сосредоточился на содержании подготовленной мною справки, которую держал перед собой. Говорил около 30 минут по всем основным делам нашей отрасли. Особо остановился на необходимости форсированного развития нефтепромыслов в Башкирии — ведущем районе «Второго Баку». Внес и ряд конкретных предложений.

Во время моего выступления Сталин прохаживался около стола

с трубкой в руках. Слушал очень внимательно, ни разу не перебив, а когда я говорить закончил, стал задавать вопросы. Вначале он спросил, какое конкретно оборудование требуется в первую очередь нефтяникам и что более всего тормозит ускоренное развитие отрасли. Голос у Сталина был приглушенный и довольно тихий.

Совсем уже успокоившись, я четко и ясно, как мне показалось, ответил на поставленные вопросы. По лицу Сталина было видно, что мои разъяснения и предложения его удовлетворили. Сделав несколько шагов по кабинету, он тут же принял соответствующие решения.

- А как Вы оцениваете, товарищ Байбаков (произнося мою фамилию, Сталин делал ударение на втором слоге, и теперь мне стало ясно, почему так же называл меня Берия) перспективы скорейшего освоения «Второго Баку»? Какие организационные и другие меры нам надо еще осуществить?

Мне уже рассказывали о том, что Сталин терпеть не может общих, расплывчатых фраз и при разговоре с ним собеседник должен быть «подкованным», прекрасно знать существо вопроса и иметь (если убежден в собственной правоте) свою точку зрения.

Чувствовалось, что вождя интересуют все без исключения составные части проблемы и для него при принятии ответственных решений нет мелочей.

После моих ответов Сталин кратко подвел итоги, сформулировал пункты нового правительственного постановления с указанием сроков и путей к его выполнению и произнес:

— Итак, я утверждаю.

В последующем я старался всегда придерживаться именно такого ясного и конкретного стиля при обсуждении любого вопроса. Не подавлять мнения окружающих, а внимательно и терпеливо выслушивать каждого, кто высказывал свои предложения и замечания, чтобы находит правильное, конструктивное решение.

В июле 1940 г. произошла смена руководства Наркомата нефтяной промышленности. Наркомом был назначен Иван Корнеевич Седин, который до этого работал секретарем Ивановского обкома ВКП(б). Осенью того же года руководители нашего наркомата, неф- текомбинатов и трестов были приглашены на беседу к Сталину. С небольшим докладом о положении дел в стране с добычей нефти выступил я как первый заместитель народного комиссара. И на этот раз Сталин слушал мою информацию очень внимательно. Расхаживая по кабинету, он задавал вопросы, как бы ведя со мной диалог. Его особенно интересовало положение со строительством первого на Востоке страны нефтеперерабатывающего завода в Башкирской республике. В свою записную книжку Сталин тут же записал все, что в первую очередь необходимо для скорейшего пуска завода, а заместители главы правительства Берия и Вознесенский получили соответствующие оперативные указания.

Я и выступавшие в прениях товарищи обратили внимание руко

водства на невысокое качество поставляемого оборудования и особенно труб, которые у нас производились из обычной стали, а нужна легированная сталь.

Заодно все .жаловались на частые срывы с поставками утяжеленных бурильных труб, которые могли повысить скорость бурения скважин.

Сталин попросил Седина дать необходимые разъяснения. Тот встал навытяжку, растерялся, стал путаться и, наконец, беспомощно замолчал. Сталин пристально смотрел на него, покачивая головой... Седина можно было понять: он никогда не был нефтяником, да и соответствующего опыта явно недоставало.

Пришлось мне выручать наркома и объяснять причины многочисленных аварий при бурении скважин. Покритиковал я и Наркомат черной металлургии, который часто срывал поставку утяжеленных бурильных труб. Сталин тут же подошел к письменному столу, взял телефонную трубку и позвонил наркома черной металлургии Тевосяну. Спросил его:

— Товарищ Тевосян, Вы не очень заняты? Тогда прошу немедленно приехать ко мне.

Наркомчермет СССР находился недалеко от Кремля, в том же здании, что и мой наркомат. И где-то через 10 минут Тевосян появился на нашем заседании. Сталин поздоровался с ним за руку и говорит:

— Товарищ Тевосян, вот здесь товарищ Байбаков жалуется на то, что во многих авариях виноваты Ваши трубы плохого качества. Товарищ Байбаков, пожалуйста, уточните, о чем идет речь...

Известно, что наступление лучшая форма обороны. Этот метод сразу же использовал Тевосян, активно ополчившись на меня. Он начал оправдываться, бурно доказывая свою непричастность к простоям буровых. Мы стали с ним спорить, и это продолжалось несколько минут.

Сталин отошел в сторону, недовольно поморщился, а затем сказал:

— Вы поспорьте, поругайтесь, а мы послушаем...

Мы оба сразу замолчали. После небольшой паузы Тевосян заметил, что трубы, о которых идет речь, испытывают при бурении скважин огромную нагрузку. Пробовали изготавливать из орудийной стали, но они все равно ломаются...

— Что же делать будем? - спросил Сталин.

— Будем осваивать, — как-то неконкретно, «в общем плане» ответил Тевосян.

Сталин строго взглянул на него и с иронией произнес:

~ А не получится у Вас, товарищ Тевосян, как у того пожилого, который женился на молоденькой, сам мучался и ее мучал? Лучше скажите, что требуется, чтобы изготавливать качественные трубы?

Явно смутившись, Тевосян пояснил: для выпуска качественных

труб нужна легированная сталь, а для этого надо молибден добавлять к обычной стали. /

— А сколько его нужно на первое время? — поинтересовался Сталин. /

Немного подумав, нарком ответил, что необходимо выделить молибдена по крайней мере 300 /тонн.

Сталин обращается к присутствовавшему на заседании председателю Госплана Николаю Алексеевичу Вознесенскому:

— Товарищ Вознесенский, почему Вы не даете необходимые добавки молибдена?

Тот отвечает таким сухим, официальным тоном:

— Товарищ Сталин, у нас его нет в свободном наличии. Имеется только в неприкосновенном запасе, в НЗ.

Я решился тогда вмешаться в разговор и заметил, что каждая поломка труб вызывает серьезную аварию. И чтобы устранить ее, требуются десятки тысяч рублей, а иная авария приводит к ликвидации бурящейся скважины.

Сталину мой довод, видимо, показался убедительным. И он снова обратился к председателю Госплана с вопросом. Причем, зная его твердый характер и щадя самолюбие, слова произнес с мягкой улыбкой.

— Скажите, товарищ Вознесенский, для чего создается НЗ?

И сам же ответил на этот вопрос:

— Неприкосновенный запас создается для того, чтобы питаться, когда больше нечего есть и пить. Так ведь? Почему же нельзя это сделать сейчас? Вот мы и выделим триста тонн молибдена, а Вас, товарищ председатель Госплана, попросим поскорее восполнить это количество в НЗ.

Вождь повернулся к Председателю Совнаркома СССР Молотову и спросил:

— Как, Вячеслав Михайлович, мы подпишем документ о выделении молибдена из неприкосновенного запаса?

Молотов ответил:

— Я готов поддержать.

Все с этим согласились и через один-два дня после оформления необходимое количество молибдена было выделено по назначению.

Я рассказываю Вам столь подробно об этом эпизоде потому, что он, как мне кажется, достаточно убедительно характеризует стиль работы Сталина. К подобным совещаниям он готовился всегда тщательно и при их проведении постоянно демонстрировал большую осведомленность, интересовался всем.

Помнится, как однажды во время выступления в Кремле начальника Краснодарского нефтекомбината Апряткина Сталин спросил его о запасах нефти в недрах края. Оратор назвал 150 млн. тонн. Тогда Сталин попросил «расшифровать» эти запасы по категориям. Но ответа не получил, т. к. Апряткин был просто «не в курсе дела».

— Хороший хозяин, - упрекнул его Сталин, - должен знать свои запасы и по категориям...

Бывая на встречах и заседаниях в Кремле, я не раз убеждался, что Сталин уважал знающих свое дело прямых и честных людей, которые излагали перед ним свои сокровенные мысли. Их Сталин слушал особенно внимательно, устанавливая с ними доверительный, деловой контакт. Он умел каким-то особым чувством не только понять волнение и искренность собеседника, но и простым словом, шуткой или жестом снять напряжение, поддержать и успокоить человека.

Тем не менее работать со Сталиным в «зоне повышенной ответственности» было далеко не просто, обладая железной логикой, ясным умом, обширными знаниями, необычайной работоспособностью и непростым характером он требовал от каждого высокой компетентности, четкости, исполнительности и инициативы.

Были еще встречи с ним и членами Политбюро перед самой войной в связи с нефтяными проблемами. Принимались конкретные и эффективные решения, и это нам здорово помогало по повышению уровня добычи нефти. Мы достигли почти 34 млн. тонн в год.

Г. А. Куманев: Очень признателен Вам, Николай Константинович, за столь обстоятельные ответы. Наша беседа пока была посвящена преимущественно довоенному времени. Но я, отнюдь, не собираюсь просить Вас подробно рассказать о том, как функционировала нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны, когда от результатов ее работы напрямую зависел исход битвы с фашизмом, судьба нашей Советской Родины и в конечном счете — судьба мировой цивилизации.

Чтобы более или менее основательно осветить все эти вопросы потребуется, конечно, немало времени. По крайней мере - несколько новых многочасовых встреч с Вами. Поэтому не можете ли Вы дать только краткую характеристику вклада тружеников этой отрасли в общие усилия нашего народа в завоевание Победы над врагом? Разумеется, все, что посчитаете нужным сказать о том беспримерно тяжелом и героическом времени, будет интересно.

Н. К. Байбаков: Считаю необходимым вначале отметить, что гитлеровская агрессия, кроме причиненных Советскому государству огромных жертв и потерь, крайне отрицательно сказалась на развитии нашей нефтяной промышленности.

Значительно ухудшилось ее материально-техническое снабжение, многие предприятия нефтяного оборудования были переведены на производство военной продукции. Резко обострилась кадровая проблема, поскольку немало нефтяников было призвано в ряды Красной Армии. Поэтому во весь рост встала задача заменит их уход новым пополнением. На нефтяные промыслы влилась сельская молодежь, охваченная высоким патриотическим стремлением. Юно-

ши и девушки, придя на промыслы, стали работать в бригадах по добыче нефти, в ремонтных бригадах/на тракторных базах, а также на нефтеперекачивающих и компрессорных станциях. Женский труд занял доминирующее место в буренйи, на многих тяжелых производствах и на руководящей работе. Так, в Баку уже в первые месяцы войны пять крупных нефтепромыслов из восьми возглавляли женщины. /

У нового пополнения, конечно, недоставало необходимого опыта и знаний, но оно настойчиво перенимало советы старших, быстро осваивая сложную технику и технологию производства.

Неблагоприятное развитие событий на фронте вело к новым бедам и потерям в нефтяной промышленности. Так, уже в начале июля 1941 г. враг оккупировал сравнительно богатую нефтью и газом Дрогобычскую область, где перед войной имелось несколько крупных нефтеперегонных предприятий, а в одном только районе Борислава около 800 нефтяных скважин.

Из-за ухудшения военной обстановки Государственный Комитет Обороны принял серию важных постановлений о перебазировании промышленных предприятий, в том числе нефтяной индустрии в восточные районы. На меня возложили руководство эвакуацией нашего наркомата в Уфу. Сотрудники наркомата вместе с семьями бьши вывезены туда водным путем на теплоходе по каналу Москва- Волга, затем по Волге, Каме и реке Белая. После их прибытия и размещения в Уфе я вернулся в Москву. Здесь меня ожидало с оставлением в прежней должности новое назначение — уполномоченным ГКО по обеспечению фронта горючим. В течение нескольких месяцев я занимался вопросами контролирования поступления в войска горючего из Баку, районов Северного Кавказа и «Второго Баку».

Г. А. Куманев: Где-то я прочитал, будто за обеспечение фронта горючим отвечал и Анастас Иванович Микоян, хотя он мне об этом не рассказывал.

Н. К. Байбаков: Нет, снабжением нашей армии горючим Микоян не занимался. Если Вы хотите знать, был у нас специальный штаб. Я как уполномоченный ГКО нес полную ответственность за снабжение фронта горючим. В качестве заместителя был у меня генерал Андрей Васильевич Хрулев — начальник Тыла Красной Армии. С ним, если не ежедневно, то во всяком случае раз пять в неделю мы собирались для того, чтобы решать вопросы — куда, какое топливо, сколько и на какой фронт направлять. Вот такая шла у нас здесь активная работа.

Микоян ведь тогда занимался преимущественно внешнеторговыми делами, вопросами снабжения легкой промышленности сырьем, материалами, а армии и населения — продовольствием.

Г. А. Куманев: А Михаил Георгиевич Первухин (который, как и Микоян, был не только наркомом, но и заместителем Председателя

СНК СССР) тоже во время войны не имел поручений по распределению топлива в народном хозяйстве?

Н. К. Байбаков: Первухин как один из заместителей главы правительства, кроме руководства Наркомхимпромом страны, в военные годы курировал, в частности, Наркомат электростанций, занимался распределением электроэнергетики. В 70-е годы он у меня в Госплане СССР был заместителем, возглавлял одно из управлений, со всем и республиками разрабатывал планы. Это был душевный человек, очень умный, опытный, знающий и сильный как руководитель.

Г. А. Куманев: Давайте перенесемся опять к событиям, связанным с деятельностью советских нефтяников в начале и в первый год Великой Отечественной войны. Каковы были достигнутые тогда результаты?

Н. К. Байбаков: Нашим несомненным достижением в тяжелые, драматические месяцы 1941 г. явился тот факт, что нефтяная промышленность СССР не только не рухнула под напором неимоверных трудностей и возросших потерь, но даже сумела обеспечить определенный рост своего производства. В этом деле положительно сказался массовый трудовой подъем работников отрасли, их стремление отдать все свои силы, чтобы выполнить задания фронта, а также умелое руководство со стороны ГКО, партии и правительства, которые постоянно использовали опыт и преимущества планового управления экономикой.

В авангарде работников отрасли находились бакинские нефтяники. Посудите сам: в первый год войны они обеспечили самую большую добычу нефти за всю предшествующую историю Азербайджана — 23,5 млн. тонн. И это при острейшей нехватке квалифицированных кадров, оборудования, машин и механизмов! Во время войны мы сумели выстоять в основном на нефти Баку. Ведь бакинская нефть в тот' тяжелейший период и до войны составляла около 80% всей добычи этого топлива в стране.

А как выросли с самого начала войны среди нефтяников ряды рационализаторов и изобретателей. Люди искали и находили выход из самых сложных ситуаций, добивались, казалось, невозможного. Народная инициатива, как говорится, билась через край. Например, нефтяники острова Артем на Каспии организовали водолазные поиски и подняли со дна моря много, вроде бы, ненужного железного хлама, старого оборудования, в том числе даже заброшенный трубо- [1] провод. Однако почти все было отремонтировано и пущено в дело.

В частности, привели в порядок старые трубы и направили их на i строительство газопровода Бугуруслан-Куйбышев. Это позволило > обеспечить топливом оборонные заводы Куйбышева.

Я мог бы привести Вам десятки, даже сотни характерных примеров самоотверженных дел рабочих коллективов отрасли а эти самые j трудные месяцы войны. Одно могу сказать: работали мы день и ночь, J трудились, не покладая рук, и многого добивались.

Можете себе представить, как поднялся дух народа, какую уверенность в неминуемой победе над фашистскими захватчиками вдохнула во всех нас весть об их разгроме на полях Подмосковья. Словно была снята с души тяжесть какой-то безысходности. Но война продолжалась, и нас ожидали новые испытания.

Г. А. Куманев: Вы имеете в виду наши неудачи и поражения на фронте весной и летом 1942 г. со всеми последствиями?

И. К. Байбаков: Да, конечно. Как Вы знаете, противник в силу ряда причин добился тогда серьезных успехов. По этому поводу я зачитаю имеющуюся у меня небольшую выдержку из газеты «Правда». Вот что она писала в те тревожные дни: «В предгорьях Кавказа идут невиданные по своим масштабам и ожесточенности бои. Над Советской Родиной нависла серьезнейшая опасность. Враг захвати важные районы нашей страны. Он хочет лишить нас хлеба и нефти...»

Действительно, проблема горючего (как и продовольствия) для фашистского рейха была наиважнейшей. Ведь перед нападением на СССР Германия производила лишь около 8-9 млн. тонн бензина и дизельного топлива в год и то в основном из бурого угля методом гидрогенизации его под высоким давлением. Своей нефти Германия фактически не имела.

Г. А. Куманев: А Сталин знал об этом?

Н. К. Байбаков: Сталин об этом знал и знал достаточно основательно. Наша разведка накануне войны ему докладывала, какими возможностями по топливу обладают Германия и ее союзники и каким образом немцы добиваются получения бензина из бурого угля. Гитлеровская Германия вступила в войну преимущественно на искусственном жидком топливе, которое получала таким путем. Правда, немного помогала ей Румыния. Но румынской нефти не хватало.

Вот почему на захват кавказских нефтепромыслов в своем новом наступлении враг возлагал большие надежды. Ввиду резкого ухудшения военной обстановки на южном крыле советско-германского фронта и возникшей угрозы прорыва гитлеровских войск на территорию Северного Кавказа встал вопрос об эвакуации местных нефтяных предприятий.

Г. А. Куманев: Как же проходил этот процесс перебазирования и какие лично на Вас возложил тогда задачи Государственный Комитет Обороны?

Н. К. Байбаков: В один из жарких июльских дней 1942 г. меня вызвал в Кремль Сталин. Когда мы встретились, он неторопливо пожал мне руку и тихим спокойным голосом сказал:

— Товарищ Байбаков, Гитлер рвется на Кавказ. Фашистский фюрер решил сам руководить операцией, прибыв для этого в Полтаву. Он уже заявил, что если не завладеет кавказской нефтью, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. Вы должны вылететь на Северный Кавказ. Если

нужно, дадим кого хотите. Мы можем Вам выделить специалистов для уничтожения там нефтепромыслов.

Я задаю вопрос:

— Товарищ Сталин, а кто даст команду по уничтожению нефтепромыслов?

Сталин отвечает:

— А Вы с товарищем Буденным решайте вопрос на месте. (Семен Михайлович Буденный командовал тогда войсками Северо-Кавказского фронта.)

Затем Сталин меня предупредил:

— Имейте в виду, товарищ Байбаков, если Вы хоть одну тонну нефти оставите немцам, мы Вас расстреляем. Но если Вы уничтожите промыслы, а противник не сумеет захватить эту территорию, и мы останемся без нефти, мы Вас.тоже расстреляем.

Набравшись храбрости, спрашиваю:

— Товарищ Сталин, а какова же альтернатива? Вы мне не оставляете выбора.

Он мне показывает двумя пальцами на висок и отвечает:

— Молодой человек (а мне тогда шел 31-й год), здесь выбор. Вот Вы туда летите и, повторяю, вместе с Буденным этот вопрос и решайте, когда и что делать.

На следующий день в ГКО был рассмотрен вопрос о срочном формировании группы специалистов, направляемых на нефтепромысла Северного Кавказа для проведения там особых мероприятий;

На этом заседании меня спросили, нельзя ли сделать так, чтобы в случае захвата немцами нефтепромыслов, они не смогли бы быстро организовать добычу нефти, а мы, наоборот, вернувшись в эти' районы, смогли бы оперативно вновь пустить промысла в действие.

Я ответил, что, к сожалению, таких способов нет. Имеется поэтому один выход: в случае угрожающей обстановки все ценное нефте- оборудование немедленно демонтировать и отправить в тыл. Нефть же надо добывать до последней возможности, но при крайних обстоятельствах промысла следует быстро уничтожить.

С моим мнением согласились, и была сформирована указанная группа в составе опытных инженеров-нефтяников и специалистов взрывного дела из НКВД. За месяц до того, как противнику удалось прорваться, эта группа специальным рейсом вылетела в Краснодар, а затем прибыла на нефтепромыслы и приступила к работе.

Берия в это время прислал на Северный Кавказ своего заместителя Меркулова. Должен сказать, что это был довольно интеллигентный, умный человек. Он хорошо знал эти края. Привез с собой английских специалистов, которые на о. Борнео во время отступления союзных войск под натиском японцев занимались уничтожением действовавших нефтескважин.

Меркулов привез их, чтобы мы могли использовать полезный

опыт англичан. Но, когда эти специалисты, рассказали мне, как надо уничтожать скважины, я сразу же усомнился.

Ведь мы еще полгода до моего прибытия на Северный Кавказ создали чуть ли . не институт по вопросу, как надо уничтожать промысла. Метод англичан был таков. Они забрасывали в скважины металл и бумажные мешки с цементом, полагая, что, когда бумага растворится, то цемент схватится металлом. Мы сделали в порядке проверки данного опыта то же самое. Но, когда наверх подняли, опытную колону и разрезали нижйкио часть ее, то оказалось — металл отдельно и цемент отдельно. Английские специалисты пришли в ужас. Потом познакомились с нашим методом: мы не мешки бросали, а спускали насосно-компрессорные трубы и через них закачивали жидкий цемент. Он быстро там схватывался и получался железобетон, который невозможно было ничем разбурить.

В итоге что получилось: мы уничтожили около 3 тыс. скважин, компрессорные станции, электростанции и т. п. Оккупанты находились на Северном Кавказе шесть месяцев, но за это время не получили ни одной тонны нефти. Но когда мы вернулись, то тоже со старых скважин ничего не получили. Пришлось буравить новые, заново все строить и делать. И в конечном счете наш метод себя оправдал.

Меня как своего уполномоченного Государственный Комитет Обороны наделал дополнительно необходимыми полномочиями, связанными с проведением эвакуации и уничтожением нефтепромыслов Северного Кавказа и Баку.

Я имел в наркомате свой самолетик, прилетел в Краснодар и потом на нем курсировал от Краснодара до Баку. Создавал там особые «тройки» по уничтожению каждой скважины.

В одном только Краснодарском крае надо было уничтожить около 3 тыс. скважин. Каждый член этих «троек» знал, что делать, как действовать в случае необходимости.

Произошел там со мной такой эпизод. Был август 1942 г. Я находился в это время в Грозном, в Чечено-Ингушетии. Мне сообщают: немцы прорвади фронт у Ростова и продвигаются на юг. Я сажусь с пилотом в двухместный самолетик, скорость его 150—170 км/ч. Мне сообщили, что штаб фронта находится в Армавире. Мы полетели в Армавир. Когда к нему подлетали и уже пошли на посадку, я увидел внизу, на аэродроме, какие-то танки с белыми крестами. Самолет снижается. Я кричу пилоту: «Жора (так его звали), ты посмотри, что это за машины, кажется, немецкие! Наткнемся на них!»

Он привстал, посмотрел вниз:

— Нет, — говорит, — это наши.

Между тем уже четко было видно, что это вражеские танкетки.

Я снова, теперь более требовательно, кричу:

- Поворачиваем назад!

А пилот продолжает вести самолет на посадку. Тогда я вытащил пистолет, крепко выругался и крикнул, что пристрелю, если здесь сядем, что это немцы, они захватят и самолет, и нас в плен. Он, наконец, послушался, и мы повернули на Краснодар. Когда сели в Краснодаре, я летчику говорю:

— Жора, ты что с ума сошел? Ты что делал, сукин сын? Ведь мы могли бы запросто попасть в лапы врага.

А он отвечает дрожащим голосом:

— Товарищ Байбаков, у меня в Армавире остались жена и дочка.

Летчик за эти действия оказался в штрафном батальоне...

Итак, прилетев в Краснодар, я стал искать штаб фронта, но еще не знал, что делать. Выяснил, что штаб передислоцировался в станицу Белоречинскую. Я поехал туда, застал на окраине станицы Семена Михайловича Буденного. Была страшная жара (стоял последний летний месяц). Маршал сидел около штаба, у лесочка в нижнем белье... (Перед войной мы не раз встречались, когда он был заместителем наркома земледелия по коневодству. Вместе решали вопросы снабжения сельского хозяйства горючим. Так что хорошо знали друг друга.)

Тепло поздоровались, и я ему сразу говорю:

— Семен Михайлович, давайте команду об уничтожении промыслов в соответствии с указаниями Сталина. Я вижу, что мы можем не успеть сделать это. А Сталин говорил, что тогда будет плохо нам.

Буденный покачал головой:

— Не торопись, Николай. Мои кавалеристы остановили танки.

Я понял, что команду, которая требуется, видимо, никто мне не даст. Потом по телефону из штаба фронта ее дал я по объектам нефтедобычи.

Начали там нефтескважины уничтожать. Была дана пока команда первоначальная № 1 (уничтожение малодебитных скважин). А были еще команды № 2 и № 3. После этого из Белоречинска я на автомашине поехал в станицу Апшеронскую. Меня там уже ловили по телефону. Звонил Каганович, который находился здесь как член Военного совета Северо-Кавказского фронта. Дает команду: «Приступайте к ликвидации промыслов». Отвечаю: «Я такую команду уже дал». Кроме Кагановича в Апшеронской еще был член Военного совета Леонид Корниец — председатель Совнаркома УССР. Когда я прибыл на промысла, на следующий день штаб фронта перебазировался в Хадыжи — центр нефтяной промышленности Краснодарского края.

События развертывались здесь очень быстро. Началось уничтожение более дебетных скважин по 2-й и 3-й командам. Темпы ' продвижения врага не замедлялись. Получаю сообщение из Апше- ронска: город обстреливается противником из артиллерийских ору- j дий и подвергается ударам с воздуха, но все промысла его защитниками уже уничтожены. Я тогда позвонил в штаб фронта. К телефону {

подошел Каганович. Сообщаю: имейте в виду, пожалуйста, мне передали нефтяники из Апшерона, что немцы подошли вплотную к городу, находятся от него в 3-4 км.

— Что Вы там паникуете? — сердито говорит Каганович.

— Я Вам передаю то, что мне передали мои нефтяники. Можете проверить, пошлите военную разведку.

И вот ровным счетом через 15 минут штаб фронта стал спешно перебазироваться в Туапсе. Члены штаба поехали туда на автомашинах, а я с партизанами и нефтяниками занимался подрывом остатков промыслов. Страшно тяжелая, печальная вещь. Взорвали резервуары с нефтью, нефть пошла по дорогам. Закончив эту работу и подорвав электроподстанцию, я и участники спецоперации ушли в горы, т. к. отступать по дорогам в Туапсе было уже опасно.

«Мессершмитты» барражировали по коммуникациям на Туапсе и уничтожали все, что им попадалось. В это время был ранен Каганович, оторвало руку вице-адмиралу Ушакову, прекрасный был человек.

Я пробирался в Туапсе вместе с нефтяниками почти восемь дней по малому Кавказскому хребту. Некоторые из них остались партизанами во главе с секретарем Хадыжинского райкома партии Хомяковым (позднее он станет секретарем ЦК Компартии Туркмении), энергичный и боевой быш мужик.

Пока мы шли к Туапсе, наверху сообщили, что Байбаков и его товарищи погибли «смертью храбрых». Представляете, что пережила моя жена Клавдия Андреевна, проживавшая тогда в Уфе с маленькой дочкой Таней на руках, когда получила на официальной, казенной бумаге извещение о моей гибели. Правда, через несколько дней пришло новое сообщение, что Байбаков и его товарищи живы- здоровы.

Мы потом направились в Грозный. Немец продолжал продвигаться в глубь Кавказа, занял Майкоп, дошел до Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Наша эпопея по уничтожению нефтяных скважин была продолжена. К сожалению, небольшую часть скважин в г.-Малгобек (Северная Осетия) уничтожить не удалось.

Что касается Грозного, то, когда Буденный был освобожден с поста командующего войсками фронта и был назначен генерал Петров, мы многое сумели из местного нефтеоборудования эвакуировать, в основном в Туркменскую ССР и во «Второе Баку». Причем я как уполномоченный ГКО по эвакуации занимался не только вывозом оборудования, но и людей. Мы, например, перебазировали только в районы «Второго Баку» около 10 тыс. человек, из них процентов 70— 80 женщин. Все они там разместились, получили работу, хотя погодные условия были тяжелыми. Для работников нашего теплого пояса температура минус 3—4 градуса была уже довольно трудно переносимой, а в районе «Второго Баку» им приходилось трудиться при температуре -30°, —40°.

Теперь возвращаюсь к тому, что произошло в Грозном. В разгар боев Сталин дал команду — перебросить сюда из Сибири две дивизии. И когда эти дивизии переправились сюда через Каспий, прибыли в Махачкалу и двинулись на Север, немцев выбили из Червонной, и они ушли к Моздоку. Здесь устроили заслон для всех бегущих. Надо сказать, расправа с ними была жестокая. Но все-таки дисциплину удалось восстановить.

Южнее Грозного, у Червонной наши воины встали насмерть, и противник здесь задохнулся. Я был очевидец страшной картины. Это было 28—29 августа 1942 г. Гитлер отдал приказ — любой ценой захватить нефть Чечено-Ингушетии, т. е. грозненскую нефть. Поэтому двинулось в наступление несколько вражеских дивизий. Разгорелся тяжелый бой, в ходе которого активно действовали наши штурмовики, подброшенные по ленд-лизу англичанами. 20 самолетов-штурмовиков косили наступавшие войска противника.

Я находился на контрольном пункте КП штаба, на возвышении, и все хорошо было видно. Из примерно 10 тыс. солдат и офицеров противника около половины погибло. Через несколько дней появились флаги с той и другой стороны, что означало - давайте захороним трупы, которые уже начали разлагаться. Стали рыть траншеи. Бросали туда тела погибших и зарывали. Через 3—4 недели немецко- фашистские войска снова пошли в наступление. Но это было их последнее наступление. В нем участвовали в основном румыны. Их тоже уложили. На этом враг окончательно выдохся. К концу года его прогнали до Ростова-на-Дону.

Немного еще отвлекусь., Я как-то после войны отдыхал в Кисловодске. Сажусь в машину, еду в Баку, в родные места. Заехал по дороге в район тех боев, о которых только что рассказывал Вам. Мне; интересно было, что же там осталось, как все выглядит спустя] десятилетия? Сохранились ли могилы того времени? Ведь там было похоронено несколько тысяч человек.

Не удалось обнаружить ни одного очевидца. Куда они делись? Я* расспрашивал. Отвечают — нет, ничего не знаем. Пустое место, ни- одного памятника, свидетельствующего о том, сколько здесь наших| славных воинов-защитников Родины полегло и захоронено...

После того как гитлеровцы здесь сильно обожглись и их отогна-, ли, я улетел в Уфу, стал снова заниматься нефтяными делами. Там! находился непродолжительное время, т. к. вскоре наш наркомат был реэвакуирован в Москву и вся моя последующая работа протекала в' столице.

Г. ***А. Куманев:*** Как Вы, Николай Константинович, в целом оцениваете итоги эвакуации нефтяного оборудования, проведенной в 1941—1942 гг. ? Много ли оказалось при этом потерь?

Н. К. Байбаков: В целом я оцениваю эту беспримерную в мировой истории сложнейшую производственную операцию, в том числе по спасению предприятий нефтяной промышленности и запасов

горючего, весьма положительно, высоко. Из одного Грозного, я хорошо помню, мы вывезли 600 вагонов ценных грузов. Демонтировали и эвакуировали Грозненский нефтеперерабатывающий завод и вместе с ним всю добытую за последние дни нефть, а также оборудование других заводов, многих скважин, качалки, механизмы и т. п. Все это через Баку и Каспийское море переправили в Туркмению и по разным нефтяным районам устанавливали. В Красноводске к концу войны мы подготовили к эксплуатации завод. Такое же завод соорудили в Молотове (Перми) на базе эвакуированного оборудования, сыгравшего очень важную роль. Так что, повторяю, задача по перебазированию нефтяных объектов была выполнена неплохо.

Несмотря на громадные трудности, мы справились с главным заданием Государственного Комитета Обороны — ни одной тонны нефти враг на Северном Кавказе не получил, а ведь в гитлеровском рейхе уже было образовано акционерное общество «Немецкая нефть на Кавказе» и в Северокавказский регион завезен большой запас труб для разработки «новыми хозяевами» нефтяных месторождений. Однако почти за полгода оккупации Кубани захватчикам не удалось восстановить ни одной скважины, а немецкие трубы после изгнания врага нам очень пригодились.

Что касается потерь, то потери, конечно, были. Их невозможно было миновать. Наша битва за нефть сопровождалась не только победами и подвигами, но и рядом неудач. Так, в приграничных районах страны, например, как я уже отмечал, в Дрогобыче из-за быстрого продвижения немецко-фашистских войск мы сразу потеряли немало нефтеоборудования. По существу оттуда почти ничего не успели вывезти.

В конце 1942 г. большая группа нефтяников впервые за войну была отмечена правительственными наградами. И я очень дорожу, что именно в это тяжелое время удостоился высшей награды — ордена Ленина.

Г. А. Куманев: Расскажите, пожалуйста, как Вы стали наркомом нефтяной промышленности? Был вызов к Сталину и беседа с ним?

Н. К. Байбаков: Нет, мое назначение на этот пост со мной предварительно не обсуждалось. Нарком Седин был освобожден от занимаемой должности Указом Президиума Верховного Совета СССР 30 ноября 1944 г. В этот же день следующим Указом я был назначен народным комиссаром нефтяной промышленности СССР. Официальное мое оформление на этот высокий пост состоялось 10 декабря 1944 г., когда содержание упомянутых указов было опубликовано в «Ведомостях Верховного Совета СССР». Только через три месяца после указанного назначения (т. е. в марте 1945 г.) я бы вызван к Сталину для беседы. Начальник его секретариата и главный помощник вождя Александр Николаевич Поскребышев сразу же сказал мне, как только я появился в приемной:

— Посидите, пожалуйста, товарищ Сталин какую-то книгу ищет.

Побывав несколько раз у Сталина, я знал, что вся левая сторона его кабинета была тогда заставлена этажерками из книг. Он много читал во время работы.

Посребышев раза два заходил к Сталину и возвращался ни с чем. А на третий раз сказал:

— Знаете что, Вы идите к нему, а то не дождетесь. Когда он еще эту книгу найдет... Как зайдете, кашляните, если товарищ Сталин будет стоять спиной к Вам, чтобы знал.

Я, конечно, зашел. Прежде всего меня интересовало, как сейчас. выглядит наш вождь. Ведь прошло несколько месяцев после последней встречи с ним. Фигура среднего роста, упитанный, в сером френче, в шевьетовых сапожках. Сразу обратил внимание, что сапоги-то у него худые. Увидел с одной стороны дырку и с другой...

Я кашлянул. Сталин оглянулся, спустился со стремянки и как- то по-дружески произнес:

— А-а, Байбако, молодой человек.

Он протянул мне руку, пригласил сесть и начал медленно ходить по кабинету, раскуривая трубку. Потом сказал несколько официаль- нее:

— Товарищ Байбаков, мы назначили Вас народным комиссаром нефтяной промышленности...

Поблагодарив за это высокое назначение, я набрался смелости й говорю:

— Можно Вам задать один вопрос, товарищ Сталин?

— Можно, - отвечает он.

— Почему, когда назначили меня наркомом, никто, ни Вы, ни наш куратор Берия меня не спросили: хочет или не хочет Байбаков быть наркомом, может или не может справиться с таким поручением?

Сталин слегка улыбнулся и так мне сказал:

— Товарищ Байбаков, мы свои кадры хорошо знаем. Вы коммунист и должны помнить об этом. Вас назначили, и действуйте.

(Кстати, после этого я 12 лет и «пробарабанил» наркомом нефтяной промышленности страны до прихода к власти Хрущева.)

Потом мы со Сталиным сели беседовать. Он мне сразу заявил следующее:

— Вот я Вас пригласил на беседу. Но с какой целью? Вы, пожалуйста, поймите, что англичане и американцы, которые сегодня с нами в хороших отношениях, при удобной для них ситуации могут ведь раздавить нас. При какой же ситуации? Если будут знать наши слабые места. А нашим слабым местом сегодня становится нефтяная промышленность. Нынешний уровень добычи нефти нас никак не устраивает. Накануне войны мы добывали 34 млн. тонн в год, а выходим из войны лишь с 19 миллионами. При таком положении можно всего ожидать.

— Как это можно после такой войны и таких дружеских отношений? — сомневаюсь я.

— Все это может быть, — подчеркивает Сталин.

Он перешел далее к рассмотрению вопросов, связанных с ускоренным развитием нефтяной промышленности. К этому времени, т. е. к весне 1945 г. во «Втором Баку» было обнаружено богатейшее девонское месторождение, что позволяло оптимистически оценивать перспективы прогресса отечественной нефтяной индустрии. Мы получили такие мощные маеты, которые могли давать из скважин по 300—400 тонн нефти в сутки. Я проинформировал Сталина о сложившемся положении, об ошеломляющих открытиях в Куйбышевской области и в Башкирии!

Все это открывало перед нами прекрасную возможность рассчитывать на развитие районов «Второго Баку» высокими темпами. Какими же? Мы стали обсуждать.

— Что Вам нужно в первую очередь? — спрашивает Сталин.

— Необходимо современное оборудование, машины, техника, крупные капиталовложения, нужны знающие строительные кадры.

— Вы обо всем этом напишите, а я дам команду, - заявил Сталин. Он взял телефонную трубку и позвонил Берии:

— Лаврентий, все, что товарищ Байбако скажет, ты давай сделай.

Так начинался новый переломный этап освоения «Второго Баку»,
что привело нас к большим высотам. Когда наш разговор, насыщенный многими мыслями и решениями, закончился, Сталин неожиданно спросил меня:

— Вот Вы — совсем молодой человек, а уже возглавляете такой важный наркомат... Скажите мне, какими качествами должен обладать советский нарком?

Я тут же сказал, что он должен хорошо знать порученное ему дело, свою отрасль, проявлять трудолюбие, добросовестность, честность, оперативность в работе, умение опираться на коллектив.

— Все это правильно, — сказал Сталин, — это очень нужные качества. Но о важнейших среди них Вы не сказали.

Помню, я назвал еще несколько и смолк.

— Что еще? — спросил, покуривая, Сталин. Он подошел ко мне. Я поднялся со стула, но Сталин, коснувшись чубуком трубки моего плеча, посадил меня на место и произнес:

— Советский нарком должен прежде всего иметь «бичьи» нервы плюс оптимизм.

Когда я вышел из кабинета Сталина после полуторачасовой беседы, то сразу спросил у Поскребышева:

— Александр Николаевич, в чем дело, что это наш Председатель ГКО и Верховный Главнокомандующий ходит в худых сапогах?

Поскребышев отвечает:

— Скажи, пожалуйста, а где дырки эти? В каком месте?

Я объяснил. Тогда он раскрыл мне суть «дела». Оказывается, Сталин сам сделал эти дырки, чтобы не досаждали мозоли...

Два чувства владели мной, когда я возвращался из Кремля. Это,

с одной стороны, какая-то окрыленность, понимание того, что дан импульс для новых важных свершений в развитии нефтяной промышленности, в осуществлении которых ты будешь тоже играть не последнюю роль...

И, с другой стороны, ощущение тревоги в связи с предостережением вождя о новой надвигавшейся на нас большой беде. Что в мире не все безоблачно, что есть силы, которым мало понесенных нами огромных жертв и которые хотят не только многократного увеличения этих потерь, но попытаются вообще раздавить нас...

Г. А. Куманев: Как же шло освоение «Второго Баку» после той памятной для Вас встречи со Сталиным весной 1945 г. ? Какую роль оно сыграло в последующие годы в производстве нефти в СССР?

Н. К. Байбаков: Правительственные решения и распоряжения, последовавшие после той беседы со Сталиным, во многом определили небывалый по темпам прогресс «Второго Баку». Представьте, но именно быстрому развитию «Второго Баку», начиная с победного 1945 года и особенно в первые послевоенные годы, мы ежегодно стали давать прибавку от 20 до 25 млн. тонн нефти. Когда я при Хрущеве в 1955 г. уходил в Госплан СССР, добыча нефти составили уже 87 млн. тонн в год. Вместо 15 лет, о которых говорил Сталин в феврале 1946 г. в той речи перед избирателями — довести добычу нефти до 60 млн. тонн — мы практически это перекрыли за 8 лет и пошли дальше. В 1988 г. достигли 624 млн. тонн. Сравните — около 19 млн. тонн в конце войны. Вот, что значит успешное освоение «Второго Баку», а также быстрое возрождение нефтедобычи на Северном Кавказе и ее развитие на Каспии и в самом Баку.

Считаю необходимым еще раз подчеркнуть: все это в значительной мере связано с тем, что Сталин уделял нашей отрасли очень большое внимание, заложив прочную основу ее бурного прогресса. Не устаю до сих пор поражаться, как же оперативно и последователь- ; но выполнялись тогда все правительственные постановления и ука- j зания Сталина, который постоянно интересовался состоянием нефтедобычи и нередко давал практические советы.

Вот в обычные дни вдруг звонок. Я не хочу сказать, что Сталин часто звонил, но подобные звонки были не раз. Итак, однажды . звонок. Беру трубку и слышу знакомый голос. Сталин поздоровался . и говорит:

— Товарищ Байбаков, вот здесь мне Ваш главный геолог товарищ Сенюков написал записку о том, что, если мы хотим быстрее откры вать новые нефтяные и газовые месторождения, надо бурить «опорные скважины».

Что значит «опорные скважины»? Это, не глядя ни на что, бурить по всей стране без подготовки работы геофизиков, что обычно предшествует бурению скважин.

— Как Вы смотрите на метод, предложенный товарищем Сенюковым? Много ли он может нам дать?

Я отвечаю:

— Товарищ Сталин, это мероприятие довольно рискованное, да и очень дорогое?

Сталин спрашивает:

— А как Вы все-таки сами к этому предложению относитесь?

Я говорю, что в порядке эксперимента оно заслуживает внимания и надо попробовать. Гложет быть, что-нибудь важное, полезное и выйдет. !

Сталин заключил:

— Я согласен с ним.

И вот хочу откровенно констатировать: этот метод бурения «опорных скважин» позволил нам открыть многие богатые нефтью районы во «Втором Баку», в Сибири, открыть газ на Урале, в Поволжье, Казахстане, Туркмении. Мы получили очень хорошие результаты. Это один из примеров, как тщательно следил Сталин за ходом решения в стране топливных проблем.

Но у него во время того телефонного разговора был и другой вопрос:

— Вот вы, нефтяники, — сказал Сталин, — начали Каспийское море осваивать. Там у вас на солидной глубине месторождение «Нефтяные Камни» появилось и ряд других. Между тем нам нужны небольшие глубины. Что надо делать?

Я говорю, что ничего здесь не поделаешь. И надо эстакады строить, где глубоко, создавать металлические основания...

Сталин замечает:

— А вот есть предложение такое: перегородить Каспий плотиной от Шевченко до Грозного. Здесь достаточно мелко.

(Кто-то Сталину сообщил, что там от 2 до 6 метров. И это действительно так. Само Каспийское море в открытых нефтяных местах имеет глубину до тысячи метров.)

Отвечаю:

~ Товарищ Сталин, позвольте, мы перегородим это место плотиной, а куда вода пойдет, которая поступает из Волги, реки Урал? Это все, значит, пойдет другой стороной?

— А-а, Вы, кажется, правы. Ну тогда не надо ничего затевать.

На этом телефонный разговор прекратился. Я не буду приводить другие разговоры, которые имели место. Подчеркиваю, часто со Сталиным я не встречался, как и большинство наркомов. Больше всего во время войны он занимался военными делами, производством военной продукции, уделяя им максимум времени, внимания.

Вот сейчас очень много говорят и пишут о Сталине, сталинизме, причем преимущественно в негативном плане. Приводится немало фактов, документов, разных свидетельств (о чем многие из нас не знали раньше), о его прямом участии в развязывании репрессий, о грубых нарушениях по его указаниям социалистической законности и т. п.

Вину Сталина во всем этом затушевать невозможно, да и простить ему такие действия никак нельзя.

В то же время давайте посмотрим, как росла, развивалась наша экономика, например, в довоенный период. Рассмотрим, что происходило с ней в годы первой, второй, третьей пятилеток. Ведь в это время мы шли со средними темпами роста национального дохода примерно от 10 до 15% в год, а промышленного производства — до 17% ежегодно. И в итоге за небывало короткий исторический срок стали современной индустриальной державой, пришли от сохи к атомной энергетике, к ядерному оружию, первыми осуществили прорыв в космос. Здесь, конечно, заслуга Сталина исключительно велика.

Некоторые современные критики говорят — это все роль народа, а настоящего дальновидного руководства тогда, якобы, не было. Сталин, мол, здесь ни при чем, ибо общее руководство было плохим, примитивным, никудышным. Можно ли с подобными популистскими утверждениями согласиться? Конечно, нельзя.

Поднимается вопрос, а каким был Сталин как военный деятель, военачальник, полководец? Разумеется, я как гражданское лицо вряд ли могу дать ему квалифицированную оценку как военачальнику, полководцу. Хотя я знал и не раз невольно наблюдал, как Сталин активно, компетентно и конкретно занимался военными делами в качестве Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего и наркома обороны СССР.

Полагаю, что уместно при этом сослаться на авторитетное мнение такого нашего выдающегося военного деятеля и полководца, как Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Это был 1955 год. Маршал Жуков являлся тогда министром обороны СССР. Жуков пришел ко мне в Госплан СССР с просьбой оказать содействие в решении ряда армейских вопросов, связанных с горючим. Когда мы закончили их обсуждение, он тут же дал из моего кабинета указания своим службам тыла. А потом я задал ему вопрос:

— Георгий Константинович, вот Сталина нет сейчас, о нем по- разному судят, например, был он достойным военачальником, умелым полководцем или нет?

Жуков мне так ответил:

— Николай Константинович, это был крупный военачальник и полководец, опытный и умелый Верховный Главнокомандующий, необычайно волевой, обладавший феноменальной памятью, умный, чрезвычайно работоспособный и четкий. Я не помню случая, чтобы Сталин принимал решения сломя голову, будь то вопрос об отступлении или наступлении. Всегда он нас внимательно выслушивал и только потом принимал решение (в большинстве случаев продуманное и удачное).

Такая положительная оценка Сталина со стороны Жукова —

заместителя Верховного Главнокомандующего, человека прямого, смелого и честного, была для меня определяющей.

Как-то я отдыхал на даче (с 1965 г. жил на бывшей даче Косыгина) и встретил маршала Александровича Михайловича Василевского, с которым у меня были очень теплые отношения. Я ему задал тот же вопрос, и он ответил примерно так же, как Жуков.

Ясно одно — Сталин был /не только выдающимся политическим и государственным, но и крупным военным деятелем XX века.

Г. А. Куманев: ДоводилрСь ли Вам, Николай Константинович, бывать на заседаниях Совнаркома СССР в годы войны (вначале как первому заместителю наркома нефтяной промышленности, а потом и как наркому), где бы председательствовал Сталин, а если он не председательствовал, то кто был вместо него?

Н. К. Байбаков: Был Маленков, был Берия, был Булганин, гораздо реже, чем перед войной, — Вознесенский: он все сидел в Госплане.

Г. А. Куманев: Но хотя бы один раз Сталин председательствовал?

Н. К. Байбаков: Только в ЦК. Правда, иной раз трудно было отличить, т. к. практиковались совместные заседания ЦК ВКП(б) и правительства.

Г. А. Куманев: Какую вкратце Вы можете дать характеристику Вашему предшественнику Ивану Корнеевичу Седину как наркому нефтяной промышленности? И почему он был освобожден с этого поста?

Н. К. Байбаков: Седин в должности наркома находился более четырех лет. Практически он был выдвиженцем Маленкова. До этого в течение ряда лет Седин работал секретарем Ивановского обкома партии. Сам он по профессии являлся текстильщиком, а стал нефтяником. Это дело для Ивана Корнеевича было совершенно новым. Относился он к нему серьезно, старался организовать работу. В разгар войны, в 1944 г., был даже удостоен звания Героя Социалистического Труда.

И все же все основные вопросы технического характера так или иначе приходилось решать заместителям народного комиссара, а не Седину. Это первое. А второе — прямо скажу: роковую роль в его судьбе сыграл Багиров. Когда Седин приехал в Баку решать нефтяные вопросы, первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана организовал против него форменную акцию, т. е. основательно наркома «подсидел». Его пригласили в ресторан, там крепко напоили и оттуда вытаскивали чуть ли не за руки и за ноги.

А Багиров тут как тут. Сразу на имя Сталина настрочил кляузное письмо: что это за нарком такой — большой любитель выпить за чужой счет, не умеющий себя контролировать? Приписал Седину и связи с женщинами «легкого поведения», т. е. всячески компрометировал его...

В целом Иван Корнеевич был мужик неплохой. Я с ним нахо

дился в хороших отношениях. Ничего не могу отрицательного сказать. Но все-таки человек, возглавивший такую важную промышленную отрасль, должен был знать ее, глубоко в ней разбираться...

Маленков пытался заступиться за своего выдвиженца, но безрезультатно.

Г. А. Куманев: К трагической теме о репрессиях, которую мы затрагивали, не могли бы Вы добавить: каковы были их размеры среди нефтяников?

Н. К. Байбаков: Насчет репрессий среди работников нефтяной промышленности я мало что могу добавить. Были отдельные лица, которых арестовывали, но не по прямому указанию Сталина.

Сам я еще в 1935 г. чуть было не попал в неприятную историю. Когда уже работал рядовым инженером, было арестовано прежнее руководство «Лениннефти» во главе с управляющим Александром Ивановичем Крыловым — старым коммунистом, бывшим помольщиком. Всех арестованных руководителей треста расстреляли.

Такие акции не были массовыми, но и очень редкими их не назовешь. И вот вокруг меня вдруг начались разговоры, что Байбаков прикрывает вредителей. А секретарь райкома партии по фамилии Макагонов (как вскоре стало известно) написал на меня записку- донос в ЦК КП республики. Мол, у Байбакова произошли аварии, они и сейчас случаются. Элеватор какой-то испорченный и трубы какие-то подозрительно негодные, все падают в скважину... Словом, меня могли запросто арестовать за прикрытие «вредителей».

Поэтому я и отказался от очередной отсрочки в РККА и отправился служить на Дальний Восток, о чем я Вам уже говорил. Когда же вернулся, стало спокойнее, напряжение спало.

В развертывании охоты за «врагами народа» немалую активность проявляли созданные повсеместно по инициативе Кагановича так называемые «тройки». Их руководителями являлись первые секретари горкомов, обкомов, краевых и республиканских комитетов партии. Эти внесудебные организации нанесли нашему обществу громадный вред.

Возьмите Багирова — первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, который более четверти века находился на этой должности. Это был коварный, жестокий и хитрый проходимец, угробивший многих людей, в том числе и нефтяников.

Мне пришлось (я был тогда уже заместителем наркома нефтяной промышленности СССР) заниматься спасением от тяжелой участи крупного специалиста из «Азнефти» Никитина, предложившего оригинальную и весьма перспективную систему разработки многопластовых месторождений нефти.

Когда его арестовали по огульному обвинению, я обратился к Багирову с просьбой освободить из тюрьмы этого талантливого геолога. Багиров в ответ — «да», «да», но Никитина все-таки уничтожил.

На заседании Верховного суда, проходившем в Баку, кажется, в

1953 г., в обвинительной речи Генерального прокурора СССР Руденко отмечалось, что Багиров не только санкционировал аресты сотен невинных людей, но и принимал личное участие в расстрелах многих из них.

Г. А. Куманев: Предпринимались ли у нас попытки наладить производство искусственного жидкого топлива из бурого угля?

Н. К. Байбаков: Да, предпринимались. Как я уже говорил, Сталин довольно хорошо знал, как немцы этого добивались. И вот, когда война закончилась, *бн* позвонил мне и сказал:

— Вы, товарищ Байбаков, должны забрать из Германии по репарациям все заводы, которые были у Гитлера и давали ему топливо.

Дал мне для этого небольшой срок — всего два года. К сожалению, у нас такое производство по существу отсутствовало. Были только лабораторные исследования и скромные результаты. Я ответил вождю:

— Товарищ Сталин, мы не сумеем справиться за такой срок. Это серьезные объекты и задача очень сложная.

— Ладно, даем Вам два с половиной года, не больше. Ну, мы приняли меры. Было три пункта, куда было перебазировано все оборудование: Салават, Ангарск и Новочеркасск. В Ангарске необходимо было построить завод по производству 500 тыс. тонн свежих нефтепродуктов в год. Его соорудили за три года. В Салавате такой же завод ввели в действие за три с половиной года и в Новочеркасске - примерно в тот же срок, что в Ангарске.

Но ни один из этих заводов так и не стал нам давать жидкое горючее из каменного угля. Почему? Потому что в те годы в стране в результате новых открытий богатейших нефтяных месторождений, успешного хода освоения «Второго Баку» и других регионов производство нефти существенно возросло. И у нас мазут стало некуда девать. Таким образом, зачем нам уголь перерабатывать, когда не знаем, что с мазутом делать.

Г. А. Куманев: Кого из наркомов или заместителей наркомов военных лет Вы считаете наиболее сильными? Например, Анастас Иванович Микоян, рассказывая мне о руководителях различных отраслей военного хозяйства СССР, неоднократно давал высокую оценку наркому танковой промышленности Вячеславу Александровичу Малышеву. Говорил о нем просто с каким-то восхищением, как о замечательном командире производства, великолепном организаторе, прекрасно знающем свое дело.

Н. К. Байбаков: Малышев действительно был очень хорошим машиностроителем, умным, энергичным и инициативным. Он первым возглавил созданный осенью 1941 г. Наркомат танковой промышленности и как заместитель Председателя СНК СССР занимался оборонными отраслями промышленности. Являл собой образец весьма прогрессивного деятеля, отлично знавшего многие секреты военного производства. Я также знал его и как порядочного челове-

ка, интеллигентного, отзывчивого. С той оценкой, которую давал і Микоян Вячеславу Александровичу, конечно, нельзя не согласиться.' Он ее заслужил. :

Честно говоря, меня как-то меньше интересовало тогда, в годы войны, как другие наркомы и их заместители руководили своими | наркоматами, насколько удачно и успешно. Знаю только одно - • почти все они с честью выдержали тяжелейший военный экзамен, проявив себя умелыми организаторами производства и оправдав ‘ высокое доверие партии и правительства.

Конечно, я могу назвать (но только в качестве примера) несколько имен особо отличившихся в период войны руководителей народного хозяйства СССР. Тем более что их имена Вам, очевидно, хорошо известны.

В ряд лучших командиров военной экономики страны 1941— 1945 гг., кроме Малышева, я бы поставил самого Анастаса Ивановича Микояна, затем Николая Алексеевича Вознесенского, Алексея Николаевича Косыгина, Бориса Львовича Ванникова, Алексея Ивановича Шахурина, Дмитрия Федоровича Устинова, Михаила Георгиевича Первухина, Василия Васильевича Вахрушева, Семена Захаровича Гинзбурга, Алексея Илларионовича Ефремова, Ивана Федоровича Тевосяна, Петра Николаевича Горемыкина, Дмитрия Георгиевича Жимерина, Андрея Васильевича Хрулева, Ивана Терентьевича Пере- сыпкина, Алексея Адамовича Горегляда, Василия Михайловича Ря- бикова, Михаила Васильевича Хруничева...

Разумеется, этот список можно продолжить за счет перечисления других, не менее достойных имен.

Г. А. Куманев: Дорогой Николай Константинович, я понимаю, что, видимо, основательно Вас утомил. Поэтому нельзя ли очень кратко: как Вам работалось при Хрущеве, а затем при Брежневе и какую оценку Вы можете дать этим государственным и политическим деятелям?

Н. К. Байбаков: В августе 1955 г. меня вызвал на беседу Хрущев. Приветливо улыбаясь, он пожал мне руку и предложил сесть. Дела наши в нефтяной промышленности шли хорошо. Сказав несколько похвальных слов в мой адрес как руководителя отрасли, Хрущев сообщил, что Президиум ЦК КПСС считает целесообразным выдвинуть меня на пост председателя Госплана СССР.

Я стал отказываться: мол, с этим делом не справлюсь, поскольку мало что понимаю в развитии экономики, в тонкостях планирования.

Хрущев ответил:

- А я что-нибудь понимаю?

— Вы, Никита Сергеевич, все-таки даете директивные указания о развитии той или иной отрасли народного хозяйства. А председателю Госплана надо еще сбалансировать все отрасли, уметь находить оптимальное решение.

— Ничего, научитесь, - сказал Хрущев.

Наш разговор затянулся, мы затронули и ряд других вопросов. Наконец, Хрущев согласился с моей просьбой — дать мне хотя бы денек, чтобы подумать.

Однако, вернувшись в свое министерство, я увидел в приемной дожидавшегося меня фельдъегеря с красным пакетом. Вскрыв его, с удивлением прочел подписанный еще вчера Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем назначении председателем Госплана СССР и об освобождении от обязанностей министра нефтяной промышленности страны.

Так я приступил к исполнению новых обязанностей. И снова предварительно со мной никто даже не побеседовал.

Около двух лет я проработал в должности председателя Госплана. Потом между мной и Хрущевым сложилась конфликтная ситуация, когда я высказал свою отрицательную точку зрения на его идею о создании совнархозов и ликвидации многих министерств. По моему мнению, упразднив промышленные министерства, мы потеряем бразды правления экономикой. А создание совнархозов приведет к местничеству. Но у Хрущева не было желания внимательно выслушать и взвесить мои доводы.

В результате моей критической позиции я был переведен председателем Госплана РСФСР. Стал одновременно и заместителем Председателя правительства Российской Федерации. А потом был направлен в Краснодар, где возглавил Краснодарский совнархоз. Дела пошли здесь неплохо. К примеру, за время работы на Кубани удалось построить 13 сахарных заводов. Если еще совсем недавно Краснодарский край производил 46 тыс. тонн сахара, то через три года — уже 800 тыс. тонн, а потом достиг уровня в 1 млн. тонн. Между прочим, вся республика давала тогда 1 млн. 200 тыс. тонн сахара.

За успешную работу в Краснодарском совнархозе и в связи с 50-летием со дня рождения я был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а позднее — за комплексную разработку и эксплуатацию газовых и газоконденсатных месторождений в числе других товарищей мне была присуждена Ленинская премия.

В 1962 г. произошло укрупнение совнархозов. В частности, на Северном Кавказе вместо шести совнархозов стал один — Северо- Кавказский с центром в Ростове-на-Дону. Меня утвердили его руководителем. И опять никто не спросил моего согласия.

В марте 1963 г. состоялся вызов в Москву к Хрущеву, и я был назначен председателем Госкомитета по химии при Госплане СССР, а с мая того же года по январь 1964 г. уже работал председателем Госкомитета химической и нефтяной промышленности. Тоже при Госплане СССР.

Но потом при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС внесенного нами одного предложения Хрущев обвинил меня в том, что я будто

бы продолжаю разрушать совнархозы и веду пропаганду по их дискредитации.

Наше предложение, разумеется, не прошло, и я был совершенно уверен, что Хрущев «вышибит» меня из Комитета и направит в Западную Сибирь начальником «Главтюменьнефтегаза», о чем уже поговаривали. Но я ошибся: состоялось решение о моем назначении председателем Комитета по нефти при Госплане СССР. Здесь я проработал до августа 1965 г., когда Хрущев был уже отстранен от власти.

Теперь о моем отношении к нему и об оценке его деятельности. Прежде всего надо отметить, что выдвижение Хрущева в качестве первого лидера партии, а значит, и страны, было для многих, в том числе и для меня, неожиданным. Ведь за его плечами больших и громких свершений не числилось. В крупных теоретиках и преобразователях он не значился, хотя слыл не в меру словоохотливым, а в делах поспешным. Люди еще не забыли его активную борьбу на Украине, и затем в Москве с «врагами народа», руководящее участие в деятельности зловещих «троек», сдачу Киева в 1941 г., полный провал летнего Харьковского наступления Красной Армии в 1942 г., одним из главных инициаторов которого был член Военного совета Юго-Западного направления Хрущев, повальный голод на Украине в 1946 г. и отвергнутую его явно «маниловскую» идею о переходе к агрогородам...

Но бытовало и мнение, что он крепок, ухватист, хороший хозяйственник, простодушный, доступный, добропорядочный.

Вполне резонно полагать: если я неоднократно и незаслуженно попадал к нему в «немилость», был в числе «опальных», то у меня должно сложиться весьма отрицательное отношение к «нашему дорогому Никите Сергеевичу». Однако, несмотря на все его выкрутасы, самоуправство, самодурство и другие негативные действия (и не только против меня), я не могу не отметить, что первые годы государственной деятельности Хрущева были очень активными, довольно плодотворными.

Назову хотя бы освоение целины, когда один Казахстан стал давать в централизованный фонд страны до 16 млн. тонн зерна ежегодно. Или освоение Голодной степи, в результате чего Узбекистан ныне собирает до миллиона тонн хлопка сырца, о чем раньше могли только мечтать. Или коренная реконструкция железнодорожного транспорта, когда за 15 лет перевели железнодорожные перевозки с паровозной тяги на тепловозно-электрическую, что дало огромный экономический эффект. Так, в течение только одного 1970 г. страна сэкономила около 130 млн. тонн угля!

По инициативе Хрущева произошла также глубокая реконструкция строительного дела, что позволило ускорить темпы строительства производственных объектов и жилья. Сейчас вовсю критикуются хрущевские пятиэтажки, которые сооружались с минимальными

удобствами. Их называют с насмешкой «хрущебами». Но именно благодаря этим «хрущебам» в сравнительно короткие сроки миллионы советских людей удалось переселить из бараков и подвальных помещений. И в те годы наши новоселы, конечно, были ему за это благодарны.

Как известно, в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС Никита Хрущев выступил в качестве главного обличителя так называемого культа личности Сталина. ***В*** своем докладе «О культе личности и его последствиях» он привел/многочисленные примеры имевших место в стране отступлений от/ленинских норм государственной и партийной жизни. /

Решения XX съезда дали возможность провести реабилитацию сотен тысяч оклеветанных граждан, пострадавших от произвола и беззаконий карательных органов. При этом главным и по сути единственным виновником всех неблаговидных дел в СССР, никак не совместимых с социалистическими и коммунистическими идеалами, был объявлен Сталин.

Разумеется, Сталин несет большую ответственность за страдания и гибель многих невинных людей. Он обязан был в качестве высшего должностного лица в стране пресечь все незаконные методы ведения следствия и все внесудебные вынесения приговоров. К сожалению, это не было сделано. Напротив, Сталин в силу своего характера и подозрительности даже поощрял такие формы выявления «врагов народа» и борьбы с ними, будучи уверенным, что это — наилучшее средство ликвидации вражеской «пятой колонны», а заодно и всех нестойких элементов.

Однако, разоблачая и осуждая сталинский культ, Хрущев отводил законные обвинения от самого себя как одного из приближенных вождя. Ловкий и изворотливый, он хорошо понял крайнюю необходимость исключить появление нежелательных вопросов о его личной причастности к репрессиям и другим допущенным в Советском Союзе беззакониям и выступить в качестве третейского судьи, якобы не имевшего никакого отношения ко всем негативным явлениям сталинской эпохи.

С высокой трибуны XX съезда, да и в последующих выступлениях первый секретарь ЦК, отличавшийся в сове время особым рвением и подобострастием перед вождем, не жалел черной краски, чтобы нарисовать страшную картину произвола власти и злодеяний Сталина, который представлялся им как малограмотный и убогий злодей- самодур. Сталину, в частности, приписывалась идея создания концлагерей (хотя, как известно, их инициатором был Троцкий), чудовищной системы заложников, которых расстреливали по сословному признаку в ответ на «белый террор», и многое другое в этом роде. Вождь советского народа, оказывается, отличался некомпетентностью в хозяйственных и военных вопросах, руководил операциями на фронте «по глобусу», был человеком очень недалеким, мсти-

тельным и трусоватым, а его соратники - инициативными, справедливыми и решительными...

Став первым секретарем ЦК КПСС и пользуясь огромной, почти неограниченной властью, Хрущев тщательно уничтожал архивные документы о своей палаческой деятельности на Украине в 30-е годы и в Москве в тот же период и в первые послевоенные годы.

Но правду не скрыть. Ряд свидетельств, многие все же сохранившиеся документы развенчивают миф о добропорядочности и благородстве Хрущева. Наряду с некоторыми положительными момента- ми открываются новые факты его недостойных, кровавых и отвратительных по своей сути дел. Таков мой ответ на этот Ваш вопрос.

Г. А. Куманев: А еще несколько слов о Брежневе, Николай Константинович, и как Вы при нем работали.

Н. К. Байбаков: В октябре 1965 г. меня вызвали Брежнев и Косыгин и предложили снова возглавить Госплан СССР. Я отказался, мотивируя это тем, что здесь уже работал и вроде как провалился. Меня прогнал Хрущев, и надо было понимать, что я не справился с работой.

С такой собственной оценкой они не согласились. Вначале я был назначен председателем Госплана СССР и заместителем Председателя Совета Министров СССР. Проработал здесь до октября 1985 г., когда я оставил свои посты и был назначен государственным советником при Совете Министров СССР. А в 1988 г. вышел на пенсию.

Когда в октябре 1964 г. на Пленуме ЦК Хрущева отстранили от власти, и первым секретарем ЦК КПСС был избран Леонид Брежнев, многие из участников пленума встретили это с удовлетворением. Его хорошо знали и уважали за приветливость, простоту, доброжелательное отношение к людям.

Деятельность Брежнева с 1964 по 1982 г. можно условно разделить на два периода: активный (это примерно первые десять лет) и пассивный. Поначалу он энергично взялся за дело: были упразднены совнархозы и восстановлены прежние отраслевые министерства, больше внимания стало уделяться вопросам развития сельского хозяйства. Леонид Ильич принимал активное участие в рассмотрении проектов годовых и пятилетних планов. Причем недостаток глубоких знаний в области экономики он возмещал тем, что опирался на рекомендации специалистов и ученых.

Но с годами наш новый руководитель постепенно становился все более инертным. Вместе с болезнью пришли апатия, равнодушие к сложным и большим делам, а затем под воздействием систематической пропаганды и хора льстецов — и осознание своего собственного величия и масштабности. На счет последней черты очень постаралась сусловская «команда»; которая уже имела опыт безудержного восхваления Хрущева. Теперь на все лады она стала превозносить дальновидность и мудрость «руководителя нового типа — дорогого

Леонида Ильича Брежнева», уловив при этом, что дифирамбы ему очень даже нравятся. Он действительно оказался весьма податливым на хвалу и. на поток незаслуженных наград и званий, породивших в стране и за рубежом немало острот и анекдотов.

С развитием культа Брежнева изменился и стиль его работы. Он принадлежал к людям, которые в угоду своим потребностям могли пренебречь государственными возможностями и интересами. Деловую работу нередко стали^заменять пышные визиты и приемы, охота, различные торжества и другие развлечения. Не случайно писатели назвали это время «банкетным правлением». Оно не могло не сказаться на развитии нашей экономики.

Будучи самодовольным и тщеславным, Брежнев не мог не ощущать свою слабость в экономических проблемах и поэтому испытывал к высокому авторитету Алексея Николаевича Косыгина, возглавлявшего правительство, плохо скрываемую зависть. Отношения между ними обострялись. С Косыгиным все меньше считались. По существу оказалась свернутой (во многом из-за негативного отношения Брежнева) предложенная и разработанная под руководством Председателя Совета Министров СССР экономическая реформа 1965 г., с реализацией которой мы связывали большие надежды. Когда же Алексей Николаевич тяжело заболел и его стал замещать великовозрастный Тихонов, дела пошли все хуже и хуже. Стало появляться много нерешенных вопросов, ослабли государственная дисциплина и контроль за выполнением принимаемых решений, вошла в моду корректировка годовых и пятилетних планов, снизились темпы нашего экономического роста.

После одного несчастного случая здоровье Косыгина так и не вошло в норму. Немного поработав, он вышел на пенсию и в 1980 г. скончался.

При Брежневе мы стали брать пусть небольшие, но кредиты в западных странах, чего не было раньше, тем более во времена Сталина. В последние годы, находясь в окружений угодливых и поддакивающих соратников, престарелый генсек не затруднял себя серьезным обсуждением внутренних и внешнеполитических проблем. Многие постановления, в том числе крупномасштабные, принимались без тщательного анализа и взвешенного подхода. Быстро устававший от наплывавших больших дел и забот Брежнев с трудом зачитывал подготовлявшиеся ему заранее тексты, часто даже не вникая в их содержание. Речь его зачастую была неразборчивой и невнятной...

Словом, «наш дорогой Леонид Ильич», недостаточно твердый, малокомпетентный и постоянно колеблющийся, тоже оказался не на своем месте, в результате чего наша страна понесли немалые потери...

Г. А. Куманев: У меня, наконец, последний к Вам вопрос. Сейчас, с высоты Ваших бывших высоких должностей, дорогой Николай

Константинович, в том числе председателя Госплана СССР, не болит ли у Вас душа за Госплан, за ту судьбу, которая ему уготовлена, как и в целом нашему Советскому государству?

Н. К. Байбаков: Для ответа на этот вопрос может потребоваться несколько часов. Скажу коротко. Конечно, я очень переживаю за то, что происходит сегодня с нашей страной, с нашей экономикой. Меня «демпресса» и «демократические деятели» относят к консерваторам-«застойщикам». Правда, как мне кажется, люди все больше задумываются: а был ли «застой» на самом деле и как бы к. нему вернуться? Ведь в магазинах всегда имелись товары первой необходимости, включая продовольствие: хлеб, молоко, яйца, сыр, колбаса, сахар и т. п., причем за сравнительно низкие, подчеркиваю, низкие цены. А «пустые полки» — это изобретение последнего времени, и стоило бы разобраться, кто это сделал.

Ошибку допустили и мои бывшие заместители, которые не приняли должных мер по борьбе с создавшимся положением в стране. А может быть, Горбачев заставил, и они не нашли смелости возразить. Или они сами подсказали: давайте дадим волю предприятиям. Пусть сами планы составляют и сами цены устанавливают...

. И что же получилось? Видите, какой бурный распад нашей экономики происходит! Такой крах, которого даже в плохом сне трудно себе представить. За пять-шесть лет мы пришли черт знает куда.

Разве можно было допустить такое соотношение роста производства и заработной платы, которое сложилось сегодня? Всего за два года (1989-1990) заработная плата выросла в стране на 23%, а рост товарооборота и производства оказался просто мизерным. На следующий год у нас зарплата увеличится примерно на 16%, а товарооборот только на 5%.

Заключение

Приближается большая, знаменательная дата — 60-летие Победы советского народа над фашизмом, в завоевание которой он внес решающий вклад и тем самым спас мировую цивилизацию от реальной угрозы уничтожении.

Но много ли осталось среди нас тех, кто в страшную годину военного лихолетья невероятным напряжением физических и духовных сил остановил гитлеровские орды, повернул ход борьбы в свою пользу и сокрушил фашистского агрессора? Подобный вопрос содержался в заключительной части упомянутой выше нашей книги «Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства». Тогда, пять лет назад, творцов этой Победы насчитывалось во всех странах СНГ около 3 миллионов. Сегодня же, по данным Координационного совета Международного союза «Содружество общественных организаций ветеранов независимых государств», их осталось в СНГ 1 млн. 600 тыс. человек, в том числе в России немногим более 900 тыс. (из них инвалидов 214 тыс.), на Украине — 515 тыс., в Белоруссии 41,4 тыс., Казахстане — 53 тыс., Армении — 12 тыс., Киргизстане — 8 тыс., Таджикистане - 7,9 тыс. и т. д.

Ускорению этого неизбежного и печального процесса, бесспорно, способствовали такие события и явления последних двух десятилетий, как горбачевская так называемая «перестройка», разрушение СССР и бездумные ельцинские реформы, превратившие большинство еще недавно благополучного населения могучего социалистического государства в обездоленных и нищих людей. Как свидетельствует статистика, нынешнее время, переживаемое Россией, с его криминальным разгулом и междоусобицами - благодатная почва для резкого увеличения в стране смертности, сокращения рождаемости и в итоге — для вымирания великого многонационального народа, завоевавшего 60 лет назад право называться народом-победителем.

В 1999 г. в той же нашей книге отмечалось: «Сохранить для потомков драгоценные свидетельства непосредственных участников Великой Отечественной войны - задача исключительно важная, благородная и благодарная. Хотя о Великой Отечественной войне, о том, как шел к трудной Победе советский народ, написаны и опубликованы сотни и тысячи книг, брошюр и статей, в том числе мемуарного характера, а в архивохранилищах отложились десятки миллионов дел, тем не менее многое оказалось безвозвратно поте

рянным и упущенным. В СССР отсутствовала (нет ее тем более и сейчас) четко разработанная государственная программа анкетирования и интервьюрования ветеранов войны от солдата до маршала, от простого рабочего, колхозника и служащего до наркома, крупного ученого, хозяйственного и политического деятеля военных лет»*.

И вот прошло пять лет и в этом плане в лучшую сторону мало что изменилось. Даже при наличии принятой 16 февраля 2001 г. правительством РФ Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», положительное значение которой бесспорно.

К^ежду тем, какие бы поистине бесценные сведения по истории битвы с фашизмом могли бы передать молодому и будущим поколениям страны те, кто, охваченный высоким патриотическим чувством, ковал и завоевывал историческую Победу над врагом, о том, как и почему возникла смертельная схватка нашего народа с германским фашизмом, каковы были ее ход и основные события, почему мы отступали, неся страшные жертвы, материальные потери и разрушения, как собирали силы для отпора агрессору и мужали в неравной борьбе, как коренным образом переломили течение войны и испепелили ударные армии мирового империализма и реакции.

Очень правильно, хотя и не без горечи, поэт-фронтовик Виктор Федотов заметил:

О войне рассказано не все,
Все и рассказатъ-то невозможно.
От того так горько и тревожно:
Сколько же с собой мы унесем...

Увы, к шестому десятилетию со дня Великой Победы уже нет среди нас подавляющей части фронтовиков и ветеранов тыла, включая и тех, кто возглавлял в годы Великой Отечественной войны сражавшуюся страну и ее доблестные Вооруженные Силы. Ушли из жизни все представители высшего партийного звена: члены Государственного Комитета Обороны, командующие войсками фронтов и армий, флотами и флотилиями, начальники штабов и члены Военных советов фронтов, армий, флотов и флотилий. Из более чем 120 членов правительств СССР 1941—1945 гг. и первых послевоенных лет («сталинских наркомов», как их тогда называли) сейчас здравствует только один - народный комиссар нефтяной промышленности СССР военных лет ***Н.*** К. Байбаков, которому пошел 94-й год...

Вдвойне досадно, что многие из высшего звена государственных и военно-политических руководителей Советского Союза той поры

*** См. Куманев Г. А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999. С. 443.**

умерли, не оставив после себя каких-либо личных свидетельств о трагических и героических днях Великой Отечественной... Иные ограничились лишь скромными заметками, фрагментами мемуарных статей о пережитом в 1941—1945 гг., а также небольшими магнитофонными, видео- или кинозаписями.

Мне могут возразить: но ведь значительная часть из них все же успела издать одну или даже несколько содержательных мемуарных книг и серию статей.

Но разве можно утверждать, что в этих публикациях (кстати, прошедших через партийную апробацию и бдительное «око» цензуры) они полностью и достаточно откровенно исчерпали интересующую нас столь широкую и многоплановую тему? Конечно, нет. К великому сожалению, очень многое из наиболее сокровенного они навсегда унесли с собой, так и не обогатив наши представления о разного рода событиях и явлениях довоенных лет и огненных годах смертельной схватки с фашизмом.

Встречаясь по роду своей научной деятельности со многими из этой категории ветеранов, автор настоящей книги стал с конца 50-х гг. прошлого века вести магнитофонные и стенографические записи их воспоминаний (в виде интервью, бесед, ответов на вопросы) о предвоенных годах и о Великой Отечественной войне. В итоге за прошедшие годы удалось записать свидетельства более 130 собеседников, в том числе видных государственных и партийных деятелей, наших прославленных полководцев и флотоводцев, героев, командующих фронтами, армиями, флотами и флотилиями, наркомов и их заместителей, партизан и подпольщиков, ученых, конструкторов, новаторов производства, дипломатов и др.

Конечно, собранное и записанное мною для истории — это лишь «капля в море», очень малая доля из того, что можно было бы сделать и сконцентрировать в наших архивных фондах в виде свидетельств, воспоминаний, интервью, материалов анкетирования и т. п., если бы такая работа велась у нас повсеместно, планомерно, целеустремленно, на государственном уровне.

Но и то, что удалось осуществить, вызывает в душе чувство определенного удовлетворения. А о том, насколько интересными оказались свидетельства сталинских наркомов, — пусть об этом скажут сами читатели.

Автор же по мере возможности параллельно с исследованием ряда актуальных научных проблем постарается продолжить подготовку работ из намеченной историко-мемуарной серии.

Углубленное освещение истории Великой Отечественной войны настойчиво требует дальнейшего выявления документального материала, в том числе свидетельств ее участников и современников. Речь идет об усилении работы по созданию документальной ее истории, о сборе всего того ценного, что составляет источниковукк

базу исследования. Сосредоточить воедино документы, материалы, воспоминания, фронтовые письма, фотографии, бережно сохранить материальные источники (образцы военной техники и оружия того времени), шире экспонировать их в музеях страны — все это чрезвычайно важно для истории нашего Отечества и как благодарная память о тех, кто достойно защитил нашу Родину и спас мировую цивилизацию от фашистской чумы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов В. С. 44, 46
Абрамович Г., Н. 194
Агаджанов С, И. 193
Агеев Н. Д. 517
Акимов И. Н. 26
Акопов С. А. 435, 567, 573
Алифанов 129, 265
Алымов Н. Н. 567
Амбарцумян Р. С. 194
Аммасов К. Р. 548
Ангелина П. Н. 368, 376
Андреев А. А. 13, 66, 125, 189, 201,241,271,276,314,319,333, 335, 336, 338, 364, 385, 424, 455, 509, 584
Андреев С. 277, 278, 281
Антипенко Н. А. 82, 85, 274, 448
Антипов Н. К. 153
Антонеску Й. 351, 452
Антонов А. И. 224
Антонов А. С. 276
Анцелович Н. М. 463, 467
Артоболевский И. И. 194
Арутюнов Б. Н. 70, 116, 234, 237, 360, 363, 584
Арутюнян Ю. В. 372
Архангельский А. А. 38, 194
Афанасьев Ю. Н. 83
Бабеф Г. 103
Багаев С. И. 118, 312
Багиров М. А. 581, 607-609
Баграмян И. Х. 509
Баденков П. Ф. 436
Базетов Н. Х. 35
Байбаков Н. К. 4, 8, 24, 68, 580-618
Байбакова К. А. 586
Байдуков Г. Ф. 212
Бакулев А. Н. 506
Бакулин А. В. 279, 284
Бакулин П. А. 323
Баландин В. П. 193, 209
Балжи М. 37
Бардин И. П. 106
Барсова В. В. 165
Барсуков И. А. 260, 518, 522, 524, 526, 542, 550
Барышникова Е. Г. 35
Баскаков С. А. 491, 492, 548
Белахов Л. Ю. 77

Белов П. М. 351
Белоскогов В. Е. 219
Белоусов М. Я. 118
Беляев В. Е. 182, 194
Белянский А. А. 193
Бенедиктов И. А. 4, 8, 28, 69, 364-391
Березин М. Е. 516, 533, 535, 538, 547, 550
Бериев Г. М. 194
Берия Л. П. 13, 44, 55, 59, 60-67, 80, 81, 104-106, 125, 145, 181, 186, 189, 195, 215, 224, 231, 234, 237, 238, 260, 303, 318, 319, 337-340, 342, 360, 362, 385, 386, 410, 412, 414, 424, 447, 456, 457, 459, 496, 498, 500, 526, 528, 537, 539, 545, 546, 582, 584, 586, 587-590, 602
Берман М. Д. 153
Берсиев Ч. 37
Бещев Б. П. 294, 360
Бидинский Д. 258
Бирюзов С. С. 353
Бисноват М. Р. 193
Богатырев М. Е. 439
Богданов В. 294, 312
Бодров Н. 278, 281
Болонин В. И. 35
Болтушкин В. П. 549
Болховитинов В. Ф. 194
Борисов Н. В. 321
Борисов С. А. 74, 254
Босый Д. Ф. 35
Брежнев Л. И. 112, 113, 274, 390, 545, 610, 614-616
Брусилов А. А. 90
Буденный С. М. 59, 112, 140, 174, 220, 310, 487, 505, 596, 598
Булганин Н. А. 59, 127, 350, 411, 455, 459, 463, 467, 470, 471, 487, 507-510
Бухарин Н. И. 104
Быховский А. И. 530, 549
Бычков В. С. 4, 187
Вавилов Н. И. 377
Валеев И. 35
Ванников Б. Л. 19, 69, 106, 185, 250, 260, 261, 301, 302-304, 317, 518-523, 527, 533, 534, 541, 542, 557, 567, 570, 610
Василевский А. М. 85, 171, 176, 274, 285, 296, 372, 455, 543, 607
Ватутин Н. Ф. 57, 59, 61, 297, 299, 305-308, 310, 347, 350
Вахрушев В. В. 24, 68, 610
Веревкин Н. В. 321
Вернер М. 40
Вестфаль З. 73
Верт А. 33
Ветошкин С. И. 518
Ветчинкин В. П. 194
Визирян Г. В. 193
Винниченко В. К. 113
Виноградов В. П. 360
Виттинг Р. 51, 52
Владимиров С. 13, 547
Власик Н. С. 460, 488
Вознесенский Н. А. 13, 18, 41, 42, 59, 62-67, 81, 87, 93, 122, 127, 142, 144, 145, 181, 188, 189, 199, 255, 256, 260, 286, 318, 319, 412-414, 426, 427, 432, 445, 446, 455, 457, 476,

480-482, 488, 491, 493, 495-498, 500, 502, 503, 526, 542, 544, 568, 584, 589, 591, 610
Волков А. А. 533, 535, 538, 550
Волкогонов Д. А. 408
Вольфкович С. И. 137
Воронин П. А. 191, 205
Воронов Н. Н. 59, 176, 456
Ворошилов К. Е. 59, 62-67, 109, 150, 153, 160, 189, 195, 219, 220, 221, 223, 228, 235, 236, 259, 267, 286, 291, \ 310, 350, 411, 424, 455, 467, 468, 482, 487, 563, 567, 570, 584
Врангель П. Н. 104, 127
Вышинский А. Я. 55, 69, 456
Гальдер Ф. 331
Галич Н. И. 169
Гальперин Д. И. 264
Гармаш Д. М. 376
Гарнык В. А. 118, 238, 239, 284,
Гатовский Л. М. 447
Геббельс Й. 52, 196, 494
Георгиу-Деж Г. 352, 356, 357
Геринг Г. 196
Гинзбург С. 3. 4, 8, 23, 49, 68, 108, 109, 187, 253, 262, 409, 414, 417-451, 610
Гитлер А. 45, 52, 53, 91, 94-96, 102, 196, 277, 305, 307, 354, 408, 469, 471, 473, 474, 477, .479, 480, 494, 577, 609
Голиков Ф. И. 232, 307
Голль (де) Ш. 45
Голубев В. В. 194
Гонор Л. Р. 549
Гопкинс Г. 327, 328
Горбачев М. С. 49, 616
Горбунов В. П. 193
Горбунов М. М. 548
Горегляд А. А. 4, 454, 610
Горемыкин П. Н. 4, 8, 19, 187, 248-268, 540, 610
Горшков С. Г. 111
Горький А. М. 45
Горюнов П. М. 547 ;
Гоциридзе И. Д. 118, 322, 360
Грабин В. Г. 38, 540, 547
Гречко А. А. 111
Гризодубова В. С. 78, 204, 206, 565
Грозу П. 356
Громов М. М. 213
Громыко А. А. 554
Груничев Н. А. 337, 338
Грушин П. Д. 193
Гудериан Г. 17
Гундобин Н. А. 106, 288
Гудков М. И. 193
Гаменюк Д. 398
Гумянский С. К. 194
Гуревич М. И. 38
Гуркин В. 549
Гусев С. В. 118, 318
Гутман Н. 116
Дагаев Ф. Д. 434
Даниленко К. И. 238, 239
Дегтярев В. А. 535, 547, 550
Деканозов В. Г. 44, 50, 57
Дементьев П. В. 198, 205, 215
Демидов В. И. 192, 248
Демихова 3. 548
Деникин А. И. 93, 275

Денисов М. Ф. 25, 133, 134, 137, 177
Дзержинский Ф. Э. 339
Дмитревский В. И. 194
Дмитриев В. И. 342
Дмитричев Н. Г. 435
Добб М. 36, 195
Добрынин В. А. 194
Доллежаль Н. Я. 194
Дубов В. М. 193
Дукельский С. С. 332
Духов Н. Л. 37
Егоров А. И. 223
Ежов Н. И. 55, 104, 222, 278
Елютин В. П. 565
Елян А. С. 526, 533, 549
Емельянов В. С. 4, 112, 551—579
Емельянова Н. В. 551
Еременко А. И. 144, 456
Ермолаев А. 37
Ермолаев В. Г. 194
Ермолин П. А. 70
Ефимов А. Н. 5
Ефремов А. И. 610
Жаворонков В. Г. 537, 548
Жданов А. А. 59, 65, 66, 67, 188, 260, 276, 293-295, 445, 455, 488, 541, 542, 562
Жезлов М. С. 193
Железнов В. М. 433
Жемчужина-Молотова П. С. 43, 53
Жигарев П. Ф. 59, 199, 310
Жимерин Д. Г. 4, 8, 22, 68, 392-416, 610
Жуков Г. К. 34, 57, 59, 61, 62, 82,90,97, 110, 143, 144, 174—176, 217, 223, 254, 270, 274, 299, 305-307, 310, 317, 347, 348, 372, 455, 479, 481, 539, 543, 606
Жуков Я. В. 203
Завитаев А. А. 193
Задионченко С. В. 209
Зайцев М. М. 393
Зак С. Л. 194
Зальцман И. М. 451
Заслонов К. С. 282
Захаркин И. Г. 166
Захаров М. В. 455
Зеленцов Ф. 337
Зверев А. Г. 93, 206, 384, 385, 490, 521
Зелкин И. И. 187
Зельдович Я. Б. 264
Землячка Р. С. 455, 480
Зернов П. М. 574, 576
Зиновьев Г. Е. 104
Золотарев В. А. 5
Зотов В. П. 26, 68, 69, 386
Зуев С. С. 435
Иванов И. И. 38
Иванов М. А. 549
Иванов М. И. 436
Иванов С. П. 150
Иванцов А. Е. 548
Идеи А. 45
Ильюшин С. В. 38, 194
Исаков Б. Ф. 548
Исаковский М. В. 374
Ишков А. А. 4, 8, 575
Кабанов И. Г. 22

Каганович Л. М. 4, 12, 13, 30, 55, 59, 69, 82, 932-119, 138, 181, 182, 195, 233- 235, 237, 238, 262, 270, 271, 273, 276, 280, 284, 286, 288, 291, 292, 294, 295, 297, 310, 315-324, 335, 337, 339, 340, 341, 344, 360, 362, 410, 412, 419, 424, 447, 456, 460, 470, 4/1, 501, 502, 567, 581-586, 5/88, 596, 599, 608
Каганович М. Л. 82
Каганович М. М. 105,1
561 \
Каганович Ю. М. 86
Калабин М. А. 548
Калинин И. А. 193
Калинин М. И. 66, 279, 379, 411, 417, 424, 455, 488, 492-494, 509
Каменев Л. Б. 104
Каменев С. С. 228
Каминский А. С. 439
Караваев А. В. 548
Карпов В. В. 5
Карпоносов А. Г. 335
Катаев М. Ф. 361
Кафтанов С. В. 4, 129, 137
Кахан С. 115, 116
Квашнин П. А. 301, 322, 332, 333, 351, 354, 355
Келдыш М. В. 194
Кириленко П. М., 162
Кириченко 78, 112, 349
Киров С. М. 108, 109, 278
Кирпичников П. И. 539, 545, 546
Кирпонос М. П. 174, 483, 484
Кишкин С. Т. 194
Климов В. Я. 38, 194, 215
Кобулов Б. З. 519
Ковалев Г. В. 118, 317, 318-335, 337, 342
Ковалев И. В. 4, 8, 30, 42, 68, 85, 90, 96, 187, 239, 270-363
Ковалева О. 35
Ковардак П. 37
Кодушкин И. 435
Козлов С. Г. 193
Козлов Ф. Р. 548
Козловский И. С. 165
Колесник А: Д.'41
Колли Н. 443
Колосов Е. И. 194
Колчак А. В. 94, 529
Комаров В. Л. 457
Комаров В. С. 118
Комаров М. С. 210, 216
Комаров П. Т. 338
Конарев Н. С. 90, 96
Кондратьев 3. И. 322, 337, 338
Конев И. С. 58, 62, 274, 313, 372, 455, 486, 543
Конквест Р. 102
Кормилицын М. И. 76, 232
Корнеев М. Н. 193
Корниец Л. Г. 398, 598
Коробков Д. А. 361
Коробов П. И. 22
Королев В. 376
Косиор С. В. 107
Костиков А. Г. 264
Костыгов В. Н. 517
Косыгин А. Н. 68, 70, 138, 204, 245, 457, 543, 607, 610, 614, 615
Котин Ж. Я. 37
Котов Г. П. 111

Кофман Д. Е. 207
Кошкин М. И. 37
Кравченко Г. С. 42
Краснов П. Н. 275
Кресик Н. С. 332
Кржижановский Г. М. 469
Кривонос П. Ф. 451
Круглое С. Н. 586
Крузенштерн И. Ф. 79
Крупенников С. С. 439
Крупская Н. К. 108
Крутиков А. Д. 74
Крылов А. И. 69, 608
Кузнецов А. А. 544
Кузнецов Ф. И. 193, 203, 481
Кузнецов В. В. 546
Кузнецов В. И. 330, 331, 333
Кузнецов В. П. 193
Кузнецов Н. Г. 59, 456
Куинджи А. А. 193
Кулешов П. Н. 251
Кулик Г. И. 19, 59, 62, 228, 235, 254, 260, 261, 264, 299, 317, 318-320, 456, 525, 536, 540, 541, 547, 570, 571
Куликов В. Г. 5
Куликов И. В. 193
Куманев В. А. по всей книге
Куприянов Б. В. 193
Курочкин П. А. 333
Курчатов И. В. 122, 129, 588
Кутузов М. И. 97
Лавочкин С. А. 38, 193, 211, 216
Лайвиньш Ю. С; 57
Лангбард И. 443
Лапшов И. И. 468, 492
Левик А. 116
Левик Ю. 116
Левин И. С. 193
Левитан Ю. Б. 164
Ленин В. И. 45, 62, 93, 105, 140, 276, 300, 312, 334, 394, 395, 408, 428, 468, 506
Лепилов А. Н. 207
Леселидзе К. И. 112
Лесечко М. А. 193
Летков А. И. 22, 392, 401
Линник Е. 376
Лисицын В. Н. 193
Литвинов В. Я. 193
Литвинов Н. Я. 194
Лихачев И. А. 558-563
Лобов С. С. 448
Лобанов П. П. 4, 8, 28
Ломако П. Ф. 4, 8, 254, 561
Лоскутов Н. К. 435
Лукин М. М. 193, 202, 311
Лукин С. Г. 26
Лукьянов А. А. 243
Лунин Н. А. 35
Любимов А. В. 68, 499, 500
Любович А. М. 153
Мазурук И. П. 77
Макаревский А. И. 194
Макаров Е. 187-189
Максарев Ю. Е. 4
Маленков Г. М. 13, 55, 59, 60, 62-68, 80, 93, 106, 188, 195, 215, 224, 231, 234, 260, 300, 310, 337, 339, 350, 357, 362, 363, 385, 409, .412, 414, 424, 447, 456, 457, 482, 496-498, 500, 508, 518, 524, 533, 534, 542, 545, 546, 562, 582
Малкин Г. 398
Малыгин А. Н. 548

Малышев В. А. 16, 68, 127, 132, 249, 303, 451, 455, 540, 609, 610
Мальцев Т. С. 37
Мамонтов К. К. 275
Мамедалиев Ю. Г. 137
Маркс К. 587
Масленников А. А. 547
Матишев В. Е. 312
Махно Н. И. 275
Мачин М. Г. 76
Межлаук В. И. 4451
Мельников А. Г. 76, 127
Мерецков К. А. 59,\ 223
Мери А. К. 162
Меркулов В. Н. 44, 596
Мехлис Л. З. 55, 59, 169, 220-222, 226-228, 235-237, 300, 310, 323, 456, 503-506, 582
Миколайчик С. 347
Микоян Ан. И. по всей книге
Микоян Ар. И. 38, 193
Микулин А. А. 38, 194, 215
Миловский М. П. 343
Милюков П. Н. 102
Мирзаханов И. А. 260, 261, 541
Мисковец В. 162
Митерев Г. А. 231
Митрофанова А. В. 42, 184
Митрохин Т. Б. 435
Митрюков Г. Ф. 548
Михайлов М. Д. 169
Михеев А. П. 238, 239
Молотов В. М. по всей книге
Мордвинов А. 443
Морозов А. А. 37
Москалев А. С. 193
Москаленко К. С. 171
Москатов П. Г. 27
Муссолини Б. 277
Муталова З. 37
Мясищев В. М. 194
Назваль Н. Ф. 194
Наметкин С. С. 137
Наполеон Б. 97, 103
Нарочницкий А. Л. 150, 564
Несмеянов А. Н. 137
Никитин В. В. 231
Николаев 567-569
Новиков А. А. 186
Новиков В. Н. 511-550
Новиков Н. 162, 163
Новосельский Н. И. 348
Носенко И. И. 20, 571, 578
Нудельман А. Э. 538, 547
Окулов В. А. 193
Омельченко 153, 159
Оника Д. Г. 4
Орджоникидзе Г. К. 108, 109, 276, 419-424, 450
Орджоникидзе З. 108, 109, 419, 564
Орлов Г. М. 4, 8, 187
Орлов П. Д. 51, 52
Осипенко П. Д. 565
Оськин А. 37
Павлов В. Д. 57
Павлов Д. В. 17
Павлов Д. Г. 481, 482, 566, 567-569
Паловский И. Г. 85
Папанин И. Д. 74, 75
Паршин П. И. 18, 197
Патоличев Н. С. 337, 338, 430, 548

Пашинин М. И. 194
Пегов Н. М. 79
Первухин М. Г. 4, 8, 25, 68, 86, 87, 119-146, 249, 415, 455, 593, 594, 610
Первухина К. М. 120, 187
Пересыпкин И. Г. 4, 150-183, 230, 610
Петляков В. М. 38, 193
Петров А. Д. 137
Петров И. Ф. 310
Петров Ф. Ф. 38, 540, 547
Поборчий А. П. 439
Погосов А. Г. 436
Погребной Л. И. 141
Поликарпов Н. Н. 193
Поликовский В. И. 194
Пономарев Б. Н. 56
Пономаренко П. К. 385, 443
Попов В. Ф. 302, 313
Попов Г. М. 83, 415
Попов М. Ф. 35
Поскребышев А. Н. 133, 151, 158, 189, 229, 231, 254, 279, 282, 302, 313, 314, 316, 324, 344, 424, 459, 462-467, 479, 480, 484- 486, 488, 505, 506, 547, 570, 584, 602, 603
Поспелов П. Н. 184
Пронин В. П. 164, 204, 206, 480
Проскурин П. 488
Протасов А. М. 482
Прянишников И. Я. 76, 383
Пуганов 567-569
Пугачев С. А. 276
Пуркаев М. А. 481
Раскова М. М. 565
Ремезов Л. М. 435
Риббентропп И. 44, 50, 58, 472, 473, 577
Робеспьер М. 103
Родионов М. И. 190, 435
Рокоссовский К. К. 82, 264, 274, 342, 372, 455, 543
Рубаненко Б. 443
Руценко Р. А 609
Руднев К. Н. 549
Рузвельт Ф. Д. 40, 45, 48, 75, 327
Русанов 149, 280, 281-283
Рухимович М. Л. 555-557
Рыков А. И. 43, 104
Рябенко А. Я. 137
Рябиков В. М. 522-524, 539, 610
Сабинин М. 376
Сабуров М. 3. 70, 199, 451
Савинов 280, 282, 283
Савкин В. И. 508
Салтыков М. И. 146
Самсонов А. М. 187
Самсонов П. Д. 194
Самохвалов А. И. 574
Сахно А. С. 431
Севостьянов Г. Н. 5
Седин И. К. 24, 589, 590, 607
Седов Л. И. 194
Семенов В. 443
Семенов Н. Н. 137
Семиволос А. А. 35
Семичастнов И. Ф. 74
Сергеев А. Н. 517
Сергеев И. П. 248, 252, 253
Сергейчук К. Я. 160
Симонов С. Г. 153, 540, 547, 550

Синегубов Н. И. 118, 360
Скляров А. В. 322, 324, 346, 347
Смирнов А. И. 360
Смирнов Е. И. 231, 274
Смирнов П. В. 69
Смиртюков М. С. 507
Собчак А. А. 83
Советов В. П. 193
Соколов Г. К. 548
Соколов К. М. 435
Соколов Л. П. 193
Соколов Н. Г. 433
Сологубов В. Н. 360
Спехов П. К. 35
Спориус А. Э. 264
Сталин И. В. по всей книге
Станкевич С. 83
Старовойтова Г. 83
Стаханов А. Г. 83
Степин М. Н. 193
Стеттиниус Э. 75, 382
Стефановский П. М. 197
Стечкин Б. С. 194
Субботин К. П. 381
Суворов А В. 315
Судаев А. И. 547
Султанова А. 548
Сульцбергер Л. 33
Супрун С. П. 197
Суслов М. А 586
Сурков А А. 163
Сухаревский Б. М. 432, 447
Сухой П. О. 194
Сысоев П. А 549
Сычев Л. 37
Таиров В. Е. 193
Тарасевич Б. Н. 193
Тарле Е. В. 97
Таубин 533-535, 543, 546
Тебеньков Л. А., 548
Тевосян И. Ф. 21, 68, 132, 143, 254, 428, 455, 470, 554-560, 567, 569-571, 576, 577, 590, 610
Тер-Маркарьян А Н. 193
Терюхов Д. А. 321
Тимошенко С. К. 57, 59, 61, 143, 155, 219, 228, 236, 264, 291, 292, 294, 307, 308, 310, 314, 353, 455, 478, 479, '481, 485, 486, 509, 525
Типпельскирх К. 35, 42
Тихомиров В. А 193
Тихомиров С. Н. 137
Тихонов А Н. 615
Ткаченко Ф. М. 89
Токарев Ф. В. 540
Толбухин Ф. И. 353, 355, 357
Толстой Л. Н. 97
Торотько В. 37
Тонькин В. Н. 435
Тополянский Л. 398
Третьяков А. Т. 193
Троцкий Л. Д. 45, 104, 613
Троянов Л. 37
Трубецкой Н. И. 285, 297, 314, 315-317
Трумэн Г. 45, 588
Туманский С. К. 202
Туманов А Т. 194
Туманян Г. 62
Туровников Н. 326, 353
Туполев А. Н. 38, 194, 540
Турсункулов Х. 37
Тухачевский М. Н. 228
Тюленев И. В. 251

Урмин Е. В. 194
Устинов Д. Ф. 4, 8, 18, 68, 261, 268, 455, 517, 518, 520, 523-525, 535-538, 540, 541, 545, 550, 610
Уэллс Г. 394, 395
Федоренко Я. Н. 571, 573
Федотов В. 618
Федюнинский И. И. 251
Филиппов К. И. 118
Фойхтер Г. 41
Фомин В. И. 549
Фортушенко 153
Франкфурт 265
Фролов И. Ф. 193
Фурцева Е. А. 583
Форд Г. 532
Хазанов Б. А. 549
Халепский И. А. 153
Харькин 203
Хивренко И. 398
Хильгер Г. 57
Хломов М. Д. 468
Хмельницкий Р. П. 219, 220
Христианович С. А. 187, 265
Хрулев А. В. 4, 8, 30, 68, 74, 118, 182, 217-247, 270, 273, 274, 335, 340, 341, 342, 343-345, 451, 506, 507, 593 610
Хрущев Н. С. 46, 66, 67, 113, 128, 144, 250, 258, 305, 349, 350, 385, 415, 448, 456, 484, 510, 524, 602, 604, 610, 611-614
Хруничев М. В. 193, 203, 557, 558, 560, 610
Царегородцев В. Е. 360
Чадаев Я. Е. 4, 43, 45-51, 99, 161, 230, 300, 414, 453-509
Чалков А. Я. 35, 36
Чаплыгин С. А. 194
Чаромский А. Д. 194
Чарский Ф. К. 518, 520, 549
Чеботарев Ф. К. 549
Черненко К. У. 46, 49
Чекинов А. П. 514, 522, 548
Чекрыгина Е. 376
Черкасова А. 434
Черняховский И. Д. 348, 456
Черчилль У. 45, 94
Четвериков И. В. 194
Чкалов В. П. 566
Чубарь В. Я. 106
Чудан М. Н. 431
Чуев Ф. И. 84, 100, 107
Чуянов А. С. 434
Шавырмин Б. 547
Шагурин Б. И. 56
Шамшурин Н. 37
Шапошников Б. М. 59, 150; 174, 175, 322, 344, 455, 482-484, 567, 570
Шарунова Ф. В..35
Шахурин А. И. 4, 8, 16, 60, 68, 184-216, 540, 610
Шахурина С. М. 187
Шашков 3. А. 4, 8, 32, 243, 335
Шверник Н. М. 27, 69, 70, 138, 141, 204, 455, 543
Швецов А. Д. 194
Шевченко В. В. 194
Шильдкрат М. А. 431

Шипулин П. Ф. 435
Ширшов П. П. 32, 335
Шкатов П. П. 440
Шкирятов М. Ф. 55, 424
Шкуро А. Г. 275
Шорин Г. Ф. 193
Шпагин Г. С. 533, 540, 547
Шпитальный Б. Г. 262, 263, 533, 538, 539, 546, 547
Штеменко С. М. 543
Шубин В. Ф. 35
Шуленбург Ф. 44, 50, 57, 470
Шурыгин В. А. 111
Щаденко Е. А. 220, 228, 238
Щербаков А. С. 204, 206, 455, 480
Щусев А. 443
Эйзенхауэр Д. 45
Юденич Н. Н. 93
Юдин П. А. 451
Ягода Г. Г. 104, 105, 153, 278
Яковлев А. С. 38, 187, 189, 193, 211, 388
Яковлев Н. Д. 127, 230, 249, 274, 317, 320, 456, 536, 543
Яковлев Я. Г. 292, 286
Якунин Г. 83
Янкин И. П. 35
Ярузельский В. 44
Ярцев С. А. 153, 533, 535, 550
Яценков В. П. 194

Содержание

От автора.....3
Слово о военной экономике СССР 1941-1945 гг.
и ее командирах…….6
В. М. МОЛОТОВ……. 43
А. И. МИКОЯН.....55
Л. М. КАГАНОВИЧ.....82
М. Г. ПЕРВУХИН 119
И. Т. ПЕРЕСЫПКИН 147
А И; ШАХУРИН 184
А В. ХРУЛЕВ.....217
П. Н. ГОРЕМЫКИН 248
И. А. БЕНЕДИКТОВ.....364
Д. Г. ЖИМЕРИН 392
С 3. ГИНЗБУРГ 417
Я. Е. ЧАДАЕВ.....453
В. Н. НОВИКОВ.....511
В.С.ЕМЕЛЬЯНОВ 551
Н. К. БАЙБАКОВ.....,.....580
Заключение..... 617
Указатель

Научно-популярное издание Георгий

Александрович Куманев ГОВОРЯТ

СТАЛИНСКИЕ НАРКОМЫ

Ответственный редактор ***А. А. Жеребилов***
Технический редактор ***Е. В. Михалкина***
Корректор ***Г. Петрова***